

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022

№ 75

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джезефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Сайдов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Белянин Д.Н. Основные мероприятия Русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни в сибирской деревне в начале XX века (по материалам епархиальных ведомостей)	5
Бойко В.П. Социально-экономическая история города Ачинска и местное купечество	15
Вишневский С.О. Тифозная эпидемия в Новониколаевске летом 1918 – осенью 1919 г.	20
Клинова М.А. Правила найма, стоимость и специфика распределения социального жилья в послевоенные годы (на примере городов Свердловской области)	30
Козлов М.Н. К вопросу о причастности князя Владимира к масштабной катастрофе конца X в. в Херсонесе	39
Комлева Е.В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского государственного исторического архива	45
Ларьков Н.С. Властвующая элита Сибири в период «первой советской власти» (октябрь 1917 – август 1918 г.)	53
Плех О.А. Кадровое обеспечение городской полиции на Европейском Севере России в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.	63
Семенова Н.Л. Кадровая политика российского правительства во второй четверти XIX в. (на примере оренбургских гражданских губернаторов)	75
Тетуев А.И. Историческая память о 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии	83
Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Алкогольный вопрос в Сибири накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. и отношение к нему местных чиновников	89

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Гамерман Е.В. Угрозы военной безопасности в Северо-Восточной Азии на современном этапе	96
Лекаренко О.Г. «Год Европы» Г. Киссинджера и трансатлантические отношения (1973–1974 гг.)	106

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кудряшев В.Н. Между юдофобией и сионизмом: «еврейский вопрос» в трактовке либеральных народников в 1880–1890-е гг.	116
Непомнящий А.А. КрымОХРИС в документах отдела письменных источников Государственного исторического музея (1920–1927)	125
Шматов М.Ю. Модерность и модернизация: институты, практики и образы в Западной Сибири (1934–1939 гг.)	131

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Dmitry N. Belyanin. The main activities of the Russian Orthodox Church in the struggle for a sober lifestyle in a Siberian village at the beginning of the XX century (based on the materials of the church periodicals)	5
Vladimir P. Bojko. Socio-economic history of Achinsk and local merchantry	15
Stanislav O. Vishnevskii. The typhoid epidemic in Novonikolaevsk in summer 1918 – autumn 1919	20
Marina A. Klinova. Rules of hiring, cost and specifics of social housing distribution in post-war years (on the example of cities of Sverdlovsk region)	30
Mikhail N. Kozlov. On the question of Prince Vladimir's involvement into a large-scale catastrophe in the city of Chersonesos in the late X century	39
Evgeniya V. Komleva. Entrepreneurial and social activity of the Krasnoyarsk merchant Mikhail K. Sidorov in the reflection of the materials of the Russian state historical archive	45
Nikolay S. Larkov. Siberian power elite in the time of “the first soviet rule” (October 1917 – August 1918)	53
Olesya A. Plekh. City police staffing in the European North of Russia in the last quarter of XVIII – first half of XIX century	63
Nataliya L. Semenova. Personnel policy of the Russian government in the second quarter of the XIX century (on the example of the Orenburg civil governors)	75
Alim I. Tetuev. Historical memory of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division	83
Denis M. Shilovskiy, Mikhail V. Shilovskiy. Alcohol issue in Siberia on the eve and during the First World War (1914–1918) and its perception by the local officials	89

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Evgenii V. Gamerman. Threats of military security in North-East Asia at the present stage	96
Oksana G. Lekarenko. Henry Kissinger's «Year of Europe» and transatlantic relations (1973–1974)	106

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Viacheslav N. Kudriashev. Between judophobia and zionism: “the Jewish question” in the treatment of liberal people in 1880s–1890s	116
Andrey A. Nepomnyashchy. KrymOHRIS in the documents of the department of written sources of the State historical museum (1920–1927)	125
Mikhail Yu. Shmatov. Modernity and modernization: institutions, practices and images in Western Siberia (1934–1939)	131

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Бадмаев А.А. Конфликты и механизмы их регулирования в бурятском обществе XVIII–XIX веков	141
Мокеев А.М., Жапаров А.З. Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа	148
Пермиловская А.Б. Крест в традиционной культуре и ландшафте Русского Севера	157

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Аношко О.М., Берлина С.В., Цембалюк С.И. К проблеме зауральской урбанизации: генезис, развитие и функции городских структур	172
Марочкин А.Г., Сизев А.С., Ермолаев А.Н., Плац И.А. Топография и планиграфия Каштакского острога: опыт комплексного историко-археологического исследования	182
Рыбаков Д.Ю. Культурно-хронологическая позиция поселения Шеломок III по материалам раскопок 2017 г.	190

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Литвинов А.В., Зиновьев В.П. Профессор Пётр Фёдорович Никулин	198
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	202
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF ETHNOLOGY, ANTROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Andrey A. Badmaev. Conflicts and mechanisms of their regulation in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries	141
Anvarbek M. Mokeev, Amantur Z. Zhaparov. The evolution of the funeral rites of the Kyrgyz people	148
Anna B. Permilovskaya. Cross in the traditional culture and landscape of the Russian North	157

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Oksana M. Anoshko, Svetlana V. Berlina, Svetlana I. Tsembalyuk. To the problem of urbanization of trans-urals: genesis, development and function of urban structures	172
Alexey G. Marochkin, Alexander S. Sizyov, Alexey N. Ermolaev, Ivan A. Plats. Topography and planigraphy of the Kashtak fortress: experience of complex historical and archaeological research	182
Dmitriy Yu. Rybacov. Cultural and chronological position of the settlement of Shelomok III based on the materials of the 2017 excavations	190

SCIENTIFIC LIFE

Aleksandr V. Litvinov, Vasilii P. Zinovyev. Professor Petr Fedorovich Nikulin	198
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	202
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571.1)“1900–1914”
DOI: 10.17223/19988613/75/1

Д.Н. Белянин

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ ЗА ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ)

Рассматривается деятельность Русской православной церкви по борьбе с пьянством среди крестьянства Сибири в начале XX в. Основу источниковой базы исследования составили материалы епархиальных ведомостей. После обоснования актуальности борьбы с пьянством в Сибири проанализирован комплекс мероприятий православной церкви в борьбе за трезвость. На конкретном материале выявлены основные меры, при помощи которых духовенство Сибири пыталось бороться против народного пьянства. Несмотря на активную деятельность духовенства в борьбе за трезвость, население Сибири вплоть до начала Первой мировой войны потребляло алкоголя больше, чем в целом по стране. Однако идеи трезвости, хотя и медленно, но проникали в народную среду.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Сибирь, сибирское крестьянство, борьба за трезвость

На рубеже XX–XXI вв. многие сибирские историки стали изучать различные аспекты деятельности Русской православной церкви (РПЦ), ввели в научный оборот большой пласт источников, однако история РПЦ далека от своего полного изучения. Ряд вопросов остается малоисследованным. В нашей работе рассматривается один из таких малоизученных вопросов: деятельность РПЦ по борьбе с народным пьянством в епархиях Азиатской России в начале XX в.

Наша страна имеет немалый исторический опыт борьбы за трезвый образ жизни. В дореволюционной России в авангарде борьбы с пьянством выступала РПЦ, являвшаяся носителем духовных ценностей. В данной работе мы проанализируем основные мероприятия РПЦ по борьбе с народным пьянством в сибирской деревне. Выбранная тема в последние десятилетия привлекла внимание ряда историков: А.Л. Афанасьева, А.Г. Быковой, В.П. Зиновьева и др. А.Г. Быкова изучала «калгольный» вопрос в масштабах всей страны [1]. В работе В.П. Зиновьева, Д.А. Фалилеева и С.Г. Суляка проблема потребления алкоголя рассматривается более детально – авторы исследовали не только динамику потребления спиртных напитков в империи в целом, но и отдельно в сибирском регионе. Широкое использование статистики позволило им сделать обоснованный вывод, что потребление алкоголя в сибирских городах было значительно выше, чем в деревнях [2].

Отдельно следует выделить несколько работ сибирского историка А.Л. Афанасьева, который исследовал трезвенное движение на Среднем Урале [3], в Западной [4] и Восточной Сибири [5], а также на Дальнем Востоке [6]. В своих трудах А.Л. Афанасьев основное внимание уделяет деятельности обществ трезвости, которые выполняли важную роль культурных «маяков», помогавших людям найти путь к трезвой, здоровой жизни [5. С. 95]. Можно заключить, что деятельность

обществ трезвости за Уралом в начале XX в. в трудах А.Л. Афанасьева исследована достаточно полно. Однако следует заметить, что общества трезвости были важным, но далеко не единственным направлением деятельности РПЦ в борьбе за народную трезвость. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о деятельности Русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни среди крестьян Сибири исследован не полностью.

На первый взгляд, проблема пьянства в России в начале XX в. не стояла так остро, как в других странах: по данным современных историков, потребление спиртных напитков в Российской империи было заметно ниже, чем во Франции, Германии, Великобритании, Австро-Венгрии, Италии [2. С. 1065].

Однако небольшое относительно других стран потребление алкоголя на душу населения в год не свидетельствует, что в вопросе потребления спиртных напитков в России сложилась благоприятная картина. Динамика потребления населением спиртных напитков в конце XIX – начале XX в. шла по нарастающей. По данным современных историков В.П. Зиновьева, Д.А. Фалилеева и С.Г. Суляка, годовое потребление вина в России в 1893–1913 гг. выросло с 0,49 ведра на человека до 0,66. В среднем 2/3 ведра алкоголя в 40° – это 8 л водки в год на человека [Там же]. При этом увеличивались и средние затраты населения на алкогольные напитки. В 1904–1905 гг. в Российской империи душевой расход в год на вино составлял 416 коп., в 1905–1906 гг. – 453, а в 1906–1907 гг. – 478 коп. [7. С. 144].

Заметим, что государственная статистика дает несколько преуменьшенные показатели, так как в нее включались лишь официальные данные по потреблению спирта. Алкоголь, производившийся самим населением, от официальной статистики ускользал. Современный историк Б.Н. Миронов отмечает, что у крестьян был обычай устраивать «братчины» (совместные тра-

пезы по случаю местных религиозных или общехристианских праздников), на которых крестьяне сами варили пиво, которое потом и выпивали [8. С. 186]. В.П. Зиновьев, Д.А. Фалилеев и С.Г. Суляк также отмечают, что казенная монополия на продажу вина нарушалась повсеместно нелегальным производством домашних напитков от браги до самосидки; математически это измерить невозможно [2. С. 1069].

Мы также не располагаем данными о масштабах такого «самовольного» производства алкоголя населением России. Однако очевидно, что официальная статистика потребления спиртных напитков в России должна быть подкорректирована в сторону увеличения.

Сибирский историк А.Л. Афанасьев, изучающий историю трезвенного движения за Уралом, отметил, что трезвенное движение в конце XIX – начале XX в. явилось ответом общества на разрушительные последствия растущего производства и продажи алкоголя [9. С. 158]. С этим мнением трудно не согласиться; движение борьбы за трезвость стало своего рода компенсаторной реакцией. Статистика свидетельствует, что потребление алкоголя за Уралом было выше, чем в среднем по стране. В начале XX в. из пяти самых «пьющих» губерний страны (Иркутская, Черноморская, Екатеринославская, Енисейская и Томская) три были сибирскими [10. С. 3]. При этом масштабы потребления спиртного в начале XX в. в Сибири росли. В 1902 г. в Тобольской губернии население выпило алкоголя на 3 млн руб., в 1903 г. – на 7 млн, в 1904 г. – на 8 млн, а в 1906 г. – на 10 млн руб. [11. С. 189]. Фактически за пятилетие 1902–1906 гг. суммы, затраченные на потребление алкоголя, более чем утроились. Росли не только общие показатели потребления алкоголя, но и средние размеры потребления: в Томской губернии (данные только по уездам) в 1904 г. на 1 душу было выпито 0,50 ведра водки, в 1905 г. – 0,58, в 1906 г. – 0,69, а в 1907 г. – 0,77 ведра водки [10. С. 3].

Официальная периодическая печать Сибири тоже не скрывала проблему пьянства. Так, в «Томских губернских ведомостях» публиковались статьи с характерными заголовками «Пьяный бюджет», «Алкоголизм в среде духовенства», «Алкоголизм в средней школе» и др. [12. С. 564].

Российское государство не могло закрывать глаза на рост потребления спиртных напитков в народе. Однако государственные мероприятия в деле борьбы за народную трезвость в начале XX в. были малоэффективными. Так, созданные государством попечительства о народной трезвости имели показной характер, являлись учреждениями бюрократическими, а ассигнуемые правительством деньги тратились с очень малым эффектом [13. С. 92–93]. По данным на 1913 г., попечительства получили из казны свыше 30 млн руб., но существенной пользы делу отрезвления не принесли [14. С. 186–187]. Многие меры этих попечительств были совершенно неэффективными. Так, уездные комитеты попечительств о народной трезвости усиленно заботились об открытии дешевых чайных, придавая им важное значение в борьбе с народным пьянством. Однако «чай – чаем, а водка – сама собой: одно другому не мешает», – едко заметил анонимный автор

«Омских епархиальных ведомостей» [15. С. 28]. Кроме того, в Сибири такие попечительства свою деятельность вели в городах, а в селах и деревнях их работа была недостаточной [16. С. 3].

Православная церковь как структура, занимавшаяся пропагандой нравственных ценностей в обществе, не могла остаться в стороне от борьбы за трезвый образ жизни. Еще во второй половине XIX в. РПЦ принимала меры по борьбе за трезвость в народе [17. С. 3–4]. В начале XX в. отдельные сибирские священнослужители, равнодушные к борьбе за трезвый образ жизни, предлагали разные способы борьбы с пьянством. Так, священник И. Трухлянов предлагал широкий спектр мер – от организации народных повсеместных чтений на антиалкогольную тему и повышения акциза на вино до ужесточения наказаний за тайную продажу алкоголя или даже за появление в пьяном виде на улице, в храме и в общественных собраниях [18. С. 575–576].

Какую цель преследовало духовенство в борьбе за народную трезвость? Анализ публикаций в епархиальных ведомостях показывает, что среди священнослужителей в начале XX в. обозначилось две точки зрения по этому вопросу: радикальная и умеренная. Сторонники радикального подхода высказывались за полный запрет всякого употребления, производства и торговли алкоголем: не будет алкоголя, не будет алкоголизма [19. С. 1089]. «Пастырь церкви должен проникнуться убеждением, что трезвость – не то же, что умеренность, как иногда злоупотребляют понятием трезвости». В деле борьбы с народным пьянством «не должно быть никаких компромиссов, уступок или сделок со своей совестью, чистая «трезвость» не есть умеренное употребление охмеляющих напитков», а «полное, безусловное воздержание от всяких спиртных напитков», – писал один из священнослужителей Енисейской епархии [20. С. 8–9].

Другие священники смотрели на этот вопрос более реалистично, понимая, что перейти к абсолютной трезвости в народе трудно, а реально лишь умерить потребление спиртного [21. С. 138]. Было понимание и того, что прямой запрет на продажу алкоголя или полное закрытие винных лавок в селах, скорее, могло дать обратный эффект. Когда Куяганское общество представило приговор о прекращении торговли местной винной лавкой во все воскресные и праздничные дни и на страстной неделе, то это прошение было отклонено из справедливого опасения, что запрет послужит лишь развитию тайной продажи вина и еще большему увеличению пьянства [16. С. 3].

Официальный курс на борьбу за трезвость был задан Святейшим Синодом в 1909 г., когда были изданы руководящие указания для духовенства. Духовенству рекомендовалось:

- а) учреждать в приходах общества трезвости;
- б) обязательно включить в число целей церковно-приходских попечительств церковных братств и приходских советов борьбу с пьянством в народной среде;
- в) обязать всех священников епархий неустанно проводить живые проповеди о вреде пьянства как в церкви, так и вне храма, распространять антиалкогольные книги и брошюры;

г) устраивать в школах чтения с помощью «волшебного фонаря» (кино) для наглядной демонстрации вреда алкоголя на организм человека;

д) воздействовать на прихожан личным примером трезвости [22. С. 202, 206–207]. Считалось, что пастырь-трезвенник уже одним своим появлением без слов и проповеди будет служить укором для людей, склонных к пьянству [23. С. 19].

Заметим, что личный пример трезвого образа жизни со стороны священника мог стать одним из самых эффективных инструментов воздействия на прихожан. Духовенство являлось участником всех общественных и частных праздников, сопровождавшихся выпивкой. Рождение, крестины, именины, женитьба, новоселье, поминки – непременно выпивка, и везде обязательно священник в центре. Священнику приходилось принимать участие в праздниках с выпивкой, но эта же ситуация была и удобна для проведения в жизнь идеи трезвости. Священник П. Комаров советовал своим коллегам: на празднике вместо того, чтобы взяться за стакан или рюмку, священнослужитель должен сказать: «Нет, не пью – вредно, да и боюсь, как бы не попасть под власть этой самой рюмки». Без проповеди, без нотаций, без обличений. Какое бы сильное впечатление могли произвести эти слова [24. С. 538]! Также для предупреждения разгула в воскресные и праздничные дни Синодом рекомендовалось епархиальному руководству через местную администрацию добиваться ограничения питейной торговли [25. С. 46].

Для лучшей подготовки будущих священников к борьбе за народную трезвость в семинариях предполагалось: а) образовать при библиотеках особый отдел по борьбе с алкоголизмом с литературой по соответствующей тематике; б) врачи семинарий при преподавании гигиены и начал медицины должны были подробно рассказывать ученикам все губительные последствия для организма от неумеренного употребления алкоголя; в) приобрести наглядные пособия в виде картин с изображением различных органов, поврежденных алкоголем; г) преподаватели пастырского руководства должны были знакомить учеников со способами пастырской деятельности по распространению в народе трезвости [17. С. 7].

Распоряжение Синода 1909 г. было разослано в сибирские епархии как циркуляр [26. Л. 112], в соответствии с которым духовенство приступило к борьбе за народную трезвость. В рамках борьбы за трезвость в Сибири следует отметить несколько конкретных мероприятий РПЦ.

1. *Публикация на страницах епархиальных ведомостей статей, нацеленных на борьбу с потреблением спиртных напитков.* Со страниц епархиальных ведомостей раздавались призывы к борьбе с пьянством на законодательном уровне, о необходимости подключения к борьбе с этим недугом всех слоев общества [27. С. 10–13].

Печатались статьи о влиянии алкоголя на организм человека, о вредном воздействии на внутренние органы [28. С. 48–49]. Нередко материалом для таких статей являлись данные медицинских исследований. Например, в заметке «Вред алкоголя для детей» были

использованы результаты экспериментов и личных наблюдений профессоров медицины из Германии. Эти исследования показывали конкретный вред алкоголя для здоровья и психики ребенка [29. С. 25–27]. Также на страницах епархиальных ведомостей разрушались многие бытовавшие в народе мифы об алкоголе, например об отсутствии вреда для организма человека при употреблении алкоголя умеренных дозах [30. С. 35–40], о способностях алкоголя согреть, придать силы и поднять выносливость [31. С. 37].

Публиковались статьи о вырождении населения в связи с употреблением алкоголя [32. С. 35], а также данные исследований, доказывавшие прямую связь алкоголизма у родителей с психическими отклонениями у их потомства [18. С. 570].

Епархиальные ведомости писали об опасности привыкания к алкоголю [33. С. 109–113], о влиянии алкоголизма на рост преступности и появление нищеты [34. С. 428], о болезнях и смертности от употребления алкоголя. Например, было отмечено, что в России в 1870–1887 гг. было зафиксировано 84 217 случаев со смертельным исходом от чрезмерного употребления алкоголя. Причем, хотя Россия и отставала по среднему душевому потреблению алкоголя, например, от Франции, смертность от непомерного употребления спиртных напитков в России была выше: 55,2 человека в год на 1 млн населения в России против 11,5 человек в той же Франции [35. С. 17, 19–22]. В рамках борьбы за трезвый образ жизни епархиальные ведомости публиковали новости о трезвеннической литературе в помощь пастырям [36. С. 15–17] и кинолентах на антиалкогольную тематику [37. С. 652–655]. Печатались и статьи о положительном опыте борьбы с пьянством в других странах [38. С. 266–270]. Анализ публикаций епархиальных ведомостей начала XX в. позволяет говорить, что эти печатные издания стали настоящей трибуной для борьбы духовенства с народным пьянством в Сибири.

2. *Нравственное воздействие на приход через проповеди, пастырские визитации и частные беседы с прихожанами.* Нередко звучала «антиалкогольная» тема и в обычных беседах представителей РПЦ с прихожанами. Например, во время первой поездки по Томской епархии в 1909 г. епископ Мелетий в каждом селении, через которое проезжал, призывал народ к отрезвлению, а для большего воздействия на народ призывы эти сопровождалось пением кант: «Что ты пьешь, мужичок» и «Пора тебе уж пробудиться» [39. С. 830–831]. Беседы с крестьянами о вреде пьянства Мелетием были проведены затем в дер. Тропининской, селах Крутологовском, Сектинском и Иткуле [40. С. 471–472]. Такие же беседы были с крестьянами сел Миргородского и Друцкого, а в с. Шипицынском крестьянам было прочитано поучение на тему «До чего доводит пьянство» [41. С. 507, 512]. Были случаи, когда разовой беседой или лекцией дело не ограничивалось. Так, в с. Карачинском епископ 14 сентября 1909 г. провел беседу с крестьянами о вреде пьянства и тайной продажи вина, на следующий день народу было прочитано поучение «До чего доводит пьянство», после литургии читалась статья против пьянства «Злая сила»,

после чего была проведена еще одна беседа о пагубности разгула молодежи во время праздников, пьянства при подрадах, общественных работах и т.п. [42. С. 536–537].

В с. Крохалевском архиепископ Томский и Алтайский Макарий во время обозрения епархии в 1909 г. также беседовал с крестьянами о губительности пьянства, и для усиления эффекта певчие пели канту «Что ты пьешь, мужичок». Это произведение, изображавшее горе разорения хозяйства вследствие пристрастия к вину, вызывало слезы не только у женщин, но и у мужчин. В с. Криводановском архиепископ также провел беседу с крестьянами о вреде пьянства с исполнением упомянутой канты. Речь архиепископа Макария с последовавшим пением произвела на слушателей сильное впечатление, вызвав у многих слезы. Такая же программа была и в некоторых других селениях [43. С. 716–722].

Аналогичные беседы о вреде алкоголя вел с крестьянами владыка Макарий во время обозрения церквей Бийского и Змеиногорского уездов в 1910 г. В селениях, где народ особенно был подвержен пороку пьянства, как, к примеру, в с. Кабановском, владыка Макарий проводил специальные беседы о вреде пьянства, пытаясь разъяснить крестьянам, куда идут пропитые деньги [44. С. 758]. Были беседы с народом о пороке пьянства и в других селениях. В этих беседах упор делался на разъяснение губительных последствий пьянства для крестьян: раздор в семье, упадок благосостояния, разорение хозяйства, распад семьи и т.п. [45. С. 716–717]. Проповедовал трезвый образ жизни в беседе со школьниками с. Михайловского и епископ Омский и Павлодарский Андроник во время поездки по Петропавловскому и Кокчетавскому уездам в 1913 г. [46. С. 21–22].

Подобные беседы проводились и до распоряжений Синода. Так, архиепископ Макарий в 1907 г. беседовал на антиалкогольную тему с жителями сел Киселевского [47. С. 19], Зюзинского и Таскаевского [48. С. 20–21].

Не оставались в стороне от борьбы с народным пьянством и епархиальные братства. Так, в числе чтений, проведенных Енисейским епархиальным братством в 1909–1910 гг., была и беседа против пьянства [49. С. 10].

Внебогослужебные чтения на антиалкогольную тематику тоже часто использовались как инструмент пропаганды трезвого образа жизни. Например, в Чашинском Троицком храме в 1910 г. такие чтения организовывались после утрени каждого воскресного и праздничного дня, а всего за год священником было организовано 240 внебогослужебных чтений, из которых часть – о вреде алкоголя. Для борьбы за трезвость настоятель прихода раздавал народу брошюры из Тобольского епархиального братства, книжки «Трезвая жизнь», «Пора опомниться», «Азбука трезвости» [50. С. 6–7]. Священник И. Алексинский в своем приходе по воскресным и праздничным дням стал проводить внебогослужебные собеседования, основной темой которых была борьба с пьянством. С целью уменьшить пьянство он завел кружок, члены которого давали обещание водки больше не пить. Сначала приходило человек 10–15, а потом и до 30 [51. С. 40].

Священнослужители старались читать лекции о вреде алкоголя при всяком удобном случае. Так, во время миссионерской поездки в Кузнецкий уезд в 1911 г. священник А. Кавлейский и псаломщик М. Лавров остановились в дер. Яшкиной, где местный крестьянин Иван Трубин попросил дать наставление его отцу, часто предававшемуся пороку пьянства. В результате в здании местной школы была организована трехчасовая беседа о губительности пьянства, на которой присутствовал и отец Ивана Трубина [52. С. 268].

3. *Организация обществ трезвости.* Такие общества за Уралом возникали и до указа Св. Синода. Так, одно из первых обществ трезвости под эгидой РПЦ возникло еще в 1894 г. в с. Иглаково Томского округа [9. С. 158]. В 1908 г., т.е. за год до упомянутого указа Св. Синода, на страницах «Томских епархиальных ведомостей» прозвучал призыв священникам создавать общества трезвости, там же был опубликован и примерный устав такого общества [32. С. 37, 39–41]. Вступавшие в общество трезвости люди давали обещание воздерживаться от употребления спиртных напитков. Был выработан особый обряд для дававших обет трезвости: после молебного пения они заносились в особую книгу трезвенников, получали от священника книжки о трезвости, а также особую «обетную грамоту» и т.п. [53. С. 32–46].

Общества трезвости создавались в основном по инициативе РПЦ. По данным Г.В. Гусева, в Сибири 96,4% обществ трезвости были церковными [54. С. 18]. Основным направлением деятельности таких обществ должна была стать пропаганда трезвого образа жизни. Благовещенское общество трезвости для подобной пропаганды организовало несколько столовых, проводило чтения или беседы в городском ночлежном доме, «куда всего больше являлись нетрезвенники», а также в Соборной церковно-приходской школе систематически проводило чтения-беседы с демонстрацией фильмов на антиалкогольную тематику: «Жизнь Касьяна», «Стоны земли русской», «Берегись водки», «Водка сильна, но сильнее воля своя» [55. С. 1–7].

Некоторые из таких обществ смогли развернуть деятельность достаточно широко. Например, в Ларихинском обществе (Ишимский уезд) состояли 631 взрослых и 127 детей. При этом же обществе было организовано школьное общество трезвости, проводились народные чтения, беседы. Осиновское общество в Южно-Уссурийском крае, помимо организации народных чтений, имело свою библиотеку, читальню и школьную трезвенную группу. Активной деятельностью выделялось Доронинское общество (Забайкальская обл.), издававшее листки, брошюры и бесплатно раздававшее трезвенную литературу. Обществом также было организовано шесть библиотек в селах прихода [56. С. 1178–1179]. Соколовское общество трезвости как в пределах своего прихода, так и за его пределами распространяло трезвенническую литературу на сотни рублей [26. Л. 32].

В общества трезвости записывались не только «убежденные» трезвенники и ранее не употреблявшие алкоголь. Можно встретить примеры, когда записывались люди, считавшиеся безнадежными пьяницами. Например, в состав общества трезвости в пос. Михай-

ловском Петропавловского уезда записалось до 30 человек, треть из которых относились как раз к числу таких безнадежных [57. С. 27].

4. *Пропаганда трезвого образа жизни среди подрастающего поколения через школу.* Актуальность воспитания у детей отрицательного отношения к алкоголю определялась не только необходимостью прививать подрастающему поколению нравственные ценности, но и чисто практическими причинами: в начале XX в. употребление спиртных напитков среди детей и школьников уже не было редкостью. Уездный наблюдатель Никольского уезда констатировал: «В каждой школе учащиеся на мой вопрос, пили ли водку, курили ли табак и пр., отвечали в утвердительном смысле...», а некоторые ученики сознались, что «выпивали по три и по четыре рюмки на семейных праздниках по настоянию старших». Совершая подобного рода поступки, дети нередко не осознавали, что поступали плохо, тем более что к этому их поощряли иногда и сами родители. Известен был, например, повсеместный обычай переселенцев-малороссов на семейных праздниках угощать водкой всех поголовно, не различая возраста. Поэтому борьба за трезвый образ жизни среди школьников для деятелей РПЦ фактически стала ответом на уже имевшую место социальную проблему. Факты свидетельствуют, что пропаганда трезвого образа жизни среди школьников началась еще до указа Св. Синода 1909 г. Например, епископ Владивостокский и Камчатский еще в 1903 г. предложил священникам, работавшим заведующими и законоучителями начальных школ Владивостокской епархии, как можно чаще в школах вести с детьми религиозно-нравственные беседы против дурных привычек, в том числе и пьянства [58. С. 43–44].

В 1910 г. Святейший Синод издал указ о введении в церковно-приходских школах специальных «уроков трезвости» [54. С. 20]. Министерство народного просвещения разрабатывало проект введения в число обязательных предметов в средних учебных заведениях особого курса о вреде алкоголизма и мерах борьбы с ним [59. С. 37]. Необходимая учебная литература для этого уже была подготовлена. Еще в 1898 г. появилось первое учебное пособие по основам трезвости для школ, а в 1900–1910-е гг. было издано еще несколько таких пособий, некоторые из них были написаны священниками [54. С. 21].

3–8 мая 1910 г. в Св. Синоде проходили заседания чрезвычайного собрания Училищного совета при Синоде. В рамках обсуждения вопроса о борьбе с алкоголизмом было рекомендовано в учительских школах в преподаваемых курсах гигиены усилить отдел о вреде спиртных напитков, а в курсы педагогики включить отдел о мерах школьной борьбы с алкоголизмом [60. С. 38–39]. Учителям и заведующим церковными школами было рекомендовано при всяком удобном случае настойчиво бороться с заблуждением о полезности алкоголя, внушать учащимся знания о нравственном и физическом вреде алкоголя [61. С. 172].

В рамках внеклассной работы в церковно-приходских школах создавались детские организации, ставившие цели нравственного воспитания подрастающего

поколения. Например, в 1912 г. был открыт союз для учеников Могилевской церковно-приходской школы. Записавшиеся в этот союз учащиеся дали добровольное согласие три года и более не пить водки, не сквернословить, не курить табак и пр. В день открытия союза в присутствии родителей учащихся была организована пастырская беседа, в которой антиалкогольная тема заняла видное место: был прочитан материал из таких религиозно-нравственных листков, как «О пагубной страсти винопития», «Против пьянства – извлечение из сочинений св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого», из проповеднического сборника о. И. Кронштадтского «Пора опомниться». Беседа прерывалась показом картин, рисовавших образ жизни людей, преданных пьянству. Такого же образца союзы были открыты и в церковно-приходских школах деревень Больше-Иткульской и Асямолковой [62. С. 15–16].

Школа вообще давала широкий спектр возможностей по внушению учащимся знаний о вреде алкоголя. Во-первых, на уроках закона Божия пастырь-законоучитель в контексте изучения добродетелей и пороков мог преподавать детям материал о губительности пьянства, иллюстрируя свои беседы нравственно-бытовыми рассказами о трезвом и нетрезвом человеке [63. С. 18].

Во-вторых, преподавание науки трезвости можно было вести за счет вкрапления ее элементов в разные предметы школьного курса. Например, на уроке арифметики ученикам задавалась задача: вычислить, за какое время деревня могла бы оплатить стоимость двух пожарных машин, если бы ежегодно в день съезжего праздника жители деревни откладывали на это дело деньги, расходуемые ими на вино [64. С. 1215, 1217].

В-третьих, идеи трезвости можно было прививать учащимся и через внеклассные формы занятий, например путем открытия школьных обществ трезвости. Причем случаи открытия таких школьных обществ трезвости были зафиксированы за несколько лет до указа Св. Синода. Во Владивостокской епархии при трех школах Осиновского прихода были созданы школьные общества трезвости, и деятельность этих обществ быстро дала хорошие результаты – пьянство среди учеников уменьшилось. Учащиеся не только давали добровольный обет в течение учебного периода и во время каникул не пить спиртных напитков, но и каждый ученик-трезвенник обязывался следить за исполнением обета другими учениками [65. С. 559].

На состоявшемся в июне 1911 г. в Томске съезде законоучителей начальных училищ Сибирской железной дороги при обсуждении вопроса о борьбе со школьным алкоголизмом было признано желательным открывать такие общества трезвости. Благочинный железнодорожных церквей, находящихся в пределах Томской епархии, сообщил, что с наступлением нового учебного года такие общества будут открыты при всех железнодорожных школах Томской епархии [66. С. 1070]. Для борьбы за трезвость был создан Всероссийский трудовой Союз христиан-трезвенников, который получил право открывать при учебных заведениях кружки христианской трезвой молодежи (правила для них были утверждены 29 декабря 1911 г.). Священникам, преподающим закон Божий в низших и средних

школах, было предложено учреждать такие кружки среди вверенных их пастырскому попечению воспитанников [67. С. 303–304].

Церковно-приходская школа давала пастырю возможность влиять и на взрослое население путем устройства в школе народных чтений. Чтения в школе, живые и занимательные, с использованием «туманных картин» (кино), граммофона, хорового пения учеников, были способны привлечь народ к разумному времяпровождению, отвлечь его от пьянства [63. С. 18].

Можно встретить примеры грамотной работы священников по проведению в жизнь идей трезвости через церковно-приходские школы. Так, в дер. Локти Томской епархии народ предавался пороку пьянства, и местный священник о. Н. Петров, борясь с этим недугом, организовал чтения в школе с наглядными пособиями: на стене висела картина, изображавшая болезни внутренних органов, причиняемые пьянством, а рядом располагался плакат: «Не пей вино – яд, прочитай – поверишь». Стены школы были украшены и другими картинами против пьянства [52. С. 271].

Перечисленными мерами борьба РПЦ против пьянства в Сибири не ограничивалась. Борьба за трезвый образ жизни внутри приходов нередко велась инициативами приходских священников. Были неравнодушные священнослужители, рьяно бравшиеся за дело борьбы за народную трезвость. Так, в Забайкальской епархии выделялся своей активной работой И. Серышев. На страницах «Забайкальских епархиальных ведомостей» он неоднократно обличал порок пьянства [68. С. 527–532], публиковал статьи с призывами к борьбе против употребления алкоголя [69. С. 493–495], составил и опубликовал проект устава епархиального общества трезвости [70. С. 275–279].

Другой священник из Забайкальской области требовал от прихожан, чтобы на брачное венчание в храм являлись все трезвыми, а в противном случае оставлял браки до следующего дня. По его словам, эта мера действовала очень хорошо [56. С. 1151].

Священник И. Алексинский вел борьбу за трезвый образ жизни среди прихожан в контексте борьбы с сектантами, которые часто справедливо упрекали православных в пристрастии к винопитию. В то время как сектанты совершенно не пили водки, у православных пили мужчины, женщины и даже дети. Сектанты про своего единоверца, замеченного в каком-либо пороке, даже говорили: «Ты словно православный!» И. Алексинский начал с того, что при каждом удобном случае говорил поучения, по воскресным и праздничным дням завел внебогослужебные собеседования. Особенное внимание – теме пьянства. Затем организовал кружок, в который сначала входили человек 10, а потом это количество выросло до 30 [51. С. 40].

Приходской священник В. Денисов повел борьбу за трезвость среди крестьянства через сокращение «съезжих праздников». В с. Безруковском жили «большие охотники до выпивки», однако еще в 1900 г. по приговору отменили «съезжий гулящий праздник» 22 февраля в день св. Петра Столпника. Через год этот праздник опять прошел «трезвенно-благопристойно», без гулянки и прочих безобразий [21. С. 138–139].

В с. Каргалинском, где процветала тайная продажа вина, царило беспробудное пьянство крестьян и на этой почве бывали даже убийства, священник повел беспощадную войну с употреблением спиртных напитков. В первый же праздник он произнес проповедь против пьянства, которая произвела на слушателей очень сильное впечатление. При каждом удобном случае он внушал прихожанам мысль о вреде пьянства и его последствиях. Проповеди имели громадный успех: прихожане составили приговор о недопущении в селе тайной продажи вина. Пришла Пасха, и крестьяне встретили и проводили ее так чинно, как давно не бывало: не было в селе ни пьянства, ни разгула [40. С. 477–478].

В отдельных епархиях были попытки организовать системную борьбу за трезвый образ жизни. Так, в 1909 г. на съезде духовенства в Енисейской епархии после доклада о. П. Черкасова «Алкоголизм и борьба с ним» были выработаны меры по борьбе с алкоголизмом [71. С. 27].

30 июня 1908 г. глава Томской епархии в своем разъяснении причтам о необходимости увеличения приходских попечительств предложил обратить особое внимание на борьбу с народным пьянством. В этом же разъяснении владыка рекомендовал увеличить число членов таких попечительств до 12 и более человек, привлечь к участию в деятельности попечительств женщин. Эта рекомендация была принята приходами к сведению. Уже 20 июля 1908 г. Кривошапкинское приходское собрание ходатайствовало об открытии приходского совета из 12 членов с целью «оказать влияние на улучшение народной нравственности» [72. Л. 50 об.].

В рамках борьбы за трезвость в епархиях Азиатской России устраивались особые мероприятия – «праздники трезвости». Такой праздник, к примеру, состоялся 29 августа 1914 г. в Омске и Атаманском хуторе: по окончании литургии совершались крестные ходы с раздачей трезвеннической литературы [73. С. 3]. Такие же праздники устраивались и в сибирской глубинке. Например, в с. Доронино местное общество трезвости в школе устроило специальный праздник трезвенников [74. С. 476].

Конечно, было бы неправильным утверждать, что деятельность РПЦ привела к полному искоренению употребления спиртных напитков за Уралом. По данным В.П. Зиновьева, Д.А. Фалилеева и С.Г. Суляка, потребление алкоголя в селах и деревнях за Уралом в 1904–1913 гг. в одних регионах снизилось, в других, напротив, выросло. В Акмолинской области с 1904 по 1913 г. душевое потребление вина выросло с 0,18 ведра на человека в год до 0,35, в Тобольской губернии – с 0,50 до 0,53, в Томской – с 0,50 до 0,63, в Забайкальской – с 0,35 до 0,43 ведра на человека в год. Существенное снижение потребления алкоголя прослеживается по Енисейской и Иркутской губерниям – в первой душевое потребление вина с 1904 по 1913 г. снизилось с 0,76 до 0,67 ведра в год, во второй – с 1,42 до 0,84 [2. С. 1067–1069]. Подчеркнем еще раз: это официальные данные, не учитывавшие самовольно произведенного крестьянами алкоголя. Реальные цифры потребления спиртных напитков были выше.

Статистика свидетельствует, что в губерниях Сибири накануне Первой мировой войны потребление алкоголя было выше, чем в целом по стране. Так, в 1911–1912 гг. в России в среднем потребление спирта на человека составляло 0,58 ведра, а в Томской губернии – 0,72, в Иркутской – 0,99; в 1912–1913 гг. в России каждый человек в среднем потреблял 0,63 ведра спирта, а в Томской губернии – 0,71, в Иркутской – 1,00. Но было бы неверно и совсем отрицать успешность борьбы РПЦ за трезвый образ жизни в Сибири. В ряде регионов за Уралом в 1909–1914 гг. наметилась тенденция сокращения душевого потребления алкоголя. Например, если в Енисейской губернии в 1910–1911 гг. потребление 40°-ного спирта в среднем составляло 0,76 ведра на 1 человека, то в 1911–1912 гг. этот показатель снизился до 0,66 ведра, а в 1913–1914 гг. еще понизился до 0,63 ведра. В Иркутской губернии в 1909–1910 гг. 40°-ного спирта потреблялось на человека в среднем 1,12 ведра на 1 человека, то в 1910–1911 гг. этот показатель снизился до 1,10 ведра, а в 1912–1913 гг. – до 1,00 ведра [75. С. 190–193].

Локальные успехи имели место, и идея о трезвом образе жизни хоть и медленно, но проникала в крестьянскую среду. Это видно на примерах закрытия винных лавок в селах и деревнях Сибири. Так, в 1914 г. Имисский сельский сход единогласно постановил закрыть в селе навсегда казенную винную лавку, хотя ранее в этом «медвежьем углу» пьянство было развито ужасно: переселенцы ближайших 20 поселков зачастую пропивали в этой лавке последние гроши [76. С. 4]. В с. Каптыревском Минусинского уезда сельский сход под влиянием настойчивых пастырских увещаний священника ходатайствовал о закрытии трактира и казенной винной лавки в селе [77. С. 19]. В печати публиковались также отдельные примеры, когда в результате увещаний священнослужителя пьющий крестьянин становился трезвенником [78. С. 602–604; 79. С. 16–17]. Были и случаи, когда прихожане активно поддерживали священников в борьбе за трезвость: енисейский священник о. Кузьмин сообщал, что в борьбе с пьянством и разгулом около него образовался кружок из ревностных прихожан [80. С. 33]. В с. Легоставском обществе трезвости было открыто в январе 1910 г., а к концу октября того же года в его составе было уже 87 членов [26. Л. 21–22].

Можно встретить примеры относительно успешных действий обществ трезвости, как, например, в Средне-Чирковском приходе Ишимского уезда, где иерей А. Соколов за короткий срок смог завоевать немало сторонников трезвого образа жизни. Он был назначен в свой приход в сентябре 1912 г. и, столкнувшись с распространенными разгулом и пьянством, сразу повел против них борьбу: устраивал беседы на антиалкогольную тему, посещал дома алкоголиков, уговаривая их бросить пьянство. Многие крестьяне откликнулись на его призывы, было организовано общество трезвости, численность которого достигла 40 человек. Иерей начал борьбу за закрытие съезжего праздника, и в борьбе трезвенников и их противников первые смогли одержать победу [81. С. 179]: был составлен приговор сельского схода о закрытии съезжего праздника. Причем деньги, расходовавшиеся ранее на съезжий праздник, было решено пожертвовать на достройку часовни. Некоторые жертвовали десятки рублей [82. С. 240].

В с. Большеречком Тарского уезда настоятель церкви М. Земляницын повел постепенную борьбу за трезвость. Посещая прихожан, он внушал им мысль о губительности пьянства, предлагал объединиться в общество трезвости. Созданное им общество к 1 января 1911 г. едва насчитывало 10 человек, но ровно через год число членов выросло до 71 [83. С. 45–46].

Эти примеры показывают, что в отдельных приходах идея борьбы за трезвость была позитивно встречена частью крестьянства.

Таким образом, в начале XX в. в деле борьбы за народную трезвость Русская православная церковь вышла на первый план. Синод выработал комплекс мер, призванных бороться с употреблением спиртных напитков. Анализ публикаций сибирских епархиальных ведомостей показывает, что почти все эти мероприятия на практике реализовывались сибирским духовенством. Однако статистика потребления спиртных напитков в сибирской деревне накануне Первой мировой войны не позволяет говорить о полном успехе в борьбе Русской православной церкви за трезвый образ жизни. Но при этом нельзя и отрицать, что духовенство смогло добиться локальных успехов в отдельных селениях и приходах, где идеи трезвости были позитивно встречены крестьянством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова А.Г. Алкогольный вопрос в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2012. 46 с.
2. Зиновьев В.П., Фалилеев Д.А., Суляк С.Г. Потребление вина в России и Сибири в начале XX века // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 45 (3). С. 1063–1071. DOI: 10.13187/bg.2017.3.1063
3. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение на Среднем Урале в период мирного развития (1907–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 5–8. DOI: 10.17223/19988613/62/1
4. Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 31–37.
5. Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Восточной Сибири (1890-е гг. – 1911 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 94–98.
6. Афанасьев А.Л. Всероссийские съезды по борьбе с пьянством, III Государственная дума и трезвенное движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1910–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 63–67.
7. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетея, 2016. 1080 с.
8. Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
9. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в Томске и Томском уезде (конец XIX в. – 1909 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 158–162.

10. Томские губернские ведомости. 1909. 4 нояб.
11. Тобольские епархиальные ведомости. Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1910. 1 янв.
12. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.
13. Протокол заключительного публичного общего собрания 6 января 1910 года // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Санкт-Петербург, 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. С. 81–98.
14. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1913. 1 июня.
15. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1903. 1 янв.
16. Томские губернские ведомости. 1906. 18 янв.
17. Енисейские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1909. 1 сент.
18. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1912. 1 дек.
19. Фриденберг А.Х. XII Международный антиалкогольный конгресс в Лондоне // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Санкт-Петербург, 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 3. С. 1082–1089.
20. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1905. 1 янв.
21. Тобольские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1901. 1 марта.
22. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1909. 30 апр.–15 мая.
23. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 1 февр.
24. Томские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1909. 1 нояб.
25. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 15 янв.
26. Государственный архив Томской области. (ГАТО). Ф. 170. Оп. 8. Д. 25.
27. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1911. 15 марта.
28. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1909. 1 мая.
29. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1901. 15 мая.
30. Енисейские епархиальные ведомости (отдел религиозно-нравственных чтений). 1910. 15 янв.
31. Енисейские епархиальные ведомости (отдел религиозно-нравственных чтений). 1910. 1 февр.
32. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1908. 15 мая.
33. Тобольские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1911. 16 марта.
34. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1909. 15 мая.
35. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1911. 1 янв.
36. Тобольские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1913. 1 янв.
37. Томские епархиальные ведомости (официальная часть). 1909. 15 дек.
38. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1913. 15 авг.–1 сент.
39. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1909. 15 окт.
40. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1910. 1 июня.
41. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1910. 15 июня.
42. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1910. 1 июля.
43. Томские епархиальные ведомости (официальная часть). 1909. 1 сент.
44. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1910. 15 сент.
45. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1910. 1 сент.
46. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1913. 15 окт.
47. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1908. 15 июля.
48. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1908. 15 авг.
49. Енисейские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1911. 15 февр.
50. Тобольские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1911. 1 янв.
51. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1906. 15 нояб.
52. Томские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1908. 15 мая.
53. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1911. 15 янв.
54. Гусев Г.В. История обучения и воспитания трезвости в православном образовании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 24 с.
55. Благовещенские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1912. 1–15 янв.
56. Миртов П. Народное пьянство и современная борьба духовенства за трезвость по данным анкеты, произведенной Александром-Невским обществом трезвости // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Санкт-Петербург, 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 3. С. 1139–1188.
57. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1911. 1 июня.
58. Владивостокские епархиальные ведомости (часть официальная). 1903. 15 янв.
59. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1909. 15 окт.
60. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 1 июня.
61. Тобольские епархиальные ведомости. Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1910. 16 нояб.
62. Тобольские епархиальные ведомости. Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1913. 16 янв.
63. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 1 янв.
64. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1912. 1 нояб.
65. Владивостокские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1903. 15 дек.
66. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1912. 1 окт.
67. Томские епархиальные ведомости (официальная часть). 1912. 1 июня.
68. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 1–15 окт.
69. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 15 сент.
70. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1910. 1 мая.
71. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1909. 15 дек.
72. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1448.
73. Омский вестник. 1914. 29 авг. (11 сент.).
74. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 15 авг.–1 сент.
75. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. XIV, 649 с.
76. Минусинский листок. 1914. 21 дек.
77. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1911. 1 авг.
78. Забайкальские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1910. 1–15 дек.
79. Томские епархиальные ведомости (неофициальная часть). 1906. 15 июня.
80. Енисейские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1909. 15 февр.

81. Тобольские епархиальные ведомости (отдел официальный). 1913. 1 мая.
82. Тобольские епархиальные ведомости (отдел неофициальный). 1913. 1 июля.
83. Омские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1912. 15 февр.

Dmitry N. Belyanin, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bdn73@list.ru

THE MAIN ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE STRUGGLE FOR A SOBER LIFESTYLE IN A SIBERIAN VILLAGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHURCH PERIODICALS)

Keywords: Russian Orthodox Church, Siberia, Siberian peasantry, struggle for sobriety.

The author examines the activities of the Russian Orthodox Church in the fight against alcoholism among the peasantry of Siberia at the beginning of the XX century. The purpose of the study is to identify and analyze a set of measures of the Orthodox Church having taken to defeat drunkenness. The relevance of the research is due to the insufficient knowledge of the topic. The materials of the church periodical press formed the source base of the study. The territorial boundaries of the study include all provinces and regions of the Asian part of the Russian Empire in the period from 1900 to 1914. The introductory part of the article shows the relevance of the development of measures to fight for national sobriety. The Russian Orthodox Church had become the main conductor of the ideas of a sober lifestyle as it was the bearer of moral and spiritual values in Russian society at the beginning of the XX century. The main part of the article analyzes the complex of measures of the Orthodox Church in the struggle for sobriety which included: 1. dissemination of the ideas of sobriety through the church periodical press; publication of special medical studies proving the harm of alcohol to human health; 2. moral impact on peasants through church sermons and conversations; promotion of a sober lifestyle; 3. organization of sobriety societies in villages; 4. instilling ideas of a sober lifestyle to children within the framework of school education, dissemination of knowledge among children about the harmful effects of alcohol on the human body; organization of school sobriety societies. These events were planned by the Holy Synod. The facts proved that the Siberian clergy had begun the practical implementation of these measures in the dioceses of Asian Russia. The author summarizes that the Russian Orthodox Church actively tried to spread the idea of sobriety in the Siberian village. Concrete examples show that in some parishes and villages, priests managed to spread the ideas of sobriety among the peasants. However, the taken measures were insufficient. According to statistics, the consumption of alcohol among the population of Siberia increased by the beginning of the First World War in comparison to the central part of the country. Only in some provinces by 1914 there was a reduction in the consumption of alcoholic beverages. It is also possible to note some successful examples when the temperance societies were created and successfully operated in individual parishes and villages. But on the scale of the entire Asian part of the Russian Empire the idea of a sober lifestyle penetrated the consciousness of peasants very slowly.

REFERENCES

1. Bykova, A.G. (2012) *Alkohol'nyy vopros v Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [The alcohol issue in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Omsk.
2. Zinoviev, V.P., Falileev, D.A. & Sulyak, S.G. (2017) *Potreblenie vina v Rossii i Sibiri v nachale XX veka* [Wine consumption in Russia and Siberia at the beginning of the 20th century]. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 45(3). pp. 1063–1073. DOI: 10.13187/bg.2017.3.1063
3. Afanasyev, A.L. (2019) Temperance movement in the Middle Urals during peaceful development in 1907–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 62. pp. 5–8. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/62/1
4. Afanasyev, A.L. (2011) Temperance societies in Tobolsk Province and Akmolinsk Region of Russia (1890s – early 1910s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(13). pp. 31–37. (In Russian).
5. Afanasyev, A.L. (2010) Temperance Societies in Eastern Siberia (1890s – 1911). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 340. pp. 94–98. (In Russian).
6. Afanasyev, A.L. (2010) All-Russian prohibitionist convention, 3rd State Duma and Temperance Movement in Siberia and Far East in 1910–1912. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 335. pp. 63–67. (In Russian).
7. Davydov, M.A. (2016) *Dvadtsat' let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte–Stolypina* [Twenty Years Before the Great War: Witte–Stolypin's Modernization of Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Mironov, B.N. (2015) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: from tradition to Art Nouveau: in 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
9. Afanasyev, A.L. (2009) Temperance movement in Tomsk and Tomsk Region (late 19th – 1909). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 158–162. (In Russian).
10. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1909) 4th November.
11. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1910a) Shkol'nyy listok pri Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostyakh [School leaflet at the Tobolsk Diocesan Gazette]. 1st January.
12. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Siberian government periodicals (second half of the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Borodin, D.N. et al. (ed.) (1910) *Protokol zaklyuchitel'nogo publichnogo obshchego sobraniya 6 yanvarya 1910 goda* [Minutes of the final public general meeting on January 6, 1910]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom. Sankt-Peterburg, 28 dekabrya 1909 g. – 6 yanvarya 1910 g.* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness]. Vol. 1. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 81–98.
14. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913a) 1st June.
15. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. (1903) 1st January.
16. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1906) 18th January.
17. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909a) 1st September.
18. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912a) 1st December.
19. Fridenberg, A.Kh. (1910) XII Mezhdunarodnyy antialkogol'nyy kongress v Londone [12th International Anti-Alcohol Congress in London]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom. Sankt-Peterburg, 28 dekabrya 1909 g. – 6 yanvarya 1910 g.* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness]. Vol. 3. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 1082–1089.
20. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905) 1st January.
21. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1901) 1st March.
22. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909) 30th April – 15th May.
23. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1910a) 1st February.
24. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909a) 1st November.
25. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1910a) 15th January.
26. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 8. File 25.

27. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1911a) 15th March.
28. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1909b) 1st May.
29. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1901) 15th May.
30. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1910b) 15th January.
31. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1910c) 1th February.
32. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1908a) 15th May.
33. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1911a) 16th March.
34. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1909b) 15th May.
35. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1911) 1st January.
36. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1913a) 1st January.
37. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1909c) 15th December.
38. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1913b) 15th August – 1st September.
39. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1909d) 15th October.
40. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1910b) 1st June.
41. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1910c) 15th June.
42. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1910d) 1th July.
43. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1909e) 1st September.
44. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1910e) 15th September.
45. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1910f) 1st September.
46. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1913a) 15th October.
47. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1908b) 15th July.
48. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1908c) 15th August.
49. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1911) 15th February.
50. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1911b) 1st January.
51. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1913b) 15th November.
52. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1908d) 15th May.
53. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1911b) 15th January.
54. Gusev, G.V. (2007) *Istoriya obucheniya i vospitaniya trezvosti v pravoslavnom obrazovanii* [History of education and temperance promotion in Orthodox education]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
55. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1912b) 1st–15th January.
56. Mirtov, P. (1910) Narodnoe p'yanstvo i sovremennaya bor'ba dukhovenstva za trezvest' po dannym ankety, proizvedennoy Aleksandro-Nevskim obshchestvom trezvosti [Drunkenness in society and the modern struggle of the clergy for sobriety according to the questionnaire designed by the Alexander Nevsky Society of Sobriety]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom. Sankt-Peterburg, 28 dekabrya 1909 g. – 6 yanvarya 1910 g.* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness]. Vol. 3. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 1139–1188.
57. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1911c) 1th June.
58. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1903a) 15th January.
59. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1909c) 15th October.
60. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1910d) 1th June.
61. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910) Shkol'nyy listok pri Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostyakh [School leaflet at the Tobolsk Diocesan Gazette]. 16th November.
62. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1913b) Shkol'nyy listok pri Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostyakh [School leaflet at the Tobolsk Diocesan Gazette]. 16th January.
63. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1910e) 1th January.
64. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1912a) 1st November.
65. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1903b) 15th December.
66. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1912b) 1st October.
67. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1912c) 1st June.
68. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910b) 1st–15th October.
69. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910c) 15th September.
70. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910d) 1st May.
71. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1909d) 15th December.
72. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 1448.
73. Omskiy vestnik. (1914) 29th August (11th September).
74. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910e) 15th August – 1st September.
75. The Ministry of Agriculture of Russia. (1916) *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv* [Collection of statistical and economic data on agriculture in Russia and foreign countries]. Petrograd: [s.n.].
76. Minusinskiy listok. (1914) 21st December.
77. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1911) 1th August.
78. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1910f) 1st–15th December.
79. Tomskie eparkhial'nye vedomosti. (1906) 15th June.
80. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1909e) 15th February.
81. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1913c) 1st May.
82. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. (1913d) 1st July.
83. Omskie eparkhial'nye vedomosti. (1912) 15th February.

УДК 94:332(571,51)
DOI: 10.17223/19988613/75/2

В.П. Бойко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА АЧИНСКА И МЕСТНОЕ КУПЕЧЕСТВО

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-700003.

Рассматривается история формирования одного из городов Енисейской губернии – Ачинска, который в XVIII в. входил в состав Томской области Тобольского наместничества, а в начале XIX в. – в состав Томской губернии. Огромную роль в становлении и развитии здесь экономики, общественной жизни и культуры сыграло местное купечество. Исследованы история возникновения и эволюции Ачинска как экономического и общественного центра Причулымья, роль купечества в возникновении в городе торговли и промышленности, самоуправления, образования и культуры.

Ключевые слова: Сибирь, купечество, экономика, предпринимательство, Ачинск

Как отмечено в первом томе «Исторической энциклопедии Сибири», город Ачинск известен с 1620-х гг. сначала как зимовье, с 1641 г. как острог, но на современное место расположения он переместился только в 1710 г. По мере развития сибирского региона изменялся и статус этого поселения: с 1782 г. он переведен в разряд уездных городов Томской области Тобольского наместничества, в 1797 г. лишен статуса города и переименован в Ачинскую слободу Красноярского уезда Тобольской, а с 1804 г. Томской губернии. С 1822 г. окружной, а в 1898 г. – уездный город Енисейской губернии. Первыми жителями острога стали 39 казаков, а крестьяне и ремесленники появились здесь позднее. Численность населения менялась в дореволюционном Ачинске следующим образом (тыс. чел.): 1762 – 0,4; 1784 – 0,5; 1796 – 0,6; 1856 – 2,3; 1897 – 6,7; 1910 – 9,1; 1917 – 15,0 [1. С. 149]. По мнению известных сибирских историков Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского, первооткрывателем Ачинского острога был Тобольский сын боярский Яков Остафьевич Тухачевский, уроженец Смоленских земель, небогатый дворянин, проживший около 60 лет и выдвинувшийся в Смутное время, когда можно было делать карьеру, переходя от Лжедмитрия I к казацкому атаману И. Заруцкому или к освободителям Москвы Д. Пожарскому и К. Минину. За участие в бунте стрельцов и казаков в Москве в 1618 г. он был сослан в Тобольск, где постепенно выдвинулся в число опытных дипломатов и военачальников. Окончил свои дни воеводой в Мангазее в 1647 г. [2. С. 93]. Закончить строительство Ачинского острога Я. Тухачевский не успел, и достраивался острог томским воеводой И. Кобыльским. По росписи строителей острог имел четырехугольную форму и был обнесен деревянным тыновым частоколом. Над стеной возвышались три башни. В сентябре 1667 г. киргизы сожгли острог, и он снова несколько раз отстраивается, что было сделать не так и трудно, так как его размеры были невелики: 10 × 10 сажень (21,5 × 21,5 м).

На современном месте Ачинск был построен томским сыном боярским С. Цыцуриным, как уже отмечено, в 1710 г., и по своей архитектуре и планировке он повторял острог 1683 г., но по размерам был значительно больше. Главной задачей этого острога и его жителей была защита местного населения от набегов воинственных кочевников-киргизов и сбор ясака (натурального налога) с аборигенного населения Причулымского края. Острог стал заметным торгово-распределительным центром всего Причулымья, игравшим важную транзитную роль на большом перегоне Томск–Красноярск [Там же]. По уточненным данным, в 1790 г. в Ачинске насчитывалось 154 двора и 854 жителя, в 1825 г. – 257 дворов и 1 489 жителей; в 1856 г. – 466 дворов и 2 287 жителей.

Торговая инфраструктура города была вначале незначительной: в конце XVIII в. было известно только два магазина (склада) – винный и соляной – вместимостью по 10 тыс. пудов каждый, но в 1831 г. здесь был построен деревянный гостиный двор, и торгово-промышленная жизнь в городе оживилась. В середине XIX в. в Ачинске насчитывалось 40 лавок, один трактир и три питейных заведения, два мыловаренных завода, полотняная фабрика, свечной и три кожевенных завода, а профессиональных ремесленников насчитывалось около двух десятков человек. Однако ремеслом, как и везде по Сибири, дополнительно занимались крестьяне, которые изготавливали и продавали на рынках и ярмарках гончарные изделия, домашнее грубое полотно и сермяжное сукно, но основным их товаром были, конечно, хлеб и другие продукты питания. Показательны в это время статьи городского дохода: сбор с лавок гостиного двора в 1843 г. составлял 4 750 руб., с городских весов – 600 руб., с проходящих возов был введен «поддужный» (с каждой дуги конской упряжи) обязательный сбор в 3 коп. серебром [3. Т. 1. С. 35].

По переписи 1897 г. в Ачинске насчитывалось 580 домов и 6 699 жителей. В конце XIX в. в городе были

построены каменный гостиный двор, две пристани с пакгаузами, две гостиницы, 90 лавок. В 1880 г. был открыт общественный банк, кредитовавший преимущественно местных предпринимателей. Благодаря этому и оживленной коммерческой жизни торговый оборот города достиг в конце века значительных объемов – 5 млн руб. Источником такого богатства был, естественно, труд горожан и окрестных крестьян, а также энергия и распорядительность предпринимателей.

По своим занятиям ачинцы делились следующим образом: в промышленности и строительстве – 553 чел., в транспорте и связи – 294 чел., в торгово-кредитном деле – 296 чел., в том числе сельхозпродукцией из них торговали 122 чел., тканями и одеждой – 43, спиртными напитками – 40, в трактирной торговле были заняты 26 чел. [3. Т. 1. С. 36]. Первый гильдейский купец появился в Ачинске в 1788 г. – это был И.Г. Ерлыков, объявивший капитал на 1 100 руб., в 1817 г. купцов было уже девять, в 1835 г. 26 человек принадлежали ко второй и третьей купеческим гильдиям. В 1897 г. к купцам и почетным гражданам Ачинска принадлежал 121 чел., и они не только составляли коммерческую элиту города, но и играли ведущую роль в общественно-политической жизни [Там же]. Однако о большинстве коммерсантов мы расскажем подробно чуть позже, а сейчас представим жизнь уездного городка глазами составителей «Путеводителя по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России с подробным дорожником» за 1895 г.: «В городе, между прочим, имеются: женская прогимназия, городское и приходское училища (учащихся до 150 мальчиков и девочек), почтово-телеграфная контора, 9 заводов с суммою производства в 10 000 руб. В городе есть извозчики, 1 гостиница с номерами, довольно сносно обставленными, и несколько постоялых дворов. Лет 7 тому назад здесь открыто общественное собрание, а еще ранее – библиотека и музей (мало устроенный и не отличающийся богатством предметов). Из торговых фабричных заведений в городе 4 кожевенных, мыловаренных и свечных заводов, 4 оптовых склада вина, до 40 питейных заведений, 2 пивоваренных завода и проч. Также недавно возникла типография (Е.Ф. Кудрявцева), 3 больницы: приказа общественного призрения, тюремная и железнодорожная (временная). Врачей 6; мещанская богадельня и ночлежный дом. Раз в год (15 ноября) бывает ярмарка, впрочем – весьма незначительная (оборот не превышает 1 000 р.). Окрестности города когда-то были сурово-живописны. Теперь не то: лес вырублен, озера и болота или высохли, или засыпаны... Прежде было здесь изобилие разной дичи, так что – рассказывают – местные Нимвроды¹ били дичь палками едва ли не в городских лужах и палисадниках...» [4. С. 99–100].

Отчасти об этих занятиях местного населения говорит герб Ачинска, утвержденный в 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский, а в нижней – в красном поле лук и колчан для стрел в знак того, что живущие в оном округе прежние обыватели Сибири употребляли сие оружие. В 1864 г. составлен проект нового герба Ачинска: в червленом щите золоченые лук и колчан со стрелами. В верхней части герб Енисейской губер-

нии. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах и окружен золотыми колосьями, соединенными Александровской лентой» [3. Т. 1. С. 36].

В 1990 г. Ачинск был включен в список исторических городов Российской Федерации. Основная часть памятников архитектуры этого города представляет застройку конца XIX – начала XX в.: купеческие особняки Патушинского, С.Е. Мокроусова, А.А. Долина, И.Б. Бородавкина, Г.Н. Максимова, М.В. Круглихина, дома Солодковой и А.З. Сейгеля, а также здание бывшей женской гимназии (1912), синагога (1905–1907), Казанский собор (1832) [1. С. 149]. Об ачинских купцах XVIII в. сведений сохранилось немного, а памятников архитектуры, ими оставленных, еще меньше. Но имя первого купца в Ачинске, Ивана Григорьевича Ерлыкова, осталось в памяти потомков, потому что он был выбран депутатом от г. Красноярска в знаменитую Уложенную комиссию 1867 г., созданную Екатериной II якобы для обсуждения злободневных тем российской жизни и введения новых, «справедливых», с точки зрения царицы, законов. Однако, когда зашла речь о главной злобе дня – крепостничестве, Екатерина эту комиссию распустила, получив от нее напоследок необходимый ей титул «Матери Отечества», т.е. одобрение ее государственного переворота и свержения с трона супруга – законного царя Петра III. Но вряд ли депутат И.Г. Ерлыков участвовал в прениях – слишком много было депутатов от городов (208 чел.), поместного дворянства (228 чел.) и других сословий, однако он как депутат получил ряд привилегий и, вероятно, незабываемые впечатления от путешествия в Петербург и участия в таком общероссийском форуме [5. С. 201].

Одним из заметных и в архитектурном плане ценных зданий Ачинска является особняк Патушинского. Хозяин этого строения в справочниках и путеводителях упоминается без имени и отчества, и правильнее было бы указать фамилию владельца во множественном числе. Дело в том, что фамилия еврейских предпринимателей Патушинских в коммерческом мире Сибири была широко распространена: один из них занимался заготовкой и переработкой леса в Каинском уезде Томской губернии, другой владел пивоваренным заводом в Томске. Большая семья Патушинских проживала в Иркутске и занималась там обширной торговлей в своих магазинах вином, галантерейными, москательными, аптекарскими и скобяными товарами, а в начале XX в. активно занялась торговлей мехами, золотопромышленностью, торговлей с Монголией и другими прибыльными делами [3. Т. 2. С. 140]. Как указывали наблюдательные путешественники, во многом коммерческим успехам еврейских купцов способствовала их тесная связь между собой на всем протяжении Московско-Сибирского тракта. Как по эстафете, передавали они ценные товары, денежные средства, информацию о российской и европейской коммерции и конъюнктуре рынков, что давало им определенные преимущества перед местными купцами. Говорят, что были случаи, когда состоятельные евреи выписывали из Польши еврейских невест для своих сыновей, если здесь не было возможности женить их без кровосме-

шения из-за немногочисленности еврейских общин, и невесты благополучно прибывали к месту назначения.

С.В. Максимов, известный бытописатель и путешественник, писал об этом так: «Евреи сплываются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единства, и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловом и Лейпцигом» [6. С. 340]. Нетрудно представить, что Мариинск, Каинск и Томск в Западной Сибири, Красноярск, Ачинск и Иркутск в Восточной Сибири, где было больше всего купцов из евреев, как раз и представляли те звенья цепи, по которым утекали беспощинно и безвозвратно огромные материальные средства, циркулировала ценная для коммерсантов информация. Здесь проживало немало посредников и доверенных лиц крупных отечественных и зарубежных фирм, которые умело использовали этот канал для извлечения собственных интересов. Такое предпринимательство было бы вполне понятно и оправданно, если бы ему не сопутствовали правовой нигилизм, пренебрежение интересами края, в котором эти богатства хищнически приобретались, оставляя местному населению жалкие крохи «с барского стола» и разоренную природу. Об этой ситуации в Сибири первыми начали говорить сосланные сюда декабристы, а потом много писали в периодической печати и научных исследованиях областники [7. С. 28].

По сведениям, собранным Е.В. Комлевой и И.О. Туман-Никифоровой, главой ачинского клана купцов Патушинских был Соломон Абрамович (1826–1897), причем род занятий его и его семьи не указывается, что вполне соответствует его посреднической деятельности. После кончины главы семьи в 1897 г. дела приняла его вдова Лея Абрамовна, которая вступила во 2-ю купеческую гильдию. В семье было 4 сына, но только двое из них стали купцами: Соломон Соломонович, старший сын (род. 1853), который числился в 1903 г. «неторгующим» купцом 2-й гильдии, и Абрам Соломонович (род. 1859), который также был «неторгующим», но совместно с надворным советником В.А. Даниловым и красноярским купцом 2-й гильдии И.О. Гуревичем занимался постройкой казначейства в Канске [8. С. 219]. Информация по купцам Патушинским, конечно, скудная, но иногда коммерческие дела требовали секретности, и она здесь была соблюдена.

Другое дело – жизнеописание Иуды Борисовича Бородавкина (1859–1908), сделанное А.И. Погребняком, известным минусинским историком. Коммерческая жизнь у этого купца началась с судебного преследования: его осудили за мошенничество (подмешивание в продаваемый в армию овес песка). Он был отправлен на поселение в Ачинск, но, как пишет автор статьи, для него это означало благо – «бросили шуку в воду». В 1891 г. И.Б. Бородавкин совместно с И.И. Елевичем создал торговое товарищество с капиталом в 60 тыс. руб. В середине 1890-х гг. агент известной московской мануфактурной фирмы «Э. Циндель и К^о» оценивал состояние торгового дела фирмы в 15 тыс. руб., товар – 35 тыс. руб., дом – 4 тыс. руб. Характеризуя личные качества торговцев он отмечал: «Елевич – порядочный человек, Бородавкин доверия не внушает». В 1897 г.

произошел раздел товарищества, а вскоре после этого И.Б. Бородавкин объявил себя банкротом, но банкротство было фиктивным. Типичный для России прием (вспомним комедии А.Н. Островского) принес Иуде Бородавину определенные барыши, и уже в 1902 г. его состояние оценивалось в 60 тыс. руб., товар – на 40 тыс. руб., два каменных дома – на 20 тыс. руб. Один дом с подвалами, магазином и подсобными помещениями Бородавкин купил у крупнейших сибирских дельцов и меценатов Гадаловых, и он до сих пор стоит в самом центре города. Умер Иуда Борисович в Томске в 1908 г., и цинковый гроб его с телом доставили в Ачинск. По воспоминаниям старожилов, катафалк с гробом торжественно провезли по улицам города и поместили в фамильный склеп, который долгое время был местной достопримечательностью. Сыновья И.Б. Бородавкина, Михаил и Израиль, продолжили торговое дело отца, создав фирму «Наследники И.Б. Бородавкина». В 1912 г. они первыми в городе купили автомобиль, удивив горожан такой «безлошадной повозкой», и совершили пробег по маршруту «Ачинск–Мариинск». К сожалению, в текст статьи о Бородавковых вкралась ошибка: покупку автомобиля приписали самому Иуде Борисовичу, хотя он к тому времени уже умер [Там же. С. 104].

Заметное место в экономической и общественной жизни г. Ачинска занимали купцы Мокроусовы. Основатель рода, Семен Ефремович, родился в 1834 г. и с 1861 г. входил в 3-ю гильдию ачинского купечества с объявленным капиталом в 2 400 руб. В 1898 г. он состоял уже во 2-й гильдии и в своей лавке торговал бакалейными, галантерейными, парфюмерными, москательными и другими товарами, имел «ренсковый» (винный) погреб. В домашних и торговых делах ему помогала жена – Феофания Игнатьевна. В 1870 г. у них родился сын Андрей, который, повзрослев, продолжил дело своего отца и даже его расширил: в 1916 г. купил у Д.Г. Малышева и А.Д. Родюкова Берикульские рудники, после чего образовал фирму «А.С. Мокроусов и К*». В том же году он высказал свое особое мнение в городской думе: «Я настаиваю на переоценке городских селитренных участков, назначенных по плану под застройку. Главною причиной служит то обстоятельство, что у города осталось немного удобных усадебных мест... Продать эту землю по существующим невысоким ценам и при большом числе желающих купить таковую легко, но результат получится для города плачевный». На наш взгляд, вполне разумный и рассудительный голос рачительного хозяина, который заботится о благополучии родного города. Были, вероятно, и другие полезные для города дела Андрея Семеновича Мокроусова, в том числе «энергичное содействие к проведению железнодорожной линии от Минусинска в Ачинск», в результате чего в 1912 г. ему было присвоено звание почетного гражданина г. Ачинска [Там же. С. 206].

Одной из загадочных фигур ачинской, да и всей сибирской истории, является купец 1-й гильдии Михаил Васильевич Круглихин. Вместе с братом по имени Калинин они торговали разнообразными товарами, включая ткани, готовую одежду и обувь, бакалею, галантерею, табак и вино. «По одной из версий, – осто-

рожно говорится в «Краткой купеческой энциклопедии», – М.В. Круглихин нажил свой капитал грабежом и разбоем... в Ачинском округе на Енисейском и Минусинском трактах. Тем не менее с 24 октября 1895 по 11 января 1897 и с 3 декабря 1897 по 22 марта 1899 г. он исполнял обязанности ачинского городского головы. В 1907 г. на главной улице Ачинска построил каменный дом» [3. Т. 1. С. 376].

Прямой противоположностью этой версии купеческой жизни может служить биография другого ачинского купца и городского головы – Григория Николаевича Максимова (1840–1911). Начиная он, как и многие купцы, с мелочного торгова – сначала разъездного, затем из своей лавки, а потом и из универсального крупного магазина. Рос и его социальный статус: с 1887 г. – личный почетный гражданин, с 1907 г. – потомственный почетный гражданин. Торговал тканями, готовой одеждой, парфюмерией, галантерейными и бакалейными товарами, ювелирными изделиями, охотничьим оружием, держал в Ачинске ренсковый погреб. В 1883–1886 и в 1889–1892 гг. избирался городским головой. В этом качестве принимал в своем доме 2 июля 1891 г. проезжавшего через Ачинск цесаревича Николая Александровича. Более 20 лет Г.Н. Максимов являлся старостой Троицкого собора, был почетным смотрителем Ачинского городского трехклассного училища, председателем попечительского совета городской женской гимназии. Много и плодотворно он занимался благотворительностью: жертвовал книги в библиотеку городского приходского училища, на собственные средства построил в черте города мост, который впоследствии назывался Максимовским, выкупил участок земли для строительства католического костела и финансировал его строительство. Однако основные его пожертвования были связаны с русской православной церковью: на соборный храм Максимов пожертвовал 15 тыс. руб., на строительство Крестовоздвиженской церкви выделил 2 300 руб., а затем добавил еще на внутреннюю отделку храма 8 470 руб. Скончался Г.Н. Максимов на 72-м году жизни во время пожара, и его память увековечена городской думой, которая заказала его портрет и поместила в зале думских заседаний [8. С. 198].

Славен Ачинск и своим местночтимым и всемирно известным святым – Даниилом Ачинским (1784–1843). В Православной энциклопедии протоиерей Борис Пивоваров, статья которого повторена в «Исторической энциклопедии Сибири», пишет, что это был сын полтавского казака, призванного в 1807 г. на военную службу. Участник Отечественной войны 1812 года, в том числе Бородинского сражения. В 1820 г. на побывке передал все свое имущество родственникам, потом отказался от производства в офицерский чин и просил отпустить его в монастырь. По приговору военного суда был обвинен в дезертирстве, исключен из армии и сослан в Сибирь. В кандалах работал на Боготольском винокуренном заводе в Томской губернии, а освободившись, осел в Ачинске. В январе 1843 г. переехал в Енисейск и последние дни провел на попечении игумены Христорождественского Иверского монастыря Евгении. На протяжении всей своей жизни в Сибири Даниила Ачинский показывал образцы ду-

ховной стойкости и мужества, вел строгий аскетический образ жизни, был нестяжателем, ночью тайно работал на бедняков. Прославился он и духовными беседами с многочисленными паломниками в духе традиционного русского старчества, когда мудрость житейская сочетается с духовным просветлением и всепрощением. К лику Сибирских святых причислен 10 июля 1984 г. [1. С. 459].

Жизнь и деяния старца Даниила были настолько выразительны и достойны восхищения, что некоторые его поклонники и почитатели не только избавлялись от духовных и физических недугов, но и круто меняли свою жизнь. К таким переродившимся людям в первую очередь следует отнести ачинского, а затем енисейского и красноярского купца Александра Даниловича Данилова (1812–1882). Еврей по имени Израиль Лейбович Фактуров под влиянием старца Даниила 5 октября 1837 г. принял православие, получив при крещении фамилию и отчество по имени старца. Впоследствии А.Д. Данилов не раз встречался со старцем о. Даниилом и в 1859 г. пожертвовал значительную сумму на постройку в Енисейском Христорождественском монастыре квадратной каменной часовни над могилой старца. Все члены семьи купца, включая жену и детей, крестились и приняли христианские имена. В 1845–1851 гг. А.Д. Данилов состоял в 3-й гильдии купцов Ачинска, занимаясь торговлей разными товарами и выполняя подряды. Со временем, разбогатев, он переключился на золотопромышленность в Енисейской тайге и в 1852 г. стал купцом 2-й, а в 1858 – 1-й гильдии г. Енисейска. Самостоятельно и в компании с другими лицами Данилов некоторое время занимался добычей золота, надо сказать, с переменным успехом.

Начало его колоссального капитала, благодаря которому он смог построить огромный дом в Красноярске и роскошную дачу за городом, дома в других городах Енисейской губернии, получить ряд престижных премий на отечественных и зарубежных выставках, положил винокурный завод, построенный им в 1864 г. в 23 верстах от Минусинска. Завод был назван по имени владельца Александровским и работал на местных сырье и воде, что позволяло производить отличный (с точки зрения специалистов и ценителей) продукт. Первоначальная производительность завода была небольшой – всего 90 ведер спирта в сутки (ведро как мерная единица составляло 12,3 л), но затем производство расширилось, и А.Д. Данилов построил водочный завод в Минусинске и пивоваренный завод «Богемия» в Красноярске. Его питейные заведения (кабаки и трактиры) имелись во многих населенных пунктах Енисейской губернии. Хотя продукция его заводов и получала многие престижные премии на отечественных и международных выставках и ярмарках, но влияние пьянства на физический и моральный облик местного населения нельзя считать положительным. Со временем А.Д. Данилов отошел от дел и передал коммерцию своим сыновьям, Иосифу и Виктору, которые получили высшее образование и проживали не в провинциальном Ачинске, а преимущественно в Петербурге и за границей [3. Т. 1. С. 196]. Обзор их деятельности будет сделан при характеристике купечества других

городов Енисейской губернии, где осуществлялась их коммерческая и благотворительная деятельность.

Таким образом, ачинское купечество, являясь незначительной частью населения округа, оказывало сильное влияние на все стороны городской и региональной жизни. Купечество небольших городков Сибири, к которым относятся Ачинск, Минусинск, Канск и даже Енисейск, теряло свою культурную изолированность, социальную и национальную однородность. В этих городах происходил отбор людей по деловым качествам, что в условиях сильной конкуренции, отсутствия кредита и государственных гарантий приво-

дило к постоянной «ротации» купеческих кадров. Основная масса купцов занималась преимущественно торговлей, а это была наиболее консервативная часть зарождавшейся буржуазии, что не могло не сказаться на архитектуре сибирских городов и городков. Для повышения стабильности капиталов и увеличения их прибыльности купцы начинали во второй половине XIX в. вкладывать свои капиталы в промышленное производство и добычу золота, что порождало отход от традиций, в том числе народных и национальных, включение провинциальных коммерсантов в общероссийские и даже общемировые культурные процессы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Нимврод – ветхозаветный богатырь и охотник, сын Куша (Хуша) и внук Хама. Народная этимология связала имя Нимврода со значением неумолимого охотника и героя, возмущавшего народы против Яхве и других народов. См.: Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 308.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / рук. проекта А.П. Деревянко. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. 715 с.
2. Резун Д.Я. Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1989. 304 с.
3. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2012. Т. 1: А–Л. 450 с.; 2013. Т. 2: М–Я. 464 с.
4. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России с подробным дорожником / изд. В.А. Долгорукова. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1895. 352 с.
5. История России с начала XVIII до конца XIX века / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: АСТ, 1999. 544 с.
6. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб.: типо-лит. Н. Стефанова, 1871. Ч. 1: Несчастные. 438 с.
7. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв.: (к 60-летию проф. В.П. Андреева). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2007. 212 с.
8. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Ю.Л. Александров. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.

Vladimir P. Bojko, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru
SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF ACHINSK AND LOCAL MERCHANTRY

Keywords: Siberia, merchants, merchantry, economics, entrepreneurship, Achinsk.

The article discusses the process of the foundation, development and formation of a small provincial Siberian city of Achinsk. This part of history is considered by the author as a source for studying the modernization of economic and social life in Siberia throughout the 19th to early 20th centuries and the inception and development of the domestic bourgeoisie there. Using the example of a separate small city, an attempt is made to identify the causes and content of new phenomena of the country's socio-economic life and the role that entrepreneurs played in it. Such conclusions are confirmed by the content of biographies of individual merchants and entrepreneurs, which are colorful and informative historical accounts, worthy of novels and artistic essays. The scientific and unbiased historical and economic study, which explains the formation of the large capital of Achinsk, analyzes the state of affairs in the Yenisei province as a whole, reveals the relations of owners and workers, merchants and their clerks, which illuminates all aspects of the merchants' life in the region. The treasures of the architectural heritage of the Achinsk merchants are of particular note. They did not spare funds to pay for the projects of their buildings and structures, using the lumber of high-quality materials for their construction and strictly monitored the quality of the structural work. Thus, the article concludes that in Achinsk and some other cities of the Yenisei province there was a natural business qualities selection of entrepreneurs, which in the face of strong competition, the absence of credit and state guarantees, led to a constant "rotation" of merchants. Most of the merchants were primarily engaged in trade, and this was the most conservative part of the nascent bourgeoisie, that affected the architecture of Siberian cities and towns. To increase the stability of capital and increase their profitability, merchants began to invest their capital in industrial production and gold mining in the second half of the 19th century, which generated breaking with traditions, both public and national ones, and the incorporation of provincial businessmen in regional and even global cultural processes. Nevertheless, simplicity and lack of education allowed merchants to keep up national character traits, to have a traditional patriarchal family with established traditions and values, and to remain committed to the old faith.

REFERENCES

1. Lamin, V.A. (ed.) (2009) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* : v 3 t. [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri.
2. Rezun, D.Ya. & Vasil'evskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [The Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
3. Rezun, D.Ya. (ed.) (2012) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii v Sibiri*: v 2 t. [The Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
4. Dolgorukov, V.A. (ed.) (1895) *Putevoditel' po vsey Sibiri i Sredneaziatskim vladeniym Rossii s podrobnym dorozhnikom* [A Guide to all Siberia and the Central Asian possessions of Russia with a detailed road book]. Tomsk: P.I. Makushin.
5. Sakharov, A.N. (ed.) (1999) *Istoriya Rossii s nachala XVIII do kontsa XIX veka* [History of Russia from the early 18th to the late 19th century]. Moscow: AST.
6. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Hard Labor]. St. Petersburg: N. Stefanov.
7. Andreev, V.P. et al. (2007) *Problemy urbanizatsii vostochnykh regionov Rossii v XIX – XX vv.* [Problems of urbanization of the eastern regions of Russia in the 19th–20th centuries]. Tomsk: TSUAB.
8. Bykonya, G.F., Komleva, E.V. & Pogrebnyak A.I. (2012) *Eniseyskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.)* [Yenisei merchants in persons (18th – early 20th)]. Novosibirsk: SB RAS.

УДК 94(571)“1918/1919”
DOI: 10.17223/19988613/75/3

С.О. Вишневский

ТИФОЗНАЯ ЭПИДЕМИЯ В НОВОНИКОЛАЕВСКЕ ЛЕТОМ 1918 – ОСЕНЬЮ 1919 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Новосибирской области в рамках проекта № 20-49-540006.

Статья посвящена эпидемии тифа в г. Новониколаевске в условиях Гражданской войны. На основе архивных документов и материалов периодической печати выявлены основные источники возникновения заразных заболеваний в Новониколаевске летом 1918 – осенью 1919 г., выяснено, как и с какой скоростью протекала там тифозная эпидемия. Показано, что всплеск заболеваемости различными видами тифа в Новониколаевске коррелировал с изменением линии фронта и массовым передвижением военнослужащих и гражданского населения с запада на восток. Сделан вывод, что к осени 1919 г. эпидемия приняла неконтролируемый характер и стала одной из крупнейших катастроф в истории города.

Ключевые слова: Гражданская война, Новониколаевск, население, эпидемия, тиф, заболеваемость

Эпидемии во все времена были тяжелейшим испытанием для человечества. Особенно остро эта проблема стояла в городах, отличавшихся от других типов поселений заметно большей плотностью населения и специфическим образом жизни. Исторический опыт показывает, что наибольший урон инфекционные заболевания наносили, как правило, городам с плохо развитой инфраструктурой и / или оказавшимся в экстремальных условиях военного времени. Поэтому повышенное внимание современных исследователей к истории эпидемий периода Гражданской войны в России представляется вполне закономерным.

В последние годы российские исследователи проделали большую работу по изучению борьбы с эпидемиями в Ярославле [1], Владикавказе [2], Вятке [3, 4], Курске [5], Красноуфимске [6], Екатеринбурге [7], Самаре [8] и других городах Европейской России и Урала. Заметный вклад в изучение вопроса внесла Н.А. Миронова, которая пришла к выводу, что от сыпного тифа в годы Гражданской войны наиболее пострадали Ярославль, Самара, Саратов, Казань и Царицын, т.е. города, располагавшиеся на Волге и являвшиеся одновременно крупными железнодорожными узлами [9. С. 310]. Таким образом, за последние 15 лет российские исследователи ввели в научный оборот обширный фактический материал и в той или иной степени охарактеризовали санитарно-эпидемическую ситуацию не менее чем в полутора десятках городов России периода Гражданской войны.

На этом фоне относительно скромно выглядит изучение эпидемических заболеваний на территории Сибири. Основной причиной такого отставания В.С. Познанский считал ограниченность источниковой базы [10. С. 5]. Поставить под сомнение справедливость этого утверждения позволяет вышедшая почти одновременно с монографией В.С. Познанского статья В.М. Рыкова. В ней охарактеризовано состояние санитарно-медицинских служб на востоке России в середине 1918 – конце 1919 г. и названы основные источники эпидемии тифа на этой территории в указанных хро-

нологических рамках: беженцы и арестанты [11]. Данный тезис нашел подтверждение в публикациях, посвященных эпидемиям в Омске [12], Верхнеудинске [13] и Забайкалье [14] в 1918–1920 гг. В то же время почти не изученным оказалось распространение инфекционных заболеваний в таком крупном городе Сибири, как Новониколаевск. Историография этой темы ограничивается двумя научными статьями и сборником документов, содержащими информацию о развитии эпидемии в Новониколаевске после установления в нем Советской власти [15–17], а также несколькими поверхностными публицистическими заметками, написанными «на злобу дня» после возникновения пандемии коронавируса [18–20]. Ни в одной из названных публикаций не представлена сколько-нибудь внятная информация о причинах, динамике и масштабах заболеваемости населения города различными инфекциями летом 1918 – осенью 1919 г., когда Новониколаевск находился под властью антибольшевистских правительств. В настоящей статье ставится задача ликвидировать указанный пробел, опираясь на источники, выявленные автором в федеральных и региональных архивах и библиотеках.

В конце XIX в. на берегу р. Обь в месте строительства железнодорожного моста был основан поселок Александровский, позднее переименованный в Новониколаевский. Располагавшийся непосредственно на Транссибирской магистрали, поселок стал быстро расти и уже в 1903 г. получил статус заштатного города Томской губернии. Через несколько лет Новониколаевск превратился в крупный торговый город и транспортный узел. Численность его жителей быстро увеличивалась: если в январе 1910 г. она составляла 52,7 тыс. человек, то к сентябрю 1918 г. достигла 110,9 тыс. человек [21. Л. 3; 22. С. 3]. Однако благоустройство Новониколаевска и развитие городской инфраструктуры велись низкими темпами, не отвечавшими скорости прироста населения. При этом застройка жилья и производственных помещений осуществлялась во многом стихийно, преимущественно вдоль р. Оби и ее прито-

ков, благодаря чему реки использовались жителями не только как источник питьевой воды, но и для сброса нечистот и отходов. Водопровод и канализация отсутствовали, городские улицы убирались нерегулярно и плохо. Все это неминуемо способствовало распространению заразных заболеваний, прежде всего холеры.

Не менее серьезной угрозой для горожан в начале XX в. являлись различные виды тифа: брюшной, возвратный и сыпной. Возбудителем первого являются кишечные бактерии, передающиеся, как правило, через выделения человека, а также загрязненную ими воду и пищу. Сыпной и возвратный тифы провоцируют бактерии, которые переносятся платяными, головными и лобковыми вшами [23. С. 693, 696, 698]. Соответственно, брюшной тиф, как и холера, активнее распространяется в теплое время года, тогда как сыпной и возвратный наиболее опасны в зимне-весенний период, когда люди долгое время не сменяют одежду, становящуюся настоящим рассадником вшей.

Впервые Новониколаевск столкнулся с эпидемией в 1909 г., когда городской врач А.А. Станкеев довел до сведения городской управы, что в августе и сентябре 1909 г. только в одной городской больнице были зарегистрированы около сотни больных брюшным тифом [24. Л. 9 об.]. 22 сентября 1909 г. Новониколаевская городская дума признала главными причинами распространения заразных заболеваний в городе проблемы с водоснабжением и плохие условия содержания больных, которые, не будучи изолированными, разносили инфекцию по городу [Там же. Л. 10].

В начале Первой мировой войны Новониколаевск снова оказался под угрозой эпидемии. Этому способствовал рост численности его населения, размещение здесь военнослужащих и военнопленных. Последние принесли с собой новую для города инфекцию – сыпной тиф. По данным санитарного отдела Новониколаевской городской управы, с декабря 1914 по февраль 1915 г. число больных брюшным тифом сократилось с 82 до 19, тогда как количество инфицированных «сыпняком», напротив, увеличилось с трех до 68 человек [25. Л. 5 об.]. Руководствуясь этими сведениями, чрезвычайное заседание Новониколаевской городской думы 1 марта 1915 г. признало город неблагополучным по сыпному тифу. Основным источником заражения местные власти считали военнопленных, среди которых, по данным на 1 апреля 1915 г., сыпным тифом болело уже 744 человека [Там же. Л. 159]. В результате в начале Первой мировой войны структура заразных заболеваний Новониколаевска кардинально изменилась: наряду с холерой и брюшным тифом, пик заболеваемости которыми приходился, как правило, на лето и осень, лавинообразными темпами стал распространяться сыпной тиф.

Дальнейшее ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки в Новониколаевске произошло в конце весны – летом 1918 г., когда в Сибири развернулась широкомасштабная гражданская война. Город превратился в один из опорных пунктов контрреволюции и одно из основных мест пребывания беженцев из европейской России и Урала. Неоднократная смена верховной власти в антибольшевистском лагере затрудняла

плодотворную работу городского самоуправления. Более того, нагрузка на него, на местную инфраструктуру и систему здравоохранения заметно выросла. В сложившихся условиях распространение заразных заболеваний стало вопросом времени.

По данным, опубликованным новониколаевской общественно-литературной газетой «Народная Сибирь», 27 июня 1918 г. в городе были зафиксированы 17 человек, в том числе восемь военнопленных, больных сыпным тифом, 14 – возвратным и по два человека – брюшным тифом и оспой [26. С. 3]. Для 110-тысячного города такой уровень заболеваемости можно оценивать как невысокий. Однако есть основания полагать, что приведенная статистика была неполной.

Другие источники свидетельствуют о том, что летом 1918 г. основное внимание властей было направлено на подготовку к противостоянию с холерой – типичным для сибирских городов сезонным заболеванием [27. С. 3; 28. С. 3]. Так, 29 августа 1918 г. заведующий отделом народного здоровья Министерства внутренних дел К.М. Гречищев ходатайствовал перед Советом министров Временного Сибирского правительства (ВСП) об оказании органам местного самоуправления финансовой помощи в борьбе именно с этим заболеванием [29. Л. 24]. Не дожидаясь финансирования от ВСП, Новониколаевская городская управа самостоятельно обратилась к кооперативным союзам с просьбой помочь ей добровольными пожертвованиями в виде денег, чистого белья и всего, что могло бы облегчить борьбу с холерой [27. С. 2]. Несмотря на это, в Томской губернии за сентябрь 1918 г. 69 человек умерли от холеры, 22 – от дизентерии, 19 – от брюшного и три – от сыпного тифа [30. С. 3]. Вполне закономерно, что вплоть до осени 1918 г. именно холера оставалась наиболее распространенной среди всех инфекционных заболеваний.

В конце октября 1918 г. в «Народной Сибири» была опубликована заметка о том, что в городах Сибири по линии Омской железной дороги вновь стал стремительно распространяться сыпной тиф. О масштабах надвигавшейся на Сибирь эпидемии свидетельствовал тот тревожный факт, что 120 из 200 пациентов Челябинского городского больницы был поставлен именно этот диагноз [31. С. 3]. 9 ноября 1918 г. руководство Российского Красного Креста доложило о надвигавшейся с запада эпидемии сыпного тифа управляющему делами Совета министров Временного Всероссийского правительства (ВВП) Г.Г. Тельбергу [32. Л. 7]. Но буквально на следующий день совещание деятелей Российского Красного Креста пришло к выводу, что в Сибири эпидемия уже стала почти повсеместной [Там же. Л. 5].

6 ноября 1918 г. в «Народной Сибири» появилось первое сообщение о заболевших среди беженцев, арестантов и горожан Новониколаевска. Отмечалось, что больницы оказались переполнены. Решающим фактором развития эпидемии газета назвала перенаселение города [33. С. 3]. Санитарно-эпидемическая ситуация усугублялась перемещением через Новониколаевск больших масс людей, особенно военнослужащих, продолжительное время не посещавших бани, носивших одни и те же одежду и белье. Аналогичные причины

вызвали распространение сыпного и возвратного тифов среди арестантов, из-за чего городская тюрьма стала одним из главных рассадников этих заболеваний в Новониколаевске [34. С. 3].

Для выработки адекватных мер по борьбе с сыпным тифом 6 ноября 1918 г. в Новониколаевске состоялось заседание городского врачебно-санитарного совета. Выступивший на нем врач А.А. Станкеев сопоставил масштабы заражения с эпидемией, вспыхнувшей вскоре после начала мировой войны, когда «заболевания насчитывались тысячами и уносили в могилу по несколько десятков жертв в день» [35. С. 3]. А.А. Станкеев утверждал, что все лечебные заведения Новониколаевска переполнены, а также констатировал отсутствие в городе дезинфекционной камеры и дезинфицирующих средств, нехватку больничной одежды и белья, плохое состояние водоснабжения и ассенизационного обоза. Сложившаяся обстановка грозила дальнейшим ростом эпидемических заболеваний. Главным итогом заседания врачебно-санитарного совета стало решение о передаче «дела ведения борьбы с эпидемией тифа» специальной междуведомственной комиссии [Там же].

Серьезность положения побудила местные органы власти не только вести статистику заболеваемости, но и публиковать ее в периодической печати. С ноября 1918 по январь 1919 г. «Народная Сибирь» регулярно приводила сведения о количестве больных сыпным, возвратным, брюшным и так называемым неопределенным тифом. После закрытия властями газеты публичное обнародование статистических сведений прекрати-

лось, однако соответствующие органы продолжали вести систематический учет движения больных.

Судить о динамике заболеваемости в январе–ноябре 1919 г. позволяют так называемые «эпидемические телеграммы», которые Новониколаевский городской голова А.К. Скворцов раз в три дня отправлял управляющему Томской губернией [36]. В отличие от сводок, публиковавшихся «Народной Сибирью», данные телеграммы содержали информацию не о числе больных тем или иным видом тифа на тот или иной день, а только об их приросте за счет вновь заболевших. Общая же численность больных в телеграммах указывалась без группировки по отдельным инфекциям. Это не позволяет ответить на вопрос о том, сколько людей и каким тифом болело в Новониколаевске в конкретный день, но тем не менее дает примерное представление об удельном весе болевших сыпным, возвратным, брюшным и неопределенной разновидностью тифа.

Согласно официальной статистике, в ноябре–декабре 1918 г. число больных тифом в Новониколаевске последовательно росло: 258 человек на 10 ноября, 341 – 18 ноября, 453 – 7 декабря и 553 – 30 декабря 1918 г. (рис. 1). Анализ статистики по видам заболеваний свидетельствует о том, что столь быстрый прирост давали главным образом больные сыпным и возвратным видами тифа. Что касается неопределенного тифа, то динамика инфицирования им позволяет утверждать, что это также был преимущественно сыпной тиф (рис. 2). Число пациентов, больных брюшным тифом, напротив, снижалось, что было вполне характерно для зимы.

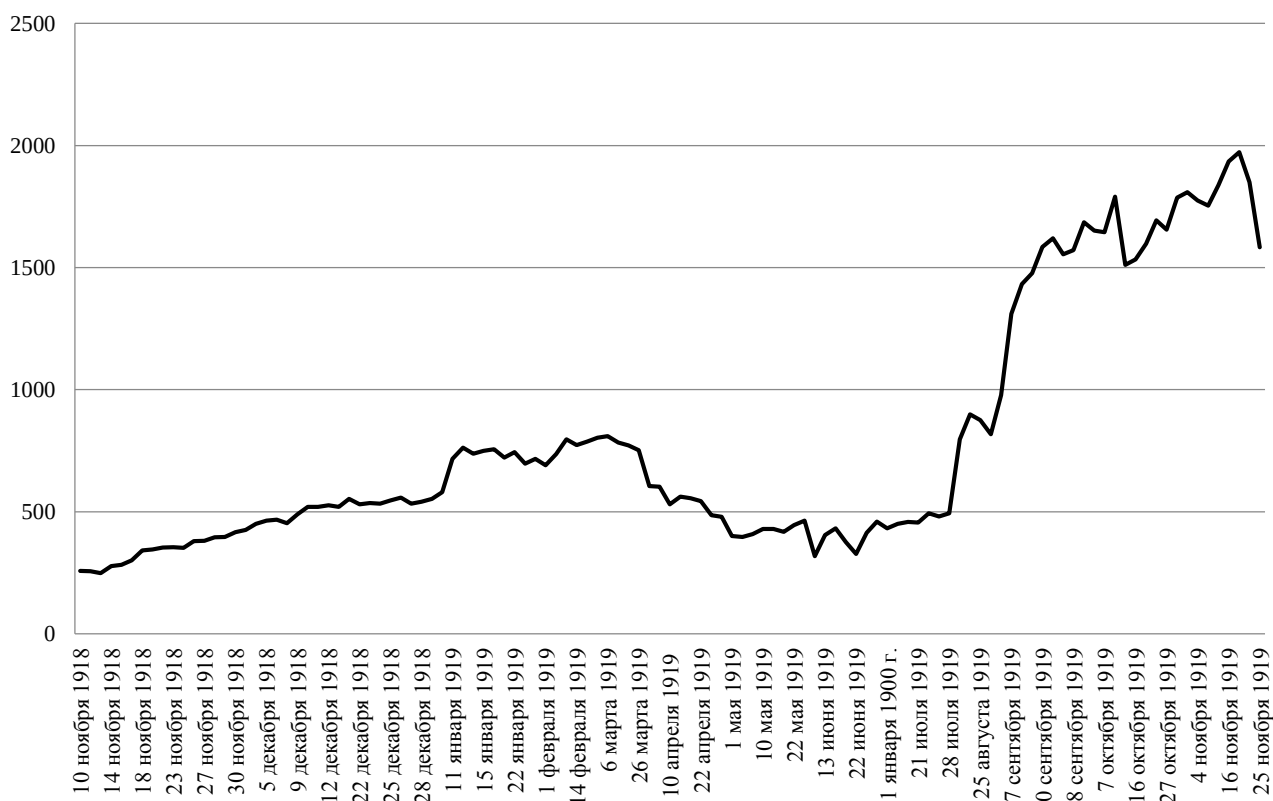

Рис. 1. Количество больных всеми видами тифа в Новониколаевске в ноябре 1918 – ноябре 1919 г. (чел.).

Сост. по: Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 271; Народная Сибирь. 1918. 13–14, 16–17, 19–23, 26–30 нояб., 1, 3–4, 6–8, 10–14, 18, 22, 25–29, 31 дек.; 1919. 3, 4, 7, 14–16, 18, 21, 24, 26, 30 янв.

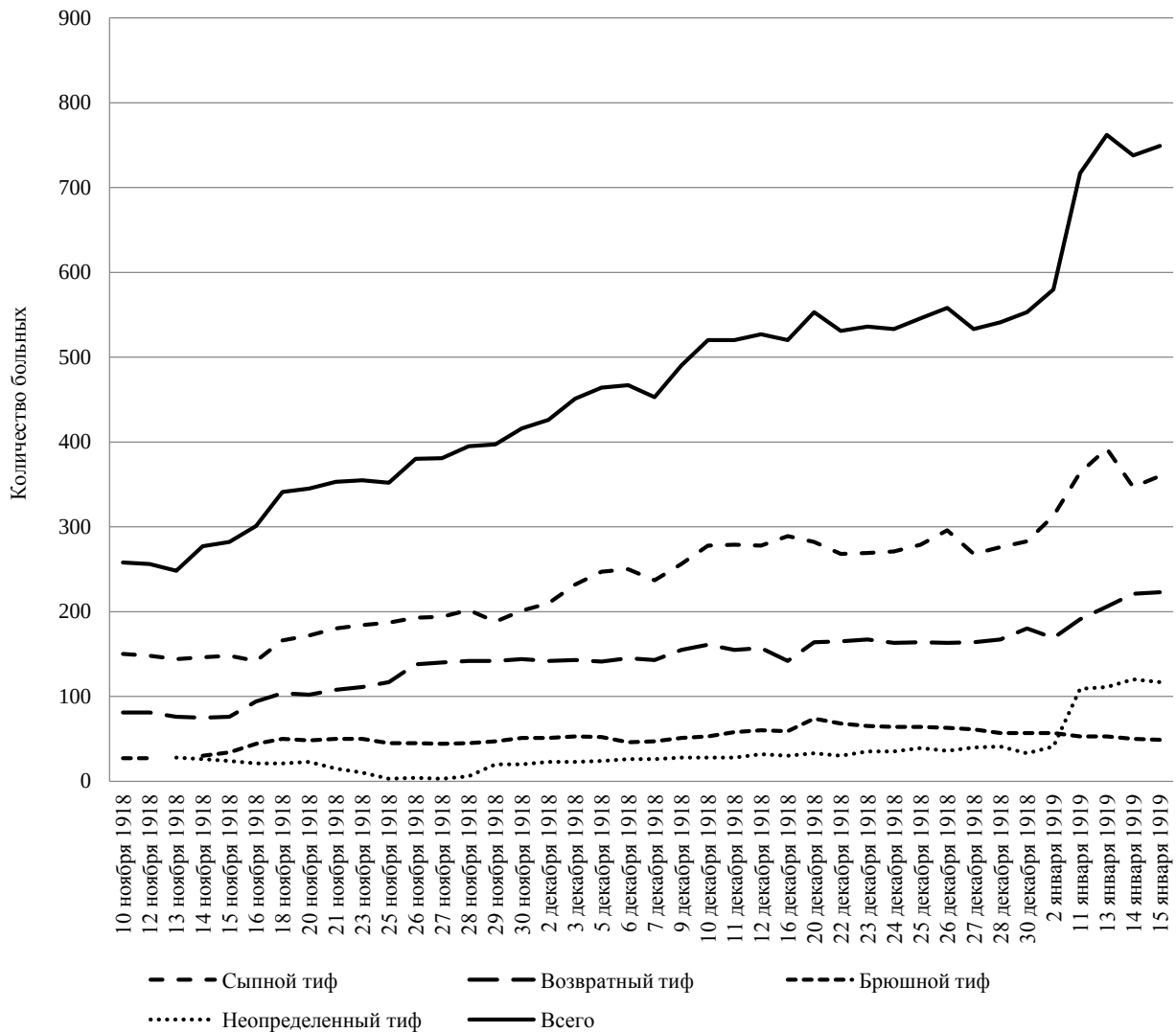

Рис. 2. Структура эпидемии по видам тифа в ноябре 1918 – январе 1919 г. (чел.).

Сост. по: Народная Сибирь. 1918. 13–14, 16–17, 19–23, 26–30 нояб., 1, 3–4, 6–8, 10–14, 18, 22, 25–29, 31 дек.; 1919. 3, 4, 7, 14–16, 18, 21, 24, 26, 30 янв.

В начале 1919 г. темпы заболеваемости резко ускорились. Уже к 13 января число заболевших в Новониколаевске достигло 762 человек, что почти в 1,4 раза превысило показатели конца 1918 г. Статистика свидетельствует, что столь резкий всплеск эпидемии произошел главным образом за счет сыпного и возвратного видов тифа. Однако такой скачок вряд ли можно объяснить сезонностью инфекций. Выяснить его истинные причины позволяет анализ сведений о том, кто именно болел сыпным (рис. 3) и возвратным (рис. 4) тифом. Как оказалось, в обоих случаях основными носителями инфекции являлись бывшие русские солдаты, вернувшиеся из плена в Австро-Венгрии и Германии. Угроза взрывного роста эпидемии за счет прибывших в Новониколаевск с запада поездов осознавалась местными властями еще в конце 1918 г. Так, городской голова А.К. Скворцов на состоявшемся 25 декабря совещании по оказанию помощи возвращавшимся из-за границы русским военнопленным заявил, что последние прибывали в город голодными и в грязной одежде, что, по мнению А.К. Скворцова, могло привести к распространению тифа по всему уезду [37. С. 499–500]. Переброска

по железной дороге больших масс людей в условиях холода и антисанитарии закономерно обернулась всплеском эпидемии сыпного и возвратного тифов.

Еще одной категорией населения с высоким уровнем заболеваемости на рубеже 1918–1919 гг. стали арестанты (см. рис. 3). Особая уязвимость этой социальной группы Челябинска, Омска, Семипалатинска, Томска и Новониколаевска была выявлена еще в конце лета – осенью 1918 г. По данным на 13 ноября 1918 г., из 400 заключенных, находившихся в то время в Новониколаевске, болели 75 человек [38. Л. 24], т.е. 18,8% от общего числа арестантов. 10 января 1919 г. начальник новониколаевской городской милиции направил управляющему Томской губернией отчет, в котором сообщил, что тюрьмы, а также арестные помещения поражены эпидемией тифа при полном отсутствии в них какой-либо медицинской помощи [37. С. 516]. Несмотря на осведомленность о существующей проблеме, ситуацию улучшить не удавалось. На состоявшемся 7 февраля 1919 г. заседании городской думы А.К. Скворцов был вынужден признать, что в арестном доме тиф «свил себе прочное гнездо» [36. Л. 68 об.].

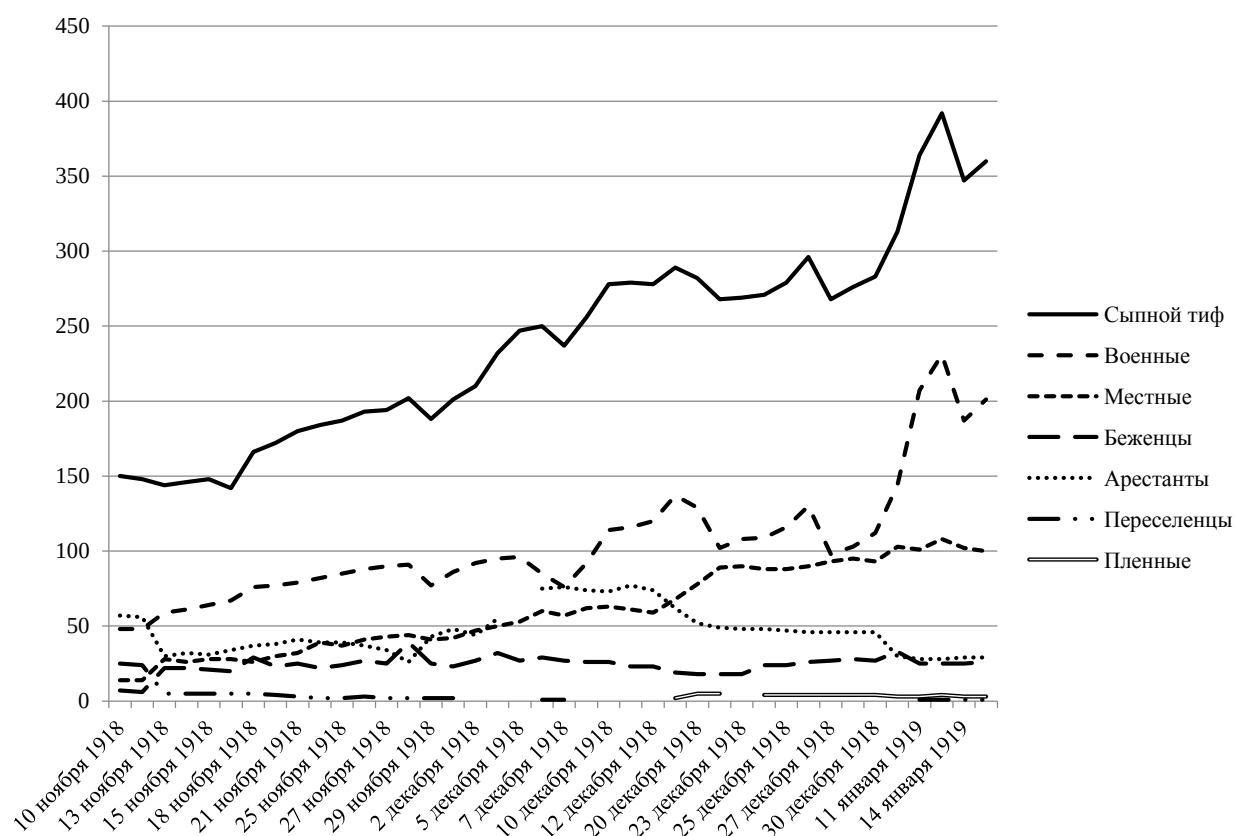

Рис. 3. Количество больных сыпным тифом в Новониколаевске по категориям населения в ноябре 1918 – январе 1919 г. (чел.).
Сост. по: ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 271

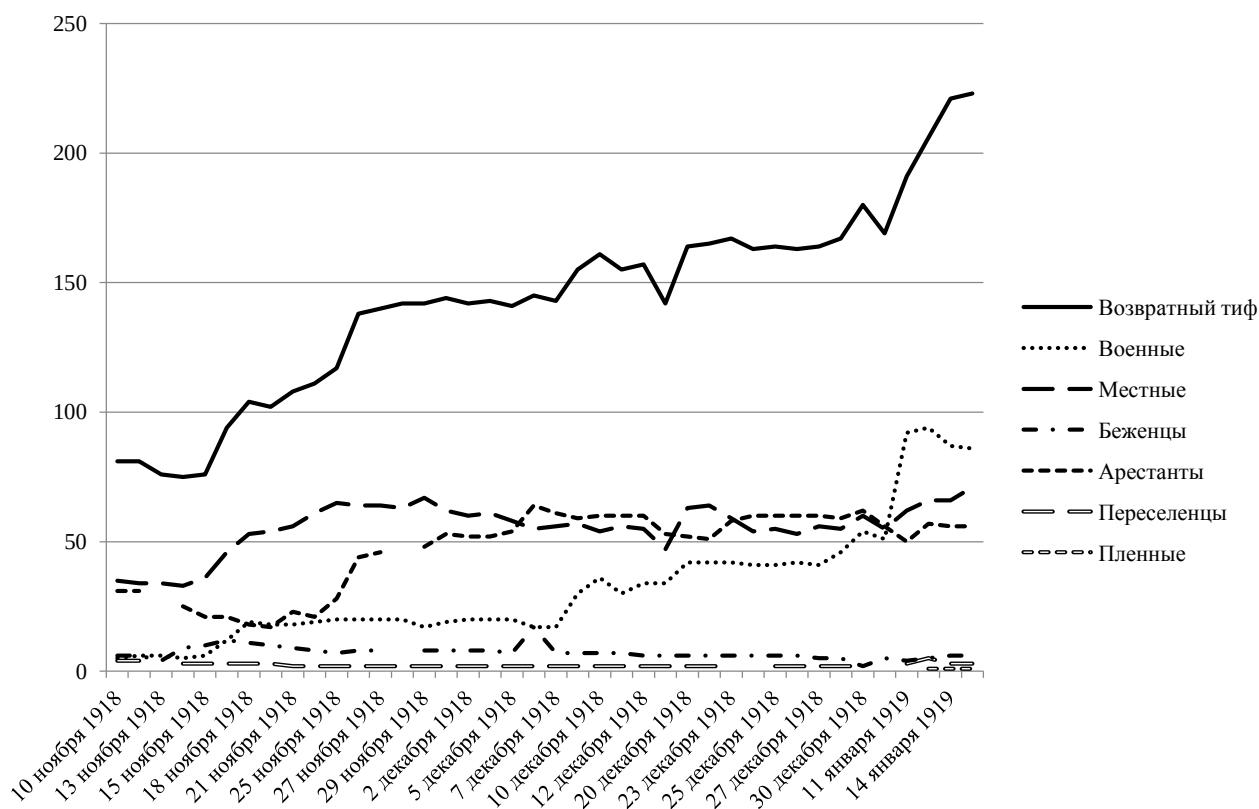

Рис. 4. Количество больных возвратным тифом в Новониколаевске по категориям населения в ноябре 1918 – январе 1919 г. (чел.).
Сост. по: ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 271

20 ноября 1918 г. товарищ министра внутренних дел А.А. Грацианов и заведующий отделом народного здоровья К.М. Гречищев доложили Совету министров Российского правительства о том, что еще одним значимым фактором в распространении тифа, особенного сыпного и возвратного, стало беженство из «волжских местностей» [39. Л. 154–157], т.е. из Поволжья, где в то время господствовали голод и эпидемические заболевания [1, 40]. Продвижение беженцев на восток способствовало росту заболеваемости как в их собственной среде, так и в городах, через которые они проезжали или в которых останавливались.

Источники эпидемии, привнесенные в Новониколаевск извне, дополнялись внутренним «рассадником» инфекционных заболеваний, которым в условиях Гражданской войны стали лечебные учреждения. В январе 1919 г. отдел народного здоровья Министерства внутренних дел констатировал, что в Новониколаевске «не приняты соответствующие и неотложные меры для уничтожения очагов заразы»: больницы не изолированы, квартиры и даже одежда больных не дезинфицировалась, в результате чего после выписки пациенты нередко снова становились разносчиком тифа [36. Л. 74]. В итоге лечебные учреждения не только способствовали борьбе с эпидемией, но и, напротив, иногда провоцировали ее рост. В этих условиях привить местному населению доверие к учреждениям здравоохранения было крайне сложно.

Закономерным результатом такого положения стала повышенная смертность среди населения. По данным врача П.П. Садовского, обнаруженным в начале 1920-х гг., в октябре 1918 – январе 1919 г. в Томской губернии из 3 298 заболевших сыпным тифом умерли 254 человека, т.е. 7,7%. Более высокий процент летальности (8,8%) в указанный период был зафиксирован только от брюшного тифа, хотя общее число больных им в Томской губернии составляло тогда только 917 человек. По оценкам П.П. Садовского, от неопределенного тифа умерли 3,7%, от возвратного – 1,5% заболевших [41. С. 28–29]. Если принять эти цифры за средние по губернии, то с определенной долей условности можно предположить, что в ноябре 1918 – январе 1919 г. в Новониколаевске от различных видов тифа умирали по 26 человек в день.

Официальная статистика свидетельствует, что в первом квартале 1919 г. в Новониколаевске ежедневно фиксировалось около 700–800 больных всеми видами тифа. Однако с приходом весны и потеплением размах эпидемии уменьшился: 4 апреля 1919 г. в городе насчитывалось 605, а 1 мая – 401 зараженный (см. рис. 1). Наметившаяся тенденция была обусловлена, вероятно, сезонностью сыпного и возвратного тифов.

Летом 1919 г. численность заболевших в Новониколаевске сохранялась примерно на этом же уровне: около 400 больных, что не позволяет говорить о ликвидации эпидемии. Более того, за счет прибытия в город с запада новых пассажирских поездов время от времени происходили резкие всплески заболеваемости. Например, 10–12 июня 1919 г., когда в город прибыли военнослужащие из Уфы, статистка зафиксировала 143 новых пациента [36. Л. 154], хотя как в предше-

ствующие, так и в последующие дни средняя заболеваемость в Новониколаевске составляла около 10 человек в сутки. Отступление армии Российского правительства с Урала потребовало начать регулярную переброску части войск в тыл для переформирования. Вместе с эшелонами войск на восток следовали санитарные поезда и двигался поток беженцев. В самом же Новониколаевске формировались новые воинские части [42. Л. 6].

Эти постоянно действовавшие факторы не позволяли местным властям справиться с эпидемией. Более того, в конце лета – осенью 1919 г. она приобрела по-настоящему неконтролируемый характер. Так, 28 июля 1919 г. в городе насчитывалось 493 больных всеми видами тифа, к 19 августа их число выросло до 796, а к 7 сентября – до 1 311 человек [36. Л. 186, 199, 202]. Причем впервые заболеваемость возвратным тифом обогнала по темпам инфицирование сыпным: за 4–6 сентября 1919 г. им заболели 292 человека, тогда как «сыпняк» был диагностирован только у 139 пациентов [Там же. Л. 202]. Убедительного объяснения изменению соотношения между двумя этими видами тифа не существует. И в том и в другом случае рост заболеваемости происходил преимущественно в среде военнослужащих, значительная часть которых прибывала в город по железной дороге.

По данным Новониколаевской объединенной уездно-городской санитарно-исполнительной комиссии, к началу сентября 1919 г. на железнодорожных путях скопилось «18 неразгруженных скотских вагонов, наполненных сыпно-тифозными больными» [43. Л. 1]. На состоявшемся 2 сентября заседании вышеназванной комиссии врач Платонов сообщил, что, несмотря на переполненные больницы, разгрузить эшелон планировалось именно в Новониколаевске, в то время как в лечебных учреждениях Барнаула, Семипалатинска и других близлежащих городов все еще имелись свободные койки [Там же. Л. 1, 1 об.].

В сентябре 1919 г. городской голова А.К. Скворцов в телеграмме на имя Главноначальствующего санитарно-эвакуационной части адмирала О.О. Рихтера, находившегося в то время в Омске, сообщил, что тифозная эпидемия в Новониколаевске прогрессирует преимущественно «среди квартирующих войск и главным образом среди ставшего настоящим очагом распространения 13-го кадрового полка и прикомандированной к нему пересыльной части» [36. Л. 220]. Один из новониколаевских врачей описал состояние этого полка следующим образом: «...около 200 больных воинов без белья и без всякого ухода валяются на каменном полу, среди них лежат также и трупы умерших» [43. Л. 1 об.]. Достоверность приведенных А.К. Скворцовым сведений подтверждается статистическими данными, согласно которым за 29–30 октября сыпным и возвратным тифом в городе заболели 290 военнослужащих и только 43 местных жителя [36. Л. 248]. То есть количество новых заболевших среди военнослужащих оказалось почти в семь раз выше, чем среди горожан.

Столь заметное увеличение численности больных военнослужащих по сравнению с местным населением объяснялось ухудшением ситуации на фронте и в тылу.

Поражения армии Российского правительства, сокращение подконтрольных ему территорий, начавшаяся 14 ноября 1919 г. эвакуация из Омска и быстрое приближение линии фронта к Новониколаевску неизбежно вели к концентрации в нем все большего числа военных, беженцев и арестантов, по-прежнему являвшихся основными источниками инфекционных заболеваний. В результате к 19 ноября 1919 г. тифозная эпидемия в Новониколаевске достигла своего пика: общее число заболевших тифом составило 1 973 человек (см. рис. 1). Это было почти в 8 раз больше, чем годом ранее, и в 56 раз больше, чем в июне 1918 г.

Рост числа заболевших в Новониколаевске и в Томской губернии в целом оказывал колоссальную нагрузку на систему здравоохранения и, как следствие, вел к увеличению избыточной смертности. По оценкам П.П. Садовского, с августа 1919 г. до начала 1920 г. в Томской губернии различными видами тифа болели не менее 300 тыс. человек, из которых около 50 тыс. скончались [41. С. 28–29]. Исходя из приведенных цифр, по губернии в целом смертность от тифа достигала 16,7%, т.е. по сравнению с началом 1919 г. она выросла не менее чем в два раза.

Однако даже эти цифры, по всей видимости, были явно заниженными и не отражали реального положения вещей. Дело в том, что далеко не все заболевшие обращались в лечебные учреждения. Но даже тем, кто обращался к медикам, не всегда ставили верный диагноз. Поэтому статистика как по заболевшим, так и по умершим, вполне вероятно, была заниженной.

В двадцатых числах ноября 1919 г. из Новониколаевска началась эвакуация войск и местного населения, продолжавшаяся вплоть до занятия города Красной Армией месяц спустя. Находившийся в городе в то время уполномоченный Главного управления Красног Креста Н.Н. Волков впоследствии вспоминал, как сотни беженцев «осаждали» его «с утра до вечера, умоляя спасти их семьи от “красной опасности”» [44. С. 77]. Несмотря на многокилометровую ленту из скопившихся на железной дороге эшелонов, люди постепенно покидали Новониколаевск. Среди эвакуировавшихся и бежавших из города были военнослужащие и местные жители, здоровые и больные. Во многом благодаря этому тифозная эпидемия постепенно стала спадать. По данным на 22 ноября 1919 г., в Новониколаевске насчитывалось 1 849 больных различными видами тифа, а три дня спустя, 25 ноября, их численность сократилась до 1 583 человек (см. рис. 1).

Тем не менее ко времени восстановления в Новониколаевске советской власти санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе оставалась критической. По словам председателя учрежденной Томским (Новониколаевским) губревкомом губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом П.К. Голикова, относящимся к 23 января 1920 г., повсюду лежали трупы, «общая картина – не эпидемия, а мор» [45. Л. 38 об.]. Тифозная эпидемия стала для Новониколаевска без преувеличения гуманитарной катастрофой, а борьба с ней – одной из наиболее актуальных и трудных задач, доставшейся в наследство от колчаковского правления только что восстановленной советской власти.

К лету 1918 г. власти Новониколаевска имели почти десятилетний опыт борьбы с эпидемическими заболеваниями, основной причиной которых являлось отсутствие в городе водопровода и канализации. С началом широкомасштабной гражданской войны в Сибири источники и структура эпидемий существенно изменились. Массовые перемещения военнопленных, военнослужащих и беженцев по Транссибирской железнодорожной магистрали способствовали заносу эпидемии в Новониколаевск извне. Причем распространялись таким образом преимущественно сыпной и возвратный тифы, передававшиеся различными видами вшей. Всплеск заболеваемости этими инфекциями явно коррелировал с изменением линии фронта и массовым передвижением военнослужащих и гражданского населения с запада на восток. В условиях перенаселения и антисанитарии занесенная в город инфекция быстро поражала местное население, особенно арестантов. Благодаря этому тифозная эпидемия, несмотря на ее неравномерное течение, не затихала не менее года. Осуществлявшееся во второй половине 1919 г. отступление колчаковских войск, сопровождавшееся массовой эвакуацией и беженством гражданского населения с запада на восток, вызвали неконтролируемый всплеск эпидемии тифа. В результате Новониколаевск столкнулся с взрывным ростом заболеваемости тогда, когда в Европейской России она уже постепенно пошла на спад.

Тифозная эпидемия, из-за Гражданской войны принесенная едва ли не в каждый дом, коснулась самых разных слоев населения Новониколаевска вне зависимости от социального положения, национальности, возраста, став одной из крупнейших катастроф в истории города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронова Н.А. Санитарно-эпидемическое состояние Ярославля в 1918 г. // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 4 (57). С. 232–238.
2. Гапеева М.С. Борьба с эпидемиями и система здравоохранения: Владикавказ 1917–1920-е гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2015. № 1. С. 39–42.
3. Позднякова А.С., Вычугжанина Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в вятском исправительном рабочем доме в 1918–1920 гг. // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2 (50). С. 65–68.
4. Позднякова А.С., Вычугжанина Е.Ю. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа в Вятке в 1918–1920 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 17–28.
5. Симонян Р.З. Эпидемиологическое состояние населения уездов Курской губернии под властью большевиков (1918–1919 гг.) // Sciences of Europe. 2019. № 35-3 (35). С. 39–41.
6. Тимофеева Н.С. Тиф в Красноуфимске // Архивы Урала. 2019. № 23. С. 133–141.
7. Константинов С.И. Медицинские работники Екатеринбурга в борьбе с эпидемией тифа в 1919 году // Уральский медицинский журнал. 2020. № 4 (187). С. 196–201.

8. Миронова Н.А., Куликов В.В. Боевой санэпидотряд коммунистов в борьбе с эпидемией тифа в Самаре // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (53). С. 22–29.
9. Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020. 320 с.
10. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 306 с.
11. Рышков В.М. Санитарно-медицинские службы на востоке России в антибольшевистский период гражданской войны (вторая половина 1918–1919 гг.) // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского : сб. докл. / отв. ред. А.И. Донченко. Благовещенск, 2007. С. 232–250.
12. Сизов С.Г. Повседневная жизнь горожан и эпидемия тифа в белом Омске в 1918–1919 годах // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 2017. С. 43–48.
13. Шаламов В.А. Здравоохранение Верхнеудинска (Улан-Удэ) в годы Гражданской войны (1917–1920) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 2 (38). С. 25–32.
14. Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (май 1919 – январь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 67–77.
15. Вишневецкий С.О. Борьба с эпидемией сыпного тифа в Томской губернии в декабре 1919 – апреле 1920 г. // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.) и др. Новосибирск, 2019. С. 313–322.
16. Кокоулин В.Г. Эпидемии и борьба с ними в Новониколаевске–Новосибирске в годы новой экономической политики // Сибирский архив. 2020. № 3 (5). С. 118–139.
17. ЧЕКАТИФ: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. – апрель 1920 г.) : сб. документов и материалов. Новосибирск, 2021. 200 с.
18. Кузменкина Л.А. Как Новониколаевск боролся с эпидемиями // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/kak-novonikolaevsk-borolsya-s-epidemiymi> (дата обращения: 31.05.2021).
19. Кузменкина Л.А. Уничтожить почти все население Сибири могли тиф и холера // Сибкрай.ру. 2020. 6 июня. URL: <https://sibkray.ru/news/1/935902/> (дата обращения: 31.05.2021).
20. Манько Н. «Город трупов»: как Новосибирск переживал самые страшные эпидемии в своей истории // Комсомольская правда. 2020. 27 мая. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27134/4225210/> (дата обращения: 31.05.2021).
21. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 310А.
22. Русская речь (Новониколаевск). 1918. 16 нояб.
23. Большая медицинская энциклопедия : актуализированное и дополненное издание бестселлера. М. : Эксмо, 2015. 880 с.
24. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 43.
25. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 202.
26. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 29 июня.
27. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 7 авг.
28. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 5 сент.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 383.
30. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 22 окт.
31. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 25 окт.
32. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 308.
33. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 нояб.
34. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 8 нояб.
35. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 9 нояб.
36. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 271.
37. Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах. Новосибирск, 2008. 565 с.
38. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 29.
39. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 383.
40. Миронова Н.А. Борьба с эпидемией сыпного тифа на железной дороге 1919–1923 гг. // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2020. № 1. С. 46–51.
41. Садовский П.П. Текущая тифозная эпидемия в Томске // Сибирский медицинский журнал (Томск). 1922. № 1-2. С. 28–33.
42. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 353.
43. ГАРФ. Ф. Р-1702. Оп. 1. Д. 64.
44. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
45. ГАНО. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 6.

Stanislav O. Vishnevskii, Novosibirsk Medical State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: wishnewskiy@gmail.com

THE TYPHOID EPIDEMIC IN NOVONIKOLAEVSK IN SUMMER 1918 – AUTUMN 1919

Keywords: Russian Civil War; Novonikolaevsk; population; epidemic; outbreak; typhus; incidence.

The article studies the outbreak of typhoid fever in Novonikolaevsk city during the Russian civil war. The research is based on the wide range of sources found in the federal and regional archives and libraries. They include previously unknown statistics that were published by the newspaper “*Narodnaya Sibir*” (“*People's Siberia*”) as well as newly discovered telegrams from A. K. Skvortsov, the mayor of Novonikolaevsk, to the Tomsk governor reporting about typhoid outbreak. The article examines the causes of the infectious diseases in Novonikolaevsk in the summer of 1918 – fall of 1919, how much the typhus epidemic affected them, how fast it was developing, and what impact it had on people’s livelihood.

Novonikolaevsk, established at the end of the 19th century, had been serving as an important transportation hub since the first years of its existence. Due to its favorable geographical position, the population of the city had been growing rapidly, and by September 1917 it reached the impressive number of 110.9 thousand people. However, the development of urban infrastructure lagged noticeably behind the dynamics of the population. At the beginning of the civil war, there were still no water supply and sewerage system. Overcrowding and insanity were the main causes of infectious diseases in Novonikolaevsk.

The article shows that during the civil war typhus and relapsing fever caused by various types of lice severely jeopardized the people of Novonikolaevsk. Among the main carriers of typhoid fever were military personnel, refugees, and prisoners. Overcrowded and poorly equipped hospitals also badly affected the situation in the city.

The number of patients with all types of typhus had been increasing very quickly: in June 1918 there were 33 cases, in November 1918 – 416, in January 1919 – 762. In the spring of 1919, the epidemic plateaued with the number of diagnosed cases of typhus of all types decreased to about 400 and remained at this level during the first half of the summer of 1919. However, in August 1919, a new and even

more severe wave swept across the city: between July and November 1919 the number of cases increased from 493 to 1973. The gradual decline of the number of cases at the end of 1919 was due to the evacuation of part of the population from Novonikolaevsk to the east. Nevertheless, even after the establishment of Soviet power in the city, the sanitary conditions and the epidemic situation remained critical. The article concludes by arguing that the waves of various types of typhus in Novonikolaevsk were correlated with a change in the front line of civil war and the massive movement of military personnel and civilians from west to east. Being a disease of soldiers and various marginalized layers of the population in peacetime, typhus massively affected city dwellers of different social status, nationality, and age during the civil war. This fact allows to assess the typhoid outbreak of summer 1918 – autumn 1919 as one of the largest catastrophes in the history of the city.

REFERENCES

1. Mironova, N.A. (2008) Sanitarno-epidemicheskoe sostoyanie Yaroslavl'ya v 1918 g. [The sanitary and epidemic state of Yaroslavl in 1918]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4(57). pp. 232–238.
2. Gapeeva, M.S. (2015) Bor'ba s epidemiyami i sistema zdravookhraneniya: Vladikavkaz 1917–1920-e gg. [Epidemic control and the healthcare system: Vladikavkaz 1917–1920s]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova – Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 1. pp. 39–42.
3. Pozdnyakova, A.S. & Vychugzhanina, E.Yu. (2016) Epidemiya sypnogo tifa v vyatskom ispravitel'nom rabochem dome v 1918–1920 gg. [Epidemic of typhus in the Vyatka correctional worker's house in 1918–1920]. *Vyatskiy meditsinskiy vestnik – Medical Newsletter of Vyatka*. 2(50). pp. 65–68.
4. Pozdnyakova, A.S. & Vychugzhanina, E.Yu. (2018) The Organization of the Fight Against the Typhus Epidemic in Vyatka in 1918–1920. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya – History Magazine: Researches*. 6. pp. 17–28. (In Russian).
5. Simonyan, R.Z. (2019) Epidemiological status of the population of districts of Kursk Province under the rule of the Bolsheviks (1918–1919). *Sciences of Europe*. 3(35). pp. 39–41. (In Russian).
6. Timofeeva, N.S. (2019) Tif v Krasnoufimsk [Typhus in Krasnoufimsk]. *Arkhivy Urala*. 23. pp. 133–141.
7. Konstantinov, S.I. (2020) Meditsinskie rabotniki Ekaterinburga v bor'be s epidemiej tifa v 1919 godu [Medical workers of Yekaterinburg in the fight against the typhus epidemic in 1919]. *Ural'skiy meditsinskiy zhurnal*. 4(187). pp. 196–201.
8. Mironova, N.A. & Kulikov, V.V. (2020) Boevoy sanepidotryad kommunistov v bor'be s epidemiej tifa v Samare [Combat sanitary epidemiological squad of communists in the fight against the typhus epidemic in Samara]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2020. 3(53). pp. 22–29.
9. Mironova, N.A. (2020) Velikaya epidemija: sypnoy tif v Rossii v pervye gody sovetской vlasti [The Great Epidemic: Typhus in Russia in the First Years of Soviet Power]. Moscow: The Dmitry Pozharsky University.
10. Poznanskiy, V.S. (2007) *Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gg. XX v.* [Social cataclysms in Siberia: famine and epidemics in 1920–1930s]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Rynkov, V.M. (2007) Sanitarno-meditsinskie sluzhby na vostoке Rossii v antibol'shevistskiy period grazhdanskoy vojny (vtoraya polovina 1918–1919 gg.) [Sanitary and medical services in the east of Russia during the anti-Bolshevik period of the civil war (the second half of 1918–1919)]. In Donchenko, A.I. (ed.) *Chteniya pamyati professora E.P. Sychevskogo* [Readings in memory of Professor E.P. Sychevsky]. Blagoveshchensk: [s.n.]. pp. 232–250.
12. Sizov, S.G. (2017) Povsednevnyaya zhizn' gorozhan i epidemija tifa v belom Omske v 1918–1919 godakh [Everyday life of the townspeople and the typhus epidemic in The White Omsk in 1918–1919]. *Chetvertye Yadrintsevskie chteniya* [The Fourth Yadrintsev Readings]. Proc. of the 4th All-Russian Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 43–48.
13. Shalamov, V.A. (2020) Healthcare of Verkhneudinsk (Ulan-Ude) during the Civil War (1917–1920). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN – The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2(38). pp. 25–32. (In Russian). DOI 10.31554/2222-9175-2020-38-25-32
14. Shalamov, V.A. (2019) Health care in Zabaikalskaya Oblast during the regime of Ataman M. Semenov (May 1919 – January 1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 67–77. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/9
15. Vishnevskiy, S.O. (2019) Bor'ba s epidemiej sypnogo tifa v Tomskoy gubernii v dekabre 1919 – aprele 1920 g. [The fight against the epidemic of typhus in the Tomsk Province in December 1919 – April 1920]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)* [The Civil War in the east of Russia (November 1917 – December 1922)]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 313–322.
16. Kokoulin, V.G. (2020) Epidemii i bor'ba s nimi v Novonikolaevske–Novosibirsk v gody novoy ekonomicheskoy politiki [Epidemics and the fight against them in Novonikolaevsk–Novosibirsk during the new economic policy]. *Sibirskiy arkhiv*. 3(5). pp. 118–139.
17. Vysrina, O.F. (ed.) (2021) *ChEKATIF: Tomskaya (Novonikolaevskaya) gubernskaya chrezvychaynaya komissiya po bor'be s tifom (dekabr' 1919 g. – apre' 1920 g.)* [ChEKATIF: Tomsk (Novonikolaevsk) provincial emergency commission for the fight against typhus (December 1919 – April 1920)]. Novosibirsk: [s.n.].
18. Kuzmenkina, L.A. (n.d.) *Kak Novonikolaevsk borolsya s epidemiyami* [How Novonikolaevsk fought epidemics]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/kak-novonikolaevsk-borolsya-s-epidemiyami> (Accessed: 31st May 2021).
19. Kuzmenkina, L.A. (2020) Unichtozhit' pochni vse naselenie Sibiri mogli tif i kholera [Typhus and cholera could destroy the entire population of Siberia]. *Sibkray.ru*. 6th June. [Online] Available from: <https://sibkray.ru/news/1/935902/> (Accessed: 31st May 2021).
20. Manko, N. (2020) “Gorod trupov”: kak Novosibirsk perezhival samye strashnye epidemii v svoey istorii [The “city of corpses”: how Novosibirsk survived the worst epidemics in its history]. *Komsomol'skaya pravda*. 27th May. [Online] Available from: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27134/4225210/> (Accessed: 31st May 2021).
21. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 1.
22. *Russkaya rech'*. (1918) 16th November.
23. Vyatkina, P. (ed.) (2015) *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya: aktualizirovannoe i dopolnennoe izdanie bestsellera* [The Great Medical Encyclopedia: an updated and updated edition of the bestseller]. Moscow: Eksmo.
24. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 43.
25. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 202.
26. *Narodnaya Sibir'*. (1918a) 29th June.
27. *Narodnaya Sibir'*. (1918b) 7th August.
28. *Narodnaya Sibir'*. (1918c) 5th September.
29. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 5. File 383.
30. *Narodnaya Sibir'*. (1918d) 22nd October.
31. *Narodnaya Sibir'*. (1918e) 25th October.
32. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 5. File 308.
33. *Narodnaya Sibir'*. (1918f) 6th November.

34. *Narodnaya Sibir'*. (1918g) 8th November.
35. *Narodnaya Sibir'*. (1918h) 9th November.
36. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 271.
37. Bayandin, V.I. (ed.) (2008) *Novo-Nikolaevsk – Novosibirsk, 1909–1919. 10 let na sluzhbe gorodu: Novonikolaevskaya gorodskaya дума v dokumentakh i materialakh* [Novo-Nikolaevsk – Novosibirsk, 1909–1919. Ten years in the service of the city: The Novonikolaevsk City Duma in documents and materials]. Novosibirsk: NP “Tsentr arkhivnykh tekhnologiy”.
38. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 4. File 29.
39. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 5. File 383.
40. Mironova, N.A. (2020) Bor'ba s epidemiei sypnogo tifa na zheleznoy doroge 1919–1923 gg. [The fight against the epidemic of typhus on the railway 1919–1923]. *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*. 1. pp. 46–51.
41. Sadovskiy, P.P. (1922) Tekushchaya tifoznaya epidemiya v Tomske [Current typhoid epidemic in Tomsk]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 1-2. pp. 28–33.
42. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 353.
43. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1702. List 1. File 64.
44. Petin, D.I. (2019) Evakuatsiya iz Omska (1919 g.) memuarnye zapiski sluzhashchego Krasnogo Kresta N.N. Volkova [Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the Red Cross employee N.N. Volkov]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 3(4). pp. 63–84.
45. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-34. List 1. File 6.

УДК 94(47).084.8:365
DOI: 10.17223/19988613/75/4

М.А. Клинова

ПРАВИЛА НАЙМА, СТОИМОСТЬ И СПЕЦИФИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Предпринят анализ жилищной политики послевоенного периода, проводимой в Свердловской области. Обозначены формы предоставляемого гражданам социального жилья, правила найма, специфика распределения, стоимость. Выявлены основные жилищные проблемы, с которыми сталкивались горожане: сложность получения жилья, его низкое качество, неудовлетворительный уровень реализации коммунальных услуг и пр. Иерархия распределения жилья определялась статусом трудящихся (профессия, стаж, личные трудовые заслуги и пр.), но на практике на данную систему влияли также финансовые возможности граждан, наличие «блата» и т.д.

Ключевые слова: жилищная политика, послевоенный период, СССР, социальное жилье, общежития

Немаловажным аспектом при определении качества жизни горожан является характеристика их жилищных условий. Применительно к советскому периоду отечественной истории к рассмотрению жилищных проблем советского городского населения обращались многие авторы. Приоритетное внимание отечественных исследователей получила проблематика реализации жилищной политики в СССР довоенного периода [1–3]. Сложности решения жилищных проблем в годы войны детально рассмотрены в работах Т.П. Хлыниной, А.В. Ярославцева [4, 5]. В свою очередь, проблематика решения жилищных вопросов горожан послевоенного периода изучается в немногочисленных исторических работах, в которых данная тема раскрыта на региональных материалах Дальневосточного региона [6, 7], Башкирской АССР [8], а также в контексте проблематики градостроительства и архитектуры [9]. В региональном разрезе проблема жилищного строительства в Свердловской области рассмотрена в работах В.Н. Мамяченкова, акцентирующего внимание на темпах застройки, качестве жилья [10, 11]. В то же время такие аспекты существующей в послевоенный период жилищной проблемы, как специфика распределения жилья, правила его найма и стоимость для городского населения, не получили детального рассмотрения в отечественной историографии, что актуализирует тематику предпринятого исследования.

Жилье, в котором проживало городское население страны, могло иметь различный правовой статус – принадлежать жильцу на правах личного имущества (как правило, это были неблагоустроенные домовладения) либо принадлежать предприятиям, учреждениям и организациям и передаваться жильцам (съемщикам) на правах найма. Вслед за М.М. Коршуновым и М.В. Кочетковой жилье, предоставляемое гражданам лишь в пользование, мы будем обозначать понятием «социальное жилье» [12].

В данной статье предпринят анализ послевоенной политики, проводимой в сфере социального жилищного фонда – освещены формы социального жилья, правила его найма, специфика распределения и стоимость на примере городов Свердловской области, а также

выявлены наиболее острые жилищные проблемы горожан. Хронологические рамки исследования определяются периодом 1946–1953 гг. Источниковую основу исследования составили нормативные документы послевоенного периода (постановления Совета Министров СССР, ЦК ВКП(б), распоряжения правительства), статистические источники, материалы центральных, областных, городских газет, письма и жалобы горожан, направленные в редакции газет и органы власти, материалы бюджетных обследований жителей городов Свердловской области. Полученные в работе сведения могут быть использованы в рамках учебных курсов, а также научных исследований, касающихся социальной истории послевоенного периода.

В военные годы количество городского населения РСФСР уменьшилось с 39 271 500 до 34 905 500 человек [13. С. 82]. Данное сокращение фиксировалось преимущественно в районах военной оккупации, а также в регионах, откуда эвакуировалось население (центральные районы страны, Дальний Восток). В глубинных тыловых районах России численность городского населения в годы Великой Отечественной войны, наоборот, увеличилась: за счет притока эвакуированных из центральных и западных районов страны на Урале число горожан выросло на 20%, в Сибири – на 14% [Там же. С. 84].

Вследствие увеличения численности городского населения жилищная ситуация в городах Свердловской области была критической. Обостряло жилищную проблему и качество имеющегося жилищного фонда. Значительную его часть составляло так называемое «временное жилье» представленное деревянными бараками. В Нижнем Тагиле, Каменск-Уральском объем подобного жилья составлял 25–30% [11. С. 166].

Необходимость решения жилищной проблемы определялась ее важностью в контексте реализации задач восстановления страны. Наличие жилищного фонда на предприятиях, а также качество этого жилья играли важную роль в политике закрепления кадров, что, в свою очередь, влияло на выполнение плановых заданий, производительность труда на предприятиях. Поэтому, несмотря на ограниченность финансовых

возможностей, в послевоенный период велось строительство социального жилья.

Всего по РСФСР городскими государственными и кооперативными организациями было построено: в годы четвертой пятилетки – 45 млн кв. м жилья, а в период пятой пятилетки – 79,3 млн кв. м [14. С. 92]. В Свердловской области в 1946 г. было введено в эксплуатацию 135 тыс. кв. м жилья [15. С. 2], 1948 г. за счет государственных ассигнований было построено 396 тыс. кв. м жилья, а в 1951 г. – 507 тыс. кв. м [11. С. 178]. В целом в годы четвертой пятилетки было построено 1 751 тыс. кв. м жилой площади. Данные цифры выглядят достаточно внушительными, если учесть, что в 1940 г. объем жилищного фонда в области составлял 4 094,2 тыс. кв. м, из которого только половина (2 035 тыс. кв. м) принадлежала местным советам и другим ведомствам, а остальное являлось частновладельческим [Там же. С. 176]. Таким образом, в годы четвертой пятилетки за счет государственных ассигнований было построено жилье, общий объем которого составил более 85% к уровню ведомственного довоенного жилищного фонда Свердловской области.

Формы предоставляемого горожанам социального жилья разнились в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий, профессионального статуса сотрудника и наличия жилого фонда.

Рабочим, пришедшим на предприятия (в порядке свободного найма, набранным по оргнабору, выпускникам ФЗО, РУ и пр.), как правило, предоставлялось место в общежитии. Формально качество жилищных условий общежития оговаривалось в тексте трудового договора, заключаемого с вновь пришедшим на предприятие работником. Так, например, в трудовых договорах, заключаемых с демобилизованными в 1946 г., предприятия обязывались: «предоставить... жилую площадь не менее 4,5 кв. метров и кровать с постельными принадлежностями, с взиманием платы в установленном порядке» [16. Л. 37, 390]. На страницах газет публиковались фотографии основательных кирпичных зданий общежитий, а также уютных интерьеров комнат, где вокруг столов с белоснежными скатертями проводят свой досуг советские трудящиеся – за вышивкой, чтением книг, беседами и пр. [17. С. 2; 18. С. 2; 19. С. 2].

На практике реалии рабочих общежитий не всегда были столь радужными. Фактический уровень обеспеченности жилплощадью горожан, проживающих в общежитиях, в большинстве городов региона составлял 2,5–3 кв. м на человека, а в общежитиях некоторых предприятий был еще ниже: на Новотагильском металлургическом заводе – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м. на человека [11. С. 164].

Жалобы трудящихся на неблагоустроенность общежитий регулярно публиковались на страницах прессы послевоенного периода. На страницах газеты «Тагильский рабочий» сообщалось о бытовых условиях рабочих общежития № 17 Ново-Тагильского металлургического завода: «Всюду затхлый воздух, на стенах плесень. В... комнате на шесть человек имеется только две тумбочки. На столе разостлана грязная простынь вместо скатерти» [20. С. 3]. Немногим лучший уровень «благоустройства» можно было наблю-

дать в одном из общежитий г. Первоуральска (Свердловская обл.): «В полусумрачном коридоре грязно и холодно... Это общежитие № 8 треста Трубстрой. Штукатурка во многих местах обвалилась, а там, где еще держится, жильцы находятся под постоянной угрозой быть придавленными ею... В углу топится и дымит печка... Во всех комнатах не хватает полотенец. И если их возьмут в стирку, то жильцы два-три дня вместо полотенец пользуются простынями» [21. С. 2]. В ряде случаев работников селили общежития, которые уже несколько лет назад «были списаны как непригодные» [22. С. 2].

Проблема неблагоустроенности общежитий не оставалась незамеченной местным городским руководством. Секретарь Карпинского ГК ВКП(б) Лопатин в своей докладной записке (1946) отмечал: «Ни один вопрос бытового обслуживания населения у нас в городе не решен. Не хватает жилья – сейчас у нас на двух- и трехъярусных нарах проживает до пяти тысяч рабочих, нет водопровода» [23. Л. 107]. Вопросы о перспективах и сроках ликвидации «двухъярусной системы» в общежитиях региона достаточно часто задавались трудящимися на заводских собраниях и лекциях [24. Л. 36].

С целью решения проблем благоустройства жильцы общежитий обращались в разные инстанции (к руководителям заводов, начальникам жилищных отделов, в профсоюз и т.д.). В силу ограниченности финансовых ресурсов предприятий урегулирование данных жилищно-бытовых проблем затягивалось на неопределенный срок либо они решались частично. Так, например, по результатам жалоб рабочих Ново-Левинской шахты (г. Красноуральск) на отсутствие в общежитии № 4 питьевой воды и частое отсутствие электроосвещения «парторганизация совместно с профорганизацией приняла меры... В данное время электроосвещение во всех комнатах имеется, в общежитии проводятся лекции на политические и бытовые темы» [Там же. Л. 70].

Возможности улучшения жилищно-бытовых условий жильцов общежитий были связаны с результатами их труда и стажем работы. На предприятиях некоторых отраслей индустрии хорошо работающие сотрудники могли претендовать на улучшение условий проживания в общежитии. Например, в постановлении Совета Министров СССР от 1 февраля 1949 г. № 438 «О мероприятиях по закреплению рабочих на стройках Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии и подготовке молодых рабочих строительных профессий в 1949 году» утверждалось требование – предоставлять отдельную комнату в общежитии рабочим ведущих профессий, безупречно проработавшим на стройках предприятий тяжелой индустрии не менее года [25. Л. 285].

Помимо общежитий предприятия располагали определенным объемом жилищного фонда (квартиры, комнаты), предоставляемого сотрудникам. Как правило, на предприятиях фиксировалась нехватка ведомственного жилья. Объемы жилищного строительства, проводимого министерствами и предприятиями, обозначались в ежегодных планах экономического развития. Несмотря на важность решения жилищного вопроса, планы по ведомственному жилищному строительству

регулярно не выполнялись, и жилищная проблема стояла достаточно остро на предприятиях большинства хозяйственных министерств. Например, по состоянию на 1 июля 1947 г. годовой план строительства ведомственного жилья был выполнен по министерствам: черной металлургии – на 9%; цветной металлургии – на 8,6%; химической промышленности – на 17,5%; резиновой промышленности – на 13,3% [26. Л. 297], угольной промышленности восточных районов – на 47% [27. Л. 267].

Помимо неудовлетворительных темпов строительства предприятиями ведомственного жилья, существовала определенная иерархия в его распределении. Преимущество в обеспечении ведомственным жильем (как в плане очередности, так и качества) имели руководители предприятий, ИТР и высококвалифицированные работники. В постановлении, принятом Советом Министров СССР 10 сентября 1947 г. № 3211 «О преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт» утверждалось требование: «Обеспечить в течение 1947–1950 гг. всех начальников, главных инженеров, главных механиков и маркшейдеров шахт, начальников и механиков подземных участков и горных мастеров должностными меблированными квартирами» [28. Л. 129–134].

Среди рабочих и служащих предприятий преимущество в распределении жилья имели стахановцы, а также кадровые рабочие, имеющие большой стаж работы. В заметках, посвященных заселению новых домов, как правило, уточнялись профессиональный статус и стаж новоселов: «благоустроенную квартиру получил знатный сталевар тов. Мишуков» [29. С. 1]; «новое жилье из трех комнат... получил старейший рабочий Ново-Тагильского металлургического завода старший миксеровой мартеновской печи № 2 тов. Устиновский... двухкомнатная квартира дана инвалиду Отечественной войны швейцару Дворца культуры тов. Набиулину» [30. С. 1]. Презентация в прессе данной системы «отбора» трудящихся, заселяющихся в новые квартиры, носила пропагандистский характер, формируя у граждан отношение к жилью как к награде за непрерывный стаж работы на предприятии и высокую трудовую активность.

Еще одним критерием отбора претендентов на социальное жилье от предприятия был семейный статус трудящихся. Максимальный размер занимаемой жилой площади равнялся 9 кв. м на человека, поэтому у одиноких граждан шансов получить отдельную квартиру фактически не было, они могли рассчитывать только на общежитие или комнату. Газета «Тагильский рабочий» сообщала: «В 1949 г. тысячи семей рабочих... переселились в новые светлые благоустроенные квартиры, а одиночки – в хорошие, специально оборудованные общежития комнатного типа» [29. С. 1].

На практике декларируемая статусно-профессиональная иерархия в распределении жилищного фонда, как и нормы обеспеченности жильем, не всегда соблюдалась. Вследствие высокого уровня востребованности и ограниченности жилищного фонда его рас-

пределение не исключало криминальных практик. Факты злоупотребления лиц, имеющих доступ к жилищному фонду, освещались на страницах газет, являлись темой для жалоб граждан в вышестоящие инстанции. В письме начальника АХО Свердловской облконторы Промбанка А.С. Малахова, адресованном заместителю министра государственного контроля, сообщалось о том, что управляющий конторой Промбанка «встал на неправильный путь, получая жилплощадь у подконтрольных организаций, т.е. строек... Только за последние 6 месяцев получено 4 квартиры» [31. Л. 198]. На страницах газеты «Труд» в фельетоне «Ревдинские новоселы» рассказывалось о злоупотреблениях директора одного из предприятий г. Ревда, раздающего заводские квартиры «по благу» гражданам, не имеющим отношения к заводу и к тому же владеющим собственными особняками [32. С. 3]. К различного рода злоупотреблениям были причастны и работники домоуправлений. Так, в результате проверки, проведенной в Нижнем Тагиле (1947), выяснилось, что «в некоторых домовладениях проживают граждане, не прописанные в домовых книгах, без паспортов и с паспортами, срок которых истек» [33. С. 2].

В результате узости жилищного фонда, а также реализации различных криминальных практик лицами, имеющими доступ к его распределению, получение жилья сотрудниками предприятий затягивалось на неопределенный срок. На страницах Первоуральской газеты «Под знаменем Ленина» было опубликовано письмо А. Ветошкиной, в котором сообщается, что, несмотря на 14-летний стаж работы ее мужа на Хромпиновом заводе, их семье до сих пор не предоставлена квартира, и семья из семи человек вынуждена ютиться в маленькой комнате [34. С. 2]. Еще более критическая жилищная ситуация в послевоенный период сложилась в тресте Тагилстрой, где части семей приходилось жить «в большой скученности»: «В комнате, где проживает стрелочница тов. Шендель, помещено 14 человек. Квартира лучшего грузчика-стахановца тов. Титова состоит из одной комнаты, но в ней проживает 10 человек. И, несмотря на это, руководство треста в 1949 г. выделило... только три квартиры. В результате дальнейшего расселения вновь прибывших рабочих производится за счет еще большего уплотнения и без того уже перенаселенных квартир» [22. С. 2]. Нерешенность «квартирного вопроса» фиксировалась и в среде руководящих работников, хотя острота жилищной проблемы среди представителей данной группы была несколько ниже. Например, в своей жалобе в Верховный Совет СССР житель г. Каменск-Уральский отмечает, что ему, заведующему Райстройотделом, «приходится жить в кабинете исполкома райсовета... так как Исполком Каменского райсовета квартир не имеет» [35. Л. 191–191 об.].

Вопросы о сроках обеспечения сотрудников ведомственной жилплощадью нередко звучали на рабочих собраниях предприятий в большинстве городов области (Карпинск, Красноуральск, Кировоград, Нижний Тагил, Серов, Свердловск и пр.) [24. Л. 31, 52, 54, 56, 117, 149].

Жилищным фондом располагали как предприятия и организации, так и местные советы. В начале 1951 г.

в СССР в ведении хозяйственных министерств, учреждений, предприятий находилось 56% всего общественного жилого фонда, а в ведении местных Советов – 44% [36. С. 35]. В РСФСР в 1950 г. социальная жилая площадь составляла 69% от всего жилищного фонда в стране (из нее 24% находилось в ведении местных советов, а 45% – в ведении министерств и ведомств) [37. С. 359]. В Свердловской области в 1951 г. местные советы располагали жилищным фондом объемом 279,8 тыс. кв. м, что составляло 7% от объема жилья в области, принадлежащего ведомствам.

Правила предоставления гражданам социального жилья регулировались нормативными актами Министерства коммунального хозяйства, постановлениями пленумов Верховного суда СССР и пр. 30 августа 1947 г. Министерством коммунального хозяйства РСФСР был издан приказ № 727, утвердивший Инструкцию «О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций» [38]. Договор найма жилого помещения заключался со съемщиком на срок не свыше пяти лет. В соответствии с действующими в РСФСР жилищно-санитарными нормами (9 кв. м на человека) определялись объем предоставляемого жилья, излишки жилой площади.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. № 46/23/У жилищным органам запрещалось заселение под жилье мест общего пользования (передних, коридоров, кухонь и чуланов) [39. С. 157–158]. Однако на практике места общего пользования в ведомственных квартирах могли заселяться съемщиками. В информационном письме председателя исполкома Свердловского областного совета Г. Ситникова, адресованном министру автотракторной промышленности СССР С.А. Акопову (1948), были отмечены следующие факты: «На мотоциклетном и автоприцепном заводе в г. Ирбите работает 3 400 чел. Многие семьи рабочих и служащих мотозавода и завода автоприцепов живут в сырых подвалах, общественных кухнях, коридорах» [40. Л. 89]. Характерно, что означенная практика нарушения правил заселения жилых помещений фиксировалась не только в уральском регионе, но и в столице, сохранившись и в 1950-е гг. Так, например, в донесении Первого секретаря МГК КПСС Н.С. Хрущева, направленном в Президиум Совета Министров СССР в январе 1952 г. указывалось, что в Москве «более 1 800 семей железнодорожников проживает в 255 бараках, пришедших в ветхость. Много железнодорожников размещено на кухнях, в кузовах вагонов и других нежилых помещениях» [41. С. 52].

Оплата жилья в послевоенный период осуществлялась согласно тарифам, утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» [42. Ст. 402]. Размер квартирной платы определялся площадью и качеством жилья, объемами доходов квартиросъемщика. Квартирная плата исчислялась по заработку или доходу одного из членов семьи, получающего больший в семье заработок или доход (вне зависимости от суммарного дохода семьи) [39. С. 167]. Для ра-

бочих и служащих, месячный заработок которых составлял более 145 руб., квартирная плата составляла 44 коп. за 1 кв. м, а также взималась надбавка в размере 3,3 коп. за каждые 10 руб., получаемых съемщиком сверх 145 руб. заработной платы. Рассчитанный таким образом объем квартирной платы не должен был превышать предельного размера – 1 руб. 32 коп. за кв. м. Излишки занимаемой площади (превышающие норму в 9 кв. м на человека) оплачивались съемщиком в тройном размере соответствующих квартирных ставок [42. Ст. 402]. Дополнительно к квартирной плате отдельно оплачивались электрическое освещение, отопление, газ, телефон. В зависимости от качества жилья устанавливались коэффициенты, понижающие его оплату: полуподвальные помещения оплачивались со снижением на 50%; если в жилой комнате находилась печь или плита (при отсутствии общей кухни), оплата составляла 75% от исчисленного объема [39. С. 169, 170]. Для отдельных категорий граждан устанавливались льготы при оплате жилья. Семьи офицеров оплачивали жилье по ставке в 1% от заработной платы за 1 кв. м; в случае призыва члена семьи в армию образовавшиеся излишки площади оплачивались в одинарном размере [39. С. 170, 171].

Материалы бюджетных обследований горожан Свердловской области, проведенных во второй половине 1940-х гг. ЦСУ Госплана СССР, содержат данные о суммах ежемесячной оплаты жилищно-коммунальных услуг городскими жителями региона. Исходя из действующих тарифов и сумм оплаты ЖКХ (в месяц), нами были получены следующие данные о ежемесячной стоимости различных форм социального жилья в городах Свердловской области в 1946 г. (анализировались бюджеты за зимние месяцы – ноябрь, январь, февраль). Наименьшими были суммы оплаты ЖКХ у граждан, не имеющих семей и проживающих в одной комнате вместе с другими трудящимися – 6–9 руб. в месяц (по всей видимости, эти горожане проживали в общежитии) [43. Л. 26, 27]. Семья из пяти человек, проживающая в комнате площадью около 16 кв. м, платила в месяц 23 руб. 70 коп. за аренду жилья и 11 руб. 60 коп. за остальные коммунальные услуги [Там же. Л. 1, 2]. Семья из четырех человек, проживающая в комнате площадью около 13 кв. м, оплачивала 18 руб. 40 коп. за наем жилья и 39 руб. за остальные коммунальные услуги. [44. Л. 16]. Оплата за наем отдельной квартиры, занимаемой семьей, была существенно выше. Для семьи из четырех человек, проживающей в квартире площадью 31 кв. м, ежемесячная плата за содержание жилья составляла 41 руб., а также 6 руб. за электричество и другие услуги ЖКХ [43. Л. 5]. Семья из трех человек, живущая в отдельной квартире площадью 34 кв. м, платила в месяц 63 руб. 50 коп. за жилье и 46 руб. 50 коп. за остальные услуги ЖКХ [45. Л. 7]. В целом, предпринятый анализ более ста бюджетов рабочих и служащих Свердловской области за 1946 г. позволяют утверждать, что средний объем ежемесячной оплаты коммунальных услуг (содержание жилья, электроэнергия и пр.) для одного домохозяйства варьировал в диапазоне от 30 до 55 руб. Весомость данной суммы в бюджете семьи была относи-

тельной и зависела от количества работающих граждан, состава семьи и пр. В среднем оплата услуг ЖКХ составляла от 2,5 до 5,5% ежемесячного бюджета домохозяйства. Наиболее весомой по отношению к общему объему бюджета была доля оплаты услуг ЖКХ у бесхозяйных горожан, а также в семьях, состоящих из 5–6 человек, где работал всего один член семьи.

В ряде случаев суммы оплаты за жилье вызвали дискуссии, являясь причиной жалоб горожан в профсоюзные органы и редакции газет. Актуальной площадкой для обсуждения данных проблем являлась газета «Труд». В издании обсуждались проблемы неравной квартирной платы в домах, принадлежащих предприятиям и местным советам [46. С. 2] и др. В редакцию газеты «Труд» с жалобой на высокую оплату жилья обращался житель г. Серова (Свердловская обл.) А.П. Ломакин: «Я плачу в месяц 200–220 руб. Вы можете не поверить, ведь у нас в СССР самая дешевая квартплата... Да, это верно, за жилую площадь платили установленную коммунальную ставку, причем действительно недорого, а вот отопление у нас вылезит, как говорят, в копейку. За отопление мы платим каждый месяц более ста рублей, причем круглый год. В чем причина, я не могу объяснить» [47. Л. 165–167].

Претензии граждан по поводу корректности расчетов коммунальных платежей освещались и на страницах других газет. Так, например, в одном из номеров газеты «Тагильский рабочий» (1950) была опубликована жалоба горожан, возмущенных тем, что с них берут оплату за водопровод в течение всего года, в то время как в зимний период «водопровод не действует» уже несколько лет [48. С. 4]. Жильцы одного из домов Нижнего Тагила в 1947 г. сообщали о необъяснимом повышении тарифов за отопление: «...трубы в доме нагревают лишь настолько, чтобы они не полопались. Жильцам предоставлено свободное право отапливать квартиры собственными средствами. Но, как ни странно, плату за топливо с них не сняли. Наоборот, с начала нового года “отопление” сильно вздорожало, а жилая площадь... расширилась. Например, квартира Меклер еще в прошлом году была площадью 38 кв. м, нынче же в счете горжилуправления стоит “41,5 кв. м”, на 2–3 метра расширились квартиры и у остальных жильцов. В декабре жилец Калашник платил за квартиру 160 руб. После применения “новой системы отопления” ему принесли счет на 213 руб. Такие сюрпризы преподнесены всем квартиросъемщикам» [49. С. 2].

Оплата коммунальных услуг являлась темой вопросов горожан, задаваемых на митингах и собраниях. После повышения пайковых цен осенью 1946 г. одним из часто задаваемых стал вопрос: «Повысят ли плату за коммунальные услуги?» [24. Л. 104 об., 105, 125]. Повышение цен порождало слухи, «...что будут брать 8 рублей за 1 кв. м площади». [Там же. Л. 47.]

Еще одной немаловажной проблемой, с которой сталкивались горожане, являлось неудовлетворительное качество социального жилья. Проблемы старого жилищного фонда были фактически идентичными в большинстве городов области. Житель Первоуральска в письме в редакцию отмечал: «Имеющиеся печи почти совсем не топят. В комнатах жуткий холод.

Жильцы днями и ночами не отходят от кухонь» [50. С. 2]. Жители Нижнего Тагила сообщали в редакцию газеты «Тагильский рабочий», что в их домах: «...батареи еле теплятся... из-за неисправности отопительной системы семья вынуждена ютиться на кухне, где есть плита» [51. С. 3]; «подгнившие балки рухнули, стены дали трещину, но, несмотря на это, в ЖКО не принимают никаких мер» [48. С. 4].

Несмотря на теоретическую «благоустроенность» жилья, типичной проблемой горожан являлось отсутствие воды. Житель г. Серова в своем письме в «Труд» пишет: «Со времени существования водопровода года два вода шла четыре раза в сутки с 7–8 утра, с 11–12 дня, с 4–5 дня, с 7–8 вечера. Хотя не в любое время можно взять воды, но мы с этим смирились. На время отсутствия воды запасали в посуду. В последние три месяца стали приучать нас жить без воды, начали отключать воду по воскресеньям у женщин, которые работают на производстве, в воскресенье нужно было стирать, а у нас и обед готовить воды нет. А с половины июля совсем нет воды, иногда приходится ходить за километр в центр города за водой» [47. Л. 167]. Проблемы неудовлетворительного качества социального жилья озвучивались в вопросах трудящихся на собраниях трудовых коллективов предприятий области: «Почему вода подается с перебоями?», «Будет ли проводиться капитальный ремонт квартир трудящихся в этом году?» и пр. [24. Л. 60, 61 об., 68, 72, 74 об., 79, 85, 88, 148.].

Важно отметить, что жилищные проблемы, с которыми сталкивались жители Свердловской области, являлись типичными для большинства регионов страны. В западных областях жилищная проблема усугублялась тем, что большая часть жилищного фонда была разрушена [52. С. 55], а восточные регионы страны, куда было эвакуировано население, не располагали финансовыми возможностями строительства жилья в требуемом объеме [53, 54]. Поэтому отсутствие воды, протекающие крыши и проживание в скученных условиях были частью обыденной повседневности для большинства горожан в первые послевоенные годы.

Неудовлетворительным в ряде случаев было качество и нового социального жилья. В письме работника Ново-Тагильского металлургического завода в газету «Тагильский рабочий» описаны следующие факты: «Администрация завода выделила мне новую квартиру... в новом... доме... Мы с женой думали, что в нашей квартире будет хорошо и зимой, но мы ошиблись. 26 сентября 1949 г. в доме пустили паровое отопление, но в моей квартире почему-то батареи не нагревались... На квартиру пришли слесари. Они стали разогревать трубы, спускать воду. Вода сейчас размывает стены и потолок... стены промерзают и с них обваливается штукатурка» [48. С. 4].

Работники домоуправлений, которых в первую очередь обвиняли жильцы в своих проблемах, пытались переложить ответственность за качество жилья на строителей или даже на самих квартиросъемщиков. На страницах одного из выпусков газеты «Тагильский рабочий» 1950 г. помещена статья с говорящим названием «Претензии к строителям и квартиросъемщикам». Автор статьи – домоуправляющий А. Громазин – отме-

чал, что «квартиросъемщики не всегда стремятся сохранить жилой фонд завода», содержа квартиру в антисанитарных условиях. Также качество жилья во многом зависит от работы строителей, которые, в свою очередь, сдают в эксплуатацию квартиры с разными недоделками: «канализация забита строительным мусором», «теплофикация не работает», «в подвалах стоит вода», «штукатурка отваливается» и пр. [55. С. 3].

В целом низкое качество социального жилья (в силу ветхости жилищного фонда, халатности строителей, неэффективной работы домоуправления) являлось той проблемой, с которой в той или иной степени приходилось сталкиваться всем квартиросъемщикам.

Немаловажно отметить, что жилье, предоставляемое предприятиями или местными советами, не было закреплено за жильцами на постоянной основе. В случае необходимости съемщики жилья могли быть переселены в другое жилье. В послевоенный период действовали законодательные нормы, согласно которым жильцы могли быть выселены в административном порядке без предоставления другого жилья либо им могло быть отказано в продлении договора найма жилого помещения в ряде случаев: если жильцы систематически портят и разрушают жилое помещение; не дают возможности нормального проживания другим жильцам; по истечении шести месяцев после фактического выезда из данного жилого помещения; если съемщик не внес квартирной платы в течение трех месяцев [39. С. 157].

На практике категоричность правил, предполагающих административное выселение граждан, была относительной. Так, например, жители одного из домов по ул. Пушкинской Свердловска с целью «найти управу» на соседку, которая самовольно завладела общественной кухней и лишила возможности пользоваться ею 19 семей, проживающих на этаже, написали несколько заявлений в домоуправление, в исполком горсовета и райсовета, прежде чем началась «проверка фактов» по данному делу [56. С. 3]. Относительной была и строгость санкций за невнесение квартирной платы. Трудящиеся могли несколько месяцев не оплачивать услуги ЖКХ. Некоторые работники домоуправления прибегали к оригинальным способам решения проблемы коммунальной задолженности жильцов. Домоуправляющий поселка Строителей, где проживали рабочие треста «Уралтяжтрубстрой» (Первоуральск), отказывался выдавать жильцам справки о семейном положении, пока те не погасят задолженность по квартирной плате. Несмотря на жалобы жильцов на грубость домоуправляющего, комитет профсоюза счел его методы действенными, присвоив звание «лучшего домоуправляющего ЖКО Уралтяжтрубстроя» [57. С. 4]. Обращение к материалам бюджетных обследований горожан Свердловской области позволяет утверждать, что неуплата коммунальных платежей не являлась массовым явлением. Так, из 50 бюджетов рабочих и служащих за январь–февраль 1946 г. только пять домохозяйств не внесли квартирную плату. [43. Л. 4, 7, 12, 18, 36].

В 1953 г. произошло смягчение законодательных норм, регулирующих практики выселения квартиро-

съемщиков. 10 сентября 1953 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «Об отмене административного выселения из домов государственных предприятий, учреждений и организаций рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения». Согласно данному указу выселение рабочих и служащих из домов государственных предприятий, учреждений и общественных организаций, а также из арендуемых ими домов могло производиться лишь в судебном порядке с предоставлением выселяемым другой годной для жилья площади. Административное выселение без предоставления жилой площади сохранялось лишь в отношении рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию или за совершение преступления, а также из домов, принадлежащих промышленным предприятиям угольной, металлургической промышленности, электростанциям и транспорту, Министерству обороны СССР, Министерству внутренних дел СССР. Административному выселению вообще не подлежали: лица, избранные на руководящие должности с освобождением от выполняемой работы; граждане, переведенные на другую работу по решениям директивных органов; инвалиды Отечественной войны, инвалиды труда I и II групп; пенсионеры по старости; персональные пенсионеры; семьи военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны; семьи лиц, находящихся на службе в Советской Армии; семьи умерших работников, которым была предоставлена жилая площадь предприятием или учреждением [58. С. 367].

В большинстве случаев применительно к ведомственным квартирам можно говорить только о пользовании жилым помещением, а не о праве собственности, но в отдельных случаях ведомственное жилье закреплялось за гражданами. Данные случаи оговаривались специальными постановлениями и распоряжениями правительства. Так, например, в 1947–1948 гг. были приняты постановления Совета Министров СССР, согласно которым ИТР, горным и буровым мастерам, бригадирам предприятий министерства геологии, угольной и цветной промышленности, строительства угольных шахт, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и горным и буровым рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемые ими квартиры предоставлялись в пожизненное пользование [28. Л. 129–134; 59. Л. 312–314; 60. Л. 134–137]. Отдельными постановлениями Совета Министров СССР за семьями умерших хозяйственных руководителей, военных, деятелей науки и искусства закреплялись занимаемые квартиры (устанавливались дополнительные льготы по оплате жилья) [60. Л. 320; 61. Л. 133, 166]. В целом закрепление за гражданами занимаемого ими ведомственного жилья было, скорее, исключением из правил, льготой, предоставляемой отдельным категориям населения за трудовые заслуги.

Таким образом, в послевоенный период жилищные сложности горожан Свердловской области определялись комплексом проблем: трудностью получения со-

циального жилья (в силу узости жилищного фонда), низким его качеством. Условия найма жилья требовали регулярного внесения оплаты, соблюдения правил «социалистического общежития», жильцам могло быть отказано в найме помещения либо они могли быть переселены в другие квартиры. На практике данные правила не всегда соблюдались. Оплата социального жилья, как правило, была невысокой по отношению к общему объему бюджета семьи. Фиксировалась пропорциональная зависимость выплат от специфики и объема социального жилья.

Жилищная политика, проводимая советским государством в послевоенный период, соответствовала общему вектору социально-экономического регулирования данных лет. Приоритетной задачей государства, реализуемой в рамках мобилизационной экономической модели, являлось восстановление разрушенного войной народного хозяйства страны. Необходимость

решения данной задачи в условиях дефицита материальных ресурсов способствовала проведению дифференцированной социальной политики: объемы льгот и преференций, предоставляемых работникам, определялись важностью и нужностью различных категорий советского социума для реализации задач мобилизационной экономической модели. Качество социального жилья разнилось в диапазоне от койко-места в общежитии до благоустроенной трехкомнатной квартиры в пожизненное пользование. Пропорционально росту квалификации и профессиональной значимости работника, его роли, определяемой системой координат государственных интересов, увеличивались размеры доступного горожанам социального жилья. В то же время теневые схемы распределения столь ценного ресурса во многом корректировали освещаемую в СМИ и фиксируемую правительственными постановлениями систему наделения граждан жильем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР с 1917 по 1941 г. // Клино. 2009. № 2 (45). С. 65–78.
2. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.
3. Кирюшина Т.А. Жилищная политика в СССР в 30-е годы XX века (по материалам Пензенского края) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 456–458.
4. Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–68.
5. Ярославцев А.В. Жилищная политика в Хабаровском крае (1939–1945 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3 (72). С. 76–79.
6. Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. 26 с.
7. Власов С.А. Решение жилищной проблемы на Дальнем Востоке в сталинскую и постсталинскую эпохи // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014. С. 108–114.
8. Харрасов Ф.Ф. Жилищное строительство в Башкирской АССР в 1945–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2016. 26 с.
9. Усанова А.Л. Советская архитектура и градостроительство 1920–1950 годов: стратегия жилищного строительства и виды городского жилья // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2 (82). С. 205–210.
10. Мамяченков В.Н. Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики. // II Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2007. С. 166–168.
11. Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Екатеринбург, 2009. 235 с.
12. Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Эволюция социального жилья в СССР. От «сталинок» до «хрущевок» // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4 (32). URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6537> (дата обращения: 08.02.2019).
13. Население России в XX веке : исторические очерки : в 3-х т. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 414 с.
14. РСФСР за 40 лет : стат. сб. М. : Сов. Россия, 1957. 223 с.
15. Уральский рабочий. 1947. 1 янв.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 279.
17. Под знаменем Ленина. 1950. 14 мая.
18. Под знаменем Ленина. 1951. 13 февр.
19. Тагильский рабочий. 1956. 9 мая.
20. Резкие контрасты // Тагильский рабочий. 1950. 24 марта.
21. Грязно и холодно // Под знаменем Ленина. 1950. 1 февр.
22. Плоды безответственности и беспечности // Тагильский рабочий. 1950. 1 апр.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 43. Д. 197.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176.
25. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316.
26. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 307.
27. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 329.
28. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311.
29. В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1950. 1 янв.
30. В новые квартиры // Тагильский рабочий. 1956. 15 янв.
31. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7319.
32. Ревдинские новоселы // Труд. 1956. 10 мая.
33. Нарушители паспортного режима // Тагильский рабочий. 1947. 15 февр.
34. Прошу оказать внимание // Под знаменем Ленина. 1946. 11 июля.
35. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7567.
36. Гольденберг А.М. Основные вопросы организации финансов социалистического жилищного хозяйства. М. : Госфиниздат, 1950. 88 с.
37. Народное хозяйство РСФСР в 1956 году : стат. ежегодник. М. : Госстатиздат, 1957. 366 с.
38. О заключении договоров найма жилых помещений в домах, находящихся в ведении местных советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций : приказ М-ва коммунального хозяйства РСФСР от 30.08.1947 № 727 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=37679&req=doc#7QVkkwSYLidVBO3n>

39. Консультации «Труда». Ответы на вопросы читателей газеты «Труд» по трудовому и жилищному законодательству. М. : Изд-во газеты «Труд», 1949. 177 с.
40. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5840.
41. Горлов В.Н. Вedomственное жильё в СССР // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2013. № 1. С. 51–56.
42. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 53.
43. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. 1.
44. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 228. Т. 2.
45. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 255.
46. Действенные выводы // Труд. 1948. 12 апр.
47. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 7685.
48. Безответственные руководители (обзор писем) // Тагильский рабочий. 1950. 15 февр.
49. В холодном доме // Тагильский рабочий. 1947. 15 февр.
50. Неблагоустроенный дом // Под знаменем Ленина. 1951. 3 марта.
51. Батарей не греют... // Тагильский рабочий. 1950. 15 янв.
52. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
53. Анохов В.В., Долголюк А.А. Жилищные условия города Бердска в 1946–1970 гг. // Социальная сфера и повседневность Сибирского города (XX – начало XXI вв.) / отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск : Параллель, 2007. С. 74–94.
54. Кокорина Л.Б. Развитие жилищного обеспечения населения, пассажирского транспорта и здравоохранения городов Кузбасса (1945–1985) : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2009. 23 с.
55. Претензии к строителям и квартиросъемщикам // Тагильский рабочий. 1950. 15 апр.
56. В райисполком поступило заявление... // Уральский рабочий. 1953. 1 июня.
57. «Лучший»... домоуправляющий // Под знаменем Ленина. 1955. 16 февр.
58. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М. : Госюриздат, 1956. 500 с.
59. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 314.
60. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 289.
61. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290.

Marina A. Klinova, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Science (Ekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: Klinowa.m@yandex.ru

RULES OF HIRING, COST AND SPECIFICS OF SOCIAL HOUSING DISTRIBUTION IN POST-WAR YEARS (ON THE EXAMPLE OF CITIES OF SVERDLOVSK REGION)

Keywords: housing policy, post-war period, USSR, social housing, hostels.

This article analyzes the housing policy of the postwar period in the Sverdlovsk region. The forms of social housing provided to citizens, rules of hiring, specifics of distribution, cost are designated. This research is based on such sources as regulatory documents of the post-war period (resolutions of the Council of Ministers of the USSR, of the Central Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), government decrees), statistical documents, extracts from print media (announcements, articles, notes), letters and complaints of urban residents sent to newspaper editorial boards and to the public authorities, the materials budget survey of residents of the Sverdlovsk region. The terms of the tenancy required regular payment, the tenants could be refused the tenancy or they could be moved to other apartments. In practice, these rules were not always observed. Payment for social housing was generally low relative to the total family budget. There was a proportional dependence of payments on the specifics and volume of social housing. The article highlights the main housing issues that residents of the cities faced: difficulties in getting accommodation (due to insufficient volumes of construction), its low quality (in connection with both the old housing stock dilapidation and the faults and significant defects in construction of the new housing stock), poor rendering of housing and utilities services, rough mistakes made in the calculation of housing charges which resulted in people paying for the services they never actually received, etc. Overall, the Soviet housing policy during the post-war period fell in line with the general trajectory of the social and economic regulation of the time. The need to restore the country destroyed during the war as soon as possible and the shortage of material resources at the government's disposal contributed to the adoption of a selective social policy: the amount of privileges granted to a worker depended on importance and relevance of various categories of Soviet citizens in terms of achieving the objectives of the mobilization economic model. The quality of social housing varied within the following range: a bed in a dormitory – a room in a communal apartment – a comfortable apartment (granted for the period of employment with an enterprise) – a comfortable three-room apartment granted for lifetime. On the one hand, the level of the housing the worker was eligible for depended on his/her qualification and professional relevance, with his/her role being defined by the system of national interests. Newspapers actively spread propaganda about this trajectory of social policy making citizens think of housing as a just reward for their labour achievements. On the other hand, informal schemes of distribution of such a valuable resource modified the housing distribution system covered in media and fixed by government decrees to a large extent.

REFERENCES

1. Meerovich, M. G. (2009) Zhilishchnaya politika v SSSR s 1917 po 1941 g. [The USSR housing policy from 1917 to 1941]. *Klio*, 2(45), pp. 65–78.
2. Meerovich, M. G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment of housing: the USSR housing policy as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow. ROSSPEN.
3. Kiryushina, T.A. (2011) Housing policy of the Soviet state in 30-s years of the 20th century (on materials of the Penza region). *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 23, pp. 456–458. (In Russian).
4. Khlynina, T.P. (2014) Housing policy and its implementation mechanisms in Soviet Russia during the Great Patriotic War. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2(28), pp. 56–68. (In Russian).
5. Yaroslavtsev, A.V. (2015) Housing policy in the Khabarovsk territory (1939–1945). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*, 3(72), pp. 76–79. (In Russian).
6. Yaroslavtsev, A.V. (2011) *Realizatsiya gosudarstvennoy zhilishchnoy politiki na Dal'nem Vostoke SSSR (vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1950-kh gg)* [Implementation of the state housing policy in the Far East of the USSR (the second half of the 1940s – the first half of the 1950s)]. Abstract of History Cand. Diss. Khabarovsk.
7. Vlasov, S.A. (2014) Reshenie zhilishchnoy problemy na Dal'nem Vostoke v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi [Solving the housing problem in the Far East in the Stalin and post-Stalin eras]. In: Chernolutskaya, E.N. (ed.) *Sovetskiy Dal'nii Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi* [Soviet Far East in the Stalin and post-Stalin eras]. Vladivostok: FEB RAS, pp.108–114.

8. Kharasov, F.F. (2016) *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Bashkirskoy ASSR v 1945–1964 gg.* [Housing construction in the Bashkir ASSR in 1945–1964]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.
9. Usanova, A.L. (2014) The Soviet Architecture and Town Planning in the 1920–1950-s: Strategy of Housing Construction and Types of City Housing. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2-2(82). pp. 205–210. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-40
10. Mamyachenkov, V.N. (2007) *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Sverdlovskoy oblasti v pervoe poslevoennoe desyatiletie (1946–1955 gg.) kak vazhnyy faktor sotsial'noy politiki* [Housing construction in Sverdlovsk Region in the first post-war decade (1946–1955) as an important factor in social policy]. *II Emel'yanovskie chteniya* [The Second Emelyanov Readings]. Proc. of the Conference. Kurgan. pp. 166–168.
11. Mamyachenkov, V.N. (2009) *Material'nye usloviya zhizni semey promyshlennyykh rabochikh i kolkhoznogo krest'yanstva Sverdlovskoy oblasti v period poslevoennogo vosstanovleniya (1946–1953 gg.)* [Material conditions of life of families of industrial workers and the collective farm peasantry of Sverdlovsk Region during the period of post-war reconstruction (1946–1953)]. Ekaterinburg: [s.n.].
12. Korshunov, M.M. & Kochetkova, M.V. (2014) Evolyutsiya sotsial'nogo zhil'ya v SSSR. Ot “stalinok” do “khrushchevok” [Evolution of social housing in the USSR]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 4(32). [Online] Available from: <http://human.snauka.ru/2014/04/6537> (Accessed: 8th February 2019).
13. Polyakov, Yu.A. (2001) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. Vol. 2. Moscow. ROSSPEN.
14. Kolpakov, B.T. (1957) *RSFSR za 40 let* [The Russian Federation for 40 years]. Moscow: Sov. Rossiya.
15. *Ural'skiy rabochiy*. (1947) 1st January.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 279.
17. *Pod znamenem Lenina*. (1950a) 14th May.
18. *Pod znamenem Lenina*. (1951) 13th February.
19. *Tagil'skiy rabochiy*. (1956a) 9th May.
20. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950a) Rezkie kontrasty [The sharp contrasts]. 24th March.
21. *Pod znamenem Lenina*. (1950b) Gryazno i kholodno [Dirty and cold]. 1st February.
22. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950b) Plody bezotvetstvennosti i bespechnosti [The fruits of irresponsibility and carelessness]. 1st April.
23. The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 43. File 197.
24. The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (TsDOOSO). Fund 4. List 41. File 176.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 316.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 307.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 329.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 311.
29. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950c) V novye kvartiry [In new apartments]. 1st January.
30. *Tagil'skiy rabochiy*. (1956b) V novye kvartiry [In new apartment]. 15th. January.
31. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7319.
32. *Trud*. (1956) Revdinskiiye novosely [The Revda new settlers]. 10th May.
33. *Tagil'skiy rabochiy*. (1947a) Narushiteli pasportnogo rezhima [Violators of the passport regime]. 15th February.
34. *Pod znamenem Lenina*. (1946) Proshu okazat' vnimanie [Please pay attention]. 11th July.
35. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7567.
36. Goldenberg, A.M. (1950) *Osnovnye voprosy organizatsii finansov sotsialisticheskogo zhilishchnogo khozyaystva* [Basic questions of the organization of the finances of the socialist housing economy]. Moscow: Gosfinizdat.
37. The Central Statistical Administration of the USSR. (1957) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1956 godu : stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1956]. Moscow: Gosstatizdat.
38. The Ministry of Public Utilities of the RSFSR. (1947) *O zaklyuchenii dogovorov nayma zhilykh pomescheniy v domakh, nakhodyashchikhsya v vedenii mestnykh sovetov, gosudarstvennykh uchrezhdeniy, predpriyatiy i obshchestvennykh organizatsiy: prikaz M-va kommunal'nogo khozyaystva RSFSR ot 30.08.1947 № 727* [On the conclusion of contracts for the rental of residential premises in houses under the jurisdiction of local councils, state institutions, enterprises and public organizations: Order No. 727 of the Ministry of Public Utilities of the RSFSR dated August 30, 1947]. [Online] Available form: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=37679&req=doc#7QVkkwSYLidVBO3n>
39. *Trud*. (1949) *Konsul'tatsii “Truda”*. *Otvet na voprosy chitateley gazety “Trud” po trudovomu i zhilishchnomu zakonodatel'stvu* [Consultations of *Trud*. Answers to the readers of the newspaper *Trud* on labor and housing legislation]. Moscow: Trud.
40. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 5840.
41. Gorlov, V.N. (2013) Departmental housing in the USSR. *Vestnik MGOU. Ser. Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 1. pp. 51–56. (In Russian).
42. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'anskogo pravitel'stva RSFSR*. (1928). 53.
43. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 228. Part. I.
44. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 228. Part. II.
45. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-1813. List 1. File 225.
46. *Trud*. (1948) Deystvennye vyvody [Effective conclusions]. 12th April.
47. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-88. List 1. File 7885.
48. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950d) Bezotvetstvennye rukovoditeli (obzor pisem) [Irresponsible leaders (a review of letters)]. 15th February.
49. *Tagil'skiy rabochiy*. (1947b) V kholodnom dome [In the cold house]. 15th February.
50. *Pod znamenem Lenina*. (1951) Neblagoustroenny dom [A house without amenities]. 3rd March.
51. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950e) Batarei ne greyut... [Heaters do not work]. 15th January.
52. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [The post-war Soviet society: the policy and daily occurrence. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
53. Anokhov, V.V. & Dolgolyuk, A.A. (2007) *Zhilishchnye usloviya goroda Berdsk v 1946–1970 gg.* [Housing conditions in Berdsk in 1946–1970]. In: Bukin, S.S. (ed.) *Sotsial'naya sfera i povsednevnost' Sibirskogo goroda (XX – nachalo XXI vv.)* [The social sphere and everyday life of a Siberian city (the 20th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: Parallel. pp. 74–94.
54. Kokorina, L.B. (2009) *Development of housing provision for the population, passenger transport and health care of the cities of Kuzbass (1945–1985)* [Development of housing, passenger transport and health care in the cities of Kuzbass (1945–1985)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
55. *Tagil'skiy rabochiy*. (1950f) Pretenzii k stroitelyam i kvartirov'emshchikam [Claims against builders and tenants] 15th April.
56. *Ural'skiy rabochiy*. (1953) V rayispolkom postupilozayavlenie... [The district executive committee received a statement ...]. 1st June.
57. *Pod znamenem Lenina*. (1955) “Luchshiy”... domoupravlyayushchiy [“The best” ... house manager]. 16th February.
58. USSR. (1956) *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956]. Moscow: Gosyurizdat.
59. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 314.
60. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 289.
61. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 290.

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/75/5

М.Н. Козлов

К ВОПРОСУ О ПРИЧАСТНОСТИ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА К МАСШТАБНОЙ КАТАСТРОФЕ КОНЦА X в. В ХЕРСОНЕСЕ

Основная цель исследования – определить, сохраняет ли научную значимость доминирующая в настоящее время в исторической науке гипотеза о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. На основе анализа памятников древнерусской письменности, сообщений иностранных авторов и данных археологических исследований опровергается теория масштабного истребления жителей Херсонеса войсками дружины Владимира. Сделан вывод о том, что Корсунский поход князя Владимира значительно ослабил жителей Херсонеса и сделал их легкой добычей эпидемии чумы.

Ключевые слова: Херсонес, Корсунский поход, масштабная катастрофа, тотальный пожар, эпидемия чумы

Древнерусский князь Владимир Святославич – одна из самых ярких личностей отечественной средневековой истории. О князе – крестителе Руси упоминают отечественные летописцы, арабские и византийские историки, германские и западнославянские хронисты, авторы норманнских саг.

Несмотря на богатую и разностороннюю источниковедческую базу, о многих исторических событиях эпохи правления Владимира Святославича нам известно очень мало. Так, отечественные летописи после 983 г. как будто теряют интерес к историческим событиям. В «Повести временных лет» и ряде других подобных источников можно найти массу легендарного материала от объемной «Речи Философа» до народных сказок о Никите Кожемяке. Весь данный вставной материал чередуется с рядом «пустых лет» или сообщениями о смерти того или иного исторического деятеля. Создается впечатление, что кто-то попросту вычеркнул из летописи информацию о значимых исторических событиях. Исключение составляют лишь те сообщения, что были связаны собственно с христианизацией Руси. Однако и эти скудные, но чрезвычайно важные сведения утопают в общей массе легендарного агиографического материала.

Поход Владимира на Херсонес вызывал большой интерес отечественных исследователей. Однако скудность историографической базы исследования и противоречивость различных данных, сообщенных в источниках, способствовали появлению в отечественной историографии различных точек зрения на некоторые детали Корсунского похода. Так, если причины похода, маршрут движения русской дружины и расположение войск Владимира во время осады Херсонеса исследователями установлены достаточно надежно, то такой важный аспект похода, как его последствия для несчастных жителей Херсонеса, до сих пор вызывает острую полемику в исторических исследованиях.

В 1936 г., во время раскопок в северном и западном районах Херсонеса, при исследовании археологического слоя конца X в. были обнаружены следы тотального пожара, руины разрушенных зданий и братские могилы [1. С. 217, 232–238, 252]. Только на кладбище у «Бази-

лики на холме» обнаружено около 150 могил, из них 10 – с массовыми захоронениями [2. С. 27]. За редким исключением, весь нумизматический материал в слоях, связанных с пожарами, относится к IX–X вв. [3; 4. С. 62]. Многочисленные клады, найденные исследователями в разрушенных кварталах Херсонеса, также относятся к концу X в. [5. С. 461; 6. С. 84].

В этой связи в отечественной гуманитарной науке возникла гипотеза, согласно которой люди, захороненные в братских могилах, были убиты дружинниками Владимира во время Корсунского похода [4. С. 65; 6. С. 84; 7. С. 28–29]. С данной точкой зрения категорически не согласны сторонники сейсмической теории, по мнению которых тотальный пожар и гибель значительного числа населения в северных и западных районах Херсонеса были вызваны мощным землетрясением [8. С. 77; 9]. Влияние же Корсунского похода на жизнь жителей Херсонеса, по их мнению, было незначительным [8. С. 80]. Таким образом, в современной отечественной историографии нет консолидированной точки зрения относительно последствий Корсунского похода князя Владимира.

Большинство отечественных исследователей, как сторонники теории причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в., так и их оппоненты – приверженцы сейсмической теории, использовали при реконструкции исторических событий письменные источники и материалы археологических исследований 30–90-х гг. XX в. Между тем к началу XXI в. накопилась некая «критическая масса» нового археологического материала, позволяющая более детально изучить многие аспекты Корсунского похода. Кроме того, в исследовании, при реконструкции исторических событий, произошедших в Херсонесе в конце X в., были впервые использованы сообщения западноевропейских хроник об эпидемии чумы, свирепствовавшей в Германии в конце X – начале XI в. Сопоставление данных источников с материалами археологических исследований Херсонеса конца X–XI в. позволило реконструировать неизвестные нам до сих пор печальные страницы из жизни местных жителей той эпохи.

Определить, сохраняет ли научную значимость доминирующая в настоящее время в исторической науке гипотеза о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. – основная цель данной статьи.

Наиболее информативными источниками изучения поставленной в данном исследовании темы являются отечественные письменные источники: «Повесть временных лет», а также один из списков «Жития князя Владимира». Важное значение имеют также отрывочные сообщения византийских, германских историков и хронистов, данные восточных авторов – Льва Диакона, Михаила Пселла, Иоанна Скилицы, Титмара Мерзенбургского, Константина Асохика, Аль-Малкина.

Исключительное значение в свете изучения причин и последствий Корсунского похода имеют также результаты раскопок средневекового Херсонеса конца X – начала XI в., особенно его северных и западных районов [1; 2; 4. С. 68–146].

Можно предположить, что страшные последствия похода князя Владимира на Херсонес во многом являлись следствием ожесточенного сопротивления жителей города и жесткой позиции местной элиты во время переговоров с князем Владимиром. Так, из «Повести временных лет» мы узнаем о том, что жители Херсонеса «боряхуся кр'ѣпко изъ града». Владимир пытался договориться с архонтом о сдаче города, но «он не послушаша того». Город был занят лишь по вине предателя, когда местные защитники «изнемогоша гладомъ и водною жаждою» [10. С. 49–50].

Как следует из источника, сразу после прибытия русского отряда под стены Херсонеса между Владимиром и руководством города начались переговоры о сдаче. Можно предположить, что в дальнейшем переговоры периодически возобновлялись, и чем больше осложнялась ситуация в осажденном городе, тем больше в Херсонесе появлялось сторонников сдачи города. В конечном итоге во время очередных переговоров осажденные приняли условия русского князя. В отечественных письменных источниках упоминаются ренегаты, помогавшие Владимиру добиться цели: священник Анастас Корсунянин и варяг Ижберн.

А.А. Роменский предположил, что Анастас Корсунянин и Ижберн – это два имени одного и того же человека (христианское и языческое) [11. С. 11]. Однако в таком случае неясно, зачем варягу-наемнику понадобилось брать греческое имя Анастас? К тому же в средневековой традиции прозвище человека указывало на место его рождения. То есть Анастас Корсунянин – это человек, родившийся в городе Корсунь. Скорее, можно согласиться с мнением С.Б. Сорочана, Л.В. Марченко и В.М. Зубаря о том, что в городе существовала партия сторонников сдачи города, ведущая тайные переговоры с противником [12. С. 293].

Согласно данным археологии в Херсонесе конца X в. действительно находились воины-норманны. Об этом свидетельствуют обнаруженные исследователями останки людей, захороненных в конце X в. по языческим норманнским канонам, и сопровождающий материал скандинавского происхождения [2. С. 28–29]. Норманны-наемники могли настаивать на сдаче города Вла-

димир, в войске которого находилось немало их соотечественников. По мнению В.Г. Василевского, среди варягов воинского гарнизона Херсонеса вполне могли находиться и те, что ушли на службу в Византию из Киева в 980 г. [13. С. 181].

Кроме официальных переговоров с руководством города, воины Владимира вполне могли общаться с тайными сторонниками русского князя посредством стрел с записками, упоминаемых в русских источниках. О том, что Владимир Великий не гнушался тайными переговорами с воеводами своих противников, свидетельствует отрывок из «Повести временных лет», в котором приводится любопытный рассказ о том, как воеводы-варяги князя Ярополка, соблазненные обещаниями Владимира, уговорили своего повелителя выйти из осажденного Владимиром Родня на переговоры к брату [10. С. 36].

После сдачи Херсонеса в городе ожидаемо начались репрессии против местной элиты, чья жесткая переговорная позиция стоила жизни многим воинам Владимира. Так, в списке жития Владимира особого состава находим подробное описание трагедии, произошедшей с семьей архонта в Херсонесе после сдачи города: «И въниде Владимиръ въ градъ и дружина его, князя Корсоуньского и съ княгынею поима, а дъщерь ею къ себѣ взявъ въ шатерь, князя же и княгыню привязав оу шатерьныя сохы и съ дъщерию ею предъ ними беззаконие сътвори, и по трехъ дньхъ князя и княгыню повеле съмърти предати, а дъщерь ею дасть за преждедеченаго Жъдъберна съ многымъ имениемъ и постави его намѣстникъмъ Корсоуну граду» [14. С. 111].

Скорее всего, Владимир не ограничился расправой над архонтом и его семьей. Репрессии должны были обрушиться на всю местную элиту (кроме ренегатов, перешедших на сторону Владимира). Слухи о расправах Владимира над жителями Херсонеса дошли до тогдашней Германии. Так, Титмар Мерзенбургский упомянул в своей Хронике «бесчинства, творимые Владимиром над бедными данайцам» [15. С. 91]. Неслучайно византийский историк Лев Диакон назвал захват Херсонеса Владимиром одной из двух тягчайших бед того времени наряду с завоеванием болгарями Веррии [16. С. 91].

Не подлежит сомнению и факт грабежа захваченного города воинами Владимира. Так, во многих отечественных письменных источниках сообщается, что Владимир привез из Херсонеса «м'дянь двѣ капищи, и 4 кони м'дяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже нев'ѣдуще мнѣть я мрамаряны суща» [10. С. 52].

В польской хронике Мартина Броневского конца XVI – начала XVII в. приводится любопытный рассказ том, как Владимир заставил местных греков снимать медные ворота с одной из херсонесских церквей [17. С. 23].

Расправа над частью местной элиты и грабежи жителей Херсонеса могли сопровождаться поджогами и вызвать тотальный пожар в северной и западной частях города. Однако данный факт не объясняет наличия братских могил в некрополях Херсонеса. Люди, захороненные в общих могилах конца X в., не были

убиты холодным оружием. Останки людей со следами смертельных боевых травм были обнаружены в единичных случаях [18. С. 213].

К тому же, как верно заметил В.В. Хапаев, тела убитых воинами Владимира мирных жителей были бы захоронены оставшимися в живых родственниками согласно православным канонам, а не брошены бессистемно в одну общую могилу [8. С. 80].

Публичная расправа над частью городской элиты Херсонеса, упорствующей в сдаче города, была единственной альтернативой поголовному истреблению всех горожан. Весьма поредевшая русская дружина видела захваченный город своей законной добычей и жаждала мести за долгое и ожесточенное сопротивление жителей Херсонеса. Владимиру необходимо было успокоить свое войско и не допустить поголовного уничтожения горожан. Русскому князю был необходим многолюдный нормально функционирующий Херсонес как козырь в дальнейших переговорах с византийским императором. Таким образом, братские могилы жителей Херсонеса, обнаруженные в археологическом слое конца X в. в северной и западной частях города, не были напрямую связаны с Корсунским походом князя Владимира.

В настоящее время все большую популярность набирает так называемая сейсмическая теория, согласно которой многочисленные жертвы в Херсонесе были вызваны страшным землетрясением, произошедшим в конце X–XI в. О фатальном землетрясении в Византии в конце X в. действительно сообщают многие письменные источники. Так, данное стихийное бедствие упоминает в своей Истории Лев Диакон: «Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия, страшное землетрясение, какому равного не было в те времена, опрокинуло башни Византии, повалило множество домов, которые стали могилами для их обитателей, соседние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть мирным жителям [16. С. 91].

Сообщение Льва Диакона позднее повторили компиляторы Михаил Пселл и Иоанн Скилица [19. С. 92, 102], а также армянский писатель конца X – начала XI в. Константин Асохик [Там же. С. 179]. Сирийский автор середины XIII в. Амид-Аль-Малкин сообщил о том, что стихийное бедствие помимо самого Константинополя затронуло также город Никомедию, находящийся недалеко от византийской столицы: «В четырнадцатый год Василия, царя римлян, который был 379 (годом гиджры), были в Константинополе большие землетрясения, и упала третья часть храма св. Софии и обрушились многие здания в Никомедии на своих обитателей [20. С. 82].

Все без исключения письменные источники датируют масштабное землетрясение концом X в. И этой датировке можно верить. В самом деле, о каком землетрясении в начале XI в. (по версии В.В. Хапаева [8. С. 77]) или во второй половине XI в. (по мнению А.И. Романчук [21. С. 409]) мог писать Лев Диакон, если он скончался в Малой Азии около 1000 г.?

В известных нам источниках говорится о человеческих жертвах лишь в самом Константинополе и его окрестностях. Херсонес же находился от столицы им-

перии на значительном расстоянии. Кроме того, не очень ясно, почему масштабное землетрясение, наделавшее бед окрестностям столицы империи, так избирательно разрушила Херсонес – только северную и западную части, а остальные районы остались неповрежденными? Согласно данным археологии, в юго-восточном, портовом и южном районах Херсонеса повсеместные слои разрушения зафиксированы не были [5. С. 461].

Как правило, при землетрясении люди погибают под обломками зданий или от спровоцированных стихийным бедствием наводнений и пожаров. Согласно археологическим данным, в конце X в. действительно произошел масштабный пожар в северной и западной частях города, но среди обнаруженных исследователями останков людей в братских могилах не встречены обожженные кости или человеческие останки со следами травм, которые бы были характерны для людей, погибших при пожаре или при обрушении зданий [18. С. 213].

Таким образом, скорее всего, люди, чьи останки были найдены в коллективных захоронениях, умерли не в результате землетрясения.

В братских могилах захоронены люди разных возрастов, умершие в одно и то же время своей смертью. Их останки были бессистемно свалены в большие ямы [2. С. 27]. С.А. Беляев предположил, что захороненные в данных могилах люди умерли от какой-то заразной болезни, но сам же опроверг свою теорию предположением, что людей, умерших во время эпидемий, хоронили на окраинах города [Там же. С. 28]. Эту гипотезу охотно поддержал В.В. Хапаев [8. С. 80].

Однако в средневековой Европе не существовало практики хоронить умерших во время эпидемий на окраинах поселений. Даже во время пандемии Черная смерть трупы умерших от чумы бессистемно сваливали в большие чумные ямы, выкопанные в освященной земле вблизи городских церквей и монастырей. Так, Джованни Боккаччо в предисловии к «Декамерону» описывает процедуру захоронения умерших следующим образом: «На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд – и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху [22. С. 12].

Описание погребения умерших от чумы людей из сообщения Боккаччо точно соответствует процедуре погребения в братских могилах конца X в., открытых археологами в северной и западной частях Херсонеса. Так, например, в могиле № 22 на кладбище у «Базилики на холме» погребенные были не положены, а брошены. Они лежали не ровными рядами, а кое-как, иногда наискось могилы. Не были выдержаны и горизонтальные слои. Углубления для захоронения были вырыты в насыпном грунте, а сами могилы оформлены кое-как; стенками им служили положенные на землю архитектурные детали [2. С. 27].

Как и в Европе во время пандемии Черная смерть, трупы одновременно умерших людей разных возрас-

тов бессистемно сваливали в огромные ямы вблизи церквей. К тому же, как правило, дома, в которых люди умерли от чумы, сжигались вместе со всем содержимым. Церкви и монастыри во время чумы становились главными рассадниками заразы. В культовых зданиях находились трупы умерших до погребения, здесь же собиралось население города, вымаливая себе и своим близким спасение от чумы. Церкви и монастыри часто использовались и в качестве лазаретов, где больных чумой пытались лечить чумные доктора.

Таким образом, культовые здания в северной и западной частях города вполне могли сжечь сами жители Херсонеса, стремясь остановить распространение эпидемии в городе. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что, по данным археологических исследований, в указанный период был не один, а несколько пожаров, произошедших примерно в одно и то же время [3. С. 143].

Чума вполне могла прийти в Херсонес вместе с торговыми кораблями из западной Европы. Она вовсе уже бушевала в то время в германских землях, ослабленных голодом. Саксон Грамматик описывает голод в тогдашней Западной Европе следующим образом: «В то время необычайно плохая погода стала причиной гибели урожая и очень высоких цен на зерно. Тяготы голода совершенно истощили оставшихся без еды людей, и было решено перебить всех стариков и младенцев [23. С. 305–306]. Голод в Европе спровоцировал эпидемию чумы, которая началась, по данным Титмара Мерзбургского, в 983 г. в землях полабских славян и чрезвычайно их ослабила: «Король опять подчинил ослабленных чумой восставших славян. Сильная жара нанесла большой вред плодам, а жестокая смертность — людям» [15. С. 53].

Далее в своей хронике автор регулярно сообщает о чуме в Германской империи вплоть до 1000 г. Так, в записи за 999 г. мы находим в источнике следующее: «Между тем в некоей деревне, называемой Гордорф, родился ребенок, наполовину человек, в остальном похожий на гуся. Великую чуму принес этот урод за грехи наши» [Там же. С. 53–56].

Сообщения о голоде и чуме в 988–989 гг. находим также в Кведлинбургских анналах: «Страшная летняя жара погубила почти весь урожай. Вскоре последовала сильная смертность среди людей. Появились кометы, за которыми последовал страшный мор среди людей и скота, особенно среди коров [24. С. 47]. Схожие данные сообщает нам и Хроника Саксона Анналиста [25. С. 219].

О том, что голод и чума обрушились не только на Германию, но и на византийские земли, сообщает нам Лев Диакон: «И на другие тяжчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды. И крайне бедственный голод, болезни, засухи и бурные порывы губительных ветров случились тогда» [16. С. 91].

Лев Диакон, сообщивший о болезнях в византийских землях, умер приблизительно в 1000 г. в Малой Азии, а значит, эпидемия чумы должна была начаться в конце X в., между 988 (время ухода русской дружины) и 1000 г. Если бы чума пришла в город до ухода русской дружины, то русские воины принесли бы ее на Русь и об эпидемии в восточнославянских землях сообщили бы русские летописи.

Жители Херсонеса уже были ослаблены осадой и последовавшим за ним голодом. Неслучайно в древнерусских письменных источниках подчеркивается, что жители Херсона во время осады «изнемогша гладемь» [14. С. 111]. Значительная часть взрослого населения погибла, обороняя город от вражеского нашествия или во время последующих за сдачей Херсонеса репрессий русской дружины.

После ухода русской дружины из Херсонеса в городе осталось измученное войной и голодом население, существенную часть которого составили дети. Не удивительно, что значительная часть человеческих останков, найденных в братских могилах, оказалась детскими. Так, в одной из могил конца X в., открытых археологами в северной части Херсонеса, были найдены останки 32 детей, лежащих в беспорядке. В другой братской могиле были найдены останки 11 детей разных возрастов [1. С. 233, 237].

Таким образом, можно предположить, что в братских могилах, обнаруженных в археологическом слое конца X — начала XI в. северного и западного районов города хоронили умерших от чумы, случившейся после ухода русской дружины из города в конце X в. Тотальный пожар, вызвавший разрушение зданий, был спровоцирован самими херсонесцами, сжигавшими здания, ставшие рассадниками заразы.

Согласно данным археологии, глобальная катастрофа, случившаяся в Херсонесе в конце X в., привела к катастрофическому сокращению населения города, упадку ремесел и торговли [9. С. 182]. О гуманитарной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в XI в., красноречиво свидетельствует тот факт, что часть оставшихся в живых жителей города была вынуждена ютиться в нежилых помещениях: склепах или водозаборных цистернах [8. С. 78–79].

В целом же можно сделать вывод, что князь Владимир и его дружина были косвенно причастны к катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. Часть жителей города погибла во время осады или в результате последовавших за сдачей города репрессий. Осада и военные действия ослабили население Херсонеса, однако большая часть жителей города, судя по состоянию захоронений, погибла в конце X в. во время эпидемии неизвестной болезни, вероятнее всего — чумы, которая свирепствовала в то время в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1941. № 4. С. 202–268.
2. Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // *Byzantinorussica*. 1994. № 1. С. 7–47.
3. Туровский Е.Я., Яшаева Т.Ю. Христианские древности из слоя пожара X в. в юго-восточном районе Херсонеса // *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис : IX Международный Византийский Семинар : материалы науч. конф. Севастополь : Колорит, 2017. С. 143–145.*

4. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсон // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1959. № 63. 364 с.
5. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X–XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 455–487.
6. Айбабин А.И., Макарова Т.И. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья VI–XIII веков / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 68–146.
7. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1953. № 34. С. 11–31.
8. Хапаев В.В. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории разрушения города в начале XI века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2012. Вып. IV. С. 77–84.
9. Романчук А.И. Слои разрушения X в. в Херсонесе: к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 182–188.
10. Повесть временных лет. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
11. Роменский А.А. Корсунский поход князя Владимира: обстоятельства осады и захвата города // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 5–15.
12. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь: Библекс, 2006. 826 с.
13. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1908. Т. 1. 401 с.
14. Житие князя Владимира особого состава // Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб.: Изд-во Тип. Имп. Акад. наук, 1906. С. 110–116.
15. Титмар Мерзбургский. Хроника: в 8 кн. / под ред. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
16. Лев Диакон. История / под ред. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1988. 238 с.
17. Броневский М. Описание Татарии. Киев: Изд-во Стрельбицкого, 2015. 79 с.
18. Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности: харьковский историко-археологический ежегодник. 2012. Т. 11. С. 211–222.
19. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1909. Т. 2, ч. 1. 295 с.
20. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1912. Т. 2, ч. 2. 427 с.
21. Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона: раскопки, гипотезы, проблемы. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. Т. 2: Византийский город. 544 с.
22. Бокаччо Дж. Декамерон / пер. Н. Любимова. М.: Фирма АРТ, 1992. 464 с.
23. Саксон Грамматик Деяния даннов / пер. с лат. яз. и коммент. А.С. Досаева, И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2017. Т. 1. 607 с.
24. Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / пер. И.М. Дьяконова, В.В. Рыбакова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 15–89.
25. Саксон Анналист. Хроника 741–1139 / пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2012. 712 с.

Mikhail N. Kozlov, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: kmn_75@mail.ru

ON THE QUESTION OF PRINCE VLADIMIR'S INVOLVEMENT INTO A LARGE-SCALE CATASTROPHE IN THE CITY OF CHERSONESOS IN THE LATE X CENTURY

Keywords: Chersonesos, the Korsun campaign, large-scale disaster, total fire, plague epidemic.

The main goal of this study is to determine whether the hypothesis of the involvement of Prince Vladimir and his squad in the large-scale catastrophe that occurred in Chersonesus at the end of the 10th century still retains its scientific significance.

The materials of archaeological excavations in Chersonesos of the late X – early XI centuries as well as Old Russian chronicles were the main source used while working on this study. An important role in the study was also played by various foreign sources: the Scandinavian, Germanic and Byzantine chronicles, and the reports of Arab authors.

Two currently dominant hypotheses in modern historical science related to the involvement of Prince Vladimir and his squad in the large-scale catastrophe that had occurred in Chersonesos at the end of X century are revealed in this article. According to the first of them, mass graves in the city and a great fire had been caused by repressions of Vladimir's squad against the locals. According to the other scientists, the Korsun campaign was insignificant for the inhabitants of Chersonesos, and the large-scale disaster had been related to a terrible earthquake at the beginning of the XI century.

Having analyzed the Old Russian written texts, foreign authors' reports and archaeological research data, the author managed to refute the theory of large-scale extermination of Chersonesos citizens by the soldiers of Vladimir's squad, which has been dominating in Russian science. The study also presents arguments against the opposite point of view, according to which the influence of Vladimir's campaign on Chersonesos was insignificant, and the multiple death of most Chersonesos citizens had been caused by large-scale earthquake.

Based on the reports of the German chroniclers and Leo the Deacon about a terrible plague epidemic in Europe at the end of the X century, the author suggests that a large-scale disaster in one of the main Black Sea ports at that time had been caused by a plague epidemic.

The author comes to the conclusion that the scientific hypothesis about the involvement of Prince Vladimir and his force in a large-scale catastrophe that occurred in Chersonesos at the end of the X century only partly reliable. Part of the inhabitants of the city perished during the siege or repression caused by the Russians. The siege and military actions weakened the people of Chersonesos and provoked an epidemic of plague that occurred at the end of the 10th century and led to extinction of most of the city's population.

REFERENCES

1. Belov, G.D. (1941) Raskopki v severnoy chasti Khersonesa v 1931–1933 gg. [Excavations in the northern part of Chersonesus in 1931–1933]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 4. pp. 202–268.
2. Belyaev, S.A. (1994) “Bazilika na kholme” v Khersonese i “Tserkov' na gore” v Korsuni, postroennaya knyazem Vladimirom [“Basilica on the Hill” in Chersonesus and “Church on the Mountain” in Korsun, built by Prince Vladimir]. In: Bibikov, M.V. *Byzantinorussica [Byzantinorussica]*. Vol. 1. pp. 7–47.
3. Turovsky, E.Ya. & Yashaeva, T.Yu. (2017) Khristianskie drevnosti iz sloya pozhara Kh v. v yugo-vostochnom rayone Khersonesa [Christian antiquities from the fire layer of the 10th century in the southeastern region of Chersonesus]. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis [ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis]*. Proc. of the 9th International Byzantine Seminar. Sevastopol: Kolorit Publ. pp. 143–145.
4. Yakobson, A.L. (1959) Rannesrednevekovyy Kherson [Early medieval Cherson]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 63.
5. Zavadskaia I.A. (2010) Katastrofa v Khersone v kontse X–XI vv.: kritika gipotezy o zemletryaseni [Disaster in Cherson in the late 10th – 11th centuries: the hypothesis of an earthquake criticized]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria*. 16. pp. 455–487.

6. Aybabin, A.I. & Makarova, T.I. (2003) Krym v X – pervoy polovine XIII vv. [Crimea in the 10th – the first half of the 13th centuries]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu Srednevekov'ya VI–XIII vekov* [Crimea, Northeastern Black Sea and Transcaucasus in the Middle Ages of the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 68–146.
7. Belov, G.D. (1953) Severnyy pribrezhnyy rayon Khersonesa [Northern coastal region of Chersonesus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 34. pp. 11–31.
8. Khapaev, V.V. (2012) Nekropoli srednevekovogo Khersona kak istochnik po istorii razrusheniya goroda v nachale XI veka [Necropolises of medieval Kherson as a source on the history of the destruction of the city at the beginning of the 11th century]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 4. pp. 77–84.
9. Romanchuk, A.I. (1989) Sloi razrusheniya X v. v Khersonese: k voprosu o posledstviyakh Korsunskogo pokhoda Vladimira [Layers of destruction in the 10th century in Chersonesus: on the consequences of Vladimir's Korsun campaign]. *Vizantiyskiy vremennik – Byzantina Xronika*. 50. pp. 182–188.
10. Adrianova-Peretz, V.P. (ed.) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Romenskiy, A.A. (2016) Korsunskiy pokhod knyazya Vladimira: obstoitel'stva osady i zakhvata goroda [The Korsun campaign of Prince Vladimir: the circumstances of the siege and capture of the city]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 1(63). pp. 5–15.
12. Sorochan, S.B., Zubar, V.M. & Marchenko, L.V. (2006) *Zhizn' i gibel' Khersonesa* [The Life and Death of Chersonesus]. Sevastopol: Bibleks.
13. Vasilevskiy, V.G. (1908) *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Anon. (1906) *Zhitie knyazya Vladimira osobogo sostava* [The Life of Prince Vladimir of Special Composition]. In: Shakhmatov, A.A. *Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira* [The Korsun Legend about the Baptism of Vladimir]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 110–116.
15. Thietmar of Merseburg. (2009) *Khronika* [Chronicle]. Translated from Latin by I.V. Diakonov. Moscow: Russkaya Panorama.
16. Leo the Deacon. (1988) *Istoriya* [History]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.
17. Bronevsky, M. (2015) *Opisanie Tatarii* [The Description of Tataria]. Kyiv: Izd-vo Strel'bitskogo.
18. Ivanov, A.V. (2012) Vnutrigorodskie nekropoli kontsa X–XIV vv. kak element istoricheskoy topografii vizantiyskogo Khersona [Intra-urban necropolises of the late 10th–14th centuries as an element of the historical topography of Byzantine Kherson]. *Drevnosti: khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik*. 11. pp. 211–222.
19. Vasilevskiy, V.G. (1909) *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 2(1). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
20. *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 2(2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Romanchuk, A.I. (2008) *Issledovaniya Khersonesa–Khersona : raskopki, gipotezy, problemy* [Explorations of Chersonesus–Kherson: excavations, hypotheses, problems]. Tyumen: Tyumen State University.
22. Boccaccio, J. (1992) *Dekameron* [The Decameron]. Translated from Italian by N. Lyubimov. Moscow: Firma ART.
23. Saxo Grammaticus. (2017) *Deyaniya dannov* [Acts of the Danes]. Vol. 1. Translated from Latin by A.S. Dosaev, I.A. Nastenka. Moscow: Russkaya Panorama.
24. Anon. (2012) *Nemetskie annaly i khroniki X–XI stoletiy* [German annals and chronicles of the 10th – 11th centuries]. Translated by I.M. Dyakonov, V.V. Rybakov. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science. pp. 15–89.
25. Saxo Annalist. (2012) *Khronika 741–1139* [Chronicle of 741–1139]. Translated from Latin by I.V. Dyakonov. Moscow: Russkaya panorama.

УДК 94(571.17)“18”
DOI: 10.17223/19988613/75/6

Е.В. Комлева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА СИДОРОВА В ОТРАЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Анализируются состав и информационные возможности корпуса рукописных материалов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве и формирующих личный фонд исследователя Русского Севера Красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова. Подавляющее большинство рассматриваемых источников относится к наиболее плодотворному периоду жизни М.К. Сидорова – 1860–1870-м гг., и позволяет получить представление о круге его интересов, предпринимательской и общественной деятельности, взаимодействии с властями разного уровня, отношениях с разными лицами, углубить представления о его характере, инициативах и стиле работы.

Ключевые слова: купечество, Михаил Константинович Сидоров, рукописное наследие, освоение Севера, круг интересов, предпринимательская и общественная деятельность, отношения с властью

Среди российского купечества было немало ярких, по-настоящему выдающихся фигур, оставивших глубокий след как в предпринимательской сфере, так и на ниве просвещения и благотворительности. Одной из таких неординарных личностей, патриотом, глубоко любившим свою страну и переживавшим за нее, открывателем Северного морского пути был красноярский купец Михаил Константинович Сидоров (16.03.1823–12.07.1887), автор целого ряда работ по истории освоения и проблемам развития русского Севера [1–9], член 19 русских и 6 иностранных ученых и благотворительных обществ [10. С. 150–152]. Его именем названы гора в архипелаге Шпицберген, остров в архипелаге Новая Земля, пролив в архипелаге Земля Франца-Иосифа, мыс в заливе Миддендорфа в Карском море, улицы в г. Ухта, пос. Красноселькуп, нефтяная скважина, поселок на берегу Тазовской губы. Про жизнь и деятельность этого удивительного, непростого по характеру человека написано несколько статей, в том числе в научно-справочных изданиях [11–16], брошюра П.М. Зенова [17], а также книги: увидевший свет еще при жизни Михаила Константиновича (в 1883 г.) труд Ф.Д. Студитского [18], вышедшее в 1918 г. исследование А.А. Жилинского [10] и опубликованная в 1987 г. работа В.Н. Королева [19]. Большой фрагмент о М.К. Сидорове включен в «Очерки истории благотворительности в Сибири» Г.А. Бочановой, Л.М. Горюшкина и Г.А. Ноздрина [20. С. 47–104]. Различные факты его биографии фигурируют также на страницах многих других научных и научно-популярных изданий. В 2018 г. по заказу Пустозерского музея-заповедника был снят небольшой документальный фильм «Тот самый Сидоров».

Однако, вне всякого сомнения, разносторонняя деятельность этого энергичного предпринимателя нуждается в самом тщательном дальнейшем изучении. Сделать это позволяет, в частности, внушительный комплекс документов, хранящийся в Российском государственном историческом архиве и образующий

персональный фонд Михаила Константиновича Сидорова.

Выходец из Архангельска, в 1840-х гг. М.К. Сидоров перебрался в Сибирь (из-за скандала с открытием Архангельского городского общественного банка по инициативе купца В.А. Попова [21. С. 121–122]) и осел в главном городе Енисейской губернии – Красноярске. Поначалу он занимался тем, что в качестве домашнего учителя обучал детей местного золотопромышленника Н.В. Латкина, переписывал его бумаги, выполнял поручения, связанные с разработкой золотых россыпей, вел судебные тяжбы. Зарекомендовав себя грамотным и дельным человеком и обнаружив несколько месторождений золота, Михаил Константинович сумел скопить средства и войти в купечество (в 1861–1862 гг. он значился как торгующий в Красноярске по свидетельству 2-й гильдии иногородний купец, коллежский регистратор [22. Оп. 1. Д. 257. Л. 49 об.–50], в бумагах 1863 г. уже указан как красноярский 1-й гильдии купец, губернский секретарь [23. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 3]). Впоследствии ему посчастливилось открыть целую серию золотых россыпей, что позволило развернуть в широких масштабах не только предпринимательскую, но и благотворительную деятельность [10. С. 18–19; 20. С. 50]. Пик активности М.К. Сидорова пришелся на 1860–1870-е гг., когда он проживал главным образом в Санкт-Петербурге. Именно к этому периоду относится вышеупомянутое собрание материалов, формирующих фонд М.К. Сидорова в РГИА. Масштаб личности Михаила Константиновича в некоторой мере отражен в названии фонда: «Сидоров Михаил Константинович (1823–1887), зоолог, географ, исследователь Сибири и Севера России» [23].

Фонд включает 27 единиц хранения, большинство из которых содержит как черновики деловых бумаг и писем, написанные самим Михаилом Константиновичем, так и набело переписанные писцами тексты. По многим из этих дел можно проследить, с каким вниманием М.К. Сидоров относился к подготовке каждого

документа: на это указывает наличие нескольких вариантов одного и того же текста с множественными правками и вставками на полях, сделанными его рукой. Некоторые из данных источников уже привлекали внимание исследователей, к другим же пока никто не обращался. Между тем они позволяют не только детально проанализировать деятельность самого М.К. Сидорова, но и в целом расширить представления о сфере интересов и настроениях русских купцов пореформенного периода, круге их общения и взаимодействии с властями разного уровня.

Все рассматриваемые источники с некоторой долей условности можно разделить на несколько групп: относящиеся к состоянию и проблемам Туруханского края, к Поморью (в широком смысле), с которым М.К. Сидоров сохранял тесную связь всю жизнь, к развитию транспортной инфраструктуры северных территорий, включая освоение Северного морского пути, к золото-промышленности, к развитию системы народного образования в Сибири, к разнообразным вопросам, связанным с жизнью Русской православной церкви в Енисейской губернии.

Михаил Константинович Сидоров в первую очередь известен как исследователь Русского Севера. Одной из северных территорий, изучению и хозяйственному освоению которой он посвятил многие годы своей жизни, был расположенный на севере Енисейской губернии обширный Туруханский край. Доверенным М.К. Сидорова в 1850-х гг. удалось обнаружить на этой территории богатые залежи угля, каменной соли, высококачественных графитовых и железных руд [13. С. 261]. Предпринимательская деятельность Михаила Константиновича в низовьях Енисея обусловила его заинтересованность в разностороннем развитии этой территории. В частности, по его инициативе была создана школа для инородческих детей при Туруханском Троицком монастыре. В написанной по этому поводу записке говорилось: «Желая развить Европейскую торговлю из Атлантического океана чрез устья рек Оби с Западною и Енисея с Восточною Сибирью, а также и чрез Нижнюю Тунгуску с Леною до Охотского моря, я полагал бы ходатайствовать о назначении с ценностью имеющихся доставляться чрез устье Енисея вверх по нему и по Нижней Тунгуске всех иностранных товаров по одному проценту со ста, как для учреждения при монастыре бесплатной школы с готовыми квартирами, пищею, одеждой и книгами для всех инородцев и туземцев Туруханского края, так и для постройки новых монашеских келий и увеличения числа иноков, которые бы занимались тщательно обучением этих детей...» [23. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–5 об.]. Далее Михаил Константинович замечал, что «при учреждении постоянной обеспеченной во всем школы, при рвении к грамоте инородческих детей и при обучении их в правилах Христианской религии, они несомненно подействуют на прочих язычников, в лесах блуждающих, и к племенам их принадлежащих и будут направлять таковых к принятию Православия, к оседлой жизни и образованию обществ, состав которых и ведущееся между некоторыми из них правосудие даже и в диком их состоянии служит немалым удивлением» [Там же. Оп. 1.

Д. 5. Л. 5 об.]. Однако училище, просуществовав три года, было закрыто из-за нехватки учителей и финансирования [24. С. 80]. Среди документов, характеризующих состояние Туруханского края, находятся также «Заявление М.К. Сидорова в Енисейскую врачебную управу об открытии в Туруханском крае залежей минерального вещества “перелой”, употребляемого местным населением как средство от венерических болезней» [23. Оп. 1. Д. 17] и «Переписка настоятеля Туруханского Троицкого монастыря с Туруханским отдельным управлением о голоде в монастыре и посылке необходимого количества хлеба» [Там же. Д. 21].

Помимо Туруханского края неизменный интерес М.К. Сидорова вызывало состояние его малой родины – Архангельской губернии. До наших дней дошли: относящийся к 1865 г. черновик его сообщения о родине М.В. Ломоносова – деревне Денисовке [Там же. Д. 8], датированное 1873 г. прошение М.К. Сидорова начальнику Архангельской губернии о разрешении постройки трех пристаней в низовьях Печоры [Там же. Д. 13], относящийся к 1879 г. его доклад на заседании правления Общества для содействия русской промышленности и торговле о необходимости сооружения маяков на Белом море [Там же. Д. 15], материалы об открытии приходского училища в Керетском селении Кемского уезда Архангельской губернии [Там же. Д. 24].

Наиболее обстоятельно деятельность М.К. Сидорова по развитию Печорской компании и связанные с этим проблемы отражены в его записке «О препятствиях со стороны архангельского губернатора разработкам новых месторождений нефти, золота и меди на Печоре и открытию нового морского пути вокруг Новой Земли в устье р. Енисея, об усилении влияния иностранных купцов» [Там же. Д. 9]. Для развития края М.К. Сидоров в 1868 г. предлагал провести дорогу через Уральский хребет с Оби на Печору, считая, что «чем скорее будет устроена с Оби на Печеру дорога, тем скорее она выведет из затруднительного положения не только множество жителей Западной Сибири и воскресит упадающую древнюю столицу Сибирского царства – город Тобольск, но и оживит 26-тысячное население самой р. Печоры, большую частью которое вместо хлеба питается корою из хвойных деревьев, листьями рябины и черемхи (так в ркп. – Е.К.) и соломою...» [Там же. Д. 12. Л. 3 об.–4].

Озабоченность упадком русского купечества на Севере видна в строках его письма редактору одной из газет: «...в 1800 году в Архангельске существовало 40 русских торговых домов, существовало 5 частных корабельных верфей и была своя русская купеческая биржа. Процветали русские заводы и фабрики, развились оттуда внутри России, соль собственного произведения и рыба русского посоленная русскою солью. Когда-то разрабатывались (так в ркп. – Е.К.) на Севере железо, медь, серебро и золото и народ весь занят был полезным трудом, кормился без помощи правительства и своими взносами принимал громадное участие в обогащении государственной казны. Всему этому главным образом способствовала деятельность русского купечества, покровительствуемая по воле Монархов местными правителями края... По-

степенное изменение такого порядка вещей в пользу торговли иностранной и в ущерб русского торгового и промышленного сословия довело до того, что на Севере не осталось и следов русских контор, русского частного кораблестроения, русской биржи, русских заводов, фабрик, солеварен и горного промысла, и даже самое рыболовство и звероловство окончательно переходит в руки норвежцов» [23. Оп. 1. Д. 18. Л. 2].

Эти, на первый взгляд справедливые и горькие слова можно рассматривать и с другой точки зрения. Так, по мнению М. Агапова, проанализировавшего развернувшуюся в пореформенный период полемику о возможных путях развития северных территорий России, М.К. Сидоров вместе с другими «ревнителями Севера» выступал в роли идеологов «национализации империи» в противовес либеральным реформам начала 1860-х гг., а используемая ими «ксенофобская риторика» оказалась близка сторонникам «модели развития страны, тяготеющей к автаркии» [16. С. 93].

Отсутствие дешевого и надежного транспортного сообщения для вывоза из Сибири и Печорского края сырья в страны Европы, сводило на нет усилия по разработке обнаруженных месторождений и заготовке леса. Это обстоятельство вынуждало настойчиво добиваться развития северных коммуникаций. Среди рассматриваемых источников сохранилось подготовленное М.К. Сидоровым «Предположение об открытии нового пути из Европы в Восточную и Западную Сибирь кругом Новой Земли чрез устья рек Енисея и Оби», направленное в Русское географическое общество, по всей вероятности, в 1862 г. В «Предположении» говорилось: «...выгоды от такого пути были бы неисчислимы как для Сибири, так и в видах развития торговли Европы с Среднею Азией, доселе едва доступной промышленной деятельности единственно по неимению дешевых торговых путей» [23. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.]. Текст сопровождается аргументами, доказывающими возможность прохода судов по водам Северного Ледовитого океана, а также конкретными предложениями, направленными на стимулирование поиска этого пути. В частности, Михаил Константинович готов был выделить 1 500 фунтов стерлингов в награду капитану первого судна, которому удастся осуществить это путешествие. Среди сохранившихся документов находится также направленная М.К. Сидорову из Главного управления Западной Сибири копия донесения березовского окружного исправника Н. Попова со сведениями о низовье р. Енисей, полученными через опрос местного населения [Там же. Д. 25]. Еще один интересный и важный документ – доклад, прочитанный Михаилом Константиновичем в 1876 г. на заседании правления Общества для содействия русской промышленности и торговле, в котором он формулировал и обосновывал предложение провести канал в низовьях Оби и Енисея [Там же. Д. 14].

Авторитет М.К. Сидорова как знатока Севера хорошо виден в обращении к нему вице-директора Гидрографического департамента Морского министерства Павла Васильевича Козакевича. В письме последнего от 10 мая 1879 г. говорилось: «Для меня крайне необходимо безотлагательное разрешение некоторых во-

просов, касающихся р. Оби и Обской губы. Я вполне уверен, что Вы, превосходно зная наш Северный край, если и не решите вполне некоторых из этих вопросов, то во всяком случае укажете мне источники, откуда я мог бы немедленно почерпнуть требующиеся для меня сведения» [Там же. Д. 26. Л. 1].

Одно из наиболее ранних дел из фонда М.К. Сидорова касается его деятельности по разработке золотых приисков, что приносило ему основной доход: это «Определение Алтайского горного правления об отказе М.К. Сидорову в отводе ему площади на территории Спасопреображенского и Мариинского золотых приисков» [Там же. Д. 20]. Из этого документа видно, со сколькими рисками было сопряжено занятие золотопромышленностью: требовалось не только найти золотоносный участок, – не менее важным было удержать его за собой, доказать право на его разработку.

Следующая группа рассматриваемых источников относится к развитию системы народного образования на территории Сибири. Михаил Константинович на протяжении многих лет поддерживал учебные заведения и детские приюты в Красноярске, Тобольске, Омске и, конечно, в родном Архангельске [14. С. 121]. Взгляд на то, какой тип образования требовался сибирскому обществу во второй половине XIX в., изложен в одной из его записок: «Разумеется, такое учебное заведение, как университет, со своими факультетами удовлетворяет более интересам общечеловеческим, его влияние огромно, но влияние нравственное. Но что будут делать воспитанники университета, когда потребность в высшем образовании так мало развита даже в самой России. Там университет потерял свое мировое значение и сделался специальной школой, заведением, плодящим чиновников, медиков, учителей. У нас не взошло в условие жизни потребность быть образованным (подчеркнуто в ркп. – Е.К.), а потребность в специалистах; так для чего же идти наперекор потребности истории, и страны, будет много хороших специалистов, будет богатство, будет и потребность в общем образовании, и в университетах» [Там же. Д. 3. Л. 11 об.–12]. По мнению Михаила Константиновича, в условиях Сибири наиболее востребованным на тот момент было техническое образование, направленное на подготовку горных инженеров. Предлагая учредить в регионе высшее «горнотехническое заведение», он писал: «...что это за заведение, я не определяю наук, но могу сказать, что должны знать воспитанники заведения и к чему они должны быть годны: 1^е) они должны знать горное дело в полном его объеме и 2^е) должны быть механики и в то же время они должны уметь делать модели, овеществлять свою мысль, должны уметь ковать железо и медь, одним словом они должны быть и творцами и мастерами» [Там же. Л. 12 об.].

Однако эта идея подверглась жесткой критике, на что указывает вложенная в это же дело записка неизвестного лица. В докладной записке на имя генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского М.К. Сидоров предлагал на ежегодный сбор с золотопромышленников «для возмещения особых расходов, на содержание полиции, воинских ко-

манд и разных чинов по частным золотым промыслам... открыть в Восточной Сибири высшее учебное заведение и в городе Красноярске губернскую гимназию с учреждением при оной классов преподавания бухгалтерии и сверх горных технологических наук. Оба эти заведения будут готовить людей, способных как для золотопромышленного производства, так и вообще для Сибирского края» [23. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1 об.]. Сохранились также черновики докладных записок М.К. Сидорова в Сибирский комитет с просьбой принять пожертвования на учреждение и поддержание народных школ в Западной Сибири [Там же. Д. 7], записка о проекте организации мастерской по изготовлению карандашей при красноярском Александринском детском приюте [Там же. Д. 10].

Однако далеко не все вносимые частными лицами предложения и делаемые ими пожертвования безоговорочно принимались местными властями. Один из сохранившихся документов – черновик прошения М.К. Сидорова, в котором говорилось о сделанном им в ноябре 1860 г. предложении пожертвовать «25 золотосодержащих приисков в Енисейском округе и денег с целью учреждения в Восточной Сибири университета и в г. Красноярске гимназии» и о том, что в ответ от него потребовали разрабатывать эти прииски до того, как они будут приняты в казну. М.К. Сидоров жаловался: «Из этих распоряжений видно: с одной стороны, что прииски я как бы не должен уже считать своею собственностью, а с другой, несмотря на то, как полную свою собственность обязан их зарабатывать (так в ркп. – *Е.К.*)... А как, принося для пользы целого края жертву... никак не полагал, чтоб в возмездие я буду подвергнут обязанности чрез каждый год зарабатывать 25 приисков до того неопределенной: “в свое время” (подчеркнуто в ркп. – *Е.К.*), которое сможет не наступить в продолжении всей моей жизни, и содержать для этого на свой счет служащих и рабочих» [Там же. Д. 2. Л. 18–18 об.].

Наконец, еще одна группа рассматриваемых источников раскрывает деятельность М.К. Сидорова, направленную на поддержку Русской православной церкви. Мы уже упоминали о финансировании им школы при Туруханском мужском монастыре и о том, что он несколько лет выполнял обязанности почетного блюстителя Красноярского духовного училища, что было связано с немалыми финансовыми затратами в пользу этого учреждения [Там же. Д. 19]. Среди прочих бумаг находятся также два письма Михаила Константиновича епископу Красноярскому и Енисейскому Никодиму (Казанцеву) [Там же. Д. 22. Л. 27–30]. Тексты указывают на глубокое уважение, которое автор испытывал к архипастырю, и на их довольно близкое общение. Так, Михаил Константинович извещал, что купил для Владыки подзорную трубу. При этом он добавлял: «Трубу эту я покорнейше прошу Ваше Преосвященство сделать мне большое удовольствие принять от меня на память, и если Вы пошлете взамен того книжку Ваших трудов о Василии Мангазейском, тогда я буду более всего доволен и благодарен. Может быть, Великомученик еще и сподобит Вас узреть в эту трубу первый иностранный корабль, к монастырю Его при-

плывающий...» [Там же. Д. 11. Л. 1–1 об.]. М.К. Сидоров выполнял и разные деловые поручения Никодима, одно из которых было связано со сбором нужных бумаг, доказывающих законность пожертвования вдовой коммерции советника А.В. Мясниковой деревянного дома Красноярскому духовному училищу [Там же. Д. 22]. В 1867 г., при переводе Красноярского уездного духовного училища в ведение Томской епархии, он обратился к обер-прокурору Святейшего Синода Д.А. Толстому с просьбой признать «возможным Красноярское духовное уездное училище снова обратить в подчинение местного Преосвященного ради пользы самого края и ради жертвователей, которые при ближайшем надзоре Архипастыря были бы вполне уверены, что пожертвования их будут употреблены согласно назначения сделанного ими по личному соглашению с Его Преосвященством» [Там же. Д. 19. Л. 6 об.–7]. Михаил Константинович отмечал, что, «видя особенные заботы по образованию бедного юношества местного Епископа Красноярского и Енисейского Никодима и желая по возможности помочь достопочтеннейшему и любимому всем населением края пастырю в его благих стремлениях, взнес в разное время в распоряжение училища до 2 000 рублей серебром» [Там же. Л. 5]. Вероятно, пресвященный Никодим в некоторых непростых случаях советовался с М.К. Сидоровым: на это указывает находящаяся среди бумаг последнего записка неустановленного лица о прошении прихожан Христорождественской церкви г. Енисейска в Синод об упразднении женского монастыря при церкви, с чем архипастырь был не согласен [Там же. Д. 27. Л. 1]. Связь между М.К. Сидоровым и Владыкой Никодимом сохранилась и после увольнения последнего с кафедры и ухода на покой [25. С. 234]. Помимо епископа Красноярского и Енисейского, Михаил Константинович переписывался также с другим видным церковным деятелем – красноярским протоиереем Василием Касьяновым, о чем тот упоминает в своем дневнике за 1881 г. [26. С. 270].

В целом при знакомстве с материалами из фонда М.К. Сидорова обращают на себя внимание целеустремленность и настойчивость этого человека, его далеко идущие планы, не только умение выдвинуть интересный социально значимый проект, но и стремление добиться его скорейшей реализации. Смелость его замыслов поражала современников, однако провал многих его начинаний давал основания говорить об их авторе как о «мечтателе». Спустя год после смерти Михаила Константиновича в «Восточном обозрении» говорилось: «Особенно горячим ревнителем за Северный край и Поморье явился, как известно, покойный М.К. Сидоров, задававшийся обширными целями и пытавшийся развить дела на Печоре; ему принадлежала попытка доставлять графит с устьев Енисея, попытка неудачная, как и многое в планах этого деятеля, – скорее мечтателя о будущих путях, горячего пропагандиста идеи возрождения Севера, но плохого практика» [27. С. 1]. По словам Ф. Студитского, «в своем отечестве М. Сидоров не встречал содействия; напротив, все его проекты считались фантазиями, и старались остановить мечтателя, который разоряет себя – и, без сомнения, разорит и других для осуществления

своей мечты» [18. С. III]. А.А. Жилинский также упоминает, что «многие осуждали доклады Сидорова, смеялись над ними»; например, один из них – о возрождении Севера – называли «сказкой 1001 ночи» [10. С. 24].

Красной линией практически через все рассматриваемые документы проходит тема взаимодействия М.К. Сидорова с региональными и центральными властями, чьего благосклонного и заинтересованного отношения к своим проектам он стремился добиться, понимая, что без партнерства с государством невозможно достичь успеха. Помимо «северной темы», М.К. Сидоров сталкивался с представителями администрации по самым разным вопросам, и контакты эти несколько раз приводили к конфликтам между начальниками Енисейской и Тобольской губерний, Восточной и Западной Сибири. В одном из сохранившихся документов говорится: «Сидоров в 1863 году входил с предложением о пожертвовании денег на народные школы для Западной Сибири. Деньги назначались из казны, за добытое золото, на паи Сидорова причитающиеся. Но Енисейский губернатор эти деньги отдал другому, почему Тобольский, находя действия Енисейского неправильными, сообщил об этом в Сибирский комитет министров, откуда оно поступило к м[инистру] в[нутренних] дел для сделания замечания Тобольскому за принятие на себя [смелости] судить действия себе равного» [23. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Однако, вникнув в суть дела, «министр внутренних дел отзывался, что распоряжения генерал-майора Замятнина по делу Сидорова нельзя признать правильными и потому для точного заключения о нем необходимо сообщить о сем на усмотрение местного генерал-губернатора» [Там же. Д. 1. Л. 2 об.]. На другую жалобу М.К. Сидорова, направленную министру народного просвещения, в мае 1863 г. из министерского департамента последовал следующий ответ: «На присланное домашним учителем Сидоровым... прошение с жалобой на производимое будто бы вопреки законам установленному порядку над ним следствие о неправильном награждении его чином... объявляется, что Его Превосходительство не считает себя вправе входить в рассмотрение дела, состоящего в судебном производстве, и что просителю с жалобой на действия местных властей следует обратит[ь]ся в порядке подчиненности в подлежащие учреждения» [Там же. Д. 23. Л. 1].

Уместно вспомнить характеристику Михаила Константиновича, приведенную в жандармском донесении: «...замечателен по многостороннему уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности, благотворительный до расточительности, истощающий все свои средства для разведки и открытия новых отраслей отечественной промышленности в видах не столько собственной, как общественной пользы. Мог сделаться человеком замечательным, даже историческим в государстве, если бы все эти достоинства не были парализованы (так в тексте. – Е.К.) отчасти его страстью к спорам, тяжбам и процессам, причем он не останавливается ни перед какими средствами для поражения и даже оскорбления противников, что и сделало ему многих непримиримыми врагами, в том

числе и начальника губернии» [28. 3 отд. 1 эксп. 1844. Д. 247. Ч. 14. Л. 17–17 об.]. Думается, что некоторые из упомянутых свойств сильно мешали М.К. Сидорову в предпринимательской деятельности и в какой-то мере сказались на плачевном итоге многолетних трудов, когда он оказался практически без средств к существованию.

При этом М.К. Сидоров в лестных выражениях оценивал деятельность министра коммерции и директора Департамента водных коммуникаций и комиссии об устройении в России дорог при Александре I графа Н.П. Румянцева, а также товарища министра внутренних дел при Александре II князя А.Б. Лобанова-Ростовского. О Николае Петровиче Румянцеве он несколько раз упоминал как в записках в вышестоящие инстанции, так и в частной переписке, отзываясь о нем следующим образом: «Предметом расширения промышленности в Западной Сибири занимались многие государственные люди, в особенности г. министр коммерции граф Румянцев, будучи к тому поощряем Императором Александром 1-м. Граф Румянцев всех ближе подошел к цели осуществления этого благого намерения» [23. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об.]; «...если бы у нас наверху был хотя один человек, как бывший министр коммерции граф Румянцев» [Там же. Д. 11. Л. 1 об.]. Пересказывая речь А.Б. Лобанова-Ростовского по время торжественного обеда, данного 21 марта 1869 г. «г. полковником Богдановичем г. генерал-губернатору Западной Сибири А.П. Хрущеву по случаю представления на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора всеподданнейшей просьбы двухсот сибирских купцов о соединении Обского бассейна с Волжским железною дорогою», М.К. Сидоров особо подчеркнул высказанную князем мысль, что «купечество наше всегда было передовым двигателем в разработке отечественных интересов. Его практическая деятельность дала более точек опоры, нежели официальные распоряжения администрации, и в настоящее время оно предъявляет более самостоятельности в общепользных предприятиях всякого рода, в том числе и в построении железных дорог». Особенно тронуло Михаила Константиновича, что «после этих-то выводов князь Лобанов-Ростовский и предложил тост за сибирское купечество» [Там же. Д. 18. Л. 1–1 об.]. М.К. Сидоров заключал: «За таких-то деятелей следует всему русскому купечеству провозглашать тосты не за одними только торжественными обедами, но и ежедневно в семейном кругу своем. Речи же, подобные произнесенной князем Лобановым за обедом 21 марта, господа редакторы всех газет наших обязаны обобщать в своих изданиях, не попуская ни одного слова» [Там же. Л. 2 об.].

По всей видимости, добрые отношения сложились у М.К. Сидорова с тобольским губернатором Александром Ивановичем Деспот-Зеновичем, к помощи которого он прибегал. В письме к епископу Красноярскому и Енисейскому Никодиму от 31 марта 1864 г. Михаил Константинович сообщал, что собирается вступить в переговоры с одним нужным лицом в Тобольске «чрез тамошнего губернатора, в содействии которого я не имел ни малейшего сомнения, зная его особенное к Вам уважением и любовь к просвещению» [Там же.

Д. 22. Л. 27–27 об.]. Высоко отзывался он и об уже упоминавшемся вице-директоре Гидрографического департамента Морского министерства Павле Васильевиче Козакевиче, с которым в 1879 г. консультировался по поводу устройства маяков в Белом море [23. Оп. 1. Д. 15. Л. 15–15 об.].

Надо сказать, что М.К. Сидоров вообще ценил людей знающих, профессионалов своего дела, будь то высокопоставленный чиновник или простой человек, честно и грамотно выполняющий порученную ему работу. В марте 1879 г. он обратился к губернатору Восточной Сибири с просьбой наградить шкипера из Енисейска Андрея Степановича Попова. Обосновывая ходатайство, М.К. Сидоров писал: «По открытии прямого морского пути из Европы в Енисей судоходство по Енисею приобрело особенно значение для Восточной Сибири. Для пользы края и всего нашего отечества необходимо, чтобы оно находилось в руках русских промышленников. И потому те люди, которые приобрели опытность в судоходстве по Енисею, заслуживают особенного внимания» [Там же. Д. 16. Л. 3а].

Таким образом, краткий анализ сохранившихся в РГИА материалов личного фонда Михаила Константиновича Сидорова позволяет говорить об активной жизненной позиции и широком круге интересов этого яркого представителя делового мира пореформенной России, охватывавшем вопросы, связанные как с пред-

принимательством, так и с развитием народного просвещения, церковной жизнью, русской историей и культурой. В рассматриваемых источниках отразились переживания М.К. Сидорова за судьбу русского бизнеса, успех которого рассматривался в непосредственной связи с благополучием и процветанием всей России.

Такие настроения были присущи не только Михаилу Константиновичу, но и широкому кругу русского купечества, в коллективном мировоззрении которого на протяжении XIX в. продолжали развиваться и трансформироваться идеи эпохи Просвещения, в частности высокая оценка места купцов в обществе и роли коммерции в достижении всеобщего блага. Сохранившиеся бумаги подчеркивают взгляды той части предпринимателей, которая в пореформенный период выступала за политику жесткого протекционизма в области экономического освоения северных территорий страны, предоставления различных льгот и привилегий отечественным предпринимателям. Еще один важный момент, на который указывают бумаги М.К. Сидорова, – подчеркивание важного значения деятельности такого регионального отряда российских предпринимателей, как сибирское купечество, без которого были бы немыслимы освоение восточных территорий России и включение их в единое социально-экономическое и культурное пространство империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров М.К. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск : Тип. Губ. правл., 1864. [2], 41 с.
2. Сидоров М.К. Север России. СПб. : В тип. Почтового департамента, 1870. XXIII, 556 с.
3. Сидоров М.К. Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб. : Тип. Я. Третья, 1872. XII, 175 с.
4. Сидоров М.К. О китоловстве и влиянии его на рыбную ловлю у берегов Архангельской губернии. СПб. : Тип. и литография Д.И. Шеметкина, 1879. 164, [4] с.
5. Сидоров М.К. Север России. СПб. : В тип. Д.И. Шеметкина, 1881. Ч. 1: О горных его богатствах и препятствиях к их разработке. XIV, 239 с.
6. Сидоров М.К. О нефти на севере России. СПб., 1882. 12 с.
7. Сидоров М.К. Труды для ознакомления с севером России. СПб. : Тип. и литография Д.И. Шеметкина, 1882. 342 с.
8. Беседы о Севере России в 3-м отделении Императорского Вольного экономического общества по докладам: В.Л. Долинского (1, 4, 5 и 6-й), В.Н. Латкина (2-й) и М.К. Сидорова (3-й). СПб. : Общественная польза, 1867. 459 с.
9. Раменский В. О богатствах северных окраин Сибири и народах, там кочующих : (сост. по материалам, собр. М.К. Сидоровым). СПб. : тип. П.П. Меркулева, 1873. 19 с.
10. Жилинский А.А. Россия на Севере : (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск : Изд. Ком. по увековечению памяти М.К. Сидорова, 1918. 153 с.
11. Чистяков Н.С. Сидоров Михаил Константинович // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск : Рус. энцикл., 1998. С. 563.
12. Ламин В.А. Сидоров Михаил Константинович // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 108–109.
13. Ноздрин Г.А. Сидоров Михаил Константинович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. С. 261–262.
14. Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сб. биографических очерков. Новосибирск : Сова, 2007. С. 113–123.
15. Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 73–82.
16. Агапов М. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // Ab Imperio. 2019. № 4. С. 73–96.
17. Зенов П.М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов севера России. Петроград : Тип. Мор. м-ва, 1916. [2], 16 с.
18. Студитский Ф.Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. СПб. : Тип. Д.И. Шеметкина, 1883. Ч. I. XV, 320 с.
19. Королев В.Н. России беспокойный гражданин : [об исследователе и инициаторе освоения Севера России М.К. Сидорове, 1823–1887 гг.]. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1987. 110, [2] с.
20. Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 212 с.
21. Ефимова В.В. Из истории создания общественного банка в Архангельске в первой половине XIX века // Актуальные проблемы экономики и права : сб. тр. Киров, 2020. Вып. 1 (4). С. 116–123.
22. Государственный архив Красноярского края. Ф. 160.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1050.
24. Дайнеко А. Свято-Троицкий Туроханский монастырь. 350 лет служения. М. : Ин-т экон. стратегий, 2010. 208 с.

25. Бердников Л.П. Вся красноярская власть : факты, события, люди : очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Красноярск : Кн. изд-во, 1995. 320 с.
26. Касьянов В.Д., прот. Из дневников 1870–1897 : в 2 кн. / авт.-сост. А.В. Броднева. Красноярск : Вост. Сибирь, 2012. Кн. 1. 704 с.
27. Сообщения Сибири с Печорой // Восточное обозрение. 1888. 4 дек. № 48. С. 1–2.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109.

Evgeniya V. Komleva, Institute of History (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feodal@history.nsc.ru

ENTREPRENEURIAL AND SOCIAL ACTIVITY OF THE KRASNOYARSK MERCHANT MIKHAIL K. SIDOROV IN THE REFLECTION OF THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE

Keywords: merchants, Mikhail K. Sidorov, handwritten heritage, development of the North of Russia, range of interests, entrepreneurial and public activities, relations with the authorities.

The article analyzes the composition and information capabilities of the corpus of handwritten materials that have been preserved in the Russian State Historical Archive and form the personal fund of the researcher of the Russian North, the discoverer of the Northern Sea Route, the Krasnoyarsk merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov. The vast majority of the sources under consideration relates to the most fruitful period of M. K. Sidorov's life which was from 1860s to 1870s, and allows us to get an idea of the range of his interests, entrepreneurial and public activities, interaction with authorities of different levels, relations with different persons, and what is more, to deepen the understanding of his character, biography, initiatives and work style. Based on the information contained in them, the preserved documents can be divided into several groups: related to the state and problems of the Turukhansk Region; to Arkhangelsk province, which M.K. Sidorov maintained a close connection with all his life; to the development of the transport infrastructure of the northern territories, including the development of the Northern Sea Route; to the gold industry; to the development of the public education system in Siberia; to various issues related to the life of the Russian Orthodox Church in the Yenisei province. The largest layer of materials is associated with the problems of development of the northern territories of Russia (Turukhansk Region and Arkhangelsk province) and the opening of the Northern Sea Route. Of particular value are the letters of M.K. Sidorov to Bishop of Krasnoyarsk and Yeniseysk Nikodim (Kazantsev), testifying to the mutual respect and cooperation in a number of issues of these outstanding people of their time. In general, the preserved sources emphasize the breadth of interests and the boldness of M.K. Sidorov's plans, his concern about the state of the Russian North, his desire to get assistance from the authorities in the implementation of the conceived projects, and his high assessment of the importance of the merchants' activities for the development of the country. At the same time, many texts testify to his difficult nature, the desire to insist on his own, which led to frequent conflicts with representatives of the administration at various levels. Reflecting the activities of a particular person, the materials of the personal fund of M.K. Sidorov at the same time allow us to judge the sentiments of a certain, patriotic part of the Russian merchant class, who in the post-reform period advocated a policy of strict protectionism in the field of economic development of the northern territories of the country, providing various benefits and privileges to domestic entrepreneurs.

REFERENCES

1. Sidorov, M.K. (1864) *Proekt kuptsa Sidorova o zaselenii Severa Sibiri putem promyshlennosti i trgovli i o razvitii vneshney trgovli Sibiri* [Project of Merchant Sidorov on the Settlement of the North of Siberia through Industry and Trade and on the Development of Foreign Trade in Siberia]. Tobolsk: Tip. Gub. Pravl.
2. Sidorov, M.K. (1870) *Sever Rossii* [The North of Russia]. St. Petersburg: Postal Department.
3. Sidorov, M.K. (1872) *Kartiny iz deyanii Petra Velikogo na Severe* [Pictures from the Deeds of Peter the Great in the North]. St. Petersburg: Tip. Ya. Treya.
4. Sidorov, M.K. (1879) *O kitolovstve i vliyani ego na rybnuyu lovlyu u beregov Arkhangel'skoy gubernii* [On whaling and its influence on fishing off the coast of the Arkhangelsk province]. St. Petersburg: D.I. Shemetkin.
5. Sidorov, M.K. (1881) *Sever Rossii* [The North of Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: D.I. Shemetkin.
6. Sidorov, M.K. (1882a) *O nefti na severe Rossii* [About Oil in the North of Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
7. Sidorov, M.K. (1882b) *Trudy dlya oznakomleniya s severom Rossii* [Works about the North of Russia]. St. Petersburg: D.I. Shemetkin.
8. Imperial Free Economic Society. (1867) *Besedy o Severe Rossii v 3-m otdelenii Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva po dokladam: V.L. Dolinskogo (1, 4, 5 i 6-y), V.N. Latkina (2-y) i M.K. Sidorova (3-y)* [Conversations about the North of Russia in the 3rd Department of the Imperial Free Economic Society According to the Reports of: V.L. Dolinsky (1st, 4th, 5th and 6th), V.N. Latkin (2nd) and M. K. Sidorov (3rd)]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
9. Ramenskiy, V. (1873) *O bogatstvakh severnykh okrain Sibiri i narodakh, tam kochuyushchikh* [About the Riches of the Northern Outskirts of Siberia and the Local Nomadic Peoples]. St. Petersburg: Tip. P.P. Merkuliev.
10. Zhilinskiy, A.A. (1918) *Rossiya na Severe: (k opisaniyu zhizni i deyatelnosti M.K. Sidorova)* [Russia in the North (to the Description of M.K. Sidorov's Life and Work)]. Arkhangelsk: Kom. po uvekovecheniyu pamyati M.K. Sidorova.
11. Chistyakov, N.S. (1998) Sidorov Mikhail Konstantinovich. In: Drozdov, N.I. (ed.) *Eniseyskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Yenisey Encyclopedic Dictionary]. Krasnoyarsk: Rus. entsikl. p. 563.
12. Lamin, V.A. (2009) Sidorov Mikhail Konstantinovich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 3. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. pp. 108–109.
13. Nozdrin, G.A. (2013) Sidorov Mihail Konstantinovich. In: Akishin, M.O. et al. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [The Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce of Siberia: in 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS. pp. 261–262.
14. Lamin, V.A. & Nozdrin, G.A. (2007) Sibirskiy kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In: Kirillov, A.K. (ed.) *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov: sb. biograficheskikh очерков* [Personality in the History of Siberia of the 18th – 20th Centuries: Collection of Biographical Essays]. Novosibirsk: Sova. pp. 113–123.
15. Goncharov, A.E. (2011) Mikhail Konstantinovich Sidorov i nerazreshennaya problema sibirskogo Severa [Mikhail Konstantinovich Sidorov and the Unresolved Problem of the Siberian North]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'* [Yenisey North: History and Modernity]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 73–82.
16. Agapov, M. (2019) A "Plot" against the Russian North: Nationalizing the Discourse of Entrepreneurs in the 1860s. *Ab Imperio*. 4. pp. 73–96. (In Russian).
17. Zenov, P.M. (1916) *Pamyati arkhangel'skogo grazhdanina Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, strazha interesov severa Rossii* [In Memory of the Arkhangelsk Citizen Mikhail Konstantinovich Sidorov, the Guardian of the Interests of the North of Russia]. Petrograd: Tip. Mor. M-va.
18. Studitskiy, F.D. (1883) *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva* [History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and to the Bering Strait]. St. Petersburg: D.I. Shemetkin.

19. Korolev, V.N. (1987) *Rossii bespokoyyny grazhdanin : [ob issledovatele i initsiatore osvoeniya Severa Rossii M.K. Sidorove, 1823–1887 gg.]* [A Restless Citizen of Russia (About the Researcher and Initiator of the Development of the Russian North, M.K. Sidorov, 1823–1887)]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
20. Bochanova, G.A., Goryushkin, L.M. & Nozdrin, G.A. (2000) *Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Essays on the History of Charity in Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk: SB RAS.
21. Efimova, V.V. (2020) Iz istorii sozdaniya obshchestvennogo banka v Arkhangel'ske v pervoy polovine XIX veka [From the History of the Creation of a Public Bank in Arkhangelsk in the First Half of the 19th Century]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 1(4). pp. 116–123.
22. The State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund 160.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1050.
24. Dayneko, A. (2010) *Svyato-Troitskiy Turukhanskiy monastyr'. 350 let sluzheniya* [Holy Trinity Monastery of Turukhansk. 350 years of service]. Moscow: Institute of Economic Strategies.
25. Berdnikov, L.P. (1995) *Vsya krasnoyarskaya vlast': fakty, sobytiya, lyudi : ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916)* [All the Krasnoyarsk Authority: Essays on the History of Local Government and Self-government (1822–1916). Facts, Events, People]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
26. Kasyanov, V.D. (2012) *Iz dnevnikov 1870–1897: v 2 kn.* [From the Diaries of 1870–1897: in 2 books]. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir'.
27. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) Soobshcheniya Sibiri s Pechoroy [Communications of Siberia with Pechora]. 4th December. pp. 1–2.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109.

УДК 94(571.1/5)“1917/1918”
DOI: 10.17223/19988613/75/7

Н.С. Ларьков

ВЛАСТВУЮЩАЯ ЭЛИТА СИБИРИ В ПЕРИОД «ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ» (ОКТАБРЬ 1917 – АВГУСТ 1918 г.)

Представлен коллективный портрет председателей исполнительных комитетов губернских, областных, уездных и городских советов Сибири, являвшихся наиболее значимым сегментом первой генерации советской властвующей элиты на востоке России. Главное внимание уделено таким важным биографическим характеристикам, как партийность, революционная деятельность до 1917 г., социальное происхождение и положение, возраст, образование, национальность, семейное положение, служба в армии, участие в Первой мировой войне, деятельность во время и после окончания Гражданской войны, награды, обстоятельства смерти, увековечение памяти.

Ключевые слова: властвующая элита, исполнительный комитет, совет, Сибирь, Гражданская война

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. положила начало установлению советской власти в российских регионах. Этот процесс был назван В.И. Лениным в одном случае «победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны» [1. С. 79], а в другом – решением в первые месяцы «боевой или военной задачи» для большевистской партии «завоевывать Россию», наиболее сложной «в провинции, в отдаленных от центра местах» [2. С. 127–128]. Сибирь, будучи таким «отдаленным местом» с низким удельным весом промышленных рабочих в общей численности преимущественно крестьянского населения, содержала немалые трудности для решения подобной «боевой» задачи, мало похожей на «триумфальное шествие». Поэтому вполне предсказуемо процесс советизации Сибири, во-первых, протекал в форме гражданской войны, логично вписавшись в ее начальный период, а во-вторых, затянулся до лета 1918 г., так и не завершившись, поскольку в результате антибольшевистского переворота неукоренившаяся советская власть в крае была свергнута.

Леворадикалы, занимавшиеся «завоеванием» Сибири, изначально становились во главе новых государственных органов власти, явив собой первую генерацию сибирской советской властвующей элиты. На предпочтительность использования термина и понятия «властвующая элита» применительно к эпохе резких социальных перемен обратил внимание И.А. Спирин [3]. На фоне существенных трансформаций, которые советская политическая элита претерпела в последующие десятилетия, этот первый, дономенклатурный ее период, источники рекрутирования, количественный и качественный состав, региональный ее портрет представляют особый интерес.

Первые краткие эмоционально окрашенные публикации об отдельных наиболее крупных сибирских советских деятелях конца 1917–1918 г., погибших от рук контрреволюции, появились еще во время Гражданской войны и в первые годы после ее окончания [4–6]. Ряд биографических справок о представителях властвующей сибирской элиты вошел в издания второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. [7–9]. В последую-

щие десятилетия, главным образом со второй половины 1950-х гг., увидели свет свыше полутора десятков сборников исторических очерков и воспоминаний о борцах за власть советов в Сибири, в которых получили освещение в том числе биографии ряда руководителей сибирских советов [10–23]. Тогда же появились отдельные брошюры и книги о П.Д. Хохрякове [24, 25], Н.Н. Яковлеве [26, 27], Б.З. Шумячком [28], Г.П. Пермякове [29], М.К. Цапине [30], Г.С. Вейнбауме [31], В.М. Косарева [32] и некоторых других известных сибирских деятелях революционной эпохи.

В постсоветский период информация о руководителях первых сибирских органов власти, равно как и в целом о борцах за власть советов в крае, существенно иссякла. Она ограничивается преимущественно небольшими статьями в справочно-энциклопедических изданиях и немногими более или менее крупными биографическими публикациями, написанными с использованием новых исторических источников, в частности о председателе исполкома Верхотурского совета Д.Д. Киселеве [33], Омского областного – Н.Е. Ишмаеве [34], Ялуторовского – С.П. Гроховском [35], Тюменского – Г.П. Пермякове [36].

Несмотря на значительный в целом объем литературы о революционных деятелях периода «первой советской власти» в Сибири, в ней имеются существенные пробелы. По-прежнему остаются неизвестными биографии ряда руководителей советов уездного и городского уровней, не говоря уже о деятелях низового звена. Отсутствует комплексное исследование сибирской властвующей элиты того времени. Историки, отчасти затрагивавшие эту проблему, либо подчиняли ее решению иных научных задач [37. С. 35–36], либо ограничивались характеристикой локальных групп политических деятелей [38–40], а представляющая наибольший интерес в русле рассматриваемой темы статья К.Л. Захаровой [41] посвящена советским революционным деятелям Сибири дооктябрьского периода 1917 г., когда советы еще не стали полноценными властвующими органами в системе российской государственности, а их руководители являлись, по сути, советской политической протоэлитой.

Целью данной статьи является моделирование коллективного портрета руководителей сибирских органов власти конца 1917 – августа 1918 г. – председателей исполнительных комитетов губернских, областных, уездных и городских советов, выступавших в качестве наиболее значимого и представительного сегмента региональной советской властвующей элиты на востоке страны.

Территориальные рамки охватывают пять сибирских губерний (Тобольскую (Тюменскую), Томскую, Алтайскую, Енисейскую, Иркутскую) и две области (Акмолинскую (Омскую) и Забайкальскую), имевших в своем составе более 50 уездов и около полусотни губернских, областных, уездных и безуездных городов.

В процессе исследования первостепенное внимание обращалось на такие наиболее важные биографические факты и характеристики руководителей сибирских советских органов, как партийность, революционная деятельность в дооктябрьский период, социальное положение, возраст, образование, национальность, семейное положение, служба в армии, участие в Первой мировой войне, деятельность во время и после окончания Гражданской войны, награды, их публикации (мемуары), обстоятельства смерти, увековечение памяти. Наряду с традиционными методами исторического исследования использовались методы просопографии и исторической элитологии.

Источниками исследования послужили опубликованные и архивные документы, материалы периодической печати, воспоминания участников революции 1917 г. и Гражданской войны, статьи в энциклопедиях и справочниках, публикации историков и краеведов.

Период «первой советской власти» в Сибири охватил время с конца октября 1917 г. до конца августа 1918 г. Первым сибирским губернским центром, в котором была установлена власть советов, стал Красноярск, спустя всего лишь несколько дней после победоносного Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Затем на протяжении семи месяцев шел затяжной процесс советизации края, прерванный в конце мая 1918 г. мятежом Чехословацкого корпуса совместно с вышедшими из подполья антисоветскими вооруженными формированиями. Итогом последовавших трехмесячных ожесточенных сражений стал разгром на территории края всех органов советской власти, восстановление которых происходило в дальнейшем уже в процессе ликвидации колчаковщины Красной Армией, повстанческими выступлениями и партизанскими формированиями.

В общей сложности удалось установить имена 92 руководителей наиболее крупных сибирских советских органов. Из них двое (Б.З. Шумяцкий и Н.Н. Яковлев) последовательно возглавляли Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь), трое являлись председателями исполкомов советов Западной (В.М. Косарев) и Восточной (Я.Д. Янсон) Сибири, а также исполкома совета Сибирского казачьего войска (Е.В. Полудов), 9 – председателями исполкомов губернских и областных советов, 55 – исполкомов уездных и горуездных советов, а также исполкомов советов Урянхайского края и Ленско-Витимского

горного округа, 22 – городских советов. Тогурский уезд (Нарымский край) возглавлял не выборный руководитель, а присланный из губернского Томска чрезвычайный комиссар А.В. Шишков. Численность советских руководителей не совпадает с количеством уездов и городов, поскольку, во-первых, в целом ряде мест создавались и функционировали объединенные горуездные органы советской власти, а во-вторых, в некоторых городах и уездах, несмотря на кратковременный период существования «первой советской власти», по разным причинам происходила смена выборных руководителей. В частности, в Томске вместо отстраненного от руководства исполкомом горсовета А.Э. Рубена был избран В.С. Тиунов [42. С. 162–178; 43. Л. 1–11], в Бийске эту должность последовательно занимали М.Н. Архангелов (освобожден по состоянию здоровья), А.В. Бедрин (около одного месяца) и З.Я. Двойных [44. 19 дек.; 45. 20 янв.; 46. С. 7–8], в Урянхайском крае – С.К. Беспалов (до своей гибели 2 мая 1918 г.) и М.М. Терентьев [47].

К сожалению, необходимую биографическую информацию удалось собрать только о 83 председателях исполкомов, причем далеко не всегда полную. Так, партийность установлена лишь у 79 руководителей. Свыше двух третей из них (56 человек, или 70,9%) состояли в большевистской партии. В тот период ее сибирские организации все свои силы направили на работу в советах с целью взятия и закрепления за ними власти. «Советская работа поглотила все партийные силы. В партии остался один секретарь», – свидетельствовал делегат от Томска на Западно-Сибирском съезде РКП(б) в мае 1918 г. [48. 26 мая]. В Забайкалье вследствие загруженности коммунистов советской работой не удалось даже собрать партийную конференцию [49. 24 апр., 8 июня]. Вторую по численности группу руководителей исполкомов сибирских советов составляли левые эсеры и эсеры-интернационалисты – 11 человек (13,9%). Еще 5 человек (6,3%) являлись меньшевиками-интернационалистами и 1 (1,3%) анархист-синдикалист. Лишь шестеро (7,6%) были беспартийными. Свыше двух третей членов РСДРП(б) – 30 из 44, чей партийный стаж известен, вступили в партию до революции 1917 г. Остальные 14 человек представляли собой новоиспеченных большевиков. Солидный партийный стаж имели также многие представители других леворадикальных партий. Все это свидетельствует о том, что среди первых советских руководителей в Сибири имелось мощное ядро старых партийцев, являвшихся в большинстве своем профессиональными революционерами (людьми «эзотерической “профессии”», по характеристике Л.Г. Протасова [50]), активными подпольщиками периода борьбы с самодержавием, попавшими в Сибирь главным образом в качестве политкаторжан и политссыльных, которыми, как известно, традиционно изобилует этот край. После Февральской революции большинство из них весной 1917 г. вернулись в европейскую Россию, однако значительная часть осталась на территории Сибири и на протяжении всего 1917 г. принимала деятельное участие в революционном процессе. Так, еще в дооктябрьский период 293 ссыльных участвовали в 62 раз-

личного уровня советах, в том числе в качестве их председателей и руководителей съездов [38].

После Октября 1917 г. оставшиеся в Сибири бывшие политзаключенные и политссыльные из числа леворадикалов, в том числе те, кто находился во главе ряда прежних советов, активно включились в процесс перехода к этим органам теперь уже всей полноты власти в системе новой, советской государственности. В итоге 40 из 83 (48,2%) председателей исполкомов сибирских советов от уездного уровня и выше оказались людьми с немалым опытом политических преследований, пройдя через царские тюрьмы (почти все) и ссылку (35 человек), а 10 из них – еще и каторгу. Пятеро побывали за границей. Это руководители Центросибири большевики Б.З. Шумяцкий и Н.Н. Яковлев (близко познакомившийся в эмиграции с В.И. Лениным), председатель исполкома советов Западной Сибири В.М. Косарев (учившийся в 1909 г. в партийных школах на о. Капри и в Лонжюмо под Парижем), председатели уездных исполкомов: Верхнеудинского – В.М. Серов (делегат Лондонского съезда РСДРП), Черемховского – анархист-синдикалист А.А. Буйских.

Некоторые из советских руководителей были революционерами-профессионалами с опытом участия в боевых и террористических группах. Так, в вооруженных восстаниях в 1905 г. участвовали Н.Н. Яковлев и председатель исполкома Красноярского совета Я.Ф. Дубровинский – в Москве [11. С. 285; 20. С. 72–75], председатель исполкома Томского губсовета А.И. Беленец – в Ростове-на-Дону [11. С. 10]. В вооруженной антиправительственной борьбе в годы Первой русской революции в Прибалтике принимали участие уже упоминавшийся Я.Д. Янсон [18. С. 356–358] и председатель Калачинского уездного совета Я.М. Калнин (Екабс Калнынь), партизанивший вместе с «лесными братьями» [51]. Председатель Акшинского уездного исполкома П.А. Аносов в 1907 г. был осужден Московским военно-окружным судом на 10 лет за попытку экспроприации кассы и хранение бомб [8. С. 32]. Четверо из названных боевиков отбывали наказание в каторжных тюрьмах, причем Я.М. Калнин вышел на свободу только после Февральской революции.

Двое руководили советами под партийными псевдонимами, приобретенными до революции: председатель исполкома Кузнецкого уездного совета А.Г. Петраков (настоящая фамилия Петухов) и председатель исполкома Бодайбинского объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов приискового района и г. Бодайбо Яков Семенович Щербинин (в действительности Митрофан Михайлович Фатеев). Еще два руководителя вошли в историю под фамилиями, взятыми ими позднее, в ходе Гражданской войны: председатель исполкома Каменского уездного совета И.В. Мамонов, ставший Громовым, и председатель исполкома Читинского горсовета Е.П. Попов (Пугачев).

Помимо репрессированных царскими властями революционеров, часть представителей первой генерации советской властвующей элиты составили лица, добровольно перебравшиеся в Сибирь из европейской России в силу разных причин (главным образом в поисках работы и в составе семей крестьян-переселенцев).

Среди них были уже упоминавшиеся Н.Е. Ишмаев и В.Ф. Тиунов, а также председатели исполкомов советов: Ачинского – П.О. Саросек, Славгородского – М.Н. Кулик, Тарского – Ф.Н. Баранов. Причем Н.Е. Ишмаев, вернувшийся в начале 1910-х гг. в европейскую Россию, вскоре вновь оказался в Сибири, но уже в качестве политссыльного [34. С. 14–15]. Двое прибыли на территорию Западной Сибири в начале весны 1918 г. по заданию Уральской большевистской организации, возглавив исполкомы Курганского (питерский рабочий-металлист Е.Л. Зайцев) и Тобольского (матрос-кочегар П.Д. Хохряков) советов. Последнего, по утверждению А.М. Кручинина, «большевики протолкнули на должность председателя Тобольского совдепа... преследуя только одну цель, – вывезти в Екатеринбург Августейшую Семью, чтобы можно было легко с ней расправиться. При этом нужды губернского города не только игнорировались новым председателем, но и откровенно презирались». После выполнения поставленной Уралоблсоветом задачи и доставки из Тобольска в Екатеринбург цесаревича Алексея Николаевича, великих княжон Ольги, Татьяны и Анастасии, их приближенных и слуг «роль П.Д. Хохрякова как выборного председателя на этом закончилась» [52].

В конечном итоге большинство председателей исполкомов крупных сибирских советов оказались выходцами из европейских губерний России, тогда как уроженцы Сибири составили лишь примерно пятую часть. Сибиряками были, в частности, руководители городских и уездных исполкомов: Нижнеудинского – А.С. Горенский, Тюменского – Г.П. Пермьяков, Ишимского – А.Н. Пономарев, Читинского – В.В. Сукнев, Минусинского – К.Е. Трегубенков, Бодайбинского – П.И. Аладьин, Баргузинского – А.И. Луковкин и некоторые другие.

По социальному происхождению руководители сибирских советов принадлежали преимущественно к низшим сословиям, являлись выходцами из семей рабочих, крестьян, ремесленников. Однако были среди них и дети служащих, чиновников, купцов (Я.Ф. Дубровинский) и даже ссыльный варшавский дворянин С.П. Гроховский – председатель исполкома Ялуторовского городского совета.

Характерной особенностью рассматриваемой сибирской властвующей элиты был высокий удельный вес в ее составе лиц, проходивших службу в Русской армии (42 человека из 83, или 50,6%), в том числе 9 – в чине офицера (от прапорщика и хорунжего до штабс-капитана), а в первом составе президиума Центросибири такие лица составляли и вовсе подавляющее большинство (80%). Хотя служба многих из них ограничилась запасными полками, в которые была призвана в конце 1916 г. даже часть нарымских политссыльных (в том числе упомянутые ранее Н.Н. Яковлев и В.М. Косарев), тем не менее 20 руководителей крупных сибирских советов побывали на фронтах Первой мировой войны, причем некоторые в боях с противником продемонстрировали незаурядные боевые качества. К примеру, председатель исполкома Тюменского совета Г.П. Пермьяков за проявленную храбрость был награжден тремя Георгиевскими крестами. Нелишне

заметить, что в революционную эпоху своеобразными героями в глазах избирателей новых органов власти выглядели порой не только отличившиеся фронтовики, но и причастные к расправам над офицерами в 1917 г. (П.Д. Хохряков), штрафники (побывавшие в штрафных ротах), такие как руководители Змеиногорского (П.И. Молостов) и Курганского (Д.Е. Пичугин) уездных исполкомов, дезертиры (И.В. Громов). Так или иначе, наиболее харизматичные, решительные, обладавшие лидерскими качествами и ораторскими способностями фронтовики и военнослужащие тыловых гарнизонов при активной поддержке демобилизованных и дезертировавших солдат из развалившейся Русской армии чаще избирались в состав советов всех уровней и их руководящие органы.

Практически все руководители исполкомов крупных сибирских советов, чей возраст удалось установить (61 человек), были сравнительно молоды: 9 человек – до 25 лет, 16 – от 26 до 30 лет, 17 – от 31 до 35 лет, 14 – от 36 до 40 лет и лишь пятеро стврше 40 лет. Таким образом, у 42 из них (68,9%) возраст не превышал 35 лет, в целом же средний возраст составлял около 33 лет. Самым молодым был глава исполкома Томского горсовета солдат местного запасного полка 21-летний В.Ф. Тиунов, а самым возрастным – 54-летний председатель Баргузинского горсовета беспартийный Н.Е. Семенов.

Будучи преимущественно молодыми людьми, представители сибирской советской властвующей элиты тем не менее успели приобрести достаточно богатый жизненный опыт. Однако это был большей частью опыт тюрем, каторги, ссылки, окопов мировой войны и армейской казармы. Ненависть к буржуазии, кадровому офицерству, чиновникам и вообще к самодержавной российской государственности не могла не накапливаться у таких людей за годы их нелегального существования, пребывания в местах заключения и ссылки, во время службы в армии, на фронте. Все это, пропитанное идеологией леворадикализма, приводило сибирскую властвующую элиту, с одной стороны, к полному разрыву с прошлым, а с другой – было сопряжено с отсутствием у большинства ее представителей опыта и навыков управления. В результате, встав у руля власти, руководители сибирских советов зачастую использовали для решения стоявших перед ними многочисленных задач силовые, административные, внеэкономические методы, с легкостью подписывали постановления о реквизициях и конфискациях имущества и денежных средств у купцов, промышленников, предпринимателей, о взыскании с них контрибуции, о введении чрезвычайных налогов. Логика разгоравшейся гражданской войны толкала их к милитаризации власти, к жесткому преследованию политических противников и инакомыслящих, в том числе недавних своих соратников по борьбе с самодержавием из числа правых эсеров и меньшевиков. Яркое подтверждение тому – повсеместное закрытие оппозиционных газет, неоднократно вводимое советскими органами военное, осадное и исключительное положение в различных городах и районах Сибири [37. С. 248–250], отправка 20 мая 1918 г. тюменскими большевиками при непо-

средственном участии председателя исполкома Н.М. Немцова и его предшественника Г.П. Пермякова девятнадцати наиболее активных политических оппонентов – социалистов и либералов – в ссылку на уральские рудники с одновременной высылкой меньшевика Г.С. Малкина, возглавлявшего в 1917 г. Тюменский совет, в Вологду, где он, вероятно, погиб [53. С. 225–226]. В ответ на обвинения большевиков со стороны их политических противников в репрессиях, а также в ответ на реплики о том, что в конечном счете всех рассудит история, председатель исполкома Красноярского совета Я.Ф. Дубровинский заявлял под аплодисменты своих сторонников: «Пока история рассудит нас, рассудим вас мы!» [54. 31 янв.].

Существенно различался образовательный уровень властвующей сибирской советской элиты. Высшее образование имели только двое – председатель Троицкосавского исполкома К.А. Масков, экстерном окончивший Казанский университет, и председатель Читинского уездного исполкома В.В. Сукнев, выпускник медицинского факультета Томского университета. У четверых было незаконченное высшее образование (уже упоминавшиеся Н.Н. Яковлев и А.Я. Рубен, а также председатели исполкомов советов: Енисейского губернского – Г.С. Вейнбаум и Троицкосавского уездного – Б.Н. Мельников). Между прочим, Г.С. Вейнбаум владел полудюжиной иностранных языков: французским, немецким, болгарским, латинским, греческим и отчасти английским [20. С. 37–40]. Трое являлись выпускниками учительских институтов, относившихся тогда к средним учебным заведениям (руководители Забайкальского областного исполкома И.А. Бутин и областного комитета советов В.Н. Соколов, Верхнеудинского уездного исполкома В.М. Серов). Еще 8 человек окончили учительские семинарии и училища, в том числе экстерном. Наличие во властвующей элите значительной прослойки учителей повышало ее средний образовательный уровень, но вместе с тем резко контрастировало с контрреволюционно настроенной основной учительской массой на территории Сибири. У 16 человек было среднее и неполное среднее образование (технические, реальные училища и гимназии). Двое окончили фельдшерские школы, один – курсы межевых техников (председатель исполкома Барнаульского горсовета М.К. Цаплин). У остальных 10 советских руководителей, чей образовательный уровень удалось установить, имелось начальное (порой неполное) либо домашнее образование, как у Б.З. Шумяцкого.

Характерно, что среди руководителей сибирских советов не было ни одной женщины, хотя в революционном движении и в советском строительстве в Сибири они принимали участие, порой вместе со своими мужьями, как бывшая политссыльная Ада Лебедева – комиссар печати и член Енисейского губисполкома, который возглавлял ее муж Г.С. Вейнбаум. Одновременно оба они входили еще и в состав Цетросибири.

Различным было и семейное положение представителей властвующей элиты. Многие из них, будучи молодыми людьми, не успели обзавестись своими семьями. Другие, захваченные революционными вихрями,

нелегальной деятельностью, частыми арестами, отбываемая длительные сроки в тюрьмах и на каторге, далеко не всегда могли устроить свою семейную жизнь. Тем не менее среди советских руководителей того времени немало было и женатых, в том числе многодетных. В частности, четверо детей имелось у Д.Д. Киселева, который, однако, в разгар своей руководящей революционно-советской деятельности оставил семью, выбрав себе другую спутницу жизни [33]. Пожалуй, самым многодетным отцом оказался уже упоминавшийся председатель исполкома Ялуторовского городского совета С.П. Гроховский, воспитывавший девятых детей [35. С. 41].

Большинство представителей первой генерации властвующей сибирской элиты были русскими. Следом за ними шли украинцы (свыше десятка руководителей исполкомов), евреи (5 человек), латыши (Я.М. Калнин, А.Я. Рубен, Я.Д. Янсон), поляки (С.П. Гроховский и председатель исполкома Сургутского Совета крестьянских, солдатских и инородческих депутатов А.Я. Борутто).

Короткое время существования «первой советской власти» в Сибири не позволило сколько-нибудь заметно проявиться вертикальной мобильности властвующей элиты в лице руководителей исполкомов советов. Лишь немногие успели пойти на повышение. Так, председатель Западно-Сибирского областного совета Н.Н. Яковлев в феврале 1918 г. возглавил Центросибирь. Председатель исполкома Канского уездного совета Н.И. Коростелев был избран в состав Центросибири, где получил должность народного комиссара продовольствия Сибири. Г.С. Вейнбаум стал комиссаром иностранных дел Сибири, продолжая возглавлять Енисейский губисполком.

Из общего числа руководителей исполкомов крупных сибирских советов удалось проследить дальнейший жизненный путь 69 человек. Многие из них с началом антисоветского вооруженного выступления в Сибири активно включились в организацию защиты своей власти, а некоторые с оружием в руках приняли участие в развернувшихся сражениях, в том числе во главе вооруженных формирований, как председатель исполкома Щегловского уездного совета С.И. Рукавишников, упоминавшиеся выше П.Д. Хохряков и Я.С. Щербинин (в качестве политкомиссара в красногвардейском отряде). Несколько человек, перейдя на нелегальное положение, продолжили борьбу в рядах антиколчаковского подполья (бежавшие из-под ареста В.Ф. Тиунов и Е.В. Полудов, а также Я.Д. Янсон и Д.Д. Киселев). Последний, став нелегальным связным ЦК РКП(б), Сибирского и Дальневосточного бюро ЦК, четырежды переходил линию фронта, в 1919 г. лично докладывал В.И. Ленину о положении в колчаковском тылу [33]. Как минимум четверо приняли активное участие в сибирском партизанском движении (П.А. Аносов, И.В. Громов, К.А. Мальцев, Е.П. Попов), причем И.В. Громов командовал многотысячным корпусом в партизанской армии Е.М. Мамонтова на Алтае.

Свыше половины (37 человек) погибли в боях или были расстреляны, повешены, замучены в белогвардейских тюрьмах в ходе Гражданской войны. А.В. Шишков

застрелился летом 1920 г., оказавшись на территории, охваченной антисоветским крестьянским восстанием в Томской губернии. Двое (руководитель Алтайского губернского исполкома большевик В.И. Устинович и Читинского городского – беспартийный Е.П. Попов) погибли от рук своих же товарищей. Первый, благополучно перейдя летом 1918 г. линию фронта, в качестве представителя ЦК РКП(б) возглавил в Вологде партийный комитет, но уже в ноябре того же года был расстрелян по приговору революционного военного трибунала 6-й Красной Армии за изнасилование и убийство сотрудницы местного губисполкома [55. С. 367, 436; 56]. Е.П. Попов (Пугачев), будучи командиром партизанского отряда на территории Томской губернии, был убит в 1919 г. своими же партизанами в результате внутреннего конфликта [12. С. 133–137; 57. С. 144]. Таким образом, 40 человек (58%) из 69 председателей исполкомов сибирских советов от уездного уровня и выше сложили свои головы в годы Гражданской войны.

Двенадцати советским руководителям из числа подвергшихся белогвардейским репрессиям удалось выжить. Пятеро бежали из-под ареста (З.П. Катченко, К.А. Мальцев, Е.В. Полудов, В.Ф. Тиунов, З.Я. Двойных). Двое были выпущены из тюрем (А.И. Беленец, арестованный по дороге из Иркутска в Томск под фамилией Гущина и не опознанный белогвардейцами, был освобожден под залог до суда и благополучно скрылся и П.Я. Гордиенко, тяжело заболевший тифом). Пятеро были в разное время освобождены Красной Гвардией, Красной Армией и партизанами (К.Е. Трегубенков, В.В. Сукнев, А.Н. Буйских, П.И. Молостов и Ф.Н. Баранов).

По-разному сложилась судьба переживших Гражданскую войну руководителей первых властных сибирских советов. Свыше половины из них успешно вписались в ряды партийно-советской номенклатуры, достигнув значительных карьерных высот. Так, Б.З. Шумяцкий в 1920-е гг. стал ректором Коммунистического университета трудящихся Востока, затем Московского института народного хозяйства имени Плеханова, а в 1930-е гг. – начальником Главного управления киннопромышленности СССР. К.А. Мальцев избирался делегатом ряда партийных съездов, работал в ЦК ВКП(б), поднялся до должностей заместителя народного комиссара просвещения РСФСР и председателя Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. П.Я. Гордиенко возглавлял Новосибирский горсовет, избирался членом ЦИК СССР. Н.Е. Ишмаев некоторое время руководил Сибирской сельскохозяйственной академией, затем был на хозяйственной и научной работе на Урале. Н.М. Немцов трудился в высших судебных органах страны. Е.В. Полудов занимал должность ректора Московского института инженеров путей сообщения, входил в состав коллегий Совнаркома, Наркомата путей сообщения СССР. В.Н. Соколов в начале 1920-х гг. состоял членом Сибирского революционного комитета, в дальнейшем входил в редколлегия газеты «Правда». В.Ф. Тиунов на первых порах занимал руководящие должности в органах ЧК–ОГПУ, был председате-

лем Сибирского краевого совета народного хозяйства, а в последние годы жизни – начальником Главного управления государственной съемки и картографии НКВД СССР. Партийной и хозяйственной работой занимались В.М. Косарев (в ЦКК ВКП(б), в системе легкой промышленности СССР) и К.Е. Трегубенков (в должности директора Сталинградского тракторного завода, в наркомате тяжелого машиностроения). П.И. Аладьин после окончания в 1931 г. промышленной академии занимал руководящие должности на многих заводах страны. Я.С. Щербинин стал горным инженером, работал в Москве в Совнархозе, заместителем управляющего «Главзолото», затем управляющим треста Якутзолото. Я.Д. Янсон трудился в аппарате Наркомата иностранных дел, в советских торгпредствах в Англии и Японии, в Наркомате внешней торговли. Д.Д. Киселев и Б.Н. Мельников многие годы были на дипломатической и разведывательной работе. В.В. Сукнев стал врачом-чумологом, профессором, заведовал кафедрами микробиологии в Туркменском медицинском институте и Одесском государственном университете.

Впоследствии многие из первых сибирских советских руководителей были удостоены высоких наград – и за революционную, и за трудовую деятельность. В частности, орден Красного Знамени получили П.И. Аладьин, И.В. Громов, З.Я. Двойных, Б.Н. Мельников, Б.З. Шумяцкий; орден Ленина – А.И. Беленец, И.В. Громов, К.Е. Трегубенков, Б.З. Шумяцкий; орден Трудового Красного Знамени – А.И. Беленец, А.Н. Буйских, П.Я. Гордиенко, В.Н. Соколов.

Однако во второй половине 1930-х гг. 12 сибирских советских руководителей периода «первой советской власти» попали в жернова «большого террора», причем 11 из них (преимущественно бывшие политсильные, политкаторжане) были расстреляны либо погибли в советских тюрьмах и лагерях, в том числе А.Н. Буйских, П.Я. Гордиенко, К.А. Мальцев, Н.М. Немцов, Я.С. Щербинин, Я.Д. Янсон и др.). Впоследствии все они были посмертно реабилитированы. Выжить удалось только И.В. Громову, который в 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания, но спустя год оправдан.

Таким образом, гражданская война и последующие политические репрессии унесли жизни в общей сложности 51 из 69 (73,9%) руководителей наиболее крупных сибирских советов периода «первой советской власти», судьбу которых удалось проследить. Как тут не вспомнить известное высказывание, приписываемое одному из французских революционных деятелей конца XVIII столетия: «Революция пожирает своих детей».

Двое из оставшихся в живых (В.В. Сукнев и Ф.Н. Баранов) до последних дней трудились на ответственных должностях. Большинство остальных доживали свой век в качестве персональных пенсионеров в кругу своих семей, в том числе П.И. Аладьин, П.А. Аносов, А.И. Беленец, И.В. Громов, Д.Д. Киселев, В.М. Косарев, М.Н. Кулик, Г.П. Пермяков, А.Э. Рубен. В Доме ветеранов революции в Москве умер З.Я. Двойных. Шестеро оказались долгожителями. В частности, А.И. Беленцу к моменту смерти исполнилось 88 лет.

Многие руководители первых сибирских советов оставили воспоминания о своей революционной и политической деятельности. Некоторые успели опубликовать их еще в 1920–1930-е гг., в частности А.Н. Буйских (Революционные очерки : из воспоминаний за 25 лет. Кн. 1. Новониколаевск, 1922. 143 с.), Е.В. Полудов (Октябрьский переворот среди казачества // Известия Омского губернского комитета РКП(б). 1922. № 4), Я.З. Шумяцкий (Сибирь на путях к Октябрю. М., 1927. 64 с.), Я.Д. Янсон (Октябрьская революция и юнкерское восстание в Иркутске // Каторга и ссылка. 1932. № 11–12), З. Двойных (Путь краснознаменца большевика. М., 1934. 174 с.), К.Е. Трегубенков (Минусинская коммуна, 1917–1918 гг. : из истории Октябрьской революции в Сибири. М.–Л., 1934. 296 с.; в соавт. с К. Гидлевским и М. Сафьяновым), В.Н. Соколов (Партбилет №0046340: записки старого большевика. М., 1935. Ч. 1: Диалектика жизни; Ч. 2: Люди без имени; Ч. 3: Сибирь – демократическая страна), Я.С. Щербинин (Октябрьская революция в Бодайбо // 15 лет Октября. М., 1932). Несколько ветеранов, переживших политические репрессии, опубликовали воспоминания в последние годы своей жизни. Среди них А.И. Беленец (Установление советской власти в Томской губернии // В огне революционных битв. Томск, 1964), И.В. Громов (За власть Советскую: воспоминания командира партизанского корпуса. Барнаул, 1966. 127 с.). В 1957 г. в Риге вышел в свет сборник рассказов и стихов «Избранное» погибшего в 1918 г. председателя исполкома Калачинского уездного совета латыша Я.М. Калнина (Макониса) [51]. Также посмертно были изданы «Записки коммуниста» П.А. Аносова (М. : Политиздат, 1967. 207 с.).

Воспоминания ветеранов, проникнутые пафосом революционной борьбы и искренней убежденностью в правоте своих действий, казалось бы, не оставляли места для каких-либо сомнений. Тем не менее находились в их рядах и те, кто, будучи уже в преклонном возрасте, обнаружили расхождение поздней советской действительности с их революционными идеалами. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы архивной коллекции Г.П. Пермякова, исследовав которую, тюменские историки И.В. Скипина и В.И. Московкин пришли к выводу: «...в 1920-е годы Г.П. Пермяков пережил эмоциональный подъем, наложивший отпечаток на всю его жизнь. Он считал эти годы рубежными, изменившими его положение к лучшему, но посеявшими постоянные раздумья о результатах революционных преобразований. Со временем пришло осознание того, что построенное государство стало чиновничьим, а не народным, как он мечтал в молодости» [36. С. 266].

Имена не менее 33 председателей исполкомов наиболее крупных сибирских советов периода «первой советской власти» впоследствии были увековечены в названиях улиц, переулков, площадей сибирских городов, а в ряде случаев – и городов европейской России, где до ссылки в Сибирь протекала их революционная деятельность. В память о председателе исполкома Барнаульского горсовета М.К. Цаплине был переименован железнодорожный разъезд в Алтайском крае (в настоящее время – станция Цаплино). Село

Нижний Каргат и район переименованы в Здвинск и Здвинский район (в настоящее время в Новосибирской области) в память о председателе исполкома Каинского уездного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов М.С. Здвинском. В Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа имеются целых два месторождения нефти, носящих имена председателей исполкомов: Пермьяковское (в память о первом председателе Тюменского горисполкома Г.П. Пермьякове) и Хохряковское (в память о председателе Тобольского исполкома П.Д. Хохрякове). В ряде мест установлены памятники (М.К. Цаплину в Барнауле, А.В. Шишкову в Томске, Д.Е. Пичугину в Кургане, В.М. Серову в Улан-Удэ и др.) и мемориальные доски. Председатель исполкома Канского уездного объединенного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Н.И. Коростелев послужил прообразом героев произведений сибирского писателя П.П. Петрова «Половодье» и «Кровь на мостовых».

Однако далеко не все имена председателей исполкомов первых сибирских советов были впоследствии увековечены. Не вписались в этот процесс, в частности, уже упоминавшиеся М.Н. Архангелов, А.В. Бедрин, П.И. Молостов, Е.П. Попов, А.Я. Рубен, В.Ф. Тиунов, а также председатели исполкомов советов: Боготольского городского – Ф.А. Кузнецов, Томского уездного – Ф.Д. Кузнецов, Мариинского городского – А.И. Колесников, Иркутского уездного – К.Н. Борисовский и многие другие. Помехой тому стали, по всей вероятности, такие причины, как кратковременность пребывания в должности и неоднозначные оценки деятельности некоторых из них, членство в небольшевистских партиях, скудость биографических сведений для принятия партийно-советскими функционерами соответствующих решений об увековечении, гибель во время сталинских репрессий с клеймом «врагов народа» и последовавшим длительным забвением. Разумеется, не могло быть и речи о сохранении памяти о совершившем тяжкое уголовное преступление В.И. Устиновиче.

Итоги проведенного исследования позволяют сделать выводы о том, что, во-первых, состав властвующей элиты в лице председателей исполкомов наиболее крупных сибирских советов периода «первой советской власти» был предопределен прежде всего их принадлежностью к леворадикальным партиям, главным образом к РСДРП(б)–РКП(б). Во-вторых, до половины этих деятелей обладали значительным опытом революционной борьбы с царским самодержавием, опытом

многолетнего пребывания в царских тюрьмах, на каторге, в условиях политической ссылки. Причем именно профессиональные революционеры оказались во главе большинства ведущих органов власти в крае – Центросибири, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского исполкомов, губернских и областных исполкомов советов. В-третьих, формирование первой генерации властвующей сибирской политической элиты протекало в условиях мировой и начинавшейся Гражданской войн. В результате около половины руководителей исполкомов советов имели отношение к службе в Русской армии, а многие из них принимали непосредственное участие в Первой мировой войне. Можно сказать, что сибирские советы утверждались во власти «под знаком военщины». В совокупности эти первые три фактора во многом обусловили формирование упрощенного политического и правового сознания властвующей элиты, побуждая ее представителей к использованию простых управленческих схем и силовых методов в решении политических и социально-экономических вопросов. В-четвертых, по национальному составу руководители наиболее крупных исполкомов сибирских советов на три четверти были русскими. В то же время среди них отсутствовали представители коренных сибирских народов. В-пятых, будучи преимущественно уроженцами европейской России, зачастую не по своей воле оказавшимися в Сибири, представители этой элиты в большинстве своем были неизвестными либо малоизвестными основной массе местного населения, прежде всего крестьянству. Таким образом, формирование сибирской советской властвующей элиты в тот период носило полузакрытый характер. В-шестых, революционная волна вынесла недавних подпольщиков, политссыльных и каторжан, солдат и младших офицеров, преимущественно молодых людей, на крутой гребень политической волны, сделав их вершителями судеб миллионов жителей края. Однако кратковременность периода «первой советской власти» и последовавшая гибель в начавшейся гражданской войне до половины руководителей исполкомов крупных сибирских советов не позволили им реализовать свой жизненный потенциал. Многие из оставшихся в живых, войдя впоследствии в состав партийно-советской номенклатуры, стали жертвами политических репрессий. В итоге лишь четверть представителей первой генерации высшей сибирской властвующей элиты завершила свой земной путь в кругу родных и близких, в статусе персональных пенсионеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Главная задача наших дней // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 36. С. 78–82.
2. Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 36. С. 127–164.
3. Спирин И.А. Формирование протоэлитных образований в России на рубеже XIX–XX вв. // Общество: политика, экономика, право. 2018. Вып. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-protodelitnyh-obrazovaniy-v-rossii-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения: 08.10.2021).
4. Молотов К., Червонный А. [Шумяцкий Б.З.]. Герои-мученики Сибирской коммуны. Томск : Изд. Том. губкома Р.К.П., 1920. 50 с.
5. Шумяцкий Б. Живые мертвецы // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск : Сиб. гос. изд-во, 1920. С. 166–173.
6. Яковлева В.Н. Николай Николаевич Яковлев // Власть труда (Иркутск). 1924. 16 марта.
7. Центросибирицы : сб. памяти погибших членов Центрального исполнительного комитета советов Сибири 1918 года. М.–Л. : Моск. рабочий, 1927. 159 с.
8. Политическая каторга и ссылка : биограф. справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 878 с.

9. Сибирская советская энциклопедия : в 3 т. Москва–Новосибирск, 1929–1932. Т. 1–3.
10. Они боролись за власть Советов. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1957. 292 с.
11. Борцы за власть Советов : сб. очерков о героях-большевиках. Томск : Кн. изд-во, 1959. 307 с.
12. Сердца, отданные людям. Кемерово : Кн. изд-во, 1966. 285 с.
13. Рощевский П.И., Никифорова М.М. Сквозь грозы. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. 188 с.
14. Борцы за власть Советов в Бурятии : краткие биографии участников Октябрьской революции и Гражданской войны. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. 313 с.
15. Их не забудет Тува. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1967. 184 с.
16. Плющев В.А. Курганские комиссары. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1969. 160 с.
17. Они боролись за власть Советов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1970. 168 с.
18. Революционный подвиг сибиряков : биографии борцов за власть Советов на земле иркутской. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 362 с.
19. Наши земляки : О замечательных людях, чья судьба связана с Новосибирском. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. Кн. 2. 253 с.
20. Бойцы революции. Красноярск : Кн. изд-во, 1982. 277 с.
21. За власть Советов! : краткие биографические очерки об участниках революционных событий в Омском Прииртышье (1917 – июнь 1918 г.). Омск : Кн. изд-во, 1987. 136 с.
22. Они боролись за власть Советов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1988. 216 с.
23. Василевский В.И. Революция и Гражданская война в Забайкалье : (краткий биогр. указ.). Чита, 1989. 111 с.
24. Корелин Ф.П. Матрос Хохряков. М. : Воен.-мор. изд-во, 1952. 32 с.
25. Столяренко М.А. Матрос с «Зари свободы». М. : Политиздат, 1965. 80 с.
26. Рябиков В.В. Н.Н. Яковлев – председатель Центросибиря. Новосибирск : Кн. изд-во, 1955. 120 с.
27. Познанский В.С. Президент Советской Сибири : ист.-биогр. очерк о Н.Н. Яковлеве. Новосибирск : Кн. изд-во, 1987. 192 с.
28. Багаев Б.Ф. Борис Шумяцкий. Очерки жизни и деятельности. Красноярск : Кн. изд-во, 1957. 205 с.
29. Рощевский П. Г.П. Пермяков. Тюмень : Кн. изд-во, 1957. 12 с.
30. Бородин П.А. М.К. Цаплин : лит.-биогр. очерк. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. 69 с.
31. Багаев Б.Ф. Григорий Вейнбаум. Красноярск : Кн. изд-во, 1966. 51 с.
32. Флеров В. Жизнь – подвиг. Владимир Михайлович Косарев. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 75 с.
33. Тепляков А. Борода многогрешная. Дмитрий Киселев – подпольщик, резидент, «большой ученый» // Голоса Сибири : лит.-худож. альманах. 2005. Вып. 5. URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_5/047_011_tep1.htm (дата обращения: 28.07.2021).
34. Штырбул А.А. Никита Ефимович Ишмаев : ист.-биогр. исследование. Омск : Изд-во ИП Макшеева Е.А., 2009. 60 с.
35. Бурлакова Т.Г. Достоин памяти народной // Наследие Тюменской области : к 100-летию Великой революции. Тюмень, 2017. № 1 (7). С. 37–42.
36. Скипина И.В., Московкин В.И. Документ участника революционных событий Г.П. Пермякова в составе объединенного фонда личного происхождения государственного архива социально-политической истории Тюменской области // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 259–269.
37. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск : Том. гос. ун-т, 1995. 252 с.
38. Хазиахметов Э.Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 103–112.
39. Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах из военно-политической истории периода «Первой советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13, № 4. С. 154–175.
40. Лешукова Е.В. «Светлое будущее» по-советски (на примере биографий активных борцов за советскую власть в Ишимском уезде Тюменской губернии // Гражданская война на востоке России : взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири (Омск, 13–14 ноября 1919 года). Омск, 2019. С. 137–143.
41. Захарова К.Л. Советская элита Сибири (март–октябрь 1917 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 8: История. С. 108–119.
42. Советы Томской губернии. Март 1917 – май 1918 гг. : сб. документов и материалов. Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, Томское отделение, 1976. 219 с.
43. Воспоминания А.Э. Рубена // Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 824.
44. Свободный Алтай (Бийск). 1917.
45. Свободный Алтай (Бийск). 1918.
46. Их имена бессмертны / Бийская гор. Центр. б-ка; сост. Л.С. Домникова. Бийск, 1967. 39 с.
47. Дамье В.В. Левый радикализм в Туве (1917–1924 гг.) // Acta eruditorum. 2018. Вып. 26. С. 130–136. URL: <https://aitrus.info/node/5134> (дата обращения: 03.09.2021).
48. Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительных комитетов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Омск, 1918.
49. Забайкальский рабочий (Чита). 1918.
50. Протасов Л.Г. Российская политическая элита 1917 года (характер, облик, судьба) // ProNunc. Современные политические процессы. 2004. Вып. 2. С. 123–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politicheskaya-elita-1917-goda-harakter-oblik-sudba> (дата обращения: 21.08.2021).
51. Калинин Яков (Екабс) Мартынович // Знаменит Калачинск именами. URL: http://ludikalachinsk.ru/?page_id=1775 (дата обращения: 27.01.2021).
52. Кручинин А.М. Кочегар со старого броненосца. URL: <http://bergenschild.ru/publicacii/hohryakov.htm> (дата обращения: 02.09.2021).
53. Кононенко А.А. К вопросу об установлении Советской власти в Тюмени в 1918 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 219–227.
54. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
55. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б)–РКП(б) в 1917–1918 годах : хроника событий. М. : Мысль, 1974. II. 557 с.
56. Выписка из протокола заседания РВТ 6 армии от 3 ноября 1918 г. : (размещена в сети Интернет Ю.И. Гончаровым). URL: <https://siberia.forum24.ru/?1-9-80-00000102-000-10001-0> (дата обращения: 01.02.2021).
57. Историческая энциклопедия Кузбасса : в 3 т. Познань : Штама, 1996. Т. 1: А–К. 380 с.

Nikolay S. Larkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

SIBERIAN POWER ELITE IN THE TIME OF “THE FIRST SOVIET RULE” (OCTOBER 1917 – AUGUST 1918)

Keywords: power elite, executive committee, council, Siberia, Russian Civil War.

In this paper, the author presents a collective image of the chairmen of executive committees of the governorate, regional, uyezd, and municipal councils (Soviets) in Siberia. The Soviets were the essential part of the promising regional power elite in October 1917 – August 1918. The research focuses on five Siberian governorates and two regions (oblasts). They consisted of about 50 uyezds and more than 50 cities. The study is based on both published and non-published archival records, materials from the periodicals, publications by historians and local history experts. Along with the traditional methods of historical research, the author uses such methods as prosopography and historical elitology.

The author identifies 92 names of heads of the main Soviet authorities in Siberia, 83 profiles of these leaders include such biographical data as party affiliation, revolutionary activity before 1917, social background and status, age, education, nationality, marital status, army service, activity during and after the Russian Civil War, awards, publications (memoirs), circumstances around their death, memorialization. The author finds that in the vast majority of cases (except six of them), heads of the Siberian councils (Soviets) executive committees were the members of the extreme-left parties (mostly RSDLP(b)-RCP(b)). About half of them were professional revolutionists who have had a long-term experience of being in prisons, forced labor camps (katorga) and in political exile before the Revolution. 42 served in the Russian army, 9 of them were officers. Many Soviets' chairmen took part in the First World War. The average age is 33 years old. The educational level ranges from home and elementary education (in most of cases) to higher education (two cases). Nationality-wise, the majority of chairmen are Russians but there were also Ukrainians, Jews, Latvians, Estonians, and Poles. For the most part, the heads of the Siberian Soviets came from the European part of Russia and were strangers to the locals. At that time, the formation of the Soviet power elite in Siberia was half-closed. The representatives of the elite had a simplified political and legal consciousness and used simple management schemes and power-based methods to solve political, social, and economical issues and the beginning of the Civil war led to the militarization of power. More than half of the Siberian councils (Soviets) executive committees heads died during the Russian Civil War, never having had a chance to fulfill their life potential. Most of those who survived became a part of the Soviet and party governing establishment (Nomenklatura) and worked in various positions in government agencies, industry, or education. In the second half of the 1930s, about half of them became the victims of "the Great Terror". Later, the names of at least 33 heads of the executive committees were assigned to streets, lanes, and squares.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1969a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 78–82.
2. Lenin, V.I. (1969b) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 36. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 127–164.
3. Spirin, I.A. (2018) The creation of proto-elite entities in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 5. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-protoelitnyh-obrazovaniy-v-rossii-narubezhe-xix-xx-vv> (Accessed: 8th October 2021). (In Russian).
4. Molotov, K. & Chervonnyy, A. [Shumyatskiy, B.Z.]. (1920) *Geroi-mucheniki Sibirskoy kommuny* [Heroes-Martyrs of the Siberian Commune]. Tomsk: Izd. Tom. gubkoma R.K.P.
5. Shumyatskiy, B. (1920) *Zhivye mertvetsy* [The living dead]. In: *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata* [Three Years of Struggle for the Dictatorship of the Proletariat]. Omsk: Sib. gos. izd-vo. pp. 166–173.
6. Yakovleva, V.N. (1924) Nikolay Nikolaevich Yakovlev. *Vlast' truda*. 16th March.
7. Vilenskiy-Sibirskiy, V.D. et al. (1927) *Tsentrosibirskiy sb. pamyati pogibshikh chlenov Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov Sibiri 1918 goda* [Centrosiberians: Collection in memory of the dead members of the Central Executive Committee of the Soviets of Siberia in 1918]. Moscow; Leningrad: Mosk. Rabochiy.
8. Konstantinov, M.M. (ed.) (1934) *Politicheskaya katorga i ssylka: biogr. spravochnik chlenov O-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev* [Political hard labor and exile: Biographical reference book of members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Moscow: All-Russian Society of Political Prisoners and Exiled Settlers.
9. Azadovsky, M.K. (ed.) (1929–1932) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 3 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 3 vols]. Moscow; Novosibirsk: [s.n.].
10. Anon. (1957) *Oni borolis' za vlast' Sovetov* [They fought for the power of the Soviets]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
11. Flerov, V.S. (ed.) (1959) *Bortsy za vlast' Sovetov: sb. ocherkov o geroyakh-bol'shevikakh* [Fighters for the power of the Soviets: Essays on Bolshevik Heroes]. Tomsk: Kn. izd-vo.
12. Kadey kib, V.A. et al. (1966) *Serdtsa, otdannye lyudyam* [Hearts given to people]. Kemerovo: Kn. izd-vo.
13. Roshchevskiy, P.I. & Nikiforova, M.M. (1967) *Skvoz' grozy* [Through the Storms]. Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
14. Bartanova, A.A., Mironov, N.A. & Nelyubina, G.G. (1967) *Bortsy za vlast' Sovetov v Buryatii: kratkie biografii uchastnikov Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Fighters for the power of the Soviets in Buryatia: short biographies of the participants in the October Revolution and the Civil War]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
15. Toka, S. (ed.) (1967) *Ikh ne zabudet Tuva* [Tuva will not forget them]. Kyzyl: Tuvknigoizdat.
16. Plyushchev, V.A. (1969) *Kurganskies komissary* [The Kurgan commissars]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. kn. izd-vo.
17. Petrova, E.I. (ed.) (1970) *Oni borolis' za vlast' Sovetov* [They fought for the power of the Soviets]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
18. Shapranova, A.Ya. & Bando, E.G. (1972) *Revolutsionnyy podvig sibiryakov: biografii bortsov za vlast' Sovetov na zemle irkutskoy* [The revolutionary feat of the Siberians: biographies of the fighters for the power of the Soviets in Irkutsk]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
19. Babintsev, V. et al. (1979) *Nashi zemlyaki: O zamechatel'nykh lyudyakh, ch'ya sud'ba svyazana s Novosibirskom* [Our countrymen: About wonderful people whose fate is connected with Novosibirsk]. Vol. 2. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
20. Bagaev, B.F. & Meshalkin, P.N. (eds) (1982) *Boytsey revolyutsii* [Fighters of the Revolution]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
21. Zhuravlev, N.V., Izbyshev, F.A., Karpenko, V.A. et al. (1987) *Za vlast' Sovetov!: kratkie biograficheskie ocherki ob uchastnikakh revolyutsionnykh sobyitiy v Omskom Priirtysh'e (1917 – iyun' 1918 g.)* [For the power of the Soviets!: brief biographical essays on the participants in the revolutionary events in the Omsk Irtysh region (1917 – June 1918)]. Omsk: Kn. izd-vo.
22. Akachenok, A.P. et al. (1988) *Oni borolis' za vlast' Sovetov* [They fought for the power of the Soviets]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
23. Vasilevskiy, V.I. (1989) *Revolutsiya i Grazhdanskaya vojna v Zabaykal'e: (kratkiy biogr. ukaz.)* [Revolution and Civil War in Transbaikalia: (brief biographies)]. Chita: [s.n.].
24. Korelin, F.P. (1952) *Matros Khokhryakov* [Sailor Khokhryakov]. Moscow: Voen.-mor. izd-vo.
25. Stolyarenko, M.A. (1965) *Matros s "Zari svobody"* [Sailor from "The Dawn of Freedom"]. Moscow: Politizdat.
26. Ryabikov, V.V. (1955) *N.N. Yakovlev – predsedatel' Tsentrosibiri* [N.N. Yakovlev – Chairman of the Tsentrosibir]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
27. Poznanskiy, V.S. (1987) *Prezident Sovetskoy Sibiri: ist.-biogr. ocherk o N.N. Yakovleve* [President of Soviet Siberia: a historical and biographical essay about N.N. Yakovlev]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
28. Bagaev, B.F. (1957) *Boris Shumyatskiy. Ocherki zhizni i deyatel'nosti* [Boris Shumyatskiy. Essays on life and activity]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
29. Roshchevskiy, P. (1957) *G.P. Permyakov*. Tyumen: Kn. izd-vo.
30. Borodkin, P.A. (1959) *M.K. Tsaplin: lit.-biogr. ocherk* [M.K. Tsaplin: a literary and biographical article]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
31. Bagaev, B.F. (1966) *Grigoriy Veynbaum*. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
32. Flerov, V. (1967) *Zhizn' – podvig. Vladimir Mikhaylovich Kosarev* [Life is a feat. Vladimir Mikhaylovich Kosarev]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
33. Teplyakov, A. (2005) *Boroda mnogogreshnaya. Dmitriy Kiselev – podpol'shchik, rezident, "bol'shoy uchenyy"* [A sinful beard. Dmitry Kiselev – underground worker, resident, "great scientist"]. *Golos Sibiri*. 5. [Online] Available from: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_5/047_011_tekl.htm (Accessed: 28th July 2021).

34. Shtyrbul, A.A. (2009) *Nikita Efimovich Ishmaev: ist.-biogr. issledovanie* [Nikita Efimovich Ishmaev: a historical and biographical study]. Omsk: Maksheev E.A.
35. Burlakova, T.G. (2017) Dostoin pamyati narodnoy [Worth of people's memory]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti : k 100-letiyu Velikoy revolyutsii*. 1(7). pp. 37–42.
36. Skipina, I.V. & Moskovkin, V.I. (2019) Dokumenty uchastnika revolyutsionnykh sobytiy G.P. Permyakova v sostave ob"edinennogo fonda lichnogo proiskhozhdeniya gosudarstvennogo arkhiva sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti [Documents of the participant of the revolutionary events G.P. Permyakov as a part of the united fund of personal origin of the State Archive of the Socio-Political History of the Tyumen Region]. *Vestnik arkhivista*. 1. pp. 259–269.
37. Larkov, N.S. (1995) *Nachalo Grazhdanskoj vojny v Sibiri. Armija i bor'ba za vlast'* [Beginning of the Civil War in Siberia. The army and the struggle for power]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Khaziakhmetov, E.Sh. (1997) Rol' byvshikh ssl'nykh v politicheskoy bor'be 1917–1918 gg. v Sibiri [The role of former exiles in the political struggle of 1917–1918 in Siberia]. In: Sorokin, Yu.A. et al. *Istoricheskij ezhegodnik* [Historical Yearbook]. Omsk: Omsk State University. pp. 103–112.
39. Hipkhenov, G.I. (2017) True and "Falsehood" about the Red Detachments. From the Military-Political History of the Period of the "First Soviet Power" in Eastern Siberia (1917–1918). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 13(4). pp. 154–175. (In Russian).
40. Leshukova, E.V. (2019) "Svetloe budushchee" po-sovetski (na primere biografij aktivnykh bortsov za sovetскую vlast' v Ishimskom uezde Tyumenskoy gubernii [The "bright future" in the Soviet way (a case study of the biographies of active fighters for Soviet power in the Ishim district of the Tyumen province)]. *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil war in the east of Russia: a look through the documentary heritage]. Proc. of the Third Conference. Omsk, November 13–14, 1919. Omsk. pp. 137–143.
41. Zakharova, K.L. (2016) The Soviet elite of Siberia (March–October, 1917). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15(8). pp. 108–119. (In Russian).
42. Razgon, I.M. (ed.) (1976) *Sovety Tomskoj gubernii. Mart 1917 – may 1918 gg.* [Councils of Tomsk province. March 1917 – May 1918]. Tomsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
43. Ruben, A.E. (n.d.) *Vospominaniya A.E. Rubena* [Memoirs of A.E. Ruben]. The Center for Documentation of the Contemporary History of Tomsk Region. Fund 4204. List 4. File 824.
44. *Svobodnyy Altay*. (1917)
45. *Svobodnyy Altay*. (1918)
46. Domnikova, L.S. (ed.) (1967) *Ikh imena bessmertny* [Their names are immortal]. Biysk: Biysk Central Library.
47. Damier, V.V. (2018) Levyy radikalizm v Tuve (1917–1924 gg.) [Left Radicalism in Tuva (1917–1924)]. *Acta eruditorum*. 26. pp. 130–136. [Online] Available from: <https://aitrus.info/node/5134> (Accessed: 3rd September 2021).
48. The West Siberian and Omsk Regional Executive Committees of the Soviets of Peasants', Workers' and Soldiers' Deputies and the Omsk Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. (1918) *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo i Omskogo oblastnogo ispolnitel'nykh komitetov sovetov krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov i Omskogo soveta rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov* [The West Siberian and Omsk Regional Executive Committees of the Soviets of Peasants', Workers' and Soldiers' Deputies and the Omsk Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies]. Omsk: [s.n.].
49. *Zabaykal'skiy rabochiy*. (1918)
50. Protasov, L.G. (2004) Rossiyskaya politicheskaya elita 1917 goda (kharakter, oblik, sud'ba) [Russian political elite in 1917 (character, appearance, fate)]. *ProNunc. Sovremennye politicheskie protsessy*. 2. pp. 123–134. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politicheskaya-elita-1917-goda-harakter-oblik-sudba> (Accessed: 21st August 2021).
51. Ludikalachinsk.ru/. (n.d.) *Kalnin Yakov (Ekabs) Martynovich*. [Online] Available from: http://ludikalachinsk.ru/?page_id=1775 (Accessed: 27th January 2021).
52. Kruchinin, A.M. (n.d.) *Kochegar so starogo bronenostsa* [A fireman from an old battleship]. [Online] Available from: <http://bergenschild.ru/publicacii/hohryakov.htm> (Accessed: 2nd September 2021).
53. Kononenko, A.A. (2006) K voprosu ob ustanovlenii Sovetskoy vlasti v Tyumeni v 1918 godu [On establishing Soviet power in Tyumen in 1918]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 219–227.
54. *Svobodnaya Sibir'*. (1918)
55. Anikeev, V.V. (1974) *Deyatel'nost' TsK RSDRP(b)–RKP(b) v 1917–1918 godakh: khronika sobytiy* [Activities of the Central Committee of the RSDLP (b) – RCP (b) in 1917–1918: a chronicle of events]. Moscow: Mysl'.
56. Revolutionary Military Tribunal of the 6th Army. (1918) *Vypiska iz protokola zasedaniya RVT 6 armii ot 3 noyabrya 1918 g.: (razmeshchena v seti Internet Yu.I. Goncharovym)* [Extract from the minutes of the meeting of the Revolutionary Military Tribunal of the 6th Army dated November 3, 1918: (posted on the Internet by Yu.I. Goncharov)]. [Online] Available from: <https://siberia.forum24.ru/?1-9-80-00000102-000-10001-0> (Accessed: 1st February 2021).
57. Mashkovskiy, V.P. & Khaliulin, G.G. (eds) (1996) *Istoricheskaya entsiklopediya Kuzbassa: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Kuzbass: in 3 vols]. Vol. 1. Poznan: Shtama.

О.А. Плех

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается кадровое обеспечение городской полиции трех губерний Европейского Севера России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. На основе опубликованных нормативных правовых актов и архивных делопроизводственных материалов установлена численность и проанализирован состав служащих по их сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Представленные в статье материалы позволяют увидеть, что для большинства чиновников служебные перспективы определялись сословным происхождением, опытом службы и личными качествами.

Ключевые слова: кадровый состав, городская полиция, чиновничество, гражданская служба, Европейский Север России

Празднование 300-летнего юбилея российской полиции привлекло внимание многих ученых к проблемам становления и развития правоохранительных органов. Попытки обобщить накопленный опыт и результаты исследований обнаружили, что многие вопросы, связанные с функционированием органов внутренних дел в Российской империи, требуют дальнейшей разработки [1]. В последние десятилетия увеличилось число публикаций, характеризующих состояние местной полиции в рамках отдельных регионов с опорой на конкретно-историческую документальную основу, что, безусловно, позволяет выйти на качественно новый уровень осмысления интересующей нас проблематики. Однако в большинстве своем эти исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX в. В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу подвергаются особенности работы провинциальных полицейских учреждений XVIII – первой половины XIX в., что обусловлено фрагментарностью источниковой базы [2–5]. В центре внимания настоящей статьи – служащие городской полиции северных губерний России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой), их численность и состав в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Речь идет о лицах, состоявших в действительной гражданской службе. Что касается выборных городских представителей, воинских команд и низших служителей, то ввиду специфики их служебного положения в статье они рассматриваться не будут. В указанных географических и хронологических рамках эти вопросы еще не становились предметом научного анализа. Документальную основу исследования составляют нормативные правовые акты и архивные делопроизводственные материалы, в том числе материалы систематического учета чиновничества – групповые формулярные списки.

В изучаемый период административно-полицейское управление в городах осуществляла городская полиция, на которую возлагались многочисленные обязанности: среди них значились не только полицейские, но и судебно-следственные функции и хозяйственно-распорядительные дела (обеспечение безопасности населения,

пожарная охрана, строительство и благоустройство, надзор за торговлей, борьба с нищенством и пр. [2. С. 28–29]). При всей значимости и обширности полномочий не существовало единой унифицированной схемы организации городской полиции. Формирование учреждений и их состава представляло собой протяженный во времени неравномерный процесс, на который оказывали влияние, с одной стороны, стремление государства организовать полицейское управление, отвечающее стоящим перед ним задачам и соответствующее нуждам городских обывателей, а с другой – ресурсы и возможности самих городов, которые зачастую оказывались весьма ограниченными. Пожалуй, в этом плане городская полиция выделялась на фоне остальных местных учреждений. В ходе ее становления и развития региональный фактор приобрел первостепенное значение. В связи с этим, прежде чем непосредственно перейти к характеристике корпуса служащих, необходимо уделить некоторое внимание специфике северорусских городов.

Города Европейского Севера России значительно различались между собой как по численности населения и занимаемым площадям, так и по социально-экономическому развитию. Самым крупным городским поселением был Архангельск. На общем фоне также выделялись Вологда, Великий Устюг и Петрозаводск. Остальные города представляли собой небольшие поселения, причем большинство из них приобрело свой статус в результате губернской реформы 1775 г. Отметим также, что некоторые поселения, назначенные при Екатерине II уездными центрами, не обладали для этого достаточным количеством населения, в связи с чем к ним присоединили близлежащие деревни. Последствием таких административных решений стало появление огромных по площади территориальных комплексов (например, Кемь – 29 тыс. дес., Усть-Сысольск – 15 [6. С. 173]). Население таких городов, по сути, состояло из приписанных к ним крестьян. Так, в 1786 г. в Кемь не проживало ни одного купца или мещанина, а среди лиц, «домы имеющих», значились государственные крестьяне (около 1 007 чел.

обоего пола), 18 церковнослужителей и 10 разночинцев [7. Л. 53 об.–54].

Административно-территориальное устройство, претерпев ряд преобразований в последней четверти XVIII в., устоялось лишь в начале XIX в. С этого времени в изучаемых губерниях насчитывалось 3 губернских и 22 уездных города. По данным на 1811 г., в Архангельске проживало 9 547 чел., в Вологде – 9 564 чел., в Великом Устюге – 7 447 чел., в Петрозаводске – 4 723 чел.; в четырех городах насчитывалось от 2 до 3 тыс. жителей (Тотьма, Каргополь, Вытегра, Усть-Сысольск), в семи – от 1 до 2 тыс. (Сольвычегодск, Мезень, Грязовец, Кемь, Холмогоры, Олонец, Онега), в шести – от 500 до 1 000 чел. (Пудож, Яренск, Никольск, Кола, Повенец, Лодейное Поле), в четырех – менее 500 чел. (Кадников, Шенкурск, Вельск, Пинега) [8. Л. 28–29, 31–43, 51–52]. К 1858 г. население Архангельска выросло до 20 807 чел., Вологды – до 16 425, Петрозаводска – до 10 648, Великого Устюга – до 8 359; среди остальных городов только в шести проживало более 2 тыс. чел. (Грязовец, Тотьма, Усть-Сысольск, Вытегра, Кадников, Каргополь), а четыре едва насчитывали 500–600 жителей (Пинега, Кола, Шенкурск, Повенец) [9. С. 1–54, 315–365; 10. С. 396–428].

Губернская реформа Екатерины II предусматривала создание во всех губернских и уездных городах особых полицейских учреждений, однако в самом Учреждении о губерниях 1775 г. их структура и полномочия не определялись (указывалось лишь, что полицейское управление возлагается на городничих) [11. С. 256–259]. Этот пробел должно было восполнить принятие Устава благочиния 1782 г., согласно которому городам полагалось иметь довольно внушительные штаты полицейских учреждений [12. С. 462]. Так, 17 марта 1783 г. было отдано распоряжение об учреждении управ благочиния в Архангельске и Вологде [13. С. 883], а 17 марта 1786 г. – в Великом Устюге [14. С. 555]. Для каждой из них определялись штатное расписание и размер содержания, ассигнуемого из казны (для Архангельской – 5 910 руб., для Вологодской – 5 490 руб., для Устюгской – 4 950 руб.).

Вывявленные в ходе исследования архивные материалы позволяют увидеть состав управ благочиния. Так, в Архангельске, разделенном в соответствии с утвержденным планом на 2 части и 10 кварталов, определялись должности обер-коменданта, городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел), двух частных приставов, 10 квартальных надзирателей и 10 квартальных поручиков; в составе канцелярии предусматривалось 8 должностей [15. Л. 1–1 об.]. В Вологде, разделенной также на 2 части и 10 кварталов, управа благочиния состояла из обер-коменданта, двух приставов (уголовных и гражданских дел), двух частных приставов, 10 квартальных надзирателей, 10 квартальных поручиков и 10 канцелярских служащих [16. Л. 36–36 об., 57 об.–58]. В Великом Устюге (на 2 части и 8 кварталов) назначались обер-комендант, два пристава (уголовных и гражданских дел), два частных пристава, 8 квартальных надзирателей, 8 квартальных поручиков и 6 канцелярских служащих [17. Л. 55 об.–63]. В остальных городах устройство поли-

ции основывалось на общегубернских штатах и ограничивалось должностью городничего с жалованьем 300 руб. и суммой на канцелярский расход, определенной в 130 руб., за счет которой выплачивалось и содержание канцелярским служащим (при каждом городничем полагалось не более двух канцелярских служащих) [18. С. 256]. Исключение из общего правила составляли Олонец, для которого предусматривалась должность коменданта с жалованьем 600 руб. и суммой на канцелярских служащих и расходы, определенной в 250 руб., и полиция Колы с комендантом (жалованье 600 руб.), переводчиком (200 руб.) и суммой на канцелярию в 130 руб. [Там же. С. 264].

Таким образом, к концу 1780-х гг. общая численность служащих городской полиции на Европейском Севере России составляла 170 человек: на управы благочиния Архангельска, Вологды и Устюга приходилось 97 человек, из них 24 канцелярских служащих, на остальные города – 73 человека, из них 49 канцелярских служащих [7. Л. 17 об.; 15. Л. 1–1 об.; 16. Л. 36–45, 57 об.–69 об.]. По Архангельской и Вологодской губерниям штаты в основном удавалось укомплектовать (обнаруженные в ходе исследования списки служащих на 1786 г. свидетельствуют, что вакансии были единичны). Что же касается Олонецкой губернии, то здесь ощущался значительный недостаток служащих канцелярий: в 1786 г. не менее 2/3 канцелярских должностей пребывали незаполненными. К сожалению, среди архивных документов не удалось выявить корпусы послужных списков за последнюю четверть XVIII в., которые позволили бы представить более детальный анализ состава служащих.

Павел I, придя к власти, озаботился сокращением казенных издержек на местный аппарат управления. В 1797 г. все расходы на содержание городской полиции возлагались на счет городских обществ [3. С. 117]. Однако это обнаружило проблему несостоятельности многих городов, в особенности тех, где были учреждены управы благочиния. В связи с этим последние были переименованы в городские полиции, их численность была урезана почти вдвое, сокращены расходы на содержание. Закрепить эти изменения предполагалось путем разработки новых штатов [19. С. 668–670], но, чтобы реализовать это на практике, требовалось учесть особенности городов. Губернаторам было предписано предоставить отчеты о положении полиции с предложениями по ее реорганизации [3. С. 117]. Непосредственным решением этой проблемы пришлось заниматься уже Александру I.

В донесениях губернаторов, поступавших в столицу из многих губерний, отмечалась неравномерность в организации городского полицейского управления. В частности, в них указывалось на «очевидную невозможность 10 т[ыс.] или 20 т[ыс.] народа держать в порядке одним чиновником и на том же положении, на коем управляются в малых городах 200 или 300 бедных обывательских домов» [20. Л. 4]. Причины сложившейся ситуации заключались в том, что полицейская реформа Екатерины II осталась незавершенной, управы благочиния появились далеко не во всех крупных городах, а преобразования конца XVIII в. привели

к сокращению полицейских штатов без должного организационно-правового обеспечения в изменившихся условиях. Обнаружилось, что в ряде губернских городов предписывалось иметь только одного городничего, а в тех городах, где были реорганизованы управы благочиния, полицейский аппарат оказался несоразмерен территории и численности населения. В 1803 г. был принят указ «О средствах к исправлению полиции в городах» [21. С. 947], в соответствии с которым министру внутренних дел поручалось, «собрав от всех губернаторов точнейшие известия», составить полицейское управление для всех городов «в общем плане единообразное, а в пространстве его для каждого особенное и с местным положением согласное» [20. Л. 5 об.]. В результате этой работы должны были появиться «особые штаты для каждого города, с назначением частей, кварталов, числа людей и окладов» [22. С. 224]. Однако предпринятая реорганизация затронула лишь отдельные города, главным образом крупные населенные пункты, где действовали городские полиции.

Так, 20 декабря 1804 г. новые штаты были установлены для Архангельска (город делился на две части и 6 кварталов; полицейские чины включали полицмейстера, 2 частных приставов, 6 квартальных надзирателей) [23. Л. 43], а 25 июля 1807 г. – для Вологды (город делился на три части и 6 кварталов; в состав полиции входили полицмейстер, 3 частных пристава, 6 квартальных надзирателей) [24. С. 99]. Должности в составе канцелярий в штатах не прописывались. Полицеймейстерам позволялось по своему усмотрению регулировать количество канцелярских служащих (жалованье им выплачивалось из общей суммы, выделявшейся на канцелярские расходы). Из архивных документов удалось установить, что в 1810-е гг. в Архангельской и Вологодской полициях насчитывалось по 7 канцелярских служащих [8. Л. 5, 49–49 об., 57]. Для Великого Устюга новые штаты не были разработаны, и положение полиции регулировалось на основании предписания от 8 декабря 1799 г., разделившего город на 2 части и 4 квартала. Согласно этому документу в полиции состояли полицмейстер, 2 частных пристава, 4 квартальных надзирателя, 6 канцелярских служащих [Там же. Л. 57 об.].

Во всех остальных городах сохранялся прежний упрощенный порядок формирования полиции. В них действовали городнические правления во главе с городничим, которые, так же как и полицмейстеры, самостоятельно организовывали работу своей канцелярии [25. С. 222]. Ввиду того, что средства на канцелярские расходы для этих учреждений были весьма ограничены (130 руб. в год), количество писмоводителей не превышало 2 человек либо их вовсе не содержалось. В частности, в Грязовце, Мезени, Никольске, Пинеге, Устьсысольске и Холмогорах насчитывалось по два канцелярских служащих, в Вытегре, Лодейном Поле, Олонце, Петрозаводске, Шенкурске и Яренске – по одному, в Вельске, Кадникове, Каргополе, Кемь, Коле, Онеге, Пудоже, Повенце, Сольвычегодске и Тотьме – ни одного [8. Л. 12–25, 31–43 об., 58; 26. Л. 14–72]. Последний вариант, конечно, не означал, что городничий лично писал все бумаги. Даже в небольших горо-

дах количество ежегодно производимых дел могло быть довольно значительным. К примеру, за 1811 г. в Онеге было «окончено» 355 дел, в Кемь – 376 (для сравнения, в Холмогорах, где служило два писмоводителя, – всего 4) [8. Л. 28–29]. Следует предположить, что городничие, не имевшие в своем подчинении канцелярских служащих, использовали вольнонаемных писарей, не состоявших в действительной службе, или «заимствовали» служащих из других учреждений (что было более чем удобно, поскольку обычно все присутственные места в небольших городах располагались в одном здании). Так, к Сольвычегодскому городническому правлению были прикомандированы два канцелярских служащих из уездного суда [26. Л. 46 об.–47].

Отметим, что на численность полиции, и в том числе на размеры канцелярии, в первую очередь влияли доходы города, поскольку на каждую полицию из казны полагалось выделять в Архангельской и Вологодской губерниях по 430 руб. (из них 300 руб. на жалованье полицмейстеру / городничему и 130 руб. на канцелярские расходы), в Олонецкой – 530 (450 и 80 соответственно). Основную финансовую нагрузку по обеспечению деятельности полиции несли городские общества (освещение, отопление, содержание пожарных инструментов, содержание тюремных острогов, наем низших служащих – будочников, сторожей, пожарной команды и пр.). Так, в 1805 г. общая сумма расходов на Вологодскую полицию достигала 7 000 руб. [27. Л. 37, 38]; в 1811 г. на Архангельскую – 10 000 руб. [8. Л. 5]. И в том и в другом случае эти цифры превышали городские доходы; недостающие суммы собирали с обывателей, владевших городской недвижимостью. Для прочих городов содержание полиции также было крайне затруднительным; и несмотря на то, что допускались лишь самые необходимые траты, почти повсеместно расходы превышали доходы. В 1812 г. олонецкий губернатор сообщал, что на Петрозаводскую полицию тратится не менее 5 000 руб. (при доходах города до 3 000 руб.) [Там же. Л. 31 об.]. Ввиду того, что для этого города, несмотря на статус губернского центра, особого штата не предусматривалось и полагалась только должность городничего, горожане нанимали еще частного пристава и трех квартальных надзирателей. Эти должности были учреждены сверх штата также в Вытегре, Каргополе, Пудоже и Повенце, однако здесь они являлись неоплачиваемыми и выборными (избирались «по очереди от общества») [Там же. Л. 37 об.–43 об.]. В целях экономии во всех уездных городах низшие служащие (десятские, будочники, трубачисты) также определялись «по наряду с обывательских домов».

В 1818 г. состояние городской полиции вновь обсуждалось в центральном правительстве, однако на этот раз пристальное внимание было обращено на организацию пожарной части, которая признавалась неудовлетворительной («хотя в губернских городах и содержатся пожарные инструменты, но без всякого устройства сей важной части» [28. Л. 2]). Александр I распорядился вновь «определить по местному соображению всех обстоятельств» число кварталов и частей по каждому городу, «а с тем вместе и приличное число

полицейских чиновников», и «чтобы в каждом городе был при полиции брандмейстер и при нем два ученика» [Там же]. На практике этот указ не привел к каким-либо изменениям в составе полиции северных городов. В ряде городов, в первую очередь крупных, должность брандмейстера уже существовала, однако она не входила в штатные расписания городской полиции (в Архангельске нанимали двух брандмейстеров, в Вологде – одного, в Каргополе – один «наряжался» от общества, в Тотьме брандмейстер появился после значительного пожара 1815 г., истребившего большую часть городских строений). После 1818 г. брандмейстеры были включены только в штаты для крупных городов; в изучаемом регионе к таковым относились Архангельск и Вологда. В начале 1820-х гг. правительство также озаботилось состоянием тюрем; в частности, предписывалось при каждом остроге определить смотрителя, который формально хотя и не входил в штат городской полиции, но относился к числу городских полицейских чинов [29. С. 409]. Однако на регулярной основе эти должности стали замещаться только десятилетие спустя, после вступления в силу «Инструкции смотрителю тюремного замка» от 9 апреля 1831 г.

Во второй четверти XIX в. контроль за состоянием городской полиции был усилен. При этом основной задачей правительства Николая I стало приведение в действие законоположений, принятых в предшествовавшее царствование. В первую очередь речь идет о разработке штатных расписаний с учетом особенностей и нужд городов, а также об упорядочении финансового обеспечения и согласовании расходов на полицию с доходами городов. Изменения не были единовременными и вводились постепенно на протяжении всей второй четверти XIX в.

В первые годы правления Николая I особое внимание было обращено на положение канцелярских служащих, чьи должности не входили в штатные расписания, а материальное положение было весьма тяжелым. В 1827 г. в связи с вступлением в силу известного «Положения о канцелярских служащих» [30. С. 895–897] были собраны сведения о «штатах канцелярских служащих» местных учреждений, в том числе городских полиций. В соответствии с новыми правилами организации службы этой категории служащих губернаторам было предложено представить «проекты» их штатов и «примерное исчисление» казенных сумм, необходимых для их содержания [31. Л. 1–2 об.]. Полученные с мест ведомости заметно различались. Из Олонецкой губернии, где нехватка канцелярских служащих ощущалась особенно остро, поступили довольно подробные сведения, характеризующие плачевное состояние канцелярий: из семи городнических правлений только в Вытегорском и Лодейнопольском состояло по одному штатному канцелярскому служащему, в остальных письмоводители были «вольнонаемные» (т.е. лица, не находившиеся на действительной службе) [32. Л. 9–9 об.]. Олонецкий губернатор полагал, что для нормального функционирования полиции требовалось 22 канцелярских служащих (в Петрозаводске, Олонце, Вытегре и Каргополе – по 4, в Лодейном Поле, Пудоже и Повенце – по 2), на содержание которых

из казны просил выделять ежегодно 10 154 руб. [Там же. Л. 4 об.]. Вологодский губернатор сообщил, что «в Вологодской полиции состоит шесть канцелярских служащих, в Устюжской три, в прочих осьми полициях находится не более как по одному» (итого – 17 человек); на их жалованье и канцелярский расход употреблялось 4 370 руб. (из них 1 300 руб. из казны) [33. Л. 14–14 об.]. В проекте штата он предложил увеличить количество канцелярских служащих до 31 человека (в Вологодской – 9, Устюжской – 6, в остальных по два) с казенным содержанием в 5 960 руб. [Там же. Л. 3 об.–4].

В свою очередь, архангельский губернатор указал, что по всем полициям насчитывается 24 человека (в Архангельской – 10, в остальных по два), расход составляет 5 550 руб. [31. Л. 10–10 об., 12]. Очевидно, что в этой справке он решил выдать желаемое за действительное, поскольку Архангельская губерния испытывала не меньшие, чем Олонецкая, трудности с канцелярскими служащими, а бедность уездных городов не позволяла содержать канцелярии из двух человек; соответственно, их реальное число было гораздо меньше. В частности, в 1832 г. архангельский губернатор в представлении к министру внутренних дел сообщал, что «сверх недостающего по штатам числа чиновников и канцелярских служащих, простирающегося до 140 человек, состоит в губернии совершенный недостаток по многим местам в опытных и способных для дел по службе чиновниках и канцелярских служащих от недостаточного по службе получаемого жалованья, особенно же в тех присутственных местах, где оно менее положено...»; к числу последних, конечно, относились и городнические правления [34. Л. 1 об.]. При этом в предложенном губернатором проекте штата предлагалось только расширить штат канцелярии Архангельской полиции до 11 человек и увеличить общий «казенный» расход до 10 950 руб. [Там же. Л. 6–6 об.].

Собранные со всей империи сведения по канцелярским служащим учитывались при разработке новых, более подробных штатных расписаний, включавших не только служащих канцелярий, но и полицейские нижние команды и пожарных. При этом, как и в предыдущие десятилетия, особые штаты полагались только для крупных городов, а для прочих – единое унифицированное расписание. Так, 24 апреля 1829 г. было принято новое положение «Об устройстве полиции и пожарной части, и о доходах и расходах в городе Вологде» [35. С. 272–278]. Согласно этому документу штат полиции включал 19 человек: полицмейстера, 3 частных приставов, 6 квартальных надзирателей, 9 канцелярских служащих. На содержание полиции было определено 14 355 руб. 94 коп. Отметим, что одновременно с этим расписанием были введены в действие новые правила по регулированию доходов и расходов города: «статьи доходов» должны были учитывать и перекрывать расходы на полицию.

В 1835 г. для городнических правлений был утвержден единый штат из трех человек (городничий, письмоводитель и писец) и из казны назначены добавочные суммы на его содержание: отныне городничему

полагалось жалование 1 000 руб., письмоводителю – 500, писцу – 300, а также 200 руб. на канцелярские расходы [36. С. 181]. В 1836 г. эти расходы были закреплены в «Расписании о суммах, потребных на содержание городских полиций» [37. Отд. 2. С. 293–294]. В этом документе среди рядовых уездных городов указывался и Великий Устюг, несмотря на то что сохранялся прежний состав его полиции из 13 человек [38. Л. 16–16 об.]. Это означало, что на расходы ему, так же как и другим уездным городам, назначалось от казны только 2 000 руб., а остальные издержки компенсировались по-прежнему за счет городского общества.

Примечательно также, что в «Расписание» не попал Петрозаводск. В тексте указа, сопровождавшего «Расписание», отмечалось, что «во многих губернских и уездных городах, в коих на полиции не издано еще штатов... оказалось состоят частные приставы и квартальные надзиратели, определенные по распоряжению местных губернских начальств в большем или в меньшем количестве, с окладами разнообразными» [37. Отд. 1. С. 632]. В связи с этим губернаторам поручалось «войти в ближайшее соображение потребного числа сих чиновников в каждом городе, судя по населению и обширности городов, количеству возникающих дел и по способам городских доходов», и представить свои предложения по устройству полиции «с проектами штатов и положением о городских доходах и расходах» [Там же]. Очевидно, к числу таких городов относился и Петрозаводск. Среди архивных документов и материалов законодательства не удалось обнаружить утвержденного по итогам этой работы штатного расписания. Однако установлено, что с 1840-х гг. оно включало городничего (с 1847 г. переименован в полицмейстеры [39. С. 523]), частного пристава, 3 квартальных надзирателей, 3 канцелярских служителей [40. Л. 181 об.–208; 41. Л. 343 об.–362]. Иными словами, в новых штатах Петрозаводского городнического правления был зафиксирован сложившийся на практике состав полиции.

По штатному расписанию Архангельской городской полиции от 7 ноября 1844 г. предусматривалось 30 служащих: полицмейстер, пристав гражданских дел, пристав уголовных дел, 2 заседателя от купечества, 2 частных пристава, 7 квартальных надзирателей, секретарь, 15 канцелярских служащих. На содержание полиции требовалось 10 514 руб. 37,5 коп. серебром [42. С. 248–249].

Вводившиеся во второй четверти XIX в. штатные расписания позволяют увидеть, что практика организации полицейских учреждений и специфика городских поселений учитывались лишь по отношению к отдельным городам, преимущественно губернским. При этом при регулировании численности и состава городской полиции принимались во внимание предложения, в разное время поступающие в центр от губернских начальников (генерал-губернаторов и губернаторов [8. Л. 5–8 об., 31–33, 49–49 об.; 31. Л. 6 об.; 32. Л. 4 об.; 33. Л. 3 об.; 43. Л. 1–4]). Однако для основной массы городов был предложен унифицированный состав полиции с минимальным числом служащих. Исключения из общего правила не допускались даже для

тех из них, которые еще в конце XVIII в. получили отдельные штатные расписания и, по мнению губернской администрации, требовали особого внимания. Так, в 1840-е гг. не единожды Великоустюгская полиция представляла на рассмотрение начальства рапорты с ходатайством о пересмотре штата, указывая на недостаточное число канцелярских служителей, приводящее к медленному течению дел. Однако добиться удовлетворения этой просьбы в изучаемый период так и не удалось, даже несмотря на то, что городское общество выражало готовность взять на себя расходы на дополнительные штатные единицы по канцелярии [44. Л. 15–19].

Таким образом, всего на Европейском Севере в первой половине XIX в. функционировали 3 городские полиции (Архангельск, Вологда и Великий Устюг) и 22 городнических правления (7 в Архангельской губернии, 8 в Вологодской и 7 в Олонецкой). Общее число штатных должностей было весьма скромным: в начале XIX в. – 90 (в Архангельской губернии – 30, в Вологодской – 46, в Олонецкой – 14), в середине века – 128 (46, 56 и 26 соответственно). Следовательно, за полвека рост составил 30%. Среди служащих выделялись собственно полицейские (полицмейстеры, городничие, частные приставы, квартальные надзиратели), численность которых увеличилась с 48 до 53 человек, и канцелярские служители (с 42 до 75 человек). Во второй четверти XIX в. почти во всех городах имелись штатные должности смотрителей тюремных замков, а при полициях Архангельска и Вологды еще и брандмейстеров, на которые часто назначались отставные военные, выслужившие обер-офицерские чины.

Архивные материалы позволяют увидеть, что реальная численность служащих городских полиций, для которых действовали отдельные штатные расписания, в основном соответствовала предполагаемой правительством. Расхождение выявлено только в составе Вологодской полиции, где в первой четверти XIX в. служили не 6, а 7–8 квартальных надзирателей [45. Л. 79 об.–83; 46. Л. 238 об.–247]. Что касается городнических правлений, то здесь наблюдается значительная разница. Если заполнить должности городничих в основном удавалось, чему, несомненно, способствовало то, что эти места с 1816 г. замещались по назначению Александровского комитета о раненых из «отставных за ранами» офицеров [47. Л. 1–12 об.; 48. С. 637], то канцелярских служителей почти повсеместно не хватало. Как уже отмечалось, при Александре I численный состав канцелярий в штатах не определялся, а их материальное обеспечение было явно недостаточным. Особенно сильно эта проблема ощущалась в отдаленных уездных городах, куда суровые северные условия и мизерное жалование не привлекали служащих. Так, в первой четверти XIX в. предполагалось, что при городничих должен служить минимум один письмоводитель, но на практике городнические правления почти в половине северных городов вообще не располагали канцелярскими служителями. Во второй четверти XIX в. с изданием новых штатов правительство связывало надежды на то, что положение присутственных мест в северных губерниях будет улучшено

и «места сии получают способы приобретать для своих канцелярий чиновников и служителей опытных и способных» [34. Л. 13 об.]. Установление фиксированных окладов и выплат на «паек и обмундирование» сделало канцелярскую службу более привлекательной. Кроме того, в этот период постепенно вводились льготы для желающих отправиться на службу в отдаленные губернии [49. С. 137–139]. Так, если в 1827 г. по всем городническим правлениям Олонецкой губернии насчитывалось всего 2 канцелярских служителя, то к 1844 г. вакантными пребывало 5 из 15 канцелярских должностей.

Состав служащих городской полиции позволяют проанализировать выявленные в ходе исследования групповые формулярные списки по северным губерниям, сохранившиеся в РГИА (изучены материалы за 1800-е (по Архангельской губернии за 1807 г., по Вологодской – за 1806 г. и по Олонецкой – за 1803 г.), 1826, 1844 и 1850 гг. [40. Л. 181 об.–264; 41. Л. 343 об.–422; 45. Л. 77 об.–85, 91 об.–92, 98 об.–99, 106 об.–108, 115 об.–116, 124 об.–129, 136 об.–138, 147 об.–149, 156 об.–157, 165 об.–167; 46. Л. 233 об.–250, 254 об.–257, 285 об.–290, 317 об.–326, 345 об.–349, 377 об.–385, 428 об.–431, 445 об.–452, 470 об.–474; 50. Л. 91 об.–92, 103 об.–105, 115 об.–116, 126 об.–129, 141 об.–142, 154 об.–156, 165 об.–166; 51. Л. 141 об.–150, 163 об.–164, 173 об.–174, 183 об.–184, 195 об.–196, 207 об.–208, 219 об.–220, 233 об.–234; 52. Л. 160 об.–189; 53. Л. 120 об.–140; 54. Л. 214 об.–279; 55. Л. 304 об.–432; 56. Л. 95 об.–100, 105 об.–108, 113 об.–117, 167 об.–172, 187 об.–213, 265 об.–270, 310 об.–312, 314 об.–318, 408 об.–413, 418 об.–421, 478 об.–481, 500 об.–514, 528 об.–531, 645 об.–649, 651 об.–667, 685 об.–692, 751 об.–760, 809 об.–821, 853 об.–856; 57. Л. 349 об.–588]). Результаты обработки этих документов представлены в табл. 1–4. Следует уточнить, что указанные источники в основном содержат сведения о чиновниках, а служащие, не имевшие классных чинов (так называемые канцелярские служители), попадали в них лишь в порядке исключения (такие данные обнаружены в групповых формулярных списках по Олонецкой губернии за 1803 и 1844 гг. и Архангельской губернии за 1844 г.). В законодательстве и делопроизводственной документации первой половины XIX в. понятия «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» различались. И те и другие состояли на службе в канцеляриях учреждений, однако канцелярские чиновники, в отличие от служителей, имели классные чины и, соответственно, попадали в групповые формулярные списки, ежегодно поступающие в Сенат. Канцелярские служители чинов не имели; они носили канцелярские звания: «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее). Также отметим, что в групповые формулярные списки включали чиновников, пребывавших на должностях брандмейстеров и смотрителей тюремных замков, и не вносили лиц, составлявших полицейские нижние и пожарные команды, а также вольнонаемных лиц.

В табл. 1 представлено сословное происхождение служащих городской полиции. При объяснении полученных показателей нужно учитывать два фактора: специфику комплектования полицейских учреждений

и состав населения изучаемых губерний. Специфика комплектования выражалась в том, что на полицейские должности, в первую очередь полицмейстеров и городничих, правительство в основном определяло отставных военных офицеров, среди которых, с одной стороны, был высок удельный вес дворян, а с другой – встречались выходцы из самых разных сословий, в том числе податных (крестьяне, мещане, солдаты, иностранцы), кому удалось отличиться на военной службе и выслужить классные чины. С 1816 г. все должности полицмейстеров и городничих замещались по определению Александровского комитета о раненых, о чем уже упоминалось [47. Л. 11 об.]. Кроме того, на должности смотрителей тюремных замков, как правило, назначались вышедшие в отставку военные нижние чины, некогда поступившие на службу рекрутами (обычно из крестьян и солдат) и по выслуге узаконенных лет награжденные первым классным чином. Действовавшие принципы комплектования полицейских учреждений находят наглядное отражение в табл. 1.

Несмотря на то, что речь идет о «недворянских» губерниях, удельный вес потомственных дворян довольно высокий. В начале XIX в. он составлял 36,8%, в середине века – 22,8%, что произошло не из-за снижения абсолютных показателей (как в начале, так и в середине века дворяне в основном представлены на должностях полицмейстеров и городничих, численность которых оставалась неизменной), а за счет увеличения количества канцелярских служителей в составе городской полиции. Особое внимание следует обратить на показатели в графе «прочие». В эту категорию объединены представители разных социальных групп (в большинстве своем податные сословия), для которых действовали ограничения при поступлении на гражданскую службу, а после издания указа 1827 г. доступ на службу и вовсе был закрыт [30]. Их удельный вес среди служащих городской полиции, варьировавшийся от 14,3 до 22,7%, представляется весьма значительным. Такие нехарактерные для состава гражданских служащих показатели связаны именно с тем, что на полицейские должности попадали бывшие военные. Выходцы из крестьян, мещан, солдат чаще назначались квартальными надзирателями, брандмейстерами и тюремными смотрителями, редко – полицмейстерами и городничими.

Второй фактор, который следует учитывать при интерпретации показателей, представленных в табл. 1, – состав населения изучаемых губерний, что непосредственно отражалось на сословном происхождении лиц, занимавших канцелярские должности, среди которых доминировали представители духовенства, обер-офицерские дети и дети приказных служителей. Последние две категории, которые рассматривались правительством как один из главных источников кадрового пополнения местных учреждений, в общей сложности насчитывали от 20 до 40% в составе служащих городской полиции. Обер-офицерские дети и дети приказных служителей были детьми гражданских служащих; различались они тем, что первые были детьми классных чиновников, не выслуживших потомственное дворянство, вторые – детьми лиц, не имевших класс-

ных чинов. Схожие показатели были характерны и для других провинциальных учреждений, причем не только в изучаемых губерниях [58. С. 77–78], что следует рассматривать как постепенную профессионализацию кадрового состава местных органов власти. В большинстве своем «потомственные» служащие состояли в канцеляриях городской полиции. Если в уездных учреждениях они, в первую очередь обер-офицерские дети, пройдя все ступени канцелярской службы, не-

редко добивались назначения на ключевые посты, то в городских полициях вершиной их карьеры являлись должности частных приставов и квартальных надзирателей. Что касается детей священно- и церковнослужителей, то они также в основном состояли в канцеляриях городской полиции. При этом большая их часть приходится на учреждения Вологодской губернии, где удельный вес духовенства в составе населения был довольно значительным.

Таблица 1

Сословное происхождение служащих городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	Дворянство		Дети обер-офицеров		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	25	36,8	8	11,8	15	22,0	6	8,8	14	20,6	68	100
1826	22	34,9	16	25,4	6	9,5	10	15,9	9	14,3	63	100
1844	29	33,0	15	17,0	16	18,2	8	9,1	20	22,7	88	100
1850	24	22,8	26	24,8	31	29,5	7	6,7	17	16,2	105	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (дети «обер-офицеров»); 3) дети канцелярских, или приказных, служителей; 4) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 5) прочие социальные группы, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

Таблица 2

Возрастной состав чиновников городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	До 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		Свыше 50 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	1	1,6	24	37,5	21	32,8	14	21,9	4	6,2	64	100
1826	0	0,0	23	36,5	24	38,1	8	12,7	8	12,7	63	100
1844	0	0,0	19	24,0	21	26,6	18	22,8	21	26,6	79	100
1850	0	0,0	26	25,0	25	24,1	30	28,8	23	22,1	104	100

В табл. 2 представлен возрастной состав служащих городской полиции северных губерний. Чтобы информация за разные годы была сопоставимой, в подсчеты включены данные только о чиновниках (канцелярские чиновники, попавшие в групповые формулярные списки за 1803 и 1844 гг., не учитывались). В первой четверти XIX в. состав служащих был довольно молодым. В начале века 70% чиновников были в возрасте от 21 до 40 лет; средний возраст составлял 35 лет. К 1826 г. удельный вес лиц не старше 40 лет превысил 74%, а средний возраст равнялся 36,5. Эти показатели в целом соответствуют общим тенденциям в динамике возрастного состава гражданских служащих северных губерний. Но если в отношении иных учреждений это свидетельствует о произошедшей к 1826 г. «смене поколений» служащих (когда молодое поколение сменило лиц, заполнивших присутственные места в ходе губернской реформы 1775 г.), то в случае с городской полицией этот тезис будет справедлив лишь применительно к тем, кто изначально выстраивал свою карьеру в гражданских учреждениях. Бывшие военные приходили в городскую полицию уже в зрелом возрасте, что заметно отразилось на общей статистике, особенно к середине века, когда в целом по местным учреждениям наблюдалось омоложение состава и наметилась очередная смена поколений [59. С. 348; 60. С. 28]. Однако возрастной состав служащих городской полиции в 1844–1850 гг. отражает иную тенденцию: 50–53% чиновников относились к категории от 31 до 50 лет,

а доля лиц старше 50 лет составляла 22–26%; средний возраст достиг 40–41 года.

Если рассматривать состав служащих по каждой из губерний, то обнаруживаются различия в показателях. Так, средний возраст служащих архангельских городских полиций в первой четверти XIX в. составлял 34 года, в 1844 г. – 40, в 1850 г. – 43; вологодских – 36, 40 и 41 соответственно. Эти данные можно признать сопоставимыми и не противоречащими общей динамике. По Олонецкой губернии наблюдалась иная картина, отражающая проблемы с кадровым обеспечением. В 1803 г., когда при открытии губернии учреждения удалось укомплектовать, средний возраст равнялся 35 годам. В 1810–1820-е гг. присутственные места функционировали в условиях острой нехватки канцелярских служителей, и в материалах по учету чиновничества за 1826 г. по всем городническим правлениям насчитывалось только 6 чиновников – все они занимали должности городничих, а их средний возраст составлял 46 лет. К середине XIX в. кадровое обеспечение олонечких учреждений заметно улучшилось (этому способствовал целый комплекс мероприятий, в том числе введение преимуществ по службе [49], численность полицейских чиновников возросла в несколько раз, наметилось постепенное омоложение их состава (средний возраст в 1844 г. равнялся 43 годам, в 1850 г. – 40).

Еще раз отметим, что при подсчетах среднего возраста не учитывались сведения о канцелярских служи-

телях, которые в основной своей массе были молодыми людьми, не достигшими 25 лет. В связи с этим и средний возраст работников канцелярии (и чиновников, и нечиновников) составлял 30 лет, в то время как основные полицейские должности занимали более зрелые лица (средний возраст – 40–45 лет).

Как уже стало понятным, к особенностям состава служащих городской полиции следует отнести весомое представительство среди них отставных военных: в 1800-е гг. их удельный вес достигал 50%, в 1826 г. – 40%, в 1844 г. – 43%, в 1850 г. – 28%. Назначение таковых лиц на полицейские должности являлось одним из способов решения кадровой проблемы в провинции, что в особенности было актуально для Европейского Севера. Однако остальная часть чиновников, конечно, начинала карьерный путь с низших канцелярских должностей. Отметим также, что значительная часть служащих полиции не являлась уроженцами изучаемых губерний, причем речь идет не только о назначении сюда отставных военных. Хронический недостаток служащих, в особенности сильно ощущавшийся по Олонецкой и Архангельской губерниям, вынуждал правительство искать способы к заполнению вакантных мест. Часть чиновников была переведена в северные губернии по назначению правительства. Во второй четверти XIX в. на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов. Особую роль в привлечении кадров сыграли указы 1828, 1832, 1839, 1844 гг., устанавливавшие льготы и преимущества для желающих отправиться на службу в северные губернии [49].

Наконец, были и такие лица, которые по своей воле или вопреки ей приезжали в северные губернии и просили о назначении на службу. В частности, перевода в северные губернии искали чиновники, полагавшие, что это будет способствовать их карьерному продвижению. В одних случаях это были лица, надеявшиеся

в условиях кадрового голода северных губерний добиться назначения на более высокие посты, чем те, на которые они могли рассчитывать на своем прежнем месте службы, в других – проштрафившиеся чиновники, понимавшие, что в своей губернии их дальнейшая служба будет затруднена. Также в северные губернии административным порядком высылались лица под надзор полиции, которые в определенных случаях добивались определения на службу (к примеру, служивший в 1844 г. частный пристав Петрозаводского городнического правления И.В. Мазнев). В целом к уроженцам изучаемых губерний в 1800-е гг. относились 42,7% от всех учтенных в групповых формулярных списках служащих городской полиции, в 1826 г. – 60,3%, в 1844 г. – 39,8%, в 1850 г. – 56,2% (по Архангельской губернии эти показатели составляли 37,5, 66,7, 23,1 и 37,0 соответственно; по Вологодской – 44,7, 66,7, 69,4 и 71,7; по Олонецкой – 42,9, 0,0, 14,8 и 33,3).

В первой четверти XIX в. возраст поступления на службу не был законодательно определен, как и установлен срок исчисления действительной службы. В табл. 3 на основе групповых формулярных списков представлены данные о возрасте поступления на службу служащих городской полиции северных губерний. Как видно, практически у каждого третьего чиновника начало карьеры пришлось на самый юный возраст (до 13 лет). После издания указа от 14 октября 1827 г., установившего нижнюю возрастную границу поступления на службу в 14 лет [30. С. 896], в канцелярии присутственных мест перестали принимать малолетних лиц. Все чиновники, попавшие в графу «до 13 лет» за 1844 и 1850 гг., начали службу до издания названного указа. Верхних возрастных границ для службы не устанавливалось. Большинство чиновников уходило в отставку тогда, когда физически не могло выполнять свои обязанности. Установлено, что удельный вес лиц старше 50 лет на протяжении изучаемого периода постепенно возрастал: с 6% в начале века до 22% в середине.

Таблица 3

Возраст поступления на службу служащих городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	До 13 лет		14–20 лет		Свыше 20 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	21	30,9	46	67,6	1	1,5	68	100
1826	18	28,6	37	58,7	8	12,7	63	100
1844	14	15,9	61	69,3	13	14,8	88	100
1850	11	10,5	78	74,3	16	15,2	105	100

При исследовании кадрового состава нельзя обойти вниманием уровень образования служащих. На протяжении почти всего изучаемого периода внесение сведений об образовательном уровне в формулярные списки чиновников не являлось обязательным требованием, поэтому при поступлении на службу, как правило, эта информация не предоставлялась. Конечно, в отдельных формулярных списках содержатся упоминания об образовании, но это наблюдается в основном у лиц, посещавших высшие или специальные учебные заведения (такие как горное училище, кадетские корпуса и т.п.), и без уточнения, удалось ли служащему выдержать полный курс обучения. После издания указа от 25 июня 1834 г., связавшего скорость приобрете-

ния чинов с уровнем образования [61], в послужные списки стали вносить сведения о высшем и среднем образовании. Однако незаконченное среднее и низшее образование, не оказывавшие влияния на приобретение чинов и замещение должностей, по-прежнему не отмечались. Лишь в 1849 г. в законодательстве было закреплено требование об обязательном упоминании в формулярном списке сведений об образовательном уровне служащего (если служащий не посещал никаких учебных заведений, делалась пометка, что он получил домашнее воспитание) [62. С. 160–161]. В связи с изложенным получить наиболее полные и достоверные сведения относительно уровня образования представляется возможным только на середину XIX в.

По данным табл. 4, удельный вес лиц, посещавших высшие учебные заведения и имевших аттестат о законченном среднем образовании (гимназии, семинарии, кадетские корпуса, благородные пансионы), составлял 16,2% по всем губерниям. В то же время доля служащих, получивших домашнее и низшее образование, достигала 64,7%. Следует предположить, что в предшествующие десятилетия, когда уровень образования не был связан с чинопроизводством, последний пока-

затель был гораздо выше. Представленные в табл. 4 показатели, как и результаты исследования по другим местным учреждениям Европейского Севера России [59. С. 352–356; 60. С. 30–31], свидетельствуют, что в первой половине XIX в. при общем дефиците квалифицированных кадров для большинства чиновников служебные перспективы определялись не уровнем профессиональной подготовки, а сословным происхождением, опытом службы и личными качествами.

Таблица 4

Образовательный уровень служащих городской полиции северных губерний России в 1850 г.

Губерния	Домашнее образование		Низшее образование (законченное, незаконченное)		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее образование (законченное, незаконченное)		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Архангельская	13	48,1	5	18,6	6	22,2	3	11,1	0	0,0	27	100
Вологодская	10	16,7	28	46,7	13	21,7	8	13,3	1	1,6	60	100
Олонецкая	8	44,4	4	22,2	1	5,6	5	27,8	0	0,0	18	100
Всего	31	29,5	37	35,2	20	19,1	16	15,2	1	1,0	105	100

Подводя итог, отметим, что в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. организация деятельности городской полиции в северных губерниях России представляла собой непростую задачу для центрального правительства. Мысль о том, что полицейское управление для всех городов должно быть «в общем плане единообразное, а в пространстве его для каждого особенное и с местным положением согласное», поддерживалась верховной властью на протяжении всего изучаемого периода, однако воплотить ее в жизнь едва ли удалось даже к середине XIX в.

Главной проблемой, непосредственно влиявшей на состав и численность городской полиции, являлось ее финансовое обеспечение, требовавшее согласования казенных издержек с расходами и доходами городов, несшими основную нагрузку по организации деятельности полицейских команд. Стремление к экономии государственных расходов и бедность большинства северных городов отодвигали на второй план идею о соразмерности полицейского аппарата территории и численности населения городов. В таких условиях правительство избрало путь разработки особых штатов только для крупных городов, к которым в изучаемых губерниях относились Архангельск, Вологда, Великий Устюг, позднее – Петрозаводск, а для прочих предлагало единое унифицированное расписание.

Выявленные в ходе исследования документы позволили установить, что к концу 1780-х гг. общая численность служащих городской полиции на Европейском Севере России составляла 170 человек, но уже к началу XIX в. в целях экономии казенных средств она была сокращена до 90 человек, что на практике оказалось явно недостаточным для нормального функциониро-

вания учреждений; особенно ощутимым был недостаток канцелярских служащих. Пересмотр штатных расписаний и увеличение казенных ассигнований на содержание городской полиции во второй четверти XIX в. позволили несколько увеличить численность служащих, которая к середине века достигла 128 человек. На состав полицейских чиновников влияли, с одной стороны, принципы комплектования изучаемых учреждений, а с другой – специфика северных губерний. На основные полицейские должности правительство предпочитало назначать отставных военных (их доля в составе служащих варьировала от 28 до 50%), среди которых был высок удельный вес дворян, а также встречались выходцы из других сословий, в том числе податных. В то же время на канцелярских должностях в основном состояли представители духовенства, обер-офицерские дети и дети приказных служащих. Служебные перспективы определялись сословным происхождением, опытом службы и личными качествами, а не уровнем профессиональной подготовки, который и к середине XIX в. для большинства чиновников оставался крайне низким.

В первой четверти XIX в. городская полиция, как и другие местные учреждения северных губерний, функционировала в условиях хронической нехватки служащих, в особенности сильно ощущавшейся по Олонецкой и Архангельской губерниям, что вынуждало правительство изыскивать способы к заполнению многочисленных вакансий. Заметного улучшения кадрового обеспечения удалось добиться лишь во второй четверти XIX в. благодаря изменениям в организации городского полицейского управления, а также комплексу мероприятий, направленных на привлечение служащих из других губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. СПб. : СПбУ МВД России, 2018. 1860 с.
2. Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2000. 249 с.
3. Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 238 с.
4. Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 181 с.

5. Евтехов Р.А. Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2017. 237 с.
6. Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Рязань, 2012. С. 168–176.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Оп. 12. Д. 134.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б.
9. Городские поселения в Российской империи. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. Т. 1. XVI, 466 с.
10. Городские поселения в Российской империи. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1863. Т. 3. VIII, 684 с.
11. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г. : в 45 т.] (ПСЗ–I). СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 20. № 14392.
12. Устав Благочиния, или Полицейский от 8 апреля 1782 г. // ПСЗ–I. Т. 21. № 15379.
13. О ежегодном отпускном сумми по содержанию полиции в городах Ярославле, Вологде и Архангельске : указ от 17 марта 1783 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 21. № 15689.
14. Об учреждении управы благочиния в городе Великом Устюге : указ от 17 марта 1786 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 22. № 16353.
15. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 326.
16. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 41.
17. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1799 г. Д. 41.
18. Общий свод штатов наместничеств и губерний в царствование государыни императрицы Екатерины II // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 17494.
19. Об устройстве градских полиций в губернских городах : указ от 31 мая 1799 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 25. № 18985.
20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 а.
21. О средствах к исправлению полиции в городах : указ от 24 октября 1803 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 27. № 21007.
22. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб. : Тип. МВД, 1872. VI, IV, 238 с.
23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 б.
24. Высочайше утвержденный штат Вологодской полиции от 25 июля 1807 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 22992.
25. Общий штат уездных присутственных мест // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 24985.
26. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 406.
27. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 165.
28. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2539.
29. Об определении смотрителей острогов из полицейских чиновников : указ от 10 августа 1820 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 37. № 28375.
30. О канцелярских служителях гражданского ведомства : указ от 14 октября 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. : в 55 т.] (ПСЗ–II). СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 2. № 1469.
31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-1.
32. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-29.
33. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-7.
34. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1832 г. Д. 175.
35. Об устройстве полиции и пожарной части, и о доходах и расходах в городе Вологде : указ от 24 апреля 1829 г. // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 4. № 2841.
36. О добавочных суммах на подведомственные Министерству внутренних дел места : указ от 28 февраля 1835 г. // ПСЗ–II. СПб., 1836. Т. 10, отд. 1. № 7910.
37. О добавочных суммах на содержание канцелярий гражданских губернаторов, губернских правлений и городских полиций : указ от 29 мая 1836 г. // ПСЗ–II. СПб., 1837. Т. 11. № 9240.
38. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 494.
39. О переименованиях начальников городских полиций : указ от 9 июня 1847 г. // ПСЗ–II. СПб., 1848. Т. 22, отд. 1. № 21305.
40. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 514. Ч. 2.
41. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6972.
42. Высочайше утвержденный штат Архангельской полиции от 7 ноября 1844 г. // ПСЗ–II. СПб., 1845. Т. 19, отд. 2. № 18411.
43. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3751.
44. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1059.
45. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1806 г. Д. 37.
46. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 129.
47. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1748.
48. О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами : указ от 5 мая 1816 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 33. № 26255.
49. Плех О.А. Привлечение кадров на службу в российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера) // История федерализма в России : к 100-летию образования автономной Башкирской республики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 2 ноября 2018 г. / отв. ред. Н.С. Мысляева. Стерлитамак : Стерлитамак. филиал БашГУ, 2018. С. 131–142.
50. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803 г. Д. 54.
51. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1807 г. Д. 26.
52. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 113.
53. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 133.
54. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 470. Ч. 2.
55. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 473. Ч. 3.
56. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 149.
57. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7771.
58. Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 1 (56), вып. 9. С. 73–79.
59. Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 с.
60. Плех О.А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 15–52.
61. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе от 25 июня 1834 г. // ПСЗ–II. СПб., 1835. Т. 9, отд. 1. № 7224.
62. О форме послужного списка для гражданских лиц : указ от 16 июля 1849 г. // ПСЗ–II. СПб., 1861. Т. 24, отд. 2. № 23401.

Olesya A. Plekh, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: plekh@mail.ru

CITY POLICE STAFFING IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY

Keywords: staff, city police, officialdom, civil service, European North of Russia.

The article deals with number and composition of city police of the three provinces of the European North of Russia (Arkhangelsk, Vologda and Olonets) in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century. The study is based on published normative legal acts and archival documentation. During the examination of city police staff composition a significant amount of formulary lists for the Northern provinces in the 1800s, 1826, 1844 and 1850, stored in the Fund 1349 of the State Archive of the Russian Federation was examined.

The materials presented in the article made it possible to reveal that in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century there was no unified scheme of organization of the city police. The establishment of these institutions was a long and uneven process, influenced on the one hand by the state's desire to organize a police departments that would meet the challenges and needs of urban citizens, and on the other hand it had to be fulfilled by means of resources and capacities of the cities themselves, which often were very limited.

When regulating the size and composition of the city police, the government sought to keep balance between bureaucratic interests and needs of urban citizens. Special staff lists for police were developed for cities, the rest communities received unified staff lists. Archival documents reveal that by the end of the 1780s total amount of city police employees was 170 people, but by the beginning of the XIX century it was reduced to an amount of 90 people, which in practice was clearly insufficient for regular functioning. A revision of staff schedules and the increase in state allocations in the second quarter of the nineteenth century allowed to increase slightly a number of employees, which by the middle of the century reached 128 people.

The composition of police officials was influenced by the principles of recruitment of the studied institutions and the specifics of the northern Russian provinces. The government preferred to appoint retired militaries on main positions of police departments, and among them there was a high proportion of nobles, although there were police employees who came from different estates, including those who were obliged to pay taxes. At the same time bureaucratic positions were mainly filled in by clergy and “hereditary” officials (children of personal nobles and civil service officials). During the studied period for majority of officials their career prospects were shaped by their origins, experience and personal qualities rather than by the level of education.

In the last quarter of XVIII – first quarter of the XIX century city police, like other local institutions of northern Russian provinces, functioned in the conditions of a constant lack of officials. During the second quarter of the XIX century a significant improvement in police staffing was achieved, but still a scarcity in qualified personnel continued during the mid-XIX century.

REFERENCES

1. Nizhnik, N.S. (ed.) (2018) *Rossiyskaya politiya: tri veka sluzheniya Otechestvu* [Russian police: three centuries of service to the Fatherland]. St. Petersburg: St. Petersburg Ministry of Interior of the Russian Federation.
2. Lazareva, O.V. (2000) *Provintsial'naya politiya v kontse XVIII – nachale XX v. (po materialam Penzenskoy gubernii)* [Provincial police in the late 18th – early 20th centuries (a case study of Penza province)]. History Cand. Diss. Saransk.
3. Sedunov, A.V. (2003) *Pskovskaya gorodskaya politiya v XVIII – nachale XX vv.* [The Pskov city police in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Chernova, I.V. (2005) *Tomskaya gorodskaya politiya v kontse XVIII – nachale XX vv.* [The Tomsk city police in the late 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Evtekhov, R.A. (2017) *Verkhneudinskaya gorodskaya politiya v sisteme administrativno-upravlencheskogo apparata Zabaykal'ya: stanovlenie i razvitiye v XVIII – nachale XX v.* [The Verkhneudinsk city police in the system of the administrative and managerial apparatus of Transbaikalia: the formation and development in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
6. Golubinskiy, A.A., Khitrov, D.A. & Chernenko, D.A. (2012) *Gorodskoe zemlepol'zovanie na Evropeyskom Severe Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Urban land use in the European North of Russia in the late 18th – the first half of the 19th centuries]. In: Shveykovskaya, E.N. (ed.) *Aktual'nye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya* [Topical problems of the agrarian history of Eastern Europe in the 10th – 21st centuries: sources and methods of research]. Ryazan: [s.n.], pp. 168–176.
7. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 134.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1290. List 1. File 1 b.
9. Russia. (1860) *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
10. Russia. (1863) *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: K. Vulf.
11. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 20. № 14392. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
12. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. № 15379. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
13. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. № 15689. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
14. Russia. (1830d) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 22. № 16353. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
15. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 326.
16. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 41.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 41.
18. Russia. (1830e) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 17494. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
19. Russia. (1830f) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 25. № 18985. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 32 a.
21. Russia. (1830g) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 27. № 21007. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
22. Anuchin, E. (1872) *Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii s “Uchrezhdeniya o guberniyakh” 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia from the “Institution of Provinces” in 1775 to the last time]. St. Petersburg: Ministry of Interior.

23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 32 b.
24. Russia. (1830h) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 22992. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
25. Russia. (1830i) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 24985. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
26. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 406.
27. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 165.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 2539.
29. Russia. (1830j) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 37. № 28375. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
30. Russia. (1830k) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. № 1469. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-1.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-29.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-7.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 5. File 175.
35. Russia. (1830l) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4. № 2841. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
36. Russia. (1836a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10. № 7910. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
37. Russia. (1836b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 11. № 9240. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
38. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 494.
39. Russia. (1844) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 22. № 21305. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 514.
41. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 6972.
42. Russia. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 19. № 18411. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
43. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 3751.
44. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 14. List 1. File 1059.
45. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 37.
46. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 129.
47. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 1748.
48. Russia. (1830m) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. № 26255. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
49. Plekh, O.A. (2018) Privlechenie kadrov na sluzhbu v rossiyskoy provintsii v pervoy polovine XIX v. (na materialakh Evropeyskogo Severa) [Attracting personnel to serve in the Russian provinces in the first half of the 19th century (a case study of the European North)]. In: Myslyaeva, N.S. (ed.) *Istoriya federalizma v Rossii : k 100-letiyu obrazovaniya avtonomnoy Bashkirskoy respubliki* [History of federalism in Russia: to the 100th anniversary of the formation of the autonomous Bashkir Republic]. Sterlitamak: Sterlitama Branch of BashSU. pp. 131–142.
50. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 54.
51. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 26.
52. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 113.
53. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 133.
54. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 470.
55. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 473.
56. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 149.
57. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 7771.
58. Ivanov, V.A. (2009) Sotsial'nyy sostav mestnogo zvena apparata upravleniya Rossii serediny XIX veka kak otrazhenie politiki pravitel'stva v oblasti formirovaniya chinovnichestva [The social composition of the local level of the administrative apparatus of Russia in the middle of the 19th century as a reflection of government policy in the field of bureaucracy formation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*. 1(56). pp. 73–79.
59. Plekh, O.A. (2016) *Mestnoe upravlenie v Vologodskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka* [Local government in Vologda province in the first half of the 19th century]. History Cand. Diss. Moscow.
60. Plekh, O.A. (2019) Zemskaya politsiya v severnykh guberniyakh Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX v.: chislennost' i sostav [Zemstvo police in the northern provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century: the number and composition]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. 3(1). pp. 15–52.
61. Russia. (1835) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 35(9). № 7224. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
62. Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 24. № 23401. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.

УДК 949(47) 072
DOI: 10.17223/19988613/75/9

Н.Л. Семенова

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ)

На основе комплекса делопроизводственных архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, изучены основные социокультурные характеристики корпуса оренбургских гражданских губернаторов. Сделаны выводы о кадровой политике императора Николая I во второй четверти XIX в. Сложившаяся в Оренбургской губернии административная практика свидетельствует, что ее губернаторский корпус соответствовал общероссийским показателям.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, гражданский губернатор, кадровая политика, император

В современной историографии утвердилось мнение, что вторая четверть XIX в. в истории России – это время дальнейшей централизации управления на всех уровнях с повышением личной роли императора в разработке и принятии решений [1. С. 194]. Вся бюрократическая система должна была действовать, по мысли Николая I, стройно и дисциплинированно, как хорошая армия, которая представлялась ему идеальным образцом для устройства всего общества [2. С. 138–139].

Кадровая политика Николая I, по мнению ученых, сложилась под влиянием идеологии событий 14 декабря 1825 г.: император «делал ставку на военных, надеясь найти в них четких исполнителей своей воли, людей слова и присяги» [3. С. 93]. Наиболее ярко стремление к военизации государственного аппарата проявилось в провинции [1. С. 200]. По подсчетам П.А. Зайончковского, на 1 января 1853 г. из 58 губернаторов 30 (51,7%) были генералами [4. С. 150].

Во второй четверти XIX в. усилились требования к губернатору как «хозяину» губернии: центральная власть стала обращать внимание на уровень образования и компетентность главных начальников губерний, имущественное положение и личные интересы [3. С. 106]. Документы и воспоминания современников позволяют сделать вывод, что в кадровых вопросах Николай I руководствовался не личными симпатиями и антипатиями, а «служебной пригодностью начального состава» [5. С. 181]. Вместе с тем ряд выводов отечественной историографии о губернаторской власти нуждается в уточнении, например тезисы о том, что «во главе губерний оказывались далеко не лучшие представители российского дворянства», «среди высшей губернской бюрократии второй четверти XIX в. умные, образованные, способные администраторы были редкостью», «правительство не находило нужным постоянно становиться на их сторону» [1. С. 40–41].

Целью данной статьи является попытка рассмотреть кадровую политику российского правительства во второй четверти XIX в. на примере оренбургских гражданских губернаторов.

Для изучения этого вопроса важное значение имеет анализ происхождения, образовательного уровня, возрастного состава высшего чиновничества губернии,

а также выяснение основных механизмов и рычагов назначения на должности.

Исследование кадровой политики предполагает использование документов центральных и местных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В Российском государственном историческом архиве отложились материалы делопроизводства административных учреждений (фондов Департамента общих дел МВД, Департамента исполнительной полиции, Совета министров, Канцелярии министра внутренних дел), которые позволяют выявить условия функционирования системы губернских учреждений. В этих фондах содержатся формулярные списки губернаторов, документы, касающиеся структуры местного управления, механизма принятия кадровых решений, полиции, личного состава учреждений. В региональных архивах (Национальный архив Республики Башкортостан, Государственный архив Оренбургской области) сохранились официальная переписка об увольнении губернаторов со службы, отчеты по управлению губернией.

Во второй четверти XIX в. Оренбургская губерния представляла собой отдаленную юго-восточную окраину Российской империи. В крае были размещены Уральское, Оренбургское казачьи войска, функционировала кантонная система управления башкирским и мишарским населением. Специфика края нашла отражение в системе управления. Во главе Оренбургской губернии находились военный и гражданский губернаторы [6. С. 178]. Военные губернаторы были введены при Павле I в обеих столицах, что обуславливалось их особой важностью, и на окраинах империи, где обстановка была нестабильной, были расположены регулярные и иррегулярные войска и требовался определенный переходный период для инкорпорации окраин в состав империи [7. С. 313–315]. При Александре I официально провозглашается подчинение гражданских губернаторов военным [8]. В Оренбургской губернии военный губернатор также заведовал и гражданской частью губернии [9. Л. 2].

В рассматриваемый период должность военного губернатора Оренбургской губернии занимали генерал от инфантерии П.К. Эссен (1817–1830), генерал-адъютант

тант граф П.П. Сухтелен (1830–1833), генерал-адъютант граф В.А. Перовский (1833–1842), генерал-лейтенант В.А. Обручев (1842–1851); с 1851 по 1857 г. Оренбургским и Самарским генерал-губернатором вновь стал генерал от кавалерии В.А. Перовский.

Оренбургскими гражданскими губернаторами во второй четверти XIX в. являлись действительный статский советник И.Л. Дебу (1827–1832), статский советник Н.В. Жуковский (1832–1835), действительный статский советник А.П. Гевлич (1835–1840), действительный статский советник И.Д. Талызин (1841–1844), статский советник Н.В. Балкашин (1846–1851), статский советник Я.В. Ханьков (1851–1856). Все оренбургские гражданские губернаторы данного периода были дворянами, имели высокие чины статского советника и действительного статского советника, что соответствовало V–IV классам Табели о рангах.

Во второй четверти XIX в. в оренбургском губернаторском корпусе половину составляли бывшие военные: из шести гражданских губернаторов трое (И.Л. Дебу, И.Д. Талызин, Н.В. Балкашин) были переведены на гражданскую службу с военной. Этот показатель (50%) для данного периода был несколько меньше, чем в целом по России. По данным О.В. Моряковой, в 1843 г. среди председательствующих и членов присутственных мест Тамбовской губернии было 82% отставных военных, в Калужской губернии – 68% [1. С. 200]. Данный факт, видимо, можно объяснить тем, что главным начальником Оренбургской губернии являлся все-таки военный губернатор, в ведении которого находились регулярные и иррегулярные войска края, пограничное управление, а гражданский губернатор выполнял задачи управления невоенным населением края в пределах губернии.

Так, действительный статский советник Иосиф Львович Дебу, назначенный в губернию указом Николая I от 7 июля 1827 г., происходил из знатной французской фамилии, известной еще с XIII в. Его отец – Лев Львович Дебу (Louis de Desbout) – знаменитый русский военно-морской врач, который был известен у себя на родине как отличный хирург [10. С. 9]. В 1781 г. по предложению контр-адмирала И.А. Борова, прибывшего со своей эскадрой в Ливорно, Л.Л. Дебу перешел на русскую службу. В 1781 г. вместе с отцом в Петербург прибыл и Иосиф Львович. В 1793 г. он начал военную службу капралом в лейб-гвардии Семеновском полку [11. Л. 68]. С 1810 г. служил на Кавказе, в 1813 г. был назначен командующим бригадой левого фланга Кавказской линии, неоднократно награждался орденами. Расстроенное здоровье не позволило Дебу продолжить военную карьеру, в июне 1826 г. он был определен к статским делам с чином действительного статского советника и получил назначение в Оренбургскую губернию [Там же. Л. 70].

Действительный статский советник Иван Дмитриевич Талызин, назначенный в Оренбургскую губернию по указу от 29 мая 1840 г., также был из отставных военных [12. Л. 3]. Он родился в 1799 г., происходил из дворян Московской губернии. В 1817 г. начал службу подпрапорщиком в Троицком пехотном полку, с 1821 г. – адъютантом у командующего Отдельным

Кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова [Там же]. В 1823 г. Талызин участвовал в боевых действиях в Дагестане, в 1825 г. воевал с чеченцами. Талызин служил у А.П. Ермолова вместе с А.С. Грибоедовым. После отставки генерала в 1827 г. И.Д. Талыzinу было приказано состоять при Главном штабе по военным поселениям. В 1833–1838 гг. И.Д. Талызин возглавил Омское областное правление Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а в декабре 1838 г. утвержден исполняющим должность тобольского губернатора, переведен на гражданскую службу с чином действительного статского советника [Там же]. 17 февраля 1839 г. Талызин был утвержден в должности тобольского губернатора [Там же. Л. 4].

Военная служба губернатора Николая Васильевича Балкашина была связана с Оренбургской губернией. Он происходил из дворян Московской губернии [13. Л. 3]. В 1823 г. окончил Московское учебное заведение для колонновожатых, был произведен прапорщиком в свиту Его императорского величества по квартирмейстерской части. В училище были получены знания в области фортификации, геодезии. В 1823–1824 гг. его командировали в составе военной экспедиции в казахскую степь, в 1825 г. он сопровождал купеческий караван, следовавший из Оренбурга в Бухару [Там же. Л. 3–5]. В январе 1835 г. Балкашина назначили адъютантом к командиру Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанту В.А. Перовскому, в 1840 г. – исправляющим должность командующего Башкиро-мещерякским войском. В феврале 1845 г. Николай Васильевич был переведен на гражданскую службу с чином коллежского советника, 24 апреля назначен саратовским вице-губернатором, а 30 марта 1846 г. – оренбургским гражданским губернатором [Там же. Л. 3].

Опыт военной службы, безусловно, отложил отпечаток на стиль управления этих гражданских губернаторов. Для отставных военных были характерны более решительные и твердые методы руководства, желание «навести порядок», что не всегда встречало поддержку у местного чиновничества, приводило к появлению доносов и конфликтов.

Так, в 1831 г. гражданский губернатор И.Л. Дебу стал жертвой клеветы. Уфимский частный пристав Макеев в октябре 1831 г. сообщил военному губернатору П.П. Сухтелену, что был свидетелем разговора уфимских мещан. Один из них – Стариков – заявлял, что у него есть доказательства, что гражданский губернатор И.Л. Дебу – «вор, разбойник, грабитель и государственный преступник», что дом гражданского губернатора построен из леса, принадлежащего купцу Юдину, который подарил губернатору 200 бревен. Помещик Левашов, по словам А. Старикова, подарил губернатору карету [14. Л. 550–550 об.]. Иосиф Львович представил объяснение военному губернатору, подчеркнув, что «не считает нужным оправдываться против совершенно безумных изветов и ему очень огорчительно, имея за плечами 38-летнюю службу» [15. Л. 16]. Он объяснил, что при строительстве дома купил у купца Юдина бревна по цене 75 коп. за каждое. Карета была взята у помещика Левашова, но на время, отремонтирована им за свои деньги и выкуплена.

Все материалы были отправлены начальнику III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х. Бенкендорфу. Изучив дело, он обратился к Дебу: «...напрасно изволите оскорбляться безымянным доносом... все, что касается Вас, не имеет силы» [15. Л. 16]. По данным Уфимского городского магистрата выяснилось, что главный обвинитель – мещанин А. Стариков – состоит под судом по нескольким делам, известный ябедник, «поведения распутного, всегда в пьянстве, государственных податей не платит в срок, никакой собственности не имеет, занимается только сочинением возмутительных просьб» [Там же. Л. 19]. Комитет министров решил, что поскольку Стариков не может представить доказательств своих обвинений, расценивать его слова как навет на гражданского губернатора и поступить с ним по всей строгости закона [14. Л. 554 об.]. Он был отдан в военную службу с зачетом за рекрута. 8 декабря 1832 г. И.Л. Дебу был пожалован в тайные советники и назначен присутствующим сенатором сначала в петербургском департаменте, а потом – в московском [11. Л. 79]. В донесении департамента полиции была дана следующая характеристика И.Л. Дебу: «...он более пяти лет находится в занимаемой им должности, оказался особо усерден по службе, попечением его и личным настоянием взыскание недоимок производится успешно, движение дел по губернии ускорено», – но ввиду его преклонных лет, слабого здоровья он не может управлять обширной Оренбургской губернией, «что помимо ума требует активной физической деятельности», поэтому может быть переведен на службу в столицу [16. Л. 1].

Гражданский губернатор Иван Дмитриевич Талызин в октябре 1841 г. подвергся доносу, который был подписан именем бугульминского мещанина П. Маслова [17. С. 16]. Как свидетельствуют исследования современного историка Г.Н. Бибикова, еще во время службы Талызина в Сибири в III Отделение неоднократно поступали доносы на его пьяные дебоши, резкое обращение с чиновниками всех ведомств, незаконные увольнения служащих, связи с питейным откупом [Там же. С. 14–15]. В каждом случае начальник седьмого (сибирского) округа Корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг проводил проверку представленных материалов и фактически отводил все подозрения от губернатора, заключая, что поводом для доносов стал конфликт Талызина и уволенных им чиновников. В 1840 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков стал добиваться перевода Талызина с должности тобольского гражданского губернатора. Однако открывшаяся вакансия оренбургского гражданского губернатора и вмешательство военного губернатора генерал-лейтенанта В.А. Перовского, который ходатайствовал за назначение Талызина в Оренбургскую губернию, привели к переводу Талызина и не позволили П.Д. Горчакову предпринять каких-либо решительных шагов [Там же. С. 16].

Приехав в Оренбургскую губернию в 1840 г., Иван Дмитриевич начал действовать так же решительно и жестко: за «упущения по службе» он отстранил от должностей чиновника по особым поручениям Залесова, уфимского полицмейстера штабс-капитана Игнатъ-

ева, ассессора строительной комиссии Иванова, советников губернского правления Ломоносова и Ребелинского, «он начинает неприлично бранить чиновников – одного выгнал из своего дома, другого – вытолкал из дворянского собрания, канцеляристов рвал за уши, низшего класса людей собственноручно наказывал» [18. Л. 296]. Стиль управления И.Д. Талызина отличался от методов прежнего «кабинетного» губернатора А.П. Гевлича. Это и стало причиной конфликта между новым гражданским губернатором и местным чиновничеством и привело к появлению в конце 1841 г. нового доноса. В нем говорилось, что дворяне и чиновники удивлены: «...в нынешний просвещенный век Оренбургский край, такой важный в государственном составе, находится в самовластном управлении» [Там же. Л. 10, 296]. Донос вызвал самую масштабную проверку Оренбургской губернии первой половины XIX в., проведенную под руководством сенатора А.Н. Пешурова. Ее причины, ход, итоги нашли довольно полное отражение в исследованиях [17, 19, 20].

Все материалы по расследованию доноса были сосредоточены в III Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии. А.Х. Бенкендорф, собрав сведения о губернаторе, выделил две группы отзывов. По одним, Талызина отличали открытая ненависть к чужому мнению, самовластье, разгульный образ жизни и недостаточное образование [18. Л. 9]. По другим, новый гражданский губернатор стремился показать свою «благонамеренность»: увеличил поступление ежегодного дохода в казну с 36 тыс. до 170 тыс. рублей за счет проверки правильности содержания казенных оброчных статей, обладал довольно тонким умом, дальновидностью, деятелен, а «недовольные – это лица, которые по прибытии его в губернию пользовались слабым управлением предшественника его и те, кто раньше пользовался несправедливо выгодами взятыми в свое содержание казенных оброчных статей за дешевую цену» [Там же. Л. 11]. Чтобы принять окончательное решение, А.Х. Бенкендорф выступил с предложением направить в Оренбургскую губернию сенатора для производства ревизии.

Ревизия 1842–1843 гг. сенатора А.Н. Пешурова выявила многочисленные беспорядки в делопроизводстве губернских учреждений. Сенатор составил подробнейшую «Записку об открытых при ревизии упущениях в уездных присутственных местах» [19. С. 294]. Но в выводах сенатора не было прямых упреков в адрес И.Д. Талызина. Он писал, что медленное производство дел существовало и до Талызина (были обнаружены дела, производство по которым велось 20 лет). Ревизия показала, что все обвинения против Талызина не имеют никаких оснований, а сам донос – это прежде всего личная месть со стороны недовольных чиновников Оренбургской губернии [18. Л. 369]. Оказалось, что «руководителем партии недовольных» в губернии был подполковник корпуса жандармов в Уфе Краевский [17. С. 18–20].

В марте 1843 г. Комитет министров рассмотрел вопрос о награждении гражданского губернатора И.Д. Талызина, чтобы «вознаградить его за несправедливый донос и восстановить в общем мнении должное

к званию губернатора уважение» [18. Л. 431]. По решению Комитета от 1 мая 1843 г. губернатор был награжден орденом Св. Анны I степени. Сам Иван Дмитриевич Талызин очень тяжело переживал донос. Когда началась ревизия, он заявил сенатору, что «намерен искать для себя другого назначения» [Там же. Л. 342]. Пешуров был категорически против отставки губернатора, чтобы лишить возможности доносчиков менять начальников губернии по своему произволу. Он считал, что не стоит подвергать губернатора дальнейшим «неприятностям», поскольку они могут стать «убийственными». А.Н. Пешуров оказался прав: Талызин не дождался решения Сената по итогам ревизии, указ об этом был принят 19 декабря 1844 г. Он умер в Уфе 14 мая 1844 г. Жандармский подполковник Краевский был уволен от должности после донесения А.Н. Пешурова в адрес А.Х. Бенкендорфа.

Анализ материалов данных расследований свидетельствует, что центральная власть очень внимательно рассматривала поступающие доносы на должностных лиц, тем более губернаторов. При Николае I вся информация о чиновниках, в том числе жалобы, доносы, сосредоточивались в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии, которое, по наблюдениям А.Н. Бикташевой, стало оказывать серьезное влияние на решение кадровых вопросов. [21. Р. 141]. Как считает историк, во второй четверти XIX в. негласный рутинный надзор жандармских штаб-офицеров над местной администрацией и общественными настроениями пришел на смену гласному, но спорадическому сенаторскому [Там же. Р. 132–143]. Исследователь Г.Н. Бибилов также пришел к выводу, что к концу 30-х гг. XIX в. надзор III Отделения за губернаторским корпусом был плотно встроен в систему государственного управления [17. С. 20.]. Однако его особенностью, по мнению ученого, являлось то, что он не предполагал публичного расследования. В конечном итоге все сведения поступали к монарху, который принимал окончательное решение по всем кадровым вопросам. Император, правительство придавали очень большое значение добросовестности губернаторов, были заинтересованы в проведении негласного расследования, но вместе с тем преследовали неуважительное отношение к губернаторской власти, анонимные доносы и вставляли на сторону руководителей местной администрации.

Во второй четверти XIX в. возросло число оренбургских губернаторов, имеющих высшее образование. Если в первой четверти XIX в. только один из восьми оренбургских гражданских губернаторов имел высшее образование [22. С. 21], то в 20–50-е гг. XIX в. – уже трое губернаторов из шести, т.е. 50%. По данным О.В. Моряковой, только 21,6% российских губернаторов этого периода имели высшее образование [1. С. 194]. Один оренбургский гражданский губернатор (И.Л. Дебу) имел среднее образование (Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус), один – домашнее (Н.В. Жуковский), сведения об образовании И.Д. Талызина в формулярном списке отсутствуют. Повышение образовательного уровня оренбургских гражданских губернаторов стало результатом роста

числа учебных заведений в Российской империи, происшедшего при Александре I.

Среди оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. был даже чиновник, имевший ученую степень – это действительный статский советник Авксентий Павлович Гевлич, назначенный оренбургским гражданским губернатором по указу императора Николая I от 13 апреля 1835 г. [23. Л. 43]. Он происходил из дворян Харьковской губернии, обучался в Харьковском университете (отделение словесности) как своекоштный студент. В 1813 г. получил степень магистра, в 1815 г. – доктора словесности. Как писал в своих памятных записках «Из недавней старины» Иван Степанович Листовский, современник губернатора, чиновник местной палаты гражданского суда, Гевлич – «...человек высокой честности, умный, ученый, но кабинетный, тихий» [24. С. 110]. А некоторые из жителей губернии, по словам Листовского, даже сравнивали гражданского губернатора с «бабой» за его мягкий характер.

В первой трети XIX в. в России происходит становление административной статистики, задача которой состояла в сборе сведений о губерниях и использовании их в практике управления. В 1837 г. И.Л. Дебу, который уже оставил службу в крае, составил и опубликовал топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии, за что получил благодарность императора Николая I [11. Л. 79]. Точность «описания», включающего сведения о населении Оренбургского края, состоянии торговли, промышленности, образовании, объясняется тем, что Иосиф Львович привлекал данные, поступающие в его канцелярию от учреждений губернии [25. С. 4].

Оренбургский гражданский губернатор статский советник Яков Владимирович Ханыков, который стал самым молодым из всех губернаторов второй четверти XIX в. (при назначении ему было 33 года), после окончания в 1835 г. Царскосельского лицея поступил на службу чиновником особых поручений в статистическое отделение Министерства внутренних дел [26. Л. 129–129 об.]. С 1836 г. он служил в оренбургском губернском статистическом комитете. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов в своем письме военному губернатору В.А. Перовскому от 14 апреля 1836 г. по поводу назначения Я.В. Ханыкова в оренбургский статистический комитет писал: «...Сей молодой человек – один из отличнейших воспитанников Царскосельского лицея, который по своим способностям подает надежды. Может быть, он не вполне удовлетворит желанию вашему относительно естественных наук, так как посвятил себя преимущественно изучению истории, наук политических. Но зная его любознательность и трудолюбие, он справится» [27. Л. 1]. Одним из результатов работы Я.В. Ханыкова стала статья «Географическое обозрение Оренбургского края», напечатанная в «Материалах для статистики Российской империи». В 1844 г. Ханыков переехал в столицу, 31 января 1849 г. попечитель императорского Александровского лицея Его Императорское Высочество принц П.Г. Ольденбургский с согласия министра внутренних дел утвердил Я.В. Ханыкова исправляющим должность профессора

лица для преподавания курса делопроизводства по МВД [26. Л. 129–129 об.]. Повышение уровня образования гражданских губернаторов, научно-практическая деятельность по составлению ими статистических описаний вверенной губернии свидетельствовали о появлении в местном управлении «просвещенных чиновников», обладающих необходимым уровнем знаний и стремившихся использовать их в своей практической деятельности.

Важным показателем подготовленности гражданских губернаторов к административной работе и критерием кадровой политики правительства являлось наличие управленческого опыта. Из шести оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. только И.Л. Дебу приступил к исполнению своих обязанностей в губернии сразу после перехода с военной службы. Я.В. Ханыков, хотя и не был прежде губернатором или вице-губернатором, но был хорошо знаком с особенностями края, поскольку долгое время (с 1836 г.) служил под началом военного губернатора В.А. Перовского. Кроме того, в мае 1844 г. Я.В. Ханыков был назначен чиновником особых поручений при МВД. Институт чиновников особых поручений при МВД являлся школой кандидатов в губернаторы. Эти чиновники выполняли поручения, связанные с ревизией губернских правлений, отдельных местных учреждений. Министр внутренних дел присматривался к способностям претендентов и затем ходатайствовал перед императором о назначении того или иного кандидата. Я.В. Ханыков также выполнил ряд поручений: 23 мая 1845 г. он отправился в Ригу для изучения и преобразования городского устройства и хозяйства; 3 февраля 1846 г. вошел в состав двух комитетов по устройству быта лифляндских и эстляндских крестьян. [Там же. Л. 129–130.].

Все остальные губернаторы до назначения в Оренбургскую губернию имели опыт гражданской службы, в том числе управленческий. Статский советник Николай Васильевич Жуковский в марте 1802 г. начал службу губернским регистратором в Челябинском уездном суде, в декабре 1816 г. был назначен в канцелярию сибирского генерал-губернатора. С 1820 г. его служба проходила под руководством сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, который характеризовал Жуковского как чиновника «способного» и «отличного поведения» [28. Л. 3]. После разделения Сибири на два главных управления Н.В. Жуковский был определен управляющим канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири (с 1822 г.), затем – председателем Тобольского губернского правления (1823–1829), с 1824 по 1828 г. он исправлял обязанности тобольского гражданского губернатора. Сенаторы, ревизовавшие Тобольскую губернию, объявили ему благодарность за устройство и порядок, найденный в заведениях приказа общественного призрения губернии [29. Л. 2–3.]. В марте 1829 г. Жуковский направил прошение министру внутренних дел А.А. Закревскому, в котором объяснял, что «...слабость здоровья и семейные обстоятельства не позволяют более оставаться в столь суровом климате в Тобольске» и просил перевести его в «одну из российских губерний» [28. Л. 2].

В карьере Николая Васильевича принял участие и М.М. Сперанский, занимавшийся в то время кодификационной деятельностью в столице. В своем письме министру внутренних дел А.А. Закревскому он вспомнил период совместной службы с Н.В. Жуковским в Сибири, дал высокую оценку деловым качествам Николая Васильевича и просил министра определить чиновника на службу в соответствии с его желанием. Министр внутренних дел доложил Николаю I о поступивших просьбах, но ответ императора был таков: «...более полезным оставить Жуковского в Сибири для определения его со временем в гражданские губернаторы. По известности ему тамошнего края» [Там же. Л. 13–13 об.]. Император изменил свое решение после повторного прошения от Жуковского, в котором он просил «хотя бы на некоторое время определить в одну из российских губерний». 1 августа 1829 г. Николай Васильевич был уволен от должности председателя губернского правления, причислен к МВД «для особых поручений до открытия вакансии», а 30 апреля 1830 г. был «назначен состоять при оренбургском военном губернаторе для употребления по делам гражданским и пограничным» [Там же. Л. 47–47 об.].

А.П. Гевлич к моменту определения на должность оренбургского гражданского губернатора также имел необходимый управленческий опыт. С 1816 г. он служил в канцелярии министра финансов, в государственной комиссии погашения долгов, в департаменте внешней торговли [23. Л. 44]. В 1829 г. в чине статского советника был определен вице-губернатором Астраханской губернии, в 1830–1832 гг. исполнял обязанности астраханского губернатора. В 1832 г. Гевлич был назначен тульским губернатором. В 1833–1835 гг. он исправлял должность статс-секретаря в Государственном Совете по департаменту законов.

Действительный статский советник И.Д. Талызин в декабре 1838 г. стал исправляющим должность тобольского гражданского губернатора, а в 1839 г. утвержден в этой должности [12. Л. 3]. Статский советник Н.В. Балкашин в феврале 1845 г. был переведен на гражданскую службу с чином коллежского советника, в марте был причислен к МВД, а уже 24 апреля 1845 г. по высочайшему указу стал саратовским вице-губернатором. Он прослужил в Саратовской губернии до 30 марта 1846 г., затем получил назначение оренбургским гражданским губернатором и был произведен в чин статского советника [13. Л. 3].

Таким образом, император стремился назначать в Оренбургскую губернию чиновников, имеющих административный опыт или хорошо знакомых со спецификой губернии.

Имущественное положение оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в., восстановленное по формулярным спискам, показывает, что для 50% из них (И.Л. Дебу, Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин) именно служба являлась основным источником доходов. И.Л. Дебу в период службы в Оренбургской губернии по наследству от умершей жены достался деревянный дом недалеко от Уфы. Других сведений об имуществе Дебу не сохранилось. [11. Л. 68]. В отличие от всех гражданских губернаторов, Н.В. Жуковский

был родом из дворян Оренбургской губернии, в г. Челябинске имел небольшой деревянный дом. [28. Л. 3]. Формулярный список И.Д. Талызина свидетельствует о том, что никакого имущества за ним не числилось. Остальная часть оренбургских гражданских губернаторов относилась к категории мелких и средних душевладельцев: у родителей А.П. Гевлича в Сумском уезде было 67 душ крепостных крестьян [23. Л. 43]. У Н.В. Балкашина и его родителей в Ярославской и Тверской губерниях было 300 душ крепостных крестьян, а у жены в деревне Новоселке Оренбургской губернии – 184 душ м. п. крестьян, дом около г. Уфы и 10,5 десятин земли [13. Л. 3]. За отцом Я.В. Ханыкова в Калужской и Тульской губерниях числилось 396 душ крепостных крестьян [26. Л. 129–129 об.]. Материальное положение оренбургских гражданских губернаторов целиком зависело от их службы, которая являлась основным источником доходов.

Возрастной ценз оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. по сравнению с предшествующим периодом изменился незначительно. Если в первой четверти XIX в. шесть из восьми оренбургских гражданских губернаторов вступили в должность в возрасте 31–46 лет (75%), а двое – 55–57 лет [22. С. 21], то во второй четверти XIX в. пятеро губернаторов вступили в должность в возрасте от 33 до 45 лет (83,3%), только И.Л. Дебу к моменту назначения на службу исполнилось 53 года. Данные показатели в целом соответствуют общероссийской статистике, в соответствии с которой к 1825 г. подавляющее большинство российской правящей элиты еще не достигло 50 лет, а средний возраст гражданских губернаторов составлял 46,3 года [3. С. 101]. Историки связывают такое «омоложение» с последствиями войны 1812 г., которая позволила ускорить военную карьеру, а затем перейти высшему офицерству на статскую службу [Там же. С. 102]. Кроме того, особенности географического положения и административного устройства обширной Оренбургской губернии, необходимость частых длительных командировок для осмотра и ревизии присутственных мест предъявляли довольно высокие требования к состоянию здоровья и возрасту чиновников. Поэтому большая часть их них находилась на службе в крае в самом деятельном и работоспособном возрасте.

Более половины оренбургских гражданских губернаторов (67%) занимали свою должность 5 лет и больше, в то время как по России этот показатель был характерен только для 12,6% губернаторов, выполнявших свои обязанности от 5 до 10 лет [1. С. 45]. Двое губернаторов (Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин) находились в должности 3 года. Такая административная стабильность была, по всей видимости, связана с обширностью Оренбургской губернии, ее окраинным положением, довольно сложной системой управления. Требовался большой период для знакомства с делами управления в крае. Гражданские губернаторы покидали Оренбургскую губернию либо в связи с новыми назначениями в другие губернии и центральные учреждения, переходом на военную службу, либо по состоянию здоровья или по причине смерти.

Все оренбургские гражданские губернаторы второй четверти XIX в., за исключением А.П. Гевлича и И.Д. Талызина, были женаты.

Важным рычагом кадровых назначений оренбургских гражданских губернаторов являлась протекция действующего военного губернатора. Так, из шести оренбургских гражданских губернаторов этого времени четверо (Н.В. Жуковский, И.Д. Талызин, Н.В. Балкашин, Я.В. Ханыков) были определены благодаря военным губернаторам П.П. Сухтелену и В.А. Перовскому, которые пользовались расположением императора, а последний был братом министра внутренних дел Л.А. Перовского. Н.В. Жуковский служил под руководством М.М. Сперанского и военного губернатора П.П. Сухтелена, которые дали самые высокие оценки чиновнику. Перевод И.Д. Талызина в Оренбургскую губернию стал результатом ходатайства военного губернатора В.А. Перовского, которому Талызина рекомендовал А.П. Ермолов [17. С. 16]. По поводу службы Н.В. Балкашина во главе Башкиро-мещерякского войска В.А. Перовский писал: «Вы соединяете в себе те качества, которые нужны для возведения башкирского народа на ту степень благосостояния, на которой он стоять может» [19. С. 136]. Статский советник Я.В. Ханыков был приглашен в край также благодаря В.А. Перовскому.

Таким образом, изучение основных социокультурных характеристик оренбургских гражданских губернаторов второй четверти XIX в. позволяет сделать вывод, что они в целом соответствовали основным общероссийским показателям по социальному происхождению, опыту военной службы, возрастному цензу. Отличия были связаны прежде всего с образовательным уровнем, имущественным положением оренбургских гражданских губернаторов, сроком их пребывания в должности, что объяснялось особенностями положения края в составе Российской империи. В кадровых назначениях Николай I отдавал предпочтение чиновникам, знакомым со спецификой края либо ранее служившим в тех губерниях, прежде всего в Сибири, которые имели некоторые черты сходства с Оренбургской губернией (большая территория, наличие казачьих войск). Вопреки распространенному тезису отечественной историографии о том, что бывшие военные, перейдя на гражданскую службу, становились плохими администраторами, не соответствует реальной практике управления в Оренбургской губернии. Архивные материалы позволяют сделать вывод, что из числа военных выходили деятельные, вдумчивые, преданные делу, работоспособные администраторы.

Характеризуя кадровую политику Николая I, следует четко понимать, что ее целью в области местного управления стало усиление власти губернаторов. Центральная власть проводила тщательное расследование доносов на руководителей местной администрации, которое было сосредоточено в III Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии, но стремилась не уронить престиж губернаторской должности и уважение к ней. Стало уделяться больше внимания сбору статистических сведений, необходимых для принятия

управленческих решений. Сделав ставку на проведение реформ в России законным путем, бюрократическими средствами, император придавал важное значение

добросовестности губернаторов, их компетентности, исполнительности, дисциплинированности, послушанию и личной преданности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 272 с.
2. Мироненко С.В. Николай I // Российские самодержцы. 1801–1917. М. : Междунар. отношения, 1993. С. 91–158.
3. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М. : Новый хронограф, 2012. 496 с.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
5. Выскочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 644 с.
6. Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII–первой половине XIX в. Sterlitamak : Ин-т истории, яз. и лит. УНЦ РАН ; Sterlitamak. гос. пед. ин-т., 2001. 197 с.
7. Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А.Д. Градовского : в 9 т. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. С. 299–338.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 26. № 20004.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 418.
10. Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон-Шварца, В.А. Апушкина, Г.К. фон-Шульца. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. IX. 366 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 657.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11742.
13. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 139.
14. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 725.
15. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 69.
16. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 10568.
17. Бибииков Г.Н. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 12–23.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6.
19. Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа : Китап, 2010. 384 с.
20. Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4 (123). С. 46–51.
21. Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. Р. 132–143.
22. Семенова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 10–26.
23. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 452.
24. Листовский И. Из недавней старины // Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 294–312.
25. Дебу И.И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М. : Унив. тип., 1837. 224 с.
26. РГИА. Ф. 472. Оп. 33. Внутр. оп. 138/975. Д. 5.
27. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1.
28. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 480.
29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 111.

Nataliya L. Semenova, Sterlitamak Branch Bashkir State University (Sterlitamak, Russian Federation). E-mail: natalja_leonid@mail.ru
PERSONNEL POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE ORENBURG CIVIL GOVERNORS).

Keywords: the Orenburg region, civil governor, personnel policy, Emperor.

The aim of presented article is to examine the mechanism and motives of appointment and dismissal of civil governors of the Orenburg province at the second quarter of the XIX century. This topic is disclosed on the basis of the study of sociocultural characteristics of six civil governors, such as education, property status, age, managerial experience, marital status, formal and informal criteria of their appointments to the positions and their dismissal. The article is based on official sources from the archives of the Ministry of Internal Affairs (Russian State Historical Archive) the Chancellery of Orenburg military governor (State Archive of the Orenburg region). In this methodological approach, the author relies on the principles and methods of institutional theory and historical sociology. The administrative practice in the Orenburg region at the second quarter of the XIX century showed that civil governors corresponded in their social status, military career, age level to the Russian characteristics in general. The differences were connected with the educational level, the estate of the Orenburg civil governors, period of their ruling and could be explained by peculiarities of the region in the system of the Russian Empire. Preferences were given to the officials who knew the specificity of the region or who worked in the regions, mainly in Siberia, having similar features with the Orenburg region (large territory, availability of Cossack army) and who got high appreciation of the military governor. A military governor as a chief ruler of the Orenburg province had a big impact on the appointment and dismissal of the civil governors. Such a peculiarity of decisions on personnel questions can be explained by a borderline position of the Orenburg province. The goal of the policy of Nicholas I in the field of local government was to strengthen the power of the governor. The central government paid attention not only to legislative regulation, but also to the business and personal qualities of local administration heads, while using the supervisory functions of the Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

REFERENCES

1. Moryakova, O.V. (1998) *Sistema mestnogo upravleniya pri Nikolae I* [The system of local government in the reign of Nicholas I]. Moscow: Moscow University.
2. Mironenko, S.V. (1993) *Rossiyskie samoderzhtsy. 1801–1917* [Russian autocrats]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 91–158.
3. Biktasheva, A.N. (2012) *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoy poloviny XIX v.* [Anthropology of the Power: Kazan Governors in the first half of the 19th century]. Moscow: Novyy khronograf.

4. Zayonchkovskiy, P.A. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th century.]. Moscow: Mysl'.
5. Vyskochkov, L.V. (2001) *Imperator Nikolay I: chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: the Man and the Tsar]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Semenova, N.L. (2001) *Voennoe upravlenie Orenburgskim kraem v kontse XVIII–pervoy polovine XIX v.* [The Military Governance in Orenburg Region in the late 18th – first half of the 19th centuries]. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical University.
7. Gradovskiy, A.D. (1899) *Sobranie sochineniy A.D. Gradovskogo: v 9 t.* [Collected Works by A.D. Gradovsky: in 9 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. pp. 299–338.
8. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 26. № 20004. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
9. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 6. List 1. File 418.
10. Velichko, K.I., Novitsky, V.F., von Schwarz, A.V., Apushkin, V.A. & von Schultz, G. K. (eds) (1912) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 9. St. Petersburg: I.D. Sytin.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 3. File 657.
12. The State Archive of Orenburg Region (GAOO). Fund 6. List 6. File 11742.
13. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 3. File 139.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1263. List 1. File 725.
15. The National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). Fund I - 6. List 1. File 69.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 10568.
17. Bibikov, G.N. (2017) Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and the control over provincial administration: the case of Governor I.D. Talsin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* –Tomsk State University Journal of History. 50. pp. 12–23. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/2
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 27. File 6.
19. Gvozdikova, I.M. (2010) *Grazhdanskoe upravlenie v Orenburgskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. (1801–1855 gg.)* [The Civil Governance in Orenburg province in the first half of the 19th century (1801–1855)]. Ufa: Kitap.
20. Semenova, N.L. (2011) Prichiny senatorskoy revizii Orenburgskoy gubernii 1842–1843 gg. [Reasons for the senatorial inspection of Orenburg province in 1842–1843]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 4(123). pp. 46–51.
21. Biktasheva, A.N. (2015) Gendarmes and the modernization of local rule in Russia (research experience and prospects). *Quaestio Rossica*. 2. pp. 132–143. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2015.2.100
22. Semenova, N.L. (2016) Civilian governors in Orenburg Province: The mechanism and motives of their appointment and dismissal (late 18th – first quarter of 19th century). *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 48(2). pp. 10–26. (In Russian).
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 452.
24. Listovskiy, I.S. (1884) Iz nedavney stariny [Of the recent old times]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 294–312.
25. Debu, I.L. (1837) *Topograficheskoe i statisticheskoe opisanie Orenburgskoy gubernii v nyneshnem ee sostoyanii* [The Topographical and Statistical Description of Orenburg Province in its Present Condition]. Moscow: Moscow University.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 33. File 5.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. File 1.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 480.
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 111.

УДК 93/94(470.64) 084.8
DOI: 10.17223/19988613/75/10

А.И. Тетуев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О 115-Й КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

Анализируются проблемы комплектования личного состава, материально-технического обеспечения, военной подготовки дивизии. Освещаются боевые действия 115-й кавалерийской дивизии в районе Мартыновки. Выявлены потери личного состава и причины ее отступления. Раскрывается боевой путь дивизии в составе других кавалерийских корпусов. Исследована деятельность государственных, муниципальных органов власти, общественных организаций Кабардино-Балкарии и Мартыновского района Ростовской области по сохранению исторической памяти о 115-й кавалерийской дивизии.

Ключевые слова: 115-я кавалерийская дивизия, Кабардино-Балкария, война, мобилизация, память

Исследование истории формирования национальных соединений Северного Кавказа и их участия в Великой Отечественной войне является актуальной проблемой и имеет научно-практическое значение. В этом контексте представляют определенный интерес работы, в которых освещены вопросы создания национальных дивизий в союзных и автономных республиках СССР [1. С. 55–70; 2. С. 62–67], в том числе и 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [3–6]. Ранее нами отмечалось, что в указанных исследованиях не были приняты во внимание архивные документы, что породило субъективные оценки «численности дивизии, ее потерь, а также просчетов командования 51-й армии, приведших к неоправданным потерям» [7. С. 12, 13; 8. С. 55; 9. С. 55, 56].

Художественную версию истории 115-й кавалерийской дивизии дал в своем романе «Сломанная подкова» известный писатель, классик кабардинской литературы А.П. Кешоков [10]. На наш взгляд, автор как участник событий (лейтенант А.П. Кешоков был политруком 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, редактором дивизионной газеты «За Родину!») объективно повествует о событиях, связанных с дивизией, что не устроило партийных функционеров. И по указанию руководителей Кабардино-Балкарского обкома КПСС в 1973 г. состоялось обсуждение романа в Союзе писателей КБАССР, во время которого некоторые писатели, а также бывшие партийные и советские руководители республики подвергли резкой критике содержание романа: «...Слишком много в романе трагического и мало героического, извращается история республики в годы войны, дается субъективная оценка деятельности партийной организации Кабардино-Балкарии» [11]. Тем не менее при обсуждении возобладал здравый смысл, и роману была дана объективная оценка – как произведению, отобразившему реальность [12].

Проблемы формирования и боевые действия горских кавалерийских дивизий кратко рассматриваются в коллективной монографии А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко [13]. Однако авторы не раскрывают факторы, негативно повлиявшие на боевые действия 115-й кавалерийской дивизии.

Анализ имеющейся научной литературы по теме позволяет утверждать, что отсутствуют комплексные исследования истории 115-й Кабардино-Балкарской дивизии с использованием историко-антропологического метода, с учетом просчетов военного руководства, воспоминаний бойцов и очевидцев, а также других факторов в условиях войны. В настоящей статье на основе архивных документов и других источников исследуются проблемы формирования и боевых действий 115-й кавалерийской дивизии.

Создание в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) национальных воинских частей было продиктовано рядом обстоятельств. В начальный период войны в связи с выбытием из строя значительной части личного состава и кадрового корпуса в РККА был дефицит резервов опытных офицеров и младшего командного состава. Другой серьезной проблемой стало то обстоятельство, что призывники из национальных республик слабо владели русским языком, и это негативно влияло на качество их боевой подготовки. В этой связи, а также с учетом предложений партийных и советских органов регионов ГКО СССР постановлением от 13 ноября 1941 г. разрешил ЦК ВКП(б) и Совнарком союзных и автономных республик формирование национальных кавалерийских дивизий [14. Л. 85–85 об.].

Нальчикский комитет обороны 13 ноября 1941 г. создал специальную республиканскую комиссию для решения вопросов комплектования будущей дивизии. Аналогичные комиссии были созданы при райкомах партии. На них возлагалась ответственность за своевременное и качественное выполнение нарядов по формированию подразделений дивизии на добровольной основе [15. Л. 32].

К середине января 1942 г. командование дивизии было полностью укомплектовано: командир полковник А.Ф. Скороход, комиссар Ф.С. Иголкин, начальник политотдела М.Т. Селяев, начальник штаба подполковник М.С. Эхохин, комиссар штаба Д.Д. Картоев, командир 316-го полка И.В. Захаров, комиссар К.Б. Галачиев, командир 297-го полка П.П. Киселев, комиссар Х.Х. Ширинов, командир 278-го полка Я.А. Абодиев, командир 104-го конноартиллерийского полка Т.А. Шанаев,

командир отдельного эскадрона химической защиты К.Н. Керев, командир полуэскадрона связи М.Т. Тхамов, командир комендантского взвода Х.Х. Кумехов.

Нальчикский ГКО, Совнарком республики и областной комитет ВКП(б) регулярно обсуждали вопросы комплектования и учебы воинов дивизии. В соответствии с постановлением Нальчикского комитета обороны для подготовки командного состава 115-й Кабардино-Балкарской дивизии с 1 по 10 декабря 1941 г. в Нальчике были проведены сборы командно-политического состава запаса (командиров эскадронов, командиров взводов и политруков эскадронов) [15. Л. 75]. В постановлении Бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) от 5 марта 1942 г. указывалось на необходимость обеспечения дивизии лошадьми и обмундированием: «В целях скорейшего формирования 115-й кавдивизии обязать под личную ответственность первых секретарей райкомов ВКП(б) провести к 5 марта 1942 г. отбор вполне годных для армии лошадей, подготовить бурки, шапки, башлыки и кинжалы. Были распределены задания по выпуску к 25 марта седел: Наркомлегпром – 500, Наркомместпром – 200 и Промсовет – 50. Было поручено т. Манякину разместить по предприятиям и обеспечить выпуск 4 500 ватных венгерок не позже 25 марта 1942 г., а также разрешен выпуск предприятиями управления легкой промышленности для дивизии сапог облегченного типа на полуваляной подошве в количестве 2 600 пар к 25 марта 1942 г. ...» [15. Л. 3; 16. Л. 3].

Что касается численного состава дивизии, то здесь в литературе имеются расхождения. По Т.М. Катанчиеву, С.И. Аккиевой, Х.-М.А. Сабанчиеву, численность дивизии составляла 5 500 человек [4. С. 9; 17. С. 9]. Согласно архивным документам Полевого управления Северо-Кавказского фронта численность 115-й кавалерийской дивизии по состоянию на 25 июня 1942 г. составляла 4 508 человек, в том числе кабардинцев – 2 919, русских – 680, балкарцев – 568, других национальностей – 341 [18. Л. 226]. Если исходить из количества заказанного обмундирования, то вторая цифра выглядит более убедительной.

В пригороде Нальчика, в Долинске, разместились эскадроны связи и химической защиты, штаб дивизии, комендантский взвод, интендантская и санитарная службы, политотдел, дивизионная партийная комиссия, редакция газеты «За Родину!». Кавалерийские полки были размещены в селах Нартан – 278-й (Нальчикский), Баксан – 297-й (Баксанский), Кахун – 316-й (Урванский).

Период формирования дивизии продолжался приблизительно пять месяцев. Около 90% личного состава дивизии ранее не служили в армии. В местах размещения бойцы дивизии обучались военному делу, но отсутствие соответствующего вооружения значительно снижало эффективность и качество боевой учебы.

После проведенного смотра в начале мая 1942 г. инспекциями Северо-Кавказского военного округа и кавалерии РККА 115-я кавалерийская дивизия вошла в состав Красной Армии. 21 мая 1942 г. дивизия железнодорожным транспортом прибыла на место дислокации и заняла оборону на Южном берегу Дона

на участке Манычская–Ольгинская. Здесь личный состав дивизии получил вооружение. При этом М.С. Эхохин, начальник штаба дивизии, отмечал: «К моменту выступления на фронт хотя дивизия и получила все виды боевого оружия, но все еще далеко не полностью, так, например, полностью отсутствовала зенитная батарея, не хватало 25% 76 мм и 5 мм орудий, 35% станковых пулеметов и 45% ручных пулеметов. С таким комплектом дивизия вступила в бой 17 мая 1942 г.» [19. Л. 11; 9. С. 55].

25 мая 1942 г. 115-я Кабардино-Балкарская и 110-я Калмыцкая кавалерийские дивизии вошли в состав Отдельного кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора Б.Н. Погребова [9. С. 56].

Для выполнения задач, поставленных директивой Ставки от 19 мая 1942 г. Северо-Кавказскому фронту (командующий – С.М. Буденный), на 51-ю армию возлагалась оборона южного берега р. Дон от Верхне-Курмоярской до Азова. В то же время в состав 51-й армии были переданы 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, дислоцированная в районе Сусатского, Федулова, и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия – в районе Манычской, Батайска.

С 14 по 18 июля 1942 г. 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия прошла своим ходом 320 км, сосредоточилась в лесу северо-восточнее Сухо-Соленого и занялась разведкой и строительством обороны. Вечером 25 июля по приказу командира Б.А. Погребова части 115-й кавдивизии вновь снялись по тревоге с оборонительного рубежа, совершив марш в 110 км, сосредоточились в районе сел Большая Мартыновка, Батлаевская, Денисовский и заняли оборону по южному берегу реки Сал. Перед дивизией ставилась задача – быть готовыми к отражению наступающего противника, который удерживал позиции в двух-трех километрах от обороны 115-й кавдивизии в районе Несмеяновки, Новоселовки, Кургана Лысого и хутора Карпянки.

В конце июля и начале августа 1942 г. 115-я кавалерийская дивизия отразила несколько атак противника и 28 июля заняла оборону на рубеже Мартыновка–Арбузов–Батлаевская и овладела высотой южнее Крепянки, сдержав атаку 18 танков противника. В своих воспоминаниях С.М. Черкесов, комсорг 316-го кавалерийского полка, отмечает: «Командующий Северо-Кавказским фронтом 28 июля отдал приказ: “Силам левофланговых частей 51-й армии (302-я стрелковая, 115-я кавалерийская дивизия, 135-я и 155-я танковые бригады) нанести контрудар в направлении на Николаевскую, Константиновскую”. Время атаки было назначено на 7-00 29 июля. Но сосредоточение частей, которые должны были участвовать в наступлении, еще не было закончено. Не полностью подошла 135-я танковая бригада, не вышла на исходное положение 302-я стрелковая дивизия. Однако командованием было решено закончить все приготовления и, не ожидая подхода остальных частей, перейти в наступление. Вместе с тем в изменение предыдущего приказа командование вывело из Большой Мартыновки 278-й кавалерийский полк и направило в Арбузово. За несколько минут до начала наступления в Большую Мартыновку ворвались танки противника и, смяв подразделения и

штаб, обезглавили управление войсками групп, отдельные части попали во вражеское окружение» [5. С. 44, 45].

В докладе командования 115-й кавалерийской дивизией, направленном Военному совету 51-й армии, указывается: «Всего в ходе боев с 26 июля по 14 августа 1942 г., по неполным данным, дивизия и приданные ей части нанесли противнику следующий урон: уничтожено 64 танка, 37 автомашин, до трех полков пехоты, 15 минометов. Несмотря на исключительные трудные условия боев, огромный перевес противника в живой силе и особенно технике, личный состав дивизии бился с фашистами стойко, мужественно, не жалея свои силы для выполнения боевого приказа командования. Особенно в боях показали себя отважными командиры и комиссары полков. Из всех командиров и комиссаров в строю остался только майор Я.А. Абодиев. Из всех командиров, их заместителей и политруков строевых подразделений осталось лишь 6 человек, остальные убиты или ранены» [20. Л. 36–46].

«Огромное численное превосходство как в живой силе, так и в технике, несмотря на упорство обороны, сделали свое дело – дивизия была, конечно, но как боевая единица перестала существовать. Возникает сам по себе вопрос, и он у нас всегда возникал, правильно ли мы были использованы? Надо ли было бросать дивизию против бронированного кулака, ведь мы все-таки кавалерийская? Мартыновка оказалась не по нашей вине мышеловкой для дивизии, благодаря чему дивизия потеряла значительную часть личного состава, коней и материально-техническую часть, – писал в своих воспоминаниях начальник штаба М.С. Эхонин. – В этом, безусловно, вина командира корпуса и его штаба, которые, не имея самой должной разведки и не поставив задачи нам на разведку, поставили дивизию и 155-ю танковую бригаду под удар» [19. Л. 41, 50].

В боях за Мартыновку 29 июля 1942 г. погибли командир корпуса генерал-майор Б.Н. Погребов, начальник штаба подполковник К.П. Панасюк. После боев организованно из окружения вышли 369 человек, а оставшиеся в живых пробивались, как могли, и к Сталинграду, и на юг. Потери 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии составили 3 019 человек, т.е. 67%. Проведенный нами анализ указанных потерь показал: число погибших – 877, утонувших – 1, раненых – 846, живых – 5, пропавших без вести – 1 142, попавших в плен – 5, эвакуированных – 8. Не удалось пока выяснить судьбу 135 человек. Полагаем, что они попали в плен [7. С. 13; 8. С. 58; 9. С. 56].

Трагическая судьба 115-й кавалерийской дивизии, ставшая одним из эпизодов Великой Отечественной войны, существенным образом повлияла на общественно-политическую ситуацию в КБР, явилась одной из причин эскалации напряженности в республике. По нашим подсчетам, из 1 142 пропавших без вести около 700 человек дезертировали из дивизии и вернулись в республику. По данным УФСБ РФ по КБР и МВД РФ по КБР, из 1 142 бойцов 115-й кавалерийской дивизии, числившихся пропавшими без вести, 214 человек оказались живы и впоследствии были осуждены за дезертирство, в их числе 135 кабардинцев, 69 балкарцев, 10 русских [21. Л. 1–308]. Институт гуманитарных ис-

следований КБНЦ РАН в период переиздания «Книги Памяти КБР» указанный список потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии направил в Управление Федеральной службы безопасности РФ по Кабардино-Балкарской Республике и Министерство внутренних дел РФ по Кабардино-Балкарской Республике для выявления лиц, привлеченных к уголовной ответственности за дезертирство, коллаборационизм [Там же].

В своем дневнике начальник штаба 115-й кавалерийской дивизии подполковник М.С. Эхонин писал: «Особенно было досадно, когда 4 августа мы, группа людей, которые в это время назывались «отряд 115-й кавалерийской дивизии», – 80 чел. пеших и около 50 конных – с одним ручным пулеметом, без единого станкового пулемета и не имея ни одной пушки, занимая Ново-Сальск, видели, как в 3 км от нас к северному берегу р. Сал в течение 2 суток проходили непрерывной вереницей тылы противника, подтягивались к Сталинграду автомашины, повозки...» [19. Л. 27, 41].

Командующий 51-й армией генерал Н.И. Труфанов, отмечая большие потери 115-й кавалерийской дивизии, в то же время писал: «Несмотря на недостаточное обеспечение противотанковыми средствами, полки 115-й кавалерийской дивизии отбили несколько атак противника. Воины не испугались грохота танков и рева вражеских самолетов и героически защищали каждую пядь донской калмыцкой земли. Под натиском значительно превосходящих сил врага дивизия была вынуждена отходить, но это отступление дорого обошлось фашистам. Путь кавалерийской дивизии от Ростова до Сарпинских озер был усеян разгромленной вражеской техникой и трупами оккупантов» [3. С. 11].

Продвигавшиеся на Кавказ части 40-го танкового и 52-го армейского корпусов, выйдя к Манычу, отрезали упорно оборонявшиеся части 51-й армии от остальных частей Северо-Кавказского фронта. В связи с этим на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 30 июля 1942 г. 51-я армия в целях удобства управления и питания была передана в состав Сталинградского фронта и исключена из состава войск Северо-Кавказского фронта.

Выполняя приказ командования 51-й армии, подвижные группы 115-й кавдивизии 22 августа 1942 г. сосредоточились в районе населенного пункта Цаган-Нур в Калмыкии, прикрывая левый фланг 51-й армии.

В соответствии с приказом войск 51-й армии от 15 октября 1942 г. из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус». Истребительно-противотанковый дивизион под командованием капитана Г.В. Гериева в составе 4-го кавалерийского полка (командир – генерал-лейтенант Т.Т. Шапкин) принимал участие в Сталинградской битве [7. С. 13]. В наступательных операциях конца 1942 г. и начала 1943 г. 4-й кавалерийский корпус понес значительные потери в живой силе и технике. В связи с этим в апреле 1943 г. 4-й кавалерийский корпус был расформирован, а его личный состав передан в 7-й гвардейский кавалерийский корпус, который только что с большими потерями вышел из Дебаль-

цовского рейда. При передаче корпуса не были сохранены структуры частей и подразделений корпуса. Личный состав отдельного истребительного противотанкового дивизиона был распределен по дивизиям 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Бывшие воины 115-й кавалерийской дивизии в составе 7-го гвардейского кавалерийского корпуса принимали участие в освобождении Украины, Белоруссии, Польши, Берлина. Многие командиры и бойцы дивизии за мужество и героизм в боях за Родину были награждены орденами и медалями [5. С. 113–115, 120, 121].

Обращение к истории 115-й кавалерийской дивизии имеет большое значение в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне. Переиздана Книга Памяти Кабардино-Балкарской Республики в 4 томах. В нее включены имена 38 046 воинов – уроженцев республики, погибших в годы Великой Отечественной войны, в том числе и потери 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [22]. В память о 115-й кавалерийской дивизии возведен скульптурно-архитектурный комплекс в г. Нарткале, а также конный монумент в г. Нальчике, запечатлевший трагическую минуту в жизни безымянного всадника с обнаженной шашкой в руке, нападающего на фашистский танк. По инициативе Беслана Гуляжинова (ответственный секретарь Региональной общественной организации «Союз ветеранов Группы войск в Германии» по КБР) в апреле 2017 г. на территории Кахунской средней школы № 1 Урванского района КБР, где размещался 316-й полк (один из трех полков 115-й кавдивизии), посадили березовую рощу. В мероприятии приняли участие внуки и правнуки бывшего командира 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии Антона Филипповича Скорохода [23].

Помнят о погибших героях, бойцах 115-й дивизии, и в Мартыновском районе Ростовской области. Узы памяти стали основой дружбы жителей КБР и Мартыновского района. Сложились особые человеческие отношения, которые носят не только официальный характер (Мартыновский район Ростовской области и Терский район КБР являются побратимами). С 1966 г. стало традицией проведение ежегодных встреч жителей двух регионов, приуроченных к памятным датам Великой Отечественной войны, объединяющим посылом которых являются воспоминания об общей борьбе отцов и дедов, о мужестве, самоотверженности, героизме лучших своих сынов.

Важную работу по увековечению памяти героев провели участники конного и автомотопоходов, проведенных в 1966 и 1968 гг. по инициативе Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ по местам боев 115-й кавалерийской дивизии в Ростовской области, Калмыкии и Волгограде. Ветераны 115-й кавдивизии встречались с жителями Большой Мартыновки и Ново-Николаевки, которые трогательно заботились о раненых, ухаживали за ними, рискуя своей жизнью, прятали у себя в домах. Участники походов выявили новые имена и обстоятельства гибели воинов, в местах захоронения установили памятники. Очевидец боев в Большой Мартыновке Н. Матюшенко рассказывает: «В уличных боях был ранен политрук Х.П. Озов. Товарищи

оставили его в доме А.С. Ситниковой. Вскоре в дом пришли женщины и дети. Они предложили ему сменить военное обмундирование на гражданскую одежду, обещали укрыть от немцев. Но политрук был неумолим. «Уж если умирать, то, – сказал он, – так, как подобает советскому офицеру» [3. С. 220–230]. Далее Н. Матюшенко отмечал: «...Увидев немецких солдат, вошедших во двор дома, Х.П. Озов, собрав последние силы, стал расстреливать их в упор с автомата. В самом доме взорвалось несколько немецких гранат. Чтобы не попасть в руки врага живым, Х.П. Озов выстрелом из пистолета покончил с собой. А.С. Ситникова и ее соседи похоронили политрука во дворе. Его фамилию и адрес узнали из личных документов. Впоследствии нашлись родные Х.П. Озова. Решением исполкома Мартыновского сельского Совета останки политрука были перенесены в братскую могилу в парке им. Красных партизан, имя его внесено в список павших в боях за свободу и независимость нашей родины» [Там же. С. 231–232].

Заслуживает особого внимания опыт работы администрации, учреждений образования и общественных организаций Мартыновского района по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны. Поисковики Мартыновского района Ростовской области под руководством Александра Мартынова сумели восстановить личности 522 погибших воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, их имена высечены на памятниках хуторов Ново-Николаевка, Московский и других сел района [7. С. 18]. В Большой Мартыновке возведен мемориальный комплекс на том месте, где покоятся останки участников войны из данного населенного пункта и бойцов 115-й кавдивизии. Память о героях, наших земляках, увековечена в названиях улиц, школ. Так, в Большой Мартыновке есть улица Кабардино-Балкарская и переулок Х. Озова. В хуторе Московский школа носит имя 115-й Кабардино-Балкарской дивизии. В музее Большой Мартыновки выставлены экспонаты и документы, свидетельствующие о подвигах бойцов 115-й кавдивизии, а также картины, письма, фотографии, солдатское обмундирование, пробитые осколками каски, винтовки, гильзы от снарядов [24. С. 3; 25. С. 10; 26. С. 3]. Ценный опыт работы по увековечению памяти погибших при защите Отечества, способствующий патриотическому воспитанию молодежи, накоплен в региональной общественной организации «Союз ветеранов Группы войск в Германии» по КБР. По инициативе ответственного секретаря Б. Гуляжинова в 2010, 2013, 2017 гг. были организованы автопробеги по местам боевых действий 115-й кавалерийской дивизии. Делегации из Кабардино-Балкарии встречались с жителями населенных пунктов и учащимися школ Мартыновского района; воспоминаниями о подвигах прославленной дивизии, о вкладе ее воинов в разгром врага озаглавлены эти встречи. На территориях памятников, возведенных воинам 115-й кавдивизии в селах Мартыновского района, и мемориального комплекса Большой Мартыновки растут туи, голубые ели из КБР. В знак дружбы между жителями КБР и Мартыновского района флаги Ростовской области и Кабардино-Балкарской Республики

в июле 2012 г. были водружены на вершине горы Эльбрус [24. С. 3; 25. С. 10; 26. С. 2; 27. С. 3].

В 2015 г. на Мартыновскую землю почтить память земляков прибыла официальная делегация Кабардино-Балкарской Республики, в ее составе – представители руководства, участники конного перехода, а также группа ветеранов и родственников погибших воинов из Баксанского и Зольского районов. Делегация приняла участие в праздновании Первомая, который совпал с 80-летним юбилеем образования Мартыновского района, а также в памятных мероприятиях, приуроченных к 70-летию Великой Победы [26. С. 2].

Таким образом, историческая память о 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии нашла отражение в многочисленных источниках, в названиях улиц, экспозициях краеведческих музеев, произведениях литературы. Изданы Книга Памяти Кабардино-Балкарской Республики, сборники воспоминаний воинов 115-й кавалерийской дивизии, возведены памятники и мемориалы. Консолидирующим посылом людей разных поколений является память о Великой Отечественной войне, обращение к которой способствует сохранению связи новых поколений с погибшими в годы войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очиров У.Б. Формирование 110-й и 111-й калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 гг.: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 55–70.
2. Убушаев В.Б., Шарапова Е.П. О создании национальных дивизий в составе Красной Армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2016. № 1. С. 62–67.
3. Хатукаев А.Т. Славой овеянные : боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик : Эльбрус, 1985. 240 с.
4. Катанчиев Т.М. Правда о дивизии : к истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик : Эльфа, 1999. 220 с.
5. В огне закаленные : о боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии / ред. кол.: К.Н. Кереев, Т.М. Катанчиев, С.М. Черкесов, Х.Х. Гатаев. Нальчик : Эльбрус, 1995. 176 с.
6. Хакушев Е.Т. Кабадино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик : Эльбрус, 1978. 318 с.
7. Тетевев А.И. Народы Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: историография, источники // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : (к 70-летию Великой Победы) : сб. ст. Нальчик : КБИГИ, 2015. С. 5–24.
8. Тетевев А.И. Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 54–61.
9. Тетевев А.И. Вклад народов Кабардино-Балкарии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: военный и трудовой подвиг, формирование памяти // Вестник КБИГИ. 2018. № 2 (37). С. 54–64.
10. Кешоков А.П. Сломанная подкова: роман / авториз. пер. с кабардинского Вл. Солоухина. М. : Молодая гвардия, 1973. 528 с.
11. Шортанов А.Т. О романе «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 29 авг.
12. Полторацкий В.В. О людях Кабарды («Сломанная подкова») // Советская Россия. 1973. 25 сент.
13. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М. : Центрполиграф, 2012. 479 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14.
15. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР (УЦДНИ АС). Ф. 26. Оп. 1. Д. 2.
16. УЦДНИ АС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 288.
17. Аккиева С.И., Сабанчиев Х.-М.А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.) : (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа). Нальчик : Эльбрус, 2014. 318 с.
18. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 224. Оп. 76. Д. 52.
19. ЦАМО РФ. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦАМО РФ. Ф. 51-А. Оп. 9837. Д. 55.
21. Список потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии, составленный 15.09.1942 г., направленный в Центральное бюро учета потерь личного состава Красной Армии // ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1890.
22. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика / ред. кол.: К.Ф. Дзамихов (предс.) [и др.]; сост.: О.Л. Опрышко, А.И. Тетевев, Х.А. Атабиев. Нальчик : Эльбрус, 2014. Т. I. 448 с.; 2015. Т. II. 408 с.; Т. III. 424 с.; 2016. Т. IV. 424 с.
23. Гуляжинов Б.Х., Ким Н. По следам подвига // Маяк. 2010. 21 авг.
24. Баранюк Ю. Мемориалы в Кахуне и в Мартыновке // Военный Вестник Юга России. 2013. № 23. 13 июля.
25. «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...» // Военные знания. 2013. № 8.
26. Гуртуев Р.С. Память и слава // Кабардино-Балкарская правда. 2015. 6 мая.
27. Кизарисов Б. Автопробег по местам боевой славы 115-й кавалерийской дивизии // Маяк. 2017. 2 авг.

Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Researches – Filial of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (Nalchik, Russian Federation). E-mail: alim-tetuev@mail.ru

HISTORICAL MEMORY OF THE 115th KABARDINO-BALKARIAN CAVALRY DIVISION

Keywords: 115th cavalry division, Kabardino-Balkaria, war, mobilization, memory.

In this article the problems of formation, combat operations and historical memory of the 115th cavalry division are investigated on the basis of archival documents and other sources.

Special attention is paid to acute and controversial issues such as the prerequisites for the formation and strength of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division as well as its hostilities and losses. The author considers the issues of staff recruitment, logistics, military training of the division, deployment and defense of the southern bank of the Don river and covers the management problems of the 115th Kabardino-Balkarian and 110th Kalmyk cavalry divisions. Despite the courage and heroism shown by the fighters during the battles, the separate regiments of the division were surrounded by enemy troops and suffered significant losses (3019 people were killed, that is 67% of its composition). The author gives the analysis of these losses which shows that the number of dead was 877, drowned – 1, the wounded – 846, the living – 5, missing – 1142, captured – 5, the evacuees – 8. It was revealed that out of 1142 fighters of the 115th cavalry division about 700 people deserted from the division and returned to the republic (214 of them were subsequently convicted of desertion). The fate of 135 people is unknown, but the author believes that they were captured.

Among the main causes of the tragic fate of the division are miscalculations of intelligence and command, insufficient combat training and scarce equipment of the division, superiority of enemy tank and motorized forces and the influence of other factors on a person in a war.

The participation of the disbanded 115th cavalry in the liberation of Ukraine, Belarus, Poland, and Berlin is also being investigated in the article. It is noticed that many commanders and fighters of the division were awarded orders and medals of the country for courage and heroism in the battles.

Special attention is paid to the efforts of state and municipal authorities and public organizations of Kabardino-Balkaria and Martynovskiy district of the Rostov region in perpetuating the memory of fighters and commanders of the 115th cavalry division. As a result of the search work the names of 522 dead soldiers and commanders of the 115th cavalry division were restored. All of them are listed in the memorial stela, built in the settlements of the Martynovskiy district and their names are assigned to schools and streets of the district. There are motor rallies and horse trips to the places of hostilities of the 115th cavalry division, and meetings of children and grandchildren of the cavalry division soldiers with residents and students of schools are regularly held.

REFERENCES

- Ochirov, U.B. (2017) The Formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941 – 1942: Difficulties and Results. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 4(54). pp. 55–70. (In Russian).
- Ubushaev, V.B. & Sharapova, E.P. (2016) O sozdanii natsional'nykh diviziy v sostave Krasnoy Armii v soyuznykh i avtonomnykh respublikakh SSSR v dekabre 1941 g. [On the creation of national divisions as part of the Red Army in the union and autonomous republics of the USSR in December 1941]. *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii DNTs RAN*. 1. pp. 62–67.
- Khatukaev, A.T. (1985) *Slavoy oveyannye : boevoy put' 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizii* [Fanned with glory. The combat route of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division]. Nalchik: El'brus.
- Katanchiev, T.M. (1999) *Pravda o divizii : k istorii 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizii* [The truth about the division. To the history of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division]. Nalchik: El'fa.
- Kerefov, K.N., Katanchiev, T.M., Cherkesov, S.M. & Gataov, Kh.Kh. (eds) (1995) *V ogne zakalennyye : o boevykh delakh voynov 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizii* [Tempered in the fire. On the combat affairs of the soldiers of the 115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division]. Nalchik: El'brus.
- Khakuashev, E.T. (1978) *Kabardino-Balkariya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in 1941–1945]. Nalchik: El'brus.
- Tetuev, A.I. (2005) Narody Kabardino-Balkarii v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: istoriografiya, istochniki [The peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945: historiography, sources]. In: *Edinstvo narodov Sovetskogo Soyuza – vazhneyshiy faktor pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: (k 70-letiyu Velikoy Pobedy)* [The unity of the peoples of the Soviet Union is the most important factor in the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (to the 70th anniversary of the Great Victory)]. Nalchik: KBIGI. pp. 5–24.
- Tetuev, A.I. (2015) Home Historiography on the Participation of the Peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 4. pp. 54–61. (In Russian).
- Tetuev, A.I. (2018) Vklad narodov Kabardino-Balkarii v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: voennyy i trudovoy podvig, formirovanie pamyati [The contribution of the peoples of Kabardino-Balkaria to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945: the military and labor feat, the formation of memory]. *Vestnik KBIGI*. 2(37). pp. 54–64.
- Keshokov, A.P. (1973) *Slomannaya podkova* [A Broken Horseshoe]. Translated from Kabardino-Balkarian by Vl. Soloukhin. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Shortanov, A.T. (1973) O romane “Slomannaya podkova” [About the novel “A Broken Horseshoe”]. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. 29th August.
- Poltoratskiy, V.V. (1973) O lyudyakh Kabardy (“Slomannaya podkova”) [About the people of Kabarda (“A Broken Horseshoe”)]. *Sovetskaya Rossiya*. 25th September.
- Bezugolnyy, A.Yu. Bugay, N.F. & Krinko, E.F. (2012) *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 644. List 1. File 14.
- The Office of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the KBR (UTSDNI AS). Fund 26. List 1. File 2.
- The Office of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the KBR (UTSDNI AS). Fund 1. List 1. File 288.
- Akkieva, S.I. & Sabanchiev, Kh.-M.A. (2014) *Balkarskiy narod v gody voyny i deportatsii (1941–1957 gg.): (k 70-letiyu nasil'stvennogo vyseleniya balkarskogo naroda)* [The Balkar people during the War and deportation (1941–1957) (to the 70th anniversary of the forced eviction of the Balkar people)]. Nalchik: El'brus.
- The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 224. List 76. File 52.
- The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 3624. List 1. File 1890.
- The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 51-A. List 9837. File 55.
- The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). (1942) *Spisok poter' lichnogo sostava 115-y kavaleriyskoy divizii, sostavlenyy 15.09.1942 g., napravlenyy v Tsentral'noe byuro ucheta poter' lichnogo sostava Krasnoy Armii* [The list of personnel losses of the 115th Cavalry Division, compiled on September 15, 1942, sent to the Central Bureau of the Red Army Personnel Losses Registration]. Fund 58. List 818883. File 1890.
- Dzamikhov, K.F., Opryshko, O.L., Tetuev, A.I. & Atabiev, Kh.A. (eds) (2014–2016) *Kniga Pamyati: Rossiyskaya Federatsiya. Kabardino-Balkarskaya Respublika* [The Memory Book: Russian Federation. Kabardino-Balkar Republic]. Nalchik: El'brus.
- Gulyazhinov, B.Kh. & Kim, N. (2010) Po sledam podviga [Following the feat]. *Mayak*. 21st August.
- Baranyuk, Yu. (2013) Memorialy v Kakhune i v Martynovke [Memorials in Kakhun and Martynovka]. *Voennyy Vestnik Yuga Rossii*. 13th July.
- Anon. (2013) “Po dolinam i po vzgor'yam shla diviziya vpered...” [“The division went forward along the valleys and hills ...”]. *Voennyye znaniya*. 8. p. 10.
- Gurtuev, R.S. (2015) Pamyat' i slava [Memory and glory]. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. 6th May.
- Kizarisov, V. (2017) Avtoprobez po mestam boevoy slavy 115-y kavaleriyskoy divizii [A motor rally through the places of military glory of the 115th Cavalry Division]. *Mayak*. 2nd August.

УДК 94(47).083
DOI: 10.17223/19988613/75/11

Д.М. Шиловский, М.В. Шиловский

АЛКОГОЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг. И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ МЕСТНЫХ ЧИНОВНИКОВ

Рассматривается распространение самогонварения, принявшее в сибирской деревне массовый характер накануне и во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Всплеск потребления алкоголя происходит в ходе мобилизации и перевозки призванных из запаса на театр военных действий. Принимают массовый характер грабежи и разгромы винных лавок. Волнения провоцировались началом антиалкогольной кампании, нарушившей традицию проводов мобилизованных, сопровождаемых массовым пьянством. В долгосрочной перспективе затянувшаяся война привела к массовому изготовлению и потреблению самогона и суррогатных спиртных напитков.

Ключевые слова: питейное заведение, самогон, брага, «сухой закон», тайное винокурение, винокуранный «завод»

История производства и потребления алкоголя в России изучена достаточно подробно, рассматривается она преимущественно на основе официальной статистики, которая показывает на умеренное потребление столового вина (по современным понятиям – водки) [1]. Однако официальные данные не включали и не включают результаты кустарного домашнего винокурения, о размерах которого можно только догадываться. Общеизвестно только, что в праздничные дни «низкий показатель потребления казенной водки многократно в это время перекрывался потреблением самогона» [1. С. 1066].

История самогонварения изучена слабо, хотя в период Первой мировой и Гражданской войн, когда на территории империи было запрещена торговля вином, массовое самогонварение стало вопиющим фактом, на который власти были вынуждены реагировать. Авторы настоящей статьи обращаются к роли самогонварения и реакции властей на сей факт в Сибири в период Первой мировой войны.

Традиционно пик потребления спиртных напитков в России приходился на престольные праздники (Рождество, Пасха, Троица, Покров и т.д.). В своих воспоминаниях Г.М. Карнаухов фиксирует: «Пасху праздновали здорово, с размахом, и богатые, и бедные. Самогонка лилась рекой. Все село стонало и орало. Праздничная оргия продолжалась целую неделю. Раны после праздничного разгула и побоищ долго залечивали – примочками, пластырями, травами, мировыми, которые в свою очередь сопровождались пьянкой и скандалами» [2. Л. 101].

Не менее красочную картину праздничного времяпровождения сельской интеллигенции рисует писатель и этнограф А. Е. Новоселов (1910) на примере казачьей станицы около Усть-Каменогорска: «Вместе с зимой пришли традиционные “пельменники”, и тут я познакомился с “интеллигенцией” поселка... “Пельменники” – это просто непрерывный “выпивон” до положения не только риз, но и самого себя тут же за столом или где-нибудь поблизости. Зимой “зажигали” первым пельменником у начальника почтового отделения... Доминирующее положение на закусочном

форту занимает квасной графин, под пробку наполненный водкой, а вокруг него, как около командующего, толпится штаб: рябиновая эссенция, смородиновая на водке и еще несколько – все “для дома”. Так во всем сибирском войске. На Алтае же к продуктам монополии еще прибавлено медовое пиво, и пользуется оно вполне заслуженным почетом. Хорошо, умело приготовленное пиво превосходно на вкус и не слабее водки; впрочем, крепость зависит от количества хмеля и времени выдержки. Двух стаканов выдержанного в закопанном в землю дубовом бочонке напитка вполне достаточно чтобы свалить с ног солидного мужчину» [3. Л. 35].

В Сибири корчемство было распространено среди русских крестьян повсеместно и практически открыто. Нередко крестьяне оказывали сопротивление акцизным чиновникам и полиции, когда власти пытались закрыть незаконное производство. Так, согласно донесению жандармов, 9 февраля 1914 г. в поселке Татьяновском Бобарыкинской волости Томского уезда (120 верст от Томска) крестьяне оказали сопротивление чинам акцизного надзора при конфискации тайного винокурного завода. В присутствии его владельцев «акцизными чиновниками была произведена пробная выгонка “самосядки”; выкурив одну бутылку, они приказали завод разломать, а аппарат доставить в земскую квартиру» где «стали составлять протокол и производить измерение аппарата для определения количества спирта. Вскоре к квартире стал собираться народ... В толпе раздавались голоса: “Забирайте кадки, бейте их”... Изба была окружена крестьянами... и по требованию толпы чиновники отдали крестьянам трубки от завода, выкуранный спирт и составленный протокол, так как все кричали: “отдайте, а то убьем”». В рапорте указывалось, что в поселении насчитывалось 94 двора, в которых проживало 568 человек, и «все население группами от 20–12 человек занимается тайным винокурением» [4. Л. 1–3].

Вялотекущий процесс ускорился после начала Первой мировой войны. Существенные масштабы он приобрел в ходе мобилизации и перевозки призванных из запаса военнотружеников. Беспорядки в сельской

местности и по линии железной дороги происходили с 19 июля до начала августа 1914 г. Донесения губернаторов, чинов жандармерии и полиции напоминали сводки с полей сражений. Так, в станции Зерендинской Кокчетавского уезда Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, потребовавшая отпуска водки. «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная из села Викторовки, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: “Разбивай лавку”. Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так действовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной, и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей» [5. С. 17].

Грабежи винных лавок имели массовый характер. 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов № 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, понапились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19-го Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп, и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам» [6. Л. 2]. В Мариинске 25 июля того же года мобилизованные в количестве 50 человек ворвались в здание городского полицейского управления, избили находившихся там, разгромили помещение, разорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившихся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева, и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды» [7. С. 283–285]. В Кузнецке «переполнившие город мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили дверь казенного винного склада. Началось массовое пьянство» [8. С. 261].

Перечень можно продолжить. Всего по материалам хроники крестьянского движения в четырех сибирских губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) произошло 157 протестных акций мобилизованных. Из них 136 (86,6%) сопровождалось разгромом торговых и винных лавок [9. С. 107–112]. В советской историографии солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания» [10]. «В настоящее время

подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И.А. Еремин и Т.А. Кижаева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня преобладают два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов» [11. С. 231].

Эмоциональную зарисовку проводов призывников в родном селении воспроизвел Г.М. Карнаухов: «Слово “забрили” – самое ненавистное слово. Оно выражает горе и несчастье как для самого призванного, так и для его семьи. Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. “Забритых” призывников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний нынешний денечек

Гуляю с вами, я, друзья,

А завтра рано, чуть светочек,

Заплачет вся моя семья» [12. Л. 16].

С.Ю. Шишкина справедливо, на наш взгляд, рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких» [13. С. 55–56]. Дополнительным раздражителем пьяных дебошей мобилизованных являлся их возраст. На фронт отправляли прежде всего запасных, т.е. ранее отслуживших в армии мужиков от 30 до 40 лет. В августе-сентябре 1914 г. по империи призвали 3 515 тыс. резервистов и ратников ополчения I разряда только в возрасте 40–43 лет, отслуживших действительную срочную службу [14. С. 9.]. Это были взрослые, семейные, малограмотные мужики, периодически употреблявшие алкоголь.

В долгосрочной перспективе затянувшаяся война привела к массовому изготовлению и, соответственно, потреблению самогона и суррогатных спиртных напитков (денатурированный спирт, одеколон). Официальное запрещение торговли крепкими спиртными напитками последовало 19 июля 1914 г. на период мобилизационной кампании. Указом от 22 августа того же года запрещение продажи алкоголя продлевалось до конца войны. Поскольку многие городские думы и сельские общества направляли ходатайства о полном прекращении продажи алкоголя, положениями Совета министров от 27 сентября и 13 октября 1914 г. муниципалитетам, органам общественного сельского управления

и земствам разрешили в полном объеме прекращать торговлю вином и пивом, а также ограничить выдачу спирта в технических и лечебных целях [15].

В связи с этим в Томской губернии управление акцизными сборами закрыло 200 винных лавок. В Иркутске же к 1 октября 1914 г. их участь разделили 64 казенных винных лавки, а 19 декабря местный муниципалитет решил ходатайствовать навсегда прекратить торговлю в городе крепкими напитками, виноградным вином и пивом. Кое-где подобные решение принимали сельские сходы, например в с. Таштыпском Минусинского уезда [16. С. 24–25]. Однако быстро произошло отрезвление. Ситуацию проиллюстрируем на примере г. Енисейска. Согласно запискам секретаря городской думы М.П. Миндаровского, в 1915 г. муниципалитет решил «ходатайствовать о закрытии на городской территории навсегда заведений, торгующих всякого рода напитками, содержащими алкоголь». Но, «такое решение выносить было преждевременно. Народные привычки проявили себя... На смену монополии появились суррогат в виде самогонки, разрушительно действующей на человеческий организм» [17. С. 260].

Введение «сухого закона» преподносилось властями как панацея. «Водка – вот зло, которое всегда порождало в деревнях и городах ряд преступных выступлений, – декларировал акмолинский губернатор А.Н. Неверов в октябре 1914 г. – Лишь только злой напиток был окончательно изъят из обихода деревенской жизни, все просветлело, все успокоилось, все зажило счастливой, радостной, деловой жизнью» [18. Л. 6 об.–7]. В подобных акциях, как водится, властям казалось возможным в кратчайшие сроки административными методами ликвидировать застарелую болезнь. И енисейский губернатор И.В. Хозиков в донесении от 9 октября 1914 г. оптимистично сообщал: «Хотя за последнее время появилась в продаже взамен водки так называемая “самогонка” значительной крепости домашнего приготовления и другие опьяняющие напитки, но для уничтожения этого зла в самом корне мною преподаны полицейским и врачебным чинам губернии соответствующие указания. Мера эта, в связи с наложением мною на виновных в выделке и продаже опьяняющих напитков и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения суровых административных взысканий, на основании изданных обязательных постановлений, полагаю, со временем окончательно уничтожит последние пережитки народного пьянства» [19. Л. 10 об.].

Прекращение продажи крепких спиртных напитков в условиях сложившейся привычки крестьян к алкогольной релаксации способствовало массовому производству самогона. Поэтому с 1915 г. в губернаторских донесениях тема самогонноварения приобретает постоянный и все более озабоченный характер. В частности, томский и.д. губернатора 21 апреля 1915 г. сообщал в МВД: «После состоявшегося запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков в губернии стало замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких масштабах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа суррогатов водочных изделий» [20. Л. 5]. Н.С. Романов примени-

тельно к Иркутску в январе 1915 г. фиксировал: «В бакалейных лавочках прибегают к выделке из денатурированного спирта особой “сибирской” водки под названием “гымырка”» [21. С. 200].

Для интенсификации обозначенного процесса имелись все необходимые условия. В качестве исходного сырья использовалось невостребованное на рынке из-за прекращения экспорта зерно. По подсчетам одного из лидеров сибирских эсеров Е.Е. Колосова, только в Енисейской губернии в рассматриваемое время на изготовление домашнего вина (браги) население ежегодно тратило до 3 млн пудов зерна (48 тыс. т) [22. С. 20]. Совершенствовались технология и материальная база изготовления спиртного. «С начала войны казенная водка перестала существовать, – свидетельствовал Г.М. Карнаухов. – До 17-го года варили пиво. Хмельное. От него пьянели. Пришедшие с фронта солдаты привезли искусство варить самогон. Хлеба было много. Техника (чугунка, горшок, ствол от берданки, корытце со льдом или водой из колодца для охлаждения) постепенно совершенствовалась» [23. Л. 38].

В январе 1915 г. на заимке возле села Стрелковского Енисейского уезда в тайге на месте убийства пристава был обнаружен винокурный «завод», который в протоколе описывался следующим образом: «По тропинке в круче саженях в 50 устроена бревенчатая избушка и в ней две кадки, около 10 ведер в каждой приготовленной браги для гонки вина самосидки и аппарат из кровельного железа, много труб и кадок, все в разобранном виде. Жена убийцы заявила, что чрез два дня началось бы винокурение и что убийца курить начал уже около полгода». Оказавший вооруженное сопротивление с летальным исходом М. Николайчук был «ссылно-каторжным острова Сахалина, по Высочайшему Манифесту приписанный в крестьяне из ссыльных к Маклаковской волости, имеет от роду 37 лет, телосложения крепкого, грамотный, проживает на хуторе около двух лет, получил пособие от казны как хуторянин 125 рублей на заведение хозяйства» [24. Л. 3].

Как менялось отношение иркутян к «сухому закону», можно проследить по дневниковым записям И.И. Серебренникова. 6 августа 1914 г.: «В городе все еще не разрешена продажа спиртных напитков, нет поэтому пьяных на улицах, нет, конечно, и озорства... Запрещение продажи водки – вот в корне решающее вопрос об алкоголизации средство». 19 декабря: «Заседание Думы сегодня затянулось до часа ночи. Рад, что дума постановила возбудить ходатайство о воспрещении в г. Иркутске торговли крепкими напитками, виноградными винами и пивом навсегда... Что-то из этого выйдет?». 30 декабря 1914 г.: «Сегодня Городская дума вновь подтвердила свое постановление от 19 декабря с.г. о воспрещении в г. Иркутске торговли виноградными винами. Губернатором уже отдан приказ об опечатании складов виноградных вин». 23 марта 1915 г.: «Второй день Пасхи... За два дня праздника я не видел на улицах Иркутска ни одного пьяного». 10 апреля 1916 г.: «Праздник Св. Пасхи. На улице как-то сумрачно, холодно. Падает снежок. Гудят колокола. Чаше, чем в прошлом году, встречаешь подвыпивших. Видно, самогонка и маньчжурский пшеничный спирт

не без успеха распространяются по городу» [25. С. 34, 74, 77, 104, 212]. Показательно трагический в этом плане случай произошел в отдаленном Среднеколымске Якутской области, где от употребления одеколona отравились и скончались купеческий сын Н. Бережнов, городской староста Г. Нехорошев и учитель церковно-приходской школы М. Сивцев. В мае 1915 г. они распили два флакона одеколona [26. С. 393].

Несмотря на предпринимаемые правоохранительными органами меры, производство самогона увеличилось. О том, как это выглядело на практике, можно судить по материалам новониколаевской газеты «Алтайское дело» за первые два месяца 1917 г.: 8–9 февраля в ходе облавы на самогонщиков в д. Крутельки Томского уезда у крестьянина Трусова обнаружен «завод», изъято 15 ведер самогонки и около 50 ведер закваски; у крестьянина Тихонова – «завод», 20 ведер самогонки, 50 ведер закваски; Красовского – «завод», 15 ведер самогонки, 20 ведер пива; Габаденко – «завод», 20 ведер самогонки, 60 ведер закваски; Пулятов – «завод», 20 ведер самогонки; Шитько – «завод», 20 ведер самогонки. 3 февраля в д. Березовка Барышевской волости обнаружено 9 самогонных «заводов» и уничтожено 45 бочек и кадок самогона и бражки, «составлено много протоколов, от которых не избежала ни одна семья». В феврале в пос. Кубанском Каинского уезда привлечены к ответственности 20 человек, отобрано 7 винокуранных «заводов». Тогда же в Новониколаевске «обнаружен хорошо оборудованный самогонный завод с приспособлением для очистки самогона. Конфискованная изюмная бражка содержит 21 градус спирта, так что самогон должен получиться содержанием 45 градусов, что является своего рода рекордом. По делу привлечена девица Н.Я. Полещук 21 года» [27].

Образно ситуацию на алкогольно-потребительском рынке Томска в начале 1917 г. в поэтической форме раскрыл анонимный автор в одной из местных газет:

«Самосидку ищет нищий,
И рабочий, и студент...
Ищет как голодной пищи
Адвокат-интеллигент.
Ищут все, и все желают
Воротить золотые дни,
Но никто того не знает,
Что вернутся ли они» [16. С. 53].

По мере распространения нелегального винокурения и активизации борьбы с ним властных структур усиливается противодействие нарушителей «сухого закона» вплоть до применения огнестрельного оружия и убийства полицейских, понятых, десятских и сотских. Так, 4 марта 1915 г., после обнаружения акцизным надсмотрщиком «тайного винокурения в аиле Тайлоп Кондомской волости Кузнецкого уезда инородцами сего аила в числе 20 человек было совершено вооруженное нападение, причем из лиц, сопровождавших надсмотрщика, оказались ранеными полицейский сотский Никита Ермоленко и понятые Василий Зезегов и Егор Лисин» [28. Л. 1]. 25 апреля того же года становой пристав у с. Соколовского Кучеровской волости Канского уезда «обнаружил винокуранный завод на полном ходу. Когда же полицейские чины намерева-

лись приступить к конфискации завода, то находившиеся в это время около завода крестьяне села Соколовского в числе до 8 человек, укрывшись в чаще леса, открыли по полиции стрельбу. Полицейские урядники бросились на стрелявших, которые начали убегать. Когда за двумя убежавшими погнались урядник Галинат и сотский Доброхотов – один из убежавших начал отстреливаться из револьвера, а другой, будучи настигнут, намеревался ударить Галинага топором, но подоспевший сотский Доброхотов ударом ружейного приклада по голове успел его сбить с ног, после чего сдался и бежавший впереди с револьвером» [20. Л. 8]. Согласно донесению томского губернатора «в начале декабря месяца [1916 г.] в деревне Мало-Бобарыкиной той же волости Томского уезда толпой крестьян в числе около 150 человек было совершено нападение на местных полицейских урядника и стражника, прибывших в эту деревню для обнаружения тайного винокурного завода, причем у стражника насильниками отнято было оружие, а самому нанесены побои; в отношении же полицейского урядника толпа ограничилась угрозами избиения» [Там же. Л. 20].

В целом введение «сухого закона» не уменьшило потребления алкоголя. «Стараясь сократить число питейных заведений и уничтожить частную легальную торговлю, – справедливо замечает А.Г. Быкова, – государство фактически способствовало нелегальному производству и продаже спиртных напитков низкого качества. Разрешение продажи спиртных напитков в заведениях трактирного типа создало новые очаги пьянства и разгула. Поэтому данная реформа не принесла ожидаемых результатов в плане снижения пьянства, а еще больше осложнила положение русского населения» [29. С. 264].

Енисейский губернатор Я.Г. Гололобов в мае 1915 г. с большой тревогой доносил в МВД: «...Тайное винокурение приобретает характер все более и более развивающейся злокачественной язвы на народном организме, требующей безотлагательного принятия экстренных мер, дабы не свести к нулю все благодетельные последствия прекращения продажи спиртных напитков. Несмотря на то, что борьба с тайным винокурением ведется наличными и полицейскими властями с полным напряжением сил, несмотря на сотни составленных протоколов, по которым налагаются в силу обязательных постановлений высшие меры взысканий, тайное винокурение продолжает развиваться, уходя в глухую тайгу, где обнаружение тайных заводов почти невозможно... Но существующий состав полиции (напр. в Канском уезде один становой пристав на 80 тыс. жителей, большинство коих принадлежит или к числу ссыльных, или к неосевшему и неустойчивому элементу, каким являются переселенцы – главные распространители «самогонки») оказывается подчас совершенно бессильным, так как сельские власти в лице сельских старост и волостных старшин, из боязни мести со стороны односельчан, в лучшем случае отзываются незнанием мест и лиц, производящих тайное винокурение. На почве открытия таковых заводов в Енисейской губернии за короткое время убит становой пристав в Енисейском уезде, изувечен уряд-

ник в Канском уезде, а также раскрыто несколько убийств и избиений лиц, заподозренных населением в донесении о производстве винокурения; наконец, в минувшем месяце в Канском уезде необходимо отметить случай вооруженного сопротивления чинам полиции при открытии тайного винокурения» [30. Л. 6 об.–7].

Что касается социальной и национальной принадлежности самогонщиков, то, согласно информации высокопоставленных чиновников Енисейской губернии, таковыми являлись переселенцы, ссыльнопоселенцы и те же переселенцы из числа представителей диаспор, прежде всего западных. В донесении вице-губернатора в Департамент полиции МВД от 11 декабря 1915 г. отмечается, что «есть селения, особенно с латышским населением, в коих жители занимаются этим преступным промыслом почти поголовно» [31. Л. 14 об.]. В секретном отношении, датированном апрелем того же года, констатируется: «...Кары, предусмотренные обязательными постановлениями до трех месяцев ареста, недостаточны в сравнении с соблазном, представляемым в виде прибыльного промысла выкурки вина из хлеба, которою занимаются главным образом переселенцы, которые на получаемые от казны ссуды обзаводятся тайными винокурными заводами в глухой тайге, где они почти совершенно ускользают от полицейского надзора, попадаясь лишь при провозе выкурного вина, расцениваемого до 3 рублей за бутылку» [30. Л. 5 об.].

Расписавшись в собственном бессилии, местные власти начали просить правительство ужесточить наказание за самогонование, увеличить штаты полиции, использовать чрезвычайные меры и т.д. Например, енисейский вице-губернатор 11 мая 1915 г., кроме того, предлагал безотлагательно увеличить число полицейских, ввести институт стражников, высылки «занимающихся тайным винокурением в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ». Упомянутый выше чиновник полагал: «Единственной же радикальной мерой пресечения зла тайного винокурения я считаю установление круговой ответственности всего сельского общества за обнаруженные в их пределах заводы, с наложением на все

общество соответствующих штрафов, часть коих шла бы на содержание стражи, а другая часть употреблялась бы на просветительные учреждения в деревне» [Там же. Л. 7 об.].

Среди прочих мер борьбы с тайным винокурением предлагалось «ходатайствовать об усилении для этой цели состава полиции и акцизного надзора, об увеличении вознаграждения за открытие нарушений Акцизного устава, о временном поселении в очагах тайного винокурения чинов акцизного надзора, с привлечением в некоторых случаях для обнаружения винокурения воинских частей и, наконец, о высылке занимающихся тайным винокурением лиц в другие местности распоряжением правительства и по приговорам обществ» [Там же. Л. 16 об.]. Наконец, наиболее эффективным средством борьбы с массовыми проявлениями самогонования местные чиновники считали «ввиду особо дерзкого характера преступления – изъятие дел из общей гражданской подсудности и о передаче таковых военному суду для суждения по законам военного времени» [28. Л. 8 об.; 30. Л. 7–7 об.].

Таким образом, период с конца XIX в. в Сибири характеризуется нарастающим потреблением алкоголя в городе и деревне. Ситуация обостряется с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. Наряду с такими факторами тыловой повседневности, как дороговизна, тотальный дефицит, рост преступности и т.д., поступательно распространяются пьянство и самогонование. Вместе с активизацией нелегальных радикальных формирований в совокупности перечисленные факторы обусловили системный кризис императорской России. Сложившуюся ситуацию и прогноз предстоящего социального катаклизма кузнецкий исправник изложил в рапорте от 4 февраля 1916 г. Перечислив основные элементы кризиса (тайное винокурение, хулиганство, дороговизна, уклонение от воинской службы, сокращение налоговых поступлений), он заявил: «Все это, вместе взятое, создает причины для некоторой части общества враждебно относиться к чинам полиции и высказывать свое предположение о том, что по окончании войны вспыхнет революция и население при помощи возвратившихся запасных расправится с чинами полиции» [32. С. 261].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П., Фалилеев Д.А., Суляк С.Г. Потребление вина в России и Сибири в начале XX века // Былые годы. 2017. Т. 45, вып. 3. С. 1063–1072.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 147.
3. ГАНО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 262.
4. Государственный архив Российской Федерации. Департамент полиции. Особый отдел (ГАРФ. ДП ОО). 1914. Д. 72. Ч. 43.
5. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
6. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 138. Ч. 20.
7. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. 734 с.
8. История Кузбасса. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. Ч. 1, 2. 378 с.
9. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. : хроника и историография. Новосибирск : Наука, 1987. 352 с.
10. Храмов А.А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научных и исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1958. С. 56–73.
11. Еремин И.А., Кизжаева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края. XVII–XX вв. : науч. и документ. материалы. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 225–237.
12. ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146.
13. Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914 год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 54–62.
14. Россия в войнах XX века : стат. исследование. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.

15. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
16. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск : Сиб. ин-т полит. истории, 2013. 385 с.
17. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935. Красноярск : Поликор, 2009. 512 с.
18. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 139. Ч. 1.
19. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1914. Д. 108. Ч. 20.
20. ГАРФ. ДП ОО. 1915. Д. 108. Ч. 77.
21. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924. Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
22. Звягин С.П. Колчак не справился... Белогвардейские власти и тайное винокурение // Сибирская старина. 1996. № 11. С. 19–21.
23. ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144.
24. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 6.
25. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары : дневник 1914–1918 гг. Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
26. Якутия : Хроника. Факты. События. 1613–1917 г. / сост. А.А. Калашников. Якутск : Бичик, 2000. 412 с.
27. Алтайское дело. 1917. 15, 16, 25 февр., 2 марта.
28. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 7.
29. Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в Российской империи XIX – начало XX в. Омск : ОмГУ, 2006. 312 с.
30. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 108. Ч. 20.
31. ГАРФ. ДП ОО. 4-е делопроизводство. 1915. Д. 20. Ч. 1.
32. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 3. 320 с.

Denis M. Shilovskiy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: awlson@gmail.com

Mikhail V. Shilovskiy, Novosibirsk National Research State University; Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ALCOHOL ISSUE IN SIBERIA ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1918) AND ITS PERCEPTION BY THE LOCAL OFFICIALS

Keywords: pub, samogon, home brew, "dry law", illegal alcohol-distillation, wine distillery.

In the article the authors aim at sketching out the situation with the production of home brew in the region during the First World War (1914–1918) and the provincial authorities' ensuing reaction. This task has been completed for the most part by the use of such sources as the governors' reports and accounts found in the fonds of the Special Section of the Police Department of the MVD (Ministry of Internal Affairs) in the State Archive of the Russian Federation. The collected data has been analyzed using the comparative historical and structural-functional methods.

The small-scale process of alcohol abuse became more noticeable during mobilization and transportation of the drafted reservists at the early stage (from July, 19 to the beginning of August, 1914) of the First World War (1914–1918). In the long term, the prolonged war led to the large-scale preparation and, as a consequence, consumption of home brew and surrogate alcohol, produced in amateurish way, especially in the rural areas. On July, 19, 1914 sales of strong alcoholic drinks were officially banned for the period of general mobilization. This ban was extended until the end of the war according to the decree from August, 22 of the same year. On September, 27 and October, 13, 1914 the Council of Ministers authorized the local self-government bodies to ban the wine and beer sales completely. Introducing the "dry law", the local authorities presented it as a panacea. However, the ban of strong drinks sales led to the large-scale production of home brew. As a result, since 1915 the bootlegging had been an issue of constant concern in the governors' reports. In the region, there existed all reasons for the intensification of this process. Peasants used grain that had not been sold in the market due to the suspension of exports as a feedstock. For the construction of wine distilleries, they had all necessary "technological" equipment: heating spirals, metal containers (cauldrons, buckets, water tanks). In spite of the undertaken measures home brew making increased. As the illegal alcohol-distillation spread and counter-measures of authorities became more active the resistance of those who violated dry law also intensified and included even the use of firearms and the killing of the policemen, witnesses, village policemen and constables (*desyatskiye* and *sotskiye*). According to the information from the senior officials of the Yeniseysk province, the majority of bootleggers were from among the exile settlers and resettlers. Acknowledging their own weakness local authorities started to ask the government to increase penalties for home brew and to enlarge the number of police personnel. Officials believed that the most effective tool in suppressing the bootlegging was to refer such cases to the military courts and try them according to wartime laws. The authors believe that the situation with the production and use of moonshine in Siberia worsened with the outbreak of the First World War of 1914–1918. The alcohol issue, along with other factors of internal order and military failures, contributed to the strengthening of the systemic crisis of imperial Russia.

REFERENCES

1. Zinoviev, V.P., Falileev, D.A. & Sulyak, S.G. (2017) Potreblenie vina v Rossii i Sibiri v nachale XX veka [Wine consumption in Russia and Siberia in the early 20th century]. *Bylye gody*. 45(3). pp. 1063–1072.
2. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 147.
3. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 272. List 1. File 262.
4. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 1914. File 72. Part 43.
5. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibiri* [World War I in 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
6. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 1914. File 138. Part 20.
7. Ermolaev, A.N. (2008) *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [The Provincial Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Okladnikov, A.P. (1967) *Istoriya Kuzbassa* [History of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo.
9. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachnyy, A.N. (1987) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1914–1917 gg.: khronika i istoriografiya* [The peasant movement in Siberia in 1914–1917: the chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
10. Khramkov, A.A. (1958) Krest'yanskie volneniya v Tomskoy gubernii v dni vseobshchey mobilizatsii v iyule 1914 g. [The peasant unrest in the Tomsk province during the days of general mobilization in July 1914]. In: *Sbornik nauchnykh i issledovatel'skikh rabot kafedr obshchestvennykh nauk* [The Collection of Research Papers of the Departments of Social Sciences]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 56–73.

11. Eremin, I.A. & Kizhaeva, T.A. (2005) *Altay v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Altai during the First World War (1914–1918)]. In: *Istoriya Altayskogo kraia. XVII–XX vv.* [History of the Altai Territory. The 17th – 20th centuries]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 225–237.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 146.
13. Shishkina, S.Yu. (2000) *Voyna i obshchestvennye nastroyeniya: 1914 god (na materialakh Tobol'skoy gubernii)* [The War and public sentiment: 1914 (based on the materials of Tobolsk province)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. 4. pp. 54–62.
14. Krivosheev, G.V. (ed.) (2001) *Rossiia i SSSR v voynakh XX veka* [Russia and USSR in the wars of the twentieth century]. Moscow: OLMA-PRESS.
15. Pashkov, E.V. (2010) *Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The temperance campaign in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 80–93.
16. Kokoulin, V.G. (2013) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan v voenno-revolutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Everyday life of citizens in the military-revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Siberian Institute of Political History.
17. Mindarovskiy, M.P. (2009) *Eniseysk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo 1891–1935* [Yeniseisk in the notes by Mikhail Prokopyevich Mindarovskiy, 1891–1935]. Krasnoyarsk: Polikor.
18. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1914) File 139. Part 1.
19. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1914) File 108. Part 20.
20. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 108. Part 77.
21. Romanov, N.S. (1994) *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924* [The Irkutsk Chronicle for 1902–1924]. Irkutsk: Vost.-sib. kn. izd-vo.
22. Zvyagin, S.P. (1996) *Kolchak ne spravilsya... Belogvardeyskie vlasti i taynoe vinokurenje* [Kolchak did not cope ... The White Guard authorities and secret distillation]. *Sibirskaya starina*. 11. pp. 19–21.
23. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-75. List 1. File 144.
24. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 6.
25. Serebrennikov, I.I. (2008) *Preterpev sudeb udary: dnevnik 1914–1918 gg.* [Suffering the blows of fate: a diary 1914–1918]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov.
26. Kalashnikov, A.A. (ed.) (2000) *Yakutiya: Khronika. Fakty. Sobytiya. 1613–1917 g.* [Yakutia: Chronicle. Data. Developments. 1613–1917]. Yakutsk: Bichik.
27. *Altayskoe delo*. (1917) 15th February.
28. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 7.
29. Bykova, A.G. (2006) *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie proizvodstva i prodazhi alkogolya v Rossiyskoy imperii XIX – nachalo XX v.* [The state-legal regulation of the production and sale of alcohol in the Russian Empire in the 19th – early 20th century]. Omsk: Omsk State University.
30. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 108. Part 20.
31. The State Archive of the Russian Federation. Police Department. Special Department (GARF. DP OO). 4th records. (1915) File 20. Part 1.
32. Shulga, T.V. (ed.) (2015) *Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoy provintsii v kontekste Pervoy mirovoy voyny* [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the First World War]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327.82

DOI: 10.17223/19988613/75/12

Е.В. Гамерман

УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Проанализированы современные угрозы традиционной военной безопасности в Северо-Восточной Азии. Сделан вывод о том, что данный субрегион является уникальным и что угрозы военной безопасности никуда не исчезли с повестки дня. В число наиболее актуальных и злободневных угроз выделены северокорейская ракетно-ядерная программа, территориальные внутрирегиональные межгосударственные споры, а также многочисленные военные учения, переформатирование вооруженных сил стран региона (и государств-союзников).

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Китай, военная безопасность, угрозы безопасности, «Корейский вопрос», территориальные споры, военные учения, региональная безопасность, США, Россия

В 1990–2000-е гг., в период распада биполярной системы, окончания холодной войны и начала процесса построения нового мирового порядка, стала возникать иллюзия того, что угрозы военной безопасности стали отходить на «второй план», что они остались пережитком прошлого, в том числе века двадцатого, но никак не двадцать первого. Отсюда и появление значительного числа теорий, обосновывающих большую актуальность на данный момент угроз невоенного характера (в частности, теория секьюритизации).

Однако, как показало дальнейшее развитие международных отношений, в особенности во втором десятилетии XXI в., угрозы военной безопасности все еще актуальны и злободневны. И их еще очень рано списывать со счетов.

Ракетно-ядерная программа Корейской Народно-Демократической Республики и угрозы безопасности

Одной из самых острых угроз не только региональной, но и глобальной безопасности является проблема Северной Кореи, а точнее, ядерной и ракетной программы этой страны.

Так называемый Корейский вопрос берет свое начало в 1950-е гг., когда по итогам Корейской войны полуостров был разделен на два государства, по одному в каждом лагере существовавшей биполярной системы международных отношений.

После падения Берлинской стены и исчезновения с политической карты одного из противоборствующих лагерей на повестку дня встал вопрос об интеграции «старых» и «новых» государств из социалистического лагеря в систему международных отношений постбиполярного периода (и трансформации самой системы). Государства Центральной Европы, за исключением Югославии, достаточно безболезненно пережили этот период в силу развитой институциональной среды и политической воли руководителей стран объединяющейся Европы. Однако в остальных регионах мира

никакой плавной интеграции не произошло. Китай смог «вписаться» в новую, трансформирующуюся мир-систему только благодаря своей экономической политике и постепенному превращению в экономического гиганта. КНДР по такому пути пойти не могла даже чисто теоретически. Оставшись без экономической помощи и политической поддержки на международной арене со стороны СССР, в 1990–2000-е гг. Пхеньян постепенно скатился до роли «изгоя» мировой политики и экономического маргинала. По целому ряду экономических показателей Северная Корея опустилась на одни из самых худших позиций в мире. Страна оказалась в ситуации, близкой к гуманитарной катастрофе [1].

В 2011 г. умер лидер КНДР Ким Чен Ир, проводивший в последние годы жизни достаточно умеренную политику. К власти пришел его сын – молодой, тщеславный и амбициозный Ким Чен Ын. Новый правитель решил активизировать попытки решить внутренние и внешние проблемы своей страны. В 2012 г. Северная Корея осуществила космические запуски, войдя в клуб космических держав, нарушив тем самым сразу две резолюции Совета безопасности ООН (2000 и 2009 гг.). Это вызвало всплеск недовольства международного сообщества. А в феврале 2013 г. КНДР успешно провела ядерное испытание (третье в своей истории). В том же году был аннулирован договор о ненападении с Республикой Корея, подписанный в 1953 г. Совет безопасности ООН начал расширять уже имеющиеся санкции против северокорейского режима. Корейский полуостров был вновь поставлен в условия приближающихся военных действий. Однако противодействие международного сообщества несколько не умерило «активность» Ким Чен Ына по созданию ядерного оружия.

В целом можно сказать, что начиная с 2006 г. уровень противостояния и санкционной войны против КНДР все время возрастает. Так, в 2006 г., после первого в истории страны испытания ядерного оружия

Северной Кореей, была принята резолюция СБ ООН № 1718, которая потребовала прекратить испытания и запретила экспорт ряда наименований военной техники. В 2009 г. (после второго испытания) резолюция СБ ООН № 1874 расширила эмбарго на поставки оружия. В 2013 г. последовали резолюции СБ ООН № 2087 и 2094 – о необходимости досмотра всех судов, направляющихся в КНДР (на предмет запрещенных товаров), и ограничениях в отношении денежных переводов в эту страну. А после четвертого ядерного испытания в 2016 г. приняты резолюции № 2270 и 2321 – о запрете экспорта из Северной Кореи золота, серебра, ванадия, титана, редких металлов, угля, меди, никеля, цинка. Однако это не остановило северокорейское руководство, и ядерные испытания продолжились. В сентябре 2017 г. было проведено уже шестое полноценное ядерное испытание и было объявлено о создании в КНДР термоядерного оружия. В августе и сентябре 2017 г. были приняты новые резолюции СБ ООН № 2371 и 2375 – о запрете экспорта из Северной Кореи железа, свинца, морепродуктов, текстиля, газового конденсата, запрещении труда северокорейских граждан в зарубежных странах, а также импорта в Северную Корею нефти и нефтепродуктов и создания совместных предприятий с участием северокорейского капитала. Вводились также санкции отдельных государств – США, Австралии, Японии, Республики Корея, стран ЕС [2].

Однако ситуация с санкциями не выглядит однозначной по своим позитивным последствиям. С одной стороны, по состоянию на 2017 г. 116 из 193 стран – членов ООН не представили свои доклады об осуществлении и исполнении введенных санкций. Это позволяет предположить возможность их соблюдения не всеми государствами либо не столь рьяное их исполнение (руководствуясь принципами экономической выгоды). С другой стороны, за 12 лет санкций стало абсолютно очевидно, что предпринятые меры не наносят особого ущерба ядерной программе КНДР (тем более что лазейки сохранились), но очень серьезно ухудшают положение простых северокорейских граждан, неся в себе угрозы продовольственной, энергетической, миграционной безопасности, поставив страну на грань гуманитарной катастрофы [3].

Ситуация значительно осложнилась с победой Дональда Трампа на президентских выборах в США. Несмотря на то, что руководители двух стран (США и КНДР) – представители разных культур, политических систем, идеологий и даже поколений, политики во многом очень похожи. Оба очень эмоциональны, экспрессивны, непредсказуемы и неуправляемы, слабо поддаются влиянию своего окружения. В 2017 г. между политиками начался обмен оскорблениями личного характера (от «сумасшедшего» до «шизофреника» и угроз начала военных действий в самое ближайшее время с «бряцаньем» оружием и другой атрибутикой). Мир вновь был поставлен на грань ядерной катастрофы, как и в годы холодной войны. Однако война так и не началась. И, судя по всему, пик конфронтационной активности пройден, и ситуация дальше будет развиваться по нисходящей.

В 2017–2018 гг. с осуждением действий Пхеньяна выступили и традиционные сторонники КНДР и режима Чучхэ – Китай и Россия. О приверженности санкциям заявила Россия, реально прекратив трудовую деятельность северокорейских граждан на своей территории и ограничив поставки нефтепродуктов и газоконденсата, однако призвав к решению всех сложных вопросов за столом переговоров. А с 2018 г. реальные действия по исполнению международных обязательств предпринял и Китай. Так, был полностью прекращен экспорт железа, стали, драгоценных металлов, остановлена торговля промышленным оборудованием и транспортными средствами, значительно сокращены поставки нефтепродуктов, минералов, химических товаров и оборудования [4].

Ситуация в экономической, социальной, энергетической, продовольственной сферах стала близкой к критической. Однако можно констатировать, что на начало 2018 г. Северная Корея стала де-факто обладателем ядерного и термоядерного оружия и носителей, способных доставить боеголовки, в том числе и на территорию США. Так, по словам В.В. Путина, «Ким Чен Ын решил свою стратегическую задачу: у него есть ядерный заряд, есть ракета глобальной дальности (до 13 тыс. км), которая может достичь почти любой точки на территории противника. Он показал себя как грамотный и зрелый политик». При этом российский президент призвал к денуклеаризации корейского полуострова посредством диалога [5].

Необходимо констатировать, что данный этап противостояния остался за Пхеньяном. Сколько бы Вашингтон ни угрожал, ни говорил о подготовке к вторжению и ни принимал санкции – КНДР все-таки добилась своей цели.

Сегодня можно говорить о начале следующего этапа конфронтации. В 2018 г. руководитель Северной Кореи резко изменил свою стратегию как по отношению к ближайшим соседям, так и в более глобальном масштабе. Формальным поводом для этого послужило проведение Зимних Олимпийских Игр в Республике Корея (г. Пхёнчхан). Так, в январе 2018 г., неожиданно для всех, Ким Чен Ын выступил с инициативой о совместном выходе на церемонии открытия с командой Южной Кореи под единым флагом (белый, с голубым силуэтом Корейского полуострова). И действительно, две Кореи прошли вместе под единым флагом (впервые за 12 лет) и, кроме того, выставили единую команду двух государств в женском хоккейном турнире, а 22 спортсмена из КНДР получили приглашение от МОК на Олимпиаду сверх квоты. Участие Северной Кореи в ОИ, общий выход под единым флагом, болельщики из этой страны, а также официальная делегация во главе с сестрой северокорейского лидера стали самыми обсуждаемыми событиями Олимпиады, наряду с дисквалификацией российской сборной. Но если в случае с РФ это был негативный информационный повод, то для КНДР – как раз наоборот, позитивный, что стало своеобразной *Soft Power* от Северной Кореи, чуть ли не единственно возможной в сложившейся обстановке. Ким Чен Ын выжал из этого события максимум, ничего не потратив и ничем не поступившись.

Кроме того, было объявлено о желании провести переговоры лидеров двух стран (двух Корей), и данная встреча была намечена на 27 апреля 2018 г. [6].

Ким Чен Ын также объявил о желании встретиться с Президентом США – Дональдом Трампом (историческая встреча произошла 12 июня в Сингапуре). А в конце марта 2018 г. – тоже достаточно неожиданно – лидер Северной Кореи вместе с супругой совершил поездку в Китай, где провел переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином. Эта поездка стала первой зарубежной поездкой Ким Чен Ына с момента его вступления в должность и первым за семь лет визитом главы КНДР в Китай. После этого состоялось еще несколько встреч северокорейского и китайского лидеров [4].

Переговоры двух корейских государств ни к чему существенному не привели, однако позволили обеим сторонам «поставить галочку» о своих попытках объединить два государства и установить мир на полуострове. Также их проведение снизит «накал страстей» в международном сообществе и позволит целому ряду стран не так рьяно соблюдать санкции в отношении Пхеньяна, а то и вовсе от них отказаться.

Также в ближайшее время (1–1,5 года) можно ожидать от Китая или от России (или одновременно от двух государств) международных инициатив по созданию принципиально новых переговорных механизмов по проблеме Северной Кореи как под эгидой ООН, так и со стороны иных межгосударственных механизмов (БРИКС, ШОС). И здесь возможно два сценария. Согласно первому, Пекин и Москва постараются обойти США в этом вопросе, вовлекая только страны региона и, возможно, ЕС. Минус данного развития событий заключается в том, что американо-северокорейский конфликт так и останется вне рамок переговоров и не будет даже попыток его разрешить. Второй путь – Китай и Россия, наоборот, всеми возможными методами попытаются вовлечь Д. Трампа в новые механизмы (используя его слабые стороны – эмоциональность, импульсивность, зачастую нехватку знаний и отсутствие дипломатических талантов), отводя ему при этом второстепенную роль, сохраняя за собой инициативу. В любом случае уровень конфликтности на корейском полуострове будет постепенно снижаться, дойдя в конечном итоге до уровня 2011 г.

И Китай, и Россия будут наращивать свое присутствие в КНДР, и это станет как полем для взаимодействия, так и источником противоречий между ними. Пхеньян же, пользуясь как «малым противостоянием» между Россией и Китаем, так и «большим противостоянием» России и США, КНР и США, будет собирать определенные дивиденды. При этом де-факто ядерный статус КНДР будет сохраняться, несмотря на заявления Путина и Си Цзиньпина о приверженности принцип безъядерного статуса полуострова.

Одним из наиболее интригующих международных событий 2018 г. стала встреча двух лидеров – Дональда Трампа и Ким Чен Ына – в Сингапуре. Изначально эксперты гадали о месте проведения такой встречи – назывались и территории Республики Корея, и города российского Дальнего Востока (Хабаровск и Владиво-

сток), что было бы совсем уж экстравагантно даже для американского президента. В конечном итоге наиболее оптимальным вариантом для обеих сторон стал Сингапур. От этой встречи, имея в виду импульсивность обоих политиков, можно было ожидать чего угодно, вплоть до самых радикальных сценариев. Однако следовало понимать, что американо-северокорейский саммит был сенсацией только в плане самого факта встречи: стороны прекрасно осознавали, к чему им нужно стремиться и чего будет добиваться вторая сторона. США добивались реального свертывания всех ядерных и ракетных программ и начала процесса денуклеаризации северной части полуострова, а Северная Корея – снятия санкций и нахождения формулы реальных гарантий безопасности со стороны Вашингтона и его союзников. При этом вопрос объединения двух Корей вряд ли ставился на сколько-нибудь серьезном уровне. Задачи дипломатов обеих сторон очень непростые, поэтому переговорный процесс будет растянут на несколько лет, что в принципе «на руку» и тем и другим. Однако пока в обозримой перспективе реального компромисса не просматривается. Скорее, все закончится сохранением статус-кво [3].

Территориальные споры в Северо-Восточной Азии

Ситуация в Северо-Восточной Азии осложняется еще и наличием большого числа нерешенных территориальных споров – между Китаем и Японией (острова Сенкаку / Дяоюйдао), между Россией и Японией (острова Южно-Курильской гряды), между Китаем и Республикой Корея, между Республикой Корея и Японией. И компромиссы здесь вряд ли возможны. Учитывая особенности восточноазиатского видения мира и менталитета, негативное отношение большинства стран и народов к Японии, а также настороженность всех акторов региона к усиливающемуся с каждым годом Китаю, мирное разрешение этих споров в ближайшей и среднесрочной перспективе не просматривается, что создает серьезную угрозу региональной безопасности.

Территориальный спор между Китаем и Японией (а также между Тайванем, который тоже претендует на эти территории, и Японией) о принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао). Данный архипелаг расположен в 410 км от префектуры Японии Окинава и в 170 км от Тайваня. Самые крупные острова – Уоцури, Куба, Китако, Минамико, Тайсе (остальные фактически находятся под водой). Общая площадь – 6,3 кв. км. Острова впервые попали под юрисдикцию Японии в 1895 г. в результате японо-китайской войны и Симонсекского мирного договора 1895 г., по которому острова Сенкаку и остров Тайвань отошли Японии. После Второй мировой войны архипелаг до 1972 г. находился под временной юрисдикцией США, после чего был передан Японии. Китай считает данные острова исконно китайскими территориями. Спорные территории богаты рыбными ресурсами и залежами природных ископаемых. В частности, после исследований ООН в конце 1960-х гг. был сделан вывод о наличии запасов нефти и газа (по разным оценкам от 28 до 500 млрд кубометров углеводородов. Разработка

данных залежей может решить проблему энергодефицита Японии или существенно продвинуть решение схожей проблемы Китая. Также архипелаг имеет и очень важное стратегическое значение, так как обладание островами значительно расширяет гражданское и военное судоходство [7].

Впервые и Китай, и Тайвань заявили о своих притязаниях в 1971 г., когда встал вопрос о возвращении американцами данных территорий. В 1978 г., когда между Японией и Китаем был заключен договор о мире, дружбе и сотрудничестве, стороны договорились сохранять статус-кво. В 1992 г., во время визита Цзян Цзэминя в Токио, было принято решение отложить данную повестку на усмотрение будущих поколений. А в 2000-х гг. стороны вообще начали обсуждать возможность совместной разработки месторождений в районе данного архипелага. Однако ситуация резко изменилась в 2012 г. 11 сентября 2012 г. правительство Японии национализировало три острова архипелага — Уоцури, Китако и Минамико, проданные в частные руки еще в 1932 г. В Пекине данные действия были восприняты крайне негативно. По всей стране прокатилась волна антияпонских выступлений, были разгромлены японские магазины, сожжены автомобили. Сторожевые корабли Китая стали постоянно находиться вблизи Сенкаку и периодически совершать заходы в прибрежную зону (от 7 до 28 раз в месяц). В ноябре 2014 г. министерство обороны Китая объявило о создании опознавательной зоны воздушной обороны в Восточно-Китайском море, которая распространяется и на острова Сенкаку. В рамках данного распоряжения было объявлено, что будут предприниматься меры оборонительного характера в отношении любых воздушных судов, находящихся в этой зоне и не отвечающих на запросы или не подчиняющихся приказам (полетный план, заранее направленный в МИД КНР, четкие опознавательные знаки на борту, быстрые ответы на идентификационные запросы). Ситуацию удалось нормализовать только в ноябре 2014 г., когда Си Цзиньпин и Синдзо Абэ смогли достичь соглашения из 4 пунктов, суть которого сводилась к предотвращению сползания к конфликту в острой военной фазе и сохранению статус-кво. Ни о каком преодолении территориального спора речи пока не идет. В 2018 г. китайские корабли вновь начали активно входить в прибрежные воды и приближаться к островам Сенкаку, что вызвало протесты со стороны Токио. Это грозит новым обострением ситуации [Там же].

Еще одна важная проблема, являющаяся непосредственной угрозой военной безопасности в Северо-Восточной Азии, — проблема принадлежности южных Курильских островов, или Проблема северных территорий, как ее называют в Японии. Это территориальный спор между Россией и Японией, который не урегулирован со времен Второй мировой войны. После ее окончания все Курильские острова были включены в состав СССР, однако принадлежность островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оспаривается Японией. Площадь спорных территорий — 5 тыс. кв. км, с 200-мильной экономической зоной. История данного спора началась еще в XIX в., когда 7 февраля 1855 г.

Россия и Япония подписали первый в истории двух стран межгосударственный документ — Симодский трактат о торговле и границах. Граница по нему устанавливалась между островами Итуруп и Уруп. К Японии отходили острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, а остальные признавались российскими владениями. При этом не был урегулирован статус острова Сахалин. В 1875 г. был подписан Петербургский договор, по которому Россия уступала Японии все 18 Курильских островов в обмен на полный контроль над островом Сахалин. А в 1905 г., после подписания Портсмутского мирного договора (по итогам русско-японской войны), Россия уступала Японии и южную часть Сахалина. После капитуляции Японии, 29 января 1946 г., меморандумом № 677 главнокомандующего союзных держав генералом Дугласом Макартуром из территории Японии были исключены Курильские острова. А 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско был заключен мирный договор между союзниками и Японией, согласно которому последняя отказалась от всех территорий, которые получила 5 сентября 1905 г. по Портсмутскому договору. При этом, согласно официальной точке зрения Японии, 4 оспариваемых острова в состав Курильских островов не входили, и от них Страна восходящего солнца не отказывалась. Так как в договор не была внесена поправка о признании суверенитета СССР над Сахалином и Курильскими островами, советская сторона договор не подписала. 19 октября 1956 г. между двумя странами была подписана Московская декларация, которая прекращала состояние войны, восстанавливала дипломатические отношения, а также устанавливала согласие Москвы на передачу Токио островов Шикотан и Хабомаи после заключения мирного договора. Однако, под давлением США Япония отказалась от подписания договора на таких условиях.

СССР на протяжении всего послевоенного периода не признавал наличие территориального спора. И только Михаил Горбачев 18 апреля 1991 г., в ходе визита в Японию, признал наличие территориальной проблемы. В 2004 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в преддверии визита Президента РФ в Токио заявил, что Россия признает Декларацию 1956 г. как существующую и готова вести переговоры о территориальном урегулировании на ее базе. Однако японская сторона на компромисс идти не захотела. Ситуация обострилась в 2009 г., когда премьер-министр Японии Таро Асо в ходе заседания парламента назвал Южные Курилы «незаконно оккупированными территориями», и в том же году парламент этой страны принимает поправки к закону «О специальных мерах по содействию решения вопроса Северных территорий и подобных ему», в которых содержится положение о принадлежности Японии четырех оспариваемых островов. На это последовали протесты от российской стороны. С 1982 г. в Японии 7 февраля проводится День северных территорий. В 2010, 2012 и 2015 гг. Дмитрий Медведев неоднократно посещал спорные острова. В 2011 г. секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев также посетил Южно-курильские острова и провел там совещание, а чуть позже было принято

решение создать на Кунашире и Итурупe два военных городка. В 2017 и 2018 гг. в ходе переговоров Владимир Путин и Синдзо Абэ договариваются о совместной хозяйственной разработке Южно-курильских островов и о приверженности необходимости заключения мирного договора. Стороны пытаются найти компромиссное решение данного вопроса, так как улучшение экономических и политических отношений необходимо обеим странам. Однако какова «дорожная карта» этого процесса на данный момент, не совсем ясно [8].

Еще одним территориальным спором в Северо-Восточной Азии являются разногласия между Японией и Республикой Корея по поводу принадлежности островов Токто. Острова Токто – это два крупных острова (Содо и Тондо) и 35 маленьких островов (скалы) в западной части Японского моря. Площадь островов составляет 180 тыс. кв. км. Постоянное проживание людей на островах практически невозможно без поставок с суши. На данный момент там несут службу 32 сотрудника южнокорейского полицейского отделения и три смотрителя маяка. Недалеко от островов Токто были найдены значительные запасы газогидратов, которых хватит, чтобы полностью удовлетворять потребности всей Республики Корея в течение 30 лет. Помимо этого, акватория вокруг островов богата рыбой и морепродуктами. Острова одновременно относятся и к южнокорейскому уезду Уллын, и к японской префектуре Симанэ [9].

Острова были включены в состав Японии 22 февраля 1905 г., за пять лет до захвата самого Корейского полуострова. После этого острова остались частью префектуры Симанэ, а не корейского генерал-губернаторства. После поражения во Второй Мировой войне одним из условий заключения мирного договора между странами-победительницами и Японией было прекращение японского суверенитета над территориями, объявленными японскими колониями (о чем было сказано выше). Главный аспект, который не находит своего разрешения, заключается в том, прекращен ли суверенитет Японии над островами так же, как и над другими территориями, к числу которых относится Республика Корея. Решение о прекращении суверенитета Японии над территориями колоний было прописано в Инструкции № 667/1 от 29 января 1946 г., изданной от имени Верховного Командования оккупационных союзных сил, однако Сан-Францисский мирный договор (8 сентября 1951 г.) обходит этот пункт стороной. На данный момент острова Токто де-факто находятся под контролем Сеула. Однако это не мешало изданию в Японии серии учебников по географии, где острова были обозначены как территория Японии. Реакция Республики Корея была однозначной: был отозван посол из Токио. Такой же бурной была реакция Японии на посещение островов Президентом Республики Корея Ли Мен Баком 10 августа 2012 г. – был отозван уже посол Японии в Республике Корея.

Республика Корея отказывается идти на какие-либо компромиссы в данном вопросе, выступает против предложений Токио о передаче данного вопроса на рассмотрение ООН. Одним из аргументов, который приводит южнокорейская сторона, является ссылка

на исторические хроники, в которых описывается ряд островов, принадлежавших корейским государствам. Эти острова интерпретируются как современные острова Токто. Контраргументом Японии является утверждение, что эти данные не являются достоверными. Позиция Токио базируется на факте передачи островов по договору 1905 г. или еще более раннему договору 1895 г. Правительством США был издан отдельный документ, в котором сообщалось, что острова являются японской территорией и носят название Такэсима. И именно этот документ стал одним из основных фундаментальных аргументов Страны восходящего солнца, обосновывающим ее права на острова [Там же].

В последнее время обострился спор между Южной Кореей и Китаем за право обладания рифом Иодо, находящимся в Восточно-Китайском море, в 149 км к юго-западу от южнокорейского острова Марадо и в 287 км к северо-востоку от китайского острова Юйшаньдао. Подводная скала Иодо, находящаяся на глубине 4,6 м от морской поверхности, впервые отмечена на морской карте в 1900 г., когда была обнаружена английским торговым судном «Сокотра». Накануне Второй мировой войны Япония собиралась возвести на скале Иодо маяк высотой 35 м и диаметром 15 м, однако с началом войны в Тихом океане японское правительство вынуждено было отказаться от своих планов [10]. В 1951 г. «Корейское общество альпинистов» совместно с южнокорейским военно-морским флотом опустило на риф бронзовую пластину с надписью «Остров Иодо – территория Республики Корея [11]. В 1952 г. правительство Ли Сын Мана приняло Указ Госсовета № 14, согласно которому в Восточно-Китайском море по 32-й параллели устанавливалась так называемая «Линия мира», в результате чего риф Иодо оказался в зоне ответственности Южной Кореи [12]. В 1970 г. правительство Республики Корея приняло Закон об освоении полезных ископаемых на континентальном шельфе, по которому риф Иодо оказался в числе приоритетных зон проведения изысканий природных ресурсов [13]. В 1984 г. южнокорейские ученые-гидрографы начали изучение подводной скалы. Активные научные изыскания южнокорейской стороны вылились в начало строительства в 1995 г. на Иодо универсальной научной морской базы с метеорологической станцией и взлетно-посадочной площадкой для вертолетов. Это вызвало серьезную озабоченность с китайской стороны и привело к возникновению спора между Китаем и Южной Кореей. В процессе строительства морской платформы китайская сторона неоднократно выражала протест, требуя прекратить возведение станции, на что южнокорейские власти отвечали отказом. После окончания строительства морской платформы в 2003 г. военные самолеты КНР стали регулярно совершать облет южнокорейской морской научной базы, а патрульные корабли Китая постоянно направлялись в район Иодо для контроля над исключительной экономической зоной. Во избежание накала обстановки две стороны в 2006 г. провели встречу, в результате которой была достигнута договоренность, что данные скалы не возвышаются над поверхностью воды, а потому и не могут быть объектом территори-

альных споров. Несмотря на это, в том же году представитель МИД КНР Цзин Ган выступил против действий южнокорейской стороны, считая, что Южная Корея не имеет права осуществлять односторонние действия в районе, где еще не установлены границы исключительной экономической зоны между двумя государствами. Пытаясь оказать информационное давление на Южную Корею, Министерство морского транспорта Китая в декабре 2007 г. разместило на своем интернет-ресурсе описание рифа Иодо как части китайской эксклюзивной экономической зоны, а на морских картах Китая Иодо был обозначен как часть морского пространства, контролируемого КНР. Действия китайских властей вызвали незамедлительный протест со стороны правительства Республики Корея [14]. Министерство иностранных дел Китая 12 мая 2009 г. подготовило доклад в ООН, в котором ставился вопрос об установлении границ материкового шельфа в Восточно-Китайском море [15]. В конце 2011 г. китайское руководство заявило о своих планах регулярно осуществлять патрулирование в районе острова Иодо. Кроме того, Китай включил остров Иодо в пределы китайских границ. В ответ на это президент Республики Корея Ли Мён Бак заявил, что остров Иодо навсегда останется под контролем Республики Корея. Осенью 2012 г. Китай выразил намерение контролировать район Иодо с помощью беспилотных летательных аппаратов.

Новый виток конфликта наступает в ноябре 2013 г., когда КНР в одностороннем порядке ввела зону опознавания ПВО в Восточно-Китайском море, куда вошла и подводная скала Иодо. Правительство Южной Кореи сразу же официально уведомило китайское руководство, что не намерено признавать введенную Китаем зону опознавания ПВО КНР. В ответ на действия Китая южнокорейское правительство 8 декабря 2013 г. расширило собственную зону опознавания ПВО Республики Корея, включающую риф Иодо. В попытке усилить свое влияние в районе Иодо в январе 2016 г. директор Управления национальной безопасности Республики Корея Пак Ин Ён представил «План по обеспечению безопасности на море». Согласно этому плану для обеспечения и укрепления безопасности Иодо на дежурство в Восточно-Китайском море с апреля 2016 г. заступает новейший и самый большой (водоизмещением 5 тыс. т) сторожевой корабль «Личхонхо» [16].

Помимо исторических фактов, на которые ссылается Китай, китайская сторона, доказывая свои права на подводный риф, считает, что «остров Иодо» является естественным продолжением континентального шельфа, на который Корея не имеет никаких прав, поскольку Иодо располагается в 200-мильной зоне, подконтрольной Китаю. На подобные заявления китайского руководства южнокорейская сторона утверждает, что при определении континентального шельфа и установлении границ исключительной экономической зоны понятие «естественное продолжение суши» не играет на данный момент решающей роли [17]. Южнокорейская сторона считает, что при решении вопроса принадлежности континентального шельфа в Восточно-Китайском море в целом, и «острова Иодо» в частно-

сти необходимо опираться на правовые международные нормы, а не на данные геологического строения морского дна.

Одним из самых острых, сложных вопросов, создающих угрозу безопасности в Северо-Восточной Азии, является вопрос о статусе Тайваня. Китай претендует на суверенитет над островом Тайвань (кит. 台湾). После победы в гражданской войне коммунистов на остров отступило гоминьдановское правительство Китайской Республики под руководством Чан Кайши. Изначально нейтральная к Тайваню позиция Соединенных Штатов Америки резко изменилась после того, как КНР вмешалась в корейскую войну на стороне КНДР, где США действовали на основе резолюции СБ ООН. Ответные действия США привели к фактической невозможности для КНР захватить Тайвань. КНР рассматривает Тайвань и прилегающие острова как часть единого и неделимого китайского государства. Руководство Китайской Республики (Тайваня) также претендует на суверенитет над всей территорией Китая, хотя в последнее время здесь усиливается движение за то, чтобы объявить Тайвань отдельным государством. Тайвань был официальным представителем Китая в ООН до 1971 г. [18].

В конце 1970-х гг., используя обострение отношений между СССР и США из-за ввода советских войск в Афганистан, Пекин установил дипломатические отношения с США, которые ради этого разорвали официальные отношения с Тайванем, хотя и продолжали оказывать ему экономическую и военную помощь.

В 1992 г. китайское руководство, наладившее отношения с США и вставшее на путь рыночных реформ, начало переговоры с Тайванем о мирном воссоединении. Но 11 июля 1999 г. они были прерваны, после того как тайваньский президент Ли Дэньхуэй объявил, что КНР и Тайвань – это «две страны по обе стороны Тайваньского пролива». В 2000 г. президентом Тайваня стал Чэнь Шуйбянь, предложивший провести референдум о независимости острова, после этого китайское руководство стало все более настойчиво призывать к скорейшему решению тайваньской проблемы.

14 марта 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) одобрило закон «О противодействии расколу страны». Этот документ предусматривает право правительства КНР применить все необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности в случае попыток отделить остров Тайвань от Китая, или в случае изменения ситуации, которая может привести к отделению Тайваня от страны, или же если все условия для мирного объединения будут исчерпаны.

Принятый документ, законодательно закрепляющий возможность применения силы, чтобы предотвратить провозглашение островом независимости, является фактически попыткой усилить психологическое давление на Тайвань и склонить его к переговорам о мирном воссоединении на условиях Пекина.

Принятый КНР закон прямо противоречит американскому закону «О безопасности Тайваня», в котором говорится о недопустимости применения силы в интересах решения проблемы единства Китая. Реакция

США была отрицательной, поскольку по этому закону США имеют перед Тайванем обязательство защитить его в случае агрессии. В конце февраля 2005 г., предвидя принятие в КНР этого закона, США убедили Японию включить Тайвань в зону общих стратегических интересов двух стран, которые к тому же состоят в двустороннем оборонном союзе. Государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила, что принятый закон повысит напряженность в регионе. К ее словам присоединилась Япония, выразившая серьезную озабоченность принятым законом.

В ответ премьер-министр КНР Вэнь Цзябао призвал США и Японию воздержаться от прямого или непрямого вмешательства в тайваньскую проблему, являющуюся внутренним делом Китая, а председатель КНР Ху Цзиньтао призвал армию готовиться к войне для защиты территориальной целостности Китая.

Никаких попыток решить Тайваньский вопрос силой не последовало. Скорее, наоборот, материковый Китай стал все активнее вовлекать остров в орбиту своих экономических интересов и взаимовыгодного сотрудничества. Так, Китайская Народная Республика за последние 4 года нахождения у власти на острове Гоминьдана (2012–2016) осуществила прорыв в отношениях с Тайванем, и прежде всего в торгово-экономической сфере. Огромное количество тайваньских компаний разного масштаба и направленности интегрированы в экономику КНР, размещенные на материке их производства подпадают под его юрисдикцию. Разорвать это глобальное слияние, даже чисто теоретически, представляется недостижимой задачей в существующих условиях. По крайней мере без неприемлемого для тайваньской стороны ущерба и с исключением разработки проектов силового присоединения острова. Китайские прямые и косвенные инвестиции уже стали безальтернативным элементом экономики «острова», и масштабные радикальные изменения со знаком «минус» будут чреваты глобальным экономическим дефолтом для Тайваня.

Таким образом, Китай все больше интегрирует остров в собственную экономическую систему. Однако он по-прежнему далек от решения вопроса о присоединении острова к матерiku или какой-либо иной альтернативы в разрешении данного очень острого и болезненного для Пекина аспекта территориальной целостности и возвращения китайских территорий [18].

Военные учения и переформатирование вооруженных сил в регионе как фактор дестабилизации в сфере региональной безопасности

Существует еще один фактор, еще одна угроза региональной безопасности в военной сфере. Это увеличение военных расходов, воинских контингентов и вооружений как стран региона, так и внешних игроков на территории государств Северо-Восточной Азии. В первую очередь речь идет о США и о развертывании систем ПРО в Республике Корея и Японии. В начале 2016 г. США и Республика Корея подписали соглашение о размещении системы ПРО в ответ на ракетно-ядерные испытания КНДР, а в сентябре 2017 г., не-

смотря на протесты и манифестации местного населения, начались практические шаги по реализации соглашения. Так, в уезде Сончжу появилась полноценная батарея ПРО США THAAD, состоящая из радара, системы управления и контроля, шести пусковых установок с восемью противоракетами в каждой. Обеспечивают работу систем около 200 солдат и офицеров США, для которых возведена соответствующая инфраструктура. Таким образом, размещение американской системы ПРО в Северо-Восточной Азии стало реальностью. И хотя руководство Республики Корея заявляет о временно характере такого размещения, надо полагать, что это всерьез и надолго.

В конце 2004 г. Япония и США подписали соглашение о сотрудничестве в области создания ПРО, которое предусматривало и обмен секретными технологиями. В Японии размещены американские станции слежения за ракетными пусками.

В декабре 2017 г. правительство Японии одобрило размещение в стране двух американских противоракетных комплексов Aegis Ashore (наземная версия корабельного противоракетного комплекса). Было заявлено, что размещение этих систем позволит адекватно ответить на угрозы, возникшие в связи с северокорейской ракетно-ядерной программой. Система Aegis Ashore станет третьим рубежом противоракетной обороны Японии. Первый рубеж – установленные на эсминцах типа «Конго» корабельные комплексы Aegis, вооруженные ракетами-перехватчиками SM-3 и предназначенные для поражения баллистических ракет на заатмосферных высотах. Второй рубеж – ракеты PAC-3 наземного базирования, предназначенные для поражения ракет после их возвращения в атмосферу Земли. 22 января 2018 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ сообщил, что на территории страны будут размещены системы ПРО США «Иджис Эшор» [19].

Китай и Россия резко выступают против такого развития событий, заявляя протесты против системы ПРО, так как это несет угрозы национальной безопасности как одной, так и другой страны и ведет к изменению расстановки сил в регионе и ухудшению ситуации в сфере стратегической стабильности.

Усиление военного присутствия США в регионе и развертывание системы ПРО вызывают не только протесты со стороны отдельных стран региона, но и ответные действия. Так, все последние годы растет военный бюджет Китая. В 2016 г. он вырос на 7,6%, в 2017 г. – на 7%, в 2018 г. – на 8,1%, до 1,11 трлн юаней (175 млрд долл.). Рост военных расходов Поднебесной наблюдается последние два десятилетия, однако особенно интенсивно именно в последние годы. В абсолютном выражении военный бюджет КНР занимает второе место в мире после оборонного бюджета США. По данным Стокгольмского института проблем развития мира (СИПРИ), доля расходов Китая в общем объеме мировых военных расходов возросла с 5,8% в 2008 г. до 13% в 2017 г.

Соединенные Штаты Америки – страна с самыми высокими военными расходами в мире. В 2017 г. военные расходы США превысили общий объем расходов семи следующих за ними крупнейших военных

экономик мира. По сравнению с 2016 г. расходы США не изменились, составив в 2017 г. 610 млрд долл. «Проявившаяся в 2010 г. тенденция к сокращению военных расходов США ушла, — отмечает Од Флоран, директор Программы вооружений и военных расходов СИПРИ. — В 2018 г. США существенно увеличат военные расходы, чтобы обеспечить увеличение численности военнослужащих и модернизацию обычных и ядерных вооружений». Растут расходы и в соседних с Китаем государствах. В частности, в 2017 г. расходы Республики Корея составили 39,2 млрд долл., что на 1,7% больше, чем в 2016 г.

Впервые с 1998 г. наблюдалось падение военных расходов России: 2017 г. они составили 66,3 млрд долл., что на 20% ниже по сравнению с 2016 г. Это не было обусловлено какими-то политическими причинами — модернизация армии остается приоритетом для России. Однако военный бюджет был ограничен в результате экономических проблем, с которыми страна столкнулась после 2014 г. При этом, даже с учетом такого сокращения, Россия по состоянию на 2017 г. занимает четвертое место в мире с 3,8% от мировых военных расходов (уступив третье место Саудовской Аравии, у которой 4%). При этом Япония в этом списке занимает восьмое место (несмотря на антивоенный характер Конституции и отсутствие в стране вооруженных сил), Республика Корея — десятое место.

В КНР в 2015 г. высшим партийно-государственным руководством была провозглашена военная реформа, которая должна быть реализована к 2020 г. Модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК) осуществлялась и осуществляется на фоне значительного сокращения ее численности. Известно, что и нынешняя военная реформа будет сопровождаться сокращением численности НОАК на 300 тыс. человек, о чем Си Цзиньпин объявил еще 3 сентября 2015 г. Отмечается, что предстоит значительное сокращение административного персонала, доли некомпатантов. Но сокращение может коснуться и ряда соединений и частей сухопутных войск.

Значительная часть усилий по развитию НОАК приходится на военно-морские силы. Еще в конце 1980-х гг. в КНР была разработана концепция «активной обороны в ближних морях». В соответствии с ней ВМС НОАК должны были приобрести способность обеспечить на определенное время господство в прилегающих к Китаю морях применительно к так называемой первой цепи островов с последующим поэтапным продвижением ко второй цепи островов. В более отдаленной перспективе рассматривалась возможность строительства океанского флота. Только в последние семь-восемь лет у КНР появились возможности по реализации этой концепции. При этом господство на морях внутри первой цепи островов считается необходимым условием для решения проблемы Тайваня. Для этого и предназначаются авианесущие корабли.

Происходящие изменения в военной сфере в Северо-Восточной Азии не могли не отразиться и на политике России, в частности на территории российского Дальнего Востока. В 2017 г. была объявлена, а в 2018 г. начата реализация планов по созданию новой армии на

Дальнем Востоке со штабом на Камчатке. В ее состав перейдут авиационные части, зенитные ракетные и радиотехнические войска. В зону ответственности отделения войдет территория от Северных Курил до острова Врангеля.

Кроме того, одновременно с этим изменится структура авиационных сил. Вместо созданных в 2008 г. аморфных и плохо управляемых авиабаз воссоздаются полки и дивизии. В состав смешанных авиаполков наряду с эскадрильями противолодочных и транспортных самолетов, истребителей, разведчиков и ракетноснайперов войдут подразделения беспилотных летательных аппаратов. Новая армия создается для того, чтобы отслеживать угрозы в своей зоне ответственности и исключить внезапное воздушное нападение. Кроме того, Министерство обороны РФ начало строительство военно-морской базы Тихоокеанского флота РФ на Курильских островах, которая позволит принимать любые корабли, в том числе и первого ранга. Также на Курильских островах будет восстановлена сеть аэродромов — эти работы также будут увязаны с созданием военно-морской базы.

Помимо количественных и качественных изменений в военной сфере в регионе, регулярно проводятся военные учения. Так Россия в последние годы неоднократно проводила военные учения на территории Дальнего Востока, также проводятся совместные учения с КНР. Так, в конце сентября 2017 г. в регионе начались масштабные летно-тактические учения, в которых была задействована штурмовая, истребительная и бомбардировочная авиация Восточного военного округа (ВВО). Задействовано 100% боевого авиапарка округа в Приморье и Хабаровском крае, — сообщали об учениях в пресс-службе ВВО. Были также проведены российско-китайские учения «Морское взаимодействие — 2017». Активная фаза маневров продлилась до 25 сентября в акватории Японского и Охотского морей. В них было задействовано около 15 кораблей и подводных лодок, два глубоководных спасательных аппарата, четыре противолодочных самолета и четыре корабельных вертолета от Тихоокеанского флота и китайских ВМС [20].

Частым явлением стали совместные американо-южнокорейские военные учения. Так, в декабре 2017 г. США и Республика Корея провели самые масштабные совместные военные учения. В этих учениях под названием Vigilant ACE была мобилизована вся авиационная мощь Соединенных Штатов. За пять дней учений, с 4 по 8 декабря 2017 г., у США и РК были мобилизованы около 230 воздушных боевых единиц. Также проводятся учения Freedom Guardian (начиная с 1976 г.) — одни из крупнейших военных учений как между двумя странами, так и в целом в регионе. В 2017 г. в учениях приняли участие более 20 тыс. военнослужащих США и более 50 тыс. южнокорейских военных.

Военные учения «Токсури — Фоул игл» США и Республики Корея с участием 13,5 тыс. американских военнослужащих были начаты 1 апреля 2018 г. А 23 апреля 2018 г., несмотря на протесты Пхеньяна, была начата новая совместная военная операция Key

Resolve, проводящиеся ежегодно. Предыдущие учения Key Resolve проводились в марте как часть военных маневров, но в этом году они были отсрочены из-за проведения Олимпиады-2018 в Пхёнчхане. Задействованы до 12,2 тыс. американских солдат с военных баз в Южной Корее и из-за рубежа [21].

Однако с началом переговорного процесса между Дональдом Трампом и Ким Чен Ыном военные учения были приостановлены на период проведения переговоров о денуклеаризации. Было также объявлено о приостановке учений Freedom Guardian, запланированных на август 2018 г., также временно заморожены две программы обмена в рамках сотрудничества военно-морских ведомств Республики Корея и США, запланированных на вторую половину 2018 г.

Также на регулярной основе проводятся совместные военные учения США и Японии (в двухстороннем или трехстороннем форматах – с привлечением Республики Корея). Так, в трехстороннем формате проводились ракетные учения в октябре 2017 г. в водах корейского полуострова, которые продолжались двое суток, а в декабре 2017 г. были проведены двухдневные военно-морские учения (также в трехстороннем

формате). Маневры проходили в водах близ Японии и Корейского полуострова.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что существующие угрозы не исчезли (как уже начало казаться в 1990-е гг.) и не отошли на второй план (как представлялось в 2000-е гг.), скорее, они видоизменились с учетом специфики времени и стали еще более опасными и непредсказуемыми. Уровень угроз военной безопасности остается очень высоким, и они являются даже не потенциальными, а реальными. Северо-Восточная Азия – одна из наиболее сложных и взрывоопасных частей мирового пространства, способная в один миг ввергнуть в региональный или глобальный конфликт большинство мировых держав. Это предопределяет необходимость повышенного внимания к проблемам и угрозам военной безопасности региона. С окончанием холодной войны военные угрозы не исчезли, они только трансформировались, стали менее акцентированными. Однако при этом – и менее предсказуемыми, и почти неуправляемыми. Добавляет состояния неопределенности и отсутствие необходимой (должной) институциональной среды, каковая есть в других регионах мировой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика КНДР // Мировая экономика. URL: <http://www.ereport.ru/> (дата обращения: 05.04.2018).
2. UN Documents for DPRK (North Korea). URL: <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea> (accessed: 06.04.2018).
3. Kesling B. Trumps North Korea Obstacle: Sanctions Are Unevenly Enforced // Wall Street Journal. 2017. 25 April. URL: <http://www.wsj.com> (accessed: 07.04.2018).
4. Ким Чен Ын во время визита в Китай заявил о готовности к денуклеаризации КНДР в обмен на гарантии США. URL: <http://m.newsru.com> (дата обращения: 13.04.2018).
5. Путин: Ким Чен Ын – грамотный политик, решивший свою задачу. URL: <http://regnum.ru/news/2366562.html> (дата обращения: 08.04.2018).
6. Спортсмены Северной и Южной Кореи прошли как одна команда на церемонии открытия Олимпийских игр. URL: <http://dni24.com> (дата обращения: 09.04.2018).
7. Дикарев А.Д. Китай–Япония : территориальный конфликт или региональная кооперация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (5). С. 162–171.
8. Киреев А.А. Российско-японские отношения вокруг Южных Курил: история, современное состояние, варианты развития // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 35–48.
9. Севастьянов С.В., Кравчук А.А. Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 25–35.
10. Иодо // Кёянъ синмун. 2008. 20 авг. № 892. URL: <http://www.mygoyang.com/news/quickViewArticleView.html?idxno=20114> (дата обращения: 22.08.2016).
11. Иодо квахак кичжиг чунын кёхун (Уроки, которые дает научно-исследовательская база на острове Иодо) // Диджитал таймс. 2013. 03 дек. URL: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2013120402012351607001 (дата обращения: 10.08.2016).
12. Инчжоп хэянъ-е тэхан чуквон-е кванхан сонон : Кунъмувон чеси чесипса-хо (Декларация о суверенитете над прилегающими морскими водами : Указ Госсовета № 14). Сеул : Куккакироквон, 1952.
13. Хэжчо кванъмунъ чавон кэбальпоп сихэньнёнъ (че самсипчхиль-хве) (Указ об исполнении «Закона об освоении полезных ископаемых на континентальном шельфе» (№ 37)). Сеул : Кукка кироковон, 1970.
14. Правительство отреагировало на утверждения Китая о принадлежности рифа Иодо // KBS World Radio. 08.08.2008. URL: <http://world.kbs.co.kr/russian/news/> (дата обращения: 13.11.2015).
15. Ханчжунъ Иодо ёньюквон пунчжэнь пульпунна (Разгорится ли спор между Республикой Корея и Китаем за право юрисдикции над Иодо?) // Ёнхап. 2009. 13 мая.
16. Чонъбу, Иодо хэёге очхонгып кёнъби хамчжонъ пэчхи (Правительство заявляет о размещении в районе Иодо сторожевого корабля водоизмещением 5 000 т) // Дэйли Хангук. 2016. 26 янв.
17. Пэк Чжин Хён. Хэянъ кёнъге хвекчонъ пёнчхонгва Ханбандо хэёге кёнъгемунъже (Изменение демаркации морских границ и проблемы морских границ Корейского полуострова) // Хэянъ чонъчхэк ёнгу (Исследования морской политики). 1991. Вып. 6, № 1. С. 31.
18. Киреева А.А. Тайваньский вопрос // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 79–118.
19. Американской ПРО нашлось место в Японии. Кабинет министров страны одобрил создание третьего рубежа обороны // Коммерсант. 2017. 20 дек.
20. В военных учениях Китая и России увидели плохой знак для США. URL: <http://mk.ru/politics/2021/08/11> (дата обращения: 25.09.2021).
21. Южная Корея и США могут отложить военные учения до конца Олимпиады. URL: newsnn.ru/news/world/30-11-2017 (дата обращения: 25.09.2021).

Evgenii V. Gamerman, Institute of Complex Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Birobizhan, Russian Federation). E-mail: egamerman@mail.ru

THREATS OF MILITARY SECURITY IN NORTH-EAST ASIA AT THE PRESENT STAGE

Keywords: North-east Asia, China, military security, security threats, the "Korean Question", territorial disputes, military exercises, regional security, USA, Russia.

In the 1990s-2000s after the end of the Cold War and the collapse of the bipolar system it began to seem that the global military confrontation between the two powers left behind and that in the conditions of globalization and interdependence of all states from each other, it was impossible to return to the old rhetoric of the 20th century. However, since the second decade of the twenty-first century, it has become obvious that the logic of political realism, the solution of pressing foreign policy tasks from the point of view of purely national interests, still exists today. Even 10 years ago, many experts were skeptical about military security threats, focusing on non-traditional threats, non-military, economic, etc. Today, the issues of traditional, military security have been again topical on the agenda. Within the framework of this article, the problem of threats to military security in Northeast Asia is considered. The article is based on sources and materials available in open sources of information.

The purpose of this work is to analyze modern threats to military security in Northeast Asia. The subregion of Northeast Asia due to its geopolitical, economic and institutional uniqueness has never lost the urgency of military threats even when on a global scale it seemed that they were outdated. The article analyzes the current territorial disputes in the region, and investigates one of the most pressing problems – the problem of North Korea's nuclear program. In addition, aspects such as frequent military exercises and the reformatting of military formations in the region were also reflected in the work.

The author concludes that the current level of threats to military security is very high, and that these threats are actual. Northeast Asia is one of the most complex and explosive parts of the world space, capable of instantly plunging most of the world powers into a regional or global conflict. In addition, the author focuses on what adds a state of uncertainty and the absence of the proper institutional environment, which is observed in other regions of world politics.

REFERENCES

1. Ereport.ru. (n.d.) *Ekonomika KNDR* [Economy of the DPRK]. [Online] Available from: <http://www.ereport.ru/> (Accessed: 5th April 2018).
2. UNO. (n.d.) *UN Documents for DPRK (North Korea)*. [Online] Available from: <http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea> (Accessed: 6th April 2018).
3. Kesling, B. (2017) Trumps North Korea Obstacle: Sanctions Are Unevenly Enforce. *Wall Street Journal*. 25th April. [Online] Available from: <http://www.wsj.com> (Accessed: 7th April 2018).
4. Newsru.com. (n.d.) *Kim Chen Yn vo vremya vizita v Kitay zayavil o gotovnosti k denuklearizatsii KNDR v obmen na garantii SShA* [Kim Jong-un, during his visit to China, announced his readiness for the denuclearization of the DPRK in exchange for US guarantees]. [Online] Available from: <http://m.newsru.com> (Accessed: 13th April 2018).
5. Regnum. (2018) *Putin: Kim Chen Yn – gramotnyy politik, reshivshiy svoyu zadachu* [Putin: Kim Jong-un is a competent politician who has solved his problem]. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/2366562.html> (Accessed: 8th April 2018).
6. Dni.com. (n.d.) *Sportsmeny Severnoy i Yuzhnoy Korei proshli kak odna komanda na tseremonii otkrytiya Olimpiyskikh igr* [Athletes 9th April 2018].
7. Dikarev, A.D. (2017) *Kitay–Yaponiya: territorial'nyy konflikt ili regional'naya kooperatsiya?* [China-Japan: territorial conflict or regional cooperation?]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 10(5). pp. 162–171.
8. Kireev, A.A. (2017) *Rossiysko-yaponskie otnosheniya vokrug Yuzhnykh Kuril: istoriya, sovremennoe sostoyanie, varianty razvitiya* [Russian-Japanese relations around the South Kuriles: history, current state, development options]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4(36). pp. 35–48.
9. Sevastyanov, S.V. & Kravchuk, A.A. (2017) *Territorial'nyy spor mezhdu Yaponiei i Respublikoy Koreya: argumenty storon i perspektivy razresheniya* [Territorial dispute between Japan and the Republic of Korea: arguments of the parties and prospects for resolution]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 4(36). pp. 25–35.
10. *Kyoyang sinmun*. (2008) Iodo. 20th August. [Online] Available from: <http://www.mygoyang.com/news/quickViewArticleView.html?idxno=20114> (Accessed: 22nd August 2016).
11. *Digital Times*. (2013) Iodo kwahak kijijiga chuneung kyohun [Lessons from the research base on the island of Iodo]. 3rd December. [Online] Available from: http://www.dt.co.kr/contents.html?article_no=2013120402012351607001 (Accessed: 10th August 2016).
12. South Korea. (1952) *Injeop heyang-e taehan chukwon-e kwanghan seongon: Gungmuwon chesi cheesipsa-ho* [Declaration of Sovereignty over Adjacent Sea Waters: Decree of the State Council No. 14]. Seoul: Kukkakirokwon.
13. South Korea. (1970) *Haejo kwangmul chawon gaebalpop shihennyong (je samsi-chil-hwe)* [Decree on the implementation of the Law on Mineral Development on the Continental Shelf (No. 37)]. Seoul: Kukka Kirokwon.
14. *KBS World Radio*. (2008) *Pravitel'stvo otreagirovalo na utverzheniya Kitaya o prinadlezhnosti rifa Iodo* [The government responded to China's claims about ownership of the Iodo Reef]. 8th August. [Online] Available from: <http://world.kbs.co.kr/russian/news/> (Accessed: 13th November 2015).
15. *Enkhap*. (2009) *Hangzhun Iodo yongyukwon punzhen pulpunna* [Will the dispute between the Republic of Korea and China over the right of jurisdiction over Iodo flare up?]. 13th May.
16. *Daily Hanguk*. (2016) *Jeongbu, Yodo haeg ochhongyp gyeonbi hamjeon baechhi* [Government announces deployment of 5,000 ton patrol ship in Iodo area]. 26th January.
17. Baek Jin Hyun. (1991) *Heyang kyong'e hwekchon pyeongchongwa Hanbando hyeogy gyeongyemunje* [Change in maritime boundary demarcation and maritime boundary issues of the Korean Peninsula]. *Heyang jeongchaek yonggu*. 6(1). p. 31.
18. Kireeva, A.A. (2019) *Tayvan'skiy vopros* [The Taiwan issue]. In: Torkunov, A.V. & Streltsov, D.V. (eds) *Transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy v Severo-Vostochnoy Azii i natsional'nye interesy Rossii* [Transformation of international relations in Northeast Asia and Russia's national interests]. Moscow: Aspekt Press. pp. 79–118.
19. *Kommersant*. (2017) *Amerikanskoy PRO nashlos' mesto v Yaponii. Kabinet ministrov strany odobril sozdanie tret'ego rubezha oborony* [American missile defense found a place in Japan. The Cabinet of Ministers of the country approved the creation of the third line of defense]. 20th December.
20. MK.ru. (n.d.) *V voennykh ucheniyakh Kitaya i Rossii uvideli plokhoi znak dlya SShA* [The military exercises of China and Russia were seen as a bad sign for the United States]. [Online] Available from: <http://mk.ru/politics/2021/08/11> (Accessed: 25th September 2021).
21. Newsnn.ru. (2017) *Yuzhnaya Koreya i SShA mogut otlozhit' voennye ucheniya do kotsa Olimpiady* [South Korea and the US may postpone military exercises until the end of the Olympics]. [Online] Available from: newsnn.ru/news/world/30-11-2017 (Accessed: 25th September 2021).

УДК 94(7+4)
DOI: 10.17223/19988613/75/13

О.Г. Лекаренко

«ГОД ЕВРОПЫ» Г. КИССИНДЖЕРА И ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1973–1974 гг.)

Анализируется американская инициатива «Год Европы» в контексте трансатлантических отношений. В краткосрочной перспективе предложение Г. Киссинджера оказалось провальной дипломатической инициативой, однако в долгосрочной перспективе «Год Европы» можно рассматривать как важный шаг в направлении перестройки отношений США со своими западноевропейскими союзниками в условиях трансформации международной системы. Данное исследование способствует более глубокому пониманию процесса эволюции трансатлантических отношений.

Ключевые слова: внешняя политика США, «Год Европы», Европейское политическое сотрудничество, Европейское сообщество, Г. Киссинджер, трансатлантические отношения

Предложение Г. Киссинджера

К началу 1970-х гг. в трансатлантических отношениях произошли важные структурные изменения. Благодаря процессу европейской интеграции страны Западной Европы окрепли экономически. В вопросах безопасности они по-прежнему зависели от НАТО и американских ядерных гарантий, но в экономическом плане Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) могло составить достойную конкуренцию США. Рост противоречий между США и ЕЭС по торговым и финансовым вопросам дополнялся расхождением взглядов по политическим и военным проблемам. Серьезным вызовом для атлантической солидарности стали поражение США во Вьетнаме, достижение военно-стратегического равновесия между США и СССР, сравнительное сокращение американской экономической мощи. Начавшийся процесс разрядки международной напряженности вел к ослаблению блоковой дисциплины внутри НАТО. Правительство США встало перед проблемой – как сохранить американское лидерство в Атлантическом альянсе и приспособить трансатлантические отношения к новым международным условиям.

В начале президентства Р. Никсона решение данной проблемы откладывалось в пользу таких неотложных задач, как завершение войны во Вьетнаме, выход из экономической рецессии, организация советско-американских переговоров, нормализация отношений с КНР. Однако, поскольку нарастание напряженности в американо-европейских отношениях нельзя было далее игнорировать, к концу первого срока президентства Р. Никсона правительство США задумалось об инициативе, адресованной странам Западной Европы. С целью вдохнуть новую жизнь в трансатлантические отношения США в одностороннем порядке объявили 1973 год «Годом Европы».

К этому времени положение Европейского сообщества еще более окрепло ввиду произошедшего в начале 1973 г. расширения ЕЭС. С вступлением Великобритании, Дании и Ирландии «шестерка» трансфор-

мировалась в «девятку». Сообщество не только превращалось в экономического гиганта, но и поставило амбициозную задачу продвигать коллективное участие западноевропейских стран в международной дипломатии через запущенный в 1970 г. механизм Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Как только в Вашингтоне осознали, что объединенная Европа несет риск раскола Запада, послевоенный американский энтузиазм в отношении европейской интеграции остыл. Помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер признавался, что сам он выступал за единую Европу (неважно, в какой форме, – федерации или конфедерации) и за то, чтобы она играла более весомую роль в международных делах, но понимал, что интересы Европы не всегда будут совпадать с интересами Америки. Единая Европа, считал Г. Киссинджер, будет настаивать на европейском взгляде на мировые дела, что бросит вызов американской гегемонии в атлантической политике. Он сомневался, что Европа объединяется для того, чтобы разделить с США бремя противостояния с СССР и согласиться играть подчиненную роль [1. Р. 82, 86; 2. Р. 131].

С осени 1972 г. администрация США стала подавать лидерам ведущих западноевропейских стран сигналы о том, что Европа получит первостепенное место в американской внешней политике сразу после мирного урегулирования во Вьетнаме [2. Р. 130]. В сентябре 1972 г. в ходе пресс-конференции Г. Киссинджер озвучил планы выдвижения инициативы для Европы, возможно, в виде тура президента по европейским столицам в случае переизбрания Р. Никсона на новый президентский срок. Для обозначения инициативы с ноября 1972 г. в Белом доме стали использовать название «Год Европы».

Идея провозглашения «Года Европы», авторство которой целиком принадлежало Г. Киссинджеру, оказалась плохо продуманной и подготовленной инициативой. Г. Киссинджер не только не консультировался с лидерами ведущих стран Западной Европы, но также отстранил от обсуждения госдепартамент и подконтрольную ему бюрократическую машину Совета

национальной безопасности (СНБ). Когда 31 января 1973 г. на пресс-конференции президента Р. Никсона попросили объяснить, что означает «Год Европы», он в общих словах ответил, что вопросы торговли, проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, начало переговоров между НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД) о взаимном сбалансированном сокращении вооруженных сил требуют консультаций с европейскими союзниками. США и ЕЭС, продолжал Р. Никсон, должны сделать монументальный выбор между «конструктивной конкуренцией» и «экономической конфронтацией», вредной для обеих сторон [3. Р. 57]. На состоявшемся в тот же день заседании СНБ, посвященном отношениям со странами Западной Европы, Г. Киссинджер признался, что, несмотря на слова президента о «Годе Европы», в Белом доме не представляли, что это означало на практике, в каком направлении собирались двигаться США и чего хотели добиться, каким должно было быть соотношение разных элементов американской политики [4. Р. 374].

Фактически «Год Европы» начался 23 апреля 1973 г. с выступления Г. Киссинджера перед редакторами агентства «Ассошиэтед пресс» в отеле «Вальдорф-Астория» в Нью-Йорке. В своей речи Г. Киссинджер назвал 1973 г. «Годом Европы» и предложил переосмыслить трансатлантические отношения и составить новую Атлантическую хартию, которую президент Р. Никсон смог бы подписать во время запланированной на конец того же года поездки в Европу. Г. Киссинджер заявил, что Атлантическое сообщество безопасности, основанное на общем восприятии угрозы, должно уступить место сообществу, скрепленному общими интересами, ценностями и перспективными задачами на будущее. Он призвал к развитию трансатлантических отношений на основе всестороннего подхода, включающего не только совместную оборону, но и политическое и экономическое сотрудничество.

В качестве одной из проблем в отношениях США со странами Западной Европы Г. Киссинджер упомянул, что Соединенные Штаты руководствуются глобальными интересами и обязательствами, а европейские страны – региональными интересами. Он также подчеркнул, что европейская интеграция не является самоцелью, а должна служить укреплению общего единства Запада. Г. Киссинджер заверил, что США будут продолжать поддерживать единую Европу как компонент более широкого атлантического партнерства. Он отметил, что США могут пойти на уступки ради достижения европейского единства, но только в случае соответствующих уступок со стороны европейских государств [5]. Кроме стран Западной Европы Г. Киссинджер также планировал подключить к «Году Европы» Японию.

Предложение Г. Киссинджера шло в одной связке с четвертым посланием президента Р. Никсона конгрессу по вопросам внешней политики, которое появилось спустя 10 дней после речи о «Годе Европы». В послании президента содержался призыв к развитию «более равноправного партнерства» между США и ЕЭС, «основанного на более сбалансированном вкладе союзников в ресурсы и планирование» [6. Р. 352]. Р. Никсон

также отметил, что атлантическое единство в обороне и безопасности не согласуется с растущей регионализацией экономической политики ЕЭС [Ibid. Р. 404], таким образом намекая, что европейцы должны пойти на экономические уступки Соединенным Штатам ради сохранения американских военных гарантий НАТО.

Инициатива «Года Европы» была адресована в том числе и тем кругам в конгрессе США, которые выступали за сокращение американских войск в Европе. Однако Г. Киссинджера больше интересовала реакция на американское предложение лидеров стран Западной Европы. В американской прессе речь Г. Киссинджера не получила должного освещения, так как издательства больше комментировали расследование нарушений в ходе президентской предвыборной кампании, обнаруженных в отеле «Уотергейт», чем предстоящий «Год Европы».

Причины негативной реакции европейцев

В странах Западной Европы не ожидали такого далеко идущего предложения и его официальной огласки. Вопреки поставленной задаче по укреплению атлантического единства речь Г. Киссинджера привела к прямо противоположному результату. С точки зрения европейцев, инициатива «Года Европы» была выдвинута не в лучшее время. Европейское сообщество было занято решением внутренних проблем, таких как недавнее расширение, планы по созданию Экономического и валютного союза, формирование ЕПС. Европейцы не были готовы к внешнему вызову европейскому единству.

Предложение Г. Киссинджера породило подозрения в странах Западной Европы относительно истинных мотивов американской политики и вызвало опасения, что Вашингтон хочет утвердить свою гегемонию. Европейцы задавались вопросом, что намерены делать США: поощрять европейское единство и развитие равноправного атлантического партнерства, о котором говорил Дж. Кеннеди, или продвигать атлантическое сотрудничество под американским руководством центральной европейского единства? Тон речи Г. Киссинджера явно свидетельствовал в пользу последнего. Другой вопрос заключался в том, хотят ли американцы, чтобы Европа говорила одним голосом, или намерены проводить двусторонние консультации с каждой из западно-европейских стран, что соответствовало дипломатическому стилю Г. Киссинджера.

Особое влияние на «Год Европы» оказывала атмосфера двусторонних советско-американских контактов в рамках политики разрядки международной напряженности. Европейцы были обеспокоены отсутствием трансатлантических консультаций относительно содержания советско-американских переговоров и опасались, что разрядка может привести к сокращению американского военного присутствия в Европе. Вашингтон рассматривал разрядку как потенциальную угрозу западному единству, что требовало консолидации американского лидерства и распространения атлантического сообщества безопасности на политику и экономику. Европа смотрела на разрядку как на возмож-

ность определить и защитить собственные интересы и стать отдельным целым в международной политике. Европейские лидеры боялись, что администрация Р. Никсона хочет привести европейское видение разрядки к единому знаменателю с американской политикой [7. Р. 196–199, 240].

Дж. Болл, который долгое время курировал европейское направление внешней политики США в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, назвал «Год Европы» «неуклюжей формулировкой, лозунгом, содержащим намек для европейцев, что американские лидеры были так заняты отношениями между сверхдержавами, что оказались не в состоянии уделить внимание незначительным европейским делам и только сейчас смогли включить их в свой график». По мнению Дж. Болла, предложение Г. Киссинджера было «по сути, еще одним примером тенденции подменять действия риторикой, еще одним усилием маскировать фундаментальное изменение в политике громким утверждением об отсутствии перемен». В реальности же по мере развития ситуации, считал Дж. Болл, оно стало «тестом обязательств администрации Никсона европейскому единству» [8. Р. 157].

Г. Киссинджер делал намеки, что фокус американской внешней политики разворачивается в сторону Европы, но он не проконсультировался с лидерами западноевропейских стран о содержании своей речи. В итоге в ней остались неудачные пассажи (особенно про глобальную ответственность США и региональные интересы Европы), вызвавшие столько проблем впоследствии. Если бы американский политик обсудил свое выступление с европейцами заранее, этого удалось бы избежать [9. Р. 310]. Учитывая большую загруженность Г. Киссинджера, который одновременно курировал все направления американской внешней политики, он не располагал достаточным количеством времени, чтобы хорошо продумать свою речь. Ее текст, по личному признанию Г. Киссинджера, был закончен всего за день до выступления [10. Р. 145].

Г. Киссинджер не просто выбрал неправильный тон, но и центральный пассаж его речи о всестороннем подходе к трансатлантическим проблемам, включающем экономику, политику и безопасность, был ошибочным. Европа была равной или почти равной США в экономическом отношении, но зависима в плане обороны, что усиливало переговорные возможности США, но ослабляло переговорные позиции европейцев. Всесторонний подход не учитывал специфику процесса европейской интеграции. Европейское сообщество могло говорить как единое целое по торговым вопросам, в других сферах европейские правительства сохраняли полную автономию. Таким образом, единый недифференцированный диалог США с Европой был практически невозможен [11. Р. 139–140].

Неясным оставался вопрос, в рамках какой организации Европа должна была обсуждать предложение Вашингтона, в то время как НАТО являлась военно-политическим блоком, Европейское сообщество занималось экономическими вопросами, торговые проблемы решались в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ), а валютно-финансовые – в Между-

народном валютном фонде (МВФ). К тому же членство европейских стран в ЕЭС и НАТО совпадало лишь частично. В Европе попросту не было форума, где можно было бы обсуждать вместе вопросы экономики, политики и обороны, как того хотел Г. Киссинджер. Европейцы выступали против американской политики «увязки» и предпочитали вести диалог по отдельности в соответствующих институтах. Лидеры стран Западной Европы боялись, что Вашингтон потребует от них экономических и валютных уступок в обмен на сохранение ядерных гарантий и присутствие американских войск в Европе.

В то время как Г. Киссинджер говорил, что для него важна не процедура, а содержание, для Европейского сообщества процедура и была содержанием [2. Р. 708; 7. Р. 242]. Европейские лидеры жаловались, что Г. Киссинджер не понимает, как работает ЕЭС и как достигается общая позиция при отсутствии гегемонистского лидерства, что вопреки официальной риторике он считает ЕПС угрозой американским интересам и вместо того, чтобы признать европейское единство в качестве стабилизирующего фактора в мировой политике, сближает европейские страны друг с другом. Инициатива «Года Европы» также обнаружила уязвимость сообщества, в котором не было консенсуса по вопросу единой политики в отношении США [9. Р. 279–280]. Европейцы считали, что США хотят ослабить механизм ЕПС, и боялись за судьбу данного института, который находился в стадии становления. Некоторые европейские политики полагали, что Р. Никсон был больше обеспокоен проблемой укрепления своего влияния, пошатнувшегося после Уотергейта, чем интересами Европы, что ему был нужен внешнеполитический успех, чтобы отвлечь внимание от скандала [12. Р. 165].

Инициатива США не привела к усилению атлантического согласия, а стала катализатором европейского политического единства и началом нового витка конфликта в трансатлантических отношениях по поводу роли Европы в мире и общей политике Запада. Вместо того, чтобы согласиться с американским предложением о подписании новой Атлантической хартии, «девятка» потребовала от США признать Европейское сообщество в качестве второго в западном мире центра принятия решений, попыталась говорить с Вашингтоном одним голосом и начала процесс определения коллективной европейской идентичности как основы взаимодействия с другими мировыми политическими сообществами.

Коллективный ответ Европы

Г. Киссинджер рассчитывал обсудить «Год Европы» с лидерами ведущих стран Западной Европы по отдельности: сначала с Великобританией, а затем с Францией и ФРГ. В свою очередь, европейцы отказались вести переговоры на условиях, предложенных Г. Киссинджером. Таким образом, американская инициатива вынудила Европу определиться с собственными интересами и выработать коллективный ответ США.

Первым из европейских политиков, которому пришлось отвечать Вашингтону, был канцлер ФРГ

В. Брандт. Американо-германский саммит еще до речи Г. Киссинджера был запланирован на май 1973 г. Немецкий политик одобрил предложение «Года Европы» и развитие американо-европейского диалога, но был удивлен плохой осведомленностью Р. Никсона об инициативе Г. Киссинджера. В. Брандт предложил обращаться с «девяткой», как если бы политический союз был завершен, убрать термин «новая Атлантическая хартия» (первая Атлантическая хартия была заключена в 1941 г. против нацистской Германии) и порекомендовал Р. Никсону во время поездки в Европу не только посетить штаб-квартиру НАТО, но и встретиться с министрами иностранных дел стран ЕЭС. Впоследствии Г. Киссинджер был вынужден заменить слово «хартия» на «декларацию принципов».

Роль главного посредника в донесении до европейских стран целей американской инициативы и организации европейского ответа Г. Киссинджер отводил Великобритании. Для правительства Великобритании это оказалось трудной и неприятной дилеммой. Великобритания, которая только что вступила в ЕЭС, хотела получить лучшее от двух миров, а именно сочетать европейскую политику с сохранением «особых» англо-американских отношений. Премьер-министр Великобритании Э. Хит понимал, что правительство Р. Никсона нуждается в поддержке Европы для сдерживания внутреннего давления в США по вопросу о сокращении американских войск в Европе, но считал, что Великобритания должна была начать членство в ЕЭС с позиции полностью преданного партнера, если хотела играть лидирующую роль в Европе. По мнению Э. Хита, лидирующая роль в Европе была важна для поддержания могущества и влияния Великобритании в мировых делах. Он также опасался ухудшения отношений с Францией (чтобы вступить в ЕЭС, Великобритании слишком долго пришлось доказывать Франции, что она не является «троянским конем» США). Э. Хит отказался играть роль посредника между США и единой Европой. Его позиция заключалась в том, что «девятка» должна выработать общую линию прежде переговоров с Вашингтоном [7. Р. 221–222; 13. Р. 78, 83, 96].

Во Франции призывы Г. Киссинджера расценили как попытку укрепить американское лидерство. Французских политиков беспокоили процедурные вопросы. Как пишет в мемуарах Г. Киссинджер, французы рассуждали следующим образом: если США хотят вести переговоры в рамках Североатлантического альянса, то это означает давление на Францию по вопросу ее членства в военной организации НАТО; если США будут лоббировать свою инициативу через отдельных членов ЕЭС, это может ослабить лидерство Франции в сообществе [2. Р. 173–174]. Франция попыталась создать европейский консенсус вокруг своего идеала Европы как отдельного центра силы в международных отношениях [14. Р. 219]. Министр иностранных дел Франции М. Жобер запросил у Г. Киссинджера текст Атлантической декларации (которого на самом деле не было).

Таким образом, лидеры ФРГ, Франции и Великобритании одобрили американскую инициативу в принципе, но не предложили ничего конкретного для ее

воплощения и не дали ответа на вопрос о времени проведения американо-европейского саммита, что могло бы ускорить подписание Атлантической декларации. США оказались в абсурдной ситуации, когда, как пишет Г. Киссинджер, Вашингтон был более нетерпелив в том, чтобы подтвердить и усилить свои обязательства атлантическим отношениям, чем Европа их принять [2. Р. 162]. Инициатива ускользала из рук Вашингтона.

Франция взяла на себя лидерство в составлении ответа на американское предложение. Под давлением М. Жобера Г. Киссинджер начал работать над текстом Атлантической декларации, который был представлен по отдельности правительствам Франции, ФРГ, Великобритании и Италии в конце июня. К этому времени европейские лидеры пресытились стилем секретной дипломатии Г. Киссинджера и содержанием американского проекта Атлантической декларации, который, по мнению европейцев, служил американским интересам. Они считали, что ЕЭС следует работать над собственным проектом, играя на нетерпении Вашингтона. Поскольку европейцы были против одновременного обсуждения экономических, политических и военных вопросов, они отвергли американское предложение об одной декларации, подписанной на американо-европейском саммите. М. Жобер принял конфиденциальное предложение Э. Хита от 2 июля о составлении двух деклараций (одной – об Атлантическом альянсе, другой – об отношениях между США и ЕЭС), а также третьего внутреннего документа ЕЭС о европейской идентичности [7. Р. 243].

Составление декларации об отношениях между США и ЕЭС решено было перенести в ЕПС. 23 июля «девятка» на чрезвычайной встрече министров иностранных дел стран – членов ЕЭС приняла решение дать коллективный ответ Вашингтону и поручить Политическому комитету подготовить доклад о потенциальных темах европейско-американского диалога к следующей встрече в сентябре. Министры также согласились в конфиденциальном порядке обмениваться информацией, полученной в двусторонних контактах с США, и координировать позиции в отношении содержания декларации по НАТО. Таким образом, европейские страны трансформировали американский вызов в возможность продвинуть собственное видение роли Европы на Западе и в мире в целом [10. Р. 166].

Лондон и Бонн информировали правительство Р. Никсона об итогах работы ЕПС и общем подходе «девятки». Информация вызвала удивление в правительстве США по поводу того, что европейские страны обсуждают «Год Европы» не в общем атлантическом контексте, а как отношения между США и ЕЭС. По мнению Вашингтона, инициатива «Года Европы» была предназначена для укрепления атлантического, а не европейского единства. Г. Киссинджер был обеспокоен тем, что США были исключены из процесса обсуждения и должны были ждать итогов работы Политического комитета.

10 сентября 1973 г. министры иностранных дел ЕЭС одобрили проект декларации об отношениях США–ЕЭС и инструктировали Политический комитет продолжить работу над декларацией о европейской

идентичности. В декларации об отношениях США–ЕС был ясно изложен принцип, что США должны признать политическую роль Европы в мире. Европейцы хотели подтверждения от правительства Р. Никсона, что США готовы относиться к Европе как к нечто большему, нежели дополнению к собственной политике [15. Р. 385]. Неясным оставался формат встречи с президентом Р. Никсоном. Предполагалось, что в саммите с президентом США будут участвовать министры иностранных дел стран ЕЭС, председатель Совета министров ЕЭС и председатель Комиссии.

Г. Киссинджер, который с 22 августа стал госсекретарем (при сохранении поста помощника президента по национальной безопасности), был потрясен, узнав, что получит проект декларации из рук представляющего сообщество министра иностранных дел Дании К. Андерсена, которого он назвал «почтовым курьером». К. Андерсен должен был только передать ответ Г. Киссинджеру, но в соответствии с процедурами ЕЭС не имел полномочий обсуждать его с американским коллегой. Г. Киссинджер раскритиковал проект, в составлении которого США не принимали участия. Он был недоволен двухуровневой процедурой, в соответствии с которой сначала проводилось согласование внутри ЕЭС (на которое США не могли влиять), а затем уже сообщество вступало в переговоры с США. Вашингтон настаивал, что европейцы должны были предоставить Соединенным Штатам возможность через консультации доносить свое мнение до ЕЭС на стадии переговорного процесса. Реакция Г. Киссинджера на подход сообщества только подтвердила подозрения европейцев, что США действуют не как лидер Атлантического альянса, а как независимая сверхдержава, для которой Альянс является всего лишь вспомогательным средством [8. Р. 158].

Тем не менее на официальном уровне США приветствовали европейский проект как основу для дальнейших обсуждений и приняли предложение ЕЭС о двух декларациях. Конечный ответ Вашингтона зависел от содержания документа, касающегося НАТО [7. Р. 244; 9. Р. 332–333]. В рамках НАТО переговорный процесс был проще, так как США как член альянса участвовали в обсуждении. В ходе пресс-конференции 26 сентября 1973 г. Г. Киссинджер отметил европейский вклад в «Год Европы» [2. Р. 707]. Однако президент Р. Никсон не поддержал идею о встрече с министрами иностранных дел «девятки», которые были ниже его рангом. Отказ подписывать декларацию с европейскими институтами, а не главами государств и правительств, явно свидетельствовал о том, что Р. Никсон и Г. Киссинджер были настроены против развития европейской политической интеграции и отдавали предпочтение традиционной двусторонней дипломатии, рассматривая международные отношения как отношения между национальными государствами.

3 октября 1973 г. М. Жобер представил в НАТО проект декларации об Атлантическом альянсе. В документе говорилось о неделимости союзной безопасности и общей обороне как предусловии разрядки. В совместной обороне подчеркивались такие компоненты, как присутствие американских войск в Европе,

эффективное ядерное сдерживание, европейский вклад в оборону Европы. Поскольку данный документ был лучшим, на что могли рассчитывать американцы, и к тому же исходил от Франции (ведущего диссидента в Альянсе), Г. Киссинджер принял проект как основу для переговоров, хотя и раскритиковал его за то, что в документе не была отмечена политическая роль НАТО, а также необходимость консультаций и увеличения вклада европейцев в совместную оборону [2. Р. 705–706; 16. Р. 189–190].

Влияние нефтяного кризиса

План М. Жобера представить Атлантическую декларацию в обмен на признание Соединенными Штатами независимой политической роли для ЕЭС, возможно, мог бы преуспеть, если бы не очередная арабо-израильская война, начавшаяся 6 октября 1973 г. «Война Судного дня» стала острейшим конфликтом между США и странами Западной Европы со времен Суэцкого кризиса 1956 г. В то время как США активно поддерживали Израиль, европейские страны придерживались политики нейтралитета. После того как египетские и сирийские войска атаковали Израиль, США в срочном порядке организовали воздушный мост для военных поставок Израилю с американских военных баз в Европе, о чем лишь информировали своих союзников. В связи с поставками Израилю с европейских баз европейцы задались вопросом о том, зачем нужны американские войска в Европе: для защиты от советской агрессии или для американских действий по всему миру [17. Р. 80].

25 октября правительство США, обеспокоенное советской помощью арабским странам, без всяких консультаций с европейскими союзниками объявило состояние повышенной боевой готовности американских войск. Таким образом, правительство Р. Никсона дискредитировало собственную концепцию диалога и консультаций. «Война Судного дня» показала европейцам, как быстро региональный конфликт может перерасти в конфронтацию между сверхдержавами, в которую европейские страны будут втянуты помимо собственной воли. Другим последствием войны стал нефтяной кризис. С начала 1970-х гг., еще до начала арабо-израильской войны, государства, входящие в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), научились выступать единым фронтом против западных нефтяных компаний в вопросах цен и контроля над нормами добычи нефти. Время дешевой нефти стремительно уходило в прошлое, но западные правительства все еще думали, что могут решить проблему на национальном уровне [18. Р. 22, 34].

В ответ на военную помощь Израилю арабские государства – производители нефти сократили ее добычу и ввели эмбарго на поставки нефти в те страны, которые оказывали поддержку Израилю. Страны Персидского залива приняли решение о повышении цен на нефть. В то время как США были обеспокоены советскими действиями в регионе, Европа столкнулась с экономическими последствиями «нефтяного оружия». В ходе арабо-израильской войны страны Западной

Европы дистанцировались от ближневосточной политики США. Большинство европейских стран – членов НАТО запретили полеты американских военных самолетов в Израиль над своими территориями.

В ответ на «войну Судного дня» и нефтяной кризис 6 ноября 1973 г. европейцы приняли первую декларацию ЕПС о мире на Ближнем Востоке, которая формулировала общую политику в отношении арабо-израильского конфликта. Проарабская декларация, принятая без предварительного согласования с США, призывала конфликтующие стороны к мирным переговорам в рамках ООН на основе резолюции СБ ООН № 242 от 22 ноября 1967 г., которая призывала арабские государства признать право Израиля жить в мире в пределах безопасных и признанных границ взамен на вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время шестидневной войны июня 1967 г. Страны – члены ЕЭС перечислили основные условия мирного соглашения: недопустимость присвоения территорий силой; освобождение Израилем территорий, захваченных во время войны 1967 г.; уважение суверенитета, территориальной целостности и независимости каждого из государств региона и их права жить в мире в рамках безопасных и признанных границ; учет законных прав палестинцев [19. Р. 300–301].

Таким образом, европейцы впервые официально сформулировали независимое мнение ЕЭС по внешнеполитическому вопросу и защищали позицию, которую США считали идущей вразрез с их целями и интересами. В связи с принятием декларации Г. Киссинджер сделал заявление о том, что прежде принятия общего решения в ЕЭС европейские правительства должны были быть уверены в его одобрении Вашингтоном. На это премьер-министр Великобритании Э. Хит парировал: «Со стороны США было ошибочно полагать, что они могут иметь “Год Европы” без консультаций с европейцами» [20. Р. 651]. Для французов позиция Г. Киссинджера стала подтверждением тезиса Ш. де Голля о том, что Америка никогда не хотела единую Европу в ином качестве, кроме как инструмента собственной политики [8. Р. 159–160]. Все более настойчивые американские призывы к предварительным консультациям по европейским внешнеполитическим решениям показывали, что с американской точки зрения автономия «девятки» в дипломатической сфере будет ограничена [10. Р. 245].

Переговоры по Атлантической декларации не могли продолжаться в такой накаленной атмосфере. По настоянию Франции с 26 октября европейские страны приостановили работу над декларацией в знак протеста, что США объявили военную тревогу без консультаций с союзниками. Открытым оставался вопрос о том, как быть с Японией и Канадой. Европейцы предлагали подписать двусторонние декларации с каждым из партнеров, США выступали за единую Атлантическую декларацию. Работа над декларацией об отношениях США–ЕС застопорилась из-за споров по формулировкам. США были против упоминания в преамбуле документа европейцев, с одной стороны, и американцев – с другой. Вместо этого американская сторона предлагала включить в декларацию понятия взаимозависимо-

сти, партнерства и продвинутых консультаций. «Девятка» в полном составе выступала за европейское единство и против уступок американским требованиям [7. Р. 208–209].

31 октября 1973 г. президент Франции Ж. Помпиду предложил проведение регулярных европейских саммитов по внешнеполитическим вопросам. Первый саммит, посвященный проблемам Ближнего Востока, состоялся 14–15 декабря 1973 г. в Копенгагене. Копенгагенский саммит, на который были приглашены министры иностранных дел арабских государств, подтвердил позицию ЕЭС по миру на Ближнем Востоке от 6 ноября 1973 г. и дал старт европейско-арабскому диалогу по экономическим вопросам, включая поставки энергоресурсов [21. Р. 377–378]. Размытость и возможные политические последствия диалога не могли не беспокоить Г. Киссинджера, который вел деликатную «челночную дипломатию» с арабскими странами.

На саммите была принята декларация о европейской идентичности, подготовленная Политическим комитетом ЕПС. Декларация характеризовала «девятку» как «сообщество ценностей», открытое для других европейских наций, которые разделяют те же идеалы и цели. В качестве общих ценностей назывались представительная демократия, право закона, социальная справедливость и уважение прав человека. В документе говорилось, что международная обстановка и растущая концентрация власти и ответственности в руках небольшого числа великих держав требуют от Европы объединиться и говорить одним голосом, чтобы быть услышанной и играть соответствующую роль в мире. Вторая часть декларации «Европейская идентичность в отношении к миру» обрисовывала принципы отношений ЕЭС с третьими странами или группами стран, включая США, с которыми «девятка» «намеревалась поддерживать конструктивный диалог и развивать сотрудничество на основе равенства». Документ заканчивался напоминанием о динамическом характере европейской конструкции [22. Р. 93–97]. Декларация являлась новаторским заявлением, которое применяло европейскую идентичность к ЕЭС и таким образом определяло ее скорее в политических, чем культурных терминах [14. Р. 245].

То, что 1973 год заканчивался декларацией о европейской идентичности, а не Атлантической декларацией, бросало вызов администрации Р. Никсона. Выступая перед Обществом пилигримов в Лондоне 12 декабря 1973 г., Г. Киссинджер заявил, что США не рассматривают усиление атлантического единства и укрепление европейской идентичности как несовместимые процессы и что США не ограничивают международную роль Европы только региональными вопросами. Он однако заметил, что европейское единство не должно укрепляться ценой согласия внутри Атлантического сообщества [23. Р. 40–42]. Двумя днями ранее на заседании Совета НАТО в Брюсселе Г. Киссинджер предложил поскорее закончить работу над двумя декларациями (по НАТО и об отношениях США–ЕС), разработать процедуру консультаций в Альянсе по общим проблемам вне зоны ответственности НАТО, выработать совместные решения по преодолению

нию энергетического кризиса [2. Р. 723]. После принятия декларации ЕЭС о мире на Ближнем Востоке арабские страны сняли ограничения на поставки нефти в страны сообщества (кроме Нидерландов, которые продолжали поддерживать Израиль), но цены оставались высокими. Г. Киссинджер призвал страны – потребители нефти объединиться в противостоянии нефтяному кризису. В Европе, напротив, считали, что создание блока западных индустриальных стран может спровоцировать возмездные действия ОПЕК и предлагали перенести обсуждение данного вопроса в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Хотя в мемуарах Г. Киссинджер пишет о том, что «Год Европы» завершился в 1973 г., именно первая половина 1974 г. была отмечена пиком конфронтации между США и ЕЭС и последующей выработкой компромиссов [7. Р. 213]. В начале 1974 г. положение США было иным, чем при провозглашении «Года Европы». Нефтяной кризис способствовал укреплению американской экономики и позволил США восстановить свое лидерство в западном блоке. В декабре 1973 г. страны ОПЕК вторично объявили о повышении цен на сырую нефть и пересмотрели нормы ее добычи. Резкое повышение цен на нефть привело к углублению депрессии в мировой экономике и особенно больно ударило по Европе. На саммите в Копенгагене страны ЕЭС не смогли выработать общих мер в ответ на энергетический кризис. Зависимость европейских стран от поставок нефти из стран Ближнего Востока делала их зависимыми от процесса ближневосточного урегулирования, который, в свою очередь, зависел от способности США надавить на Израиль.

В ходе Вашингтонской энергетической конференции 11–13 февраля 1974 г., собранной по инициативе США, все приглашенные на конференцию страны – члены ЕЭС, кроме Франции (которая выступала в пользу заключения двусторонних нефтяных соглашений с арабскими странами до выработки коллективной энергетической политики ЕЭС), согласились с американскими предложениями об институционализации энергетического сотрудничества. Так как Франция отказалась подписывать итоговое коммюнике, страны – члены ЕЭС решили сделать это в индивидуальном порядке, что подтвердило, что сообщество не может выступать как единый блок. По итогам конференции была создана координирующая группа, которая стала основой для учреждения в ноябре 1974 г. Международного энергетического агентства. Странам – потребителям нефти постепенно удалось добиться отмены нефтяного эмбарго и склонить страны ОПЕК к диалогу, а не конфронтации с Западом.

Вашингтонская конференция привела к глубокому расколу «девятки», однако в марте 1974 г. в Брюсселе страны – члены ЕЭС согласились продолжить развитие европейско-арабского диалога с целью компенсировать исключение Европы из ближневосточного мирного процесса, а также уменьшить силу «нефтяного оружия» через усиление экономической взаимозависимости между европейскими и арабскими государствами. Решение было принято несмотря на американские предупреждения, что такие встречи могут сорвать

усилия Г. Киссинджера по установлению мира на Ближнем Востоке и вызвать кризис в Североатлантическом альянсе.

Администрация США публично обвинила европейцев в саботировании ближневосточного мирного процесса. 15 марта 1974 г. Р. Никсон на национальном телевидении заявил: «Европейцы не могут одновременно располагать сотрудничеством с США в сфере безопасности и быть конфронтационными и даже враждебными в экономической и политической сферах. Ситуация, когда девять стран Европы объединились против США, которые являются гарантами их безопасности, является недопустимой» [10. Р. 288]. В письме к канцлеру ФРГ В. Брандту американский президент информировал немецкого политика, что приостанавливает работу над декларациями, откладывает поездку в Европу для их подписания, ставит под вопрос американские гарантии европейской безопасности.

Итоги «Года Европы»

Весной 1974 г. умер президент Франции Ж. Помпиду, свои посты покинули канцлер ФРГ В. Брандт и премьер-министр Великобритании Э. Хит. На их место пришли В. Жискара д'Эстен, Г. Шмидт и Г. Вильсон. Британское правительство лейбористов было более проатлантически настроено, чем консервативное правительство Э. Хита. При Г. Вильсоне усилилось критическое отношение к Общему рынку, было выдвинуто требование пересмотреть условия членства Великобритании в ЕЭС. Британское правительство выразило готовность к консультациям с США. В мае 1974 г. министр иностранных дел Дж. Каллагэн предложил политику, основанную на консультациях, координации и сотрудничестве с США. Он выступал против того, чтобы ЕЭС конструировало свою собственную внешнюю политику прежде обсуждения с Вашингтоном [Ibid. Р. 307]. В. Жискара д'Эстен и Г. Шмидт как бывшие министры финансов понимали, что выход из экономического кризиса невозможен без сотрудничества с крупнейшей экономикой мира. После нефтяного шока и Вашингтонской энергетической конференции к европейцам пришло осознание того, что они нуждаются в поддержке США для решения своих энергетических проблем.

Европейцы сдались в попытках сформулировать общую политику в отношении США. Оставалась проблема, как в рамках ЕПС принимать в расчет американские взгляды, не подрывая автономности процесса принятия решений. Дж. Каллагэн настаивал на том, что Великобритания должна иметь право говорить с американцами в любое время и по любому вопросу. Г. Шмидт внес предложение проводить консультации с США после согласования решений на уровне Политического комитета, что позволило бы Вашингтону изложить свою позицию до обсуждения министрами иностранных дел. Такой механизм помог бы избежать как излишнего воздействия США на ЕПС, так и возвращения к двусторонним консультациям с Вашингтоном. Франция усмотрела в предложении Бонна подрыв автономности ЕПС, а Великобритания –

нарушение своего права на консультации с Вашингтоном в любое время [10. Р. 317].

20–21 апреля 1974 г. на неформальной встрече министров иностранных дел под Бонном (в замке Гимних) была найдена так называемая формула Гимниха, предусматривавшая возможность проведения консультаций с третьей стороной по мере необходимости и при наличии консенсуса. На встрече в Гимнихе также было принято решение о том, что работа над декларацией по НАТО должна быть продолжена. Официально текст формулы Гимниха был опубликован по итогам следующей встречи министров 10–11 июня 1974 г. В нем говорилось: если один из членов ЕПС поднимет вопрос об информировании или консультациях с союзным или дружественным государством, «девятка» может обсудить данный вопрос и по достижении соглашения уполномочить страну, председательствующую в ЕЭС, провести консультации от ее имени [24. Р. 97–98]. На практике это означало, что лояльное по отношению к США государство получало возможность удалить вопрос, не устраивающий Вашингтон, из европейской повестки дня и перевести его на двусторонний уровень. Таким образом, формула Гимниха подтвердила невозможность проведения европейской внешней политики, идущей вразрез с американскими интересами.

19 июня 1974 г. на саммите НАТО в Оттаве была одобрена декларация об атлантических отношениях, которая и поставила точку под «Годом Европы». Оттавская декларация, подписанная главами государств и правительств стран-членов НАТО в Брюсселе 26 июня 1974 г., подтвердила неделимость обороны Североатлантического альянса, вовлеченность США в европейские дела, готовность усиливать практику дружественных и своевременных консультаций, подчинение экономических различий между союзниками интересам совместной безопасности. Декларация признавала, что дальнейшее движение к европейскому единству со временем должно оказать благотворное влияние на вклад членов Европейского сообщества в совместную оборону Альянса [25].

Подписание Оттавской декларации было не тем, что Г. Киссинджер предлагал изначально, однако она все же стала победой атлантической концепции над европейскими политическими устремлениями [10. Р. 322]. В декларации не упоминалась особая политическая роль Европы в международных делах. Европейцы отказались от попыток воздействовать на мирный процесс на Ближнем Востоке и решили воздерживаться от всех политических вопросов в европейско-арабском диалоге. Таким образом, на Ближнем Востоке «девятка» признала разделение труда с США, которые отвечали за мирное урегулирование арабо-израильского конфликта, а европейцы ограничили свое участие экономической сферой [Ibid. Р. 338–339].

Как пишет финский историк Ю. Ханхимяки, «Год Европы» должен был стать очередным внешнеполитическим триумфом бывшего профессора из Гарварда [26. Р. 23]. Этого, однако, не случилось. Сам Г. Киссинджер обвинил в провале «Года Европы» ослабевающую после Уотергейта власть Р. Никсона и махинации дипломатов Старого Света. По его мнению, тактиче-

ская ошибка заключалась в том, что инициатива была выдвинута на уровне даже не госсекретаря [2. Р. 193, 729]. Пропагандистское обеспечение «Года Европы» также было «явно недостаточным, в первую очередь из-за пассивности Никсона» [27. С. 48]. Г. Киссинджер рассчитывал, что его выступление произведет такой же эффект, как речь Дж. Маршалла, заложившая фундамент послевоенного трансатлантического сотрудничества. В свою очередь, название «Атлантическая хартия» отсылало к англо-американскому союзу времен Второй мировой войны и сложившемуся взаимопониманию между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Позже в мемуарах Г. Киссинджер был вынужден признать, что «историю нельзя повторить по команде» и что условия изменились: Европа выбрала европейское единство, Америка была истощена Уотергейтом, а нефтяной кризис завершил дело. По иронии, замечает Киссинджер, США могли отозвать инициативу только ценой быть обвиненными в подрыве европейского единства [2. Р. 702].

По мнению историков, причиной провала стало разное видение европейского единства и Атлантического сообщества в Европе и США. «Год Европы» стал разочарованием не только для США, но и для стран Западной Европы. Американская инициатива бросила вызов европейским странам, которые в ответ решили развивать политическое сотрудничество в рамках ЕЭС. В свою очередь, появление ЕПС породило опасения в Вашингтоне, что Европа может стать не только экономическим соперником, но и политическим конкурентом США. Американские страхи оказались преувеличенными. Сила национальных интересов европейских государств, которая перевешивала общеевропейские интересы, и зависимость европейской обороны от США и НАТО не дали европейскому единству пойти дальше риторики. Когда европейские страны почувствовали, что могут лучше защитить свои интересы в согласии с США, европейское единство быстро испарилось [7. Р. 237–238, 253–254; 9. Р. 312–315]. Таким образом, Соединенным Штатам удалось удержать свое лидерство в Североатлантическом альянсе, а европейцы осознали, что сопротивление американской инициативе является недостаточной основой для формирования общей внешней политики и что объединение против США невозможно.

Если в краткосрочной перспективе «Год Европы» оказался провальной дипломатической инициативой, то в долгосрочной перспективе его можно рассматривать как перестройку отношений США с основными союзниками в контексте быстро трансформирующейся международной системы. После отставки Р. Никсона в августе 1974 г. президентом США стал Г. Форд, который был заинтересован в восстановлении отношений со странами Западной Европы. Спокойный стиль руководства Г. Форда способствовал установлению относительной гармонии в американо-европейских отношениях [28. Р. 127; 29. С. 65]. В середине 1970-х гг. США и ЕЭС нашли новые форумы взаимодействия в рамках Международного энергетического агентства, «большой семерки» и Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Зависимость стран Западной

Европы от США в энергетической сфере, необходимость американских ядерных гарантий, несмотря на разрядку международной напряженности, сохранение за Соединенными Штатами позиций ведущей эконо-

мической державы способствовали сохранению духа «Года Европы». Сотрудничество между США, странами Западной Европы и Японией (то, что стояло за «Годом Европы») развивалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kissinger H. *The White House Years*. London : Weidenfeld and Nicolson and Joseph, 1979. 1521 p.
2. Kissinger H. *Years of Upheaval*. London : Weidenfeld & Nicolson, 1982. 1283 p.
3. The President's News Conference of January 31, 1973 // *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon*. 1973. Washington : US Government Printing Office (GPO), 1975. 1152 p.
4. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1969–1976. Washington : US GPO, 2012. Vol. 41: Western Europe; NATO, 1969–1972. 1065 p.
5. Address Given by Henry A. Kissinger (New York, 23 April 1973). URL: http://www.cvce.eu/content/publication/2002/9/30/dec472e3-9dff-4c06-ad8d-d3fab7e13f9f/publishable_en.pdf (accessed: 25.05.2021).
6. Fourth Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. May 3, 1973 // *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon*. 1973. Washington: US GPO, 1975. 1152 p.
7. *The Strained Alliance: U.S. – European Relations from Nixon to Carter* / ed. by M. Schulz, T.A. Schwartz. Washington : German Historical Institute, 2010. 383 p.
8. Ball J.W. *Diplomacy for a Crowded World: an American Foreign Policy*. Boston : Little, Brown, 1976. P. 356 p.
9. *Beyond the Customs Union: the European Community's Quest for Deepening, Widening and Completion, 1969–1975* / ed. by J. van der Harst. Bruxelles : Bruylant, 2007. 408 p.
10. Mockli D. *European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Europe*. London : I.B. Tauris, 2009. 476 p.
11. Ludlow N.P. The Real Years of Europe? U.S. – West European Relations during the Ford Administration // *Journal of Cold War Studies*. 2013. Vol. 15, № 3. P. 136–161.
12. Pietrantonio S. The Year that Never Was: 1973 and the Crisis between the United States and the European Community // *Journal of Transatlantic Studies*. 2010. Vol. 8, № 2. P. 158–177.
13. Jones M. "A Man in a Hurry": Henry Kissinger, Transatlantic Relations, and the British Origins of the Year of Europe Dispute // *Diplomacy & Statecraft*. 2013. Vol. 24. P. 77–99.
14. Gfeller A.E. A Contested Identity: France and the Year of Europe, 1973–1974 // *The Road to a United Europe: Interpretations of the Process of European Integration* / ed. by M. Rasmussen and A.-C.L. Knudsen, Brussels : Peter Lang, 2009. 380 p.
15. Text of European Community's Proposal on Relations with the US // *The New Europe and the United States: Partners or Rivals* / ed. by G. Mally. Lexington, MA : Lexington Books, 1974. 462 p.
16. *Between Empire and Alliance: America and Europe during the Cold War* / ed. by M. Trachtenberg. Lanham, MD : Rowman & Littlefield N.Y., 2003. 209 p.
17. *The United States and the European Alliance since 1945* / ed. by K. Burk, M. Stokes. Oxford : Berg, 1999. 324 p.
18. Buchan A. *Europe and America: from Alliance to Coalition*. Farnborough : Saxon House for the Atlantic Institute for International Affairs, 1973. 48 p.
19. Statement by the Nine Foreign Ministers on the Situation in the Middle East, Brussels, 6 November 1973 // *European Foreign Policy: Key Documents* / ed. by C. Hill, K.E. Smith. London : Routledge, 2000. 477 p.
20. Spelling A. Edward Heath and Anglo-American Relations 1970–1974: a Reappraisal // *Diplomacy & Statecraft*. 2009. Vol. 20. P. 638–658.
21. Communiqué of European Community 'Summit' Meeting. 15 December 1973 // *The New Europe and the United States: Partners or Rivals* / ed. by G. Mally. Lexington, MA : Lexington Books, 1974. 462 p.
22. Declaration on European Identity by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen, 14 December 1973 // *European Foreign Policy: Key Documents* / ed. by C. Hill, K.E. Smith. London : Routledge, 2000. 477 p.
23. Kissinger H. Address to The Pilgrims of Great Britain. 12 December 1973 // *The New Europe and the United States: Partners or Rivals* / ed. by G. Mally. Lexington, MA : Lexington Books, 1974. 462 p.
24. Text of the Gymnich Formula, 10–11 June 1974 // *European Foreign Policy: Key Documents* / ed. by C. Hill, K.E. Smith. London : Routledge, 2000. 477 p.
25. Declaration on Atlantic Relations Issued by the North Atlantic Council ("The Ottawa Declaration"), 19 June 1974. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26901.htm (accessed: 25.05.2021).
26. Hanhimäki J.M. Re-configuring the Free World: Kissinger, Brzezinski, and the Trilateral Agenda // *Journal of Transatlantic Studies*. 2019. Vol. 17. P. 23–41.
27. Бетмакаев А.М. Пропаганда и публичная дипломатия: американская инициатива «Год Европы» и отношения между США и ЕС в 1973 г. // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2012. № 28. С. 43–48.
28. Schwartz T.A. "A Frankenstein Monster": Henry Kissinger, Richard Nixon, and the Year of Europe // *Journal of Transatlantic Studies*. 2019. Vol. 17. P. 110–128.
29. Золотова Л.Г. Трансатлантические отношения и инициатива «Год Европы» (1973) // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2013. № 10. С. 49–66.

Oksana G. Lekarenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

HENRY KISSINGER'S «YEAR OF EUROPE» AND TRANSATLANTIC RELATIONS (1973–1974)

Keywords: US foreign policy, "Year of Europe", European Political Cooperation, European Community, H. Kissinger, transatlantic relations.

The article aims to analyze the American "Year of Europe" initiative in the context of transatlantic relations. By the early 1970s, significant structural changes had taken place in transatlantic relations. In order to revitalize the neglected transatlantic ties, the Nixon administration unilaterally decided to declare 1973 the "Year of Europe". Instead of what Richard Nixon and his adviser Henry Kissinger had planned, the American initiative triggered one of the deepest crises in American-European relations. The leaders of Western European countries feared that the main goal of the "Year of Europe" was to assert the hegemonic domination of the United States over its allies. The American initiative prompted the countries of the European Community to engage in the first attempt to take a unitary foreign policy stance. The paper is based on available American (published documents, memoirs, press conferences, and public speeches of the President Richard Nixon and his Assistant for National Security Affairs Henry Kissinger) and European (European Community documents) sources. First, the author investigates the reasons and preconditions of the American initiative. Then the main ideas of the Kissinger's "Year of Europe" speech are analyzed. The next part of the article reveals the negative and suspicious attitude of Europeans towards

Kissinger's speech (especially the reactions of France, Great Britain, and the Federal Republic of Germany) as well as the efforts of Western European countries to form a collective European response to Washington within the framework of the European Political Cooperation. The article then examines how external challenges, the Arab-Israeli war and the oil crisis, have undermined the European efforts and facilitated for the Nixon administration the task to re-establish American leadership in the Atlantic Alliance. The last part of the article discusses the outcome of the "Year of Europe", its main lessons, and consequences in the short and long-term perspectives. The author concludes that if in the short-term the "Year of Europe" turned out to be a failed diplomatic initiative, then in the long-term it can be seen as a step in restructuring US relations with the major allies in the context of a rapidly transforming international system. American-European cooperation had developed successfully through the International Energy Agency, the G7 and the Conference on Security and Cooperation in Europe. The study contributes to our understanding of the evolution of transatlantic relations since the 1970s.

REFERENCES

1. Kissinger, H. (1979) *The White House Years*. London : Weidenfeld and Nicolson and Joseph, 1979. 1521 p.
2. Kissinger, H. (1982) *Years of Upheaval*. London: Weidenfeld & Nicolson.
3. Nixon, R. (1975a) The President's News Conference of January 31, 1973. In: *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon*. 1973. Washington: US Government Printing Office (GPO).
4. USA. (2012) *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1969–1976. Vol. 41. Washington: US GPO.
5. Kissinger, H. (1973) *Address Given by Henry A. Kissinger (New York, 23 April 1973)*. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/content/publication/2002/9/30/dec472e3-9dff-4c06-ad8d-d3fab7e13f9f/publishable_en.pdf (Accessed: 25th May 2021).
6. Nixon, R. (1975b) Fourth Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. May 3, 1973. In: *Public Papers of the Presidents of the United States: Richard Nixon*. 1973. Washington: US GPO.
7. Schulz, M. & Schwartz, T.A. (eds) (2010) *The Strained Alliance: U.S. – European Relations from Nixon to Carter*. Washington: German Historical Institute.
8. Ball, J.W. (1976) *Diplomacy for a Crowded World: an American Foreign Policy*. Boston: Little, Brown.
9. Harst, J. van der (2007) *Beyond the Customs Union: the European Community's Quest for Deepening, Widening and Completion, 1969–1975*. Bruxelles: Bruylant.
10. Mockli, D. (2009) *European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Europe*. London: I.B. Tauris.
11. Ludlow, N.P. (2013) The Real Years of Europe? U.S. – West European Relations during the Ford Administration. *Journal of Cold War Studies*. 15(3). pp. 136–161.
12. Pietrantonio, S. (2010) The Year that Never Was: 1973 and the Crisis between the United States and the European Community. *Journal of Transatlantic Studies*. 8(2). pp. 158–177.
13. Jones, M. (2013) "A Man in a Hurry": Henry Kissinger, Transatlantic Relations, and the British Origins of the Year of Europe Dispute. *Diplomacy & Statecraft*. 24. pp. 77–99. DOI: 10.1080/09592296.2013.762884
14. Gfeller, A.E. (2009) A Contested Identity: France and the Year of Europe, 1973–1974. In: Rasmussen, M. & Knudsen, A.-C.L. (eds) *The Road to a United Europe: Interpretations of the Process of European Integration*. Brussels: Peter Lang.
15. EU. (1974a) Text of the European Community's Proposal on Relations with the US. In: Mally, G. (ed.) *The New Europe and the United States: Partners or Rivals*. Lexington, MA: Lexington Books.
16. Trachtenberg, M. (2003) *Between Empire and Alliance: America and Europe during the Cold War*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield N.Y.
17. Burk, K. & Stokes, M. (eds) (1999) *The United States and the European Alliance since 1945*. Oxford: Berg.
18. Buchan, A. (1973) *Europe and America: from Alliance to Coalition*. Farnborough: Saxon House for the Atlantic Institute for International Affairs.
19. EU. (2000a) Statement by the Nine Foreign Ministers on the Situation in the Middle East, Brussels, 6 November 1973. In: Hill, C. & Smith, K.E. (eds) *European Foreign Policy: Key Documents*. London: Routledge.
20. Spelling, A. (2009) Edward Heath and Anglo-American Relations 1970–1974: a Reappraisal. *Diplomacy & Statecraft*. 20. pp. 638–658. DOI: 10.1080/09592290903455766
21. EU. (1974b) Communique of European Community 'Summit' Meeting. 15 December 1973. In: Mally, G. (ed.) *The New Europe and the United States: Partners or Rivals*. Lexington, MA: Lexington Books.
22. EU. (2000b) Declaration on European Identity by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen, 14 December 1973. In: Hill, C. & Smith, K.E. (eds) *European Foreign Policy: Key Documents*. London: Routledge.
23. Kissinger, H. (1974) Address to The Pilgrims of Great Britain. 12 December 1973. In: Mally, G. (ed.) *The New Europe and the United States: Partners or Rivals*. Lexington, MA: Lexington Books.
24. EU. (2000c) Text of the Gymnich Formula, 10–11 June 1974. In: Hill, C. & Smith, K.E. (eds) *European Foreign Policy: Key Documents*. London: Routledge.
25. NATO. (1974) *Declaration on Atlantic Relations Issued by the North Atlantic Council ("The Ottawa Declaration")*, 19 June 1974. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26901.htm? (Accessed: 25th May 2021).
26. Hanhimäki, J.M. (2019) Re-configuring the Free World: Kissinger, Brzezinski, and the Trilateral Agenda. *Journal of Transatlantic Studies*. 17. pp. 23–41.
27. Betmakaev, A.M. (2012) Propaganda i publichnaya diplomatiya: amerikanskaya initsiativa "God Evropy" i otnosheniya mezhdu SShA i ES v 1973 g. [Propaganda and public diplomacy: the American initiative "Year of Europe" and relations between the US and the EU in 1973]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. 28. pp. 43–48.
28. Schwartz, T.A. (2019) "A Frankenstein Monster": Henry Kissinger, Richard Nixon, and the Year of Europe. *Journal of Transatlantic Studies*. 17. pp. 110–128. DOI: 10.1057/s42738-019-00008-y
29. Zolotova, L.G. (2013) The year of Europe (1973) and transatlantic relations. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 10. pp. 49–66. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/75/14

В.Н. Кудряшев

МЕЖДУ ЮДОФОБИЕЙ И СИОНИЗМОМ: «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ТРАКТОВКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ В 1880–1890-е гг.

Рассматриваются различные точки зрения русских либеральных народников на сущность и причины антисемитизма и юдофобии, доминировавшие в русском обществе второй половины XIX в. Автор акцентирует внимание, что «еврейский вопрос» трактовался в народнических изданиях как один из самых острых и сложных аспектов межнациональных отношений в Российской империи. Демонстрируется в целом негативное отношение либеральных народников к антисемитизму и сионизму как крайним проявлениям национализма при наличии существенно расходящегося понимания о путях его преодоления.

Ключевые слова: еврейский вопрос, антисемитизм, юдофобия, сионизм

Интерес российских социалистов к еврейскому населению, его проблемам, взаимоотношениям с другими народами 1860–1870-е гг. носил спорадический характер. В любом случае «еврейский вопрос» по степени обсуждения значительно уступал «польскому» или «малорусскому». Ситуация радикально меняется после еврейских погромов 1881 г. Массовость и ожесточенность антиеврейских выступлений заставили представителей всех течений, во-первых, осознать наличие «еврейского вопроса» как острой и актуальной проблемы, требовавшей реакции правительства и общества, и, во-вторых, попытаться разобраться в их причинах. Еврейские погромы случались и ранее, но внимания общественности не привлекали. Возможно, это объясняется тем, что предыдущие эксцессы рассматривались исключительно как межэтнические конфликты. Теперь же в погромах искали социальные причины, и в условиях нарастания напряженности в обществе, взбудораженном активизацией революционного движения, они воспринимались как предвестники более глобальных катаклизмов.

Либеральное народничество в оценке событий 1881 г. и в отношении к «еврейскому вопросу» заметно разделилось. Выделялись три основные точки зрения. К первой группе можно отнести В.В. Бирюковича, В.Г. Короленко, С.Н. Кривенко, Б.П. Онгирского, Н.В. Шелгунова. Их статьи носили очевидно апологетический по отношению к евреям характер и имели целью опровергнуть юдофобские настроения, царившие в российском обществе вообще и в публицистике в частности. И.И. Каблиц демонстрировал откровенный антисемитизм. С.В. Южаков старался придерживаться центристских позиций.

Народники-реформаторы указывали на предвзятость юдофобов, пытавшихся доказать, что евреи являются абсолютно чуждым элементом в российском

обществе, изгоями среди многонационального и поликонфессионального российского населения, стремящимися своими действиями ослабить российскую государственность. На этом основании они отказывают евреям в возможности обретения политического равноправия, грозящего большим простором для проявления последними «антигосударственных инстинктов» [1. С. 655]. В.В. Бирюкович призывал не демонизировать евреев, подчеркивая отсутствие принципиальных отличий иудаизма от других религий, исповедовавшихся народами России. Иудаизм был не более нетерпим и агрессивен к иноверцам, чем ислам и католицизм. Чтобы доказать обратное, юдофобы произвольно выдергивают цитаты из Талмуда, сознательно игнорируя исторические обстоятельства, в которых они писались. Подобные технологии, по мнению публициста, способны любую религию представить как агрессивную и нетерпимую к представителям других конфессий. Поэтому он не приемлет политику двойных стандартов, проводимую в отношении иудеев, лишенных элементарных прав, которыми российское законодательство наделяет остальные народы [Там же].

Публицист указывал на лицемерие консерваторов, призывавших к солидарности с угнетенными славянами и создававших для помощи южным славянам международные благотворительные организации, но в аналогичной деятельности международных еврейских союзов видевших реализацию зловещих планов по установлению мирового господства. Он задается вопросом: почему приветствуется солидарность славянская и вызывает подозрения и неприязнь солидарность еврейская [Там же. С. 656, 659–660]. В условиях активной миграции многие представители национальных диаспор организуются для оказания поддержки своим народам. Они активно выступают против национальной дискриминации на своей исторической родине,

и подобные явления сочувственно воспринимаются международной общественностью. Поэтому аналогичные действия еврейских организаций, справедливо критикующих правительства стран, где притеснения евреев приобрели характер целенаправленной политики, не должны восприниматься как антигосударственные, имеющие какие-либо преступные политические цели [1. С. 661–662].

Гипертрофированная еврейская солидарность, противостоящая остальному миру, по мнению народников, в современных им условиях скорее являлась результатом воображения юдофобов, нежели реальностью. Далеко зашедшая социальная, культурная дифференциация евреев, в том числе и в России, уже достаточно разрушила этот некогда замкнутый социум [Там же]. Тем большее недоумение вызывали у публицистов принятые правительством нормативные акты, укреплявшие кагалность еврейских общин. Вместо поощрения включения евреев в общие процессы они укрепляли с помощью силы государства власть религиозных лидеров и тем самым способствуют искусственному поддержанию изоляции евреев [1. С. 680–681; 2. С. 37].

Дискутируя с публикациями в консервативных изданиях, социалисты категорически не соглашались с изложенной в них трактовкой причин еврейских погромов. Прежде всего народники отвергали якобы устойчивую идиосинкразию русских к евреям как к народу. Русский народ, всегда отличавшийся толерантностью, никогда не проявлял ненависти к другим национальностям. Тем более нелепым, по их мнению, выглядела апелляция к биологической детерминанте межнациональных отношений [3. С. 100–101; 4. С. 148].

Социалисты надеялись убедить читателей в том, что антисемитизм является уделом националистов, сосредоточенных в нескольких консервативных журналах, но не распространен среди русского народа. По их мнению, для формирования антисемитизма на уровне массового сознания не было причин. В любом случае сохранение русским народом лидирующих позиций в российском многонациональном государстве будет зависеть от его способности к сплочению этого многонационального сообщества. Такую задачу Н.В. Шелгунов выдвигает как весьма важную и актуальную, учитывая, что представители великорусской национальности являлись уже меньшинством среди всего населения России. Но при этом русская этничность проявляет редкую живучесть, мягко ассимилируя другие народы и впитывая их черты. Он верил в интегрирующие способности русских и не видел реальных угроз их доминированию [5. С. 68–69, 74].

Как основную народники-публицисты рассматривали версию об экономических причинах антиеврейских настроений. Анализируя информацию о погромах, они приходили к выводу, что чаще всего погромщики уничтожали имущество евреев, не покушаясь на их жизнь. Данные факты, по их мнению, подтверждали отсутствие идиосинкразии к евреям вообще, а только ненависть к евреям-эксплуататорам [2. С. 27; 3. С. 102]. Таким образом, в событиях, происшедших на юге России, публицисты видели извращенную форму социального протеста, неорганизованного, стихийного,

ударившего как по виновным, так и по невинным [3. С. 100–108; 4. С. 148].

Либеральные народники отвергали обвинение в неспособности евреев к производительному труду, считая, что предыдущие попытки еврейской колонизации провалились только из-за неудачной их организации царскими чиновниками. В условиях интенсивного развития российской промышленности достаточно создать для евреев равные с представителями других народов возможности, чтобы убедиться в обоюдной пользе подобных мер [2. С. 37, 60; 5. С. 63–64].

Публицисты настаивали на стремлении евреев к преодолению отчужденности и включению в общероссийские социальные, экономические и культурные процессы. Без поддержки государства, опираясь на собственные ресурсы, они развивают систему начального образования, достаточно успешно борясь с неграмотностью. Даже губернаторы отмечают возрастающий позитивный вклад евреев в экономическое развитие западных губерний России. На этом фоне тем более странно выглядят призывы консерваторов к недопущению отмены антиеврейских законов. Между тем Россия уже проигрывает в сравнении с европейскими странами по уровню эмансипации евреев. Особенно это заметно на примере польских земель, входивших в состав Германской империи и граничивших с Россией. Евреям здесь были дарованы такие же права, как и другим подданным кайзера, что обеспечило их активное участие и большой вклад в прогресс региона и Германии в целом [6. Стб. 833–834, 838].

В.В. Бирюкович считал евреев неотъемлемой частью российского этнического и социально-политического пространства. Он отвергал идеи о чужеродности евреев в российской многонациональной общности. Представителям юдофобских кругов, подчеркивавших, что евреи являются «пришлыми» и не имеют исторических корней, привязанности к определенному историческому ареалу на территории России, он напоминал о появлении их в восточно-европейских землях еще до образования Киевской Руси. И в этом плане евреи ничем не отличаются от других народов, присоединенных к России в результате ее территориальной экспансии. Наконец, ликвидация национальной дискриминации необходима для создания сильного и процветающего государства, так как это единственный путь недопущения межнациональной вражды, сепаратизма [1. С. 687–688].

С данной позицией откровенно контрастировали работы И.И. Каблицы (Юзова). «Еврейский вопрос» публицист подчеркнуто выделял в «отношениях русского племени с другими национальностями». Причиной тому – стремление найти корни устойчивой неприязни к евреям во всех слоях русского общества, регулярно прорывавшейся в приступы острой ненависти в ходе еврейских погромов. И.И. Каблиц отказывал евреям в наличии национальных черт – прежде всего национальной территории и языка, именуя их «расовой группой». Напоминая о распространении еврейского расселения практически по всей Европе, он отмечал их сосредоточенность исключительно на занятии торговлей. Игнорируя производственную деятель-

ность и фактически паразитируя на других народах, евреи вынужденно мимикрировали к этнографической среде обитания. На примере Франции, Англии и Германии делалась попытка показать, как евреи, проживающие в этих странах, стремятся слиться с местным населением, используя язык страны проживания, учитывая особенности одежды и быта, и как результат — отличия евреев от европейцев сохраняли исключительно внешний (расовый) и религиозный характер.

Публицист обнаруживал существенные различия в поведении еврейских диаспор в Западной Европе и России. В России евреи упорно не желали вживаться в местную этнографическую и языковую среду. Непонимание у публициста вызывал тот факт, что в данном случае речь не шла о стремлении сохранить элементы первозданной культуры и языка. Переселившиеся в основном из Германии евреи продолжали использовать искаженный немецкий язык, а выдававшаяся за национальную еврейскую одежда в реальности была вариацией средневекового немецкого костюма. Таким образом, публицист обвинил евреев в нежелании адаптироваться к российскому обществу и учитывать «этнографические особенности тех, среди которых они заняли свое место» [7. С. 375–376].

По его мнению, причиной острой неприязни к евреям, выливавшейся в погромы, были не только и не столько межнациональные или конфессиональные различия. В апелляции народного антисемитизма к религиозной традиции И.И. Каблиц видел «только желание народа освятить религиозной санкцией свою вражду к евреям, выросшую совсем на другой почве» [Там же]. Так же и сами евреи, указывая на многовековую традицию христианской ненависти к иудеям в подтверждение национально-религиозных корней своего бедственного положения в России, не желали обнаруживать истинных причин конфликта. И.И. Каблиц возвращал евреям обвинение в национализме. Еврейская публицистика уже традиционно базировалась на идеях космополитизма, старательно прививая ее интеллигенции страны проживания. Между тем сами еврейские диаспоры отличаются крайним национализмом, стремясь сохранить еврейские общины от проникновения инородных элементов и влияния извне. Ссылаясь на мнения теоретиков сионизма и юдофилов, публицист пытается показать, что отношение евреев к другим народам всегда базируется на идее богоизбранности еврейского народа. Здесь становится очевидной противоречивость суждений И.И. Каблиц. Достаточно сложно увязать его утверждение об отсутствии национальных черт у евреев с подобным обвинением в наличии у них идеологии национального превосходства. Но сам народник считал оба утверждения вполне коррелирующими между собой, оправдывая призыв к полной ассимиляции евреев как непризнанием их национальностью, так и полагая тем самым устранить презрение евреев к неевреям, являвшееся поводом к еврейским погромам [Там же. С. 377–379].

Русский народ отличался высокой степенью толерантности, умел забывать и историческую вражду, и историческую обиду. Несмотря на прошлую вражду, русские и татары вполне мирно уживаются во многих

регионах России, особенно на востоке и юго-востоке. Об этом же свидетельствует сосуществование русских крестьян с «язычниками и магометанами». Поэтому публицист делает вывод, «что сущность ненависти к евреям, порождающей беспорядки, составляет их общественный паразитизм». В то же время классовая ненависть к эксплуататорам, безусловно, усиливалась этнической неприязнью. Как уже отмечалось, вину за нее И.И. Каблиц всецело возлагал на евреев и указывал на «единственный выход из того неестественного положения, которое занимают среди нас евреи, — полное этнографическое их слияние с коренным населением» [Там же. С. 376–377]. Поскольку национальная идентичность евреев стерта и искажена, то он не обнаруживал в своем предложении нарушения национальных прав.

Основной способ искоренить и предотвратить погромы народник выводил из своего видения социальной природы отношений русских и евреев. В отличие от других социалистов, И.И. Каблиц не признавал наличия социальной дифференциации среди евреев. Поэтому евреи выступали у него исключительно ростовщиками, кулаками, и именно в ликвидации еврейской эксплуатации ему виделась возможность радикального решения проблемы. Стремясь к объективности, публицист указывал причиной эксплуатации не только корыстолюбие как национальную черту евреев, но прежде всего общественные условия. Изменение общества в направлении устранения социальных корней эксплуатации представлялось кардинальным решением, но требовало длительного времени [Там же. С. 388]. Народник предлагал целую серию экономических, технологических мер (общественно-творческих мероприятий), которые, в его представлении, должны были повысить способность русских крестьян противостоять засилью евреев-шинкарей, арендаторов.

Вместе с тем он соглашался с целесообразностью сохранения административных ограничений и был противником отмены в ближайшей перспективе черты оседлости. Он писал: «...мы не можем сочувствовать дозволению евреям селиться повсеместно, пока это дозволение не будет сопровождаться юридическо-экономическими мерами, способствующими русскому народу стать в независимое экономическое положение, при котором немислима была бы еврейская эксплуатация». И.И. Каблиц оправдывал данные ограничения тем, что они были направлены не против всех евреев, а только тех из них, «которые стремились вглубь России как на непочатую почву для эксплуатации. Евреям-ремесленникам, вместе с некоторыми другими категориями евреев, открыт доступ во все места» [Там же. С. 393]. Поскольку публицист был убежден, что борьба за отмену черты оседлости имела целью снятие ограничений для евреев-торговцев, он не видел позитивных последствий данного шага, кроме выгод для самой еврейской буржуазии. Сохранение ограничений, конечно, ухудшало положение евреев, но, как достаточно цинично отмечал И.И. Каблиц, перенаселение и чрезмерная конкуренция, возможно, подтолкнет часть евреев к занятию производственной деятельностью: «...скученность и неправомерность евреев — тяжелая и горькая школа, но еврейство обяза-

но пройти ее, чтобы привыкнуть, хотя мало-помалу, к производительным занятиям» [7. С. 401].

Обращаясь к борцам за ликвидацию черты оседлости, публицист предлагал рассмотреть проблему снятия ограничений на расселение евреев не только с позиций защиты прав евреев, но и вспомнить об интересах коренного населения. Народник делал акцент на праве народа решать вопрос о запрете или дозволении евреям селиться в определенной местности. Передавая непосредственно крестьянским общинам полномочия разрешать трудящимся евреям селиться или изгонять эксплуататоров, как он полагал, можно было не только оградить крестьян от гнета, но и предотвратить погромы. Возвращаясь к идее необходимости полной ассимиляции евреев, И.И. Каблиц считает, что это будет означать их отказ от исключительно торгово-ростовщической деятельности и может явиться условием снятия ограничений на жительство [Там же. С. 406–407].

Публицист иронично-скептически относился к переселенческому движению, возникшему в еврейской среде. Он утверждал, что переселение евреев в Азиатскую Турцию, в Северную Африку не даст ожидаемых результатов. Евреям придется жить в отсталых обществах с народами, куда менее толерантными, чем россияне. Эмиграция в Северную Америку бесперспективна с точки зрения качества самих переселенцев, не обладающих необходимыми навыками и квалификацией, потребными в условиях индустриализации [Там же. С. 415–416].

В № 8 «Русского богатства» за 1883 г. в разделе «Внутреннее обозрение» была опубликована статья И.И. Каблицы «Вопросы национальности в государстве», являвшаяся сокращенным вариантом раздела книги «Основы народничества» [8]. Здесь повторялись ее основные положения, но в более сжатом виде. В статье становится очевиднее экстремизм народника, приветствовавшего ассимиляцию более слабых народов более сильными. Особенно это относится к еврейскому вопросу. Радикализм идей И.И. Каблицы, по-видимому, разделяли не все члены редакции журнала, что и было высказано в предисловии к статье [9].

С.Н. Южаков в своих работах демонстративно дистанцировался как от юдофилов, так и от юдофобов, олицетворяя центристскую позицию. Точка зрения С.Н. Южакова по еврейскому вопросу интересна тем, что он обращался к данной проблеме неоднократно на протяжении десятилетий и старался показать изменения, происшедшие в самой еврейской среде и в отношении к ней государства и общества. Наиболее крупными, носившими аналитический характер, были статья «Еврейский вопрос в России», опубликованная в «Отечественных записках» (№ 5 за 1882 г.), и «Дневник журналиста», вышедший в № 8 «Русского богатства» за 1896 г.

Первая работа С.Н. Южакова была связана с еврейскими погромами, прокатившимися по югу России в 1881 г. Видимо, поэтому, определяя, что «антиеврейское движение носит всеобщий для России характер» [10. С. 4], он локализует его пределами Малороссии и иллюстрирует примерами Одессы, Харькова и т.д. Тем не менее тревогу публициста вызывают именно

массовый характер погромов и опасность вовлечения в конфликт новых районов. Он задается вопросом о причинах устойчивой и сильной ненависти к евреям, проявлявшейся у представителей разных народов России и разных социальных групп. Анализируя освещение проблемы в российской публицистике, С.Н. Южаков констатирует господство двух крайних точек зрения – юдофобской и юдофильской. Публицист, ставя целью определить пути решения конфликта, разбирает позиции обоих направлений именно с точки зрения адекватности предлагаемых мер.

Очевидно, что у него не вызывал неприятия тезис юдофобов, возлагающих ответственность за погромы на самих евреев. Но сохранение и тем более усиление административных мер, которые, по мысли юдофобов, должны были бороться с еврейской эксплуатацией, он считал бессмысленным. Евреи-предприниматели легко обходили формальные запреты, но использование ими незаконных методов приводило к еще более изощренным способам угнетения трудового народа. Опыт реализации запретительных мер, по мнению С.Н. Южакова, показал их полную несостоятельность, поскольку вопреки им продолжались и усиление еврейского влияния в экономике, и расширение регионов его экспансии [Там же. С. 4–7]. Вернувшись к еврейскому вопросу спустя 12 лет, народник еще более укрепился в своей уверенности о необходимости ликвидации черты оседлости как неэффективной меры, не создававшей препятствий экспансии еврейского капитала [11. С. 164–165].

Также неэффективным виделось народнику и предложение о принудительном выселении евреев за пределы Российской империи. Не оспаривая морально-этические аспекты самой процедуры выдворения еврейского населения, он ставит под сомнение ее экономическую целесообразность. Попытка избавиться таким образом от «мироедов и эксплуататоров» приведет к бегству еврейских капиталов и замедлению темпов экономического развития России. Эмиграция евреев-бедняков никоим образом не будет способствовать решению проблемы борьбы с еврейской эксплуатацией [10. С. 11–12].

Оспаривая позицию юдофилов, народник возражает против попытки возложить всю вину за погромы на малоросских крестьян, якобы ослепленных вековой ненавистью к евреям, вызванной религиозной и национальной рознью. Он отказывается сводить причины погромов только к невежеству и ксенофобии крестьянской массы, поддававшейся на провокации социалистов и националистов [Там же. С. 5]. Вина за отчужденность и замкнутость евреев отчасти лежит на них самих. С.Н. Южаков соглашался с приписываемым евреям стремлением к самоизоляции, высокомерием и неприязнью к представителям других народов. И эти качества нельзя было объяснять, как это делали юдофилы, только реакцией на многовековые гонения и стремлением сохранить религиозную и национальную самобытность. Он призывал не демонизировать и не идеализировать евреев. Среди евреев, как и в любом другом народе, находилось достаточно проявлений стяжательства, стремления к поработочению ближнего. Но народник также видел среди евреев проявления

честности, порядочности, социальной ответственности и поэтому возражал против предложений об ужесточении ограничений прав евреев в области образования. Постепенное вовлечение евреев в жизнь российского общества, устранение их изолированности, в том числе через приобщение к русской культуре, должно было стать одним из способов избавления от антиеврейских настроений. Апелляция юдофилов к защите еврейских традиций, религии трактовалась им как стремление к консервации невежества и самоизоляции [10. С. 15–19].

В «Дневниках журналиста» 1896 г. народник подтвердил свою убежденность в необходимости скорейшего обеспечения равенства евреев с остальными подданными Российской империи. Он отмечал, что юдофобы, защищая репрессивные мероприятия против евреев, ссылаются на «невежественность, замкнутость и фанатизм еврейской массы». Следовательно, необходимо облегчить евреям доступ к образованию, ликвидировать ограничения на прием в средние и высшие учебные заведения, устранив тем самым препятствия для их адаптации в российском обществе. С.Н. Южаков призывал активнее привлекать евреев с высшим образованием, особенно врачей, к замещению должностей в земских службах. Публицист осуждал принятое в 1894 г. решение Петербургского земства, закрывающее доступ евреям-врачам на земские должности. По его мнению, это противоречило общегосударственному законодательству, уравнивавшему в правах евреев, получающих высшее образование, с остальными российскими подданными [12. С. 121–122].

Посчитав призывы юдофобов к ужесточению репрессий против евреев как нации эксплуататоров и призывы юдофилов к усилению репрессий против «крестьян-погромщиков невинного еврейства» необоснованными и, главное, не решающими проблему, С.Н. Южаков предлагает принципиально иной подход к искоренению причин еврейских погромов. Как уже отмечалось, публицист не отрицал существования феномена еврейской эксплуатации. Более того, делая экскурс в историю Малороссии и Польши, он показывал, что она имеет многовековую традицию [10. С. 11–12]. Но эксплуатация не имеет национального характера. Ее усиление – результат вступления России в эпоху капитализма. Эксплуатация сама по себе не несет негативного смысла, если рассматривать ее как стремление получить прибыль на вложенный в средства производства и наемных работников капитал. Точно так же эксплуатацией наемного труда занимаются русские капиталисты. Другое дело, что евреи в силу существующей «союзности», т.е. стремления к сотрудничеству и взаимопомощи, успешнее используют преимущества рыночной экономики, расширяют производство и, соответственно, становятся эксплуататорами все большего числа работников. Кроме того, для начальных стадий капитализма характерны более жесткие формы эксплуатации и массовое обнищание населения. Поскольку «пионерами капитализма» часто выступают евреи, то в результате создается впечатление, что причиной тяжелого положения рабочих и крестьян являются не экономические факторы, а злонамеренность евреев-предпринимателей. На самом деле еврей-капиталисты

используют те условия, которые установлены российскими законами. Поэтому следует ликвидировать предпосылки экономической несправедливости, приводящие к обнищанию крестьян и бесправию рабочих. Таким образом, в еврейских погромах С.Н. Южаков видит выражение социального протеста, еще идеологически не оформившегося и пока направленного против конкретных эксплуататоров. Но нерешенность социально-экономических проблем рано или поздно приведет к гораздо более масштабным и кровопролитным выступлениям [Там же. С. 25–26].

Затем публицист практически дезавуирует данный вывод, указав, что национальный аспект в вопросе о еврейской эксплуатации, безусловно, присутствует. Он иронично относится к существованию тайных кагалов для обеспечения экономического доминирования евреев. Но, по его мнению, еврейская буржуазия использует обособленность и изолированность евреев для поддержания «союзности» в борьбе с конкурентами других национальностей. Вековой опыт выживания в условиях враждебной среды обрел новое содержание в условиях развития капитализма, когда возобладали принцип «выживает сильнейший». Поэтому в еврейской среде всячески поддерживается идея об особенностях евреев, исключительной враждебности представителей других национальностей [Там же. С. 29, 31]. То есть самоизоляция евреев в современных ему условиях виделась народнику уже не столько реакцией на национальные и религиозные гонения, сколько осознанной идеологией, позволявшей евреям, поддерживая друг друга, выживать и развиваться в условиях становления капитализма. В результате социальной дифференциации, свойственной становлению капитализма, общество все более отчетливо распадается на предпринимателей-эксплуататоров и наемных работников. Но еврейская союзность приводила к тому, что большинство евреев становилось капиталистами, а сохранение замкнутости формировало «еврейский союз для эксплуатации» [Там же. С. 18–19]. С.Н. Южаков рассматривал данный феномен как важный элемент еврейского вопроса, характерный для Малороссии и Польши и решаемый только в результате ликвидации крайних форм эксплуатации населения.

Вернувшись к проблеме еврейской самоизоляции в работе 1896 г., народник подтвердил свое мнение, что еврейская обособленность и экономическая союзность сыграли негативную роль в провоцировании погромов. Он признавал, что само по себе явление солидарности «достойно и высоко нравственно... но в условиях места и времени оно является фатальным образом вредно по отношению к большинству и представляется источником раздора и вражды» [11. С. 163]. Характер проявления исследуемого феномена зависел от факторов необходимости и выгоды. Необходимость союзности создавалась многолетними гонениями на евреев и поддерживается репрессиями, выгода же определяется возможностью занять господствующие позиции в экономике в условиях переломного периода формирования новых общественных отношений.

В работе 1882 г. был очевиден акцент на однородность евреев, воспринимаемых народником как «ев-

рейский союз для эксплуатации». В более поздней статье он приходит к выводу об отличии положения евреев России и европейских стран (Германии, Франции, Англии) в ходе капиталистической трансформации. В Европе евреи составляли абсолютное меньшинство населения, что позволяло им, используя союзность, «выбиться наверх, войти в буржуазию и не дать никому из своих затеряться среди рабочей массы» [11. С. 163]. Численность евреев в России составляла около 4 млн человек, и, по мысли публициста, большинство из них волеется в ряды пролетариата. Подобное развитие событий «необходимо создает и постепенно накапливает антагонизм интересов и внутри еврейского народа». Это вносило коррективы в отношение к евреям, поскольку требовало дифференцировать и отделять интересы трудящегося большинства и соплеменников-эксплуататоров. И только такое изменение политики по отношению к евреям, основанное на учете изменений в самой еврейской среде, могло «привести к решению еврейского вопроса, конечно, при неперменном условии совершенной полноправности, полной терпимости и распространения просвещения» [Там же. С. 167].

Исследуя еврейский вопрос, народник убеждался, что юдофильство и филосемитизм – реакция евреев на бесправие и гонения со стороны власти и общества, поэтому они являются своеобразным отражением таких общественных явлений, как юдофобство и антисемитизм. Но все эти явления были проявлениями национальной и религиозной нетерпимости и исключительности. Как уже отмечалось, в 70–80-е гг. XIX в. в российском общественном мнении доминировали юдофильский и юдофобский подходы в отражении еврейской тематики, которые С.Н. Южаков считал одинаково вредными. Но в 90-е гг. XIX в. соотношение составных элементов еврейского вопроса значительно изменилось: «...антисемитизм и филосемитизм выросли оба и качественно, и количественно, сделавшись поэтому и значительно зловернее, вредоносность эту по необходимости проявляют не с одинаковой силой» [Там же. С. 160]. Филосемитизм представлялся публицисту более опасным явлением, чем юдофильство, поскольку, будучи движением реформационным, втягивает в себя элементы, по существу склонные к просвещению и прогрессу, в то время как юдофильство откровенно использовало консервацию религиозного невежества и культурной изолированности евреев [13. С. 160–161].

Главной угрозой в восприятии публициста стал антисемитизм, превратившийся в общеевропейский феномен, и поэтому главное внимание и забота общества должны быть сосредоточены на «этой гнойной язве современного поколения не в одной России» [Там же. С. 160]. С.Н. Южаков указывал, что юдофобия была направлена против еврейской ортодоксальности, приверженности традиционной самоизоляции, основанной на сохранении примата религиозных догм в духовной сфере евреев. Антисемитизм вызывает ненависть ко всем евреям как народу, вне зависимости от приверженности их традициям или восприятию европейской культуры [12. С. 123]. Антисемитов, в отличие от юдофобов, не особенно интересовали религиозные

споры, они видели зло «...не в талмуде, не в каббалистике, не в цадикизме даже, а в самой расе». Истинный антисемит относился, по его мнению, с одинаковой ненавистью и к крещеному еврею, и к талмудисту. Более того, «для них просвещенный еврей еще опаснее и вреднее ортодоксального» [11. С. 161].

Народник считал антисемитизм одним из проявлений крайнего национализма и видел в его распространении общую тенденцию экспансии данной идеологии, проявившуюся в XIX в. практически во всех европейских странах. По мнению С.Н. Южакова, антисемитизм проник в Россию из Германии, поэтому публицист призывает внимательнее присмотреться к его особенностям в этой стране. Народник обращает внимание на очевидное сходство между германским антисемитизмом и славянофобией (и русофобией в том числе). В основе антисемитской идеологии лежала теория о всемирном еврейском заговоре и стремлении поработить человечество «суровому и бессердечному игу высокомерного еврейского меньшинства», относившегося ко всему нееврейскому человечеству с презрением, почти как к низшим животным [Там же]. Но германские националисты используют «тех же призраков», чтобы запугать немецкого обывателя славянской угрозой. Поэтому в Германии «антисемит всегда славянофоб вообще, русофоб в частности». С.Н. Южаков предлагает задуматься над этим русским антисемитам, считавшим себя истинными патриотами [12. С. 123–124].

Еще одним результатом перемен в еврейском вопросе стало появление сионизма. С.Н. Южаков писал, что, в 60–70-е гг. XIX в. еврейский вопрос определялся воздействием двух факторов: еврейской неполноправности, завещанной «временем религиозной нетерпимости и гонений», и еврейской отчужденности и замкнутости, «которые были созданы еврейской идеей мессианизма, гонениями евреев, взаимной религиозной нетерпимостью и питались затем невежественностью». Правление Александра II породило надежды на решение вопроса, так как, по мнению С.Н. Южакова, это была эпоха «постепенного, но постоянного расширения прав евреев». Распространение среди евреев образования увеличивало среди них слои, «чуждые нетерпимости и фанатизма». Результатом перемен стало нарушение единства в еврейской среде, которая разделилась на две части: «ортодоксальную массу и просвещенное, приобщившееся к европейской культуре меньшинство». В самом российском обществе возобладало понимание необходимости предоставления евреям равноправия. Разногласия проявлялись лишь в определении темпов процесса эмансипации. Поэтому общественные дискуссии сосредоточивались на частных вопросах, и «падение талмудической исключительности представлялось делом такого же близкого будущего, как и исчезновение последних следов неполноправности евреев» [14. С. 163].

Поворотным пунктом стали погромы 1881 г., в корне изменившие сознание евреев в России и возбудившие брожения в еврейской среде. Сила сионизма в том, что он обращается не к уму, а к сердцу, чувствам обиженных многовековыми гонениями евреев. Ужас погромов, антисемитское движение отразились прежде всего

на религиозном сознании просвещенного еврейского меньшинства. До этого совершенно равнодушное к вопросам веры, оно «вдруг выделило из своей среды течения, которых обида, переживаемая столь неожиданно, заставила вспомнить о своей религии, которая одна и является родным для еврея, не сумевшего найти родное себе в родине, населенной столькими обидчиками». Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, многие из них нашли «в историческом отечестве (т.е. в России – В.К.) это родное». Но значительная часть евреев задалась целью обрести свое особое отечество. «Поиски родного, потребность иметь родное и неумение сродниться с историческим отечеством породили и религиозную реакцию в культурном еврействе, и еврейский национализм. Эфемерность первого движения и значение второго можно было предвидеть с самого их возникновения», – писал С.Н. Южаков [14. С. 167].

Отрицательное отношение С.Н. Южакова к сионизму определялось тем, что, по его мнению, оно отвлекало евреев от правильного пути – постепенной ассимиляции, растворения в русском обществе. С точки зрения С.Н. Южакова, фальшь сионистского движения заключается в его псевдонационализме, поскольку евреи не являлись национальностью, а только народом, соединенным вероисповеданием. Возвращаясь к своей идее о том, что национальная идентичность предполагает не только этническое родство, но и ряд других признаков, публицист пытается убедить читателей в их отсутствии у евреев. Например, евреи лишены национального языка, поскольку собственно древнееврейский язык не используется вне религиозных ритуалов. Фактически родными и общеупотребляемыми для еврейских диаспор стали языки стран проживания. Подобная мимикрия наблюдается в литературе, искусстве, нравственных идеалах и культуре вообще. Поэтому публицист был убежден, что «родина еврея, его язык, культура – там, где он находит себе родное, – в том европейском обществе, с которым он связан исторически» [Там же. С. 163, 178]. Более того, опираясь на работы Э. Ренана, народник полагал, что тысячелетия проживания евреев среди других народов привели не только к культурно-языковой ассимиляции, но и к утрате расовой чистоты. Даже по внешним признакам евреи стали ближе к европейскому, нежели семитическому типу. Таким образом, отказывая евреям в праве претендовать на собственную национальную идентичность, С.Н. Южаков видел главную задачу в преодолении замкнутости и отчужденности евреев от народов, с которыми их связала историческая судьба.

«Мечту о переселении девяти миллионов человек ремесленников и торговцев с многочисленными семьями в страну, едва ли способную прокормить более миллиона», уже занятую другим народом, находящуюся под владычеством «могущественной варварской орды», он находил странной. То, что тысячи умных и образованных людей «не только серьезно обсуждают эту смешную утопию, но собирают средства на ее осуществление... находят все новых и новых adeptов, переносят движение в среду самой ортодоксальной массы», представлялось ему отвлечением сил,

умов от настоящего решения проблемы. Отсюда – и весьма категоричный вывод: «сионизм – движение реакционное, возникшее в ответ на реакционное же движение антисемитское» [Там же. С. 178–179]. Гораздо продуктивнее было бы направить совместные усилия евреев и россиян на создание условий для социальной адаптации еврейской бедноты в условиях ее пролетаризации путем просвещения и установления контактов с рабочими других национальностей. Но, выражая сомнение в реализуемости программы сионистского движения, народник подчеркивал, что оно в любом случае оставит свой след в истории евреев [Там же. С. 163, 180].

В № 1 «Русского богатства» за 1898 г. было опубликовано письмо под псевдонимом «Еврей». Оно было откликом на статью С.Н. Южакова о сионизме. Автор письма выражал сожаление о непонимании всегда благожелательно настроенным по отношению к гонимому еврейскому народу публицистом действительных целей сионистского движения, результатом чего стала несправедливо негативная оценка. Прежде всего, он не разделял убеждения народника в том, что причиной ненависти к евреям были экономический антагонизм и религиозное отчуждение, и избавление от них будет происходить в результате роста экономического благосостояния и культуры населения России. Обращаясь к примеру Германии как высокоразвитой в культурном и экономическом плане страны, оппонент подчеркивал отсутствие каких-либо позитивных сдвигов в отношении к евреям. Точно так же прогресс общества других передовых стран Европы не уничтожил там господства юдофобии. Единственная возможность для евреев избавиться от участи вечно гонимых – обрести свою землю, так как наличие собственной территории является непереносимым условием признания за нацией права на существование и обретения своего места среди других наций [15. С. 175–176].

Опровергая утверждение С.Н. Южакова о реакционном характере сионизма, «Еврей» писал, что идея обретения национального очага уже 2 000 лет таится в глубине народной души как мистический идеал, как фантастическое верование, обставленное чудесами. Задача сионизма – не переселение девяти миллионов людей в Палестину, а создание материального и духовного центра, который поднимет бы престиж евреев в глазах европейских народов и возвысит бы их в их собственных глазах. При этом речь шла об обращении к религиозным догматам и искусственному восстановлении устаревших традиций. «Еврей» указывал на требование сионизма стремиться к физическому возрождению и возвращению к земледельческому труду, но равно и к духовному возрождению «на почве европейской культуры... свободы мысли и нравственного усовершенствования, осуществления благороднейших задач, которые ставит себе современное культурное человечество в области труда и социальных отношений» [Там же. С. 177].

«Еврей» категорически оппонировал утверждению С.Н. Южакова об отсутствии у еврейского народа признаков нации. Он утверждал, что еврейский язык не являлся мертвым языком, так как широко использо-

вался евреями в повседневной жизни, на его основе была создана богатейшая литература. Важнейшим фактором существования еврейской нации стала ее тысячелетняя история, тысячелетние совместные страдания миллионов евреев. Только одного элемента действительно не доставало для еврейской национальности – территории, на которой она могла бы «развивать свои материальные и духовные силы, и в этом и вся историческая аномалия существования еврейской национальности» [15. С. 178]. Сионизм, по его мнению, и стремится положить конец этой аномалии.

В том же номере журнала был опубликован ответ С.Н. Южакова. Народник допускал, что и в самом деле сионисты ограничивают свою задачу переселением только одного-двух миллионов евреев из девяти, но и эту задачу он считал нереализуемой в обозримом будущем. Главное в неприятии сионизма заключалось в выдвижении им ложных целей и ненужных приоритетов. Поэтому отрицался базовый тезис в статье «Еврея», что только народ, имеющий свою территорию, пользуется уважением и признанием со стороны других народов. Уважение и признание, по его мнению, появляются только на почве взаимного понимания и взаимного сочувствия. Сионизм же, как он считал, возрождает чувство еврейской обособленности и тем самым «уменьшает взаимное понимание и взаимное сочувствие между евреями и европейскими народами» [16. С. 179–180].

С.Н. Южаков стремился показать вредность планов переселения не только для евреев, но и для экономического и культурного развития России, поскольку они означали отток трудоспособного и образованного населения, дефицит которого был и так заметен [17. С. 141].

Дискутируя с идеологами сионизма, публицист оценивал его как одну из разновидностей национализма и поэтому не скрывал своего негативного отношения, не принимая объяснения о сионизме как национализме принципиально нового типа, пробуждающем в евреях чувство человеческого, а не национального достоинства. Для него «национализм – враг человечества». Любовь к своему народу нельзя путать с национализмом: «Да, национализм имеет свою логику, и тот, кто желает служить делу правды и совести, делу принципов, должен себя тщательно оберегать от всякого общения с национализмом и его логикой. Самая горячая любовь к своему народу не есть еще национализм, а вполне естественное чувство, которое, если еще не отравлено ядом национализма, не ведет к отчуждению от прочего человечества, а, скорее, скрепляет симпатию к другим народностям. Национализм, сам чуждаясь других народностей, ведет к недоверию» [Там же. С. 144].

Антисемитизм – тоже один из вариантов национализма. Он проявлялся в тех странах Европы, где происходит эскалация националистических настроений против любых национальных меньшинств. Антисемиты всегда враждебны и другим народам. Германские антисемиты – славянофобы, французские – германофобы, русские – «полны вражды к полякам, балтийским немцам, финнам, армянам». Поэтому с антисемитизмом-национализмом нельзя бороться с помощью сионизма-национализма. Национализм искореняется только солидарностью народов. Приумножая национализм, невозможно победить антисемитизм: «Где национализм, там процветают исключительность, нетерпимость и гонения. Национальная исключительность одних вызывает национальную исключительность других в ответ первых. Это естественно, и так вырос сионизм, но не все естественное бывает разумно, и постепенно накапливающаяся национальная исключительность в среде евреев неизбежно будет иметь те же последствия, как и всякая другая, т.е. будет вызывать ответную исключительность» [Там же. С. 144–14]. Евреи смогут победить антисемитизм, только сближаясь с другими народами, но не изолируясь от них. Для справедливого решения еврейского вопроса в России поэтому необходимы сотрудничество прогрессивно мыслящих евреев с единомышленниками-неевреями, подавление обеими сторонами националистических инстинктов и сосредоточение на общечеловеческих ценностях.

Еврейский вопрос разделил русских социалистов. При этом «граница» проходила отнюдь не по линии раздела революционных социалистов и реформаторов. И в том и в другом течении присутствовали представители, занимавшие антисемитские позиции [18. С. 92–96]. Отрицая наличие у евреев национальных черт, они полагали ассимиляцию благом и для евреев, и для народов, среди которых они проживали. При этом революционные социалисты и реформаторы, эксплуатировавшие тезис о преобладании среди евреев представителей эксплуататоров, тем не менее выступали за ликвидацию дискриминационных ограничений для евреев. Даже на их фоне выделялись взгляды И.И. Каблиця, полагавшего антиеврейскую политику правительства адекватной.

Однако не следует считать, что антисемитизм доминировал в русской социалистической мысли. Большинство народников либерального направления считали евреев одним из народов Российской империи, имевшим равные с другими права на национальное и социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // Русское богатство. 1883. № 12. С. 655–690.
2. Ленский Б. [Онгирский Б.П.] Еврей и кулак // Дело. 1881. № 9. С. 27–60.
3. По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1883. № 9. С. 100–118.
4. Короленко В.Г. Письмо В.С. Соловьеву 22 октября 1890 г. // Собрание сочинений. М.: Гослитиздат. 1956. Т. 10. С. 148–149.
5. Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение (Еврейский вопрос) // Дело. 1881. № 6. С. 61–79.
6. Шелгунов Н.В. Право на существование // Сочинения. СПб.: Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. Т. 3. Стб. 817–841.
7. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.
8. И.Ю. [Каблиц И.И.] Вопросы национальности в государстве. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1883. № 8. С. 164–185.
9. Предисловие к статье «Вопросы национальности в государстве» // Русское богатство. 1883. № 8. С. 163–164.
10. Южаков С.Н. Еврейский вопрос в России // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 1–35.

11. Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 8. С. 154–170.
12. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 4, отд. 2. С. 101–128.
13. Южаков С.Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12, отд. 2. С. 148–167.
14. Южаков С.Н. Дневник журналиста. Сионистское движение среди евреев // Русское богатство. 1897. № 12. С. 161–180.
15. Еврей. По поводу статьи г. Южакова о сионизме // Русское богатство. 1898. № 8, отд. 2. С. 174–179.
16. Южаков С.Н. Еще к вопросу о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. С. 179–180.
17. Южаков С.Н. Политика // Русское Богатство. 1903. № 11, отд. 2. С. 134–145.
18. Кудряшев В.Н. «Черный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы 1881 года // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 92–96.

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

BETWEEN JUDOPHOBIA AND ZIONISM: "THE JEWISH QUESTION" IN THE TREATMENT OF LIBERAL PEOPLE IN 1880s–1890s

Keywords: Jewish question, anti-Semitism, judophobia, zionism.

The author draws attention to the reflexive nature of the interest of Russian journalism, including populism, in the problems of inter-ethnic relations in the Russian Empire. The massiveness and ferocity of the anti-Jewish uprisings in 1881 forced representatives of all trends, firstly, to realize the existence of the "Jewish question" as an acute and urgent problem that required a reaction from the government and society and, secondly, to try to understand their causes.

It should be emphasized that liberal populism in its assessment of the events of 1881 and its attitude to the "Jewish question" was markedly divided. Three main points of view can be distinguished. The first group includes V.V. Biryukovich, N.V. Shelgunov and others. They considered Jews an integral part of the Russian ethnic and socio-political space and insisted on the elimination of national discrimination necessary to create a strong and prosperous state, seeing in this the only way to prevent interethnic hostility and separatism.

The article notes the view of I.I. Kablits (Yuzov), the publicist, who denied Jews the presence of national traits - primarily national territory and language, calling them a "racial group." Recalling the spread of Jewish settlement practically throughout Europe, he noted their focus exclusively on trade. He agreed with the expediency of maintaining administrative restrictions and was opposed to the abolition of the Pale of Settlement in the near future.

The author shows a compromise approach of S.V. Yuzhakov to the problem. Arguing with the ideologists of Zionism, the publicist assessed it as one of the varieties of nationalism, and therefore did not hide his negative attitude. For him, "nationalism is the enemy of humanity" and anti-Semitism is also one of the variants of nationalism. Jews will be able to defeat anti-Semitism only by drawing closer to other peoples, rather than by isolating themselves from them. For a fair solution of the Jewish question in Russia, therefore, it was necessary to cooperate with progressively minded Jews with like-minded non-Jews, suppress nationalistic instincts by both sides and focus on universal values.

In conclusion, the author emphasizes that the Jewish question splitted the liberal populists. Among them there were representatives with anti-Semitic positions. Denying the presence of national traits among the Jews, they considered assimilation to be a blessing both for the Jews and for the peoples among whom they lived. Many publicists supported the thesis about the predominance of the exploiters among the Jews, nevertheless, they advocated the elimination of discriminatory restrictions on Jews.

But it should not be assumed that anti-Semitism dominated Russian socialist thought. Most of the liberal populists considered Jews one of the peoples of the Russian Empire, who had equal rights with others to national and social development.

REFERENCES

1. Biryukovich, V.V. (1883) Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [Political and economic situation of the Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 655–690.
2. Lenskiy, B. [Ongirskiy, B.P.] (1881) Evrey i kulak [The Jew and the Kulak]. *Delo*. 9. pp. 27–60.
3. Anon. (1883) Po povodu vnutrennikh voprosov [Regarding internal issues]. *Otechestvennye zapiski*. 9. pp. 100–118.
4. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat. pp. 148–149.
5. Shelgunov, N.V. (1881) Vnutrennee obozrenie (Evreyskiy vopros) [Internal Review (The Jewish Question)]. *Delo*. 6. pp. 61–79.
6. Shelgunov, N.V. (1895) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova. pp. 817–841.
7. Yuzov (Kablits), I. (1893) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of populism]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. I.A. Lebedeva.
8. I.Yu. [Kablits, I.I.] (1883) Voprosy natsional'nosti v gosudarstve. Vnutrennee obozrenie [Questions of nationality in the state. An internal review]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 164–185.
9. Anon. (1883) Predislovie k stat'e "Voprosy natsional'nosti v gosudarstve" [Preface to the article "Issues of nationality in the state"]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 163–164.
10. Yuzhakov, S.N. (1882) Evreyskiy vopros v Rossii [The Jewish question in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 5. pp. 1–35.
11. Yuzhakov, S.N. (1896) Dnevnik zhurnalista [The diary of a journalist]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 154–170.
12. Anon. (1894) Khronika vnutrenney zhizni [The chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 4. pp. 101–128.
13. Yuzhakov, S.N. (1894) Khronika vnutrenney zhizni [The chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 148–167.
14. Yuzhakov, S.N. (1897) Dnevnik zhurnalista. Sionistskoe dvizhenie sredi evreev [The diary of a journalist. Zionist movement among the Jews]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 161–180.
15. Anon. (1898) Evrey. Po povodu stat'i g. Yuzhakova o sionizme [Jews. Regarding Mr. Yuzhakov's article on Zionism]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 174–179.
16. Yuzhakov, S.N. (1898) Eshche k voprosu o sionizme [More on the issue of Zionism]. *Russkoe bogatstvo*. 1. pp. 179–180.
17. Yuzhakov, S.N. (1903) Politika [Politics]. *Russkoe bogatstvo*. 11. pp. 134–145.
18. Kudryashev, V.N. (2011) "Black Repartition", "People's Will" and the Jewish question: the reaction of Russian populism to the Jewish pogroms of 1881. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 92–96. (In Russian).

А.А. Непомнящий

**КРЫМОХРИС В ДОКУМЕНТАХ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1920–1927)**

Проанализирован состав документов «крымского блока» фонда «Коллекция материалов по музейному строительству в РСФСР» Отдела письменных источников Государственного исторического музея Российской Федерации после реорганизации фонда и составления новой описи. Показан значительный информационный ресурс хранящихся там документов для восстановления истории памятникоохранительных мероприятий и развития музеев полуострова с конца 1920 по 1927 г. – время существования КрымОХРИСа. Названа и проанализирована источниковая ценность наиболее значительных материалов.

Ключевые слова: Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта (КрымОХРИС), музеи, крымоведение

С окончательным приходом в Крым красных в ноябре 1920 г. на полуострове сформировалась особая государственная структура, которая отвечала за охрану и использование памятников истории и культуры, в том числе курировала деятельность местных музеев. Сначала как составляющая органов власти ревкомовских, а затем – советских, с ноября 1920 по 1927 г. функционировал Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта (КрымОХРИС). При создании он был образован при подотделе изобразительных искусств крымского наркомата образования. Позже ОХРИС стал самостоятельным подотделом наркомата. Основная задача КрымОХРИСа – выявлять, ставить на учет, организовывать спасение художественно-исторических ценностей, в первую очередь многочисленных дворцов и имений знати, заниматься охраной археологических и архитектурных памятников полуострова. В этой связи предусматривалось, что орган будет курировать пополнение фондов имевшихся музеев и инициировать организацию новых хранилищ культурных ценностей. История деятельности КрымОХРИСа, как и его окружных секций, организованных уже в декабре 1920 г. в Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии и Ялте, нашли лишь общее освещение в научной литературе [1, 2].

В последние годы в научно-популярных изданиях Крыма появились очерки, где на основе документов исключительно местного архива характеризуется деятельность отдельных региональных отделений КрымОХРИСа. Несмотря на содержащийся в публикациях интересный фактический материал, выдернутые из общего контекста факты не дают комплексного представления о деятельности ни КрымОХРИСа в целом, ни его шести секций в городах полуострова. Лишь использование основного архива организации, отложившегося в Отделе письменных источников Государственного исторического музея Российской Федерации, позволит восстановить многогранную деятельность этой государственной структуры. Благодаря ОХРИСу в 1920-е гг. были созданы уникальные му-

зейные коллекции и спасены от разрушения, реставрированы интересные архитектурные объекты, проведены крупные археологические экспедиции по изучению материальной культуры тюркских народов Крыма.

В составе фонда 54 Отдела письменных источников Государственного исторического музея «Коллекция материалов по музейному строительству в РСФСР» отложились документы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР, который до конца 20-х гг. XX в. руководил организацией охраны памятников и деятельностью музеев. Самый многочисленный из региональных комплексов бумаг фонда имеет крымское происхождение. Классификация документов, объединенных изначально в 18 единиц хранения, без характеристики их содержания была представлена В.Ф. Козловым [3]. Однако с тех пор фонд претерпел существенную реорганизацию, состав дел пересмотрен. Составлена новая опись, поменялась нумерация дел. Кроме «крымского» блока там содержатся документы о работе КрымОХРИСа, распыленные в других делах фонда. В указанных научных публикациях, основанных на материалах основного блока бумаг Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, не упоминалось о крымских материалах, содержащихся в других единицах хранения (вне «крымского» блока), которые включают переписку и различные материалы, поступившие из регионов РСФСР. Выявленные нами содержательные материалы, характеризующие состояние исторического крымоведения в 20-е гг. XX в. позволяют значительно дополнить имеющуюся информацию о деятельности КрымОХРИСа. Этим объясняется наше обращение к характеристике данного документального массива, который дает возможность проследить гигантскую по масштабам работу, проводившуюся на полуострове по становлению музейной сети и охране историко-культурных памятников.

Крымский блок бумаг ОХРИСа составляет в фонде после его реорганизации 17 единиц хранения (№ 996–1012). Три объемных дела «Документы КрымОХРИСа» (№ 996–998) включают отчетные документы (годовые

отчеты организаций за 1920–1924 гг.), организационно-распорядительные бумаги, текущую переписку по учету объектов культурного наследия, материалы по подготовке Первого съезда КрымОХРИСа, в том числе рукописи докладов первого руководителя организации Г.А. Бонч-Осмоловского «О положении музейного дела в Крыму» и крупнейшего организатора научного крымоведения А.И. Маркевича «Судьбы памятников древности в Тавриде».

Выделим информационное значение сохранившихся в фонде отчетов КрымОХРИСа перед Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Это составленные сменившим Г.А. Бонч-Осмоловского А.И. Полкановым «Отчет о деятельности КрымОХРИСа и подчиненных ему учреждений за время с 1-го октября 1922 по 1-е октября 1923 г.» [4. Л. 7–10], «Годовой отчет КрымОХРИСа с 1-го января 1922 по 1-е января 1923 г.» [Там же. Л. 11–16], «Отчет о деятельности КрымОХРИСа за время с апреля по июль 1923 г.» [Там же. Л. 24–33], «Отчет о деятельности Управления уполномоченного Музейного отдела Главнауки по Крыму и КрымОХРИСа за период времени октябрь 1924 по март 1924 г. включительно» [Там же. Л. 39–51]. Сохранились также подготовленные А.И. Полкановым отчеты о работе секции КрымОХРИСа по округам [Там же. Л. 17–22]. Представленная в фонде отчетная документация – источник многоплановый, составленный по различным ежегодно менявшимся формам. Содержание документов позволяет проследить ход организации и планомерной деятельности органов, отвечавших за выявление и сохранность движимых и недвижимых памятников, в том числе организации музейных собраний.

Значительный интерес представляют служебные записки (отчеты) о пребывании в Крыму эмиссаров Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. В частности, А.В. Лебедев составил отчет «О поездке в Крым», датированный 20 февраля 1921 г. Интересно, что его командировка началась 5 декабря 1920 г, когда в Крыму началась череда кровавых репрессий и административных реформ. Целью была «организация дела охраны памятников искусства и старины на территории крымского полуострова» [5. Л. 1–4]. То есть именно по рекомендациям этого чиновника Г.А. Бонч-Осмоловский выстраивал систему охраны культурного наследия. Две содержательные для истории крымоведения записки, датированные ноябрем 1921 г., оставил командированный в Крым сотрудник Главмузея Наркомпроса РСФСР, преподаватель I МГУ Борис Федорович Добрынин (1885–1951). Первая посвящена общему впечатлению московского эмиссара о состоянии музейного дела в Крыму [Там же. Л. 5–6], а вторая – «Краткий предварительный отчет о научной, этнографической экспедиции в Крым от Главмузея летом 1921 года» [Там же. Л. 7–8]. Составленный В. М. Соколовым обзор «Историко-культурные и краеведческие музеи Южного берега Крыма» интересен как исторический источник о состоянии музеев Большой Ялты [Там же. Л. 10–11]. Материалы дела содержат и многочисленные бумаги по техническому сопровождению поездок эмиссаров (прошение о выделении подвод, расписки

об оплате за провоз, регистрационные листы с описанием памятников, в частности записки участницы экспедиции, проходившей в ноябре 1921 г., Софьи Ивановны Добрыниной-Дорошенко [Там же. Л. 98–106, 124–125].

Существенно дополняет общую картину деятельности центрального управления и городских организаций КрымОХРИСа отчетная и организационная документация подведомственных ему крымских музеев. Подробно представлены документы наиболее крупных крымских собраний – Центрального музея Тавриды [6. Л. 1–86], Алупкинського историко-бытового дворца-музея [7. Л. 1–84; 8. Л. 1–118], Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае [9. Л. 1–21], Евпаторийского государственного музея местного края [10. Л. 1–46], Керченского краеведческого музея [11. Л. 1–42; 12. Л. 1–46], Ливадийского дворца-музея [13. Л. 1–12], Государственного Херсонесского музея [14. Л. 1–106], Музея быта «Коккоз» [15. Л. 1–2], краеведческого музея Феодосии [16. Л. 1–26]. Заметим, что в составе документов Керченского краеведческого музея содержатся делопроизводственные бумаги, переписка Керченской секции ОХРИСа [11. Л. 1–122]. Основной массив бумаг по Керчи относится именно к краеведческому музею, но часть документов характеризует деятельность Керченского государственного археологического музея [12. Л. 47–95]. Материалы музеев Севастополя смешаны с организационно-распорядительной и текущей документацией Севастопольского ОХРИСа. Содержится информация о деятельности Музея Севастопольской обороны, Музея краеведения при Севастопольском Доме просвещения, Музея Л.Н. Толстого, Картинной галереи Севастополя [17. Л. 1–129]. Документы музеев Ялты объединены в две единицы хранения. Репрезентативно представлены документы Ялтинского научного (народно-художественного) музея, Ялтинского краеведческого (естественно-исторического) музея, Восточного музея и Дома-музея А.П. Чехова [18. Л. 1–93; 19. Л. 1–109].

Все крымские материалы фонда охватывают период 1921–1927 гг. – время деятельности ОХРИСа в Крыму.

Вне собранного вместе крымского комплекса документов в составе других единиц хранения фонда выявлены содержательные материалы, которые в большой степени помогают восстановить картину организационной работы КрымОХРИСа. В частности, интересны материалы дела 551 «Отчетный доклад о работе Музейного отдела Главнауки Наркомпроса за период с 1-го октября 1925 по 1-ое апреля 1927 г.». Документ, подписанный заведующей Музейным отделом Наркомпроса РСФСР Н.И. Седовой (Троцкой), упоминает и деятельность крымских подвижников памятниково-охранительной сферы. Как удачный пример синтеза практических мероприятий и теоретического обсуждения охраны памятников приведен опыт проведения Конференции археологов СССР в Керчи [20. Л. 21], где собрался весь цвет советского крымоведения и советской археологии во главе с руководителем Главнауки Ф.Н. Петровым [21].

Документы фонда дают нам подробную информацию о прошедшей сразу же после окончания Конферен-

ции археологов СССР в Керчи IV Крымской областной музейной конференции, состоявшейся 12–13 сентября 1926 г. Поводом к ее проведению стало письмо Н.И. Седовой (Троцкой) от 18 июня 1926 г. № 7409 о необходимости подготовки на местах к Первому музейному съезду РСФСР. Среди регионов, где предполагалось наметались такие конференции, был назван Крым (рекомендовано проведение собрания в Севастополе) [22. Л. 2–3].

Собравшиеся на конференции музейные деятели, часть которых совмещали должности заведующих музеями с руководством региональных отделений ОХРИСа, заслушали ряд информативных докладов, которые не были опубликованы [23]. В материалах дела сохранились рукописи этих сообщений или их стенографические варианты. Эти работы не вошли в сводный каталог опубликованного и рукописного наследия деятелей эпохи [24]. Вместе с тем ознакомление с их содержанием демонстрирует особую ценность этих рукописей для рассмотрения вопросов музееведения и методики сохранения историко-культурных объектов полуострова. С программным докладом «Типология крымских музеев и границы их научно-исследовательской деятельности» выступил заместитель руководителя КрымОХРИСа Иван (Ян) Петрович Бирзгал (1898–1968). Докладчик отметил, что после второй Всекрымской музейной конференции, состоявшейся в октябре 1924 г., было принято решение ликвидировать часть местных музеев, «возникших случайно и не имеющих данных к существованию» [22. Л. 10]. Докладчик предложил проект реорганизации, где предлагалось сделать основным Государственный центральный музей Тавриды в Симферополе как комплексный, состоящий из двух отделений: естественно-исторического и историко-культурного. Предполагалось, что каждый местный музей в крымских городах получит свой узкий профиль в соответствии с имевшимися коллекциями. Докладчик считал, что в Крыму будут работать три археологических музея – в Севастополе (Херсонес), Керчи и Феодосии, два этнографических – в Ялте (Восточный музей) и Евпатории, историко-бытовой в Алушке, характеризующий быт российского дворянства XIX в. Картинные галереи предполагалось устроить в Ялте и Феодосии, создать историко-архитектурный музей в Бахчисарае на базе местного дворца-музея. Музей военно-исторического профиля сохранялся в Севастополе и объединял Панораму, Музей Крымской войны и памятники обороны города. Ялтинский краеведческий музей предполагалось переуплотнить в природоведческий. Куратором работ по данной программе предполагался КрымОХРИС [Там же. Л. 10–19].

Два доклада сделал на этой конференции заведующий Севастопольской секцией ОХРИСа, руководивший Херсонесским государственным археологическим музеем, Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970): «Вопросы экспозиции археологических коллекций в крымских условиях для рабочих и крестьян – духовное обогащение, этикет и защита» и «План археологических раскопок в Крыму» [Там же. Л. 29–30 об., 33 об.–34]. Эти материалы весьма интересны для восстановления карьеры будущего заместителя заведую-

щего Музейным отделом Наркомпроса, куда вскоре К.Э. Гриневич был переведен. С двумя сообщениями выступил заведующий Алушкинским историко-бытовым музеем Сергей Дмитриевич Ширяев (1898–1961): «Методы экспозиции в историко-художественных и бытовых музеях», «Музейно-просветительская работа и методы» [Там же. Л. 30 об.–31, 35 об.–38]. Также с двумя докладами выступил крупный крымский краевед Иван Иванович Пузанов (1885–1981): «Методы экспозиции в естественно-исторических музеях» и «Изучение производительных сил и поднятие народного хозяйства в Крыму» [Там же. Л. 31–31 об., 34 об.–35].

Еще один важный документ, «выпавший» из крымской группы бумаг, выявлен нами в деле «Планы и отчеты музеев, материалы к ним, присланные в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса». Это письмо от 5 февраля 1927 г. руководителя крымского Наркомпроса Вели Балича Усеина в Москву и подписанный им же «Отчет о деятельности КрымОХРИСа за 1925/26 год». Он вызывает особый интерес для истории крымовеждения. Предчувствуя надвигающуюся реорганизацию внутри Наркомата просвещения, крымские деятели попытались как можно подробнее и обстоятельнее продемонстрировать значение КрымОХРИСа в культурной жизни региона.

В документе оговаривается, что «КрымОХРИС – самостоятельный подотдел Крымнаркомпроса. Заведующим является А.И. Полканов, заместителем – Я.П. Бирзгал, секретарем – Чепега». Перечислены объекты, которые состоят в непосредственном подчинении КрымОХРИСа: «Севастопольский военно-исторический музей и Панорама обороны города в Крымскую войну; Восточный музей в Ялте; Ялтинский художественный музей; Ялтинский естественно-исторический музей; Пушкинский дом в Гурзуфе; Феодосийский археологический музей и Галерея Айвазовского; Судакская крепость; памятники Старого Крыма и древнеармянский монастырь Сурб-Хач; древние татарские памятники Карасубазар; Евпаторийский этнографический музей и памятники старины в Евпатории; Дом-музей имени Гаспринского в Бахчисарае; Чуфут-Кале; Мангуп-Кале», которые «финансируются из местного бюджета».

Далее приведено объяснение структуры организации: «КрымОХРИС ведет общий учет памятников старины и общий надзор за ними и организует охрану памятников через местные музеи. В этих целях весь Крым разделен на специальные археологические районы, прикрепленные к отдельным музеям, которые ведают охраной всех памятников данного района. К Центральному музею Тавриды прикреплены Симферопольский, Карасубазарский, Джанкойский и Судакский районы. К Бахчисарайскому музею – Бахчисарайский район; к Херсонесу – Севастопольский до Фороса включительно. К Алушкинскому – часть Ялтинского района от Фороса до Ай-Петри включительно. К Ялтинскому естественно-историческому – часть Ялтинского района от Ай-Петри до Алушты включительно. К Феодосийскому – весь Феодосийский район; к Керченскому – Керченский полуостров; Евпаторийскому музею – Евпаторийский район. Крупные ком-

плексы памятников, как Судакская крепость, старокрымские, карасубазарские памятники, Сурб-Хач, Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Киик-Коба – подчинены непосредственно КрымОХРИСу и имеют охрану (по областному бюджету)».

В документе обозначен состав экспертной научно-художественной комиссии при КрымОХРИСе, которая должна была определять художественную ценность предметов при вывозе их за границу: заведующий КрымОХРИСом А.И. Полканов, заведующий художественным отделом Центрального музея Тавриды П.И. Голландский, заведующий археологическим отделом этого музея Н.Л. Эрнст и известный художник Н.С. Самокиш. Комиссия в действительности бездействовала. Указано, что «по крымским условиям вести работу ей не приходится из-за отсутствия выезда граждан за границу из Крыма и отсутствия в Крыму коллекционеров».

При упоминании, что КрымОХРИС поддерживает постоянные научные связи с Таврическим обществом истории, археологии и этнографии, а также с Российским обществом по изучению Крыма, в отчете очерчены конкретные мероприятия, которые удалось провести для сбережения культурного наследия. «Проведено через КрымЦИК специальное постановление об охране памятников старины в развитие декрета ВЦИКа и СНК от 7/1–24 г. со списком памятников, находящихся в ведении и на учете КрымОХРИСа. Проведено через КрымЦИК постановление о закрытии в Судакской крепости армяно-католической церкви и передаче ее в ведение ОХРИС для устройства хранилища памятников. Составлены правила посещения Судакской крепости и инструкция по охране крепости для ее администрации. Произведен на местах учет памятников. В КрымОХРИСе сведено воедино в 25/26 г. 308 памятников. В 1922 г. взято на учет 130 памятников. Одновременно приступлено к сбору материалов для составления Археологической карты Крыма. Работы по обследованию памятников проводили П.И. Голландский (ученый хранитель Центрального музея Тавриды) и Н.Л. Эрнст (заведующий Археологическим отделом). Было вывезено историко-художественное имущество из Пушкинского дома в Гурзуфе, из Ливадийского дворца, из Коккозского и Ново-Светского дворцов, из Мальцевской усадьбы (научная библиотека). Не решен вопрос о вывозе художественных ценностей из Мухалатки (дом отдыха Совнаркома), Кореиза (дом отдыха ГПУ), Гаспры (дом отдыха ЦеКУБУ). Учет и собирание революционных памятников производились Симферопольским музеем революции. Работа шла в тесном контакте с Истпартом и Истпрофом. Музей получал памятники (печатные материалы, документы, фотографии) от частных лиц».

Отдельно, в духе времени, оговаривалось внимание к изучению культуры, быта, формированию музейных коллекций и экспозиций различных крымских этносов, что было особенно актуально в мультикультурном регионе. «При КрымОХРИСе создана специальная комиссия для изучения культуры немецких колонистов. Вынашивается идея об организации общей для всех нацменьшинств комиссии при Совнаркоме. организо-

вана экспедиция по сбору болгарской этнографии. Под руководством У. Боданинского организована экспедиция по изучению татарской культуры в Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосийском и Керченском районах».

В отчете назван и ряд формальных мероприятий: «разрабатывались материалы для экскурсий», «через экспедицию Боданинского организовывались в деревнях ячейки друзей старины», «поддерживали связи со школами, краеведческими обществами». И вместе с тем указано участие организации в крупных научных мероприятиях: «КрымОХРИС принял на себя инициативу и провел организационную работу (совместно с Керченской, Симферопольской и Московской комиссиями по созыву в Керчи по поводу 100-летия музея конференции 5–11 сентября и очередной Крымской музейной конференции)». Интересна приведенная в отчете информация о конкретных фактах отстаивания от застройки объектов культурного наследия: «Много времени и сил ушло в истекшем году на борьбу с разрушительными действиями в отношении памятников со стороны разных государственных учреждений. В частности, Симэлектроводом – по поводу городища Неаполь; ЮККУ – по поводу перестроек в Алушкинском дворце, Карасубазарским комхозом – по поводу разорения татарских памятников» [25. Л. 80–85].

В фонде также выявлены документальные материалы, подготовленные Г. А. Бонч-Осмоловским, об организации при КрымОХРИСе Ученого совещания для научного подкрепления организации охраны памятников [26]. Две единицы хранения содержат фотодокументы и паспорта археологических и культурных объектов Крыма. Отдельным делом представлена фотография памятника-obeliska на братской могиле первого правительства Советской Социалистической Республики Тавриды в Алуште. Сохранились паспорта археологических памятников – мечети Узбека в Старом Крыму (1934), генуэзской башни в Алуште (1940), а также двух мемориальных музеев – А.П. Чехова в Ялте (1934) и А.С. Пушкина в Гурзуфе (1938). Заметим, что данные паспорта были составлены уже после ликвидации КрымОХРИСа. Они были подготовлены чиновниками музейных отделов соответствующих городов и присланы в Музейный отдел Наркомпроса [27. Л. 1; 28. Л. 1–11].

Таким образом, изучение состава фонда 54 «Коллекция материалов по музейному строительству в РСФСР», который отложился в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, свидетельствует о наличии в его составе многочисленных содержательных исторических источников для восстановления истории государственных мероприятий по выявлению, систематизации и описанию объектов культурного значения на территории Крыма, организации мер по сохранению и реставрации археологических и архитектурных памятников. Несмотря на проведенную реструктуризацию фонда, часть крымских бумаг осталась не включенной в «крымский блок» дел. Выявленные там документы значительно дополняют известную информацию о деятельности КрымОХРИСа – важной структуры в системе организации культурной жизни региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов В.Ф. Обзор документов ОПИ ГИМ о музейном деле и охране памятников истории и культуры в Крыму в первые годы советской власти // *Историография и источниковедение архивного дела в СССР : межвуз. сб. / Гос. истор.-архивн. ин-т. М., 1984. С. 81–89.*
2. Козлов В.Ф. Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917–1933 гг.: по материалам московских архивов и музеев // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры : сб. научн. трудов / НИИ культуры АН СССР. М., 1990. С. 40–54.*
3. Козлов В.Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920–1941 гг.) // *Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. М., 1994. Вып. 15. С. 126–156.*
4. Государственный исторический музей Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 996.
5. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 997.
6. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999.
7. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1000.
8. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1001.
9. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1002.
10. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1003.
11. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1004.
12. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1005.
13. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1006.
14. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1008.
15. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1009.
16. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1010.
17. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1007.
18. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1011.
19. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1012.
20. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 551.
21. Непомнящий А.А. Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // *Боспорские исследования / Крымский фед. ун-т им. В.И. Вернадского. Керчь ; Симферополь, 2019. Вып. 39. С. 404–423.*
22. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 671.
23. Закс А.Б. Областные музейные конференции в РСФСР 1926–1927 годов: по материалам ОПИ ГИМ // *Археографический ежегодник за 1980 год. М. : Наука, 1981. С. 197–208.*
24. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь : Антиква, 2015. 936 с. (Сер. «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
25. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 605.
26. Непомнящий А.А. Ученое совещание при КрымОХРИСе: становление научного памятниковедения в регионе (1920–1921) // *У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях : материалы Междунар. науч. конф., 26–27 февр. / Ин-т археологии РАН. М., 2019. С. 31–33.*
27. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1124.
28. ГИМ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1144.

Andrey A. Nepomnyashchy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University: Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dr.aan@mail.ru

KRYMOHRIS IN THE DOCUMENTS OF THE DEPARTMENT OF WRITTEN SOURCES OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM (1920–1927)

Keywords: Crimean regional committee for museums and preservation of ancient monuments, art, nature and folk life (KrymOHRIS), museum, Crimean local history, Department of Written Sources of the State Historical Museum.

The analysis of the composition of the Crimean block fund 54 documentary arrays «The collection of the materials on museum construction in the RSFSR», which is stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum Russian Federation in Moscow was chosen as the aim of scientific research. Crimean regional committee for museums and preservation of ancient monuments, art, nature and folk life (KrymOHRIS), which had a decisive effect on the formation of museum collections, preservation and restoration of historical monuments and architecture of the peninsula, functioned as a part of public authorities from November 1920 to 1927. Classification of the Crimean documents of this fund without detailed characterization of their content was proposed by historian V. F. Kozlov in the scientific literature in the 1980s. Besides “Crimean block” of archival papers today, the important documents about activities of KrymOHRISa that are scattered in other affairs of the fund, but of the considerable interest for restoring the history of the Crimean local history, were identified by the author. The main array of Crimean documents makes up 17 storage units in the fund after its reorganization (No. 996–1012). The three massive of affairs “Documents of KrymOHRIS” (№№ 996–998) include the report documents (annual reports of organizations for the years 1920–1924), the organizational and administrative papers, the current correspondence on the administrative papers accounting of the cultural heritage sites, the materials for the preparation of the First Congress of KrymOHRIS, including the manuscript reports. Of the considerable interest are service notes (reports) on the stay in Crimea of such representatives of the Museum Department General Directorate of Scientific, Scientific, Artistic and Museum Institutions of People's Commissariat of Education of the RSFSR as B. F. Dobrynin, A.V. Lebedev and V. M. Sokolov. Significantly complements the overall representation of activities of the central administration and city organizations of KrymOHRIS the reporting and organizational documentation obeying it the Crimean museums, which is the basis of all the Crimean papers. The author identified the substantial materials which helped to restore the picture of the organizational activity of KrymOHRIS. These documents belong to the IV Crimean regional museum conference which took place on September 12–13, 1926. In these archival materials in-depth reports made by J. P. Birzgal, K. E. Grinevich, I. I. Puzanov, S. D. Shiryayev are saved. The author revealed the part of the Crimean papers remained unaddressed in the “Crimean block” of the affairs of fund 54. The mentioned documents significantly complement the information known on the activities of KrymOHRIS as an important structure in the organization of the cultural life of the region.

REFERENCES

1. Kozlov, V.F. (1984) *Obzor dokumentov OPI GIM o muzeynom dele i okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymu v pervye gody sovetskoy vlasti* [Review of the documents of the OPI GIM on the museum business and the protection of historical and cultural monuments in the Crimea in the first

- years of Soviet power]. In: Durnovtsev, V.I. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie arkhivnogo dela v SSSR* [Historiography and source study of archival affairs in the USSR]. Moscow: Hist. and Arch. Institute. pp. 81–89.
2. Kozlov, V.F. (1990) *Istochniki ob otnoshenii k istoricheskim pamyatnikam v RSFSR v 1917–1933 gg.: po materialam moskovskikh arkhivov i muzeev* [Sources on the attitude towards historical monuments in the RSFSR in 1917–1933: based on materials from Moscow archives and museums]. In: Shulepova, E.A. (ed.) *Voprosy okhrany i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury* [Questions of Protection and Use of Monuments of History and Culture]. Moscow: USSR AS. pp. 40–54.
 3. Kozlov, V.F. (1994) *Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v Krymu (1920–1941 gg.)* [Protection of historical monuments in the Crimea (1920–1941)]. *Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie, restavratsiya*. 15. pp. 126–156.
 4. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 996.
 5. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 997.
 6. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 999.
 7. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1000.
 8. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1001.
 9. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1002.
 10. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1003.
 11. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1004.
 12. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1005.
 13. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1006.
 14. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1008.
 15. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1009.
 16. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1010.
 17. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1007.
 18. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1011.
 19. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1012.
 20. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 551.
 21. Nepomnyashchiy, A.A. (2019) Kerch Archaeological Conference on the Memoirs of Participants: Communications of the First Soviet Decade. *Bosporskie issledovaniya – Bosphoros Studies*. 39. pp. 404–423. (In Russian).
 22. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 671.
 23. Zaks, A.B. (1981) *Oblastnye muzeynye konferentsii v RSFSR 1926–1927 godov: po materialam OPI GIM* [Regional museum conferences in the RSFSR in 1926–1927: based on the materials of the OPI State Historical Museum]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1980 god* [Archeographic Yearbook for 1980]. Moscow: Nauka. pp. 197–208.
 24. Nepomnyashchiy, A.A. (2015) *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945)* [History and Ethnography of the Peoples of the Crimea: Bibliography and Archives (1921–1945)]. Simferopol: Antikva.
 25. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 605.
 26. Nepomnyashchiy, A.A. (2019) *Uchenoe soveshchanie pri KrymOKhRISe: stanovlenie nauchnogo pamyatnikovedeniya v regione (1920–1921)* [An academic meeting at Crimea OKHRIS: the formation of monument studies in the region (1920–1921)]. In: *U istokov sovetskoy arkheologii: organizatsii i uchrezhdeniya arkheologicheskogo profilya v novykh realiyakh* [At the origins of Soviet archeology: organizations and institutions of the archaeological profile in new realities]. Moscow: RAS. pp. 31–33.
 27. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1124.
 28. The State Historical Museum Department of Written Sources (GIM OPI). Fund 54. List 1. File 1144.

УДК 93/930.2
DOI: 10.17223/19988613/75/16

М.Ю. Шматов

МОДЕРНОСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ И ОБРАЗЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1934–1939 гг.)

Проводится анализ применения концепции модернизации для изучения советских трансформаций 1930-х гг. в Западной Сибири. С опорой на массовые делопроизводственные и информационно-публицистические источники раскрыты термины «модернизация» и «модерность» и определено их соотношение. Сделан вывод о дискуссионной применимости концепций модернизации и тоталитаризма к изучению советской системы. Рассмотрено несколько ключевых историографических подходов к модернизационной проблематике в контексте советской истории, сделаны выводы об их эффективности для исследования конкретных исторических процессов 1930-х гг.

Ключевые слова: модерность, модернизация, СССР, сталинизм, Западно-Сибирский край

«СССР <...> преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и Средневековья», – эти слова произнес И.В. Сталин 26 января 1934 г. в отчетном докладе XVII Съезду ВКП(б) [1. С. 15]. К этому времени «вождь» стал фактическим руководителем советского партийного государства, и его слова были официальной позицией большевистского руководства.

Вопрос об «отсталости» России и о преодолении этой отсталости мобилизационной политикой большевиков представлял собой практическую проблему для советского правительства и остается исследовательской проблемой для современных историков, макросоциологов и широкого круга публицистов, литераторов, общественных деятелей, рефлексирующих относительно «советского опыта модернизации». Эта проблема сохраняет актуальность в дискуссиях о вариантах и векторах модернизации современной России, в рамках полемики о будущем модерна в мировом масштабе, а также в непрекращающихся спорах (часто – аксиологических, ценностных) о советском наследии.

Указанная проблема была сформулирована самими большевиками, провозгласившими свое государство беспрецедентным в мировой истории (не считая недолговечной и карликовой Парижской коммуны). С легкой руки творцов большевистского нарратива советский государственный строй был объявлен самым передовым, а значит – самым современным. Известный американский исследователь революционных процессов М. Малиа считал постоянное стремление коммунистов «поддерживать свою современность» причиной «советской трагедии» [2. С. 507–521]. В то же время многие современники большевистского эксперимента считали его действительно передовым – даже если не испытывали явных симпатий к практикам и функционерам партийного государства.

По мере выхода СССР на мировую арену в качестве великой державы (а после 1945 г. – одной из двух сверхдержав) активизировалась дискуссия о природе такого цивилизационного и системного рывка. Одна группа исследователей, преимущественно представители «тоталитарной школы», позиционировали СССР как воспроизводство традиционной российской госу-

дарственности. Один из корифеев послевоенной западной советологии, Р. Пайпс, оценивал политические практики большевиков в раннесоветский период как дальнейшее развитие «России при старом режиме» [3]. Другой исследователь – из следующего поколения «тоталитарной школы» – Й. Горлицкий сформулировал концепт неопатримониализма как сущностной характеристики сталинской системы и на политическом уровне, и в социокультурном измерении [4]. Роль И.В. Сталина, институтов и лидеров партийного государства в этом ключе интерпретируется как традиционалистская – воспроизводящая архаичные, доиндустриальные и домодерные институты и практики (формальные, а в большей степени – неформальные, базирующиеся на личном авторитете персон, а не на формально-правовом фундаменте).

Эти положения носят концептуальный и объяснительный характер – их авторы стремятся понять и сформулировать сущностные характеристики советского социально-политического строя. Один из крупнейших современных исследователей политической истории сталинизма, российский историк О.В. Хлевнюк, доказывает эти тезисы, раскрывая природу сталинизма, в котором ключевую роль играл «хозяин», или «вождь». Следует согласиться, что эти элементы аутентичного советского нарратива связаны с архаичными, догосударственными социальными общностями – в любом государстве (не говоря уже о государствах современного типа, сложившихся в раннее Новое время) руководители уже не являются вождями, соответственно, и титулатура совсем иная. «Хозяином» И.В. Сталина неформально именовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), а термин «вождь» был общеупотребимым и фактически официальным.

Если вслед за историком и социальным философом М. Фуко рассматривать дискурс, распространенный в социальной системе, как отражение реалий этой системы [5. С. 250–259], то вождизм – знак архаичности большевистских политических практик. Именно на такой позиции стоит американский историк А. Гетти. Не будучи представителем «тоталитарной школы», а напротив, исследуя причины возникновения широ-

кой (и искренней) социальной поддержки сталинизма, этот исследователь доказывает, что советская модель была хорошо знакома и понятна населению СССР, поскольку воспроизводила институты и практики, существовавшие с XVII столетия [6]. Исследователь сталинской идеологии Д. Бранденбергер и вовсе считает возврат к традиционным образам и практикам залогом выживания сталинского режима в стране, где авангардные идеи марксизма просто не воспринимались и отторгались населением [7. С. 8, 18]. Кстати, в этом отношении современные историки не являются новаторами: тезисы о возврате И.В. Сталина к традиционализму выдвигали и современники сталинизма из числа эмигрантов: Н.А. Бердяев, Н.В. Устрялов, Н.С. Тимашев и др.

Однако рассмотренные концепции не вполне отвечают на вопрос о том, почему в раннесоветской системе присутствовала существенная, даже избыточная социокультурная и экономическая динамика. Между тем современники сталинского СССР, по-разному оценивая события концептуально и аксиологически, были едины в своем внимании к существенным изменениям в стране. Пытаясь ответить на вопросы, как, какими методами, а главное – куда двигалась советская страна в межвоенный период, историки-«ревизионисты» второй половины XX в. исследуют природу устойчивости сталинского режима в стране с колоссальной социальной нестабильностью. В этих поисках и дискуссиях родилась социальная история СССР, изучаемая Ш. Фицпатрик [8], А. Грациози [9], С.А. Красильниковым [10] и многими другими историками, социологами, демографами.

Один из очевидных ответов: в СССР существовал образ будущего, который одни авторы называют современным и просветительским (С.Ю. Рыбас [11. С. 14, 347], М. Дэвид-Фокс [12. С. 48]), а другие – эсхатологически-религиозным (Ю. Слэзкин) [13. С. 902, 940]. Однако образ – это лишь симулякр реальности, который без должного эмпирического подтверждения не найдет отклика в социуме. Историк О. Великанова исследовала образ «разочарованных мечтателей» – советских граждан конца 1920-х гг., разуверившихся в коммунистических идеях [14].

Значит, социальную опору сталинизма формировали и его практики. Одной из самых распространенных и официально декларируемых была практика преобразования страны – сначала для ее «осовременивания», а затем – для превращения в самое передовое общество. Идея рывка (сначала до уровня ведущих мировых держав, а затем – и вперед них) позиционируется рядом исследователей как модернность – т.е. стремление к современности, модерну. Сквозь призму «специфического варианта модернизации» советский исторический эксперимент изучает Д. Хоффман – автор фундаментального научного труда, названного в духе большевистского нарратива «Вращивание масс» [15]. С его точки зрения, жесткость и экстремальность практик советской системы обусловлена именно запоздалостью модернизации исторической России. Исследование Д. Хоффмана носит компаративистский характер – СССР сравнивается с другими развиваю-

щимися государствами XX в., что наводит автора на мысль об общецивилизационной закономерности существования в СССР именно такого режима.

Ряд российских исследователей вслед за немецким мыслителем Э. Юнгером и экономистом-эмигрантом российского происхождения Б.Д. Бруцкусом называют такой тип режима мобилизационным [16. С. 3–45]. По-разному оценивая сущность и результаты деятельности мобилизационного режима, его исследователи отмечают форсированный характер и избыточную затратность его функционирования. Это объясняется другим видным западным исследователем модернизаций и модерности М. Дэвидом-Фоксом как следствие отсталости социальной, политической и, прежде всего, экономико-технологической системы СССР (и его предшественницы – Российской империи). При этом, в отличие от Д. Хоффмана, М. Дэвид-Фокс более осторожно использует термин «модернизация» применительно к советским практикам [12. С. 90–102]. В этом отношении с ним солидарны западные и российские макросоциологи Р. Коллинз [17] и Н.С. Розов [18], считающие, что модернизация становится социальной реальностью в условиях, отличных от советских: рыночная экономика, политические права и свободы и др.

Однако М. Дэвид-Фокс использует термин «модерность», означающий не модернизацию как процесс, а образ этой модернизации, используемый в обществе [12. С. 96]. Перед нами стоит цель раскрыть термины «модерность» и «модернизация», используемые в советологических исследованиях, и проанализировать их применимость, используя для этого конкретно-исторический контекст Западно-Сибирского региона в 1934–1939-х гг., в период некоторой стабилизации советского социума после событий «Великого перелома». В этот же период в СССР, после XVII съезда ВКП(б), прошел ряд массовых политических кампаний, направленных на легитимацию советского строя путем «всенародного» участия в выработке новой Конституции (1936) и проведения выборов в Верховные Советы СССР, союзных республик и отдельных регионов (1937–1939).

Выбор территориальных и хронологических рамок обусловлен исторической спецификой Западной Сибири. С одной стороны, это «типичный» советский край, в котором представлены все основные социальные общности межвоенного СССР. С другой стороны, в русле индустриализации и модернизации Сибири отводилась особая позиция – региона-дублера производственной базы страны. Поэтому, изучив сущности и практики основных советских институтов в данных территориально-временных рамках, а также рассмотрев образы этих институтов и практик, представляется возможным решить задачи выявления, типологизации и определения границ модерности, модернизации (и модерна) как исторических характеристик советской системы [19] в региональном – прежде всего, социально-мировоззренческом – контексте.

Нами с использованием системного подхода к изучению советской социально-исторической общности (СССР, его система власти и группы населения) проводится исследование на трех уровнях:

1) макроуровень – советская модель в мировых реалиях межвоенного времени;

2) мезоуровень – взаимодействие и конфликты групп населения (в этом смысле бинарная оппозиция «власть–общество» утрачивает принципиальное значение – агенты партийного государства изучаются как элемент сложной социальной системы);

3) микроуровень – индивидуальный мир отдельных граждан и небольших социальных групп (семья, коллектив, квазисообщества вроде митингов, демонстраций, спецпоселков, пациентов больниц и других стихийно и краткосрочно возникающих общностей).

Для работы с многочисленными текстовыми и визуальными источниками применяется теория деконструкции нарратива французского исследователя Ж. Дерриды [20. С. 67, 170]. Выделяя в массиве советского дискурса отдельные, значимые с точки зрения смысла и семиотики элементы, можно подвергнуть анализу их содержание-текст (метод контент-анализа), смысл-контекст (дискурс-анализ) и цель создания-интертекст (интент-анализ). Методологическая сложность работы с источниками обусловлена их многочисленностью и сложным типологическим составом: от публицистики в периодической печати и специальной литературе до делопроизводства (включая секретное); от визуальных мобилизующих образов плакатов и карикатур до идеологически ангажированных и инструментализированных законодательных документов; от семантики архитектуры и городских ландшафтов до личной рефлексии в эпистолярных (письма) и эпидейктических (дневники) текстах. Сложная системная динамика СССР породила не менее сложный корпус источников, которые, однако, позволяют раскрывать разные стороны объекта исследования. В то же время для четкого понимания сущности исследуемой проблемы необходимо сформулировать ее терминологический аппарат.

Точность или аутентичность? Термины и их применимость

Одна из ключевых проблем изучения истории СССР как на источниковедческом, так и на концептуальном уровне вызвана потребностью в «дешифровке» советского нарратива. Это касается как официальных текстов, так и всех остальных, оказавшихся под влиянием сложившихся уже в раннесоветской эпохе дискурсивных традиций. Литератор Дж. Оруэлл метко назвал такие традиции «новоязом». Сам факт появления «новояза» можно оценивать как элемент советской модернизации – ведь новая реальность ожидаемо требует новых терминов [21. С. 10]. Вопрос лишь в том, насколько новой была эта реальность? Не было ли это явление лишь образом коренных изменений?

Советские термины отражают реальность, поэтому отказываться от их использования нельзя. Однако необходимо определиться: в каком качестве их использовать – как термины для обозначения явлений или же как источники для изучения этих же явлений и поиска более адекватных терминов для их обозначения. Яркий пример – дискуссия вокруг аутентичного

советского термина «раскулачивание», за которым в реальности скрывалось репрессивное раскрестьянивание [10. С. 10–25]. Этот пример симптоматичен, поскольку свидетельствует о присвоении советским дискурсом позитивных коннотаций противоречивым и порой катастрофичным процессам.

Более дискуссионный пример «подмены понятий» демонстрируют широко употребляемые в исторической науке советские термины «индустриализация», «коллективизация» и «культурная революция». Став не только идеологическими, но и академическими клише, эти слова, однако, не в полной мере раскрывают сущность макропроцессов, происходивших в межвоенном СССР. Под этими формулировками «новояза» в первую очередь следует понимать форсированную и преимущественно принудительную, мобилизационную этатизацию в индустриальной, аграрной и культурно-мировоззренческой сферах (хотя, безусловно, значительная часть современников усвоили и применяли советский нарратив). Важно оценить соотношение этатизационных процессов с модернизацией в различных сферах советской жизни (как в реальности, так и в мировоззренческих установках разных категорий советских граждан).

Термин «модернизация» в советском нарративе 1930-х гг. практически не встречается. Контент-анализ периодической печати общесоюзного (газета «Правда») и краевого (газета «Советская Сибирь») уровней за 1934–1939 гг. показывает, что слово «модернизация» и производные от него («модернизировать», «модернизационный») употребляются всего 2 раза в узком техническом контексте: когда речь идет о модернизации оборудования предприятий или ветхих зданий (подсчитано по результатам контент-анализа 543 текстов из 198 номеров газеты «Правда» (июнь 1934 – июнь 1939 г.) и из 202 номеров газеты «Советская Сибирь» (июнь 1934 – июнь 1939 г.): слово по одному разу упоминается в обеих газетах). При этом синонимичные слова и конструкции «развитие», «улучшение», «усовершенствование», «новый уровень» упоминаются более 600 раз в 543 текстах. В официальном Политическом словаре 1940 г. под редакцией Г. Александрова, В. Гальянова и Н. Рубинштейна, содержащем несколько тысяч идеологических терминов из разных сфер советской жизни, слово «модернизация» отсутствует.

Советский дискурс фактически не прибегал ни к концепции модернизации, ни к одноименному термину. Близкая по смыслу фраза «социалистическая реконструкция» означала в первую очередь марксистскую смену социально-экономической формации, поэтому ее нельзя считать в полной мере синонимичной слову «модернизация». Академическая теория модернизации, объясняющая эволюционные или форсированные (революционные) трансформации архаичных обществ в современные (модерные), сложилась в западных социально-гуманитарных науках в середине XX в., и лишь впоследствии произошла ее рецепция в отечественном гуманитарном знании [19]. В то же время понимание модернизации как «осовременивания» всего общества, а не только отдельных, технических его областей, в официальном дискурсе сталинского

агитпропа косвенно существовало. Ближайшим синонимом слова «модернизация» в «новоязе» 1930-х гг. был не конкретный термин, а комплекс идеологем-клише: «догнать и перегнать», «пробежать / сократить отставание», «построить новый мир / новое общество / новую формацию / нового человека». Контент-анализ вышеупомянутых 543 информационных и публицистических источников общесоюзной и региональной советской периодики демонстрирует, что такие конструкции использовались более 250 раз, причем интенсивность их применения возрастала в 1936–1937 гг. – в период массовых политических кампаний легитимационного характера (конституционно-электоральные кампании). Контент-анализ упомянутой общесоюзной и региональной советской периодики демонстрирует массовые упоминания словосочетаний, содержащих слово «новый» и производные от него. Дискурс-анализ, направленный на изучение контекста, в котором употребляются эти фразы, демонстрирует, что примерно в 80% случаев «новый» – это стилистически позитивный эпитет, означающий качественный переход от прежнего (порочного и «отсталого») состояния страны и ее населения к совершенному (социалистическому). В оставшихся 20% случаев слово «новый» часто имеет подчеркнуто негативный контекст – когда речь идет о новых организациях «врагов народа» или о новых фактах всевозможных реальных и мнимых преступлений против советского строя, заговорах, агрессиях и пр.

Такая дискурсивная практика непротиворечиво интегрирована в контекст большевистского исторического метанарратива: с первых лет советской власти большевики воспринимали свою систему как авангард развития человечества – пример общества нового типа, который затем следовало распространить на весь мир. Можно соглашаться или спорить с выдвинутым Н.С. Тимашевым концептом «Великого отступления» режима И.В. Сталина от «доктрины» коммунизма и мировой революции [22] в пользу «неоимперскости» и «национал-большевизма», однако даже концепция «социализма в отдельно взятой стране» подразумевает создание принципиально нового типа государства и общества, призванного служить глобальной альтернативой «капиталистическому» миру. С такой позицией соглашаются современные историки – приверженцы концепта «Великого отступления» – исследователь сталинской идеологии Д. Бранденбергер [7. С. 9, 50], системный аналитик и апологет сталинских преобразований А.И. Фурсов [23. С. 10, 143], исследователь социальной истории межвоенного СССР Ш. Фицпатрик [8. С. 56] и др. Очень ярко идея позитивной «новизны» советского строя прослеживается, например, в вышедшем во время кампании по принятию «сталинской» Конституции 1936 г. художественном фильме «Цирк» режиссера Григория Александрова.

Итак, в оптике сталинской пропаганды СССР не просто создавал нечто новое в технике, культуре или спорте – он сам представлял принципиально новым явлением – как на государственном, так и на мировом уровне. Советская идейная модель была обращена в будущее (и не простое, а «светлое», т.е. однозначно

позитивное и прогрессивное), однако по множеству показателей вышедшая из Первой мировой и Гражданской войн страна не могла считаться передовой. По этой причине пропаганда настойчиво говорила о форсированном догоняющем развитии, т.е. о модернизации, говоря языком одноименной объяснительной теории. В этой связи термины «индустриализация», «коллективизация» и «культурная революция» гипотетически можно определять так: «большевистский (партийно-государственный, форсированный и мобилизационный) вариант модернизации в промышленной, аграрной и культурно-мировоззренческой сферах жизни». Однако для проверки этой рабочей гипотезы необходимо учитывать существенные противоречия между реальными показателями советской системы и идеологическими образами-конструктами, которые выдающийся французский гуманитарный исследователь Ж. Бодрийяр именовал симулякрами [24]. Суть в том, что симулякр, захватывая информационное, а затем когнитивно-мировоззренческое пространство жизни людей, может заменить им реальность. В истории СССР этот тезис особенно актуален – пропаганда формировала альтернативную реальность, в которой многие советские граждане публично считали вымыслом особо тяжелые факты реальности вроде голода, репрессий и даже стихийных бедствий, которые якобы невозможны в советской стране [25. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 15].

Иными словами, следует отличать *модернизацию* как объективный процесс формирования современного общества от *модерности*, под которой в данном исследовании мы понимаем идеолого-мировоззренческий симулякр (проще говоря – *идею*) современности, технологичности и развитости советского общества в сравнении с предшествующими эпохами в истории России и с современными межвоенному СССР «буржуазными» обществами. Чтобы решить задачу разграничения и соотношения *модернизации* и *модерности* в реалиях огромного, динамично трансформировавшегося, но исторически отстававшего в своем развитии Западно-Сибирского региона СССР, проанализируем системные *показатели модернизации* и идеолого-мировоззренческие *образы модерности* и оценки этих процессов современниками и исследователями-советологами.

Модернизация как историческая и историографическая проблема

Если в наши дни следовать на поезде из Новосибирска в Кузбасс по направлению к пос. Промышленная и г. Ленинску-Кузнецкому, на пути встретится остановочная платформа Мотково. В окрестностях одноименного села, среди хвойного леса находятся руины крестьянской мельницы середины XIX столетия, заброшенной спустя сто лет [26]. И железнодорожная линия Инская–Промышленная, и гибель и забвение мельницы – результаты сталинского модернизационного проекта в Западной Сибири. Две новые железнодорожные линии, построенные в начале 1930-х гг. для нужд создания Урало-Кузнецкого металлургического комбината, конечно, служили «дорогой в современ-

ность», как писал европейский историк Б. Шенк [27]. Но они пролегли мимо коллективизированных в те же годы деревень, локальная инфраструктура которых распадалась после того, как зерно перестали молотить на частных мельницах «кулаков», а сами поля и угодья стали «колхозными» (т.е. *de facto* этатизированными).

Исчезали не только элементы деревенской инфраструктуры, но и нередко сами деревни. Ситуация в аграрной сфере в начале 1930-х гг. именуется историками квазигражданской войной (С.А. Красильников) или даже «последней крестьянской войной в истории Европы» (А. Грациози) [9. С. 5, 12; 10. С. 15–24]. От этой катастрофической ситуации крестьяне, стремительно терявшие свой прежний социальный статус и превращавшиеся в маргиналов, бежали в города, надеясь на «великих стройках» спастись от «Великого перелома». Беженство из сельской местности в города было одной из форм ликвидации старого сельского уклада.

Другой формой стало поглощение сел и деревень быстро растущими городами. Ярким примером служит история расширения Новосибирска в 1930-х гг. – в рамках строительства Комсомольского (имени КИМ) железнодорожного моста через Обь, создания индустриального гиганта «Сибкомбайн» и других предприятий на левом берегу Новосибирска был создан Заобский район (с 2 декабря 1934 г., после убийства С.М. Кирова, район стал называться Кировским), поглотивший сразу несколько сельских населенных пунктов: Бугры, Ветково, Малое Кривошеково, Ерестную. Похожая судьба постигла старинное село Усть-Иня во время строительства Эйховского района (после репрессий против партийного лидера Западной Сибири Р.И. Эйхе район переименовали в Первомайский) [28. С. 110–114, 124–126].

По «количественным показателям» подобные процессы свидетельствовали об урбанизации – важнейшем элементе создания современных обществ. Однако сельские жители становились горожанами стремительно, зачастую вовсе не добровольно, а их уклад жизни в лучшем случае не изменялся (в худшем – бывшие обитатели сельских домов переселялись в бараки и землянки при индустриальных гигантах). Такой процесс следует именовать *рурализацией* городской жизни; многие ее черты сохраняются до сих пор в виде больших участков «частного сектора» в городах – часто на местах бывших деревень.

Если оценивать модернизацию как комплексный процесс трансформации архаичного общества в современное, то применительно к советским реалиям в Западной Сибири следует говорить о «*консервативной модернизации*» – такую формулировку использует исследователь А.Г. Вишневский [29]. Он не отрицает модернизационных процессов, проводимых советским руководством, но отмечает их консервативный характер, определивший отличия исторического опыта СССР от государств Западной Европы и США: советский вариант модернизации создавал «инструментальную базу» промышленного развития, но не способствовал развитию рыночных институтов и других «атрибутов» модерна.

В огромном пространстве Западно-Сибирского края, освоенном до революции хуже, чем европейская часть страны, модернизация осуществлялась «очаговым» путем – ее «форпостами» стали крупные промышленные предприятия с прилегающими кварталами. Одним из символов советского модерна вполне закономерно считаются «соцгородки» – жилые комплексы со всей необходимой инфраструктурой вокруг основных заводов, застроенные жилыми домами и общественными зданиями (ДК, школы, больницы) в авангардном конструктивистском, а затем неоклассическом («ампирном») стиле. «Артериями» между «очагами» модернизации служили железные дороги.

В сельской местности подобными «очагами» модерна можно считать либо отдельные элементы современных социальных систем – школы, дома культуры, учреждения здравоохранения, ясли, библиотеки, либо специфические (и действительно новые) экономические единицы и населенные пункты – машинно-тракторные станции – МТС (в ряде районов с учетом хозяйственной специфики создавались моторно-лодочные станции для рыболовов или машинно-сенокосные станции для скотоводов). В МТС на определенных этапах существовали политические отделы для идейно-мировоззренческого контроля над населением (массовая пропаганда, по справедливому замечанию Д. Хоффмана, – тоже элемент модерна [15. С. 221]), но главное – именно МТС обеспечивали механизацию сельского хозяйства – ключевой элемент модернизации аграрной сферы. Разумеется, не в полном объеме... Эмигрантский публицист К. Рошковский в 1938 г. писал в газете «Младоросское слово», выходившей в далеком бразильском Сан-Паулу, что большевики «попросту не справляются с освоением страны, особенно далеких ее областей» [30].

Необходимо констатировать, что одним из мрачных итогов советского варианта модернизации стало создание в крае сети еще одних принципиально новых населенных пунктов – спецпоселений. Одной из целей их создания было хозяйственное освоение труднодоступных северных районов, в том числе для добычи леса в интересах индустриализации. Технически массовые и стремительные депортации столь огромного количества людей действительно стали возможны лишь в результате развития транспорта и мобилизационных механизмов государственных институтов. Однако возможно ли считать трагедию миллионов крестьян с сомнительными экономическими итогами цивилизационной модернизацией? Дискуссия о соотношении социальных, экономических, политических целей модернизационных процессов и их влиянии на судьбы людей ведется многими исследователями – эту проблему, в частности, подробно раскрыл историк Л.И. Бородин [31].

Своего рода всплеском модернизационной активности партийно-государственных институтов становились массовые политические кампании. Таковыми выступали любые связанные с политикой акции: от уборки зерна («хозяйственно-политические кампании») до судов над «врагами народа» или обсуждений зарубежных событий (например, гражданской войны

в Испании). Однако одни из самых крупных кампаний прошли в 1934–1939: между XVII и XVIII съездами ВКП(б), в рамках реализации грандиозного проекта легитимации большевистской власти после «Великого перелома». Этот проект включал принятие новой Конституции, которому предшествовало «всенародное изучение и обсуждение» ее проекта, а затем – выборы в Верховный Совет СССР (декабрь 1937 г.) и Верховные Советы союзных республик (лето 1938 г.).

Такие кампании служат «индикатором» советской «консервативной» [29. С. 12–17] и «мобилизационной» модернизации – для достижения важнейших политических целей партийное государство должно было использовать весь свой потенциал. Более того, кампании подчеркивали «современность» советского строя и его достижения: например, в 1937 г. в честь новой Конституции был организован женский автопробег в Среднюю Азию, к памятным датам проводились авиационные парады, спортивные праздники с парашютными прыжками [25. Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 936. Л. 1–3].

Мероприятия конституционно-электоральных кампаний более результативно были выполнены в центрах модернизации – среди квалифицированных городских рабочих, корпораций интеллигенции (учителя, медицинские работники, советские служащие), а также в МТС [32. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 1208. Л. 16]. В отдаленных районах Западно-Сибирского края обсуждение конституционного проекта срывалось из-за инфраструктурных проблем: в села Искитимского, Ордынского, Каргатского районов из-за осенней распутицы не смогли доехать автомобили с агитационной литературой [25. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 117], в Черепановском районе не работало радио в ряде агитационных пунктов [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3002. Л. 2], а с несколькими селами, по словам прибывшего из ЦК ВКП(б) проверяющего, «несколько месяцев не было связи» [25. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 11]. Такая логистическая разобщенность демонстрирует сложности в целостной модернизации региона, а также порождает концептуальный вопрос о применимости термина «тоталитаризм»: если можно говорить о *тоталитарной идеологии* и *тоталитарном режиме*, стремящемся к контролю над социумом, то *тоталитарной системы* в чистом виде сложиться не могло по причине невозможности полного контроля над всеми советскими людьми.

Другой проблемой модернизационного процесса был его кадровый потенциал. В 1935 г. И.В. Сталин произнес знаменитую фразу: «Кадры решают все». Один из ключевых принципов дискурс-анализа можно сформулировать так: «Если о чем-то говорят, значит это является проблемой». Качество кадров партийно-советских функционеров, а также взаимодействовавших с ними активистов (для удобства их можно именовать *агентами власти*) оставляло желать лучшего. Оставляя за скобками хорошо изученную проблему репрессий против «старой интеллигенции» и сложности с подготовкой новых научных и технических кадров, отметим, что даже в деле организации ключевых идеолого-пропагандистских кампаний функционеры зачастую не справлялись со своими задачами.

С одной стороны, некомпетентность агентов власти была вызвана сложностью и неординарностью идеолого-политических задач. Конституционно-электоральные кампании подразумевали резкий дискурсивный разворот от идей классовой борьбы к образам единого советского народа с демократическими правами и ценностями и немногочисленными, но опасными врагами. Функционеры, среди которых в Западной Сибири менее 50% имели оконченное среднее образование и менее 10% – высшее, терялись и выдавали опусы, вроде заявлений о том, что «колхозы отменяют», «прокурор будет контролировать ЦК, СНК» и т.д. [Там же. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 117.].

Однако часто причины неудач мероприятий кампаний крылись в лени, нежелании работать и в банальном пьянстве функционеров вплоть до уровня секретарей районных партийных и комсомольских организаций [32. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3, 43.]. В Куйбышевском районе секретарь райкома ВКП(б) И. Выленок провалил свое выступление по причине своей низкой популярности – почти никто из «трудящихся» не явился, звучали «провокационные» вопросы.

Нередко на помощь местным функционерам крайком / обком партии или комсомола высылали своих инструкторов. Иногда они приезжали и из Москвы – из ЦК ВКП(б), Центральной избирательной комиссии, ЦИК СССР. Один из таких столичных эмиссаров – уполномоченный ЦК ВКП(б) по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР А.В. Пунегов, проверяя осенью 1937 г. подготовку к выборам в Кузбассе, прямо назвал «несовременной и провальной» работу секретарей городских парторганизаций даже в стратегических промышленных центрах – Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком [25. Р-7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 106–111].

Советский вариант модернизации в логистически отдаленном и в известной мере архаичном регионе сталкивался с объективными и субъективными трудностями, которые приходилось преодолевать мобилизационным путем – в том числе посредством мобилизации массового сознания через мировоззренческие образы, о которых речь пойдет далее.

«Мобилизованное время»: модернность как идеология и образ мыслей

Еще в сентябре 1917 г. В.И. Ленин написал статью «Грозная катастрофа и как с ней бороться»; в ней прозвучали слова о необходимости экономически «догнать и перегнать» передовые страны. Эти слова «вождя» стали лейтмотивом советской мобилизационной идеологии. Таким образом, идея развития в духе современности и рывка в будущее была одной из ключевых в советском дискурсе, однако эта идея обрела *конфронтационный* характер – не только по отношению к современности (показатели СССР сравнивались с показателями «буржуазных» стран), но и к прошлому (почти сакральным для советской статистики был 1913 год с его последними предвоенными показателями развития Российской империи).

При этом, информируя население о бурном развитии страны, советский агитпроп делал акцент на реги-

ональной специфике. Сибирские газеты и агитаторы сравнивали советскую Сибирь с дореволюционной, которую характеризовали исключительно как «место каторги и ссылки» и «дикий край» [33]. Впрочем, и эмигрантская пресса отмечала «неожиданную индустриализацию» некогда глухой Сибири – правда, в издаваемой в Болгарии под эгидой бежавшего из лагерей системы ГУЛАГа публициста И.Л. Солоневича газете «Голос России» писали и о «непомерном росте масштаба Сибирской каторги» [34].

«На вооружение» советской пропагандой были взяты даже стихотворные строки из произведения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», где поэт писал о «ныне диком тунгусе», т.е. представителе коренных народов Сибири. Конституционно-электоральные кампании 1936–1937 гг. совпали со 100-летней годовщиной гибели А.С. Пушкина, которая была встречена в СССР кампанией памяти поэта, в ходе которой его произведения издавались практически на всех языках народов СССР (как и тексты «сталинской» Конституции) [35. С. 190]. Массовое книгоиздательство на национальных языках – важная черта культуры и идеологии модерна, и в СССР подчеркивали такую деятельность. Другой – советский – поэт-акын Джамбул в эпических стихотворениях о советской власти подчеркивал прогресс, который она принесла кочевым народам [36].

Не следует забывать вышеупомянутый тезис: «если о чем-то говорят – значит это является проблемой». Наиболее часто о прогрессе, современности и разительных отличиях от мрачного прошлого говорили и писали в адрес сельского населения и этнических меньшинств. Более 60% публикаций о достижениях советской системы в газете «Советская Сибирь» посвящены именно колхозам, причем репортажи и информационные заметки подписаны именами сельских корреспондентов или самих жителей сельской местности (подсчитано по материалам 335 текстов газеты «Советская Сибирь» (июнь 1934 – июнь 1939 г.)).

В то же время однозначной уверенности в «современности» советского строя и реалий у граждан не наблюдается. Реальные достижения 1930-х гг. (успехи в полярных исследованиях, освоении воздушного пространства, научно-технические изобретения) были хорошо известны городским и сельским жителям (это свидетельствует не только о качестве пропаганды, но и о реальном интересе к успехам и к успешным людям), воспринимались позитивно, однако порой вызывали у граждан состояние когнитивного диссонанса и недоверия. «Писали про самолет на льдине, а мы ни одного самолета не видели», «говорят про трактор, а пашут вручную», – так в ходе идеолого-пропагандистских мероприятий заявляли некоторые колхозники [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3001. Л. 4].

Пропаганда рисовала образы будущего, наиболее приемлемые и интересные для молодежи. Обложки журнала «Техника молодежи», издававшегося ЦК ВЛКСМ, пестрели изображениями оружия и транспорта будущего. Кроме того, семиотика изображений на таких обложках часто содержала антитезу старого и нового: например, изображение скоростного поезда, идущего через пустыню с караваном верблюдов.

При этом мобилизационные практики большевиков в качестве реакции вызвали возрождение множества традиционных практик, служивших средствами психологической защиты от вмешательства государства в вековой уклад аграрного населения – такое вмешательство жестко и последовательно критиковал американский историк Дж. Скотт [37]. Он считал, что в ответ на форсированную модернизацию крестьянские сообщества переходят к тактике пассивного сопротивления («оружие слабых») в экономике и мировоззренческих установках. Так, советские атеистические кампании привели к росту популярности и социальной значимости религии и церкви. Ряд «контрреволюционных вылазок» в ходе конституционно-электоральных кампаний носил религиозный характер; верующие разных религий и конфессий на скудные средства содержали храмы, стараясь защитить их от закрытия [32. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 144].

В то же время, каких-либо значительных иных альтернатив большевистским организациям и практикам не было: в отличие от ситуации самого начала XX в., в советский период единственными институтами, осуществлявшими модернизационные процессы и пропаганду модерна были именно большевистские, советские и связанные с ними институты и функционеры, советская власть взяла на себя монополию и ответственность за модернизацию огромной страны.

Модерность – т.е. идея о современном, даже передовом советском строе – находила в социуме частичный отклик, при этом сконструированный пропагандой образ советской модерна был исторически достаточно молодым и зыбким, поскольку сознание многих советских граждан сохраняло архаичные свойства. Объективные трудности советских реалий вступали в противоречие с идеологическими конструкциями, поэтому советская модерность как мировоззренческая система не была повсеместной, однако завоевывала в 1930-х гг. сознание представителей самых разных социальных групп. Можно назвать массовое сознание советских людей этого периода *модернизирующимся*.

Заключение

Модерный по своим идеологическим установкам (прогрессивизм, динамизм, авангардизм) большевистский политический режим пришел к власти в традиционалистской стране с не слишком многочисленными модернизированными территориями. После эпохи «великих потрясений» большевики смогли воссоздать «очаги» модернизации (преимущественно в городах, но позже – и в сельской местности). При этом модернизационный проект осуществлялся под жестким контролем партийно-советских институций, что позволяет исследователям говорить о его реализации в консервативном и мобилизационном форматах. В изучаемом регионе проект столкнулся с рядом затруднений и ограничений, порожденных логистической разобщенностью территорий, организационными проблемами, вызванными низким кадровым потенциалом функционеров – агентов модернизационных действий власти, противоречивостью идейных конструкций модерна

и слабым их соответствием суровым реалиям межвоенного СССР, мировоззренческой невосприимчивостью многих архаически мыслящих советских граждан к идеологическим постулатам.

Анализ системных и мировоззренческих показателей советской Западной Сибири 1930-х гг. демонстрирует оформление в регионе модернизационной стратегии, которая проявлялась в том числе и в трансляции современных идей и образов. Исторические реалии быст-

ро трансформировавшегося региона демонстрируют сложность протекания объективно происходивших здесь модернизационных процессов, что создает как определенные затруднения в изучении советского варианта модернизации, так и широкие возможности для дальнейших эмпирических и концептуальных исследований специфики и результатов советского системно-государственного и идеолого-мировоззренческого проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. : стенограф. отчет. М. : Партиздат, 1934. 716 с.
2. Малия М. Советская трагедия: история социализма в СССР. 1917–1991 / пер. с англ. А.В. Юрасовского, А.В. Юрасовской. М. : РОССПЭН, 2002. 584 с.
3. Пайпс Р. Россия при большевиках / пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М. : РОССПЭН, 1997. 671 с.
4. Gorlizli Y. Ordinary Stalinism: the Council of Ministers and the Soviet Neo-patrimonial State, 1945–1953 // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74, № 4. P. 699–736.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. Вл. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
6. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2016. 374 с.
7. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / авториз. пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. М. : РОССПЭН, 2017. 367 с.
8. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.
9. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2001. 95 с.
10. Красильников С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
11. Рыбас С.Ю. Сталин. М. : Молодая гвардия, 2015. 912 с.
12. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
13. Дом правительства : сага о русской революции. М. : Corpus, 2019. 969 с.
14. Великанова О. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2017. 295 с.
15. Хоффман Д. Взращивание масс. Современное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
16. Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2018. 591 с.
17. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н.С. Розова. М. : УРСС, 2015. 504 с.
18. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.
19. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история : обозрение* / под ред. Л.И. Бородинки. М. : ЦЭИ, 2002. Вып. 8. С. 146–168.
20. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
21. Фельдман Д.М. Терминология власти : советские политические термины в историко-культурном контексте. М. : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. 480 с.
22. Timasheff N. The Great Retreat. New York : E.P. Dutton & Co. Inc., 1946. 462 p.
23. Фурсов А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. М. : Книжный мир, 2020. 544 с.
24. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
26. Музейные материалы МКУК «Сарапульское культурно-досуговое объединение».
27. Шенк Б.Ф. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авториз. пер. с нем. М. Лавринович. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.
28. Голодяев К.А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск : Изд-во МКУК «Музей Новосибирска», 2017. 320 с.
29. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
30. Рошковский К. Борьба старого мира с новым миром // *Младоросское слово*. 1938. 7 янв. С. 4–5.
31. Бородин Л.И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4. С. 6–15.
32. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
33. Помогает ли агитатор? // *Советская Сибирь*. 1935. 7 мая.
34. На БАМе // *Голос России*. 1936. 2 июля. С. 7–8.
35. Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М. : РОССПЭН, 2011. 742 с.
36. Джабаев Дж. Песня о братстве народов / пер. с каз. К. Алтайского // *Поэзия Октября*, 1917–1940. М. : Просвещение, 1987. С. 152–156.
37. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчиновой. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.

Mikhail Yu. Shmatov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shmatov2009@yandex.ru

MODERNITY AND MODERNIZATION: INSTITUTIONS, PRACTICES AND IMAGES IN WESTERN SIBERIA (1934–1939)

Keywords: modernity, modernization, the USSR, Stalinism, the West Siberian Region.

The study is devoted to the problem of applicability of the theory of modernization to the realities of the interwar USSR. The goal is to reveal and analyze the possibility and admissibility of using the terms "modernity" and modernization to the history of Soviet Western Siberia in the 1930s. The realities and ideological images of the agrarian-industrial region in the period between the 17th and 18th congresses of the CPSU (b) have been studied. An important role in the study is played by the analysis of the key concepts of Sovietologists who analyzed the problems of the Soviet version of modernization.

The source base of the article is represented by office-work and egodocuments, journalistic and informational materials of periodicals, as well as elements of visual symbolism of Soviet painting, cinema, architectural and urban spaces. The analysis of mass sources is car-

ried out by the methods of content analysis, discourse analysis and intent analysis based on the systemic and civilizational approaches. In addition, the study is based on the theory of constructing images of reality (simulacra). The elements of these images and their socio-worldview functions are analyzed.

The definitions of modernization as a systemic historical process and modernity as an ideological and ideological construct about the “modernity of the Soviet system” were given. Further, the indicators of modernization in Western Siberia, its dynamics, taking into account the mass political campaigns of 1934–1939, and the main logistic and organizational contradictions were studied. It was found that effective modernization was a complex process, during which a number of difficulties arose related to the characteristics of the region, personnel, organizational and socio-economic problems. The inconsistency of research assessments of the course and results of Soviet modernization was noted.

Modernity is considered as an ideological construct that is difficult for contemporaries to perceive which is a simulacrum of the modernity of the USSR and the advanced system. An analysis of the Soviet official periodicals showed the active formation of a simulacrum of modernity (modern present and promising future), but complex social realities did not contribute to strengthening the confidence of Soviet people that their society was advanced. Therefore, real modernization was often carried out by mobilization.

Conclusions of the article are about the complex nature of modernization and the difficulties in the formation of a modern worldview in the USSR in connection with the excessive mobilization and statist practices of the party state. The author proves the controversial nature of the application of the theory of modernization to the study of Soviet realities and makes an assumption about the need for further development of the direction of social history of the USSR.

REFERENCES

1. The CPSU. (1934) *XVII s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b)*. 26 yanvarya – 10 fevralya 1934 g. [The 17th Congress of the All-Union Communist Party (b). January 26 - February 10, 1934]. Moscow: Partizdat.
2. Malia, M. (2002) *Sovetskaya tragediya: istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991* [Soviet Tragedy: A History of Socialism in the USSR. 1917–1991]. Translated from English by A.V. Yurasovsky, A.V. Yurasovskaya. Moscow: ROSSPEN.
3. Pipes, R. (1997) *Rossiya pri bol'shevikakh* [Russia under the Bolsheviks]. Translated from English by N.I. Kigay, M.D. Timenchik. Moscow: ROSSPEN.
4. Gorlizli, Y. (2002) Ordinary Stalinism: the Council of Ministers and the Soviet Neo-patrimonial State, 1945–1953. *Journal of Modern History*. 74(4). pp. 699–736. DOI: 10.1086/376210
5. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. The Birth of the Prison]. Translated from French by V.I. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
6. Getty, A. (2016) *Praktika stalinizma. Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
7. Brandenberger, D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of Stalin's agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941]. Translated from English by A.A. Peshkov, E.S. Volodina. Moscow: ROSSPEN.
8. Fitzpatrick, Sh. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
9. Graziosi, A. (2001) *Velikaya krest'yanskaya vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933* [The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
10. Krasilnikov, S.A. (2003) *Serp i molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [The Sickle and the Hammer. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
11. Rybas, S.Yu. (2015) *Stalin*. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. David-Fox, M. (2020) *Peresekeya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing the borders: modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union]. Translated from English by T. Pirusskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Slezkin, Yu.L. (2019) *Dom pravitel'stva: saga o russkoy revolyutsii* [The House of Government: The Saga of the Russian Revolution]. Moscow: Corpus.
14. Velikanova, O. (2017) *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Disappointed dreamers. Soviet Society of the 1920s]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2017. 295 s.
15. Hoffman, D. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernnoe gosudarstvo i sovetskiiy sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism. 1914–1939]. Translated from English by A. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Arnautov, N.B., Krasilnikov, S.A., Kuznetsov, I.S. et al. (2018) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalin's society (the late 1920s – 1930s)]. Moscow: Polit. entsikl.
17. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N.S. Rozov. Moscow: URSS.
18. Rozov, N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN.
19. Poberezhnikov, I.V. (2002) Modernizatsiya: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya: obozrenie* [Economic History: Review]. Vol. 8. Moscow: TsEI. pp. 146–168.
20. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On Grammar]. Translated from French by N.S. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
21. Feldman, D.M. (2015) *Terminologiya vlasti: sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste* [Terminology of Power: Soviet Political Terms in the Historical and Cultural Context]. Moscow: FORUM: NEOLIT.
22. Timasheff, N. (1946) *The Great Retreat*. New York: E.R. Dutton & Co. Inc.
23. Fursov, A.I. (2020) *Voprosy bor'by v russkoy istorii. Logika namereniy i logika obstoyatel'stv* [Issues of Struggle in Russian History. The Logic of Intentions and the Logic of Circumstances]. Moscow: Knizhnyy mir.
24. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF).
26. The Museum materials of MKUK “Sarapulse Cultural and Leisure Association”.
27. Shenk, B.F. (2016) *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznikh dorog* [A Train to the Present. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Translated from German by M. Lavrinovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Golodyaev, K.A. (2017) *Novosibirsk “na oshchup”* [Novosibirsk “to the touch”]. Novosibirsk: MKUK “Muzei Novosibirska”.
29. Vishnevskiy, A.G. (1998) *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
30. Roshkovskiy, K. (1938) *Bor'ba starogo mira s novym mirom* [The struggle of the old world with the new world]. *Mladorosskoe slovo*. 7th January. pp. 4–5.

31. Borodkin, L.I. (2017) Concepts of modernization and modernity in the context of Russian transformations of the 19–20th centuries. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4. pp. 6–15. (In Russian).
32. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO).
33. *Sovetskaya Sibir'*. (1935) Pomogaet li agitator? [Does the agitator help?]. 7th May.
34. *Golos Rossii*. (1936) Na BAME [At the Baikal-Amur Mainline]. 2nd July. pp. 7–8.
35. Schlegel, K. (2011) *Terror i mehta. Moskva 1937* [Terror and Dream. Moscow 1937]. Translated from German by V.A. Brun-Tsekhoviy. Moscow: ROSSPEN.
36. Dzhabaev, Dzh. (1987) Pesnya o bratstve narodov [A song about the brotherhood of peoples]. Translated from Kazakh by K. Altaysky. In: Prokopov, T. (ed.) *Poeziya Oktyabrya, 1917–1940* [Poetry of October, 1917–1940]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 152–156.
37. Scott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [By the good intentions of the State. Why and how projects to improve the conditions of human life failed]. Translated from English by E.N. Gusinsky, Yu.I. Turchaninova. Moscow: Universitetskaya kniga.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:34

DOI: 10.17223/19988613/75/17

А.А. Бадмаев

КОНФЛИКТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Работа выполнена в рамках программы НИИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Выделены основные конфликты и механизмы их разрешения в бурятском социуме XVIII–XIX вв. Источниками для исследования послужили архивные данные и литературные сведения рассматриваемого времени. Выявлено, что в регуляции конфликтов особая роль отводилась общине. Главным регулятором конфликтов выступал третейский суд. У предбайкальских бурят медиаторскую функцию в третейском суде выполняли старейшины. В целом третейский суд у бурят был нацелен на относительно справедливое наказание агрессора, поддержание общественного порядка и консервацию конфликта.

Ключевые слова: буряты, конфликт, примирение, третейский суд

Межличностные конфликты имеют место в разных этнических сообществах; чтобы их урегулировать и тем самым сохранить внутреннюю стабильность, исторически вырабатывались определенные механизмы. В условиях Российской империи народы Сибири пользовались практиками разрешения конфликтных ситуаций и примирения, опиравшимися на обычное право. В культуре бурят XVIII–XIX вв. также сложились такие практики, которые транслировались, но в то же время под влиянием менявшихся исторических условий имели тенденцию к трансформации. Тема регуляции конфликтов в бурятском социуме XVIII–XIX вв. получила некоторое освещение в работах Е.М. Залкинда [1], А.А. Бадмаева [2, 3] и др., но ее изучение остается актуальным.

Цель исследования – выделение основных конфликтов и механизмов их разрешения в бурятском обществе XVIII–XIX вв. В работе использованы архивные источники, главным образом из фондов Государственного архива Республики Бурятия (ГА РБ), и литературные источники изучаемого времени.

В бурятском социуме рассматриваемого периода локальная община вносила определенный вклад в преодоление конфликтов и примирение сторон. В XVIII в. забайкальско-бурятская кочевая община *хотон* управлялась собственной низовой структурой власти в лице *засула* ‘десятника’ и его помощников и представляла самостоятельную территориально-хозяйственную единицу. В то же время у бурят предбайкальских родов, преимущественно являвшихся полуоседлыми номадами, главой общины *улус* был *толгой* ‘голова’.

В регуляции внутренних и внешних отношений таких общин немалую роль играло родовое собрание *суглаан*, которое прежде всего рассматривало хозяйственные вопросы. Кроме того, в его компетенцию входило регулирование взаимоотношений как внутри

общин, включая семейно-бытовые конфликты, так и вне их (с другими общинами). Собрание состояло из взрослых мужчин, не совершивших противоправных поступков. Делами территориального рода ведал *шуленга*, опиравшийся, в свою очередь, на мнение родового суглана. Конфликты, не получившие своего разрешения в локальной общине, выносились на суд главы рода.

Наконец, в рамках отдельного бурятского ведомства (с 1740-х по начало 1820-х гг. административными органами самоуправления были степные конторы, в состав которых выбирали еще и так называемых депутатов, выходцев из элитарной группы) действовали также суд родоначальников и народное собрание, включавшее представителей входящих в ведомство родов. Эта многоступенчатость института инородческой власти и суда должна была служить залогом эффективного регулирования конфликтов. Однако, как свидетельствует источник XVIII в., буряты в своих тяжбах заходили дальше, обращаясь в русские канцелярские суды и неся при этом значительные судебные издержки [4. Л. 18].

Иногда причиной обращения в русский канцелярский суд было сокрытие некоторыми старшинами преступных деяний своих подчиненных, более того, их личное участие в противоправных действиях. Наиболее невинным из их проступков было затягивание судебного разбирательства. Поэтому, например, кудинский бурят Плат Кынзыкенов, стремясь избежать этого, просил Иркутский нижний земский суд предписать старшине рода, к которому принадлежал подозреваемый в краже его скота, не чинить проволочек в судебном делопроизводстве [5. Л. 14 об.].

Уже в XVIII в. третейский суд, каковым был суд родоначальников у бурят, имел лишь право соглашательной инстанции, поэтому в нем было обязательным

предварительное рассмотрение дел, и возникала возможность передачи их в нижний земский суд; тем не менее большинство подобных обращений отклонялось и возвращалось обратно [1. С. 130–131].

Говоря о конфликтах в бурятском обществе XVIII–XIX вв., следует охарактеризовать третейский суд, который являлся их основным регулятором. Первые сведения о нем обнаруживаются в работе Я.И. Линденау, согласно которому, в середине XVIII в. в суд у бурят Предбайкалья входили: «Зайхун (*зайхан*, *зайсан*, родовой глава) [6. С. 376]. – это судья или управляющий. Он решает дела наибольшей важности. Шуленги – это подчиненные судьи, имеются в каждом роде. Бошки (вероятно, *бошка* / *боишо*, заимствованный из русского языка татаризм *башка* ‘голова’ [7. С. 57], однозначный слову *толгой*. – А.Б.) назначаются шуленгами, и, если нет никаких судебных дел, они используются как посыльные» [8. С. 137]. По сути, суд был одной из важных сфер деятельности управленческой вертикали у бурят. Укажем, что зайхун / зайсан в то время являлся заместителем главы ведомства – тайши [Там же].

Здесь надо оговориться, что в XVIII в. под контролем русской администрации функционировала система управления бурятскими землями, в которой сочетались принципы наследования должностей и получения их путем избрания. В источниках находим свидетельства употребления прежних названий родоначальников: так, у части предбайкальских бурят были известны *толгой* и *ехэ толгой* ‘большая голова, глава рода’. Примечательно, что звания родоначальников у большинства бурят были калькой с принятых у монголов и маньчжуров властных званий, которые отражали воинское десятичное деление (*засул* / *заһуул* ‘десятник’, *дамал* ‘пятидесятник’, *шуленга* ‘сотник’) и феодальную титулатуру (*тайша*/тайджу ‘князь’). В данном вопросе российские власти учли пожелания бурятской элиты. Между тем у хори-бурят отмечается более сложная система управления, чем у бурят предбайкальских родов: «Братские имеют над собой главными, а имянно Забайкальских двух тайшей. Во всяком роде по зайсану, шуленге, пятидесятнику и десятнику, а у иркуцких токмо шуленги» [4. Л. 17 об.]. Как видим, в изучаемое время у бурят не были еще унифицированы должностные звания управленческой элиты.

Унификация произошла после принятия Устава «Об управлении инородцев» 1822 г., когда появился институт выборных заседателей Степной думы, которые наряду с тайшами, родовыми старостами и их помощниками стали осуществлять судопроизводство [9. С. 94]. При этом трехступенчатость административного управления у бурят воплотилась в новой иерархии: Степная дума – инородная управа – родовое управление.

В традиции забайкальских бурят, как можно понять из Указа 1759 г., судью называли *заргачи* [Там же. С. 14–15], данное слово происходит от *зарга* ‘жалоба, иск’ [10. С. 251]. Между тем Я.И. Линденау упоминает, что у предбайкальских бурят при судье-зайсане находились старики, выполнявшие в суде родоначальников медиативную функцию: «Приглашают также некоторых старых людей в качестве посредников <...>

Их называют *Dsorgu*. Они на собраниях считаются выше шуленг и бошек» [8. С. 138]. Обращает внимание их статус в суде, свидетельствующий о том, что в XVIII в. роль старейшин у бурят Предбайкалья была еще высока. Представляется неслучайной и номинация таких людей, укладывающаяся в лексический ряд *dsorgu* / *заргачи* / *заргаша(н)*. На сохранение их значения в XIX в. указывает М.Н. Хангалов, согласно нему, разбор на низовом уровне межличностных конфликтов оставался прерогативой старейшин [11. С. 187, 190], при этом им в обязанность вменялось увещание свидетелей дела в том, что «всякая ложь есть преступление, за которое последует наказание здесь и в будущей жизни» [12. С. 224]. В то же время в суде чаще фигурируют «почетные люди», которые выделялись среди сородичей своей состоятельностью.

По В.А. Рязановскому, Устав 1822 г. «хотя и поставил инородческое управление и суд в связь с общим (русским). – А.Б.), однако сохранил широкий простор за родовыми обычаями» [Там же. С. 152]. Заметим, что тенденция инкорпорации в обычное право бурят элементов российского судопроизводства проявлялась и до принятия Устава, например в части запретов на пытки («пристрастные допросы») и на наказание иными средствами, кроме как розгами, а также в практике принесения присяги не только на оружии, но и с присяжным листом. Бурятское право содержало некоторые положения, имевшиеся и в российском праве: допущение божбы на святом месте в присутствии служителя религиозного культа (для православных – в церкви или просто перед иконой, для шаманистов – на шаманском месте или у *онгона*, изображения мифического духа-покровителя); запрет на получение свидетельских показаний у малолетних и умалишенных; существование срока давности на возобновление судебного разбирательства; установление строго определенного срока для подачи иска; признание состояния опьянения при совершении преступления отягчающим обстоятельством и т.д.

Авторами указывается партикуляризм бурятского права [Там же. С. 151], подчеркивается, что кодификация его в виде «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. не отменила действия местных сводов юридических обычаев и имела ограниченное применение. Подробная характеристика обычного права и процесса судопроизводства у бурят дается в работе Д.Я. Самоковсова 1876 г. [13], поэтому в нашем исследовании ограничимся рассмотрением некоторых моментов бурятской судебной практики.

Следует отметить, что в обычном праве отражена регуляторная функция бурятской общины, которая выражалась прежде всего в нетерпимом отношении ко всем нарушителям общественного порядка: им выносили строгие выговоры, побуждая к «благонравию»; если исправления не происходило, их прилюдно секли розгами [Там же. С. 97]. Конечно, такие антиобщественные явления, как пьянство, туеядство, азартные игры, сохранялись в жизни бурят, но община и родоначальники старались их пресекать, о чем ясно свидетельствуют источники XIX в. И главную роль здесь играла община как примиряющая сторона в конфликтах.

В XVIII в. бурятское обычное право требовало четкого соблюдения последовательности обращения в суд и рассмотрения дела, не допускалось прямое обращение к вышестоящей инстанции, такое нарушение могло повлечь наказание розгами. Отступление от данного принципа со стороны главы бурятского ведомства вызывало нескрываемое возмущение подчиненных ему родовых шуленг, которые, несмотря на существующую субординацию, довольно жестко отстаивали свое право на судопроизводство. Иллюстрацией сказанному может послужить рапорт главы Хенхедурского рода шуленги Кучи Дидаева главному тайше Имыгену Атагалову, в котором, в частности, говорится: «При рапорте, да и впредь с ведения моего братских никогда без ведома моего не судить, по той причине, что вы незнакомы поведения братскаго и не спрося об оном меня родового шуленги подробно судить не можете» [5. Л. 2]. Однако ситуация менялась, и в Положении 11 хоринских родов 1808 г. вводится оговорка: «Если какой-либо тяжущийся человек заявит, что он не желает данного суда, а отправляется к вышестоящим нойонам и в управление, то такового насильно не задерживать и не выносить решения» [9. С. 43]. В Уставе 1822 г. (ст. 130) был сделан следующий шаг, допускавший, что главный тайша может выступить в качестве судьи по обоюдному согласию сторон конфликта; в Хоринском положении 1851 г. эта позиция была повторена. В этой связи В.А. Рязановский пишет о противоречивости бурятского обычного права в данном вопросе [12. С. 231].

Родоначальникам вменялось в обязанность вести судебный процесс, но в случае сложности дела они могли призвать на помощь близ живущих родоначальников. До реформы М.М. Сперанского этим были заняты преимущественно зайсаны и шуленги, а по бурятским сборникам законов, составленным на основе Устава 1822 г., данную функцию начали осуществлять головы и выборные заседатели инородных управ [9. С. 94–95]. По источникам XVIII в., сайты (*сайд* ‘собирательное название родовых начальников, составлявших так называемую степную аристократию’ [6. С. 140]), уклонявшиеся от исполнения роли судьи, подлежали наказанию. Эта ответственность бурятских должностных лиц и карательные меры нерадивым в исполнении судейских обязанностей были пролонгированы в более поздних сводах обычного права. В целом третейский суд у бурят был нацелен на относительно справедливое наказание обидчика, поддержание общественного порядка и консервацию конфликта.

В бурятском обществе случались различные конфликты (семейно-бытовые, внутригрупповые, на этнической почве), которые выливались в преступления против личности и собственности. Укажем, что такая крайняя форма конфликта, как кровная месть, была изжита у бурят еще до XVIII в. [3]. Каковы были в изучаемое время наиболее типичные преступления среди бурят, можно понять из следующей цитаты: «Обыкновенныя преступления между ними суть воровство, мошенничество и мелкие плутни» [14. С. 16]. Данный круг нетяжких правонарушений как раз под-

падал под юрисдикцию суда родоначальников. Добавим, что оставление права на рассмотрение исковых и тяжбных дел за судом бурятских родоначальников, впервые предложенное Саввой Владиславичем-Рагузинским, было подтверждено в последующих законодательных актах (в Уставе об управлении инородцев 1822 г. (ст.ст. 36 и 37), Своде законов Российской империи 1857 г. (ст.ст. 73 и 74 Учреждения управления инородцев 1857 г.)).

Семейные конфликты, судя по документам XVIII–XIX вв., нередко были следствием неравного положения женщины в бурятском обществе. Калымный брак, представлявший господствующую форму брачного союза у бурят, при отсутствии взаимопонимания между супругами обычно заканчивался его расторжением с соблюдением обычного права, которое предусматривало согласие на это родственников и сайтов.

Однако в случае с молодоженами семейный конфликт иногда провоцировал бегство молодой жены от мужа. Беглянки отправлялись к родителям, но их возвращали назад и подвергали физическому наказанию (например, по Уставу 1788 г. хори-бурят их полагалось трижды высечь [9. С. 17]). Чтобы избежать подобной экзекуции, в период активного миссионерства (начиная с 1830-х гг.) некоторые бурятки искали защиту у православных священников и принимали христианскую веру. По Н.М. Астыреву, они рассматривали переход в православие как средство сдерживания агрессии мужа: «<...> крестившаяся жена возвращается жить к язычнику-мужу, имея теперь против него постоянно наготове оружие, – свою принадлежность к христианству, обуславливающую ей возможность в каждую данную минуту уйти от мужа под покровительство гражданских властей, если бы муж стал, например, таранить ее» [15. С. 15].

Нередко беглянки уходили из семьи к любовнику, причем у бурят Предбайкалья и Прибайкалья такие пары вместе крестились, чтобы защититься от преследования бывшего мужа. Степная дума, охраняя права законного супруга, брала с новоиспеченного мужа и родителей жены подписку о возврате ими калыма в полном объеме [16. Л. 2].

Причиной ухода из семьи могло быть и то, что некоторые мужья специально изводили нелюбимых жен, чтобы вернуть себе калым [11. С. 197]. Так, ольхонский бурят Болдон Алтаев, со слов его тестя: «...безвинно чинит нападения на нее (жену) <...> бьет весьма безчеловечно, так что пребывания с ним иметь ни под каким видом не возможно» [5. Л. 333]. В ответ на неоднократные обращения последнего Алтаев отказывался принять жену и требовал при этом возвращения ему калыма в 25 овец.

Разница в возрасте молодоженов, когда жена была намного старше мужа и позволяла себе, пока он был юн, вольный образ жизни, являлась еще одной причиной семейных неурядиц: «Мальчики, вступившие в брак с совершеннолетними девицами, возмужав, обходятся сурово с устаревшими и между тем привыкшими к вольности женами; последние с отчаяния уходят от мужей и нередко покушаются на жизнь» [17. С. 27].

Не вдаваясь в подробности, назовем условия, при которых разрешался или запрещался бракоразводный процесс. Развод не допускался, если в семье рос сын, а возраст супруги достиг 40 лет [4. Л. 68]. В то же время он был возможен по инициативе одного из супругов при соблюдении им всех требований закона, в котором было заложено гендерное неравенство женщины. Кроме того, суд принимал как основание для расторжения брака физическую ущербность мужа и бездетность жены. Наконец, по обычному праву четвертый побег жены считался поводом для прерывания семейных уз.

Конфликты между рядовыми бурятами и родоначальниками возникали на почве самоуправства и лихоимства последних [1. С. 380–381]. Так, на протяжении XVIII–XIX вв. в бурятском обществе процветали различные «черные» поборы; для противодействия им, например, было принято «Предписание военного губернатора Забайкальской области об объявлении бурятам о недопустимости излишних сборов» (1852), в котором, помимо санкционированных властью сборов, бурятам строго запрещалось давать родоначальникам деньги, а на жалобщиков, в случае доказанности дачи ими денег, целиком возлагались расходы за проведенное следствие [18. Л. 154–154 об.].

Правда, не всегда виновной стороной оказывались сайты. На защиту одного из них, Амея Цышкелова, снискавшего уважение в народе, встали рядовые буряты Баяндаевского рода. Они указали в резолюции, принятой на родовом собрании, что их глава за период пребывания в должности шуленги (с 1778 по 1792 г.) проявил себя как «чистой и непорочной человек, также не пьяница, и не буйственник, и поведения доброго обстоит» [19. Л. 130 об.]. Подобные примеры можно найти и в XIX в. В 1862 г. общественным приговором баргузинских бурят было защищено доброе имя главного тайши Сахара Хамнаева, а четверо бурят, очернивших его, решением суглана были выселены за пределы ведомства [20. Л. 7–8.].

Стычки между бурятами, бурятами и русскими обычно возникали по причине конфликта интересов, но в судебных делах встречаются указания и на спонтанную агрессию, проявленную обидчиком. Как правило, агрессивное поведение провоцировали физическое превосходство над жертвой или ее зависимое от агрессора положение (например, нахождение у него в работниках). Иногда побуждала к таким поступкам обычная корысть, как в деле о верхоленских бурятах Первого Абазаевского рода (1803), которым крестьянин Матвей Серебренников сначала позволил освежевать тушу, как пишется, случайно убитого им собственного коня, а затем он с вооруженными родственниками бил и мучил захваченных бурят, требуя с них деньги [5. Л. 150–151]. Очевидно, ему как христианину запрещалось употребление конины, а бурятами такое мясо ценилось; исходя из этого, он, вероятно, решил обмануть бурят и силой получить с них деньги на новую лошадь. В этой истории показательна позиция крестьянского старшины Пестова, который, выгораживая своих односельчан, не только фальсифицировал медицинское освидетельствование пострадавших бурят, но и «поса-

дил в цепь и заклепал в колоду на целые сутки братского Маркея Мошорина».

К слову, скорыми на расправу были и некоторые бурятские родоначальники, в своих методах мало отличавшиеся от упомянутого крестьянского начальника. Некий Василий Заншин пострадал от самоуправства старшины Туела Тохоева, тот в вину ему ставил: «...для чего он заехал в чужой улус и не в свое ведомство, да и чинил не припущение к вину» [Там же. Л. 27 об.]. На деле пострадавший по просьбе жениха выдавал в ходе свадьбы содержащийся в амбаре запас молочного вина, вначале он был бит ворвавшимися в амбар бурятами, был связан, но убежал от них к местному старшине, надеясь на помощь. Однако был обвинен последним в сказанном выше, при попытке бегства он был захвачен конной погоней и, как записано в деле, его «на укрюке тащили за шею саженой семьдесят», после старшина с подручными бурятами стегали жертву веревками и посадили в колоду.

Ссора из-за пущенной сплетни завершалась тем, что сплетника прилюдно секли и заставляли оплатить все связанные со ссорой убытки [9. С. 35]. Примером подобного конфликта является дело Сабая Бахаева (1805), который клеветал на своего кузена Марсая Имыгенова, обвиняя его в поджоге срубной юрты и двора. Суд родоначальников, изучив обстоятельства дела, вынес приговор: «<...> наказать онаго Сабая при собрании протчих розгами, дабы ему впредь такого лжезаветства и другого тому подобного чинить поведено не было: а посему обязать ево подпискою, чтобы он от таковых поступков жить же впредь воздержался» [5. Л. 351–351 об.].

Коммерческие споры и преступления против собственности (кража скота, предметов быта, самозахваты сенокосных угодий, пастбищных мест и др.) были довольно часты, иногда они происходили с участием представителей иных народов Байкальского региона. Причем конфликты между бурятами из разных ведомств, бурятами и представителями других народов разрешались с привлечением их начальников (родовых, крестьянских) и при посредничестве нижнего суда Иркутского губернского правления. Тяжбы по хозяйственному освоению угодий, возникавшие между административными органами местного самоуправления разных этнических сообществ, как правило, заканчивались размежеванием спорных территорий и закреплением достигнутого компромисса через соответствующие решения губернского правления.

В XVIII в. меры наказания включали прилюдную физическую экзекуцию (наказание плеткой, палками, заключение в колоду) и композиционные выплаты, в том числе живым скотом [2]. Арсенал способов наказания в 1820–1850-е гг. стал шире: за незначительные преступления (например, нанесение нетяжких увечий, дерзкие высказывания, неповиновение суду) полагались арест с содержанием в тюремной избе или кордонной, выговор или замечание, а за более общественно опасные деяния (оскорбление сайтов, буддийских монахов (у забайкальских бурят), нанесение тяжелых телесных повреждений, кражи) наказывали розгами, выносили штрафы и ссылали на другое место. На протяжении

всего изучаемого периода неизменной оставалась норма права, обязывавшая обидчика за нанесение увечий, даже случавшееся при публичной порке, оплачивать лечение пострадавшего до его выздоровления.

В XIX в. новыми в бурятской судебной практике стали привлечение виновников конфликта к выполнению общественных работ (у предбайкальских бурят), внесение ими вклада в пользу общины и местного буддийского монастыря и даже религиозная эпитимия (у забайкальских бурят-буддистов). В частности, у кудинских (предбайкальских) бурят людей, нарушавших общественное спокойствие, вне очереди направляли на ремонт дорог, мостов и гатей [11. С. 190]. Данная форма наказания была неслучайной, ведь любой конфликт в традиционном обществе расценивался как антиобщественное действие, затрагивающее интересы отдельного рода, а в случае с забайкальскими бурятами – и буддийской общины.

Как уже было показано, действенным средством профилактики, применявшимся бурятским судом с конца XVIII в., считалась дача отступившимся письменного обязательства родоначальнику не совершать неблагоприятные поступки. Для примера приведем образец такого обещания: «Верхоленского ведомства Абазаевского роду братской Мотхон Ямышенов дал сию подписку своему главному шуленге Ертагару Чохонову в том, что по известным моим преступлениям и не порядкам, противным законам, от вышеписанного числа впредь никакого ложносвидетельства, воровства и непослушания против родового шуленги, старшин и рядовых старших братских не чинить и быть всегда в послушании: а ежели я изменю подтверждением окажется в каком либо непорядке, воровстве, ложносвидетельстве и в неповиновении, то подвергая себя наижесточенней быть оштрафованным без всякого упущения всему» [5. Л. 6]. За публичные угрозы, если дело доходило до суда, с виновного также бралась подписка в том, «что ничего того вредного с ним (объектом нападок. – А.Б.) не сделает» [13. С. 97].

Фигура родоначальника в традиционных представлениях бурят предбайкальских родов была священной. Но нормы, защищающие интересы управляющей элиты, впервые появляются в кодексах обычного права у разных групп бурят лишь с началом XIX в. Со временем происходило укрепление их прав; так, в «Селенгинском уложении» 1823 г. новым являлось усиление наказания за физическое посягательство на родовых начальников, теперь дополнительно к обязательному возмещению за обиду, бралась плата за бесчестие [1. С. 132].

Как показывают документы второй половины XVIII в., сайты не ждали судебного разбирательства и сразу наказывали обидчика. Единственное, что по факту события волновало надзирающие органы, – использовали при этом родоначальники розги, как полагалось по закону, или плетку [21. Л. 6]. В XIX в. за оскорбление, нанесенное родоначальнику, также наказывали розгами. По обычному праву решение об этом принимал десяток (локальная община), к которому был приписан виновник, а наказание исполнял сам потерпевший [22. Л. 35–35 об.], тем самым получая полное удовлетворение задетым чувствам.

Хотя разрешение конфликтов между бурятскими родоначальниками и представителями русской администрации прямо не входило в компетенцию бурятских судов, тем не менее имели место случаи вынесения ими соответствующих вердиктов. Примером тому является дело бывшего заседателя Кударинской степной думы Николая Дудаева. Он, как пишут, оскорблял «неуместными поносительными словами» повстречавшихся ему Селенгинского окружного исправника, участкового заседателя Миллера и миссионера иеромонаха Платона. Перечисленные выше лица не замедлили обратиться в Степную думу с требованием наказать охальника, в результате суд родоначальников приговорил Дудаева к публичной порке двадцатью пятью розгами [23. Л. 1–2]. Обращение представителей светской власти и церкви к инородческому суду видится неслучайным: событие произошло на землях кударинских бурят, поэтому судебное разбирательство должно было производиться в местном суде. Заметим также, что наказание было вынесено в полном соответствии с обычным правом кударинских бурят [24. С. 196–197].

В изучаемый период серьезные конфликты между бурятским самоуправлением и вышестоящими (уездными, окружными, областными, губернскими) органами власти почти не возникали, объясняется это лояльностью бурятской управленческой элиты в целом к российской власти. Инкорпорированная в имперскую систему управления, она исполняла роль транслятора политики власти в бурятское общество, благодаря ей происходила консолидация бурятского народа на уровне этнотерриториальных групп. Пожалуй, единственным примером столкновения интересов бурятских родоначальников и власти была система незаконных поборов, организованная в 1810-е гг. иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным и его окружением, разоблачение которых инициировало собственно реформу управления Сибирью М.М. Сперанским.

С ростом значения буддизма в жизни бурят Забайкалья в их обычном праве закрепляются меры по охране интересов буддийских служителей [2. С. 44]. Интересно, что за оскорбление, нанесенное буддийским ламам, помимо физического наказания палками и композиционных выплат, полагалось внесение виновным лепты (деньгами, приготовлением чая в дацане) на общественные нужды. Обязательным у забайкальских бурят было участие «кумирных» и «почетных» лам в суде при принесении присяги и разборе семейных конфликтов. С другой стороны, они не имели права вершить суд над мирянами и послушниками [12. С. 173].

Власть выступала на стороне православных миссионеров и крещеных бурят, когда ущемлялись интересы последних или имело место противодействие прозелитской деятельности православных священников. В этой связи показателен пример тайши кударинских бурят Хамаганова, которого за политику гонений христиан не только лишили поста, но и подвергли судебному преследованию. Кроме того, полномочия по защите интересов крещеных в среде кударинских бурят главой Забайкальского областного правления были возложены на одного из заседателей Степной думы – Горбунова, выходца из крещеных бурят [25. Л. 12–12 об.].

Таким образом, исследование показывает, что в решении конфликтов и примирении сторон была заинтересована община. Основным регулятором конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII–XIX вв. являлся третейский суд, который со временем все больше превращался в место лишь предваритель-

ного рассмотрения дел, а окончательный вердикт по ним выносился в общем суде. Третейский суд, опираясь на обычное право, решал задачи наказания агрессора, компенсации жертве ущерба, пресечения разрастания конфликта с целью сохранения общественного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1970. 400 с.
2. Бадмаев А.А. Традиции разрешения конфликтов в бурятском обществе (XVIII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 42–45.
3. Бадмаев А.А. Феномен агрессии в истории и культуре бурят XVII–XIX веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 217–223.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 460. Оп. 1. Д. 25.
6. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / сост. Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. Улан-Удэ : Республиканская тип., 2010. Т. II: О–Я. 708 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1: А–З. 699 с.
8. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : ист.-этнограф. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
9. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992. 312 с.
10. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М. : Сов. энцикл., 1973. 804 с.
11. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
12. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное) : ист. очерк. Харбин : тип. Н.Е. Чинарева, 1931. 306 с.
13. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : Тип. И. Носковского, 1876. 282 с.
14. Монголо-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 3, № 7. С. 3–47.
15. Астырев Н.М. Монголы-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12, декабрь. С. 11–53.
16. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 273.
17. Раев А. Буряты // Вестник Императорского русского географического общества. 1858. Ч. 24. С. 1–40.
18. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 627–629.
19. ГА РБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 6.
20. ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106.
21. ГА РБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 20.
22. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 314.
23. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 907.
24. Асханов И.А. Об обычном праве кударинских бурят: Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кударинского племени существующих // Труды Бурятского института общественных наук СО АН СССР. 1968. Вып. 5 : Исследование и материалы по истории Бурятии. С. 174–212.
25. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 266.

Andrey A. Badmaev, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: badmaevaa@ngs.ru

CONFLICTS AND MECHANISMS OF THEIR REGULATION IN THE BURYAT SOCIETY OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Keywords: Buryats, conflict, reconciliation, arbitration court.

The aim of the study is to identify the main types of conflicts and their resolution mechanisms in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries.

The work is based on archival materials and literary data of the considered time. The main sources for the study included archival documents from the State archive funds of the Republic of Buryatia (the Fund № 460 "Verkholskaya stepnaya kontora" and Fund No. 5 "Kudarinskaya stepnaya дума") and the works of authors of XVIII–XIX centuries (I.I. Lindenau, A. Raev, N.M. Astyrev, M.N. Khangalov). In addition, the codes of customary law of Buryats and linguistic materials ("Buryatsko-russkii slovar'" (1973) and "buryaad-orod toli" (2010)) were used.

The article analyzes the structure of power in Buryat society, determines the role of community and clan in the regulation of conflicts. It is noted that the issues of reconciliation were considered at the different levels of Buryat power. The paper characterizes the Buryat arbitration court, while it is stated that it was often an intermediate instance, whose decisions could be appealed in the Russian court.

The study outlines the main types of conflicts that took place in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries. In particular, the causes of family conflicts and the position of the court on them are identified. The author points to the manifestations of spontaneous aggression and arbitrariness that caused the conflict.

Punishments determined by the court included community service sentences or the requirement of making a contribution to benefit the community, besides the physical execution and imposition of fines. An effective means of prevention of such behavior was considered, for example, to take a written commitment from the perpetrator to avoid antisocial misconducting in the future.

It is noted that in the customary law of the Buryats the interests of the founders and representatives of the Buddhist church were protected first and foremost.

Thus, the study shows that the community was interested in resolving conflicts and reconciling the parties. The main regulator of conflict situations in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries was the arbitration court, which over time increasingly turned into a place of preliminary consideration of cases, and the final verdict on them was made in the general court. The arbitral court, relying on customary law, solved the problem of the punishment of the aggressor, paying damages to the victim, combating the spread of the conflict with the aim of preserving public order. In the practice of conflict regulation in different groups of Buryats there were certain local features.

REFERENCES

1. Zalkind, E.M. (1970) *Obshchestvennyy stroy buryat v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [The social system of the Buryats in the 18th – the first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Badmaev, A.A. (2016) Traditsii razresheniya konfliktov v buryatskom obshchestve (XVIII–XIX vv.) [The traditions of conflict resolution in the Buryat society (18th – 19th centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 23(2). pp. 42–45.
3. Badmaev, A.A. (2016) Fenomen agressii v istorii i kul'ture buryat XVII–XIX vekov [The phenomenon of aggression in the history and culture of the Buryats of the 17th–19th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 14(7). pp. 217–223.
4. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 24. List 1. File 70.
5. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 25.
6. Shagdarov, L.D. & Cheremisov, K.M. (2010) *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [The Buryaad-orod roofing felts. The Buryat-Russian dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip.
7. Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
8. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.): ist.-etnograf. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century): historical and ethnographical materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo.
9. Pubaev, R.Ya. (1992) *Obychnoe pravo khorinskikh buryat. Pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti* [The customary law of the Khori Buryats. Monuments of the old Mongolian writing]. Translated from Mongolian. Novosibirsk: Nauka.
10. Cheremisov, K.M. (1973) *Buryatsko-russkiy slovar'* [The Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl..
11. Khangelov, M.N. (1958) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
12. Ryazanovskiy, V.A. (1931) *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe): ist. ocherk* [Mongolian law (mostly customary)]. Harbin: tip. N.E. Chinareva.
13. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [Collection of Customary Law of Siberian Non-Russians]. Warsaw : Tip. I. Noskovskogo.
14. The Ministry of Internal Affairs. (1843) *Mongolo-buryaty v Nerchinskom okruge Irkutskoy gubernii* [The Mongol-Buryats in the Nerchinsk district of Irkutsk province]. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*. 3(7). pp. 3–47.
15. Astyrev, N.M. (1890) *Mongoly-buryaty Irkutskoy gubernii* [The Mongol-Buryats of Irkutsk province]. *Severnyy vestnik*. 12. pp. 11–53.
16. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 273.
17. Raev, A. (1858) Buryaty [Buryats]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 24. pp. 1–40.
18. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 1. Files 627–629.
19. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 6.
20. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 7. List 1. File 106.
21. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 20.
22. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 314.
23. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 1. File 907.
24. Asalkhanov, I.A. (1968) *Ob obychnom prave kudarinskikh buryat: Polozhenie o stepnykh zakonakh i obyachakh mezhdru inorodtsami Zabaykal'skoy oblasti Kudarinskogo plemeni sushchestvuyushchikh* [On the Customary Law of the Kudarinsky Buryats: Regulations on the Steppe Laws and Customs between the Aliens of the Trans-Baikal Region of the Kudarinsky Tribe]. *Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk SO AN SSSR*. 5. pp. 174–212.
25. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 266.

УДК 305.8

DOI: 10.17223/19988613/75/18

А.М. Мокеев, А.З. Жапаров

ЭВОЛЮЦИЯ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с эволюцией погребальных обрядов кыргызского народа с глубокой древности до начала XX в. Постепенный переход от обычая древних енисейских кыргызов сжигать тело умершего к практике захоронения трупа анализируется в контексте этногенетических процессов. В рамках статьи также нашли отражение вопросы, имеющие отношение к другим формам погребения, таким как «воздушное» погребение и временное хранение тела покойного, проблемы сочетаемости народных традиций и норм ислама.

Ключевые слова: кыргызы, похоронные обычаи, кремация, ингумация, «воздушные погребения», временное хранение, царапание лица, очищение кости

В настоящее время стоимость участков для погребения покойных на кладбищах, расположенных вокруг Бишкека, значительно возросла, что способствует созданию «предприимчивых» структур, которые наживаются на горе рядовых граждан. Для решения этой проблемы в среде научной интеллигенции Кыргызстана в последнее время высказываются предложения о целесообразности возрождения обычая кремации, как это делали в древности енисейские кыргызы. При этом некоторые эксперты отмечают и природоохранный аспект обычая сожжения тела покойного как наиболее экологичного способа отправления похоронных обрядов [1]. Опрос общественного мнения, проведенный одним из популярных интернет-ресурсов страны, показал, что более 70% респондентов поддерживают идею строительства в Бишкеке крематория, тогда как около 20% выступают против обряда кремации из-за религиозных убеждений [2]. В этой связи исследование эволюции погребального обряда кыргызов представляет большой интерес.

Как известно, отдаленные предки современного кыргызского народа в древности и Средневековье проживали на обширных территориях Юго-Западной Сибири, Средней Азии и Северо-Восточного Казахстана. В течение почти тысячелетнего периода существования *андроновской культурной общности* ясно обозначились две основные составляющие ее субкультуры – *федоровская* с преобладающим обрядом *кремации* (восточноказахстанский и сибирский ареалы) и *алакульская* (уральский, западноказахстанский и центральноказахстанский ареалы) с преобладающим обрядом *ингумации* [3. С. 24]. Установлено, что древности *федоровской субкультуры* имеют широкую географию распространения и охватывают Западную Сибирь, Восточный и Центральный Казахстан, Алтай, Минусинскую котловину. Основным способ захоронения населения *федоровской культуры* – *кремация*, а характерной особенностью надмогильных сооружений являются каменные ограды, использование камня в устройстве могил.

По свидетельству письменных источников и археологических материалов, в первом тысячелетии н.э. енисейские кыргызы практиковали обряд *кремации* тел

покойников. После разгрома армии Уйгурского каганата в середине IX в. они стали расселяться на обширных завоеванных территориях от Прибайкалья на Востоке до восточных отрогов Тянь-Шаня на Юго-Западе. В результате длительных этнокультурных взаимосвязей с тюркоязычными степными племенами Алтая и Прииртышья во второй половине IX – середине XI в. пришлые кыргызы постепенно переходят к обряду *ингумации* умерших. При этом собственно кыргызские племена, которые остались жить в Минусинской котловине, продолжали совершать обряд кремации вплоть до их исчезновения с политической арены Южной Сибири в начале XVIII в. [4. С. 62–63].

В современной исторической литературе тех кыргызов, которые в результате этнических и культурных контактов со степными тюркскими племенами Алтая и Прииртышья восприняли обряд ингумации (кимак, кипчаки, карлуки и тогуз-гузы), называют *«алтайскими кыргызами»* [5. С. 38–58]. Впоследствии данный обряд приобретает мусульманский характер. Некоторые путешественники XVI в. отметили наличие у них и обряда *воздушного погребения*, относящегося к начальному этапу переселения алтайских кыргызов на Тянь-Шань.

Относительно похоронных обрядов древних енисейских кыргызов китайский источник Танской династии сообщает следующее: «Если кто умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм» [6. С. 60]. Эта информация подтверждается сведениями ранних мусульманских источников о том, что енисейские кыргызы были огненепоклонниками. В этой связи академик В.В. Бартольд приводит следующее сообщение автора сочинения XI в. «Зайн аль-ахбар» Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: “Огонь – самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов”» [7. С. 48]. Приведенные здесь сведения письменных источников получили полное подтверждение в исследованиях В.Я. Бутанаева, Ю.С. Худякова и Д.Г. Савинова [8. С. 51–52, 74–75; 9]. О распространении у енисейских кыргызов обряда трупосожжения со шкурой коня в VIII–IX в. на основе анализа материалов археологи-

ческих раскопок могильников Оглахты I и II, Самохвал, Означенное VI, Кизек-Тигей, Хаара-Хая пишет О.А. Митько [10. С. 68].

Позже, с расселением енисейских кыргызов на завоеванных территориях Алтая и Прииртышья, некоторые их культурные традиции были заимствованы местными племенами. Во второй половине IX – первой половине X в., когда Кыргызский каганат занимал территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана и от пустыни Гоби до Ангары, на Алтае появляется третий этап *курайской* культуры. В это время отмечается интеграция культуры тюркских племен Алтая с культурой господствующего этноса – пришлых кыргызов, что демонстрируют многочисленные памятники, свидетельствующие о серьезных изменениях в материальной культуре местного населения, которое восприняло значительные элементы зооморфных и растительных орнаментов «кыргызского» стиля. [9. С. 67]. В середине IX – начале XI в. пришлые кыргызы последовательно осваивали горно-алтайские котловины и активно смешивались с местными телесскими племенами, а на Западном и Юго-Западном Алтае – преимущественно с кимаками племенами [11. С. 269–270].

В погребальной практике кыргызов традиция кремации не потеряла своего значения в период формирования новой этнической общности на основе этнокультурных контактов с местными племенами Алтая и Прииртышья. Так, в своем историческом труде «Бехджат ат-таварих» османский автор XV в. Шукраллах сообщает, что многие из кимаков, правителями которых являются кыргызы, *огнепоклонники*, и они в год один или два дня держат пост. В этот день сжигают тела умерших и поминают покойников [12. С. 296–30а]. Очевидно, что обряд *трупосожжения*, первоначально характерный главным образом для енисейских кыргызов, после установления их политического господства над кимако-кипчаками и другими тюркоязычными племенами Алтая и Прииртышья стал распространяться и среди этих племен, что подтверждается также археологическими памятниками. Впрочем, и в главном источнике «Бехджат ат-таварих» Шукраллаха, «Табаи ал-хайаван» ал-Марвази (XII в.), также имеются определенные указания на то, что живущие в близком соседстве с кимаками три племени сжигают трупы умерших [Там же. С. 32]. В своих комментариях к «Табаи ал-хайаван» В.Ф. Минорский указывает, что, следовательно, эти племена также испытали влияние енисейских кыргызов, которые были огнепоклонниками [13. Р. 108–109]. Аналогичные сообщения содержатся и в арабоязычном сочинении XII в. «Нузхат ал муштак» ал-Идриси, по информации которого отдельные группы кимаков поклонялись огню. У этих кимаков огонь считался священным, его почитали как очистителя и домашнего покровителя [14. С. 109]. В сравнительном плане интересно отметить, как у некоторых других народов проявляется функция огня в качестве святой силы в погребальных обрядах, в том числе в более позднее время. В частности, верующий индус считает для себя особым благом, если его тело будет предано сожжению. Иранские же племена не только не кремировали умерших людей, но само соприкосно-

вание трупа с огнем считалось оскорблением огня. Это воспринималось как тяжелый грех [15. С. 36]. Несмотря на наличие некоторых различий в формах использования огня в погребальных ритуалах, он выполнял у всех народов очистительную функцию.

В процессе активной интеграции местных племен вокруг нового господствующего этноса сами кыргызы также воспринимали некоторые элементы культуры местных племен. После XI в. кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея исчезают, они вытесняются кимако-кипчаками захоронениями в грунтовых ямах и подбоях, часто с конем. [16. С. 293; 17. С. 83–84]. Аналогичный процесс смены обряда фиксируется и в Приобье, где пришлые кыргызские племена в XI в. полностью ассимилируются местным тюркским населением [18. С. 126].

Отголоски этих изменений в погребальном обряде кыргызов, населявших приалтайские степи Обь-Иртышского междуречья, зафиксированы в источнике начала XII в. «Табаи ал-хайаван» ал-Марвази. В разделе о тюркских племенах этого сочинения сообщается: «К ним (тюркам) относятся также кыргызы – многочисленный народ, проживающий между Летним Востоком и Севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки на западных пределах кыргызов. Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает от всяких грехов, однако это их старый обычай. После того как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших» [13. Р. 32]. По свидетельству археологических данных в рассматриваемый период никакого изменения погребального обряда у собственно енисейских кыргызов не произошло. Следовательно, сообщение ал-Марвази не может быть отнесено к ним. В приведенном отрывке имеется два указания относительно мест обитания той группы кыргызов, чей погребальный обряд изменился. Во-первых, они были соседями ягма и карлуков, во-вторых, они жили южнее кимаков. Соседями ягма и карлуков и одновременно исламизированного Семиречья и Кашгарии могла быть только группа кыргызов, проживавшая на Алтае, Черном Иртыше и в Северо-Восточном Казахстане.

Следы характерного для кимаков и кипчаков погребального обряда впоследствии были зафиксированы этнографами среди кыргызов Тянь-Шаня. По материалам Т.Дж., Баялиевой кыргызы на поминках резали лошадей, так как считается, что они пригодятся покойному на том свете. Хвост же лошади покойного подрезают. По мнению исследователя, этот обряд, вероятно, генетически связан с более древним обычаем поминального жертвоприношения лошади покойного и вывешивания ее хвоста на могиле [19. С. 95]. Известный исследователь эпоса «Манас» И.Б. Молдобаев отмечает, что в одном эпизоде эпоса правитель чирчикских кыргызов Кокетей на смертном одре завещает своему сыну, чтобы, когда будут его хоронить, подготовили жертвенного коня со всем снаряжением. В данном случае конь предназначался для погребения вместе с Кокетеем, чтобы он не разлучался с конем и на том свете [20. С. 95].

К.Ш. Табалдиев также отмечает сходство обряда погребения с конем и отдельных деталей погребально-

го инвентаря на Тянь-Шане и в Иссык-Кульской долине с саяно-алтайскими материалами второй половины I тысячелетия н.э. [21. С. 93]. Я.А. Шер на основе анализа ряда археологических памятников Тянь-Шаня, связанных с погребением с конем, пришел к выводу, что они «своими генетическими корнями уходят в культуру алтайско-орхонских тюрков. Все они объединяются общим происхождением и помогают не только уловить нити культурных взаимовлияний и этнических контактов, но и локализовать один из существенных компонентов в этногенезе киргизов Тянь-Шаня, которыми были алтайские тюрки» [22]. Ю.С. Худяков пишет, что традиция погребения с конем восходит к культурам хунно-сарматского и скифского времени в Горном Алтае [23. С. 39]. Следовательно, обычай захоронения шкуры коня или конского снаряжения рядом с телом покойника, приобретенный кыргызами на Алтае и Прииртышье, позднее под влиянием исламских традиций на Тянь-Шане значительно трансформировался и постепенно приобрел чисто символический характер, выражавшийся в вывешивании шкуры или хвоста жертвенного коня на могиле покойного. Историк К. Белек сообщил нам о том, как обращались со шкурой жертвенной лошади совсем недавно. В одном из горных сел юго-западной части Иссык-Кульской котловины в 1995 г. после похорон покойного близкие родственники говорили, что нужно закопать в хорошее место шкуру жертвенной лошади, на которой висели все четыре ноги.

В процессе тесных этнокультурных контактов с местными тюркскими племенами Алтая и Прииртышья пришлые группы енисейских кыргызов постепенно восприняли и другие традиции похоронных обрядов аборигенного населения. Как явствует из цитированного выше сообщения китайского источника о погребальном обряде енисейских кыргызов, «они не царапали лицо» во время траурных обрядов по усопшему члену семьи. В отличие от них древнетюркские племена степной зоны во время траура царапали лицо и громко оплакивали умершего. По этому поводу в «Тан-шу» сообщается следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоим пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткой, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают» [24. С. 234].

Орхонские памятники свидетельствуют, что у древних тюрков не только вдова, но и близкие родственники покойного истязали себя в погребальных обрядах: они рвали себе волосы, раздирали уши и лицо [25. С. 15]. Во время похорон у тюрков Южной Сибири родственники умершего и близкие знакомые, в особенности женщины, плакали, неистово били себя в грудь и ладони руками немилосердно. Некоторые от избытка чувств и сильного опьянения рвали до лысины волосы на голове и бороде или бились о землю и камни до крови [26. С. 163–164]. Такой ритуал, где имело место самоистязание в достаточно жесткой форме, был мотивирован тем, что «этого-де требует ушедший в мир

иной, иначе он разгневется» [27. С. 46]. В этой связи представляет интерес также сообщение аль-Бируни о погребальных обрядах согдийцев Средней Азии. Говоря о траурных обрядах зороастрийцев Согда, ученый пишет, что «они оплакивают умерших и сопровождают это оплакивание расцарапыванием лица» [28. С. 265]. Аналогичная традиция траура по усопшему существовала и среди уйгуров Восточного Туркестана в XIX столетии, которая своими корнями уходит к глубокой древности. Так, по сведениям В. Григорьева, «горюющие наносят себе кровавые раны. Многие, оплакивая покойника, прорезывают себе кожу около кадыка» [29. С. 198]. Следовательно, традиция царапать лицо во время траурных церемоний в древности и Средневековье была широко распространена среди как кочевых, так и оседлых народов, населявших огромные пространства, охватывающие современную Монголию на Востоке, Восточный Туркестан и Среднюю Азию на Западе.

Вероятно, обычай расцарапывать лицо во время траурной процессии был заимствован кыргызами в период «кыргызского великодержавия» у орхонских и алтайских тюрков, с которыми они долгое время поддерживали тесные этнокультурные контакты. Еще в XIX в. внешние наблюдатели фиксировали у кыргызов строго предписанные обычаем выражения горя и печали вдовы по умершему мужу в виде самоистязания, процарапывания лица и т.д. Ч.Ч. Валиханов, совершивший поездку в Иссык-Кульскую котловину в 1856 г., так описывает похоронные обряды кыргызского народа: «После смерти каждого киргиза семейство его держит в продолжение целого года траур, который состоит в нижеследующем: на юрте стоит черный флаг, жена каждое утро и вечер должна неумолчно и гласно оплакивать, а при кочевке в придачу к тому царапать лицо». [30. С. 75]. В Чуйской долине с момента наступления смерти человека все мужчины должны были выйти за пределы юрты, куда входили женщины для оплакивания умершего. К супруге покойного подходили женщины, снимали с ее головы платок и расплетали косы. В знак выражения глубокой печали вдова, как правило, царапала себе лицо до крови [31. С. 86]. Начальник Токмакского уезда царской администрации Г. Загряжский отмечает, что «в знак особой печали вдовы царапают себе до крови щеки, что делается очень ловко и без малейшей жалости к своей особе. Чем больше изодраны щеки, тем больше уважение к жене, которая любила своего мужа. Не царапать щек нельзя, так как дети и вдовы умершего будут тогда упрекать жену в недостатке любви к покойному, а то поколотят» [32]. Аналогичную информацию сообщает и Белек Солтоноев, который пишет, что жены и дочери покойного во время траура обязательно царапали лицо [33. С. 13]. Такие же действия в погребальных ритуалах характерны были для казахов: жена, «оплакивая мужа, распускала волосы, царапала себе лицо» [34. С. 337]. Согласно этнографическим материалам Т.Дж. Баялиевой и А. Джумагулова, собранным среди кыргызского населения Тянь-Шаня в середине XX в., с момента наступления смерти человека вдова покойного в знак выражения глубокой печали царапала себе

лицо до крови. Если супруга умершего сама не царапала лицо, кто-нибудь из числа близких родственников мужа насильно раздирал ее щеки костью или другим предметом. Как правило, вдовы царапали лицо не только непосредственно после смерти мужа, а еще трижды – во время трех-, семи- и сорокадневных поминок [19. С. 72–73; 31. С. 86].

Вероятно, обряд царапания лица принесли на Тянь-Шань алтайские кыргызы, которые, в свою очередь, переняли традицию самоистязания у алтайских и прииртышских тюрков, практиковавших обычай царапать щеки задолго до появления здесь енисейских кыргызов. Традиция царапать лицо во время траура имела распространение как у пришлых алтайских кыргызов, так и среди автохтонного населения Семиречья и При Тяньшаня в XV–XVIII вв., и продолжалась до недавнего времени как проявление культурной преемственности между поколениями.

Судя по сведениям аутентичных источников, алтайские кыргызы принесли с собой на Тянь-Шань и пережитки так называемого «воздушного» погребения, которое было широко распространено в древности и Средневековье среди лесных племен Сибири и Дальнего Востока. Данный обряд практиковался издревле и вплоть до XX в. монголоязычным племенем шивэй, алтайцами, телеутами, шорцами, барабинскими татарами, якутами, хакасами, тувинцами и некоторыми народами Северной Сибири [35]. В этой связи отметим, что тубалары гроб с покойником ставили в горах или привязывали к деревьям [36. С. 260].

Сообщения о фактах «воздушного» погребения у тяньшанских кыргызов мы находим в путевых заметках. Речь идет о записях двух путешественников, побывавших в Средней Азии во второй половине XVI в. Первое сообщение содержится в труде английского путешественника Антонио Дженкинсона. Он направлялся в Китай через Россию и Среднюю Азию, но не смог достичь конечной цели из-за длительных военных действий, продолжавшихся в Восточном Туркестане между кыргызами и правителями Могольского государства в 1556–1557 гг. [37. С. 131]. В своих дневниках путешественник пишет: «Киргизский народ живет толпами, т.е. ордами... Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо того чтобы хоронить его, они вешают его на дерево». Далее автор отмечает, что киргизы являются язычниками и идолопоклонниками. [38. С. 185–186]. Почти аналогичное сообщение о кыргызах содержится в путевых заметках османского путешественника Сейфи Челеби, который проехал из Турции в Китай через Тянь-Шань в 1582 г. Характеризуя кыргызов, Сейфи Челеби отмечает, что они «являются ни кафирами, ни мусульманами, а трупы умерших кладут в гробах и вешают на ветви высоких деревьев» [39. С. 517]. Комментируя данное сообщение Сейфи Челеби, академик В.В. Бартольд сомневался в том, что оно относится к концу XVI в., и допускал вероятность заимствования этого известия из более ранних письменных источников о енисейских кыргызах.

Однако наличие сообщений о традиции «воздушного» погребения у тяньшанских кыргызов в XVI в. в путевых заметках независимых друг от друга турец-

кого и английского путешественников заставляет нас более внимательно рассмотреть вышеприведенные свидетельства А. Дженкинсона и Сейфи Челеби с точки зрения этнокультурных связей кыргызов Тянь-Шаня с горно-лесными народами Алтая и Сибири. Тем более что Сейфи Челеби не владел китайским языком, а путевые заметки А. Дженкинсона были изданы только в первой четверти XVII в., следовательно, вероятность заимствования известия Сейфи Челеби о «воздушном» погребении кыргызов из более ранних книжных известий практически исключается.

Насколько известно, в письменных источниках сведения о «воздушном» погребении народов южной Сибири и Дальнего Востока впервые фиксируются в китайской хронике эпохи династии Суй (581–618). Так, при характеристике похоронных обрядов племени Си (Хи) и Кумоси (Кумохи) китайский источник «Суйшу» сообщает: «Умерших, завернув труп в тростник и траву, вешают наверху дерева» [6. С. 305]. Некоторые исследователи считают племя Кумоси предками средневековых кимаков и современных урянхайцев Тувы и Монголии [40]. С.М. Абрамзон при рассмотрении пережитков «воздушного» погребения у кыргызов склонен был считать этот обряд способом «временного хранения» умерших. По его мнению, необходимость временного хранения тела умершего была связана с обычаем обязательного захоронения умершего на родовом кладбище, на земле, где он родился и где жили его предки [41. С. 210–213].

Можно ли сказать, что способ погребения на деревьях применялся ко всем умершим людям независимо от возраста и пола? Скорее всего, ответ на этот вопрос может быть положительным, хотя мы не располагаем достаточными сведениями относительно погребений женщин. В то же время имеется множество этнографических данных, когда в культурах разных народов погребение детей указанным «воздушным» способом был обычным явлением. Так, телеуты вешали на деревьях детские трупы, а шорцы еще в середине XIX в. хоронили своих детей, заворачивая их в кошму, а поверх нее в бересту, и затем привязывая к дереву. Таким же образом поступали с телами умерших детей вначале XX в. каргинцы [35. 175–176]. До революции 1917 г. грудных детей без зубов ханты хоронили на деревьях в лесу в колыбельках или завернутыми в бересту или оленью шкуру [42. С. 231]. Вывешивание тел умерших детей на деревьях или помещение их в дупла имело распространение и в других культурах, включая народы, расселенные за океаном.

Имеются любопытные, но противоречивые, сведения относительно «воздушного» погребения умершего человека с учетом его статуса в обществе. Отдельные информаторы из Кыргызстана сообщили Г.Н. Ситнянскому, что на деревьях хоронили преступников. Однако сохранились и другие сведения, согласно которым кыргызы в прошлом хоронили на деревьях богатых и знатных людей [35. С. 176]. Алтайцы, имеющие близкие этногенетические и культурные связи с кыргызами, тела богатых или весьма почтенных людей либо сжигали на огне, либо вешали на лесину [43. С. 95, 99]. Данный прием обращения с телом покойного, распро-

страненный также у некоторых других народов мира, является одним из восьми основных типов погребения в классификации французского этнографа Ж. Монтандона [44. С. 165]. У народов Сибири такой обычай фактически стал исчезать к концу XIX в. Что касается кыргызов, практика «воздушного» погребения исчезла у них еще раньше под влиянием исламской религии.

По сведениям Г. Загряжского, собранным среди кыргызского населения Токмакского уезда во второй половине XIX в., кыргызы хоронили умерших в день смерти и на том месте, где он скончался, за исключением случаев, когда покойник завещал похоронить себя на каком-либо известном месте. То есть перевозка тела покойника, умершего далеко за пределами его родной земли, совершалась, как правило, согласно предсмертному завещанию самого усопшего. В материалах Г. Загряжского встречается также информация о «временном хранении». По его словам, кыргызы «...зимой, если снег большой, или если земля сильно замерзла, умерших закрывают в снег до весны, и место погребения огораживают камышом» [32].

Представляется, что в материалах Г. Загряжского основное внимание уделяется погребальному обряду простого населения. Как показывают данные, собранные С.М. Абрамзоном и Т. Баялиевой в XX в., в случае смерти знатных людей их тела обязательно перевозили в родные места независимо от завещания, а в случаях временного погребения из-за погодных условий останки известных личностей вывешивались на высоких деревьях из соображений безопасности. В частности, представители рода жетиген, жившие среди племени могол в Алабукинском районе, когда кто-нибудь умирал, обязательно везли тело хоронить на родовое кладбище, расположенное в Чаткале. Но из-за погодных условий они могли проехать в Чаткал только в летние месяцы, а в зимнее время тело покойного заворачивали в верблюжью шкуру и подвешивали на ветки высокого дерева. В отличие от С.М. Абрамзона, Т.Дж. Баялиева считает этот обычай реминисценцией *воздушного способа погребения*, который применялся у некоторых народов Сибири [19. С. 88]. Не исключено, что временные погребения в таких случаях были обусловлены лишь суровыми погодными условиями и значительной толщиной снежного покрова. Исходя из этого, можно предположить, что кыргызы под влиянием местных традиций и с учетом географических и климатических особенностей Тянь-Шаня приспособили более древнюю традицию «воздушного» погребения к обряду «временного хранения» тела покойника.

Ф.А. Фиельструп приводит интересный пример другого вида временного захоронения. Известный батыр Алимбек умер в Кулдже, куда убежал от русских. Кыргызы, услышав о его смерти, совершили тризну (*аиш*). Тот человек, у которого Алимбек умер, решил похоронить его у себя, чтобы родственники Алимбека потом получили останки. Через три года за телом действительно приехали, забрали кости батыра из могилы и похоронили на побережья Иссык-Куля. Как пишет ученый, такое временное погребение в преданиях называлось *аманат* [45. С. 109].

По данным эпоса «Манас» и материалам этнографии, у кыргызов имели место и другие, не совсем обычные способы погребения, которые своими корнями восходят к глубокой древности. В одном из ключевых сюжетов эпоса «Манас» о «Тризне Кокетай-хана» рассказывается странное завещание находящегося на смертном одре Кокетай-хана своему сыну Бокмуруну. Хан повелевает Бокмуруну, чтобы после его смерти:

«Акырет кеткен мен үчүн
Арбын дүйнө зарп кылып...,
Кылыч менен кырдырып,
Кымыз менен жуудуруп,
Аяк менен башымды,
Кымкап менен буудуруп...»
«Когда я отойду в иной мир,
Раздавай мое несметное богатство...
Мясо моего тела соскабливайте саблей,
Кости мои обмывайте кумысом.
Затем голову и конечности мои,
Плотно обматывайте парчовой тканью...» [46. С. 16].

По сведениям С.М. Абрамзона, реальные факты подобного погребального обряда имели место среди кыргызского населения еще в прошлом столетии. Так, например, Нарбото-бий из племени *нойгут* был убит во время военных действий где-то в районе Кашгара. Его сподвижник и соплеменник Турдубай снял мясо с костей погибшего и привез его останки в село Согмент (там жили нойгутцы), где он и был захоронен [41. С. 214]. Представляется, что обряд очищения костей умершего от мягких тканей восходит к погребальному обряду приверженцев зороастризма в Средней Азии, где скотоводы Хорезма уже в I тыс. до н.э. стали все больше следовать такой практике. Согласно канонам этой религии, кости умершего нужно было очистить от мягких тканей. [47. С. 252–253]. Для этого трупы выставлялись в специальных местах, где собаки, хищные птицы, а также солнце и ветер очищали кости от тлена. Только после этого кости складывали в *оссуарии*, устанавливавшиеся в специальном склепе – *наусе* [48].

Таким образом, можно констатировать, что этот древний обычай успешно применялся кыргызами для перевозки тел умерших во время дальних перекочевок или же погибших воинов в ходе военных походов далеко за пределами родного очага покойников. Очищение мяса от костей покойника и обмывание костей кумысом значительно облегчали проблему перевозки останков покойного на родные места без угрозы разложения трупа.

До начала XX в. у кыргызов существовал обычай ставить в доме куклы в образе покойного и совершать действия, направленные на дезориентацию духа умершего человека. М.С. Андреев, совершавший поездку в северную часть Ферганской долины в 1928 г., сообщал об исчезающем обычае кыргызов делать в доме умершего мужчины подобие куклы, которое должно представлять покойного. На поставленную вертикальную подушку надевали халат покойного, а сверху его головной убор. Данное изображение, получившее название *тул*, ставили в углу и огораживали занавеской. Люди должны были относиться к этому углу с почтением [49. С. 5]. При этом изображения покой-

ных в разных местах Кыргызстана могли отличаться. Так, чаткальские кыргызы в конце XIX в. вырезали тул из дерева, руки и ноги прикрепляли к туловищу кожаными ремнями. При перекочевках его сажали на лошадь и привязывали к седлу [19. С. 64].

Обычай изготовления изображения покойного являлся в прошлом неотъемлемым элементом погребально-поминального цикла, истоки которого уходят в глубину веков. Следует сказать, что использование изображений покойного в виде кукол распространялось в широком социальном и этническом пространстве. Одна из разновидностей тула у кыргызов представляла собой шест, к концу которого прикрепляли траурный флаг. Тулы разламывали и сжигали на годовичных поминках *аш*. В.Н. Басилов и Дж.Х. Кармышева связывают тул с путем в небо, указываемым этим шестом душе покойного [50. С. 101].

Заслуживают внимание исследователей и ритуальные действия, направленные на дезориентацию покойника. Люди опасались, что кончина человека может вызвать очередное несчастье, приведя к смерти кого-либо из числа близких родственников. Поэтому они стремились удовлетворить душу умершего принесением жертвоприношений, устройством поминок. Родственники умершего также пытались сбивать душу с толку, чтобы она не могла найти вход в дом в случае возвращения. Для этого поднимали остов юрты, чтобы образовать отверстие, через которое выносили тело покойного. В ситуации, если умерший находился не в юрте, а в комнате стационарного жилища, его выносили через окно [19. С. 64]. Аналогичный прием использовали обские угры, выносившие тело покойного «не через дверь чума, а через стену, приподнимая покрывку, чтобы покойник “не вернулся назад”» [42. С. 231]. Обычай запутывать умершего человека проявлялся и тогда, когда его тело перевозили издалека для предания земле на родовом кладбище. В таких случаях седло на лошади укладывали «задом наперед», чтобы передняя часть обращалась назад. С. Липец считал, что таким образом можно «обмануть» умершего, и он не найдет обратную дорогу [51. С. 125]. В этой связи С.С. Губаева пишет: «Путь покойника в перевернутом седле – это начало пути в зазеркалье, где все наоборот, наизнанку» [52. С. 166].

С распространением ислама кыргызами постепенно стали соблюдаться каноны этой религии. Вместе с тем продолжало использоваться немало пережиточных доисламских поверий. Здесь отчетливо проявляется синкретичный характер обрядовой жизни. Как пишет А.А. Ярлыкапов на примере ногойцев, «...ислам рассматривает смерть как волю Бога и осуждает проявления горя, траур, заботу о могилах. Коран ничего не говорит о поминках. Все эти предписания ортодок-

сального мусульманства в ритуальной жизни исламского общества благополучно обходятся» [53. С. 183]. В похоронных обрядах кыргызов заметной фигурой выступает религиозный деятель – *молдо*. [54. Р. 45]. Его приглашали читать молитву *ыйман* перед смертью человека, душу которого представляли, как и у казахов, в виде мухи [19. С. 62; 53. С. 184–185], чтобы облегчить его уход в иной мир. Он руководил обмыванием тела умершего, совершал обряд отпущения грехов покойного *доорон түшүрүү*, читал заупокойную молитву *жаназа*.

Сразу после смерти человека три его близких родственника совершали первое обмывание тела (*арам сууга алуу, майрам сууга алуу*) для того, чтобы при вторичном обмывании покойник был чистым [19. С. 68]. Затем умершего заворачивали в саван (*кепин*) из белой материи и размещали в юрте в лежачем положении, головой к входной двери. Кстати, у узбеков Ферганской долины саван (*кафан*) делали из хлопчатобумажной ткани кустарного производства, а с начала XX в. в Маргилане и его окрестностях из русской кисеи – *дока* [55. С. 144]. Для трупа мужчины готовили место с левой стороны от входа в юрту. Женщин ставили на правой части.

С последним вдохом умирающего начинался громкий плач (*өкүрүү, жоктоо*) всех, кто находился рядом [56. С. 335]. Погребальный обряд кыргызов предусматривал оплакивание покойного, которое носило обязательный характер. Мужчины скорбили по поводу утраты человека снаружи юрты, в той стороне, где находился покойный. При этом, если человек прибыл верхом, то должен был ехать галопом и быстро спускаться с седла, чтобы направиться к юрте, где находилось тело покойного. Все мужчины должны были быстрыми шагами пройти это небольшое расстояние [57. Р. 283]. В зависимости от степени близости они громко оплакивали словами: «*Эсил кайран атакем (апакем, бир боорум) эми кайдан көрөйүн!*», – женщины импровизировали плач-причитание (*кошок*). Следует отметить, что, несмотря на осуждение шариатом оплакивания покойного (шариат предписывает терпеливо, без громких криков и плачей перенести горе), «ханафитский мазхаб, известный своей терпимостью к местным обычаям, допускает плач со стороны наиболее близких родственников покойного...» [51. С. 185] что свидетельствует о толерантном отношении со стороны указанного течения ислама.

Таким образом, похоронные обряды кыргызов в ходе своей эволюции претерпевали изменения в разных исторических эпохах и в различных географических ареалах, охватывающих Южную Сибирь, Юго-Восточный Казахстан и Среднюю Азию. В них тесно переплелись традиции представителей различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев А.В. В Кыргызстане тоже надо переходить к кремации усопших. URL: <http://www.gezitter.org/society/75223/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Кремация в Кыргызстане. URL: <http://www.akipress.org/news:1487995?f=cp> (дата обращения: 26.12.2018).
3. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 432 с.
4. Чебодаев П.И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). Абакан: Хакас кн. изд-во, 1992. 160 с.
5. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек: Кыргызско-турецкий ун-т «Манас», 2010. 280 с.
6. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 391 с.

7. Бартольд В.В. <Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»> : приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893 – 1894 гг.» // Собрание сочинение. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1973. Т. VIII. С. 23–62.
8. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2000. 272 с.
9. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. 174 с.
10. Митко О.А. Особенности погребальной обрядности енисейских кыргызов в контексте индоевропейской культурной традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 64–74.
11. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 346 с.
12. Бехджаг ат-таварих // Собрание рукописей Института восточных рукописей РАН.
13. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India : Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. London : Royal Asiatic Society, 1942. 170, 53 p. (James G. Forlong Fund; vol. XXII).
14. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата : Наука, 1972. 156 с.
15. Токарев С.А. Символика огня в истории культуры // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 36–42.
16. Кубарев Г.В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н.э. // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 290–298.
17. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. 224 с.
18. Троицкая Т.Н. Погребения с трупосожжением конца I тыс. н.э. на р. Уени Новосибирской области // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1977. С. 121–130.
19. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Фрунзе : Илим, 1972. 170 с.
20. Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе : Илим, 1989. 293 с.
21. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.
22. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Алтае // Советская археология. 1963. № 4. С. 158–166.
23. Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения древнетюркского культурного феномена в Центральной Азии // Үчүнчү миң жылдыктын богосунда түрк цивилизациясы. Бишкек : Изд-во Кыргызско-турецкого университета «Манас», 2003. С. 35–43.
24. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : соч. монаха Иакинфа. Алматы, 1998. Ч. I. 471 с.
25. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности. Алма-Ата : Наука, 1971. 380 с.
26. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное верование тюрок Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 200 с.
27. Токарев С.А. Погребальные обычаи, их смысл и происхождение // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 42–47.
28. История таджикского народа. Душанбе : Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, 1999. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. 790 с.
29. Землеведение К. Риттера. География стран Азии находящихся в непосредственных отношениях с Россиею / пер. с присовокуплением критических замечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет В.В. Григорьев. СПб., 1869. Восточный или Китайский Туркестан. X, 560, VIII, 525 с.
30. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Глав. ред. Казахской сов. энцикл., 1985. Т. 2. 416 с.
31. Джумагулов А. Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи // Известия Академии наук Киргизской ССР. 1959. Т. 1, вып. 1: История. С. 79–92.
32. Загряжский Г. Киргизские очерки. Аш или тризна по умершим // Туркестанские ведомости. 1873. № 1.
33. Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. Бишкек : АРХИ, 2003. 448 с.
34. Төлеубаев Ө.Т. Қазақ халқы этнографиясының мәселелері // Проблемы этнографии казахов. Алматы : Service Press, 2013. Т. 2. 495 с.
35. Ситнянский Г.Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. IV. С. 175–180.
36. Грачева Г.Н. Погребальные сооружения ненцев устья Оби // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. С. 248–262.
37. Early Voyages and travels to Russia by Antony Jenkinson and other Englishmen / ed. by D. Morgan, C.H. Coote. London, 1886. Vol. 1. 176 с.
38. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. Л. : Полиграфкнига, 1938. 313 с.
39. Бартольд В.В. Киргизы : исторический очерк // Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1963. Т. 2, ч. 1. 1020 с.
40. Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении кимаков // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 961–964.
41. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 403 с.
42. Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. С. 211–238.
43. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 182 с.
44. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. : Изд-во полит. лит., 1990. 622 с.
45. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева. М. : Наука, 2002. 300 с.
46. Манас : вариант С. Орозбакова : VIII–IX кн. Бишкек : Турар, 2014. 800 с.
47. Яблонский Л.Т. Переход к зороастрийскому обряду у скотоводов Хорезма // Древние культуры Евразии : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Н. Бернштама. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 252–258.
48. Шкода В.Г. Погребальный обряд зороастрийцев // Митра. 2009. № 10 (14). URL: www.zoroastrian.ru/en/node/1371 (дата обращения: 10.12.2018).
49. Абрамзон С.М. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов // Белек С.Е. Малову. Фрунзе : Изд-во КиргФАН СССР, 1946. С. 5–9.
50. Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М. : ИЭА РАН, 1997. 161 с.
51. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М. : Наука, 1982. С. 112–136.
52. Губаева С.С. Путь в зазеркалье (похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сборник. М. : Наука, 2001. Вып. IV. С. 164–174.
53. Ярлыкапов А.А. Похоронно-поминальный обряд степных ногайцев в прошлом и настоящем (XIX – 80-е годы XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. IV. С. 182–197.
54. Kochkunov A.S. Religious Practices in the Modern Ceremonial Lives of the Kyrgyz People // Anthropology of the Middle East. 2018. Vol. 13, № 1. P. 43–54.
55. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М. : Наука, 1986. С. 139–181.
56. Кочкунов А.С. Поминальный цикл // Кыргыз / отв. ред. А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров. М. : Наука, 2016. С. 335–356.
57. Jacqueson Sv. The Sore Zones of Identity: Past and Present Debates on Funerals in Kyrgyzstan // Inner Asia. 2008. Vol. 10. P. 281–303.

Anvarbek M. Mokeev, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: anvar.mokeev@manas.edu.kg

Amantur Z. Zhaparov, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: amantur.japarov@manas.edu.kg

THE EVOLUTION OF THE FUNERAL RITES OF THE KYRGYZ PEOPLE

Keywords: Kyrgyz people, funeral rituals, cremation, inhumation, 'aerial funeral', temporarily keeping the body, scratching the face, cleaning the bone.

It has become a widespread problem for most residents of the country to buy a spot at local cemeteries for the burial of the dead relatives, which is mainly due to the high price for the piece of land. Additionally, these lands are decreasing in size, as the new lands are not being ascribed for this purpose. As this becomes one of the popular topics to be discussed by the people in Kyrgyzstan, some are considering the possibility and expediency of reviving the old tradition of Yenisei Kyrgyz – cremation. Some experts are voicing positive opinions regarding the cremating practices as a more environmentally friendly funeral ritual. Considering the above mentioned, authors of this article decided to research this social phenomenon from historical and ethnographic perspectives with the involvement of written sources as well as archaeological and ethnographic materials.

The article examines the issue of the evolution of funeral rites of the Kyrgyz people from ancient times to the beginning of the XX century. Authors are trying to address the problematics of how certain rituals became widespread among the Kyrgyz people and track changes that happened to the most consistent and conservative rituals in the life cycle of a human. Such factors as migration, religious beliefs, ethnic relations with other groups have prompted mutual and multilateral borrowing of the many cultural elements and lifestyles. The gradual transition from the ritual of cremating of the deceased towards burial of the body of the Yenisei Kyrgyz is analyzed in the context of ethnogenetic processes. During the first millennium A.D. the Yenisei Kyrgyz continued cremating traditions of the ancient population of that region (Andronovo epoch). As a result of long-term ethnocultural connections with Turkic steppe tribes of Altai and of Irtysh river in the second half of IX – mid XI century Kyrgyz people gradually transitioned to *inhumation* of the deceased. The analysis of the data gathered by travelers in XVI century uncovers questions related to other forms of burials: 'aerial' and temporarily keeping of the body of the dead during the period when Altai Kyrgyz were moving to the territories of Tian-Shan. A certain attention is given to burial rituals with the use of a horse. The article brings example of how widowed wives self-harmed themselves after the death of their husbands. The practice of cleaning bones from the flesh most likely goes far back to ancient times, rooting in Zoroastrian burial traditions. The article also addresses the issue of how these traditional rituals were combined with Islamic norms.

REFERENCES

1. Aliev, A.V. (n.d.) *V Kyrgyzstane tozhe nado perekhodit' k krematsii usopshikh* [Kyrgyzstan also has to move on to the cremation of the dead]. [Online] Available from: <http://www.gezitter.org/society/75223/> (Accessed: 10th .12.2018).
2. Akipress.org. (n.d) *Krematsiya v Kyrgyzstane* [Cremation in Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <http://www.akipress.org/news:1487995?f=cp> (Accessed: 26.12.2018).
3. Klyashtorny, S.G. & Sultanov, T.I. (2009) *Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey* [States and peoples of the Eurasian steppe]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
4. Chebodaev, P.I. (1992) *Istoriya Khakasii (s drevneyshikh vremen do kontsa XIX v.)* [History of Khakassia (from ancient times to the end of the 19th century)]. Abakan: Khakas kn. izd-vo.
5. Mokeev, A. (2010) *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'-Shane* [Kyrgyz in Altai and Tien Shan]. Bishkek: Kyrgyzsko-turetskiy un-t "Manas".
6. Kyuner, N.V. (1961) *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
7. Bartold, V.V. (1973) *Sobranie sochinenie* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 23–62.
8. Butanaev, V.Ya. & Khudyakov, Yu.S. (2000) *Istoriya eniseyskikh kyrgyzov* [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan: Khakassia State University.
9. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyeturkskuyu epokhu* [The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
10. Mitko, O.A. (2003) *Osobennosti pogrebal'noy obryadnosti eniseyskikh kyrgyzov v kontekste indoevropeyskoy kul'turnoy traditsii* [Funeral rituals of the Yenisei Kyrgyz in the context of the Indo-European cultural tradition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2(3). pp. 64–74.
11. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Anon. (n.d.) *Bekhdzhat at-tavarikh*. In: *Sobranie rukopisey Instituta vostochnykh rukopisey RAN* [Collection of Manuscripts of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences].
13. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi. (1942) *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India : Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky*. London: Royal Asiatic Society.
14. Kumekov, B.E. (1972) *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The state of the Kimaks in the 9th–11th centuries from Arabic sources]. Alma-Ata: Nauka.
15. Tokarev, S.A. (1999) *Simvolika ognya v istorii kul'tury* [The symbolism of fire in the history of culture]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 36–42.
16. Kubarev, G.V. (1998) *K etnopoliticheskoy situatsii na territorii Altaia v VI–XI vv. n.e.* [On the ethnopolitical situation in the territory of Altai in the 6th – 11th centuries]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the Panorama of Millennia]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 290–298.
17. Dashkovskiy, P.K. (2015) *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Azii* [Kyrgyz in the Altai in the context of ethnocultural processes in Central Asia]. Barnaul: Altai State University.
18. Troitskaya, T.N. (1977) *Pogrebeniya s truposozhzheniem kontsa I tys. n.e. na r. Ueni Novosibirskoy oblasti* [Burials with cremation of the end of the 1st millennium AD on the river Ueni of the Novosibirsk Region]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 9. pp. 121–130.
19. Bayalieva, T.D. (1972) *Doislamskie verovaniya i perezhitki u kirgizov* [Pre-Islamic beliefs and survivals among the Kirghiz]. Frunze: Ilim.
20. Moldobaev, I.B. (1989) *Epos "Manas" kak istochnik izucheniya dukhovnoy kul'tury kirgizskogo naroda* [The epic "Manas" as a source for studying the spiritual culture of the Kyrgyz people]. Frunze: Ilim.
21. Tabaldiev, K.Sh. (1996) *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya* [Mounds of the medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek: Aybek.
22. Sher, Ya.A. (1963) *Pamyatniki altaysko-orkhonskikh tyurok na Altae* [Monuments of the Altaic-Orkhon Turks in Altai]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 158–166.
23. Khudyakov, Yu.S. (2003) *Osnovnye problemy izucheniya drevnyeturkskogo kul'turnogo fenomena v Tsentral'noy Azii* [The main problems of studying the ancient Turkic cultural phenomenon in Central Asia]. In: *Ychynchy miñ zhyldyktyn bosogosunda tyrk tsivilizatsiyasy*. Bishkek: Kyrgyz-Turkish University "Manas". pp. 35–43.

24. Bichurin, N.Ya. (1998) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena: soch. monakha Iakinfa* [Collected Information about the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times: by monk Iakinfa]. Vol. 1. Almaty: [s.n.].
25. Aydarov, G. (1971) *Yazyk orkhonskikh pamyatnikov drevneturkskoy pis'mennosti* [The language of the Orkhon monuments of ancient Turkic writing]. Alma-Ata: Nauka.
26. Sagalaev, A.M. & Oktyabrskaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe verovanie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual* [The traditional belief of the Turks of Southern Siberia. The sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
27. Tokarev, S.A. (1999) Pogrebal'nye obychai, ikh smysl i proiskhozhdenie [Burial customs, their meaning and origin]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 42–47.
28. Negmatov, N.N. (ed.) (1999) *Istoriya tadzhikskogo naroda* [History of the Tajik People]. Vol. 2. Dushanbe: Institute of History, Archeology and Ethnography.
29. Ritter, K. (1869) *Zemlevedenie K. Rittera. Geografiya stran Azii nakhodyashchikhsya v neposredstvennykh otnosheniyakh s Rossieyu* [The Earth science by K. Ritter. Geography of Asian countries in direct relations with Russia]. TRanslated from German. St. Petersburg: [s.n.].
30. Valikhanov, Ch.Ch. (1985) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works in 5 vols]. Vol. 2. Alma-Ata: Glav. red. Kazakhskoy sov. entsikl.
31. Dzhumagulov, A. (1959) Nekotorye obychai i obryady dorevolutsionnoy kirgizskoy sem'i [Some customs and rituals of the pre-revolutionary Kyrgyz family]. *Izvestiya Akademii nauk Kirgizskoy SSR*. Vol. 1(1). pp. 79–92.
32. Zagryazhskiy, G. (1873) Kirgizskie ocherki. Ash ili trizna po umershim [The Kyrgyz essays. Ash or trizna for the dead]. *Turkestanskije vedomosti*. 1.
33. Soltonoev, B. (2003) *Kyrgyz tarykhy* [Kyrgyz taryhy]. Bishkek: ARKhI.
34. Toleubaev, Ə.T. (2013) Kazak khalky etnografiyasynyn maseleleri. In: *Problemy etnografii kazakhov* [Problems of Ethnography of the Kazakhs]. Vol. 2. Almaty: Service Press.
35. Sitnyanskiy, G.Yu. (2001) O proiskhozhdenii drevnego kirgizskogo pogrebal'nogo obryada [On the origin of the ancient Kyrgyz funeral rite]. *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik*. 4. pp. 175–180.
36. Gracheva, G.N. (1971) Pogrebal'nye sooruzheniya nentsev ust'ya Obi [Funeral structures of the Nenets at the mouth of the Ob]. In: Prokofieva, E. D., Prytkova, N. F. & Dyakonova, V.P. (eds) *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka* [Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka. pp. 248–262.
37. Morgan, D. & Coote, C.H. (eds) (1886) *Early Voyages and travels to Russia by Antony Jenkinson and other Englishmen*. Vol. 1. Cambridge University Press.
38. Willoughby, H. et al. (1938) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Muscovite state in the 16th century]. Translated from English by Yu.V. Gotie. Leningrad: Poligrafkniga.
39. Bartold, V.V. (1963) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2(1). Moscow: Izd-vo vost. lit.
40. Sabitov, Zh.M. (2015) K voprosu o proiskhozhdenii kimakov [On the origin of the Kimaks]. *Molodoy uchenyy*. 10(90). pp. 961–964.
41. Abramzon, S.M. (1971) *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kirghiz and their ethnogenetic, historical and cultural ties]. Leningrad: Nauka.
42. Sokolova, Z.P. (1971) Perezhitki religioznykh verovaniy u obskikh ugrov [Remnants of religious beliefs among the Ob Ugrians]. In: Prokofieva, E. D., Prytkova, N. F. & Dyakonova, V.P. (eds) *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka* [Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka. pp. 211–238.
43. Shatinova, N.I. (1981) *Sem'ya u altaytsev* [The Altaic family]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. otd-nie Alt. kn. izd-va.
44. Tokarev, S.A. (1990) *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
45. Fielstrup, F.A. (2002) *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kirghiz in the early twentieth century]. Moscow: Nauk.
46. Orozbakov, S. (2014) *Manas*. Bishkek: Turar.
47. Yablonskiy, L.T. (2010) Perekhod k zoroastriyskomu obryadu u skotovodov Khorezma [The transition to the Zoroastrian rite among the cattle breeders of Khorezm]. *Drevnie kul'tury Evrazii* [Ancient Cultures of Eurasia]. Proc. of the Conference. St. Petersburg: Info-ol. pp. 252–258.
48. Shkoda, V.G. (2009) Pogrebal'nyy obryad zoroastriyev [The funeral rite of the Zoroastrians]. *Mitra*. 10(14). [Online] Available from: www.zoroastrian.ru/en/node/1371 (Accessed: 10.12.2018).
49. Abramzon, S.M. (1946) “Tul” kak perezhitok animizma u kirgizov [“Tul” as a relic of animism among the Kirghiz]. In: Belek, S.E. *Malovu*. Frunze: KirgFAS USSR. pp. 5–9.
50. Basilov, V.N. & Karmysheva, Dzh.Kh. (1997) *Islam u kazakhov (do 1917 g)* [Islam among the Kazakhs (until 1917)]. Moscow: RAS.
51. Lipets, R.S. (1982) Otrazhenie pogrebal'nogo obryada v tyurko-mongol'skom epose [Reflection of the funeral rite in the Turkic-Mongolian epic]. In: Sokolova, V.K. (ed.) *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rites and Ritual Folklore]. Moscow: Nauka. pp. 112–136.
52. Gubaeva, S.S. (2001) Put' v zazerkal'e (pokhoronno-pominal'nyy ritual v obryadakh zhiznennogo tsikla) [The way through the looking glass (a funeral and memorial ritual in the rites of the life cycle)]. In: Bushkov, V.I. (ed.) *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 164–174.
53. Yarlykapov, A.A. (2001) Pokhoronno-pominal'nyy obryad stepnykh nogaytsev v proshlom i nastoyashchem (XIX – 80-e gody XX veka) [The funeral and memorial rite of the steppe Nogais in the past and present (19th – 1980s)]. In: Bushkov, V.I. (ed.) *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 182–197.
54. Kochkunov, A.S. (2018) Religious Practices in the Modern Ceremonial Lives of the Kyrgyz People. *Anthropology of the Middle East*. 13(1). pp. 43–55.
55. Karmysheva, B.Kh. (1986) Arkhaicheskaya simbolika v pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti uzbekov Fergany [Archaic symbolism in the funeral and memorial rites of the Uzbeks of Fergana]. In: Basilov, V.N. (ed.) *Drevnie obryady, verovaniya i kul'ty narodov Sredney Azii* [Ancient Rituals, Beliefs and Cults of the Peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 139–181.
56. Kochkunov, A.S. (2016) Pominal'nyy tsikl [The memorial cycle]. In: Asankanov, A., Brusina, O.I. & Zhaparov, A.Z. (eds) *Kyrgyzy* [The Kyrgyz]. Moscow: Nauka. pp. 335–356.
57. Jacquesson, Sv. (2008) The Sore Zones of Identity: Past and Present Debates on Funerals in Kyrgyzstan. *Inner Asia*. 10. pp. 281–303.

УДК 947(470.11) + 39(470.11)
DOI: 10.17223/19988613/75/19

А.Б. Пермиловская

КРЕСТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛАНДШАФТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

*Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме № 122011300471-0
«Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе
исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».*

На основе полевых, архивных и музейных источников проанализировано значение деревянных крестов в севернорусской традиционной культуре. Цель исследования – определение значения креста как одного из главных символов православия в культурном ландшафте северных и арктических территорий. Доказано, что в Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссии.

Ключевые слова: традиционная культура, культурный ландшафт, деревянный крест, Русский Север, Арктика

В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий – это не только устойчивое понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Это регион, который занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Работа опирается на архивные, музейные источники, полевые материалы. В течение длительного времени автор исследовала исторические поселения, культурные ландшафты, памятники деревянного зодчества. В ходе изучения установлено, что особенности культуры Русского Севера – это результат проявления в ней русского хронотопа: смыслового единства времени и пространства, в качестве предметного воплощения которого выступает культурный ландшафт северной деревни. На Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Предпочтение отдавалось рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края, поэтому в севернорусской ономастике доминируют речные наименования: двиняне, пинежане, вожане, пижемцы, кулойцы, мезена, кокшары.

Детально изучавшийся сельский культурный ландшафт – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. Для Русского Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что привело к созданию определенных архитектурно-природных ансамблей [1].

Данная работа посвящена изучению деревянных (обетных) крестов, которые являются произведениями деревянного зодчества и народного искусства [2–4], историческими (ставрографическими) [3–8] и этнографическими [9–12] источниками. Традиция постановки деревянных крестов как самостоятельных сакральных (впоследствии культурных) объектов в России существовала с древних времен. Исторические документы хранят сведения о деревянных крестах XI–XV вв. Одним из ранних упоминаний о постановке деревянного

памятного креста на горах Киевских апостолом Андреем является предание «Повести временных лет». «В Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи это событие изображено так: святой апостол держит вставленный в землю большой восьмиконечный крест, возле стоит человек с лопатой» [13. С. 11].

К 1238 году относится Игнач крест, стоявший в 100 верстах от Новгорода. Это то место, откуда монголо-татарская орда под предводительством Батыя шла в сторону Новгорода и повернула назад, не подвергнув разорению Новгородские земли [13. С. 12; 14]. По мнению А.Л. Потравнова, в тексте Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов «Игнач крест упоминается исключительно как хорошо известный для путешественников Селигерским путем – ориентир, до которого дошли татары: “Тогда же гонящиеся оканнии безбожники от Тожку Серигерским путем и до Игнач креста, а все люди секуще, акы траву, за 100 верст до Новаграда не дошел”. В летописи не указано, каменный это был крест или деревянный» [15. С. 263–264; 16. С. 289].

На Русском Севере крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в культурном ландшафте защитную и сакральную миссии.

Один из самых древних и известных – Людогощинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (рис. 1). Крест выполнен древнерусским мастером Яковом Федосовым в 1359 г. по заказу жителей Людогощей (Легощей) улицы Великого Новгорода для стоявшей на этой улице церкви Фрола и Лавра. Крест был установлен 12 июня 1359 г., об этом свидетельствует надпись в его основании: «В лета 6867 (1359) июня 12 дня поставлен бысть сей крест... Господи помилуй всех христиан, на всяком месте молящихся тебе верою и чистым сердцем... Помози поставившим крест сей людогощичам и мне написавшему...». Имя мастера было зашифровано: использовалась цифровая тайнопись – сложение цифровых значений букв. Шифр удалось разгадать академику Б.А. Рыбакову [17]. Людогощинский крест – это «закладной»,

или «поклонный», крест. Размеры креста: $230 \times 187 \times 19$ см. В центре – Распятие. На кресте иконки с наиболее популярными святыми, всего 17 сюжетов. Крест получил название от улицы Людогощей в Великом Новгороде, жители которой взывают к Спасителю о помиловании и помощи. Видимо, произошло что-то тяжкое, возможно, повальная болезнь.

Сама форма – «крест в круге» – христианский символ веры, спасающий мир. Крест напоминает фантастический цветок, в котором растительные побеги сочетаются с трилистниками, плетенками, крестами.

Одним из важнейших символов христианства и других древних культур и религий был крест, вписанный в круг. В традиционной культуре Руси и Русского Севера известен обычай – кланяться на все четыре стороны, а в случае опасности очерчивать себя кругом и осенять крестом. Людогощинский крест – редчайшее и неповторимое произведение древнерусского искусства, выполненное в дереве и, несмотря на недолговечность материала, дошедшее до наших дней. В настоящее время находится в экспозиции Новгородского музея-заповедника.

Рис. 1 Людогощинский крест, Великий Новгород, 1359. Из архива автора

На Русском Севере получил известность крест, поставленный в 1694 г. царем Петром I в Унской губе на побережье Белого моря при посещении Соловецкого монастыря – в знак спасения во время бури 2 июня 1694 г. Этот уникальный памятник истории несколько раз менял свое местоположение. В настоящее время крест находится в Архангельском краеведческом музее.

Предпринимая этот краткий экскурс к наиболее древним, известным и почитаемым крестам, хочу подчеркнуть важность данного вопроса. Деревянные кресты, так же как церковь, часовня, изба, икона, всегда сопутствовали жизни русского и северного человека. Крест как один из ключевых символов православной культуры являлся обязательным компонентом природно-культурного и сакрального ландшафта Русского Севера и Арктики. Процесс духовного освоения просторов Севера заключался в пространственно-временном развертывании образа Креста, который, обрастая различными архитектурными и художественными деталями, последовательно претворялся в более сложные сакральные объекты: часовню, храм. Русские землепроходцы, осваивавшие пространства Севера, на местах новых поселений устанавливали большой деревянный крест, иногда вместе с иконой на нем.

В других случаях вместо креста ставили столб основания деревни, но с обязательной иконой и небольшим литым крестом на его лицевой стороне. Такой знак поселения зафиксирован в мезенских деревнях. Например, столб основания д. Березник Лешуконского района (1879), в настоящее время памятник музея деревянного зодчества «Малые Корелы» [18. С. 16–17].

Для защиты от дождя и снега над крестом делали дощатый футляр, являлось нечто вроде часовни. С увеличением населения, а также в память о каком-либо событии жители строили настоящую часовню. По прошествии времени на месте часовни или рядом с ней возводился храм. Однако отношения между элементами священной триады характеризуются не только переходом от простого к сложному, но и обратным процессом: свертывания пространства к своему духовному центру – первообразу [19. С. 56]. На месте разрушенных церквей устанавливаются кресты, чтобы в будущем воздвигнуть храм.

Деревянные кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники христианского искусства, архитектуры, скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов (жителей побережья Белого моря), которые были нанесены на лоцманские карты. И хотя невелики они в сравнении с церковью или колокольной, велика сила их эмоционального воздействия на человека. Кресты, которые известны и сохранились на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать в целом XIX – первой половиной XX в. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах Мезени, Пинеги, на Каргополье.

В 1982–1987 гг. экспедициями Института истории материальной культуры РАН и Архангельского краеведческого музея были проведены работы по обследо-

ванию сохранившихся старинных крестов побережья Белого и Баренцева морей. Всего зафиксировано около 90 крестов [20. С. 26–27]. В 1988–2002 гг. экспедициями музея деревянного зодчества «Малые Корелы» проведены обследования и обмеры в Мезенском, Лешуконском, Приморском районах Архангельской области [21–24].

В 2004–2008 гг. автором обследованы и обмерены кресты Мезени и с. Кимжа [1, 4]. В архитектурном отношении на Русском Севере кресты часто располагались под специальным навесом на столбах, установленных по его контуру. Также они могли находиться в храмах, часовнях, специально построенных часовнях-амбарах, реликвиях (футлярах) для их хранения [25. С. 52–53].

Деревянные кресты часто называли обетными, хотя значение и случаи, по которым они ставились, гораздо шире. Они могли действительно возводиться по обету – это своего рода благодарность Богу. По рассказам моряков, в опасные для жизни моменты, выйдя на берег живыми, они ставили обетный крест на берегу моря, или в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Этот суровый поморский обычай, связанный с особыми условиями жизни и труда, нашел отражение в поговорке: «*Кто на море не бывал, тот Бога не маливал*». Другим поводом для возведения обетных крестов служили болезни, чаще детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце.

Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги. При этом чем тяжелее болезнь или серьезней опасность, от которой удалось избавиться, тем длиннее отрез дарственной материи. На Мезени существовали наиболее почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры из других деревень. Характерно расположение этих крестов на высоком берегу реки (Кимженский крест) [1. С. 201–202], в роще над рекой (Родомский крест), при слиянии двух рек (крест в Рези) [26. С. 129]. Типологически деревянные кресты можно отнести к следующим группам, учитывая роль, которую они выполняли: поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные.

Местоположение деревянных крестов могло быть следующим: на месте сгоревшей церкви, при дорогах, у часовни или внутри культовых построек, около источника, за деревней, на скотном выгоне, в лесу, на берегу реки, на возвышенном месте, на мысе, среди пахотных полей, в усадьбах крестьян, при въезде в село, на перекрестке дорог, на берегу моря. Деревянные кресты играют большую роль в культурном ландшафте и ансамбле северной деревни, являются памятниками архитектуры, в которых в миниатюре повторяются все элементы плотницкого мастерства и декоративного убранства, присущие деревянному зодчеству. Иногда их устанавливали посередине небольшой деревенской площади так, чтобы они были видны из окон окружающих домов (д. Кольшин, Лешуконский район).

Независимо от скромности или богатства их облика, они украшались с тем же тактом и пониманием свойств материала, что и наружные детали крестьянских построек. Для предохранения от дождя и снега над крестами делали двухскатную кровлю с миниатюрным охлупнем и резными причелинами. Крыши, если они большие, опирались по краям на столбы, врытые в землю или укрепленные в низком, в 2–3 венца, срубе. Получалась открытая часовня. Такие крест-часовни до недавнего времени сохранялись в Заостровском приходе Приморского района, часть из них имела форму ротонды. Обследование и обмеры крестов были проведены автором и архитектором Н.А. Подобиной в 1988–1989 [22, 27], 2018 гг.

Особой группой на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Специфика жизни и промысловой деятельности, судостроения, мореплавания, лоцманского дела, свободная торговля со Скандинавией, наличие «руссенорск» (норв. *Russenorsk*), или «Моя-по-твоя» (норв. *Moja på tvoja*), – смешанного русско-норвежского языка (один из примеров пиджина), обслуживавшего общение поморских и норвежских торговцев на северном побережье Норвегии, стойкие традиции старообрядчества оказали влияние на уклад жизни поморов.

В XVIII–XIX вв. архипелаг Шпицберген (норв. *Svalbard* / *Свальбард*, поморское название *Грумант*) был традиционным местом морских промыслов. По исследованиям Т.С. Минаевой, научными экспедициями здесь было зафиксировано 43–46 деревянных крестов высотой от 4 до 6 м. В настоящее время два креста находится на о. Северо-Восточная Земля, третий – в экспозиции музея г. Лонгйир, административном центре норвежской провинции Свальбард [28. С. 95–96]. Постоянные опасности, тяжелые условия жизни и промысла способствовали особому напряжению религиозного чувства и потребностью обращаться к Богу с молитвой о помощи и защите. Кресты использовались для символического структурирования территории и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением.

Поморские кресты служили навигационными знаками. «На Севере часто вместо морских знаков ставят кресты, обозначая этим места, удобные для стоянки судов. И сюда, если застигнет буря, идут, не боясь ни мелей, ни камней: значит, вход безопасный и есть где укрыться» – так описывал художник А.А. Борисов, совершивший путешествие по Большеземельской и Малоземельской тундрам и на острове Вайгач, места постановки арктических крестов [29. С. 88]. Сведения о крестах содержатся в лоциях, которыми пользовались мореходы. В поморской лоции XVIII в. встречаются такие описания: «Святой Нос, на коем много крестов», «В реке Коле, на левой руке на наволоке крест». На Мурмане кресты и каменные груды (кеккуры, или гурии) ставили промышленники у своих становищ, они служили ориентирами и маяками [30. С. 60; 31. С. 206].

Таковыми же ориентирами служили храмы; в старых поморских лоциях встречаются указания – как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых

церквей. С открытой площадки звона колокольни можно было видеть море, а это так важно, когда ждут возвращения рыбаков с промысла. Церковь была ориентиром для тех, кто подплывал к селу по реке.

Поморы ставили кресты на дальних становищах и в арктических зимовьях с целью подать весть о себе в случае гибели. Такие кресты поведали миру не одну трагедию, постигшую людей в ледяных просторах Севера. Иногда о гибели людей узнавали спустя много лет. В июле 1911 г. В.А. Русанов обнаружил на Новой Земле старинное русское промысловое становище, возле которого лежали черепа и другие человеческие останки. Поблизости находилось три сильно наклонившихся креста, на которых оставались следы больших, глубоко вырезанных славянских букв. Но надписи уже нельзя было прочесть: полярные ветры и снежные выюги иссекли дерево и стерли имена погибших. У писателя Бориса Шергина есть рассказ-быль, основанный на реальных событиях о мезенских братьях Личутиных, попавших в бедствие при возвращении с промысла осенью 1857 г. Волею судьбы оказались они на крохотном каменном острове посреди моря без карбаса и провизии. Но не пали духом перед лицом неминуемой смерти. Один брат стал вырезать на столешнице, оказавшейся на острове и послужившей предсмертным надгробием, узор, а второй стих написал о последних днях жизни [32. С. 52].

Кресты с надписями о пребывании в том или ином месте поморы ставили во время вынужденной остановки (иногда длительной) из-за непогоды, в ожидании попутного ветра или из-за поломки судна. Чаще всего кресты такого рода ставили на острове Сосновце, лежащем на главном морском пути между Мурманом и Поморьем. Голландцы в конце XVI в. называли Сосновец Крестовым островом. В пустынных местах кресты заменяли морякам часовню [30. С. 60].

Особое значение обетные кресты приобретали в условиях кризиса, связанного с морским промыслом. «Женщины, получившие известие, что жизнь близких находится под угрозой, просили помощи у крестов. “Вот, так долго нету с морюшка – с путинушки, рыбаков, ну и старушки идут на поклонный крест. Просят прощенья, и просят, чтобы Господь вернул им рыбаков. У каждой родни, у каждого рода был старейшина, у которого что-то случилось” (к нему обращался)» [33. С. 25]. Е.В. Самойлова рассматривает обетные (вотивные) приношения как гендерный маркер. Женские приношения на крестах – «следы» женских ритуальных практик, свидетельствуют об использовании сакрального объекта женской группой. Кресты, «подконтрольные» мужской группе, расположены вдалеке от селений, на островах и побережье Белого моря. Они, как правило, «голые. С пеленами – только когда народ ходит. А тут, ты рыбак... подошел к кресту, перекрестился» [Там же. С. 33–34]. Этого же мнения придерживается П.А. Филин, отмечая, что «...промысловых крестов не коснулся распространенный обычай привязывания к крестам полос материи или вышитых полотенец» [34. С. 171].

Автором были зафиксированы кресты в поморских усадьбах на побережье Белого моря: около дома

Ф. Латкина, д. Нижняя Золотица, Приморский район, конец XIX в. Самым примечательным в облике этого креста, кроме, безусловно, общих художественных достоинств, является вынесение орудий казни Господней – трости и копья – с поверхности бруса, как это делается традиционно, за его пределы. Орудия казни, так же как и сам крест, выполнены профессионально

и хорошо сочетаются с архитектурно-художественным обликом памятника в целом. Поверхность креста покрывают криптограммы и начальные слова молитвы кресту.

Крест в другой усадьбе – С. Шумилова, д. Верхняя Золотица (конец XIX века) был поставлен на удачный промысел тюленя [23] (рис. 2).

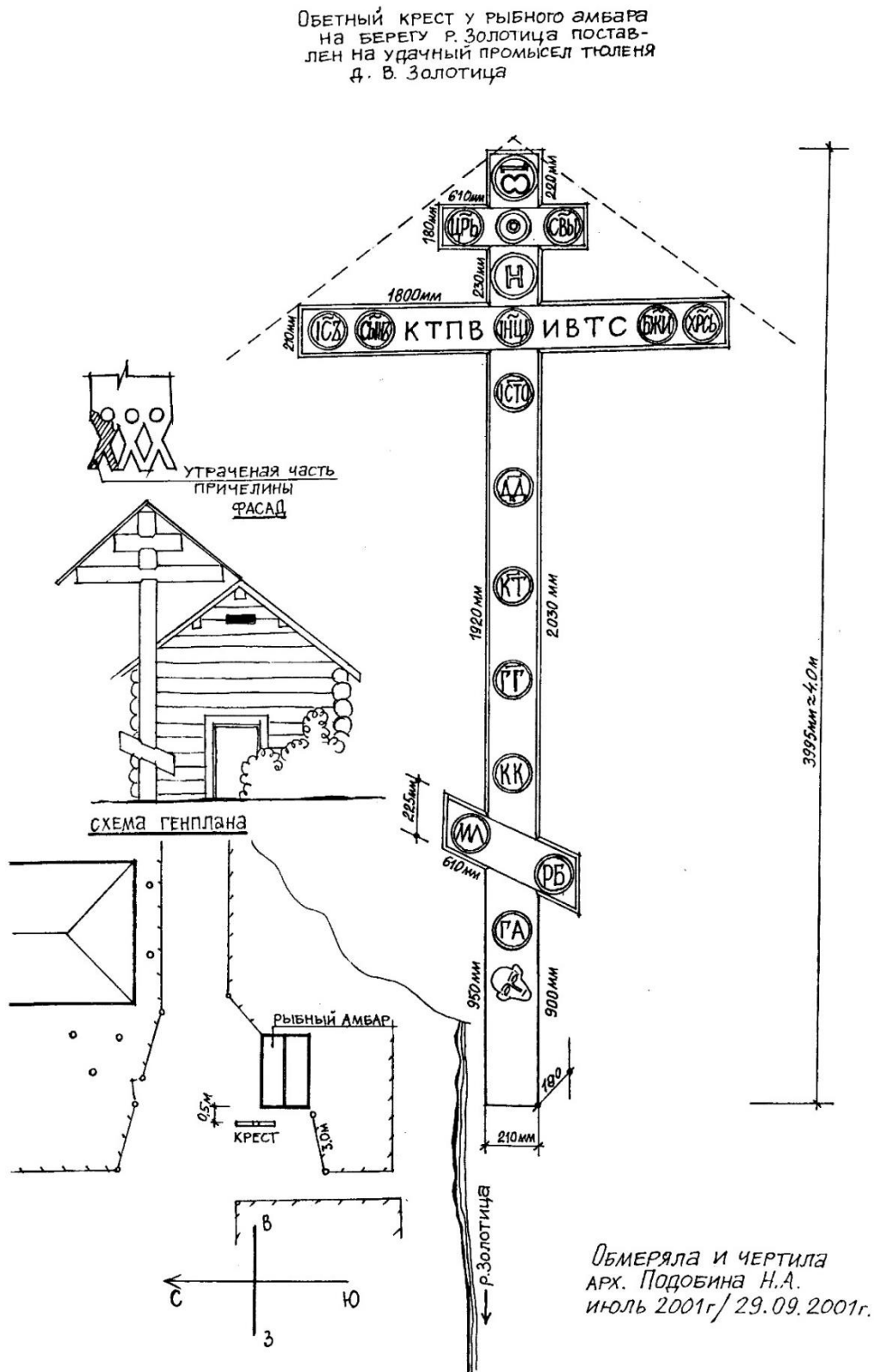

Рис. 2. Крест на удачный промысел тюленя, д. Верхняя Золотица, Приморский р-н, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Традиция постановки крестов продолжается. В течение последних 20 лет работы кресторезной мастерской Соловецкого монастыря было установлено 25 крестов высотой 6–12 м. Символом единения религиозного и морского знака служит один из двух существующих в России храмов-маяков – церковь Вознесения (1862) на Секирной горе на Большом Соловецком острове.

«Во многих культурно-исторических традициях крест символизирует жизнь, плодородие, бессмертие, дух и материю в их единстве, активное мужское начало; с крестом связывается идея процветания, удачи. Это позволяет объяснить ту важную роль, которую играет крест в ритуале и ритуализированном поведении, в магии, народной медицине, гаданиях, волшебстве, в архаичном искусстве и в быту» [35. С. 12–13]. В качестве примера приведем обряд «молебного пива», который проходил в часовнях, трапезных церквей и у обетных крестов.

В.Б. Панченко ввела в научный оборот деревянные кресты Нижнего Поволжья, традиция установки которых была распространена в округе Старой Ладogi в XVII – первой половине XVIII века. Три сохранившихся памятника находятся в фондах Староладожского музея-заповедника, 27 фото из архивов Российского этнографического музея и Института истории материальной культуры РАН (авторы Н.И. Репников и В.М. Машечкин) несохранившихся крестов начала XX в. опубликованы в форме каталога [36]. Староладожские «кресты XVII века были в основном именными и устанавливались как простыми деревенскими жителями, так и лицами, занимающими высокое общественное положение. На них указывалась причина установки – обещание... праздновать важные для деревни “заветные” церковные праздники» [Там же. С. 21]. Это – подлинные произведения деревянного зодчества и искусной художественной резьбы. Вероятно, памятники принадлежали одной художественной школе и кресторезной мастерской, – вопрос, который требует специального изучения.

Самый ранний из сохранившихся крестов находился в д. Межумошье, в настоящее время экспонат Староладожского музея-заповедника (инв. № СЛМ КП-94463/Ц-501; размер: 215 × 159 см). Он был «поставлен на поклонение православным христианам повелением рабов Божиих Матвея с братию и Севастьяна Межумоских» с предписанием праздновать праздники св. Георгию и сщмч. Флору и Лавру [37. С. 354].

В связи с контекстом данной работы интересно привести обряды, проводимые у этих крестов, отражающие традиции народного православия, заинтересовавшие Следственную комиссию Святейшего Правительственного Синода, материалы о которых были опубликованы А.С. Лавровым. В 1730-х гг. в деревнях Ямбургского и Копорского уездов Санкт-Петербургской губернии – на территориях, разоренных смутой, а после Столбовского мира отошедших к Швеции, – у деревянных крестов совершались архаичные обряды, соотносимые с братчиной в православных храмах и часовнях. В праздники Флора и Лавра, Петра и Павла, пророка Ильи и Архангела Михаила местные жители у креста ставили икону, свечи, молились, а затем по-

ливали крест каждый своим пивом и клали часть приготовленной еды. Участвовали в этом только мужчины одной определенной деревни. На допросе крестьяне показали, что «и деды и отцы их так творили, чая себе от Бога милости». Эти обряды появились вместо отсутствовавших церковных обрядов, когда православное население было лишено священника и отрезано от митрополии [37. С. 361, 38. С. 133–144].

В русском православии получили распространение четырехконечные, шестиконечные и восьмиконечные кресты. Восьмиконечный крест был известен с VI в., задолго до раскола христианской церкви на католиков и православных. Он использовался в византийской фресковой живописи и декоративно-прикладном искусстве. В 1551 г., во время канонической изоляции Русской православной церкви, по инициативе Ивана Грозного этот тип креста стал широко воздвигаться на куполах русских церквей, использоваться в российской государственной и военной символике. Впоследствии данный образ православного креста выступал как отличительная особенность культурного и са-крального ландшафта России.

Характерным для восьмиконечного креста является наличие нижней косой перекладины (подножия), помимо двух верхних горизонтальных: верхней, меньшей, и средней, большей. По преданию, при распятии Христа над крестом прибили табличку на трех языках (греческом, латинском и арамейском) с надписью: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». Под ноги Христа была прибита перекладина.

На Русском Севере получил распространение восьмиконечный крест, считавшийся также и старообрядческим. Подобные кресты были как на храмах, так и отдельно стоящими. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста – восьмой конец – заключался в сруб, укрепленный изнутри и снаружи камнями. Строители церковных крестов высоко чтит церковные каноны, соблюдали принятые пропорции, обязательно украшали крест резьбой. В качестве надписей использовались изречения из Евангелия, целые предложения или их части, записанные с помощью сокращений и определенных символов – криптограмм. Они создают облик таинственности, святости и неповторимости креста. Украшение же креста письменами и орнаментами – это не только исполнение общепринятого канона, но и способ выражения мыслей и чувств, форма обращения к Богу, к предкам и потомкам. Вероятно, в этом и состоит основное предназначение креста, его необычайная привлекательность и ценность.

В XIX в. на Мезени было налажено ремесленное производство деревянных крестов. По полевым исследованиям были установлены центры их изготовления – деревни Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. После изготовления кресты сплавлялись по реке Мезень к местам назначения. В д. Кельчемгора (Заозерье) в конце XIX – середине XX в. работали резчики: отец – Иван Кузьмич, и сын – Михаил Иванович Орловы [24, 39–42]. И.К. Орлов – резчик и крестьянский художник, автор росписей из-

вестного дома В.Я. Клокотова (в настоящее время памятник музея «Малые Корелы»), свое мастерство он передал сыну, который расписывал интерьеры домов, крестьянскую утварь. Он резал также обетные и кладбищенские кресты, часть из них сохранилась на кладбище д. Заозерья.

Один из известных – крест из д. Кельчемгора Мезенского района конца XIX в. (рис. 3). Крест классический для Русского Севера, восьмиконечный, с двух-

скатной кровлей, украшенной резными причелинами. В центре вырезано распятие. Фигура Иисуса Христа изображена анатомически точно с крестьянской основательностью и непосредственностью. Лицо с крупными чертами, волосы, спадающие большими прядями на плечи, помогают создать образ суровый, полный внутренней силы и значительности. По художественным достоинствам это – один из лучших мезенских крестов. Его высота 3,88 м.

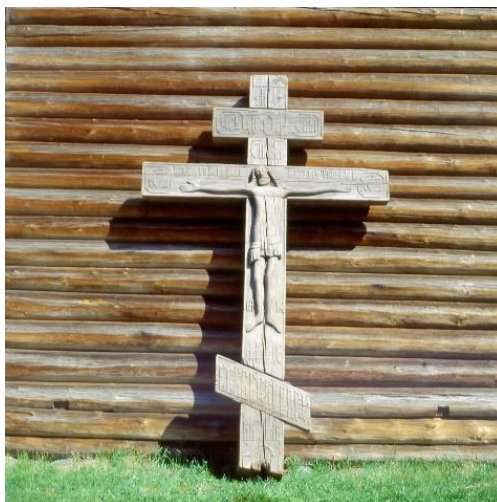

Рис. 3. Обетный крест, д. Кельчемгора, Лешуконский р-н, конец XIX в. Фото автора

Рис. 4. Крест в поле у семейных угодий, с. Кимжа, Мезенский р-н, начало XX в. Фото автора

Уникальное историческое поселение Кимжа (Мезенский район, Архангельская область) обладает одним из наиболее архаичных сельских архитектурных комплексов России. Здесь сохранилась традиционная планировка поселения, народная архитектура XVIII–XX вв.: Одигитриевская церковь (1709), крестьянские дома, амбары, бани, ветряные мельницы, обетные и кладбищенские кресты [1]. Всего было выявлено и обследовано около 20 крестов, часть из них обмерена.

В Кимже существовал обычай хоронить умерших рядом с домом, гумном, овином, амбаром, за околцей, у мельниц. Это был своеобразный языческий оберег, удаленный от больших дорог Кимжи, от невзгод, неурожая, опасностей. Подтверждением этому служат просьбы жителей похоронить их рядом с собственным полем, дорогой к земельным угодьям (рис. 4).

Например, отец Татьяны Андреевны Паюсовой – Андрей Никонорович Воронухин – по его завещанию похоронен «напротив своих родителей 1959 года», рядом с семейным наделом: «Похороните меня рядом с полем, я всю семью охранять буду». «В наше поле положите, я хочу на своем поле лежать». Захоронение на земельных семейных наделах местные жители объясняют так: «Гумна были в полях – на чищенках (расчищенный участок под поле), работаешь или идешь

мимо – лишний раз помянешь, от дела не отрываясь». «Кладбище было у каждого дома и у каждой семьи были семейные кладбища в Белой Виске» [43].

Кресты в Кимже часто строились из лиственницы, местоположение их было различным: в усадьбе, на дорожке, позади дома, в полях, около часовен. Иногда их ставили на «переду» дома, около «святого» угла. «Обетные кресты ставили из лиственницы, ставили их на праздник, на Прокопьев день, кто родился – ставили крест, тот крест хранили и затем увозили на кладбище. Ставили на главном фасаде, посредине дома» [44].

На Мезени и в Кимже зафиксирован интересный обычай – постановка фамильных крестов и их наследование. Первоначально кимженские крестьяне заказывали кресты и ставили их около домов в усадьбах. Кресты при этом выполняли охранительные и обетные функции. Иногда они просто хранились в хозяйственной части дома, на повети. Затем от дома вслед за хозяином они переносились на кладбище: «Крест стоял у дома, когда хозяйка умерла, его поставили на ее могилу». В этом случае на готовом кресте вырезали даты жизни и смерти и указывали, кого он сопровождает в последний путь. Позднее к таким крестам крепили фотографию, сделанную на керамической табличке, или металлическую пластину с надписью.

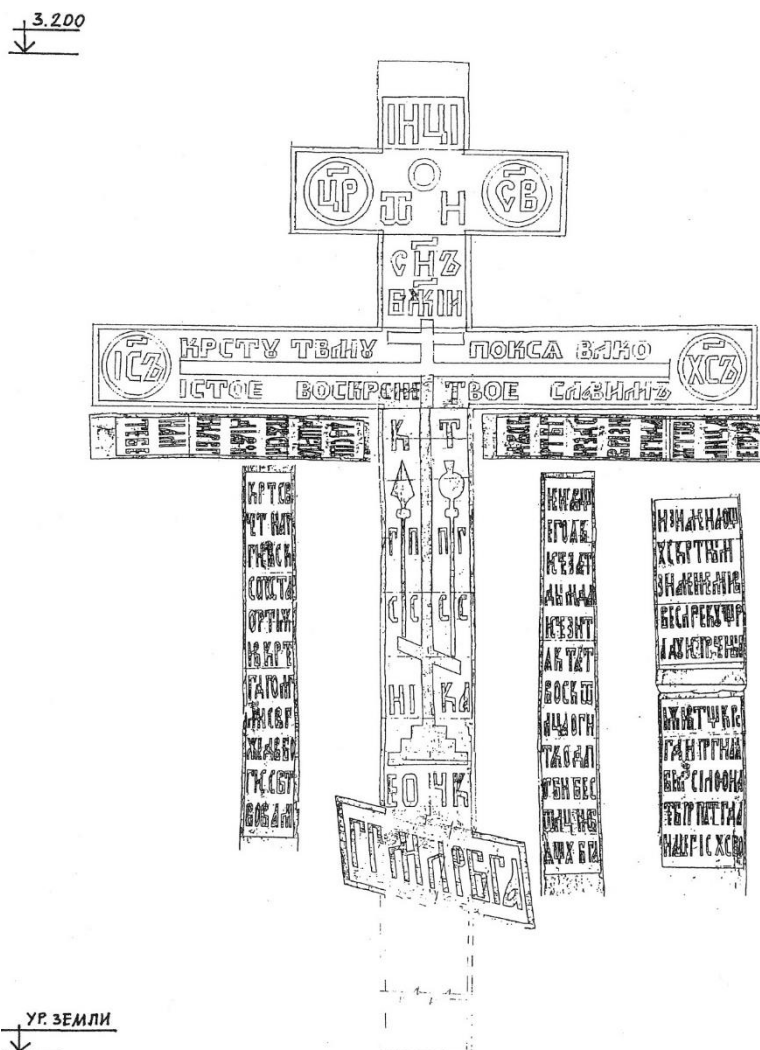

Рис. 5. Фамильный крест Немнюгиных, с. Кимжа, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Мезенские обетные и кладбищенские кресты по конструктивным и декоративным особенностям очень похожи. Подобные кресты находятся на месте массовых захоронений кимжан конца XIX – первой половины XX века, в Белой Виске и на Старом кладбище. Белая Виска – место массовых захоронений жителей деревни, оно не является кладбищем в традиционном понимании. Это объединение на одной территории земельных семейных угодий, здесь находились поля, овины, гумна и рядом – фамильные захоронения.

«Гумна были в полях – тут своих хоронили, близких. Мимо идешь и – помянешь. Помню в детстве, пришли как-то с папой ко кресту. Папа, что говорить? – “Читай, что на кресте написано, то и говори”. А на кресте написано: “Кресту твоему поклоняемся Владыко, Святое Воскресение твое славим. Аминь”. Кладбище сделали позже» [43]. «Раньше ячмень сеял, и у каждого свой овин был и гумно. И у этих овинов, кто свои умирал – хоронили, у своих овинов – родственников хоронили. Овины были за деревней. Потом – поля. А нынче и не пахется, все заросло, вот-так» [45].

Уникальный крест находится на кладбище в Белой Виске. Вся поверхность памятника покрыта резьбой. Текст молитвы, криптограммы покрывают заднюю часть креста, а также боковые стороны центральной и поперечной перекладин. На лицевой стороне маска смерти – голова Адама в виде солнца. Вероятнее всего, это обетный крест, стоявший ранее в другом месте, например в усадьбе, позднее перенесенный на кладбище. В ходе полевых исследований удалось установить, что этот крест принадлежал семье Немнюгиных. Он был центральным в семейном захоронении семьи, около него расположены пять могил (рис. 5).

На кладбище в Белой Виске выделяется семейное захоронение Окуловых периода 40–50 гг. XX в. Место крестов здесь намогильные столбики. Возможно, семья или ее глава был партийным работником, или это период активного периода запрещения поправки на кладбищах православных крестов.

В Кимже сохранилось два сакральных места, одно из них в районе кладбища в Белой Виске на Чертовом ручье. Для нейтрализации нечистого места рядом с многоствольной елью поставлен крест. *«Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то дьявольщина выделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест» [46. С. 154–155].*

Другое сакральное и особо почитаемое место находится в Заборе, на берегу р. Мезень, в 1,5 км от с. Кимжа. Здесь в 1887 г. купцом Савиным поставлен обетный крест *«в память о спасении от утопления в р. Мезени»*. Это характерный для Русского Севера восьмиконечный крест, высота 4,55 м. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста выполнено из цельного толстого бревна, обтесанного с четырех сторон. На кресте резное распятие, вверху – медный литой крест и оклад для несохранившейся иконы (рис. 6, 7). На центральной перекладине традиционные слова молитвы: *«Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и Свя-*

тое Воскресение твое славим». На обратной стороне большого перекрестия надпись: *«Изображение Воскресения молитвы»*. Поверхность креста покрыта криптограммами и словами молитвы. Вокруг особо почитаемого креста сделана ограда, внутри нее две скамейки. Свечи ставятся в металлический ящик, защищенный от ветра закрывающейся створкой.

После установления советской власти постройка крестов была запрещена, но кимженские крестьяне хранили их, прятали в хозяйственной части дома, а затем переносили на кладбище. Обетные кресты подвергались уничтожению и поруганию. Народный рассказ о поругании обетного креста в Заборе записан в 2006 г.: *«Это было году в 1937–1939. Летом пришла баржа с Усть-Ваики с лесом. Мужики пошли этот лес катать, за поясом они носили топоры. И один из мужчин – партийный работник – ступил на нижнюю перекладину креста и топором отрубил голову и посек руки Иисусу Христу. Голову бросил наотмашь в реку. А мы были детьми, увидели это – и побежали в деревню, сказали старикам. Один из них, Паюсов Александр Максимович, был очень набожный, он побежал на это место, подобрал из реки голову Иисуса Христа и приколотил ее обратно к кресту. А руки так и остались посечены» [47].*

С особой почитательностью кимженскому кресту поклоняются и в настоящее время. Подтверждением этому служит традиция ежегодно на Пасху шить рубашку из белого полотна с вышитым крестом посередине и надевать ее на крест. Прихожане несут к святому месту приношения: деньги, конфеты, свечи, детские игрушки, отрезки материи, платки. *«Овещаются – те, у кого что болит»*.

В 2000 г. в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» на высоком естественном угоре р. Корелки был установлен и освящен обетный крест, аналогом которого послужил крест д. Козьмогородская Мезенского района (авторы проекта поправки креста – А.Б. Пермиловская, Н.А. Подобина, резчик В.Д. Лютиков). Мезенская деревня в музее под открытым небом является удачным примером реконструкции культурного ландшафта сельских исторических поселений, которые в естественной среде расположены по высокому берегу р. Мезень. Крест, сооруженный в 1899 г., ранее стоял на берегу реки Мезень в усадьбе И.С. Яшина. Он представляет собой типичный образец мезенского обетного креста. Это восьмиконечный крест, выполненный из четырехгранных брусьев, в основании которого цельный ствол лиственницы. В центре вырезаны орудия казни Иисуса Христа – крест, копье и трость, внизу – голова Адама. Сверху крест перекрыт кровлей на два ската, ее украшают причелины. На большом перекрестии – начало молитвы *«тохвала честному кресту»*. На лицевой и боковой сторонах креста вырезаны криптограммы. Высота креста 4,45 м, с подземной частью 6 м.

Экспозиция музея под открытым небом дает возможность моделировать культурный ландшафт и располагать памятники народного зодчества, в том числе обетные кресты, в природном естественном окружении [48].

Рис. 6. Крест, с. Кимжа, Мезенский р-н, 1887. Фото автора

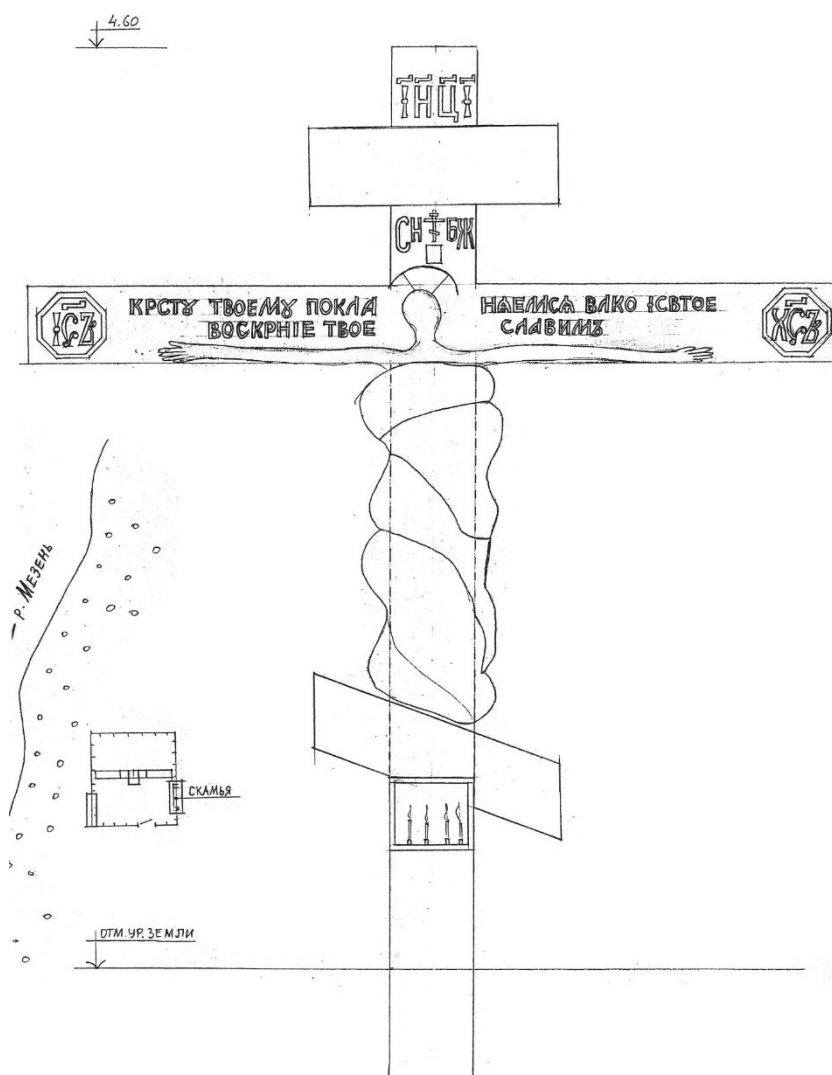

Рис. 7. Крест, с. Кимжа, Мезенский р-н, 1887. Обмеры Н. Подобиной

Уникальный и один из самых интересных сохранившихся крестов Русского Севера – крест из д. Кушкопала Пинежского района (в настоящее время – памятник музея «Малые Корелы»; рис. 8). Его высота – 6,10 м, с подземной частью около 8 м. Ранее крест стоял в двухэтажном амбаре. Лицевая и задняя стороны креста покрыты, как сплошным узором вязью, текстом молитвы – обращением к Богу. Наибольший интерес представляет задняя сторона креста, в центральной части которой вырезан текст пасхальной молитвы. Вероятно, здесь же содержится и датировка памятника, но в этой важной части резьба утрачена. Крест можно датировать серединой – второй половиной XIX в. В основании креста вырезано древо жизни. На боковых гранях с одной стороны – стройное хвойное дерево, с другой стороны – лиственное, где сердцевидные листья образуют пышную крону. Крест выполнен из

лиственницы. Он был перевезен музей в 1978 г. главным хранителем И.В. Даниловым, точнее, спасен от неминуемой гибели. К этому времени амбар, в котором находился крест, был разрушен. Крест лежал на земле, сломанный у основания. По рассказам местных жителей, однажды в этом месте застрял грузовик, и водитель, чтобы вытащить застрявшую машину, привязал ее к тогда еще стоявшему кресту. Крест рухнул, переломившись у основания.

Крест производит очень сильное впечатление, надпись на центральной перекладине: «Крест – хранитель всей вселенной, красота церковная», – отражает сущность и художественные достоинства этого памятника. Это подлинное произведение северного церковного зодчества и образец монументальной резьбы по дереву, сохранивший древнюю символику древа жизни в православной традиции [48].

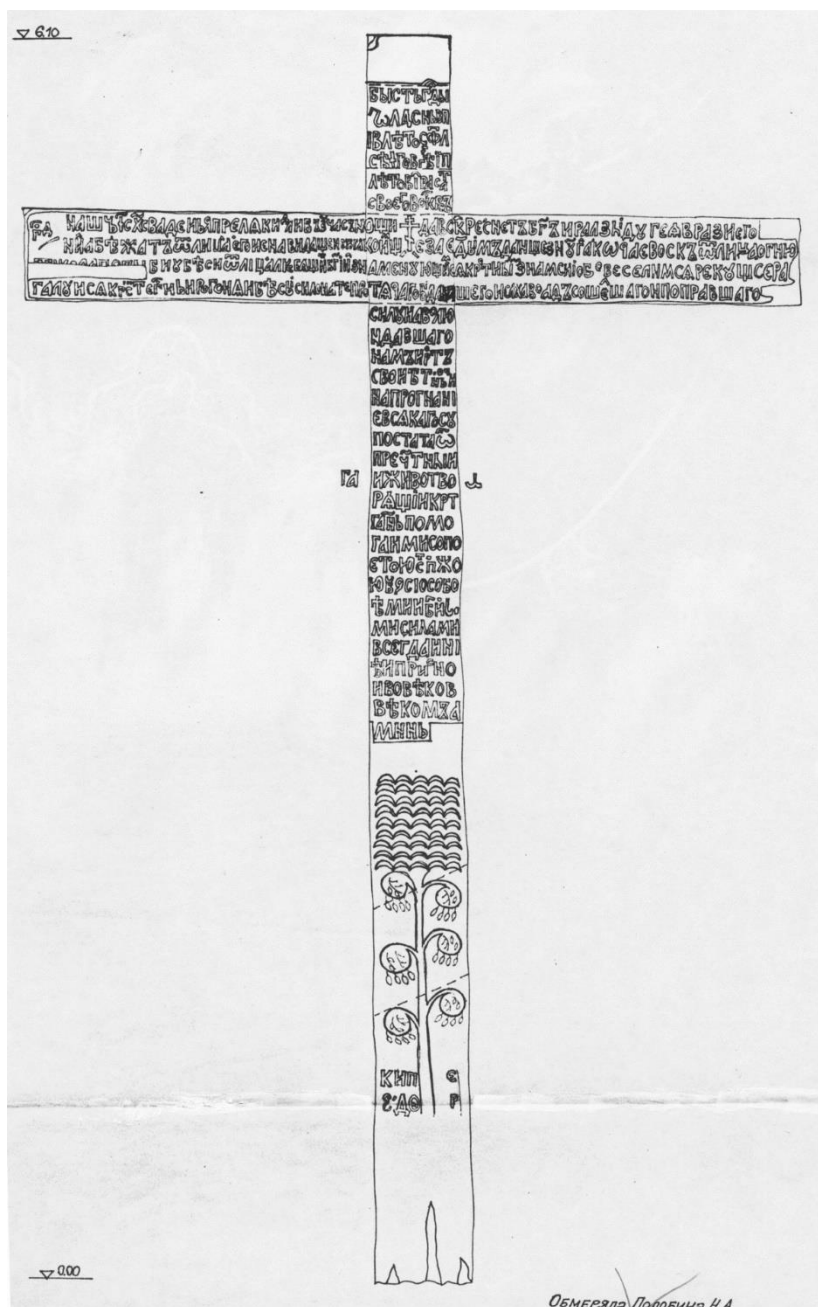

Рис. 8. Крест, д. Кушкопала, Пинежский р-н, конец XIX в. Обмеры Н. Подобиной

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, она моделирует «пространство и время, воплощая универсальную концепцию мира. При этом мировое дерево означает ось мира и сам мир» [35. С. 41].

Тожественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными изображениями в православной архитектуре, скульптуре, иконописи. В качестве примера можно привести кресты с полумесяцем в окружении растительно-геометрического орнамента на куполах русских церквей. Это так называемые «процветшие» кресты, из основания которых произрастают побеги. Они символизируют возрождение жизни – воскресение Христа из мертвых. Крест Господень в православном каноне иногда величают «животворящий», «живоносный сад». Некоторые кресты, щедро усеянные такими побегами, виноградной лозой, солнечными знаками, действительно напоминают цветы в весеннем саду. В ряде случаев северные деревянные кресты имели форму дерева-креста (Людогощинский крест) или символику древа жизни, вырезанную на его поверхности (крест из д. Кушкопола, Пинежский район). Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская, Мезенский район) [4, 48]. По информации местных жителей, крест в центре д. Едома (Пинежский район; конец XIX в.) был сделан из растущей лиственницы, чем обусловлена его долговечность [12].

Ряд обетных (вотивных) приношений к крестам имеет гендерный характер. Женские и детские предметы (ткань, полотенца, одежда, пелены, куклы, конфеты, детские игрушки) на крестах свидетельствуют об использовании сакрального объекта женской группой. Такие кресты были расположены в поселении или в непосредственной близости от него. Этот обычай касался всех функциональных типов крестов, кроме

промысловых. Кресты, подконтрольные мужской группе, расположены вдали от селений, на островах и морском побережье, они были лишены тканевых и иных приношений [33, 34].

В то же время в эту группу не входят кресты, расположенные в крестьянских усадьбах около дома. По полевым материалам автора, подобные сакральные объекты в мезенских деревнях (Кимжа, Козьмогородская, Кельчемгора и др.), в Поморье (Верхняя и Нижняя Золотица и др.) не имеют обетных даров и стоят без приношений. Данный вопрос требует специального изучения [1].

По мнению академика В.Н. Топорова, «образ Христа обращен к сфере исторического, а сам крест на рубеже двух эпох приобретает черты временного и стадийного перекрестка, пограничного столба в эволюции диалога между человеком и Богом. Именно так и понимался образ Христа на кресте многими христианами авторами» [49. С. 13–14]. Крест показывает место человека в мире. В содержании креста суть – осмысление длящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. Архитектурная форма этого выражения была традиционной для многих народов – просто деревянный крест. На Русском Севере крест как один из главных символов православия занимал центральное место в традиционной культуре и ландшафте. В Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссии. Особой группой выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и на островах Белого и Баренцева морей. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : Правда Севера ; Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
2. Мильчик М.И. Обетные кресты Мезени // Декоративное искусство. 1974. № 2. С. 7–50.
3. Святославский А.В., Трошин А.А. Крест в русской культуре : очерк русской монументальной ставрографии. М. : Древлехранилище, 2000. 175 с.
4. Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // Архитектурное наследие : сб. ст. М. : Стройиздат, 2009. Вып. 50. С. 179–193.
5. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. I. 382 с.
6. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2003. Кн. II: Крест в православии. 372 с.
7. Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2005. Кн. III: Крест как личная святость. 700 с.
8. Гуреев Е.М. Поклонные кресты Русского Севера XVI–XVII вв.: обзор отечественной историографии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 11–23.
9. Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
10. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
11. Петров Д. Д. Обетные кресты Лешуконья // Вестник антропологии. 2015. № 1 (29). С. 50–68.
12. Петров Д.Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 2015. 30 с.
13. Шляпкин И.А. Древние русские кресты. СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1906. 38 с.
14. Сперанский М.Н. Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на запад // Археологические известия и заметки Московского Археологического о-ва. 1895. № 12. С. 395.
15. Потравнов А.А., Хмельник Т.Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М. : Вече, 2018. 368 с.
16. НПЛ младшего извода. Комиссионный список // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 103–427.
17. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М. : Наука, 1964. 102 с.
18. Пермиловская А.Б. Уникальные памятники архитектуры в собрании АГМДЗНИ «Малые Корелы». Архангельск : Архангельск. печат. двор, 2001. 31 с.
19. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 223 с.
20. Овсянников О.В., Ясински М.О. О деревянных крестах Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск : Правда Севера, 1995. С. 26–74.

21. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». № 809. Обмерные работы. Обетные кресты Мезенского и Лешуконского районов. 1989.
22. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». № 2376, 2377, 2378, 2379, 2389. Пермиловская А.Б. Паспорта на памятники архитектуры. Деревянные кресты Приморского района. 1989.
23. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Приморский район, д. Верхняя и Нижняя Золотица. 2001. С. 1–8.
24. Архив Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в д. Кельчегора Лешуконского района. 2002.
25. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество : сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1992. С. 51–53.
26. Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М. : Наука, 1988. 240 с.
27. Пермиловская А.Б. Деревянные кресты Русского Севера // Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 236–258.
28. Минаева Т.С. Языческие и христианские традиции поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – начале XIX вв. // Рябининские чтения – 2015 : материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 95–97.
29. Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря : Путевые очерки художника А.А. Борисова. СПб. : Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. 104 с.
30. Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. 1997. № 2. С. 59–62.
31. Рейнеке М.Ф. Гидрографическое описание северного берега России. СПб. : Морская тип., 1843. Ч. 2: Лапландский берег. 363 с.
32. Шергин Б.В. У Архангельского города. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 286 с.
33. Самойлова Е.В. Группы обетных крестов Белого моря: прогностические и темпоральные аспекты обрядовых практик в с. Щуерцеко Беломорского р-на республики Карелия // Традиционная культура. 2017. № 1. С. 23–37.
34. Филин П.А., Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре Русского Севера // Ставрографический сборник : сб. ст. М. : Изд-во Моск. Патриархии ; Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 166–198.
35. Фадеева Т.М. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. М. : Новалис, 2004. 256 с.
36. Панченко В.Б. Деревянные поклонные кресты Поволжья. СПб. : Каламос, 2016. 64 с.
37. Панченко В.Б. Памятники неизвестной кресторезной мастерской XVII–XVIII вв. Обетные кресты из Староладожского музея // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 354–367.
38. Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М. : Древлехранилище, 2000. 575 с.
39. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2004.
40. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2005.
41. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2006.
42. Полевые материалы автора. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский район. 2007.
43. Полевые материалы автора. Информант Клавдия Алексеевна Митькина 1934 г.р., м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2007.
44. Полевые материалы автора. Информант Евлалия Михайловна Дерягина 1921 г.р., м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2004.
45. Полевые материалы автора. Информант Мишукова Александра Александровны 1932 г.р., м.р. и м.п. – с. Кимжа Мезенский район, запись 2007.
46. Пермиловская А.Б. Строительные традиции и обрядность северного деревянного зодчества // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 150–158. DOI: 10.17223/19988613/58/22
47. Полевые материалы автора. Информант Сафонов Михаил Васильевич 1930 г.р., м.р. и м.п. – с. Кимжа Мезенский район.
48. Permilovskaya A.B. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century // 20-th Conference of the Association of European Open Museums. Hungary : Szentendre, 2001. P. 116–124.
49. Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1992. Т. 2. 719 с.

Anna B. Permilovskaya, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: annaperm@fciactic.ru

CROSS IN THE TRADITIONAL CULTURE AND LANDSCAPE OF THE RUSSIAN NORTH

Keywords: traditional culture, cultural landscape, wooden cross, Russian North, Arctic.

For about two centuries «the Russian North» is not only the set expression that has incorporated the peculiarities of the Russian mentality, but a concept reflecting meanings important for the national culture. Rural cultural landscape is a system that embraces a settlement, landscape, planning and toponymal structure, folk architecture, as well as ethnos, economic activity, language and spiritual culture. The research determines the place of the cross in traditional culture, settlement, and the landscape of the northern and Arctic territories. The paper is based on archival, museum sources and field materials.

The wooden crosses are typologically classified according to the following groups with regard of their meanings and the role they played: crosses of worship, promise, memorial, lighthouse, commemoration, protective crosses, cemetery, thanksgiving. The location of the wooden crosses could be as follows: in the place of the burnt church, by the roads, near or inside religious buildings, at the spring, outside a village, on a cattle pasture, in a forest, on a river bank, on a hill or a cape, among arable fields, in the peasant estates, at the entrance to the village, at the crossroads, on the seashore.

The research gives examples of the most ancient, famous and revered crosses: Ignach cross (1238), Lyudogoshchinsky cross (1359) – Veliky Novgorod, the cross set up by Peter the Great in the Unksa Bay on the White Sea coast (1694), the crosses of the Lower Volga region in Staraya Ladoga (XVII – beginning of the XVIII century), and new sacred objects: votive cross in the Zabor, the village of Kimza (1887), cemetery and promise crosses in the village of Kimzha, Mezen (end of the 19th – beginning of the 20th century), a cross in the village of Kushkopala, the Pinezhsky district (mid – second half of the 19th century), the cross of the village of Kozmogorodskaya, the Mezen district (1899), etc.

The cross as one of the main symbols of Orthodoxy occupied a central place in the cultural landscape of the North. In the Arctic, where the Orthodox maritime culture took shape, it reflected the special conditions of life and was the center of the surrounding space, fulfilling a protective and sacred mission in it.

Pomorye crosses set on the coast and islands of the White and Barents Sea make a separate group in the Russian North. The crosses are researched as monuments of architecture, Orthodoxy, objects of ritual practices, seafaring, navigational signs of Pomors, which were put on pilotage maps. It has been determined that votive offerings are gender-based. Female objects on crosses indicate the use of a sacred object by a female group. They were located in the settlement or in the immediate vicinity of it. Crosses controlled by the male group were devoid of cloth and other offerings and located far from villages, on islands or the seacoast.

REFERENCES

1. Permilovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the Russian North folk architecture]. Ekaterinburg: UrB RAS; Arkhangel'sk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
2. Milchik, M.I. (1974) Obetnye kresty Mezeni [Promise crosses of Mezen]. *Dekorativnoye iskusstvo*. 2. p. 50.
3. Svyatoslavsky, A.V. & Troshin, A.A. (2000) *Krest v russkoy kul'ture: Ocherk russkoy monumental'noy stavrografii* [The Cross in Russian Culture: Essay on Russian Monumental Stavrography]. Moscow: Drevlekhranilishche.
4. Permilovskaya, A.B. (2009) Derevyannye kresty Russkogo Severa [Wooden Crosses of the Russian North]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 50. pp. 144–160.
5. Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche.
6. Gnutova, S.V. (ed.) (2003) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 2. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche.
7. Gnutova, S.V. (ed.) (2005) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 3. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche.
8. Gureev, E.M. (2018) Bow crosses of Russian North of the 16th – 17th centuries. A review of Russian historiography. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*. 81. pp. 11–13. (In Russian). DOI: 10.15382/sturII201881.11-23
9. Golubkova, O.V. (2009) *Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov* [Soul and Nature: Ethnocultural Traditions of the Slavs and Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
10. Golubkova, O.V. (2006) Etnokul'turnoe vzaimodeistvie severnykh komi-zyrian i russkikh v sfere sakral'nogo simvolizma [Ethno-cultural interaction of the northern Komi-Zyrians and the Russians in the realm of sacral symbolism]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 101–111.
11. Petrov, D.D. (2015a) Obetnye kresty Leshukon'ya [Votary crosses of Leshukonye]. *Vestnik Antropologii – The Herald of Anthropology*. 1(29). pp. 50–68.
12. Petrov, D.D. (2015b) *Sakral'naya geografiya vostochnykh rayonov Arkhangel'skoy oblasti* [Sacred geography of the eastern regions of Arkhangel'sk Region]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
13. Shlyapkin, I.A. (1906) *Drevnie russkie kresty* [Ancient Russian Crosses]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Speransky, M.N. (1895) Pridorozhnye kresty v Chekhii i Moravii i vizantiyskoe vliyaniye na zapad [Roadside crosses in the Czechia and Moravia and the Byzantine influence on the West]. *Arkheologicheskie izvestiya i zametki Moskovskogo Arkheologicheskogo o-va*. 12. pp. 395.
15. Potravnov, A.A. & Khmel'nik, T.Yu. (2018) *Bezmolvnye strazhi proshlogo. Monumental'nye kamennye kresty* [Silent Guardians of the Past: Monumental Stone Crosses]. Moscow: Veche.
16. Russia. (1950) NPL mladshogo izvoda. Komissionnyy spisok [Novgorod First Chronicle of the late izvod. Commission list]. In: Nasonov, A.N. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvoda*. Moscow; Leningrad: [s.n.]. pp. 103–427.
17. Rybakov, B.A. (1964) *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv.* [Russian dated inscriptions of the 11th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
18. Permilovskaya, A.B. (2001) *Unikal'nye pamyatniki arkhitektury v sobranii AGMDZNI "Malye Korely"* [Unique architectural monuments in the collection of AGMDZNI "Small Korely"]. Arkhangel'sk: Arkhangel'sk. pechat. dvor.
19. Terebikhin, N.M. (1993) *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoy kul'tury* [Sacred geography of Russian North: religious and mythological space of North Russian culture]. Arkhangel'sk: Pomor State University.
20. Ovsyannikov, O.V. & Yasinski, M.O. (1995) O derevyannykh krestakh Russkogo Severa [On wooden crosses of the Russian North]. In: Koltsov, T.M. *Reznye ikonostasy i derevyannaya skulptura Russkogo Severa* [Carved Icon-Stands and Wooden Sculpture of the Russian North]. Arkhangel'sk: Pravda Severa. pp. 26–74.
21. The Archive of the Arkhangel'sk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely": No. 809. Measurement works. The votive crosses of the Mezensky and Leshukonsky districts.
22. Permilovskaya, A.B. (1989) Pasporta na pamyatniki arkhitektury. Derevyannye kresty Primorskogo rayona [Passports for architectural monuments. Wooden crosses of the Primorsky region]. *The Archive of the Arkhangel'sk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*. № 2376. 2377, 2378, 2379, 2389.
23. Permilovskaya, A.B. (2001) Otchet po ekspeditsii v Primorskiy rayon, d. Verkhnyaya i Nizhnyaya Zolotitsa [Report on the expedition to the Primorsky region, the villages of Verkhnyaya and Nizhnyaya Zolotitsa]. *The Archive of the Arkhangel'sk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*. pp. 1–8.
24. Permilovskaya, A.B. (2002) Otchet po ekspeditsii v d. Kel'chemgora Leshukonskogo rayona [Report on the expedition to the village of Kel'chemgora, Leshukonsky district]. *The Archive of the Arkhangel'sk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Small Korely"*.
25. Orfinsky, V.P. (1992) Narodnoe derevyannoe kul'tovoe zodchestvo Rossiyskogo Severa: istoki razvitiya [Folk wooden religious architecture of the Russian North: the origins of development]. In: Orfinsky, V.P. (ed.) *Narodnoe zodchestvo* [Folk Architecture]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 51–53.
26. Dmitrieva, S.I. (1988) *Fol'klor i narodnoye iskusstvo russkikh Evropeyskogo Severa* [Folklore and folk art of the Russians in the European North]. Moscow: Nauka.
27. Permilovskaya, A.B. (2001) Derevyannye kresty Russkogo Severa [Wooden Crosses of the Russian North]. In: Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche. pp. 236–258.
28. Minaeva, T.S. (2015) Yazycheskie i khristianskie traditsii pomorskikh promyslov na Shpitsbergene v XVIII – nachale XIX vv. [Pagan and Christian traditions of Pomorye crafts on Svalbard in the 18th – early 19th centuries]. *Ryabininskie chteniya – 2015* [The Ryabinin Readings – 2015]. Proc. of the Conference. Petrozavodsk. pp. 95–97.
29. Borisov, A.A. (1907) *U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo morya : Putevye ocherki khudozhnika A.A. Borisova* [At the Samoyed. From Pinega to Kara Sea. Travel essays by the artist A. A. Borisov]. St. Petersburg: A.F. Devrien.
30. Ushakov, I.F. (1997) Kol'skiy krest [The Kola Cross]. *Nauka i biznes na Murmane*. 2. pp. 59–62.
31. Reineke, M.F. (1843) *Gidrograficheskoe opisanie severnogo berega Rossii* [The hydrographic description of the Russian northern coast]. Part Vol. 2. St. Petersburg: Morskaya tip.
32. Shergin, B.V. (1985) *U Arkhangel'skogo goroda* [At the Arkhangel'sk]. Arkhangel'sk: Severo-Zapad book Publ.
33. Samoylova, E.V. (2017) Groups of votive crosses onshore the White Sea: Predictive and temporal aspects of ritual practices in the village of Shueretskoe of Belomorsk District of the Republic of Karelia. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 1. pp. 23–27. (In Russian).
34. Filin, P.A. & Frizin, N.N. (2001) Krest v promyslovoy kul'ture Russkogo Severa [Cross in the commercial culture of the Russian North]. In: Gnutova, S.V. (ed.) (2001) *Stavrograficheskiy sbornik* [Stavrographic Collection]. Vol. 1. Moscow: Moscow Patriarchate. Drevlekhranilishche. pp. 166–198.
35. Fadeeva, T.M. (2004) *Obraz i simvol. Universal'nyy yazyk simvoliki v istorii kul'tury* [Image and symbol. The universal language of symbolism in the history of culture]. Moscow: Novalis.
36. Panchenko, V.B. (2016) *Derevyannye poklonnye kresty Povolkhov'ya* [Worship wooden crosses of Volkhov]. St. Petersburg: Kalamos.
37. Panchenko, V.B. (2016) Pamyatniki neizvestnoy krestoreznoy masterskoy XVII–XVIII vv. Obetnye kresty iz Staroladozhskogo muzeya [Monuments of the unknown cross-cutting workshop of the 17th – 18th centuries. Worship crosses from the Old Ladoga Museum]. In: Musbakhova, V.T. (ed) *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoy Evrazii* [Ladoga in the Context of the History and Archeology of Northern Eurasia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

38. Lavrov, A.S. (2000) *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700–1740 gg.* [Sorcery and Religion in Russia 1700–1740]. Moscow: Drevlekhramilishche.
39. Permilovskaya, A.B. (2004a) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
40. Permilovskaya, A.B. (2005) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
41. Permilovskaya, A.B. (2006) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
42. Permilovskaya, A.B. (2007a) *Polevye materialy avtora. Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy rayon* [Field data. Report on the expedition to the Mezensky District].
43. Permilovskaya, A.B. (2007b) *Polevye materialy avtora. Informant Klavdiya Alekseevna Mit'kina 1934 g.r., m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon, zapis' 2007* [Field data. Informant Klavdiya Alekseevna Mitkina, born 1934, from Kimzha, Mezenskiy District].
44. Permilovskaya, A.B. (2004b) *Polevye materialy avtora. Informant Evlaliya Mikhaylovna Deryagina 1921 g.r., m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Evlaliya Mikhailovna Deryagina, born 1921, from Kimzha, Mezenskiy District, entry 2004].
45. Permilovskaya, A.B. (2007c) *Polevye materialy avtora. Informant Mishukova Aleksandra Aleksandrovna 1932 g.r., m.r. i m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Mishukova Alexandra Alexandrovna, born 1932, place of birth and place of residence – Kimzha, Mezenskiy District, entry 2007].
46. Permilovskaya, A.B. (2019) Construction traditions and ritual of the Northern wooden architecture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 150–158. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/58/22.
47. Permilovskaya, A.B. (n.d.) *Polevye materialy avtora. Informant Safonov Mikhail Vasilievich 1930 g.r., m.r. i m.p. – s. Kimzha Mezenskiy rayon* [Field data. Informant Mikhail Vasilievich Safonov, born 1930, of birth and place of residence – Kimzha, Mezenskiy District].
48. Permilovskaya, A.B. (2001) Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century. *The 20th Conference of the Association of European Open Museums*. Hungary: Szentendre. pp. 116–124.
49. Toporov, V.N. (1992) Krest [Cross]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovet. entsikl.

\

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

DOI: 10.17223/19988613/75/20

О.М. Аношко, С.В. Берлина, С.И. Цембалюк

К ПРОБЛЕМЕ ЗАУРАЛЬСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ: ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИИ ГОРОДСКИХ СТРУКТУР

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум», № 121041600045-8.

Предложена гипотеза, характеризующая динамику урбанизационных процессов в Зауралье в широком хронологическом диапазоне – от зарождения протогородских структур в конце II тыс. до н.э. до появления первого российского военного, политического, административного, торгово-ремесленного и культурного центра Сибирского края. На основе анализа археологических материалов установлены причины и предпосылки появления поселений предгородского и городского типов, определены их историко-культурные особенности и функциональное назначение в разные хронологические периоды.

Ключевые слова: Зауралье, модель урбанизации, протогорода, городские структуры

Введение

Проблемам урбанизации посвящено множество работ как в отечественной, так и в зарубежной литературе, а само понятие «город» предстает сложным и многогранным явлением. Тем не менее в учебниках, научно-популярных книгах, энциклопедических словарях и научных публикациях дано практически одно и то же определение поселения городского типа с некоторыми вариациями. Этот термин, как и сами критерии выделения города, подвергался изменениям со временем. Исторически он происходит от наличия на площади поселения оборонительных сооружений – рва, вала, деревянной стены [1. С. 140], а этимология слова «город» – «град» дословно означает огороженное, защищенное место [2. С. 17–16]. С развитием урбанизации города «обрастали» новыми функциями, каждая из которых в тот или иной исторический период могла быть преобладающей, и становились многофункциональными центрами. В XX в. под этим термином в основном понимают крупный населенный пункт, жители которого преимущественно не заняты сельскохозяйственной деятельностью [3. С. 281].

Зарождение процесса урбанизации в Зауралье и Сибири в целом исследователи связывают с началом российской колонизации, когда в конце XVI в. здесь появились первые города и остроги. Концепция, характеризующая генезис и развитие урбанизации в этом регионе до прихода русских, практически не рассматривается. Но по археологическим данным известны памятники древнего периода, раннего и позднего Средневековья, безусловно, не имеющие больших размеров, но наделенные характерными для городского поселения признаками: наличием ремесла, торговли,

власти, предметов военного оснащения (и, соответственно, военного дела как специализации), элементов городской застройки, фортификационных сооружений. Однако построение модели урбанизации на региональном уровне возможно только в хронологической последовательности: от зарождения протогородских структур до появления первой сибирской российской столицы.

Широкий хронологический диапазон раскопанных в лесостепном и подтаежном Зауралье памятников позволяет рассмотреть поселения городского типа как по отдельности, так и в сравнении с поселенческими структурами предшествующего и последующего времени и способствует реконструкции исторического процесса урбанизации. Крепости являлись центрами возникновения и трансляции культурных инноваций, обуславливавших изменения в древних и средневековых обществах и определявших развитие региона в целом.

Изучение градообразования в Зауралье приобретает особое значение еще и потому, что по своему географическому положению этот регион находится в зоне межкультурных и межцивилизационных контактов, где активно взаимодействовали носители многих культур, развивавшихся в разных ландшафтных зонах: в лесу, лесостепи и степи. Археологические источники свидетельствуют, что основное место локализации укрепленных поселков – лесостепная полоса, с запада ограниченная горами Урала, с юга – обширными степями Казахстана, с севера – массивом тайги. Это крупный микрорайон, по которому протекают реки Исеть, Тобол, Ишим, большое количество притоков, имеется много озер. Территория благоприятна для ведения разных видов хозяйственной деятельности: скотоводства, охоты, рыболовства, собирательства дикоросов.

Изменения климатических условий в лесостепи и на сопредельных территориях в древности приводили к подвижкам населения с севера и юга, в результате чего шел активный процесс культурогенеза. С одной стороны, сюда чаще проникали нововведения, с другой – нередко возникала социальная напряженность между коллективами. Эти факторы стимулировали процесс зарождения и развития укрепленных поселков.

Вопросы методологии.

Для построения любой исторической модели необходима репрезентативная источниковая база. Археологический материал, характеризующий различного рода поселения, фортификации, жилищные, производственные и иные комплексы, материальную и духовную культуру и хозяйственную деятельность древнего и средневекового населения Зауралья, служит надежным основанием для изучения процесса урбанизации этого региона. Письменные источники позднего Средневековья и Нового времени вместе с данными археологии и этнографии позволяют получить сведения о городских поселениях аборигенного населения, установить особенности возникновения первых русских сибирских городов – Тюмени и Тобольска, выявить закономерности и тенденции их развития, место и значение в истории периода освоения русскими Сибири.

Неоспорим тот факт, что для всестороннего анализа зауральского городского поселения той или иной эпохи, определения причин и обстоятельств его появления, а также особенностей поселенческих структур на разных этапах урбанизации необходим междисциплинарный подход. Привлекая разные методологические подходы, естественнонаучные и гуманитарные методы, можно проследить достаточно длительные стадии протогородского и раннегородского существования, выявить признаки трансформации предгородского поселения собственно в город, вычленив историко-культурные особенности городских структур бронзового и раннего железного веков, раннего и позднего Средневековья, Нового времени. Комплексный анализ археологических, письменных, картографических и иных материалов способствует исследованию разных аспектов процесса урбанизации как в конкретном территориально-хронологическом плане, так и в историческом масштабе. В подобного рода исследованиях используются культурологический, структурный, системный, феноменологический, синергетический, ареальный и другие подходы [4], а также разнообразные методические приемы: традиционно-исторические, типологические и экспериментально-трассологические методы, поиск аналогий, статистические приемы обработки данных, палинологические, палеозоологические, палеоботанические и химические анализы, способы картографирования, абсолютное и относительное датирование и ряд других [5].

Немаловажно при изучении урбанизационного процесса установить межкультурные контакты, явления аккультурации, воздействие одной культуры на другую, заимствования протогородских и городских форм жизнеустройства и преемственности в их развитии,

а также рассмотреть поселенческие структуры древних и средневековых обществ в следующих ракурсах: территориально-поселенческом (геоландшафтном, экологическом и демографическом), производственно-экономическом, архитектурном, историческом, социологическом и др. На следующем шаге возможна разработка типологии протогородов и городов по таким показателям, как размеры и плотность заселения поселков, производственная, хозяйственная и торговая деятельность их жителей, особенности архитектурно-планировочной композиции и фортификационной системы поселений, их административно-политическое, религиозное значение и уровень социальной стратификации коллективов.

Если двигаться в этом направлении, то урбанизационные процессы раскрывают основные этапы, пространственные закономерности и плотность заселения территории Зауралья в тот или иной период, систему жизнеобеспечения древнего и средневекового зауральского населения, особенности социальной, в том числе семейной, организации их жителей, административно-политический статус протогородов и городов в определенную эпоху. Интерпретация их функционального назначения подразумевает ответ на вопрос: являлись ли они центрами военной либо политической, административной, хозяйственной, торговой или культурной деятельности, – при этом необходимо учитывать влияние внешних и внутренних факторов, а также историко-культурные особенности поселенческих структур тех или иных конкретно-исторических обществ. Воссоздание архитектурного облика древних и средневековых поселенческих структур эффективно при типологизации построек и оборонительных сооружений и реконструкции их внешнего вида.

Укрепленные поселения Зауралья

Первые укрепленные поселения в лесостепном Тоболо-Ишимье появляются в эпоху поздней бронзы, в XI в. до н.э. Возникновение городищ связывают с природно-климатическими изменениями в конце II – начале I тыс. до н.э., получившими название «экологический стресс» [6]. Одно из самых ранних укрепленных поселений в зауральском регионе – городище Заводоуковское 11, принадлежавшее пахомовской культуре и датированное концом XI в. до н.э. В ходе исследований установлено, что небольшой пахомовский поселок располагался на невысокой гриве у старицы р. Ук, состоял из неукрепленного посада и крепости, защищенной сравнительно неглубоким рвом, огибавшим ее по дуге с напольной стороны. На дне рва, судя по обнаруженным ямкам, были установлены столбы, образующие бревенчатую стену типа тына или частокола. Впоследствии ров оказался заброшенным, а на расстоянии около 5 м от него был выкопан новый, рядом с которым на внутренней площадке насыпан земляной вал, при этом фортификационные сооружения стали более мощными и круговыми. Кто представлял опасность для жителей поселка, точно сказать невозможно, но, исходя из общих культурных процессов, происходивших на территории Тоболо-Исетья, предположительно это были черкаскульские коллективы. Возведе-

ние фортификационных сооружений, а также следы их перестроек, полагаем, указывают на обострение отношений, по неустановленной пока причине, «заводоуковской» пахомовской общины с ее соседями. При этом как на других участках Тоболо-Исетского междуречья пахомовские и черкаскульские коллективы мирно сосуществовали и занимали разные экологические ниши, что объясняется различиями в их системах жизнеобеспечения [7].

На бархатовских укрепленных поселениях (Миасское, Красногорское) выявлены все элементы, свойственные фортификационной системе древности: рвы, валы, дополнительные деревянные и земляные сооружения [8. С. 204–205]. Небольшие размеры рвов и валов указывают на малую вероятность существования трудно преодолимых заграждений, характерных, например, для населения эпохи бронзы Южного Кавказа и Восточной Европы [9, 10]. Тем не менее использование высоких крутых берегов и дополнительное укрепление вала бревенчатой стеной усиливали защиту бархатовских городищ от нападений. Появление фортификаций на заключительном этапе бронзового века фиксируется не только у представителей бархатовской культуры, но и у их соседей – сузгунского (Абатское 6, Чудская гора, Чеганово 3), гамаюнского (Андреевские городища 5 и 7, Палкинское, Фунтусовское и др.) населения и у приишимских групп, оставивших памятники с крестовой керамикой [11. С. 33–41; 12. С. 58–59; 13. С. 39; 14. С. 101; 15]. Все это говорит об усилении военной опасности, которую почувствовало население разных районов Западной Сибири в конце эпохи бронзы. Причину появления крепостей в этот период большинство исследователей соотносят с климатическими изменениями – повышением уровня воды в реках, следствием чего стала миграция на юг таежных групп – носителей крестовой керамики, что привело к возникновению здесь социальной напряженности и строительству местным населением фортификаций с целью защиты от чужеземцев [16. С. 105; 17. С. 42]. При этом городища данного периода отличаются от более поздних, относящихся к раннему железному веку, менее мощными укреплениями и являются не столь многочисленными. В первую очередь они выполняли функцию жилого поселка, и лишь затем – оборонительную.

В переходное от бронзового к раннему железному веку время получили распространение поселения, защищенные фортификациями круговой планировки (известно более 45) [18. С. 153]. Они были оставлены носителями иткульской культуры, соорудившими, судя по небольшим параметрам валов и рвов, деревянные заборы с канавкой у основания [19]. Данные крепости локализовались в основном на границе тайги и лесостепи, зачастую имели упорядоченную планировку: жилища располагались по кругу с внутренней стороны фортификаций, а в центре – большая незастроенная площадка, возможно, для содержания и охраны скота. Для памятников иткульской культуры характерны как одиночные, так и сдвоенные площадки, достигавшие от 1 до 9 тыс. кв. м, реже до 64 тыс. кв.м.

В этот же период появились первые укрепленные поселки населения байтовской культуры, которые на

раннем этапе ее существования обносились заборами-частоколами, установленными в неглубокий ров, грунт из которого использовался для насыпи вала (Боровушка, Бочанецкое). На байтовских городищах, помимо обычной хозяйственной деятельности (гончарство, обработка шкур, дерева), зародилось металлообрабатывающее ремесло [20]. То есть укрепленные поселения становились ремесленными центрами. Уже в начале раннего железного века, на поздней стадии функционирования байтовской культуры, мощность оборонительных линий резко возросла, появились предвратные башни (Лихачевское, Большой Имбиряй 3) [21. С. 58; 22]. Во-первых, это связано с развитием экономики и сменой характера скотоводства, что вызвало социальную стратификацию общества, а во-вторых, с проникновением в лесостепь степных коллективов, с формированием саргатской общности, что могло вызвать социальную напряженность в среде населения.

В зауральской лесостепи в эпоху раннего железа одновременно проживали носители байтовской, гороховской и саргатской культур, что привело к росту плотности обитателей и, как следствие, к увеличению количества поселений и крепостей в несколько раз по сравнению с бронзовым веком. Если для эпохи поздней бронзы нами зафиксировано 12 городищ, то в раннем железном веке отмечено более 70 единиц, а для средневекового периода – 35 [23]. Около половины городищ раннего железного века было оставлено смешанным населением, что свидетельствует о контактах и ассимиляции в среде древнего общества. Но, вероятно, не все контакты носили мирный характер, так как для этого времени фиксируются эволюция и многообразие решений в устройстве фортификаций. Ряд анализов средствами ГИС показал, что ведущими факторами в расположении городищ были безопасность и пригодность рельефа для устройства укреплений, а также экологическая емкость территории, наличие природных богатств. Основная функция поселков заключалась, на наш взгляд, в сохранении жизни и имущества. Полагаем, что со временем отдельные городища постепенно трансформировались в политические и экономические центры. Анализ возможностей телекоммуникации показал, что население городищ могло сигнализировать другим поселкам об опасности. Гипотеза же о расположении на пересечении важных экономических путей или возникновение как форпостов освоения территории не подтвердилась [23]. Скорее, наоборот, население городищ, расположенных в удобном и экологически емком месте, постепенно увеличивалось (в том числе за счет возникновения селищ за пределами фортификаций), и крепости приобретали новые функции.

В III веке до н.э. – I веке н.э. основным населением Зауралья стали представители гороховской и саргатской культур, имевшие торговые связи с Приуральем, сакским степным миром, Китаем и Передней Азией [24. С. 291–300]. В этот период наблюдается своеобразный «расцвет» конструкций и вариаций фортификаций: укрепления в плане округло-овальных, трапециевидных, подтреугольных форм, с выступами-башнями, часто двух-трехплощадочные, появилась эшелониро-

ванная оборона. Из элементов укрепления зафиксированы эскарпирование склонов, строительство стен в виде плетней, частоколов, стен в пазово-шиповой технике, сооружение клетей, заполненных землей, при этом оборонительные стены могли располагаться как на валу, так и во «фру» – канавке по периметру поселка. То есть реализовывались различные схемы-сочетания элементов укреплений: вал с сооруженной на нем стеной и рвом у основания, стеной, установленной в канавку по периметру поселка, стеной, установленной с внутренней стороны рва. Зафиксированы укрепление стенок рва деревом, создание сложных входов и выступов в оборонительных линиях, интерпретируемых некоторыми исследователями как прообраз бастиона (башни) [25. С. 16]. Так, на Коловском городище зафиксированы стена в технике заплота, стена-плетень, стена с клетями, заполненными мусором в теле вала, поверх, вероятно, укрепленная частоколом / плетнем(?), у основания стен проходили рвы, для одного из них зафиксировано укрепление стенки деревом, между стеной и рвом отмечена берма [25, 26]; городище Ак-Тау по периметру было обнесено стеной-плетнем, установленной на вал, а ров у основания был облицован деревом [27. С. 129]. На Рафайловском городище зафиксировано несколько этапов перестройки фортификаций, из элементов отмечены стена, сооруженная в технике заплот, установленная на валу, укрепление стенок рва деревом на участке у въезда [28]. Для периода эпохи раннего железного века Старо-Лыбаевского городища Н.П. Матвеевой реконструирована стена, усиленная башней [29]. На гороховско-саргатском городище Павлиново исследователями реконструированы срубные деревянные конструкции в теле вала, позволяющие повысить его высоту и мощность, поверх вал был укреплен частоколом, ров, предположительно, облицован деревом [30. С. 248]. На городищах Чудаки, Мало-Казахбаевское, Марьино Ущелье 4 зафиксировано строение фортификаций в виде частокола, установленного в канаву глубиной до 2 м [31–34].

На наш взгляд, в этом многообразии фортификационных элементов и вариативности их совмещения отражается поиск оптимальных архитектурных решений для повышения обороноспособности поселков. При исследовании памятников выделены элитарная военизированная верхушка общества, слой рядовых воинов и простых жителей, кроме того, в могильниках и на поселениях раннего железного века зафиксированы предметы роскоши, военное вооружение, предметы импорта [24, 35]. Эти факторы указывают не только на социальную стратификацию общества, но и на наличие ремесла, военного дела, торговли, которые также являются признаками городов. При этом данные признаки характерны не для всех укрепленных поселений. В лесостепной зоне известно около 40 крепостей данного периода, среди них только шесть городков имеют признаки крупных социально-политических центров (городища Батаково, Коловское, Марьино ущелье, Павлиново, Рафайловское, Чудаки). На их цитадели прослежены следы ремесла, упорядоченная застройка, наличие элитных жилищ, свидетельства международной торговли / обмена, а за пределами оборонительных

линий – неукрепленные посадки. То есть в раннем железном веке шел процесс выделения из ряда укрепленных поселков отдельных городищ, которые становились социально-экономическим и административным центром округа.

На рубеже веков на процесс урбанизации в Зауралье повлияло великое переселение народов, торговые связи были нарушены, а большая часть населения ушла с завоевателями на запад. В эпоху раннего и развитого Средневековья количество городищ, как и поселений в целом, сократилось, но увеличились параметры фортификаций городков, отличавшихся большой площадью и мощностью оборонительных конструкций, а их схема стала относительно унифицированной (укрепление тела вала с помощью тарас, клетей, установление поверх дополнительных заборов, частоколов, плетней, наличие рва у основания вала, усиление рва с помощью вертикально установленных кольев). Так, на памятниках бакальской культуры зафиксированы бревенчатые стены, обмазанные глиной, и глинобитная башня (Малое Бакальское городище); стена и башня, обмазанные глиной, изучены на городище Ласточкино Гнездо, на этом же памятнике отмечено укрепление стенок рва деревом на участке у въезда, и под башней исследован подземный ход [36]; башнеобразные выступы изучены на Логиновском городище [37]. Тарасы в основании стены и сооружение бастионнообразного выступа зафиксированы на городище Усть-Утяк 1 [38. С. 48]. На Большом Бакальском городище зафиксированы элементы деревянной стены, на валу первой площадки – предположительно тарас, на валу второй площадки – частокол [38]. На Коловском городище изучены тарасы, установленные в теле вала и заполненные мусором, в том числе строительным [26]. На Усть-Терсюкском городище изучены въезд и частично стена, установлен факт облицовки тела вала жердями, со стороны поймы мыс был эскарпирован, в основании эскарпа установлен частокол [38].

На юдинских памятниках изучены деревянные конструкции или срубы в теле вала, а также частоколы во рву и за его пределами (Юдинское городище [39]); частокол во рву отмечен на Красногорском городище [40]; деревянными заборами поверх вала были укреплены городища Святой Бор – V и Криволукское, на последнем зафиксирована предположительно наблюдательная вышка [41].

Формированию и актуализации укреплений в лесостепной зоне способствовала инфильтрация тюрок начиная с VII в. н.э. [42]. При этом если для юдинского населения, ареал обитания которого сопоставим в основном с лесной зоной, отмечено множество мелких укрепленных поселков, то для бакальского населения, занимавшего буферную зону между лесом и степью, фиксируется процесс формирования и выделения больших центров-городов из общей массы укрепленных поселений – к ним можно отнести Большое Бакальское, Усть-Терсюкское городища, возможно, Красногорское.

Археологические материалы свидетельствуют, что в Средневековье значительно вырос социально-экономический статус отдельных укрепленных поселений,

не только выполнявших оборонительную функцию, но и имевших административно-политическое и религиозное значение.

Переломным моментом в историческом процессе урбанизации являлся период позднего Средневековья. По немногочисленным письменным источникам, в основном сибирским летописям, известно, что в XIV в. на зауральской территории, в среднем течении Тобола и междуречье Туры и Тавды, сложилось татарское государственно-политическое объединение – Тюменское ханство, вошедшее в состав улуса Джучи (Золотой Орды) и оказавшееся вовлеченным в мировую политическую и экономическую систему, что привело к активизации процесса тюркизации населения и изменению исторически сложившейся урбанизационной структуры [43. С. 62–72; 44]. Резиденция хана в это время находилась в Чимге-Туре, являвшейся форпостом исламской культуры в сибирском регионе. Судя по ремезовским чертежам и поздним картам XVIII в., этот татарский город, защищенный земляным валом и широким рвом с напольной стороны высокого мыса р. Тюменки, не только выполнял военно-оборонительную функцию, обеспечивавшую охрану богатств хана и знати, но и главным образом был крупным центром караванной торговли. В исторической части Тюмени раскопками выявлен слой, связанный с культурой сибирских татар, но, к сожалению, содержащий рядовой материал [45. С. 177–180; 46. С. 51]. В конце XV в. столица нового Сибирского ханства, подчинившего Тюменское, была перенесена в Кашлык (Сибир, Искер), располагавшийся на краю обрывистого берега р. Иртыш, дополнительно укрепленного глубокими оврагами р. Сибирки и мощной фортификацией, представленной рвом по дну лога и двойной линией деревянных стен с фланкирующими П-образными выступами [47. С. 55]. Постоянное обрушение иртышского берега привело к уничтожению основной площади этого памятника, однако на сохранившихся участках в разные годы проведены небольшие археологические исследования, установившие несколько этапов застройки города и показавшие конструктивные особенности его фортификационной системы [48]. Помимо Искера – главного административного и военного центра Сибирского ханства, другими военно-опорными пунктами в западносибирском регионе были Явлу-Тура (р. Тобол), Кучум-гора (р. Ишим), Кызыл-Тура (Усть-Ишим), Тон-Тура (р. Омь) и др.

Мощным толчком к преобразованию зауральского региона и Сибири в целом послужило покорение Сибирского ханства Московскому государству и продвижение русских землепроходцев на восток с конца XVI в., что привело к образованию новых городов и острогов [49]. Археологические материалы, полученные при раскопках этих памятников, свидетельствуют, что городские поселения, возникшие на просторах Сибири в процессе ее колонизации, не только выполняли функции военно-управленческой крепости, но и были опорными пунктами ведения ремесленных, промысловых и сельскохозяйственных занятий, а главное – распространения ценностей русской культуры [50].

Многолетние археологические исследования Тобольска свидетельствуют, что на раннем этапе российской колонизации военно-оборонительная функция Тобольска была наиважнейшей. Сеть улиц и расположение кварталов этого города исторически сложились под влиянием локализации и конфигурации деревянных острожных укреплений, возведенных в разные периоды XVII в. [51; 52; 53. С. 25–27; 54; 55].

В результате археологических исследований удалось реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских укреплений [56]. К ним отнесены остатки частоколов, представленных несколькими канавами с древесным тленом от столбов и являвшихся частью острога в разные периоды его функционирования. Данные планиграфии и стратиграфии указывают на разновременность и периодический ремонт исследованных тыновых сооружений, что подтверждает информацию письменных источников, свидетельствующих о перестройке, переносе с одного места на другое и гибели острожных укреплений при пожарах. Самая мощная линия фортификаций представлена канавой, в которую, судя по фрагментам бревен в ее заполнении и их отпечаткам на дне котлована, были установлены столбы, образовавшие сплошную стену типа тына. На изученном участке фортификационной линии также обнаружены остатки основания деревянной башни, наземная конструкция которой не сохранилась. Вдоль частокола с башенкой выявлена еще одна линия столбов, являвшихся опорами пристроенного к ней помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. По историческим данным, укрепления, построенные вокруг посада Тобольска в 1688 г., были не только самыми мощными в истории города, но и самыми последними по времени, поэтому позднейшую фортификационную линию с помостом и башенкой, зафиксированную в ходе раскопок, мы склонны относить именно к этому времени.

Письменные источники показывают роль Тобольска как административно-политического, духовного и культурного центра сибирского края вплоть до второй четверти XIX в., являвшегося местом пребывания представителей российской государственной исполнительной и судебной власти, сибирской епархии [57–59].

Тобольск являлся не только торговым центром, но и местом интеграции русских переселенцев и полиэтнических групп коренного населения Сибири, здесь осуществлялись межкультурные контакты, носившие в основном мирный характер, процессы аккультурации и адаптации, заимствования бытового уклада, зарождались новые духовно-культурные и жизнеобеспечивающие традиции, распространявшиеся на остальные сибирские территории. Исследователи отмечали, что коренное население напрямую или опосредованно через столичный город в культурном и духовном плане испытывало влияние Европейской части России [57, 60]. Археологические материалы подтверждают данную точку зрения: находки из культурного слоя в основном российского происхождения, среди них предметы, связанные с христианской атрибутикой, – кресты-тельники, перстни, пуговицы, печати, подвески и т.п.

Самым ценным артефактом, обнаруженным при расчистке сруба дома, является меднолитая позолоченная панagia XVI–XVII в., которая попала в первую столицу Сибири при первых архиепископах учрежденной здесь в 1620 г. епархии [61]. Свидетельством Тобольска как религиозного центра являются культовые постройки: сохранились каменные храмы позднего происхождения, а самые ранние зафиксированы лишь в результате археологических исследований – фундаменты каменной ограды Софийского двора и западных Святых ворот конца XVII в., остатки двух крестильных купален [62. С. 50], часть стены алтарной апсиды каменной Никольской церкви, построенной в 40-х гг. XVIII в. [59. С. 70, 95; 62. С. 260]. На верхнем и нижнем посадах города также изучено несколько участков культурного слоя с захоронениями, осуществленными по традиционному православному погребальному обряду [53. С. 30].

Процесс российской колонизации Зауралья и Сибири резко увеличил потребности населения в различных товарах, что, соответственно, привело к активизации налаживания внешних торговых связей и формированию местных производств, ориентированных на внутреннюю реализацию на городском рынке [63, 64]. Тобольск, основанный на пересечении транзитных торговых путей, был связующим звеном сибирского региона с Центральной Россией, Европой и Азией [65. С. 120]. Если анализировать данные исторических источников, то развитие тобольского рынка происходило в сторону расширения ассортимента как импортных, так и товаров местного производства, необходимых для активного обмена.

В первой четверти XVII в. в российской столице Сибири существовало мелкотоварное производство, прежде всего кожевенное, мыловаренное, дерево- и металлообрабатывающее, портняжное, многие привозные товары стали вытесняться местными, продаваемыми и в других сибирских городах и деревнях, что привело к укреплению и расширению торговых связей Тобольска. В конце XVII – начале XVIII в. появились небольшие предприятия в винокурении, стекольно-фаянсовом и суконном производствах, крупные кожевенные заводы, ориентированные на внутренних и внешний рынок [63. С. 25–61]. В конце XVIII–XIX в. также действовали салотопенные, клееварные и свечные заведения, получила развитие писчебумажная промышленность [66, 67].

Как известно по историческим источникам, в XIX в. Тобольск утратил свое влияние не только как админи-

стративно-политический, но и как главный торговый центр Сибири, что связано с перемещением сухопутного сибирского тракта от Екатеринбурга на Тюмень, через Ялуторовск и Ишим [58. С. 59–61]. В целом историческая интерпретация обнаруженных на площади столичного города в ходе раскопок объектов (производственных сооружений, посадских жилых построек, усадеб, торговых рядов, городских укреплений, мостовых, фундаментов церквей, приходских кладбищ, тюремного двора и др.) дает возможность утверждать, что Тобольск с момента своего основания был полифункциональным городом, являвшимся военным, административно-политическим, торгово-ремесленным, духовным и культурным центром сибирского края. Лишившись столичных управленческих функций и главных торговых транзитных путей, он превратился в уездный город дореволюционной России.

Таким образом, на археологических материалах лесостепной и подтаежной зон Зауралья можно проследить зарождение укрепленных поселений и трансформацию их в протогорода. Они появились в период поздней бронзы, количество их возросло в раннем железном веке, в этот же период наблюдалось большое разнообразие форм и схем фортификаций – шел поиск оптимальных решений, выделялись крупные социально-экономические центры. Городское поселение приобретало в ходе исторического развития самые различные формы, последовательно сменявшие либо дополнявшие друг друга, – от крепостей до военного, политического и административного центра сибирского края. Факторы, влияющие на зарождение и развитие прото-городов и городов, следующие: климатический и связанный с ним миграционный, что создавало социальную напряженность в обществе; социально-экономический (стратификация общества, торговля, обмен, ремесло) и поттестарный; формирование в городах административно-управленческих центров. Без сомнения, свою роль играли и пути сообщения, сырьевые ресурсы и связанные с ними производственные центры. К сожалению, построению более точной модели урбанизации Зауралья препятствуют малая изученность и отсутствие точных датировок ряда поселений для древних эпох, что затрудняет определение их функционального назначения и социально-экономического статуса. Тем не менее полагаем, что предложенный нами ракурс рассмотрения археологических материалов ставит новые задачи в их интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Гутнов А.Э., Глазых В.Л. Мир архитектуры : лицо города. М. : Молодая гвардия, 1990. 352 с.
3. Новый энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл. : РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.
4. Илюшина В.В. Эволюция культуры лесостепной части Западной Сибири второй четверти II – середины I тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. 26 с.
5. Аношко О.М. Теоретико-методологические и методические основы исследования процесса урбанизации Сибири // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 4–12.
6. Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II–I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний : Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археологической конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 22–24.
7. Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир : сб. ст. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. С. 118–137.

8. Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень : Тюменский дом печати, 2009. 416 с.
9. Кушнарева К.Х. К вопросу об обороне поселений Южного Кавказа (IX–II тыс. до н.э.) // Фортификация в древности и средневековье. СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 1995. С. 7–11.
10. Рысин М.Б. Фортификация Юго-Восточной Европы в эпоху бронзы // Фортификация в древности и средневековье. СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 1995. С. 17–21.
11. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. 188 с.
12. Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н., Колмогоров П.А., Галкин В.Т., Аношко О.М. Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 58–72.
13. Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1 : препринт. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1993. 76 с.
14. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М. : Паи́мс, 1995. 157 с.
15. Ткачев А.А. Культурно-хронологические комплексы Абатского Приишимья (по материалам городища Абатское VI). Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 40–44.
16. Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 102–114.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 244 с.
18. Сизов О.С., Зими́на О.Ю. Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 150–159.
19. Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск : Наука, 2009. 232 с.
20. Цембалюк С.И. Байтовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 20 с.
21. Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57–64.
22. Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.
23. Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы – средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 79–86.
24. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.
25. Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
26. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище Новосибирск: Наука, 2008. 240 с. (Древности Ингальской долины: археолого-палеоэкологическое исследование; вып. 2).
27. Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 112–143.
28. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения западной Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
29. Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 140–143.
30. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. : (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. Екатеринбург–Сургут : Магелан, 2009. 298 с.
31. Сальников К.В. Городище Чудайи в Челябинской области по раскопкам 1937 г. // Советская археология. 1947. Вып. 9. С. 221–238.
32. Козеко О.Е., Кузнецова А.Э. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: среда, культура, социум : материалы тематической науч. конф. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. С. 117–119.
33. Берлина С.В. Крепости гороховской культуры в системе укреплений эпохи раннего железа западно-сибирской лесостепи // Человек и Север: археология, антропология, экология : материалы Всерос. конф. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 88–91.
34. Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино устье IV // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. памяти В.А. Могильникова. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 96–101.
35. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 239 с.
36. Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Фортификации городища Ласточкино гнездо-I эпохи средневековья: к проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.
37. Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв.) // Вопросы археологии Урала. 1969. Вып. 8. С. 102–127.
38. Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.
39. Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Ученые записки Пермского государственного университета. 1968. № 191. С. 240–256.
40. Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 1997. С. 245–262.
41. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. Вып. 6. С. 105–116.
42. Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 19 с.
43. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.
44. Парунин А.В. Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. С. 57–64.
45. Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень : Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1994. 190 с.
46. Семенова В.И. Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 48–51.
47. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука, Вост. лит., 2017. 559 с.
48. Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 145–153.
49. Вилков О.Н. Сибирский город конца XVII – первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 39–42.

50. Черная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 95–112.
51. Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях земляного вала г. Тобольска летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 111504.
52. Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках в нагорной исторической части г. Тобольска Тюменской области по ул. Октябрьская, произведенных летом 1998 года // Научный архив ГТИАМЗ.
53. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск : археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
54. Матвеев А.В., Аношко О.М. Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень : Тюмен. изд. дом, 2011. С. 49–55.
55. Аношко О.М., Игнатов С.В. Особенности ранней застройки Тобольска по археологическим данным // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Вып. 6. С. 78–90.
56. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. Вып. 4. С. 76–91.
57. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск : Наука, 1974. 252 с.
58. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. 224 с.
59. Кочеданов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень : Кн. изд-во, 1963. 156 с.
60. Софронов В.Ю. Тобольск – культурный центр Западной Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 33 с.
61. Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А. Тобольская панаяга // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 2 (50). С. 104–113.
62. Данилов П.Г. Археологические исследования на месте Никольской церкви Тобольского кремля // Тобольск научный – 2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2013. С. 259–260.
63. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М. : Наука, 1967. 324 с.
64. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1992. 154 с.
65. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 316 с.
66. Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири второй половины XIX в. Новосибирск : Наука, 1978. 393 с.
67. Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск : Изд-во СГПИ, 1973. 265 с.

Oksana M. Anoshko, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: okanoshko@yandex.ru

Svetlana V. Berlina, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svb82@mail.ru

Svetlana I. Tsembalyuk, Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svetac80@mail.ru

TO THE PROBLEM OF URBANIZATION OF TRANS-URALS: GENESIS, DEVELOPMENT AND FUNCTION OF URBAN STRUCTURES

Keywords: Trans-Urals, a model of urbanization, proto-cities, urban structures

The article is devoted to the origins of urbanization in Western Siberia, which should be associated with the formation of ancient fortified settlements – fortresses that appeared on this territory in the Bronze Age and proto-cities formed in the early Iron Age. The first simple fortifications in the form of stockades or fortified dwellings in the forest-steppe zone of Trans-Urals were fixed on the materials of the Bronze Age monuments. During this period their number was insignificant, it is known about 12, the bulk continued to be unfortified settlement. The increase in the number of hillforts was greater in the transition from the Bronze Age to the Iron Age (45). They were round-oval hillforts with an area up to 4 hectares. There were major suburbs around them. The citadels of the time were poorly fortified fences. The appearance of first fortifications is connected with the destabilization of the political situation in the region as a result of the influx of migrants from the North of Western Siberia. Then the strengthening of the village with a palisade or a fence was not a defensive measure but probably ideological in nature. The aim was to preserve their cultural traditions within phratry. In the Early Iron Age the number of hillforts increases and stands more than 70 in the forest-steppe zone of Trans-Urals. Within this period the dynamics of fortification is well traced. Already at that time there was specialization of fortified settlements as centers of metalworking, import, exchange, cooperation of foreign population. The fortresses became the centers of origin and transmission of cultural innovation, and the process of urbanization and the resulting changes in the ancient and medieval societies to the greatest extent determined the development of the region.

The process of urbanization of the Trans-Urals between two ages was influenced by the Great Migration, which was a kind of inhibitor. An outflow of the population to the west led to a dramatic decrease in the number of fortresses in the Medieval Age, but parameters and protective functions of hillforts increased at the same time. Archaeological materials demonstrate that the socioeconomic status of some hillforts, which performed not only a defensive function, but also had administrative, political and religious significance, substantially increased at that time. The actual formation of towns began after the Tyumen Khanate was formed in the Trans-Urals with its capital Chimgi-Tura (and, lately, Isker). When Siberia was annexed to the Moscow state and the Russian population began to assimilate it, the towns received a new impetus for their further development. Archaeological materials obtained during the excavations at those monuments demonstrate that urban settlements that appeared in Siberia during its colonization not only served as military and administrative fortresses, but also were bases of handicraft, industry and agriculture. Tobolsk, which was the first settlement in Siberia to receive the official status of a town, is one of the most striking examples.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
2. Gutnov, A.E. & Glazychev, V.L. (1990) *Mir arkhitektury: litso goroda* [The World of Architecture: The Face of the City]. Moscow: Molodaya gvardiya.
3. Baranova, E.A., Bazhenov, N.L. & Barsukov, G.A. (2007) *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'* [New Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rus. Entsiklopediya; RIPOL klassik.
4. Ilyushina, V.V. (2011) *Evolutsiya kul'tury lesostepnoy chasti Zapadnoy Sibiri vtoroy chetverti II – serediny I tys. do n.e.* [The evolution of the culture of the forest-steppe part of Western Siberia in the second quarter of the 2nd – the middle of the 1st millennium BC]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Chelyabinsk.

5. Anoshko, O.M. (2012) Teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie osnovy issledovaniya protsessa urbanizatsii Sibiri [Theoretical and methodological foundations of the study of the process of Siberian urbanization]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 4–12.
6. Molodin, V.I. (2010) Ekologicheskiy "stress" na rubezhe II–I tys. do n.e. i ego vliyanie na etnokul'turnye i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy u narodov Zapadnoy Sibiri [The ecological "stress" at the turn of II–I millennium BC and its influence on ethno-cultural and socio-economic processes among the peoples of Western Siberia]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadnosibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in the Historical Context: the Experience of Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Proc. of the 15th International Conference. Tomsk, May 19–21, 2010. Tomsk: Agraf-Press. pp. 22–24.
7. Anoshko, O.M. & Agapetova, T.A. (2010) Novye dannye po pakhomovskoy kul'ture v Tobolo-Iset'e [New data on the Pakhomovskaya culture in Tobol-Isetye]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Andronovskiy mir* [The Andronov World]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 118–137.
8. Matveev, A.V. & Anoshko, O.M. (2009) *Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura* [The Trans-Urals after the Andronovites: The Barkhatovo culture]. Tyumen: Tyumenskiy dom pechati.
9. Kushnareva, K.Kh. (1995) K voprosu ob oborone poseleniy Yuzhnogo Kavkaza (IX–II tys. do n.e.) [On the defense of the settlements in the South Caucasus (9th – 2nd millennium BC)]. In: Khlopin, I.N. (ed.) *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortification in the Old and Middle Ages]. St. Petersburg: RAS. pp. 7–11.
10. Rysin, M.B. (1995) Fortifikatsiya Yugo-Vostochnoy Evropy v epokhu bronzy [Fortification of South-Eastern Europe in the Bronze Age]. In: Khlopin, I.N. (ed.) *Fortifikatsiya v drevnosti i srednevekov'e* [Fortification in the Old and Middle Ages]. St. Petersburg: RAS. pp. 17–21.
11. Borzunov, V.A. (1992) *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zhelezного vekov* [Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Ekaterinburg: Ural State University.
12. Zimina, O.Yu., Zakh, V.A., Skochina, S.N., Kolmogorov, P.A., Galkin, V.T. & Anoshko, O.M. (2005) Gorodishche Cheganovo 3 v Nizhnem Pritobol'e [Settlement Cheganovo 3 in the Lower Tobol region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 58–72.
13. Matveev, A.V. & Gorelov, V.V. (1993) *Gorodishche Efimovo 1: preprint* [Settlement Efimovo 1: preprint]. Tyumen: SB RAS.
14. Potemkina, T.M., Korochkova, O.N. & Stefanov, V.I. (1995) *Lesnoe Tobolo-Irtyshe v kontse epokhi bronzy (po materialam Chudskoy gory)* [The Forest Tobol-Irtys at the end of the Bronze Age (based on materials from Chudskaya Mountain)]. Moscow: Pains.
15. Tkachev, A.A. (2003) *Kul'turno-khronologicheskie komplekсы Abatskogo Priishim'ya (po materialam gorodishcha Abatskoe VI)* [Cultural and chronological complexes of the Abat Priishimye (based on the materials of Abatskoe VI settlement)]. Tyumen: SB RAS. pp. 40–44.
16. Beltikova, G.V., Borzunov, V.A. & Koryakova, L.N. (1991) Nekotorye problemy arkheologii rannego zhelezного века Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Some problems of archeology of the early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia]. *Voprosy arkheologii Urala*. 20. pp. 102–114.
17. Kosarev, M.F. (1984) *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in the Old Age]. Moscow: Nauka.
18. Sizov, O.S. & Zimina, O.Yu. (2012) Osobennosti sistemy zhizneobespecheniya i prostranstvennogo razmeshcheniya poseleniy itkul'skoy kul'tury v Pritobol'e (VIII–VI vv. do n.e.) [Features of the life support system and spatial distribution of settlements of the Itkul culture in the Tobol region (8th – 6th centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(19). pp. 150–159.
19. Zimina, O.Yu. & Zakh, V.A. (2009) *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zhelezного vekov* [The Lower Tobol region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka.
20. Tsembalyuk, S.I. (2017) *Baitovskaya kul'tura nachala rannego zhelezного века v lesostepnom i podtaezhnem Pritobol'e* [The Bait culture of the beginning of the early Iron Age in the forest-steppe and subtaiga regions of the Tobol region]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen'.
21. Tsembalyuk, S.I. (2009) *Kharakteristika poseleniy i zhilishch baitovskoy kul'tury* [Characteristics of settlements and dwellings of the Bait culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 10. pp. 57–64.
22. Tsembalyuk, S.I. & Berlina, S.V. (2014) *Kompleks rannego zhelezного века gorodishcha Likhachevskoe v Priishim'e* [The complex of the Early Iron Age of the ancient settlement Likhachevskoe in the Ishim region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(26). pp. 55–65.
23. Berlina, S.V., Kostomarov, V.M. & Popov, N.A. (2013) *Gorodishcha lesnogo Tobolo-Ishim'ya v epokhu bronzy – srednevekov'e (opyt klassifikatsii i analiza v srede GIS)* [Settlements of the forest Tobol-Ishim in the Bronze Age – the Middle Ages (an experiment of classification and analysis in the GIS)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(22). pp. 79–86.
24. Matveeva, N.P. (2000) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zhelezном веке (lesostepnaya i podtaezhnaya zony)* [Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age (the forest-steppe and subtaiga zones)]. Novosibirsk: Nauka.
25. Berlina, S.V. (2010) *Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya zapadnosibirskoy lesostepi v rannem zhelezном веке (po materialam sargatskoy kul'tury)* [Residential and defensive architecture of the population of the West Siberian forest-steppe in the early Iron Age (a case study of the Sargat culture)]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
26. Matveeva, N.P., Berlina, S.V. & Rafikova, T.N. (2008) *Kolovskoe gorodishche* [The Kolovsky settlement]. Novosibirsk: Nauka.
27. Khabdulina, M.K. (1993) *Gorodishche Ak-Tau kak arkhitekturnyy kompleks* [The Ak-Tau settlement as an architectural complex]. In: Koryakova, L.N. (ed.) *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [Knowledge and Skills of the Ural Population in the Old and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Nauka. pp. 112–143.
28. Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V. & Chikunova, I.Yu. (2005) *Kompleksnoe izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya zapadnoy Sibiri* [A comprehensive study of the Living Conditions of the Ancient Population in Western Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
29. Matveeva, N.P. & Alieva, T.A. (2016) The watch-towers of the defensive structures in Early Iron Age (the culture of Sargatka). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 140–143. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/25
30. Koryakova, L.N., Deyr, M.I., Kovrigin, A.A., Sharapova, S.V. et al. (2009) *Sreda, kul'tura i obshchestvo lesostepnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine I tys. do n.e.: (po materialam Pavlinovskogo arkheologicheskogo kompleksa)* [The environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the 1st millennium BC: (a case study of the Pavlinovsky archaeological complex)]. Ekaterinburg: Surgut: Magellan.
31. Salnikov, K.V. (1947) *Gorodishche Chudaki v Chelyabinskoy oblasti po raskopkam 1937 g.* [The Chudaki settlement in Chelyabinsk Region according to the excavations in 1937]. *Sovetskaya arkheologiya*. 9. pp. 221–238.
32. Kozeko, O.E. & Kuznetsova, A.E. (1998) *Malo-Kazakbaevskoe gorodishche gorokhovskoy kul'tury* [The Malo-Kazakbaevsky settlement of the Gorokhovskaya culture]. In: Savinov, D.G., Sedykh, V.N. & Petrov, N.I. (eds) *Poseleniya: sreda, kul'tura, sotsium* [Settlements: environment, culture, society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 117–119.
33. Berlina, S.V. (2012) *Kreposti gorokhovskoy kul'tury v sisteme ukrepleniya epokhi rannego zheleza zapadno-sibirskoy lesostepi* [Fortresses of the Gorokhovskaya culture in the system of fortifications of the Early Iron Age in the West Siberian forest-steppe]. *Chelovek i Sever: arkheologiya, antropologiya, ekologiya* [Human and the North]. Proc. of the Conference. Tyumen, March 26–30, 2012. Tyumen: SB RAS. pp. 88–91.
34. Berlina, S.V. (2014) *Gorodishche gorokhovskoy kul'tury Mar'ino ushel'e IV* [The Maryino Gorge IV settlement of the Gorokhovskaya culture]. *Voprosy istorii Sibiri*. 9. pp. 96–101.
35. Koryakova, L.N. (1988) *Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [The Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (the Sargat culture)]. Sverdlovsk: Ural State University.
36. Rafikova, T.N. & Berlina, S.V. (2014) *Fortifikatsii gorodishcha Lastochkino gnezdo-1 epokhi srednevekov'ya: k probleme kul'turnykh kontaktov* [Fortifications of the ancient settlement Swallow's Nest-1 of the Middle Ages: to the problem of cultural contacts]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(27). pp. 69–76.

37. Gening, V.F. & Evdokimov, V.V. (1969) Loginovskoe gorodishche (VI–VII vv.) [The Loginovskoye ancient settlement (VI–VII centuries)]. *Voprosy arkheologii Urala*. 8. pp. 102–127.
38. Rafikova, T.N., Berlina, S.V., Kaydalov, A.I. & Sechko, E.A. (2013) Fortifikatsii rannego i razvitogo srednevekov'ya lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ya [Fortifications of the Early and High Middle Ages in the Forest-Steppe and Subtaiga Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4(23). pp. 42–51.
39. Viktorova, V.D. (1968) Pamyatniki lesnogo Zaural'ya v X–XIII vv. n.e. [Monuments of the forest Trans-Urals in the 10th – 13th centuries AD]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. 191. pp. 240–256.
40. Matveeva, N.P. (1997) Novye srednevekovye pamyatniki iz severnoy lesostepi Pritobol'ya [New medieval monuments from the northern forest-steppe of the Tobol region]. In: Bobrova, A.I. (ed.) *Aktual'nye problemy drevney i srednevekovoy istorii Sibiri* [Topical Problems of Ancient and Medieval History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 245–262.
41. Matveeva, N.P. & Rafikova, T.N. (2005) Novye dannye o yudinskoy kul'ture (po materialam Krivolukskogo gorodishcha) [New data on the Yudinsky culture (a case study of the Krivoluk settlement)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 105–116.
42. Rafikova, T.N. (2011) *Bakal'skaya kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ya* [The Bakalskaya culture of the forest-steppe and subtaiga Tobol-Ishim region]. Abstract of the History Cand. Diss. Tyumen.
43. Maslyuzhenko, D.N. (2008) *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [The ethnopolitical history of the forest-steppe Tobol region in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University.
44. Parunin, A.V. (2013) Russkie letopisi kak istochnik po istorii Tyumenskogo khanstva [Russian chronicles as a source for the history of the Tyumen Khanate]. In: Zagidullin, I.K. (ed.) *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Vol. 5. Kazan: AS RT. pp. 57–64.
45. Matveeva, N.P., Matveev, A.V. & Zakh, V.A. (1994) *Arkheologicheskie puteshestviya po Tyumeni i ee okrestnostyam* [Archaeological travels in Tyumen and its environs]. Tyumen: SB RAS.
46. Semenova, V.I. (2013) Archeology and cartography of city of Tyumen (about a parity of Russian and local traditions in a city landscape). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 48–51. (In Russian).
47. Zykov, A.P., Kosintsev, P.A. & Trepavlov, V.V. (2017) *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [The city of Sibir – the Isker settlement (a historical and archaeological research)]. Moscow: Nauka, Vost. lit.
48. Zykov, A.P. (2012) Archaeological study of Isker fortress. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 3(36). pp. 145–153. (In Russian).
49. Vilkov, O.N. (1981) Sibirskiy gorod kontsa XVII – pervoy chetverti XVIII veka v sovremennoy russkoy sovetsskoy istoriografii [A Siberian city of the late 17th – first quarter of the 18th century in the modern Soviet historiography]. In: *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 39–42.
50. Chernaya, M.P. (2009) Sibirskiy gorod kontsa XVI – nachala XVIII v. v istoriko-arkheologicheskom otryazhenii (istoriograficheskiy aspekt) [A Siberian city of the late 16th – early 18th centuries in the historical and archaeological reflection (a historiographical aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(7). pp. 95–112.
51. Belyaev, L.A. (1986) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh zemlyanogo vala g. Tobol'ska letom 1986 g.* [Report on the archaeological research of the earthen rampart in Tobolsk in the summer of 1986]. The Archive of IA RAS. R-1. № 111504.
52. Sladkova, L.N. (1998) *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v nagornoy istoricheskoy chasti g. Tobol'ska Tyumenskoy oblasti po ul. Oktyabr'skaya, proizvedennykh letom 1998 goda* [Report on archaeological excavations in the mountainous historical part of Tobolsk, Tyumen Region, on Oktyabr'skaya St., compiled in the summer of 1998]. The Scholarly Archive of TGIAMZ.
53. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2008) *Gorod Tobol'sk: arkheologicheskiy ocherk* [The City of Tobolsk: An Archaeological Essay]. Tobolsk: [s.n.].
54. Matveev, A.V. & Anoshko, O.M. (2011) Arkheologicheskie otkrytiya v Tobol'ske [Archaeological discoveries in Tobolsk]. In: *Nasledie Tyumenskoy oblasti* [Heritage of Tyumen Region]. Tyumen: Tyumen. izd. dom. pp. 49–55.
55. Anoshko, O.M. & Ignatov, S.V. (2014) Osobennosti ranney zastroyki Tobol'ska po arkheologicheskim dannym [The early development of Tobolsk according to archaeological data]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Vol. 6. Tyumen: Tyumen State University. pp. 78–90.
56. Matveev, A.V., Anoshko, O.M. & Klimenko, A.I. (2012) Ostatki starinnykh tobol'skikh ukrepleniy na mysu Chukman [Remains of ancient Tobolsk fortifications on Cape Chukman]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskiy sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [AB ORIGINE: archaeological and ethnographic collection of Tyumen State University]. Vol. 4. Tyumen: Tyumen State University. pp. 76–91.
57. Kopylov, A.N. (1974) *Ocherki kul'turnoy zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v.* [Essays on the cultural life of Siberia in the 17th – early 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
58. Kopylov, D.I. & Pribylskiy, Yu.P. (1975) *Tobolsk*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
59. Kochedamov, V.I. (1963) *Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod)* [Tobolsk (how the city developed and was constructed)]. Tyumen: Kn. izd-vo.
60. Sofronov, V.Yu. (1999) *Tobol'sk – kul'turnyy tsentr Zapadnoy Sibiri v XVIII v.* [Tobolsk as the cultural center of Western Siberia in the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
61. Matveev, A.V., Anoshko, O.M. & Alieva, T.A. (2012) Tobol'skaya panagiya [The Tobolsk Panagia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2(50). pp. 104–113.
62. Danilov, P.G. (2013) Arkheologicheskie issledovaniya na meste Nikol'skoy tserkvi Tobol'skogo kremlya [The archaeological research on the site of the St. Nicholas Church of the Tobolsk Kremlin]. *Tobol'sk nauchnyy – 2013* [The Scientific Tobolsk – 2013]. Proc. of the Tenth Conference. Tobolsk. pp. 259–260.
63. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [The craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
64. Rezun, D.Ya. & Besedina, O.N. (1992) *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [The city fairs of Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
65. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
66. Bochanova, G.A. (1978) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX v.* [Manufacturing industry of Western Siberia in the second half of the 19th century]. Novosibirsk: Nauka.
67. Kopylov, D.I. (1973) *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Manufacturing industry of Western Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute.

УДК 902

DOI: 10.17223/19988613/75/21

А.Г. Марочкин, А.С. Сизев, А.Н. Ермолаев, И.А. Плац

ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ КАШТАКСКОГО ОСТРОГА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № 0286-2021-0011 и № 0286-2021-0012.*

Изложены результаты комплексного историко-археологического исследования топографии и планиграфии Каштакского острога и связанных с ним объектов сереброплавильного промысла конца XVII – начала XVIII в. (северо-восточные предгорья Кузнецкого Алатау). Острог располагался на низком мысу вблизи от источника проточной воды и места обнаружения серебряной руды. Составлен общий топографический план всех объектов Каштакского сереброплавильного промысла и подробный план археологических остатков укрепленной части острога с указанием идентифицированных объектов.

Ключевые слова: топография, планиграфия, первый сереброплавильный комплекс России, Каштакский острог, северо-восточные предгорья Кузнецкого Алатау

Каштакский острог, воздвигнутый в 1697 г. на небольшой одноименной речке в северо-западных предгорьях Кузнецкого Алатау, на рубеже XVII–XVIII вв. имел важнейшее геополитическое значение для России. Острог, поставленный ценой резкого обострения вражды с енисейскими кыргызами, и находящийся под его защитой сереброплавильный комплекс были критически важны для продвижения интересов России на европейском направлении. В 1696 г. здесь было обнаружено одно из первых в России местонахождений серебра, в котором так остро нуждалось русское государство в преддверии грядущих реформ. Вероятнее всего, добыча серебряной руды и выплавка драгоценного металла продолжались до 1699 г., после чего работы на руднике были прекращены. Сам острог, переставший быть базой сереброплавильного промысла, использовался как пограничный форпост несколько дольше. Окончательно он был уничтожен («срыт») по решению русской администрации Томска в период с 1703 по 1706 г., после ухода кыргызов со Среднего Енисея и снятия военной угрозы с юго-восточного направления.

Все имеющиеся письменные источники по Каштакскому острогу собраны и систематизированы в монографическом исследовании [1], ранее опубликован и чертеж острога, приведенный в работе С.У. Ремезова (рис.1) [2].

Имеющихся письменных данных достаточно для подробной (иногда вплоть до отдельного месяца) летописи существования острога и работы рудодобывающего и сереброплавильного промысла. Но при этом лишь приблизительно известны размеры острога и его конфигурация, месторасположение входов в штольни, отсутствует информация о планиграфии жилых, производственных и складских сооружений внутри укрепленной площади. Восполнение этих пробелов возможно при сопоставлении письменных сведений и результатов археологического изучения остатков острога, проведенного в мае 2017 г. сводным отрядом археологов и историков Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемеровского

государственного университета и музея-заповедника «Томская Писаница».

В ходе разведки выявлено наличие хорошо видимых западин от оградительного рва и некоторых сооружений, а также отсутствие значимых повреждений культурного слоя. Уточнена топография укрепленной части острога и некоторых входов в рудные копи, установлены размеры, конфигурация и планиграфия рельефно выделяющихся остатков сооружений, собран подъемный материал на разных участках комплекса.

Согласно донесениям боярского сына Семена Лаврова от сентября 1696 г., после прибытия к месту промысла, он «*почал ставить острог над речками Большим и Малым Каштатом, на мысу...*» [3]. Более точное описание топографии укрепленного Каштакского поселения приведено в дневальной записи бергмейстера Никифора Клеопина, посетившего место бывшего острога в 1744 г.: «*Между сих обоих Каштак-ков на мысу или стрелке видно бывал городок четверостенный*» [4].

Анализ геоморфологии и инструментальная топографическая съемка 2017 г. подтвердили, что укрепленная часть острога была приурочена к приустьевому мысовидному участку, образованному первой надпойменной террасой левого берега р. Каштак (Большой Каштак) и правым берегом р. Малый Каштак. Остатки оградительного рва зафиксированы на ровной площадке высотой не более 4 м над урезом воды в р. Каштак, при расстоянии до русла около 25–40 м (рис. 2). Скорее всего, это идентично топографии поселения конца XVII – начала XVIII в.

На первый взгляд данный участок явно невыгоден с военно-фортификационной точки зрения. Относительно низкое местоположение острога могло объективно затруднить контроль над местностью. Над местом острога буквально нависает высокая, покрытая густым лесом гора на правом берегу р. Большой Каштак (перепад высот 30–50 м). Противоположенная сторона мыса на левом берегу р. Малый Каштак представляет собой высокий холм (перепад высот до 40 м).

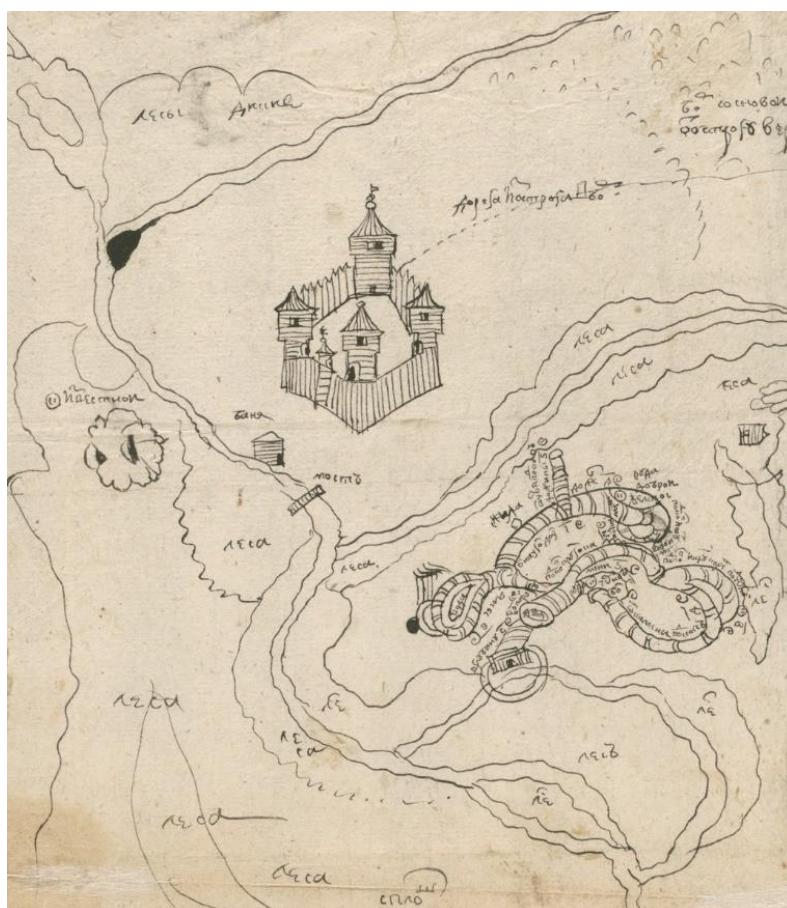

Рис. 1. Изображение Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова

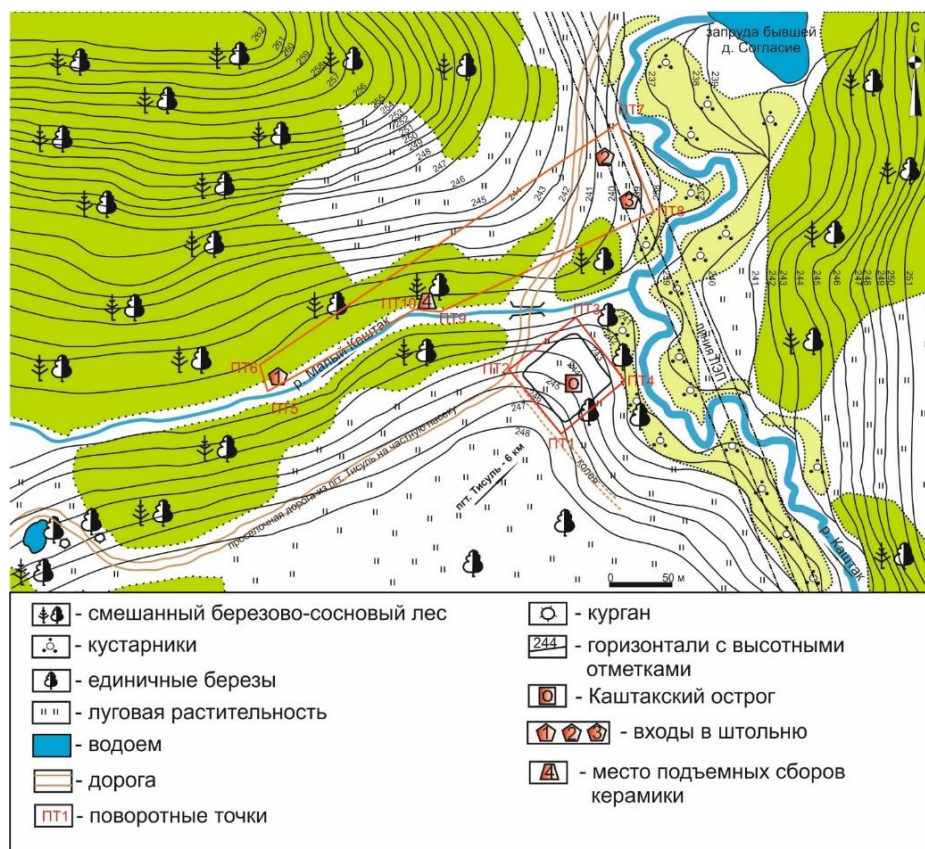

Рис. 2. Ситуационный план окрестностей острога и входов в копи (штолен)

Особенности местной геоморфологии были прекрасны известны и томской администрации, и Сибирскому приказу еще на стадии подготовки строительства: *«А с правую сторону реки Каштака гора высокая, на ней лес же березовый и листвяг, а лесом елани, а с левую сторону реки Каштаку, сверху идучи, от речки Малого Коштаку, гора высокая же, а по ней лес и елани...»* [5].

Остальные остроги региона – Томский, Кузнецкий, Верхотомский – приурочены к господствующим над местностью холмам. Мунгатский и Сосновый остроги, даже располагаясь на равнинных участках, обеспечивали контроль водного пути и близлежащих окрестностей. Тем не менее функциональное назначение вышеперечисленных острогов и Каштакского различно. Оборонительная функция этих укрепленных пунктов направлена на контроль и защиту относительно обширных прилегающих территорий с пашенными крестьянами, в то время как Каштакский острог рассчитан непосредственно на оборону сереброплавильного и рудодобывающего комплекса. В таком случае Каштакский острог не только не теряет в своей оборонительной функции, но, наоборот, полностью ее выполняет, не противореча указу Петра: *«...и поставить на том месте, где рудоплавильные места явились, в пристойных и крепких местах избы, и огородить тыном, и обвести рвом со всякими крепостями, чтобы было от незапного прихода им, Александру и работным людям, безопасно»* [6].

Кроме того, предпочтение именно этому участку могло быть отдано из-за большой ровной площадки с мягкой почвой, пригодной для быстрого сооружения оградительного рва и углубленных в землю построек. Немаловажно и то, что на территории острога жили более 50 человек и планировалось доведение численности населения до 250 человек [7]. В таком случае близкий доступ к постоянному источнику проточной воды для питья, хозяйственных и производственных нужд становился ведущим мотивом выбора именно этого места в ближайших окрестностях найденного выхода серебросодержащих руд.

По совокупности данных из письменных документов 1697–1744 гг. ранее сделаны выводы том, что острог представлял собой правильный прямоугольник с общей длиной стен по периметру около 80 сажен (172 м), при этом каждая из сторон была длиной до 20 сажен (43 м) [1. С. 22]. Проведенные во время разведки измерения существенно уточняют приведенные характеристики (рис. 3).

Выяснилось, что четырехугольный ров без разрывов опоясывал всю площадку, и это соответствует тексту отписки томского воеводы В.А. Ржевского в Москву *«...и около всего острогу и башен рвом окопали»* [8]. По письменным источникам, ширина и глубина рва достигали 3 аршин (около 2 м) [3]. По современному состоянию глубина рва на разных участках варьирует от 0,6 до 0,7 м, ширина достигает 3,5 м. На относительно крутых участках спуска к пойме р. Каштак и Малый Каштак остатки рва наименее выражены, но все же хорошо прослеживаются.

Углы рва ориентированы по сторонам света, т.е. двумя сторонами острог имел ориентацию по оси юго-запад–северо-восток (вдоль линии мыса), а другими

двумя – по оси юго-восток–северо-запад (перпендикулярно мысу).

Линия рва, соединяющая противоположные углы острога, с каждой из сторон немного вогнута внутрь, поэтому углы площадки незначительно выдаются вперед. Это обстоятельство может быть связано с фортификационной спецификой русских крепостей Нового времени, когда башни зачастую выступали за пределы стен [9], что позволяло их защитникам лучше контролировать участки обороны, вплотную прилегающие ко рву и ограде. В Верхнем Приобье подобный прием археологически зафиксирован на Умревинском остроге [10].

Вала как такового нет, его остатки слабо читаются с внутренней стороны рва. Уже отмечалось, что начиная с XVIII в. вал на сибирских острогах превращается в бруствер перед стенами [11]. На применение именно этой практики указывает как отсутствие каких-либо упоминаний о вале в документах периода существования острога, так и данные из дневниковых записей Н. Клеопина, сделанных при осмотре руин Каштакского острога в 1744 г.: *«Из оного внутрь городка наметано земли, коея обросла, подобно валу, дерном»* [4].

Измерения велись по контуру бруствера, что позволяет соотнести полученные данные с размерами стен. Длина северо-восточной стороны составила 49,4 м, юго-восточной – 46,5 м, юго-западной – 47,9 м, северо-западной – 51,3 м. Следовательно, площадь укрепленного участка около 2 400 м², с общей протяженностью стен по периметру в 195,1 м. Разница с указанной в письменных документах длиной стен составила более 23 м. Теоретически ее можно объяснить неточностью обмеров после строительства, но это маловероятно. В росписи Каштакского острога С. Лаврова есть фрагмент: *«Да он же Семен доставлявал острогу двенадцать саженей печатных...»* [12]. Этот участок текста может быть свидетельством расширения площади острога. Печатная сажень – одно из названий официальной трехаршинной сажени (216 см) [13]. В таком случае доставленные 12 саженей печатных оставляют 25,9 м, что близко к этой самой разнице.

Согласно все той же росписи, в остроге были построены *«на четырех углах четыре избы; а на трех избах были построены три башни, а на четвертой избе построена греку Александру Левандинову с товарищи белая горенка. А перед тою горенкой построены сени и покрыты драпьем... Да в том же остроге построена для всяких государевых припасов анбар мерою до восьми аршин, да две кузницы, мерою кузница до восьми аршин. Да в остроге же построено для служивых и работных людей четыре юрты земляных, да за острогом построена баня подле речки Каштак»* [12]. То есть, по письменным данным, острог вмещал несколько строений с типичным для русских крепостей функционалом. Доподлинно известно и то, что как минимум некоторые из этих сооружений были углублены в землю («земляные юрты») и, следовательно, могут быть видны на современной поверхности. Но планиграфию этих построек, за исключением привязки «изб» и «белой горенки» к углам, письменные источники не раскрывают. Не проясняет ее и рисунок из «Хорографической чертежной книги Сибири» [2].

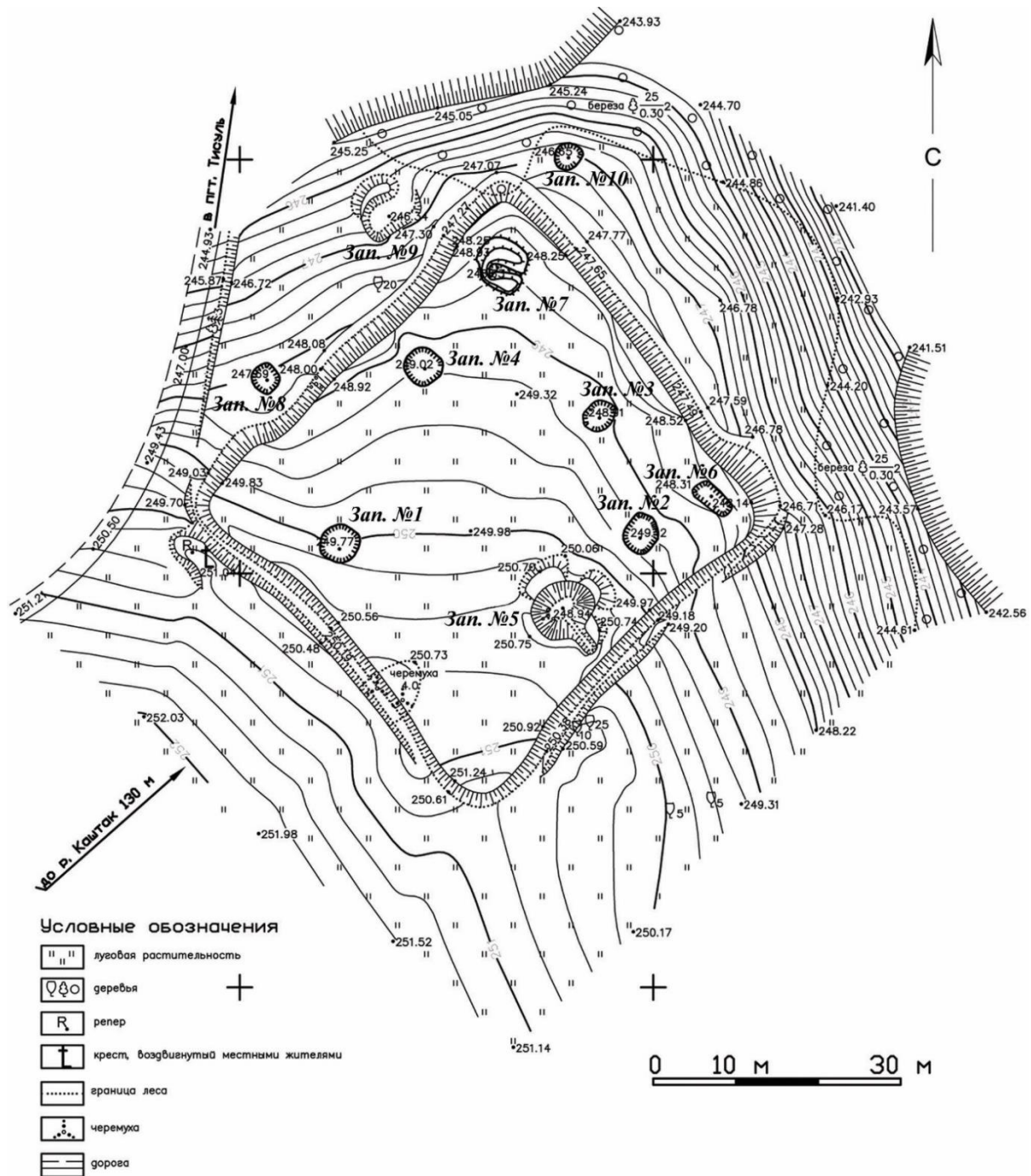

Рис. 3. Топографический план Каштакского острога

Во время инструментальной топографической съемки на внутренней площадке острога зафиксировано семь западин от углубленных в землю строений и сооружений (№ 1–7). Еще три западины (№ 8–10) находятся за пределами огороженной рвом площадки. Съемка проведена в мае, при очень низкой траве, поэтому можно говорить о фиксации всех объектов, сколько-нибудь различных на поверхности (см. рис. 3).

Западины № 1–4 округлой формы, диаметром около 6 м и глубиной до 0,3 м. Все они расположены несимметрично, у разных стен острога, во всех случаях на расстоянии 8–10 м от центральной линии рва. Эти западины в рамках рабочей гипотезы можно идентифицировать как остатки земляных юрт «для служи-

вых и работных людей». Скорее всего, этим понятием обозначались крытые дерном полуземлянки наподобие остяцкого *мыг-кат* [14]. Площадь западин достигает 30–35 м², следовательно, площадь самих полуземлянок составляла в среднем около 40 м², что достаточно для размещения (пусть и не очень комфортного) 10–15 человек в каждой из них.

Западина № 5 расположена по центру юго-восточной стены, на расстоянии до 5 м от центральной линии рва. Эта западина наиболее выразительна, в том числе за счет обваловки из вынутаго грунта. Даже сейчас хорошо читается подпрямоугольная форма западины с коридорным выходом в сторону юго-восточной стены. Глубина западины от верхней точки достигает 1,7 м,

длина по оси ЮЗ–СВ – 6,4 м, ширина по оси СЗ–ЮВ – 4,6 м. Длина коридора по оси СЗ–ЮВ составляет 3,9 м, ширина по оси ЮЗ–СВ до 1,5 м. Этот объект надежно идентифицируется как «казенный анбар» хранения стратегических припасов и оружия: «*Да в казенном анбаре сорок три мушкета, три лагуна да бочка пушечного и ручного пороху без весу, полтяты свинки свинца без весу ж*». В пользу этого говорит фундаментальность строения, что видно даже по сохранившимся его остаткам. Судя по всему, это был полностью углубленный в землю бункер с мощным перекрытием из вынутого грунта. Размеры анбара, по письменным источникам, соотносимы с размерами зафиксированной западины (до 8 аршин = 5,69 м). Похожий объект известен на территории Саянского острога и обозначен С.Г. Скобелевым и А.В. Шаповаловым как пороховой погреб [15].

Западина № 6 находится в восточном углу острога. Она подпрямоугольной формы, длиной по оси СЗ–ЮВ до 3,5 м, шириной по оси ЮЗ–СВ 2,2 м, глубиной до 0,4 м. Надежной идентификации не имеет, можно сделать предположение, что эта западина была подпольным помещением восточной угловой башни. Следует отметить, что на месте трех других угловых башен никаких следов нет, что может быть объяснено постановкой башенных срубов непосредственно на грунт.

Западина № 7 расположена в северном углу острога в округлой насыпи диаметром до 6 м. Западина Г-образной формы длиной по оси З–В – 4 м, шириной по оси С–Ю – 2,6 м, глубиной до 0,4 м. На площади объекта обнаружены куски горной породы, фрагменты глиняных кирпичей. Этот объект, скорее всего, связан не с жилым строением, а с остатками сереброплавильного горна. Находки кусков породы на удивление четко, учитывая прошедшее время, совпадают с наблюдениями Никифора Клеопина в 1744 г.: «*В одном углу внутри городка смотрено печище, при котором между кирпичных обломков сыскан сок, каков при плавке руд бывает*» [4]. В уже упомянутой росписи Семеном Лавровым указано на то, что из «белой горенки» через сени есть ход к часовне на проезжих воротах: «*А перед тою горенкою построены сени и покрыты драпьем. К часовне и в часовню двери из ево, Александровых сеней*» [12]. На рисунке Каштакского острога из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова северный угол представляется наиболее близким к схематично обозначенным проезжим воротам с часовней.

Западины № 8–10, расположенные за пределами рва, идентифицировать по письменным источникам без проведения земляных работ не представляется возможным.

Западина № 8 расположена с внешней стороны рва, на расстоянии около 8 м от северо-западной стены. Форма этой западины близка к прямоугольной, с длинной стороной до 4 м и глубиной до 0,35 м. Надежной идентификации не имеет.

Западина № 9 расположена с внешней стороны северо-западного угла, на расстоянии 8–10 м рва. Этот объект глубиной до 0,5 м имеет подпрямоугольную со скругленными углами форму, с длиной по оси ЮЗ–СВ

до 7,8 м и шириной по оси СЗ–ЮВ до 4,6 м. Надежной идентификации не имеет.

Западина № 10 расположена в 10 м к северо-востоку от северного угла острога, на береговом склоне р. Каштак. Диаметр этой округлой западины достигает 4,2 м при глубине относительно современной поверхности до 0,4 м.

Одна из нерешенных проблем изучения Каштакского сереброплавильного промысла заключается в определении точного месторасположения входов в рудные штольни. Во многих документах периода существования промысла имеется разрозненная информация, по большей части касающаяся глубины и протяженности самих горных выработок. Подробная информация о местоположении входов в копи представлена хуже.

Из рисунка Каштакского острога, сделанного греческими мастерами (см. рис. 1), следует, что все копи и входы в них располагались на склоне мысовидного участка с левой стороны устья р. Малый Каштак, входы в штольни можно надежно идентифицировать на рисунке острога и окрестностей по соответствующим подписям [2].

В отписке А. Левандиана от марта 1698 г. говорится о том, что первая штольня была заложена непосредственно на берегу, неподалеку от острога: «*И где прежде сего явилась руда, в краю речки Каштаку, и та жила пошла в болото. И мы зачали работать на оном месте на старом, где нам указали, для того, что блиско острога*» [16]. В конце того же документа он пишет о переносе копей выше по склону: «*И я ныне выкопал наверху иную яму, в глубину шести сажень трехаршинных*» [Там же]. В мае того же года Семен Лавров указывает: «*А ныне, государь, грек Александр Левандианов со товарищи почали промышлять руду вновь серебряную руду вниз по речке Каштаку, в горе, мерою от острога пятьсот сажень печатных. ... А у прежней подкопной ямы, где простроены насосы и льют воду безпрестанно, днем и ночью... А у другой подкопной ямы в горе, против отрогу...*» [17]. Воевода В.А. Ржевский, опять же в мае 1698 г., отписывает царю Петру I о наличии четырех копей: «*А он, Александр, в новопостроенном остроге работает у серебряной рудоплавного дела на четыре подкопа...*» [7]. Указание на существование четырех копей или просто на их множественное число имеется и в других документах этого периода, но точных указаний нет.

Немногим более информативны дневниковые (дневальные) записи все того же Н. Клеопина от 1744 г. Им отмечено, что «*...онные видны по течению Большого Каштака, на правой стороне, повыше немного городка. Разстоянием от речки сажень тридцать, снизу немалой горы... По течению Малого Каштака, на левой стороне, повыше немного городка, близ речки, видна она бывшая копь*» [4].

То есть по имеющимся письменным данным достоверно известно, что горных выработок было несколько, располагались они, скорее всего, на разных берегах р. Большой Каштак и уже через несколько десятилетий почти полностью разрушились – «*онныя все засорились и оплыли*» [Там же]. Косвенно наличие копей на правом берегу р. Большой Каштак подтверждает

наличие моста, обозначение которого имеется на греческом чертеже (см. рис. 1).

В ходе сплошной разведки осмотрены прибрежные участки правого и левого берегов р. Каштак на расстоянии до 1,5 км вверх и вниз по течению от остатков острога. Ширина осматриваемых участков достигала 400–500 м. К сожалению, остатки правобережных копей не найдены. Но в окрестностях острога, на левом берегу р. Малый Каштак, обнаружено три оплывших западины (см. рис. 2). Есть все основания считать их остатками первых штолен 1697–1698 гг.

Штольня № 1 имеет вид овальной западины длиной 4,9 м (запад–восток), шириной 3,9 м (север–юг) и глубиной до 1,1 м. Расположена в скалистом выходе склона левого берега р. Малый Каштак в 300 м к юго-западу от устья, на высоте около 20 м от уровня воды в р. Большой Каштак и около 6 м от уровня воды в р. Малый Каштак. Скорее всего, она связана с попытками 1698 г. увести выработки вверх по склону для извлечения от грунтовых вод. Штольню № 1 можно соотнести со входом в рудник на левом берегу р. Малый Каштак, обозначенном подписью «от устья под коп до жилы 6 сажений».

Штольня № 2 – круглая западина диаметром до 6,2 м при глубине до 1,7 м. Расположена на пологом склоне в 150 м к северо-западу от устья, на высоте около 10 м от уровня воды в р. Большой Каштак. Как и штольня № 1, может быть связана с поздними работами 1698 г. Штольня № 2 соотносится со входом на правом берегу р. Каштак у кромки воды, на рисунке подписана: «в глубину 6 сажений от порогу».

Штольня № 3 – круглая западина диаметром до 6 м при глубине до 1,7 м. Расположена на предпойменном участке левого берега р. Большой Каштак в 150 м к северо-западу от устья р. Малый Каштак, на высоте около 3 м от уровня воды в р. Большой Каштак. По всей видимости, это и есть остатки первоначально «подкопа», который пришлось оставить «для того, что та жила пошла в глубину ниже реки и около самой жилы пришли водные ключи великия» [7]. Штольня № 3, вероятнее всего, является входом на правом берегу р. Каштак с подписями «ямы в 6 сажений» и «руды».

В осыпи левого берега р. Малый Каштак, в 168 м к западу от устья (т.е. между штольнями № 1 и № 3), обнаружено два фрагмента от лепных и доработанных на ручном гончарном круге сосудов со следами горизонтальных однонаправленных параллельных заглаживаний на внутренней стороне. По своей морфологии

такая керамика близка русской посуде Притомья XVIII в. и может иметь прямое отношение к исследуемому промыслу.

Суммируя изложенные результаты комплексного историко-археологического исследования Каштакского сереброплавильного промысла, выделим три позиции.

Во-первых, установлены точное местоположение острога и его топографическая специфика – расположение в низине, на единственном в окрестностях удобном мысу с ровной площадкой, в непосредственной близости от неограниченного источника проточной воды и вблизи от места первоначального обнаружения серебряной руды. Обращение к письменным источникам свидетельствует о заблаговременном выборе места под острог со всем знанием местной топографии для оптимального выполнения основной задачи по организации сереброплавильного промысла. Подтверждена топографическая достоверность имеющегося рисунка Каштакского острога из «Хорографической чертежной книги».

Во-вторых, выявлены точные размеры укрепленной площадки острога, идентифицированы некоторые известные по письменным данным строения и установлена их планиграфия. Выявленная ориентация острога (углами по сторонам света) удостоверяет точность в этом отношении схематического рисунка из «Хорографической чертежной книги». Вместе с тем метрические измерения археологических остатков острога меняют представление о его размерах сторону увеличения и позволяют по-новому подойти к интерпретации некоторых документов (сведения С. Лаврова о «доставлении» острога). Более или менее точная идентификация ряда построек внутри острога (анбар, греческий угол, земляные юрты) обозначила закономерность их расположения вдоль стен острога, с оставлением центрального пространства свободным от углубленных в землю строений. Вероятно, именно здесь располагались две кузницы и другие хозяйственные строения, бывшие полностью наземными.

В-третьих, относительно надежно зафиксированы остатки только тех рудных копей, что располагались вблизи острога через р. Малый Каштак, но на том же левом берегу р. Большой Каштак. Их зафиксированное расположение не противоречит письменным данным и уточняет их в плане точных расстояний. Местонахождение единственной вынесенной в форпост копии на противоположном правом берегу р. Большой Каштак остается неизвестным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добжанский В.Н., Ермолаев А.Н. Каштакский сереброплавильный промысел: сборник документов и материалов. Кемерово : Тип. ИНТ, 2016. 192 с.
2. Добжанский В.Н., Ермолаев А.Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 170–175.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Д. 393/3. Л. 36 об.–40 об.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 854. № 52. Л. 510–511 об.
5. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 478. Ч. 3. № 41. Л. 1–4 об.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 3. № 1561. С. 268–270.
7. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. № 136. Л. 261–262.
8. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 393/3. Л. 48–52.
9. Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII вв. Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 198 с.

10. Горохов С.В., Бородавский А.П. Юго-западная угловая башня Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 324–329.
11. Бородавский А.П., Бородавская Е.И. Русские остроги XVIII в. на территории Новосибирской области : учеб. пособие. Новосибирск : Науч.-произв. центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. 42 с.
12. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 478. Ч. 3. № 1.
13. Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.
14. Шатилов М.Б. Ваховские остояки : (этнографические очерки). Томск : Изд. Том. краевого музея, 1931. 185 с. (Труды Томского краевого музея; т. 4).
15. Скобелев С.Г. Пороховой погреб Саянского острога XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Сер. История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 273–279.
16. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. № 137. Л. 262–63 об.
17. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 18. № 309. Л. 518 об.–520.

Alexey G. Marochkin, The Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: comcon@yandex.ru

Alexander S. Sizyov, The Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation) E-mail: asizyov@list.ru

Alexey N. Ermolaev, The Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: al-ermolaev@yandex.ru

Ivan A. Plats, The Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivanplac@yandex.ru

TOPOGRAPHY AND PLANIGRAPHY OF THE KASHTAK FORTRESS: EXPERIENCE OF COMPLEX HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Keywords: topography, planigraphy, the first silver-smelting complex of Russia, Kashtak fortress, north-eastern foothills of the Kuznetsk Alatau.

The article is devoted to the reconstruction of the Kashtak prison, built in 1697 to protect the first complex in the history of Russia for the extraction of silver ore and silver smelting. In case of success, it would acquire the strategic importance of financial support for the reforms, and therefore was under the personal control of Peter the Great. Recently, historians V.N. Dobzhansky and A.N. Ermolaev (Kemerovo) collected, systematized and translated all available written sources on the history of the Kashtak silver-smelting industry. For the most part, this is an official correspondence (reports, instructions and decrees) with the participation of the head of servicemen in the Kashtak fortress S. Lavrov, the Greek miner Alexander Levandian, the Tomsk governor V.A. Rzhev, Siberian Order and Peter I personally. Berg-meister N. Kleopin's notes on the inspection of the fortress's remains in 1744 are also an important written source.

However, written sources do not answer the questions of the exact size of the fortress, its topography and internal planigraphy and the topography and planigraphy of the entire mining industry. Answers to these questions became possible after conducting archaeological reconnaissance in May 2017, which included, among other things, a professional topographical survey of the superbly preserved micro-relief at the site of the fortress itself and some of the ore mines. The article presents the results of a comparison of data from archeology and written history.

It was found that the fortified part of the fortress was confined to the mouth of the head-shaped section formed by the first terrace above the floodplain of the left bank of the r. Kashtak (Big Kashtak) and the right bank of the r. Small Kashtak. The remains of the defensive moat are fixed on a flat platform, no more than 4 m high above the water edge in the river Kashtak, with a distance to the channel about 25–40 m. This does not contradict fragmentary information from written sources, but substantially complements them. Such topography of the settlement in the end of the XVII - beginning of the XVIII centuries fully met the requirements of the military protection of ore mines in terms of accommodating a large number of servicemen and workers.

The corners of the moat are oriented to the cardinal points. The line of the moat connecting the opposite corners of the fortress is slightly inward on each side, therefore the corners of the platform slightly protrude forward. There is no rampart as such, rather remnants of the breastwork on the inner side of the moat. The length of the north-east side was 49,4 m, the south-east side was 46,5 m, the south-west side was 47,9 m, the north-west side was 51,3 m. The area of the fortified site is about 2400 square meters. The actual difference with the data of written sources on the total length of the walls (more than 23 m) explains S. Lavrov's previously incomprehensible replies about how he "completed the fortress for twelve sazhen..."

8 sinkholes were fixed inside the fortress, with two more on the outer side of the moat. Relatively precise (after correlation with the description of S. Lavrov) identification of a number of structures within the ostrog (anbar, Greek corner, earthwork yurts) indicated a pattern of their location along the walls of the ostrog, leaving the central space free of deep-earth structures. Probably the ground forge facilities were located in the center.

The remains of ore mines near the fortress have been determined. Their fixed location does not contradict the written information and data of the drawing from the S.U. Remezov's "Horographic Drawing Book", but clarifies it in terms of exact distances.

REFERENCES

1. Dobzhanskiy, V.N. & Ermolaev, A.N. (2016) *Kashtakskiy serebroplavil'nyy promysel: sbornik dokumentov i materialov* [The Kashtak silver-smelting industry: a collection of documents and materials], Kemerovo: INT.
2. Dobzhanskiy, V.N. & Ermolaev, A.N. (2014) The figure of Kashtaksky jail and mine from "Chorographic Drawings Book" by S.U. Remezov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(1). pp. 170–175. (In Russian).
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. List 2. File 393/3. p. 36 ob.–40 ob.
4. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. Book 854. № 52. p. 510–511 ob.
5. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. List 2. File 478. Part 3. № 41. pp. 1–4 ob.
6. Russia. (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 3. № 1561. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 268–270.
7. The St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 21. List 4. File 12. № 136. p. 261–262.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. List 2. File 393/3. pp. 48–52.

9. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII – XVIII vv. Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin in the middle of the 17th – 18th centuries. Problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gorokhov, S.V. & Borodovskiy, A.P. (2017) Yugo-zapadnaya uglovaya bashnya Umrevinskogo ostroga [The south-western corner tower of the Umrevinsky prison]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 324–329.
11. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2003) *Russkie ostrogi XVIII v. na territorii Novosibirskoy oblasti* [Russian prisons of the 18th century on the territory of Novosibirsk region]. Novosibirsk: The Scientific and Production Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage.
12. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. List 2. File 478. Part 3. № 1.
13. Romanova, G.Ya. (2017) *Ob"yasnitel'nyy slovar' starinnykh russkikh mer* [The Explanatory Dictionary of Ancient Russian Measures]. Moscow: The Dmitry Pozharsky University.
14. Shatilov, M.B. (1931) *Vakhovskie ostyaki: (etnograficheskie ocherki)* [The Vakha Ostyaks: (ethnographic essays)]. Tomsk: Tomsk Regional Museum.
15. Skobelev, S.G. (2012) Porokhovoy pogreb Sayanskogo ostroga XVIII veka [The powder cellar of the Sayan prison in the 18th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Filologiya*. 2(3). pp. 273–279.
16. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 21. List 4. File 12. № 137. pp. 262– 63 ob.
17. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 21. List 4. File 18. № 309. pp. 518 ob.–520.

УДК 902.2

DOI: 10.17223/19988613/75/22

Д.Ю. Рыбаков

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШЕЛОМОК III ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017 г.

Исследование выполнено в рамках научного проекта, при поддержке

Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Представлены данные археологических раскопок поселения Шеломок III, расположенного в Томском Приобье. Установлено, что памятник отражает конечный этап проживания населения томского локального варианта кулайской культурно-исторической общности, сложившейся ранее в результате взаимодействия пришлой кулайской и местной шеломокской культур. Статистическая обработка керамического комплекса, а также данные палеоклиматических исследований позволяют сузить предложенную ранее датировку до конца II – первой трети III в. н.э. Наличие одного сосуда, включающего треугольный штамп и штамп «уточка», фиксирует начавшееся влияние со стороны населения фоминской культуры.

Ключевые слова: керамика, Томское Приобье, ранний железный век, томский локальный вариант кулайской культурно-исторической общности, поселение Шеломок III, археологические раскопки, культурно-хронологическая принадлежность

Поселение Шеломок III находится в эпонимном урочище на расстоянии 9 км к югу от г. Томска. Топографически памятник приурочен к мысу коренного берега р. Томи, образованному балкой, прорезающей террасу немного южнее памятника. Уклон здесь неравномерный, фиксируется несколько эрозионных ступеней, в основании которых находятся более или менее ровные площадки. Территория, занятая памятником, в настоящее время покрыта преимущественно луговой растительностью. Ранее здесь было сельскохозяйственное поле, которое распахивалось. Ближе к кромке террасы встречается береза, по склону и на кромке растет акация.

Поселение выявлено Л.М. Плетнёвой в 1975 г. Тогда же ею был снят глазомерный его план, включающий 9 западин размером 4,8–10 × 5–8,5 м. По ее мнению, так как территория памятника долгое время распахивалась, возможно, ранее западин было больше. В 1975–1976 гг. Л.М. Плетнёва исследовала две западины (№ 1, 2). Культурный слой мощностью 0,3–0,5 м содержал незначительное количество находок. Западина № 1 до начала раскопочных работ имела размер 8,4 × 9,9 м. На глубине 0,2–0,25 м от поверхности в центре раскопа выявлены границы жилища, которое было углублено в землю на 0,2–0,25 м от древней дневной поверхности. Оно имело подпрямоугольную конфигурацию с округленными углами. Размер составлял 5 × 4,6 м. На площади раскопа, частью в жилище, частью в пределах западины, зафиксировано несколько пятен обожженной земли. Небольшие размеры пятен, их небольшая мощность, расположение как внутри жилища, так и вокруг него делают возмож-

ным предположение, что это следы пожара, и жилище перестало функционировать в результате его последствий. Поселение отнесено к кулайской культуре и датировано Л.М. Плетнёвой III–IV вв. н.э. [1; 2. С. 55–59; 3. С. 142–143].

В 2011 г. Н.В. Березовской на памятнике проведена археологическая разведка. В результате были проведены съемка топографического плана, фотографическая фиксация, определены границы памятника. Н.В. Березовской зафиксировано 10 западин разной формы и глубины и одна насыпь. Западины по форме овальные или подпрямоугольные, имеют пологие задернованные борта. Выделяется объект № 10, прямоугольный котлован, который, вероятнее всего, имеет современное происхождение. На это указывают незадернованные стенки и более солидная глубина, чем у остальных западин [4. С. 21–23].

В 2017 г. раскопки на поселении продолжены Д.Ю. Рыбаковым. В северо-западной части памятника, на краю коренной террасы р. Томи, был разбит раскоп № 3. Юго-западным углом он примыкал к раскопу Л.М. Плетнёвой 1976 г. и имел форму квадрата площадью 100 кв. м, включая незначительное понижение рельефа, отмеченное на топографическом плане Н.В. Березовской как западина № 3. Еще до начала раскопок было сделано предположение, что данный объект не связан с жилищем. В пользу этого предположения говорило то, что визуально западина № 3 отличалась от остальных сохранившихся западин поселения Шеломок III, которые можно интерпретировать как жилищные. Это отличие заключалось в более округлой форме без фиксируемых углов и меньшей глубине.

На плане Л.М. Плетнёвой 1975 г. данная западина вообще не обозначена.

Проведенные раскопки западины № 3 показали отсутствие каких-либо остатков архитектурных особенностей, таких как котлован, очаг, детали внутреннего интерьера. Это подтвердило предположение, что раскопанный объект не является остатками жилища. Наиболее вероятно связать его с площадкой по изготовлению керамических сосудов. Очевидно, здесь производилась добыча глины для сосудов, а также их формовка и обжиг. В пользу этого свидетельствует тот факт, что почвенные слои в пределах раскопа представлены средними и тяжелыми суглинками, характерными для среднечетвертичных покровных пород, слагающих междуречные пространства и высокие надпойменные террасы в Томском Приобье, которые вполне подходят для производства керамики. Наличие значительного количества ударных орудий для получения дресвы, двух крупных валунов, служивших в качестве наковален для ее дробления, а также фрагментов битого камня подтверждают данное предположение. Проведенный технико-технологический анализ керамики с памятников кулайской культурно-исторической общности (далее – КИО) в Томском Приобье позволяет говорить о том, что из минеральных примесей характерно добавление в тесто керамических сосудов в основном дресвы [5]. Наличие семи прокалов в пределах раскопа, очевидно, фиксирует, что обжиг сосудов производился непосредственно в пределах производственной площадки, связанной с добычей сырья и формовкой сосудов.

Стратиграфические наблюдения позволяют сделать следующие выводы. Почвенные слои в пределах раскопа представлены средними и тяжелыми суглинками. Их перекрывает поверхностный гуммированный слой, сформированный в результате естественных процессов и антропогенного воздействия, оказанного на территорию памятника в результате распахивания. В период функционирования поселения в межжилищном пространстве сформировался культурный слой (серо-коричневый суглинок), содержащий основное количество находок. Впоследствии в северо-западной части памятника, прилегающей к коренной террасе, в результате выемки грунта образовалось понижение рельефа. Очевидно, это было связано с организацией площадки, связанной с изготовлением керамических сосудов. В дальнейшем понижение было частично засыпано желто-коричневым суглинком, в результате чего на некоторых участках произошло перекрытие серо-коричневого суглинка. Наиболее вероятно, что желто-коричневый суглинок мог являться грунтом, выкинутым при строительстве котлована для жилища, раскопанного в 1976 г. Л.М. Плетнёвой. Следовательно, его сооружение произошло позже сооружения исследованной производственной площадки. Не исключено, что выброс желто-коричневого суглинка из жилища производился неоднократно, что, возможно, связано с расширением или ремонтом жилища. Об этом свидетельствуют линзы в заполнении серо-коричневого суглинка.

В результате раскопок 2017 г. была получена коллекция находок, включающая 477 единиц, большую

часть которой составляют фрагменты керамических сосудов. Для описания и статистической обработки керамического комплекса поселения Шеломок III использовалась классификация керамики томского варианта кулайской КИО, предложенная автором [6]. По форме преобладают прямые или закрытые банки, реже слабопрофилированные горшки. Венчик обычно округлый или скошен внутрь. Большинство сосудов круглодонные. Орнаментом, за редким исключением, покрыта только верхняя часть сосудов. Набор элементов орнаментов: ямки, гребенчатый штамп, печатная гребенка (группа 1), штамп уточка (группа 4). Основной мотив – горизонтальный. В одном случае встречается взаимопроникающий треугольный штамп. Подобная керамика находит ближайшие аналогии в материалах позднего этапа кулайской КИО III–IV вв. н.э.

В ходе статистической обработки керамического комплекса поселения Шеломок III было установлено, что он включает фрагменты от 27 керамических сосудов: 12 сосудов – группы 1 (рис. 1), 13 сосудов – группы 4 (рис. 2), 1 сосуд – группы 6 и 1 сосуд группы 4/7 (рис. 3). По морфологии верхних частей преобладают открытые банки и слабопрофилированные горшки (74%), а также закрытые банки (25,9%). Срез венчиков у большинства сосудов горизонтальный (37,2%) либо округлый (37,2%), реже скошен внутрь (25,9%) (табл. 1). Среди керамического комплекса поселения Шеломок III имеется всего 3 фрагмента донца и придонных частей от плоскодонных сосудов. Это свидетельствует о том, что подавляющая часть сосудов была круглодонной.

При декорировании сосудов использовалось 7 элементов орнамента, выполненных в технике штампования. Орнаментальная композиция располагается в верхней части сосуда. Без орнамента отмечен 1 сосуд (3,7% от общего количества). Наиболее часто использовались элементы в виде ямок, печатной гребенки и штампа уточка (гладкой и гребенчатой) (табл. 2). В среднем число строк составляет 5,1 на один керамический сосуд.

Элементы орнамента образуют 14 орнаментальных мотивов. Все они имеют горизонтальное расположение. К наиболее часто встречаемым орнаментальным мотивам относятся: горизонтальный ряд ямок, горизонтальный ряд вертикальной печатной гребенки, горизонтальный ряд наклонной печатной гребенки, горизонтальный ряд гладкой уточки, горизонтальный ряд гребенчатой уточки (табл. 3).

Мотивы орнамента образуют 9 орнаментальных композиций (табл. 4). Для орнаментации сосудов одним элементом орнамента используется 3 мотива. Число таких сосудов, с композицией, состоящей из одного элемента орнамента, составляет 5 сосудов – 18,5% от всего керамического комплекса. Два элемента орнамента с применением всего двух мотивов используется на 7 сосудах – 25,9%. Три элемента орнамента с применением двух мотивов используется на 12 сосудах – 44,4% керамического комплекса. С использованием четырех элементов орнамента выявлено всего два сосуда с оригинальными мотивами – 7,4% комплекса. Интерес представляет сосуд, содержащий в своей орнаментальной композиции гребенчатый штамп уточка (группа 4) и оттиски треугольного штампа, выполненного во вза-

имопроницающем мотиве (группа 7) (см. рис. 3). Подобная орнаментальная композиция, сочетающая в себе элементы двух групп, крайне редка в Томском При-

бье. Автору известен всего один сосуд из материалов городища Тимирязево III (раскопки Д.Ю. Рыбакова 2013 г.), которые включают выборку из 265 сосудов.

Рис.1. Фрагменты керамических сосудов (группа 1)

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов (группа 4)

Таблица 1

Морфология верхних частей сосудов

Форма венчика	Срез венчика %					Всего %
	Приостренный	Округлый	Уплощенный			
			Скошен внутрь	Горизонтальный	Скошен наружу	
Вогнут внутрь	–	4 (14,8%)	3 (11,1%)	–	–	7 (26%)
Прямой	–	6 (22,2%)	4 (14,8%)	10 (37,2%)	–	20 (74%)
Всего (%)	–	10 (37,2%)	7 (25,9%)	10 (37,2%)	–	27 (100%)

Таблица 2

Частота встречаемости элементов орнамента

Элемент орнамента	Техника нанесения	Количество сосудов	%	Число строк	%
Ямки	штамп	23	85,1	25	18
Гребенка	штамп	5	18,5	10	7,2
Лопатка	штамп	8	29,6	10	7,2
Гладкая уточка	штамп	9	33,3	30	21,7
Гребенчатая уточка	штамп	6	22,2	16	11,5
Печатный гребенчатый	штамп	16	59,2	46	32,1
Треугольный	штамп	1	3,7	4	2,8
Без орнамента	–	1	3,7	–	–

Рис. 3. Фрагмент керамического сосуда (группа 4/7)

Таблица 3

Частота встречаемости орнаментальных мотивов

Орнаментальный мотив	Количество сосудов	%
Горизонтальный ряд ямок	15	55,5
Горизонтальный ряд сгруппированных ямок	4	14,8
Два горизонтальных ряда чередующихся ямок (шайтанская рожа)	1	3,7
Горизонтальный ряд вертикального гребенчатого штампа	1	3,7
Горизонтальный ряд наклонного гребенчатого штампа	4	14,8
Горизонтальный ряд вертикальной печатной гребенки	9	33,3
Горизонтальный ряд наклонной печатной гребенки	8	29,6
Горизонтальный ряд горизонтальной печатной гребенки	1	3,7
Горизонтальный ряд елочки из оттисков печатной гребенки	2	7,4
Горизонтальный ряд зигзага из оттисков печатной гребенки	1	3,7
Горизонтальный ряд наклонно поставленной лопатки	4	14,8
Горизонтальный ряд гладкой уточки	9	33,3
Горизонтальный ряд гребенчатой уточки	6	22,2
Горизонтальный ряд взаимопроникающего треугольного штампа	1	3,7

Таблица 4

Частота встречаемости орнаментальных композиций

Орнаментальная композиция	Количество сосудов	%
Без орнамента		
—	1	3,7
1 элемент орнамента		
Один мотив ямок	2	7,4
Один мотив гребенчатого штампа (печатной гребенки)	2	7,4
Два мотива гребенчатого штампа (печатной гребенки)	1	3,7
Итого	5	18,5
2 элемента орнамента		
Ямки и два мотива гребенчатого штампа (печатной гребенки)	4	14,8
Ямки с одним мотивом уточки	3	11,1
Итого	7	25,9
3 элемента орнамента		
Ямки один мотива гребенчатого штампа (печатной гребенки) и один мотив лопатки	3	11,1
Ямки с одним мотивом уточки и гребенчатого штампа (печатной гребенки)	9	33,3
Итого	12	44,4
4 элемента орнамента		
Ямки с одним мотивом печатной гребенки, лопатки и уточки	1	3,7
Ямки с одним мотивом печатной гребенки, уточки и треугольного штампа	1	3,7
Итого	2	7,4
Всего	27	100

Рис. 4. Изделия из железа и каменный инвентарь. 1–4 – железо; 5–7 – камень

Находки из железа представлены четырьмя целыми предметами, а также рядом мелких обломков. В заполнении темно-серого суглинка с затеками гумуса было обнаружено два железных ножа. В положении *in situ* оба ножа располагались на расстоянии 0,3 м друг от друга.

Острия обоих ножей были ориентированы в восточном направлении. Первый нож черешковый со слегка изогнутой спинкой. Общая длина 14,5 см, рабочей части 12 см (рис. 4, 1). Второй также черешковый с прямой спиной, общая длина 8 см, рабочей части 5 см (рис. 4, 2).

Железная полусферическая бляшка. Имеет гладкую внешнюю поверхность, диаметр изделия 2,0 см. С обратной стороны имеется основание от обломанной перегородки для крепления (рис. 4, 3). Ближайшие аналогии известны в материалах городища Тимирязево III (раскопки Д.Ю. Рыбакова 2013 г), а также в фоминских могильниках Ближние Елбаны-7 (могила 6, 31, 38), Усть-Абинский (могила 11) в Барнаульском Приобье [7. Рис. 28, 3; 8. Табл. VIII, 4, XV, 1–4, XX, 5, LXXXIX, 4–6]. Одна полусферическая бляшка присутствует в материалах раннесредневекового курганного могильника Тимирязево I. Однако у нее иной способ крепления – через петельку [9. Рис. 2, 9]. Таким образом, полные аналогии имеются в материалах фоминских могильников кулайской КИО, которые датируются Ю.В. Шириным II/III–IV вв. н.э.

Железный шипастый наконечник. По способу крепления относится к черешковым. Имеет насад длиной 7 мм, длина лопасти 3,5 см, максимальная ширина 2 см. Оба шипа обломаны (рис. 4, 4). В Томском Приобье известен один экземпляр в материалах городища Тимирязево III [5. Рис. 99, 3]. Практически полные аналогии по форме и размеру известны в материалах батеневского и тепсинского этапов таштыкской культуры. Подобные наконечники стрел отнесены Ю.С. Худяковым к группе II типу 4. Все наконечники данного типа им датируются I–V вв. н.э. [10. Рис. 36, 27, 28, 38; 11. С. 49–50]. Близкие аналогии (2 экземпляра) имеются в материалах парабельского культового места [12. Рис. 30, 10, 11]. От наконечника с поселения Шеломок III их отличает наличие продольных ребер жесткости. Парабельский клад относится к позднекулайскому времени и, как считает Л.А. Чиндина, верхняя его граница не выходит за рамки V в. н.э. [Там же. С. 70].

Каменный инвентарь вполне стандартен для поселений раннего железного века и включает абразивы, ударные инструменты, песты для растирания, наковальни из крупных окатанных речных булыжников (рис. 4, 5, 6, 7).

В целом на основании керамического комплекса, отсутствия изделий из бронзы и следов ее металлообработки и в то же время наличия ряда изделий из железа позволяет отнести поселение Шеломок III к позд-

некулайскому времени. Однако практически полное отсутствие в керамическом комплексе сосудов, орнаментированных фигурными штампами (за исключением штампа «уточка»), не позволяет связать его с финальным этапом существования томского локального варианта кулайской КИО, включающем такие памятники, как городище Тимирязево III, поселение Аникино I, Тимирязево IX, Кайдаловка.

Ранее автором было высказано мнение, что керамика с фигурно-штамповой орнаментацией (группа 7) появляется на территории Томского Приобья в сформировавшемся виде и связана с миграцией населения фоминской культуры с южных территорий. Причиной такой миграции мог являться аномально теплый период между 228–327 гг. н.э. [13]. Если это так, то верхнюю хронологическую границу функционирования поселения Шеломок III следует датировать не позже первой трети III в. н.э. Учитывая, что поселение существовало относительно непродолжительное время, нижнюю его границу можно обозначить не ранее конца II – начала III в. н.э.

Полученные в результате археологических исследований материалы позволяют утверждать, что поселение Шеломок III отражает период проживания населения томского локального варианта кулайской КИО накануне миграции фоминцев на территорию Томского Приобья с юга, которая, очевидно, носила относительно мирный характер. Впоследствии ее влияние привело к тому, что население томского варианта кулайской КИО, проживавшее в Томском Приобье, было ассимилировано пришельцами. Этому процессу способствовала их общая культурная основа. Отсутствие городищ в структуре большинства поселений III–IV вв. н.э. свидетельствует, что взаимодействие южных мигрантов и местного населения не носило характера военной конфронтации.

К концу этого периода в Томском Приобье обостряется военная ситуация. Об этом свидетельствует появление мощного поселенческого комплекса со сложной системой фортификации, включающего городище Тимирязево III, что, очевидно, следует связать с появлением нового населения, взаимодействие с которым приводит к сложению раннесредневековых памятников в Томском Приобье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнёва Л.М. Отчет об археологических исследованиях Томского отряда Среднеобской археологической экспедиции Томского университета в 1976 г. Томск, 1977 // Архив МАЭС ТГУ. № 694.
2. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 142 с.
3. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
4. Березовская Н.В. Отчет о проведении разведочных работ в Томском районе Томской области в 2011 г. // Архив ОГАУК «Центр по охране памятников». 2014. 47 с.
5. Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 46–53.
6. Рыбаков Д.Ю. Керамический комплекс поселения Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 11 (113). С. 87–94.
7. Рыбаков Д.Ю. Отчет о исследованиях нижнетомского, верхнекетского, шегарского отрядов экспедиции Музея г. Северска в 2013 г. Томский, Верхнекетский, Шегарский районы Томской области. Северск, 2015. 281 с.
8. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
9. Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
10. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 267 с.
11. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н.э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 44–60.
12. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.

13. Рыбаков Д.Ю. Взаимосвязь миграционных процессов и климатических изменений в раннем железном веке (на материалах Томского Приобья) // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. Казань. 2014. Т. IV. С. 365–369.

Dmitriy Yu. Rybacov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dima0183@yandex.ru

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL POSITION OF THE SETTLEMENT OF SHELOMOK III BASED ON THE MATERIALS OF THE 2017 EXCAVATIONS

Keywords: pottery, the Tomsk Ob region, the early iron age, the local kulay cultural-historical community of Tomsk, the settlement Shelomok III, archaeological digs, cultural and chronological affiliation.

The settlement of Shelomok III is located in the Tomsk Ob region, which in turn is the northernmost part of the vast Upper Ob region. The monument was opened in 1975 by L.M. Pletneva. At the same time, as well as in 1976, archaeological excavations were conducted, which established its cultural and chronological affiliation. In 2017 the author carried out excavation work at the settlement related to kulay culture and dated III–IV centuries BC and studied a part of the monument. The object, which presumably can be associated with the site for the production of ceramic vessels, was examined. Apparently, this is where the clay for the vessels was extracted, molded and burned. As a result of the excavations, a collection of finds was obtained, including 477 items, most of which are fragments of ceramic vessels.

The purpose of the article is to clarify the cultural and chronological position of the settlement of Shelomok III, taking into account the data available to date the objects related to the kulay cultural and historical community. Special attention is paid to ceramics as the most sensitive cultural and chronological marker.

The statistical analysis showed that the ceramic complex of the monument includes fragments from 27 vessels. According to the classification of ceramics of the Tomsk's variant of kulay cultural-historical community, previously proposed by the author, 12 vessels belong to the group 1, 13 of the vessels to the group 4, 1 vessel to the group 6 and 1 vessel is in a mixed group, which can be attributed both to the group 4 and the group 7. The morphology of their upper parts is dominated by its open banks and poorly profiled pots (74 %), as well as closed banks (26%). Most of the vessels were round-bottomed. When decorating the vessels, 7 elements of the ornament were used, made in the technique of stamping. The most commonly used elements were in the form of pits, combs, and a duck stamp (smooth and combed). The elements of the ornament form 14 ornamental motifs. All of them have a horizontal arrangement. The motifs of the ornament form 9 ornamental compositions. Quantitatively, compositions made with the help of 3 elements of ornament with the use of 2 motifs predominate.

The discovered metal products are made of iron, which indicates its widespread use. Stone tools are standard for early iron age settlements and include abrasives, percussion instruments, pestles for grinding, and anvils made from large rolled river boulders.

The almost complete absence of ceramics with figurative and stamped ornamentation (except for the duck stamp) in the materials of the settlement of Shelomok III marks the upper timeframe of its existence which is no later than the first third of the III century AD. The lower border, for a number of signs, cannot be dated earlier than the end of the II - beginning of the III century AD.

The archaeological research data allow to state that the settlement of Shelomok III reflects the final stage of the residence of Tomsk local variant kulay cultural-historical community population, formed earlier by interaction with the outside kulay and local shelomok cultures, on the eve of migration of fominsk culture to the territory of the Tomsk Ob region from the southern areas.

REFERENCES

1. Pletneva, L.M. (1977) *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh Tomskogo otryada Sredneobskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii Tomskogo universiteta v 1976 g.* Tomsk, 1977 [Report on archaeological research of the Tomsk detachment of the Sredneobskaya archaeological expedition of Tomsk University in 1976. Tomsk, 1977]. The Archive of MAES TSGU. № 694.
2. Pletneva, L.M. (1977) *Tomskoe Priob'ye v kontse VIII–III vv. do n.e.* [The Tomsk Priobye at the end of the 8th – 3rd centuries BC]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The Archaeological Map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Berezovskaya, N.V. (2014) *Otchet o provedenii razvedochnykh rabot v Tomskom rayone Tomskoy oblasti v 2011 g.* [Report on the exploration work in the Tomsk district of Tomsk Region in 2011]. The Archive of the OGAUK "The Center for the Protection of Monuments".
5. Rybakov, D.Yu. & Stepanova, N.F. (2017) The results of technical and technological analysis of ceramics of the Kulay cultural-historical community's sites from the Tomsk and Naryn Ob region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 46–53. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/9
6. Rybakov, D.Yu. (2011) Ceramic complex of settlement Ryuzakovo (Dukhovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11(113). pp. 87–94. (In Russian).
7. Rybakov, D.Yu. (2015) *Otchet o issledovaniyakh nizhnetomskogo, verkhneketskogo, shegarskogo otryadov ekspeditsii Muzeya g. Severska v 2013 g.* Tomskiy, Verkhneketskiy, Shegarskiy rayony Tomskoy oblasti [Report on the research of the Nizhnetomsky, Verkhneketsky, Shegarsky detachments of the expedition of the Museum of Seversk in 2013. Tomsk, Verkhneketsky, Shegarsky districts of Tomsk Region]. Seversk: [s.n.].
8. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhee Priob'ye i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [The Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau in the early 1st millennium AD (funeral monuments of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
9. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob region in the 5th–8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Khudyakov, Yu.S. (1986) *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [The armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka.
11. Khudyakov, Yu.S. (1990) *Vooruzhenie kochevnikov Tsentral'noy Azii v pervoy polovine I tys. n.e.* [The armament of the nomads of Central Asia in the first half of the 1st millennium AD]. In: Khudyakov, Yu.S. & Plotnikov, Yu.A. (eds) *Voennoye delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [The warfare of the ancient and medieval population of North and Central Asia]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 44–60.
12. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulayskaya kul'tura)* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age (the Kulay culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Rybakov, D.Yu. (2014) *Vzaimosvyaz' migratsionnykh protsessov i klimaticheskikh izmeneniy v rannem zheleznom veke (na materialakh Tomskogo Priob'ya)* [Interrelation of migration processes and climatic changes in the early Iron Age (on the materials of the Tomsk Ob region)]. *Trudy IV (XX) Vseros. arkhеologicheskogo s'ezda v Kazani*. 4. pp. 365–369.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/75/23

А.В. Литвинов, В.П. Зиновьев

ПРОФЕССОР ПЁТР ФЁДОРОВИЧ НИКУЛИН

Приводится биография и дается краткая характеристика вклада в развитие отечественной истории профессора Национального исследовательского Томского государственного университета, доктора исторических наук Петра Федоровича Никулина (10 августа 1951 г. – 31 января 2022 г.).

Ключевые слова: Томский государственный университет, профессор П.Ф. Никулин

Петр Федорович Никулин был одним из тех деревенских послевоенных пацанов, которым советская система образования дала возможность реализовать дар творчества, заложенный родителями – крестьянами-старообрядцами. Отец П.Ф. Никулина, Фёдор Васильевич (1926–2003), служил в Красной Армии, участник Великой Отечественной войны. Мать П.Ф. Никулина – Лукерья Максимовна (дев. Мелентьева, 1929–2000). Деревня Макурино Юргинского района Кемеровской области, сворот на которую может видеть каждый проезжающий по Сибирскому тракту из Томска направо у деревни Зелеевее, может гордиться своим земляком. В 1952 г. семья переехала в пос. Курлек Томского района Томской области, где родители до пенсии работали на лесопильном заводе Калтайского лесопункта Тимирязевского леспромпхоза. Такой путь после войны проделали многие крестьянские семьи, убегая от нищеты колхозной жизни в более или менее сытые индустриальные поселки.

П.Ф. Никулин обучался вначале в Курлекской 8-летней школе, затем в средней школе в с. Кафтанчи-

ково Томского района. После окончания школы с серебряной медалью (1968) он имел широчайшие возможности для выбора вуза в Томске, Кемерово, Новосибирске, Москве, но он выбрал Алма-Атинское высшее пограничное командное Ордена Октябрьской революции Краснознаменное училище КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Выбор был обусловлен его высоким патриотическим настроением и хорошей физической формой. Однако столкновение с армейской реальностью способствовало сокращению у Петра Федоровича романтических идиллий. Из училища он был отчислен и еще год дослуживал в Вооруженных силах. Первый опыт определиться с профессией, таким образом, оказался неудачным.

После демобилизации в 1971 г. Петр Федорович поступил на физико-технический факультет Томского государственного университета. Физика из него также не получилось. Видимо, он разочаровался еще в одной науке. В 1973 г. он начал работать учителем математики и физики в школах-восьмилетках в деревнях Поперечное и Лебяжье-Асаново Юргинского района Ке-

меровской области, а с 1975 г. – в Курлекской средней школе, где наряду с физикой и математикой преподавал историю учащимся-вечерникам, был классным руководителем, вел кружки и спортивную секцию, организовывал военно-патриотическую игру «Зарница». Вероятно, более близкое знакомство с историей страны позволило ему сделать окончательный выбор профессии. Он решил стать историком.

В 1976 г. Петр Федорович поступил на исторический факультет Томского государственного университета. Среди его университетских преподавателей были профессора Н.В. Блинов, Ю.В. Куперт, Г.Х. Рабинович, З.Я. Бояршинова, А.А. Говорков и др. Его учебная группа была блестящим подбором талантов. Достаточно назвать трех докторов наук, сотрудников Института истории, археологии и этнографии СО РАН – И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.Х. ЭлERTA, профессора А.С. Шевлякова из ТГУ. Во время учебы П.Ф. Никулин принимал активное участие в общественной работе, занимался спортом. В 1981 г. он с отличием окончил университет по специальности «История» с квалификацией «Историк, преподаватель истории и обществоведения», защитив дипломную работу «Советская историография вопроса об уровне аграрного капитализма в Сибири периода империализма». Его научным руководителем был доктор исторических наук, профессор Н.В. Блинов.

Петр Федорович получил распределение в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) ТГУ. Н.В. Блинов поставил перед ним задачу изучения сельскохозяйственных переписей статистико-математическими методами. Анализом массовых источников занимались в стране немногие ученые: группа академика И.Д. Ковальченко в МГУ, профессор Б.Н. Миронов в ЛГУ, группа профессора Л.М. Горюшкина в Новосибирске. Однако создать в Томске группу таких исследователей по планам Н.В. Блинова не удалось. Со смертью профессора Г.Х. Рабиновича и отъездом в Москву по личным обстоятельствам профессора Н.В. Блинова руководить такой тематикой в Томске стало некому. Петра Федоровича определили в аспиранты к профессору А.А. Говоркову на кафедру истории СССР досоветского периода ТГУ, где ему предстояло заняться историографией истории России. Профессор А.А. Говорков был замечательным историографом, учеником профессора Е.А. Луцкого из Московского историко-архивного института, но он не занимался математическими методами исторических исследований. Положение спас Н.В. Блинов, которому удалось договориться с И.Д. Ковальченко об аспирантуре П.Ф. Никулина на историческом факультете МГУ по интересующей его тематике исследований.

В период аспирантской подготовки П.Ф. Никулин занимался определением возможностей использования математических методов для обработки и анализа первичных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. в качестве источника изучения уровня рыночно-капиталистического развития крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Им была дана взвешенная оценка степени развития

экономики западносибирской деревни накануне революции 1917 г. В 1989 г. в специализированном диссертационном совете по истории СССР МГУ им. М.В. Ломоносова он защитил диссертацию «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири» на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования; научный руководитель – академик АН СССР И.Д. Ковальченко; официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор В.А. Федоров, кандидат исторических наук, доцент К.Б. Литвак; утвержден ВАК в 1990 г.) [1].

Аспирантура закончилась в 1986 г., и П.Ф. Никулин вернулся в Томский университет на должность младшего научного сотрудника по хозяйственному научно-исследовательской части (НИЧ) ТГУ, затем ассистента, с 1991 г. – старшего преподавателя, с 1996 г. – доцента, с 2010 г. по 1 сентября 2018 г. – профессора кафедры отечественной истории (до 1991 г. – кафедра истории СССР досоветского периода исторического факультета ТГУ). В 2006–2009 гг. он был докторантом кафедры отечественной истории ТГУ. Ученое звание доцента кафедры отечественной истории ему было присвоено ВАК в 2002 г. Он разработал и читал авторские курсы «Источниковедение отечественной истории IX – начала XX в.», «История России 1894–1917 гг.», «Математические методы в исторической науке».

Областью научных интересов П.Ф. Никулина всегда была история экономической и социальной модернизации крестьянского хозяйства Сибири в начале XX в. как органическая часть общего развития России. Петр Федорович занимался проблемой выяснения внутреннего содержания, форм и степени рыночной модернизации традиционного крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в., определением его социально-культурной, экономической природы и основных направлений дальнейшего развития. В ходе исследования на обширной источниковой базе им были выявлены размеры и уровень производственно-технический базы, семейно-трудовые ресурсы, общее состояние и основные тенденции развития традиционного крестьянского хозяйства, а также степень, формы включенности в рыночно-капиталистические отношения и рыночные структуры хозяйства в различных социальных группах крестьянства. Определена социокультурная и экономическая природа процесса воспроизводства хозяйства, земельной аренды и использования наемного труда в крестьянских дворах различных социальных групп. Раскрыта социально-экономическая природа предпринимательства в зажиточных крестьянских хозяйствах региона. Установлены формы, содержание и глубина модернизации внутреннего строя хозяйства в различных группах крестьянских дворов.

В результате П.Ф. Никулиным были сделаны следующие выводы. В процессе экономической модернизации, вызванной включением крестьянского хозяйства Сибири в общероссийский капиталистический рынок, участвовали все социальные группы крестьян-хозяев (зажиточные, середняки и бедняки). В этой свя-

зи модернизация дореволюционной сибирской деревни происходила на традиционном хозяйственно-культурном базисе. Несмотря на динамичную модификацию экономики, внутренний строй крестьянских хозяйств Сибири в целом сохранял традиционную семейно-трудовую мелкотоварную природу. Мелкотоварный семейный (некапиталистический) характер имели в начале XX в. и зажиточные хозяйства, которые включились в рыночные отношения. В процессе экономической эволюции сибирской деревни начала XX в. существенную роль играла крестьянская община. Господство общинных социокультурных механизмов в процессах воспроизводства, социально-природной адаптации и инновационного развития традиционной хозяйственной культуры деревни обусловило общинно-кооперативную форму модернизации крестьянского хозяйства. Фермерский путь аграрной эволюции практически не получил развития. Напрасно комиссары искали в сибирской деревне буржуев, так как вне зависимости от размера хозяйств они оставались натуральными, втянутыми в рыночные отношения только при продаже излишнего или даже необходимого для личного потребления продукта. Высокая продуктивность больших хозяйств объяснялась большим числом работников и едоков. Зажиточные хозяйства были большими семьями, семейной кооперацией. Интенсивная модернизация сибирской деревни в начале XX в. свидетельствует о том, что крестьянское хозяйство региона обладало громадным социально-адаптационным потенциалом, но магистральным путем крестьянской модернизации в России была кооперация, а не создание фермерских хозяйств с наемным трудом. Открытая Петром Федоровичем закономерность действует и до сих пор: современные реформаторы добились в своем раже насадить фермерские хозяйства американского типа меньших результатов, чем их кумир П.А. Столыпин. Однако Петр Аркадьевич заслужил благодарность России тем, что заселил Сибирь и Дальний Восток, а при нынешних реформаторах Северная Азия стремительно теряет население.

В 2009 г. в диссертационном совете при Томском университете П.Ф. Никулин защитил диссертацию «Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в.» на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.02 – отечественная история; научный консультант – доктор исторических наук, профессор В.П. Зиновьев; официальные оппоненты – доктора исторических наук, профессора В.Н. Владимиров, Ю.В. Курперт, М.К. Чуркин; утвержден ВАК в 2010 г.) [2].

Наряду с проблемами аграрно-крестьянской эволюции Сибири в начале XX в. П.Ф. Никулин разрабатывал социокультурную методiku источниковедческого анализа массовых источников по истории Сибири второй половины XIX – начала XX в., занимался исследованием различных аспектов развития российской цивилизации второй половины XIX – начала XX в.

П.Ф. Никулин – автор 36 работ, в том числе трех монографий и двух учебных пособий. Петр Федорович не написал сотен трудов, как многие другие историки, однако оставил заметный след в изучении истории Сибири. Его небольшое учебное пособие «Теория и методика источниковедения в отечественной истории X – начала XX вв.» (Томск, 2000), удостоенное премии ТГУ, судя по материалам Интернета, пользуется среди студентов и преподавателей страны большой популярностью, привлекая ясностью формулировок и четкой логикой изложения [3]. Его монография об экономическом строе крестьянского хозяйства Сибири во многом изменила наши представления о характере и природе крестьянского хозяйства. России в целом [4]. Свой подход к изучению крестьянства он называл социокультурным, доказывая верность своих выводов о сути крестьянской жизни математическими формулами и расчетами.

Он принимал участие в работе ряда международных, всероссийских, региональных научных конференций и симпозиумов. В их числе международная научная конференция «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» (Томск, 1996), Всероссийская научная конференция, посвященная 120-летию ТГУ (Томск, 1998), IV и V научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина (Барнаул, 2003, 2005), всероссийская научная конференция «Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в.» (Томск, 2007), российская научная конференция «Столыпинская аграрная реформа в Сибири: история и современность» (Томск, 2011) и др.

П.Ф. Никулин немало сделал для подготовки кадров высшей квалификации, являлся членом диссертационного совета Д 212.267.03 по историческим наукам в ТГУ (2011–2018). При его консультации защитил докторскую диссертацию известный историк-аграрник Д.Н. Белянин. последняя кандидатская диссертация, в подготовке которой он принимал участие, защищена 27 декабря 2021 г. Е.К. Антоновой и утверждена НАК ТГУ 25 января 2022 г. [5]

Увлечения П.Ф. Никулина были просты – чтение художественной литературы, летняя рыбалка. Главным его богатством были книги, а любимым местом отдыха – родная деревня Курлек и берега Томи.

П.Ф. Никулин был женат на Татьяне Викторовне Юрковой (дев. Пасько, р. 1967). Она окончила экономический факультет ТГУ (1999), работает старшим лаборантом кафедры отечественной истории исторического факультета ТГУ.

Петр Федорович был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2012) [6–9].

Из жизни ушел крупный ученый, не реализовавший себя, по мнению профессора В.Н. Владимирова, и наполовину, незаурядная личность, цельная натура, не разменивавшаяся по мелочам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулин П.Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 1989. 241 с.

2. Никулин П.Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009. 50 с.
3. Никулин П.Ф. Теория и методика источниковедения отечественной истории X – начала XX вв. : учеб. пособие. Томск : Том. гос. ун-т, 2000. 85 с.
4. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. 384 с.
5. Антонова Е.К. Томская губернская сельскохозяйственная перепись 1901 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Томской губернии на рубеже XIX – XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2021. 19 с.
6. Никулин Петр Федорович // Известные ученые : энциклопедия. URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/2976>
7. Профессора Томского университета : биогр. словарь (2003–2012) / авт.-сост. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 6: 2003–2012.
8. Литвинов А.В. Никулин Петр Федорович // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/>
9. Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг. / под ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьева. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. 280 с.

Aleksandr V. Litvinov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinovav77@yandex.ru

Vasily P. Zinovyev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

PROFESSOR PETR FEDOROVICH NIKULIN

Keywords: Tomsk State University, professor P.F. Nikulin

The article is dedicated to the memory of Pyotr Fedorovich Nikulin, professor of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (August 10, 1951, - January 31, 2022). Pyotr Fedorovich's life path is an example of becoming a scientist from a village boy to a professor at one of the leading universities in Russia. He was able, although not completely, to realize his creative potential - a gift from God due to the diligence and perseverance laid down by his parents, Old Believers peasants. His scientific works are a tribute to the memory of the main estate of Russia - the peasantry, who went down in history and created a modern industrial and intellectual country with their labors and destinies. He was engaged in the most difficult part of historical science – source studies, the search for optimal methods of analyzing mass sources - agricultural censuses to determine the level and prospects of development of farms of Siberian peasants. He was not only a student of professors of the Faculty of History of Tomsk University, but also a graduate student of academician, Professor of Moscow State University I.D. Kovalchenko. The main conclusion from the works of P.F. Nikulin – the fact that the farms of Siberian peasants were almost 100% natural, regardless of its scale, is confirmed by calculations. According to P.F. Nikulin, the main way of modernization of the peasant world was cooperation, not farming.

The authors believe that Pyotr Fyodorovich Nikulin left a noticeable mark in the historical Siberian literature.

REFERENCES

1. Nikulin, P.F. (1989) *Vserossiyskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' 1916 goda kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri* [The All-Russian Agricultural Census of 1916 as a source for the study of the peasant economy of Western Siberia]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Nikulin, P.F. (2009) *Vnutrenniy ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX veka* [The internal economic system of the peasant economy of Western Siberia in the early twentieth century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
3. Nikulin, P.F. (2000) *Teoriya i metodika istochnikovedeniya otechestvennoy istorii X – nachala XX vv.* [Theory and methodology of source studies of Russian history of the 10th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic system of the peasant economy in Western Siberia in the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press.
5. Antonova, E.K. (2021) *Tomskaya gubernskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' 1901 g. kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Tomskoy gubernii na rubezhe XIX – XX vv.* [The Tomsk provincial agricultural census of 1901 as a source for studying the peasant economy of the Tomsk province at the turn of 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
6. Ledvanov, M.Yu. & Stukova, N.Yu. (eds) (n.d.) *Izvestnye uchenye: entsiklopediya* [Famous Scientists: An Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://www.famous-scientists.ru/list/2976> (Accessed: 26th February 2015).
7. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V. et al. (2013) *Professora Tomskogo universiteta: biogr. slovar' (2003–2012)* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary (2003–2012)]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
8. Litvinov, A.V. (n.d.) Nikulin Petr Fedorovich. In: Nekrylov, S.A. (ed.) *Elektronnaya entsiklopediya TGU* [The TSU Electronic Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/>
9. Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (eds) (2017) *Istoricheskie issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetский period. 1991–2017 gg.* [Historical research at Tomsk University in the post-Soviet period. 1991–2017]. Tomsk: Tomsk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНОШКО Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и естественно-научных методов Федерального исследовательского центра Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: okanoshko@yandex.ru

БАДМАЕВ Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: badmaevaa@ngs.ru

БЕЛЯНИН Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент профессор кафедры истории, философии и социальных наук факультета фундаментальной подготовки Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово). E-mail: bdn73@list.ru

БЕРЛИНА Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и естественно-научных методов Федерального исследовательского центра Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: svb82@mail.ru

БОЙКО Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbojko@yandex.ru

ВИШНЕВСКИЙ Станислав Олегович, старший преподаватель кафедры социально-исторических наук Новосибирского государственного медицинского университета. E-mail: wishnewskiy@gmail.com

ГАМЕРМАН Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории региональных социально-экономических систем Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Биробиджан). E-mail: egamerman@mail.ru

ЕРМОЛАЕВ Алексей Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: al-ermolaev@yandex.ru

ЖАПАРОВ Амантур Забирдинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, старший преподаватель Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Киргизия). E-mail: amantur.japarov@manas.edu.kg

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КЛИНОВА Марина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург). E-mail: Klinowa.m@yandex.ru

КОЗЛОВ Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, E-mail: kmn_75@mail.ru

КОМЛЕВА Евгения Владиславовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XIX – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: feodal@history.nsc.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и документо-ведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

ЛАРЬКОВ Николай Семёнович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документо-ведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: larkov@mail.tsu.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

ЛИТВИНОВ Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: litvinovav77@yandex.ru

МАРОЧКИН Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: comcon@yandex.ru

МОКЕЕВ Анварбек Мокеевич, доктор исторических наук, профессор, проректор Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Киргизия). E-mail: anvar.mokeyev@manas.edu.kg

НЕПОМНЯЩИЙ Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Симферополь). E-mail: dr.aan@mail.ru

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна, доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (Архангельск). E-mail: annaperm@fciactic.ru

ПЛАЦ Иван Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: ivanplac@yandex.ru

ПЛЕХ Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва). E-mail: plekh@mail.ru

РЫБАКОВ Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dima0183@yandex.ru

СЕМЕНОВА Наталия Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак). E-mail: natalja_leonid@mail.ru

СИЗЕВ Александр Сергеевич, старший инженер лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: asizyov@list.ru

ТЕТУЕВ Алим Инзрелович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик). E-mail: alim-tetuev@mail.ru

ЦЕМБАЛЮК Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии и естественно-научных методов Федерального исследовательского центра Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: svetac80@mail.ru

ШИЛОВСКИЙ Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: awlsome@gmail.com

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета; заведующий сектором Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

ШМАТОВ Михаил Юрьевич, лаборант НОЦ «Наследие», преподаватель Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: shmatov2009@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 75

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 28.02.2022 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 4934. Цена свободная.

Дата выхода в свет 03.03.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru